

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. 19, part 3

Editor-in-chief Evgeny V. Golovko

2023

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том 19, часть 3

Главный редактор Е. В. Головки

2023

УДК 81
ББК 81.2
А 38

Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2023. — Т. 19. Ч. 3. — 642 с.

Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. 2023. — Vol. 19. Pt. 3. — 642 p.

Редактор тематической части выпуска:

И. А. Хомченкова

Ответственные за выпуск от редколлегии:

М. Д. Воейкова, Н. М. Заика, М. Л. Кисилиер,

Г. А. Мольков, А. Ю. Урманчиева

Статьи отбираются редколlegией журнала
на основе анонимного независимого рецензирования

Материалы выпуска доступны в электронном виде по ссылке:

<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

Адрес журнала: 199004, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9,

Институт лингвистических исследований РАН,
редакция журнала «Acta Linguistica Petropolitana.
Труды Института лингвистических исследований»

Телефон: + 7 812 328-16-11

E-mail: acta_linguistica@iling.spb.ru

Сайт: <https://alp.iling.spb.ru/>

Свидетельство Роскомнадзора ПИ № ФС 77-60965 от 05.03.2015

ISSN 2306-5737
DOI 10.30842/alp23065737193

© ИЛИ РАН, 2023
© Составление. Редколлегия
журнала, 2023

РЕДКОЛЛЕГИЯ

член-корр. РАН, д. филол. н. Е. В. Головкин, главный редактор (ИЛИ РАН); д. истор. н. А. К. Байбуринов (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); PhD, Assoc. Prof. A. Varentsen / А. Барентсен (Амстердамский ун-т, Нидерланды); д. истор. н. Ю. Е. Березкин (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Е. Л. Березович (Уральский университет, Екатеринбург); д. филол. н. П. Е. Бухаркин (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Н. Б. Вахтин (Европейский университет в Санкт-Петербурге); д. филол. н. М. Д. Воейкова (ИЛИ РАН); PhD, Prof. L. Grenoble / Л. Гренобль (Ун-т Чикаго, США); к. филол. н. С. Ю. Дмитренко (ИЛИ РАН); д. филол. н., проф. Ф. А. Елоева (ИЛИ РАН); PhD, к. филол. н. Н. М. Заика (ИЛИ РАН, СПбГУ); к. ист. н. А. К. Касаткина (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург); к. филол. н. М. Л. Кисиллер (СПбГУ); член-корр. РАН, д. филол. н. Н. В. Корниенко (Институт мировой литературы РАН, Москва); д. филол. н., проф. Н. Б. Кошкарева (Институт филологии СО РАН, Новосибирск); д. филол. н. М. А. Кронгауз (НИУ ВШЭ, Москва); д. филол. н. Г. А. Мольков (ИЛИ РАН); к. филол. н. М. С. Морозова (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. И. И. Муллонен (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск); член-корр. РАН, д. филол. н. С. А. Мызников (Институт славяноведения РАН); акад. РАН, д. филол. н. С. И. Николаев (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург); д. филол. н., проф. В. И. Подлеская (РГГУ, Москва); д. филол. н. К. И. Поздняков (Национальный институт восточных языков и цивилизаций, Париж, Франция); PhD, Prof. Em. J. Russell / Дж. Рассел (Гарвардский ун-т, Кембридж, США); к. филол. н. Е. А. Руднева, секретарь редколлегии (ИЛИ РАН); д. филол. н. А. Ю. Русаков (ИЛИ РАН); д. филол. н., проф. А. И. Солопов (МГУ); д. филол. н., проф. А. Н. Соболев, заместитель главного редактора (ИЛИ РАН); д. филол. н. С. Г. Татевосов (МГУ); д. филол. н. А. Ю. Урманчиева (ИЛИ РАН); PhD, Prof. A. Ю. Фильченко (Nazarbaev University, Астана, Казахстан); д. истор. н., проф. Д. А. Функ (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва); д. филол. н., проф. В. С. Храковский (ИЛИ РАН); Dr. habil., Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Хельсинкский ун-т, Финляндия)

EDITORIAL BOARD

Evgeny V. Golovko, editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Albert K. Baiburin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences); Adriaan Barentsen (University of Amsterdam); Yuri E. Berezkin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences); Elena L. Berezovich (Ural Federal University); Petr E. Bukharkin (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergey Yu. Dmitrenko (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Fatima A. Eloeva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Andrey Yu. Filchenko (Nazarbaev University, Kazakhstan); Dmitry A. Funk (Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences); Lenore Grenoble (University of Chicago); Juha A. Janhunen (University of Helsinki); Aleksandra K. Kasatkina (HSE University, St. Petersburg); Viktor S. Khrakovsky (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Maxim L. Kisilier (St. Petersburg State University); Natalia V. Kornienko (Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences); Natalia B. Koshkareva (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences); Maksim A. Krongauz (HSE University, Moscow); Georgy A. Molkov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Maria S. Morozova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Irma I. Mullonen (Institute of Linguistics, Literature and History Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences); Sergei A. Myznikov (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei I. Nikolaev (Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences); Vera I. Podlesskaya (Russian State University for the Humanities); Konstantin I. Pozdniakov (INALCO, Paris); Ekaterina A. Rudneva, board secretary (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Rusakov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); James Russell (Harvard University, Cambridge, Mass.); Andrey N. Sobolev, deputy editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Alexei I. Solopov (Moscow State University); Sergei G. Tatevosov (Moscow State University); Anna Yu. Urmanchieva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Nikolai B. Vakhtin (European University at St. Petersburg); Maria D. Voikova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia M. Zaika (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; St. Petersburg State University)

Содержание

Исследования по теории грамматики. Выпуск 9: Параллельный корпус как грамматическая база данных и Новый Завет как параллельный корпус

В. А. Плунгян

Параллельный корпус как грамматическая база данных
и Новый Завет как параллельный корпус (предисловие) . . . 15

К. В. Филатов

Цель перемещения в Евангелии от Луки:
к усовершенствованию процедуры выделения
прототипических контекстов 39

Д. Д. Врубель, Л. И. Паско

К описанию контекстов для граммемы двойственного
числа на материале корпуса переводов Нового Завета 75

И. А. Хомченкова

К описанию контекстов с СМР-квантификацией
в Новом Завете 111

Ю. В. Синицына

Сравнительные конструкции в Новом Завете 150

Д. А. Парамонова

Типология «точечных» контактных локализаций
в уральских и алтайских языках (на материале корпуса
переводов Нового Завета) 197

П. С. Плешак

Маркирование темпоральных именных групп
с семантикой синхронной локализации в мордовских
и марийских языках на материале Нового Завета 234

- Э. К. Кожевникова*
Экзистенциальные предикаты в Новом Завете 285
- В. А. Орлов*
Функции и типы императива в Евангелиях от Луки
и Иоанна 318
- Ю. Н. Кузнецова, А. Д. Подгорная*
К описанию релевантных контекстов
для экспериентивности в Новом Завете 357
- Д. В. Сичинава*
К описанию контекстов плюсквамперфекта
и предбудущего в Новом Завете 392
- А. Б. Панова*
Континуативные контексты в Евангелии от Луки 432
- Н. М. Стойнова*
Исследование категории сопутствующего движения
на материале параллельных текстов Нового Завета:
показатели предшествующего движения vs движения
с целью в тунгусо-маньчжурских языках 468
- О. В. Кузнецова, М. Л. Федотов*
База данных по контекстам с полипредикативными
причинными конструкциями в Новом Завете 525
- М. В. Konoshenko*
Quotatives in Guinean and Liberian Kpelle:
A study of parallel Bible corpora and non-biblical texts 558

Varia

- А. М. Певнов*
Тунгусо-маньчжурские слова и суффиксы
со значением ‘человек’ 587

В. П. Шувалова

Стратегии маркирования объекта в христианском урмийском идиоме села Урмия	611
Этика научных публикаций	634
Publication Ethics	638

Contents

Studies in the theory of grammar, issue 9. The parallel corpus as a grammar database and the New Testament as a parallel corpus

Vladimir A. Plungian

The parallel corpus as a grammar database
and the New Testament as a parallel corpus (Preface) 15

Konstantin V. Filatov

Goal of motion in the Gospel of Luke: Towards amelioration
of the prototypical contexts identification procedure 39

Diana D. Vrubel, Lada I. Pasko

Towards the description of contexts for dual number
on the material of the New Testament translations corpus 75

Irina A. Khomchenkova

On the contexts with CMP-quantification
in the New Testament 111

Julia V. Sinitsyna

Comparative constructions in the New Testament 150

Daria A. Paramonova

A typology of ‘pinpoint’ contact localizations in Uralic
and Altaic languages (based on the corpus of New Testament
translations) 197

Polina S. Pleshak

Nominal temporal adverbials of simultaneous
location in Mordvin and Mari based on the data
from the New Testament 234

<i>Elina K. Kozhevnikova</i>	
Existential predicates in the New Testament	285
<i>Vladislav A. Orlov</i>	
Functions and types of the imperative in the Gospels of Luke and John	318
<i>Yulia N. Kuznetsova, Anastasia D. Podgoraia</i>	
Towards a description of experiential contexts in the New Testament	357
<i>Dmitri V. Sitchinava</i>	
Towards a description of Pluperfect and Future Anterior contexts in the New Testament	392
<i>Anastasia B. Panova</i>	
Continuative contexts in the Gospel of Luke	432
<i>Natalia M. Stoyanova</i>	
Associated motion in parallel translations of the New Testament: Prior motion vs. motion-cum-purpose markers in Tungusic	468
<i>Olga V. Kuznetsova, Maksim L. Fedotov</i>	
A database of contexts with polypredicative reason constructions in the New Testament	525
<i>Maria B. Konoshenko</i>	
Quotatives in Guinean and Liberian Kpelle: A study of parallel Bible corpora and non-biblical texts	558

Varia

<i>Aleksandr M. Pevnov</i>	
Manchu-Tungusic words and suffixes meaning ‘person’	587

Varvara P. Shuvalova

Object marking in the Christian Urmi of the village Urmiya, Russia	611
Publication Ethics (in Russian)	634
Publication Ethics	638

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ТЕОРИИ ГРАММАТИКИ.
ВЫПУСК 9:
ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ КОРПУС
КАК ГРАММАТИЧЕСКАЯ БАЗА
ДАНЫХ И НОВЫЙ ЗАВЕТ КАК
ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ КОРПУС**

**Studies in the theory of grammar, issue 9.
The parallel corpus as a grammar database
and the New Testament as a parallel corpus**

Параллельный корпус как грамматическая база данных и Новый Завет как параллельный корпус (предисловие)

В. А. Плунгян

Институт языкознания РАН (Москва, Россия); plungian@gmail.com;
ORCID: 0000-0002-2393-1399

Аннотация. В настоящем предисловии (которое является одновременно теоретическим введением к последующим статьям) дается общая характеристика проекта подготовки базы данных типологически релевантных грамматических контекстов на основе параллельного корпуса переводов Нового Завета. Также приводится краткий обзор состава и содержания публикуемых далее статей.

Ключевые слова: базы данных, грамматические категории, Новый Завет, параллельные корпуса.

The parallel corpus as a grammar database and the New Testament as a parallel corpus (Preface)

Vladimir A. Plungian

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
plungian@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2393-1399

Abstract. The present foreword, which is also a theoretical introduction to the subsequent contributions, provides a general overview of the project aimed at a database of cross-linguistically relevant grammatical contexts based on a parallel corpus of New Testament translations. In the final part, the reader will find a brief summary of the structure and content of the papers included in this issue.

Keywords: databases, grammatical categories, New Testament, parallel corpora.

... читаю посланья Апостоловъ я,
слова Псалмопѣвца читаю.

А. Ахматова (1915)

1. Введение

Собранные ниже статьи составляют 9-й выпуск серии «Исследования по теории грамматики» и отражают предварительные результаты работы над типологическим проектом, конечной целью которого является создание базы данных универсальных элементов грамматического набора на основе параллельного корпуса переводов Нового Завета. Замысел такого проекта активно обсуждался большинством из участников сборника в ходе нескольких семестровых семинаров (проводившихся в разном составе на ОТиПЛ МГУ и в ШЛ НИУ ВШЭ в течение 2020–2022 гг.), а также в рамках конференции «К построению базы данных универсальных грамматических контекстов на материале параллельного корпуса переводов Нового Завета», прошедшей в Москве 27–28 августа 2021 г. (в конференции также приняли участие сотрудники Института перевода Библии).

В качестве введения к публикуемым статьям мы хотели бы несколько подробнее прокомментировать сам этот замысел, а также охарактеризовать общую структуру и содержание статей, вошедших в настоящий выпуск.

Начнем с главной задачи, на решении которой в той или иной степени сосредоточены все публикуемые материалы: ее можно кратко обозначить как использование корпусных инструментов в качестве эвристики в исследованиях по типологии грамматических категорий. Эта задача имеет два важных аспекта: использование параллельных корпусов в грамматической типологии и использование переводов Нового Завета в качестве параллельного корпуса для лингвистических исследований. Рассмотрим их поочередно.

2. Параллельные корпуса в лингвистической типологии

То, что параллельные корпуса могут быть эффективным средством решения задач, связанных с типологическим описанием языков, было, вообще говоря, очевидно задолго до возникновения современных электронных ресурсов. Собственно, любое сопоставительное исследование так или иначе опиралось на переводы одного текста на различные языки, и тех или иных «предшественников» корпусных методов можно найти очень много. Пожалуй, стоит выделить два параметра, при учете которых такие исследования несколько более заметно сближаются с современным представлением о формате использования корпусных методов.

Во-первых, это использование не просто нескольких языков, как это принято в рамках стандартной «сопоставительной лингвистики», а опора на значительное количество типологически разнородных языков (и, соответственно, отбор таких текстов, которые существуют в переводах на как можно большее число естественных языков). Для типологии — особенно такой типологии, которая стремится к построению сбалансированных выборок и максимально полному охвату языкового разнообразия человечества, — именно этот тип данных подходит в наибольшей степени. Понятно, что подобная постановка задачи сильно сужает набор текстов, пригодных для исследования, что противопоставляет стратегию использования корпусов в лингвистической типологии и в традиционном контрастивном анализе, для которого годится любая языковая пара, состоящая из оригинала и перевода. В современной типологии такой тип корпусных данных обычно называется *massively parallel corpora* [Wälchli, Sölling 2013; Östling 2016]. Использование подобных инструментов сегодня становится всё более частым, хотя пока еще далеко не доминирует в типологическом арсенале; но стоит заметить, что само обсуждение таких возможностей получает совершенно новый импульс именно с появлением современных электронных ресурсов, т. е. приблизительно с начала XXI века [Johansson 2007; Aijmer 2008; Doval, Sánchez Nieto 2019].

Вторая важная особенность использования параллельных корпусов в соответствии с принципами функциональной типологии (важная в том числе и для той задачи, которая решается в статьях настоящего выпуска) — это ориентация на поиск универсальных семантических контекстов, по возможности не зависящих от конкретно-языковых особенностей. Как известно, современная функциональная типология в целом стремится опираться на универсальную семантическую субстанцию, исследуя закономерности выражения «одних и тех же» смыслов средствами различных конкретно-языковых лексических и грамматических систем (программа, намеченная еще в [Wierzbicka 1988]; ср. также [Мельчук 1998] и [Wiltshko 2014]). В грамматической типологии это дает инструменты типа «универсального грамматического набора» и правил «совмещения» (или «кластеризации») универсальных элементов в составе значений полисемичных конкретно-языковых грамматических показателей (подробнее см. [Плунгян 2011: 53–68]; ср. также [Frajzyngier, Mettouchi 2015]); в лексической типологии — правила «совмещения» (или «колексификации») универсальных лексических значений и/или универсальных фреймов ([Koch 2001; Рахилина, Плунгян 2007; François 2008; Кортјевскаја-Тамм et al. 2015; Östling 2016] и др.).

Соответственно, параллельный корпус в такой оптике понимается прежде всего как инструмент обнаружения универсальных контекстов (или фреймов), по-разному выражаемых в разных языках. Его наиболее распространенный конкурент в типологических исследованиях — типологическая **анкета**, в которой те же универсальные контексты задаются исследователем искусственно, обычно с использованием распространенного языка-посредника. Анкета может состоять из коротких предложений-стимулов, предназначенных для перевода на исследуемый язык, или более пространных фрагментов текста; исследуемое явление может быть эксплицитно обозначено средствами языка-стимула или оставлено без перевода — в последнем случае предполагается, что контекст однозначно указывает на нужный смысл [Dahl 1985, 2000]; реже в полевой лингвистике используются невербальные стимулы — изображения или видеоматериалы.

В истории типологических исследований грамматических категорий анкета по понятным причинам предшествовала параллельным корпусам (важную роль в грамматической типологии сыграли анкеты Э. Даля для изучения видовременных систем, разработанные в начале 1980-х гг., а также анкеты, предложенные в исследованиях Петербургской типологической школы с конца 1960-х гг. преимущественно для описания залоговых категорий глагола и позднее распространенные на некоторые значения из аспектуально-таксисной и модальной сферы и ряд других). К достоинствам анкеты относятся возможность точно задать нужный исследователю контекст и возможность непосредственно воздействовать на носителя языка; связанные с этим недостатки анкеты — опасность получить искаженные данные, не отражающие естественно-языковое поведение носителей. Кроме того, анкета хорошо работает в том случае, когда исследователь изначально хотя бы в общих чертах представляет себе то явление, которое он хочет обнаружить; как инструмент эвристического исследования при отсутствии априорных представлений о грамматических особенностях изучаемого языка она не годится.

Напротив, корпусные данные отражают способы вербализации нужного исследователю смысла, созданные говорящими независимо от вмешательства исследователя, и это повышает надежность и достоверность такого материала. Корпусные данные существенно лучше отражают естественное функционирование языковых единиц, хотя следует помнить, что и они отражают его не полностью. Как известно, основные проблемы, связанные с использованием параллельных корпусов, заключаются в качестве присутствующих в них переводов; в целом переводной текст не эквивалентен спонтанно порождаемому тексту, а находится под (более или менее) сильным влиянием текста на языке-оригинале. Поэтому оптимальной является ситуация, когда исследователь может сочетать все доступные методы, используя преимущества каждого из них и нивелируя недостатки [Wälchli 2007; Dahl 2007].

Таким образом, желательная ситуация использования параллельного корпуса для типологических исследований грамматики (будем ниже говорить именно о типологии грамматических значений) предполагает, что это корпус:

- многоязычный (и, по возможности, содержащий типологически сбалансированную выборку языков);
- включающий переводы оригинального текста высокого качества (возможно, несколько переводов одного и того же текста — так называемый **поливариантный** корпус, ср. [Aijmer 2008; Сичинава 2015; Нестеренко 2019] и др.);
- включающий элементы **базы данных** универсальных грамматических значений: в корпусе имеется дополнительная разметка контекстов, в которых целесообразно ожидать появления показателей тех или иных грамматических значений (если в данном языке соответствующее значение грамматикализовано).

Последний пункт наименее тривиален: фактически он означает, что для эффективного использования параллельного корпуса в исследованиях по грамматической типологии необходима специальная и достаточно трудоемкая разметка этого корпуса, т. е. предварительный анализ и обработка всех входящих в него текстов, с указанием, например, прототипических контекстов для выражения различных значений детерминации, дейксиса, числа, основных семантических ролей аргументов, аспекта, времени, модальности, эвиденциальности, отрицания, вопроса и т. д. и т. п. В полном объеме такой разметки не только не было до сих пор сделано, но и задачи такой, насколько нам известно, по отношению к существующим параллельным корпусам не ставилось. Именно поэтому начальным стимулом для наших исследований было стремление получить хотя бы предварительный ответ на вопрос, насколько такая разметка вообще возможна, и реалистично ли построить базу данных с контекстами хотя бы для некоторых участков универсального грамматического набора. (Скажем сразу, немного забегаая вперед: мы считаем, что на этот вопрос был получен положительный ответ, и публикуемые статьи отчасти служат этому подтверждением.)

Несмотря на отмеченные выше недостатки и ограничения, эффективность использования параллельных корпусов была осознана исследователями достаточно давно, по крайней мере еще

в докомпьютерную эпоху. Не претендуя на исчерпывающий обзор, отметим здесь два ранних опыта такого рода, принадлежащих к различным лингвистическим школам, в которых предлагались идеи, весьма близкие представленным в настоящем выпуске.

Один из самых ранних известных нам опытов продуктивного использования параллельного корпуса для типологического исследования семантики грамматической категории — это работа по «функциональной типологии перфекта» воронежского лингвиста Вячеслава Борисовича Кашкина (1955–2014), написанная под руководством Ю. С. Маслова ([Кашкин 1991]; в дальнейшем В. Б. Кашкин развивал этот опыт и в ряде других исследований) и посвященная сопоставительному анализу категории перфекта в европейских языках¹. В качестве источника материала были взяты прозаические тексты русских классиков в переводе на основные европейские языки (романские и германские); задача тем более примечательная, что в русском языке грамматической категории перфекта, как известно, нет. Исходной единицей анализа служила так называемая «перфектная ситуация», т. е. контекст, семантически способствующий употреблению перфекта в тех языках, где он является грамматикализованным. Тем самым эта работа оказалась существенно смещена от традиционного контрастивного анализа («от формы к форме») к типологическому исследованию способов выражения некоторого универсального значения («от смысла к формам»); именно в этом аспекте следует понимать слова «функциональная типология» в названии работы. Учитывая, что исследование проводилось на материале параллельного корпуса художественных текстов, есть все основания считать его одним из первых примеров применения параллельных корпусов как инструмента работы с универсальными грамматическими элементами для решения типологических задач.

¹ Близкие по постановке задачи, но более масштабные исследования были выполнены современными типологами лишь примерно через четверть века [Сичинава 2016; Dahl 2014, 2022] и проводились уже на материале «настоящих» электронных параллельных корпусов; следует отметить, что они подтвердили справедливость многих наблюдений, сделанных в ранней работе В. Б. Кашкина.

Другая, гораздо более известная ранняя попытка использования корпусных инструментов в типологии *avant la lettre* — это монография [Haspelmath 1997]. Узкая задача этой работы — проверка утверждения об универсальном характере пространственно-временной полисемии; для решения этой задачи автор выделяет элементарные наборы универсальных пространственных и временных значений и исследует способы выражения этих значений в большом количестве языков мира с помощью специально подобранных контекстов, взятых из параллельных переводов одного исходного текста. Крайне важно, что в качестве основного материала для такого сравнения автору служат тексты Нового Завета — и в этом он оказывается прямым предшественником настоящего проекта. Выбор именно этих текстов, в принципе, достаточно очевиден для масштабной типологической задачи (хотя, как мы увидим ниже, встречались и другие решения), но к подробному обсуждению мотивов такого выбора мы обратимся в следующем разделе.

Конечно, с появлением электронных корпусов (в том числе и представительных коллекций параллельных текстов) количество типологических исследований с их применением начинает расти, но число работ, удовлетворяющих всем приведенным выше критериям (многоязычные параллельные корпуса с элементами типологической разметки) по-прежнему остается невелико² — как и не наблюдается большого числа попыток создать сами такие параллельные корпуса, с которыми типологу было бы удобно работать. До сих пор в этом направлении имеется всего несколько значимых опытов (обзор их см., например, в [Aijmer 2008; Āermák, Rosen 2012] и [Нестеренко 2019]: ведь далеко не всякое сопоставительное исследование двух или нескольких языков, даже выполненное с использованием параллельного корпуса, оказывается значимым вкладом в грамматическую типологию как таковую. В этом отношении этапной является публикация [Cysouw, Wälchli (eds.) 2007]: этот специальный выпуск журнала *Language Typology and Universals* целиком посвящен

² Из серьезных попыток такого рода стоит упомянуть, например, работы [Wälchli 2010] или [Bogaards 2022]; о других исследованиях см. также ниже.

проблеме использования параллельных корпусов именно для масштабных теоретических исследований функционирования грамматических категорий в языках мира. Существенно, что целый ряд статей в этом выпуске посвящен использованию параллельных корпусов на основе переводов Библии, и мы коснемся этих работ ниже. По-видимому, появление данной публикации и можно считать начальной точкой возникновения корпусной грамматической типологии как отдельной дисциплины со своими задачами и своим специфическим набором инструментов и методов.

3. Новый Завет как параллельный корпус

Естественный вопрос, возникающий непосредственно вслед за осознанием необходимости использования параллельных корпусов для исследования типологии грамматических значений — это вопрос о выборе наиболее подходящей для этой цели коллекции параллельных текстов. Возможности выбора, однако, здесь совсем невелики: типологам требуется такой текст, который был бы удовлетворительным образом переведен на очень большое число разнородных языков, в том числе и на такие, по которым затруднительно найти какие-либо иные данные. Таких текстов практически нет. Наиболее переводимые в мире тексты — такие, как тексты известных политиков или популярные художественные произведения европейских авторов (будь то Агата Кристи, Жюль Верн, Антуан де Сент-Экзюпери, Джоан Роулинг и т. п.) — переводятся всё же в основном на крупные языки, имеющие развитую издательскую инфраструктуру; их почти не переводят на малые языки с ограниченными сферами применения и тем более не переводят по понятным причинам на бесписьменные языки; между тем именно языки последних двух групп в наибольшей степени интересуют типологов. Единственный текст, который хотя бы немного приближается по своим свойствам к этим критериям — это, как легко видеть, текст Библии (и даже, если быть более точным, то именно Нового Завета).

Действительно, Новый Завет не имеет равных по количеству языков, на которые он был переведен, далеко опережая все остальные произведения: по данным Всемирного альянса им. Уиклифа (<https://www.wycliffe.net/resources/scripture-access-statistics>), к 2019 году Новый Завет был переведен на 2246 языков полностью и еще на 1138 — частично (итого 3384 языка, что составляет примерно половину от имеющихся в настоящее время на Земле живых языков³); более того — перевод Библии осознается как насущная миссионерская задача во многих христианских деноминациях, и эта деятельность активно продолжается (в том числе силами таких организаций, как Институт перевода Библии, Летний лингвистический институт, и рядом других). Переводы Библии свободно распространяются и доступны в интернете; несмотря на то, что в настоящее время не существует удобного специализированного ресурса по использованию параллельных переводов Нового Завета именно для типологических исследований языков⁴, использовать эти тексты для пилотных исследований достаточно легко — тем более легко, что эти тексты изначально предстают как уже «выровненные» (Новый Завет разделен на главы, главы — на пронумерованные стихи, и переводчики обычно сохраняют эту структуру). Греческая лексика Нового Завета хорошо изучена, и для работы с лексическими единицами существует так называемый конкорданс Стронга, облегчающий многие виды поиска [Cysouw et al. 2007]. Грамматические значения (тем более элементы универсального грамматического набора) пока таким образом

³ В отличие от подавляющего большинства других текстов, Библия стала переводиться уже в начале I тысячелетия н. э., и имеются ее переводы на мертвые языки — в том числе и на такие, для которых это сегодня практически единственный или основной письменный источник, дающий возможность их изучения (готский, старославянский, коптский).

⁴ Необходимость создания специального ресурса на основе переводов Библии для лингвистических исследований давно и широко обсуждалась (ср. [de Vries 2007; Christodouloupoulos, Steedman 2015] и др.), но, насколько нам известно, в открытом доступе на сегодняшний день такого инструмента нет; ряд коллективов (в том числе группа исследователей из НИУ ВШЭ совместно с ИПБ) ведут работу по его созданию.

не размечены, и это задача для будущих исследований. Именно подступы к ее решению и возможные варианты такой разметки и обсуждаются в статьях данного выпуска.

Идея использования переводов Библии для изучения языков сама по себе далеко не новая: как кажется, одной из первых попыток такого рода в европейской науке был *Synopsis universae philologiae* Готфрида Хензеля (1741), в котором на основе переводов «Отче наш» на все известные в то время языки была составлена языковая карта мира и приводились (соответствующие уровню знаний XVIII века) рассуждения о классификации языков человечества. В современной типологии, помимо уже указанной работы М. Хаспельмата, можно отметить такие исследования, как [Барентсен 2008; Wälchli, Cysouw 2012; Wälchli, Sölling 2013; Dahl 2014, 2022] и др. Отдельно следует отметить проект по созданию корпуса PROIEL [Eckhoff, Naug 2009; Naug et al. 2009], в котором предлагается тщательно выполненная морфосинтаксическая разметка древних переводов Нового Завета (об их важности для лингвистических исследований уже говорилось выше).

Разумеется, типологи активно используют и другие виды параллельных корпусов: при ограничении рамок исследования, например, только европейскими языками возможности здесь существенно расширяются. Есть опыты использования популярных художественных произведений (помимо упомянутой в самом начале работы В. Б. Кашкина, ср. например, [van der Auwera et al. 2005] или [Stolz 2007]; коллекции параллельных текстов А. Барентсена и Т. Штольца в этой области наиболее известны); существуют типологические работы, написанные на материале таких относительно больших и в то же время легко доступных коллекций, как корпус документов Европарламента [de Swart et al. 2022] или субтитры к фильмам [Levshina 2015]. Всё это популярные в корпусной лингвистике форматы, но для массовых типологических исследований по перечисленным выше причинам Новый Завет в переводах на современные языки остается практически единственным вариантом. Заметим, что это и в принципе хорошо подходящий для сравнительных исследований грамматики текст: он достаточно большой по объему и разнообразный по содержанию,

в нем встречаются как образцы диалогов (в которых взаимодействуют люди разного возраста, пола и социального статуса), так и классические нарративные фрагменты с чередованием основной линии повествования и комментариев; в тексте описываются как наблюдаемые говорящими события, так и те, о которых им известно не из личного опыта: существовавшие в прошлом, возможные в будущем, а также воображаемые или ирреальные. Всё это может быть важно для описания базовых грамматических категорий языков мира.

4. О настоящем выпуске

Как уже было сказано, в настоящем выпуске собраны статьи, нацеленные на решение следующих задач: на основе некоторой базовой коллекции текстов параллельных переводов Нового Завета (о ее структуре см. ниже) выявить прототипические контексты, в которых наиболее вероятно появление показателей, выражающих определенные элементы универсального грамматического набора. Иными словами, если исследователь захочет выяснить, выражается ли в изучаемом им языке *L* грамматическое значение *M*, то ему будет предложен набор контекстов Нового Завета, где появление данного значения в переводах на *L* высоко вероятно. В идеале тексты Нового Завета могли бы быть размечены таким образом максимально полно, с учетом всех поддающихся контекстной фиксации универсальных грамматических элементов⁵. Но эта задача, разумеется, существует только как очень далекий конечный этап в построении будущей базы

⁵ Очевидным образом, не все существующие в языках мира грамматические категории имеет смысл обнаруживать таким образом; так, вряд ли возможно предложить прототипические контексты для описания согласовательных категорий или, например, категорий, связанных с выражением залоговых отношений. Наилучшим образом фиксируются так называемые «ингерентные» (или «семантически наполненные») категории, модифицирующие прототипические имена и глаголы (число, детерминация, посессивность, аспект, отрицание и т. п.).

данных, а в представленных ниже статьях лишь обсуждаются возможные подходы к ее решению и, что важно, предлагаются наборы диагностических контекстов для отдельных универсальных элементов. Как правило, в статьях тестируются как эвристические процедуры обнаружения определенного значения, так и предварительные результаты классификации полученных контекстов.

Чтобы читатель лучше представлял себе, что мы имеем в виду, когда говорим о прототипических контекстах для обнаружения универсальных грамматических значений, приведем один достаточно простой пример. Возьмем отрывок из Лк. 2:41 в древнегреческом оригинале и для наглядности в латинском, испанском, английском (New King James Version) и русском Синодальном переводах:

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

- (1) а. Καὶ ἐπορεύοντο οἱ γονεῖς αὐτοῦ κατ' ἔτος εἰς Ἱερουσαλὴμ τῇ ἐορτῇ τοῦ πάσχα.

Kai eporeuonto hoi goneis autou
и идти.IPF.3PL DEF.M.PL родитель.NOM.PL 3SG.M.GEN
kat' etos eis Ierusalēm tē
каждый год.ACC.SG к Иерусалим.ACC.SG DEF.F.SG.DAT
heortē tou pascha.
праздник.DAT.SG DEF.N.SG.GEN Пасха.GEN.SG

ЛАТИНСКИЙ

- б. Et ibant parentes eius per omnes
и идти.IPF.3PL родитель.PL тот.GEN.SG через весь.M.PL.ACC
annos in Ierusalem in die
год.PL.ACC в Иерусалим.ACC в день.ABL.SG
festo Paschae.
праздник.ABL.SG Пасха.GEN.SG

ИСПАНСКИЙ

- в. Iban sus padres todos los años
идти.IPF.3PL POSS.3PL родитель.PL весь.M.PL DEF.M.PL год.PL
a Jerusalén en la fiesta de la Pascua.
в Иерусалим в DEF.F.SG праздник GEN DEF.F.SG Пасха

АНГЛИЙСКИЙ

- г. His parents went to Jerusalem every year at the Feast of the Passover.

‘Каждый год родители Его ходили в Иерусалим на праздник Пасхи’. [Лк. 2:41]

Этот отрывок представляет собой простое предложение с единственной предикативной вершиной, а также субъектной и тремя обстоятельственными синтагмами. Обстоятельственные группы реализуют распространенные типы временных (‘период, включающий регулярно совершаемое повторяющееся действие’) и пространственных значений (‘цель движения’); группа субъекта представляет собой участника из двух лиц (с выраженным эксплицитно посессивным отношением родства). Наконец, предикативная вершина описывает регулярно повторяющееся в прошлом событие. Всё это очень яркие и однозначные контексты для поиска таких граммем, как, например, двойственное число, неотчуждаемая принадлежность, цель движения, хабитуальность в прошлом и т. п. Как можно видеть, в приведенных примерах переводов некоторые из этих значений действительно грамматикализованы: в древнегреческом и романских языках глагол употреблен в форме имперфекта (для которого хабитуальность — одно из основных значений, как и для английского Past Simple), и т. п.

Именно такие «прозрачные» и однозначные контексты предлагалось обнаружить участникам проекта для выбранных ими категорий. Для исследования была создана несложная инфраструктура, состоящая из пронумерованных стихов и глав Нового Завета (главным образом использовались четыре Евангелия, Послания в корпус не включались, Откровение и Деяния привлекались лишь избирательно). Тексты привлекались в древнегреческом оригинале и в переводе на перечисленные выше четыре языка (латинский, русский, испанский, английский); это была так называемая базовая выборка. Ее состав продиктован скорее прагматическими соображениями: это наиболее распространенные переводы (с которых в новейшее время делались переводы на многие другие языки); при этом представленные языки по своим морфосинтаксическим свойствам достаточно

разнообразны и обеспечивают возможность с неплохим приближением очертить круг релевантных контекстов для более масштабного типологического исследования (в некоторых случаях контуры такого исследования намечаются уже в самой статье).

Выделенные контексты анализировались и подвергались классификации (например, исследователь, изучающий хабитуальность, мог выделить контексты для разных типов хабитуальных ситуаций, в каких-то языках формально противопоставленных). К обязательному набору базовых языков мог добавляться какой-то язык по выбору исследователя, где интересующее его явление специально представлено или выражено каким-то более сложным образом (например, для изучения контекстов двойственного числа естественным решением было бы добавление словенского). Но основным итогом публикуемых исследований считались именно списки диагностических контекстов с их классификацией.

На наш взгляд, представленные в этом выпуске статьи, при всей их разнородности и предварительном характере полученных результатов, убедительно демонстрируют плодотворность такого подхода к параллельным текстам; их можно рассматривать как своего рода задел для создания полноценной базы данных для типологического исследования грамматики.

Как можно заметить, в подборке примерно в равном количестве присутствуют работы, посвященные именным и глагольным категориям. Из именных категорий анализируются контексты для странственной роли латива (К. В. Филатов) и ситуаций контактной локализации (Д. А. Парамонова), двойственного числа (Д. Д. Врубель и Л. И. Паско), показателей универсальной квантификации (И. А. Хомченкова), темпоральных обстоятельств (П. С. Плешак), значений компаратива и экватива (Ю. В. Сеницына). Из глагольных категорий анализируются контексты для экспериментивного значения (Ю. Н. Кузнецова и А. Д. Подгорная), императива (В. А. Орлов), континуатива (А. Б. Панова), плюсквамперфекта (Д. В. Сичинава), сопутствующего движения (Н. М. Стойнова), цитатива (М. Б. Коношенко). Несколько особняком стоят работы, анализирующие контексты для экзистенциальных предикатов (Э. К. Кожевникова) и причинных

конструкций (М. Л. Федотов, О. В. Кузнецова), привлекающие как именной, так и глагольный материал. В большинстве статей данные базовых языков используются в полном объеме, но у ряда авторов предпочтение отдается собственной выборке (как в статьях Д. А. Парамоновой, П. С. Плешак, Д. В. Сичиной, А. Б. Пановой, Н. М. Стойновой, М. Л. Федотова и О. В. Кузнецовой, М. Б. Коношенко). Разнообразие представленного материала как раз и призвано убедить читателя в возможности осуществления намеченного нами проекта в более полном объеме. Можно надеяться, что такая работа — дело ближайшего будущего.

Список условных сокращений

3 — 3-е лицо; AVL — аблатив; ACC — аккузатив; DAT — датив; DEF — определенность; F — женский род; GEN — генитив; IPF — имперфект; M — мужской род; N — средний род; NOM — номинатив; PL — множественное число; POSS — посесивность; SG — единственное число.

Литература

- Барентсен 2008 — А. Барентсен. О конструкциях при глаголах восприятия в различных европейских языках (на основе переводов Нового Завета) // E. de Haard, W. Honselaar, J. Stelleman (eds.). *Literature and Beyond: Festschrift for Willem G. Weststeijn on the Occasion of his 65th Birthday*. Vol. 1. Amsterdam: Pegasus, 2008. P. 103–134.
- Кашкин 1991 — В. Б. Кашкин. Функциональная типология перфекта. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991.
- Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. II. Часть вторая: Морфологические значения / Пер. с франц. М.; Вена: Языки русской культуры; Wiener Slawistischer Almanach, 1998.
- Нестеренко 2019 — Л. В. Нестеренко. Мультиязычные параллельные корпуса: новый источник данных для типологических исследований, перспективы использования и проблемы // *Вопросы языкознания*. 2019. № 2. С. 111–125. DOI: 10.31857/S0373658X0004308-7.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

- Рахилина, Плунгян 2007 — Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян. О лексико-семантической типологии // Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007. С. 9–26.
- Сичинава 2015 — Д. В. Сичинава. Параллельные тексты в составе Национального корпуса русского языка: новые направления развития и результаты // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. Вып. 6. № 3. С. 194–235.
- Сичинава 2016 — Д. В. Сичинава. Европейский перфект сквозь призму параллельного корпуса // Acta Linguistica Petropolitana. 2016. Т. XII. Ч. 2. С. 85–114.
- Aijmer 2008 — K. Aijmer. Parallel and comparable corpora // A. Lüdeling, M. Kytö (eds.). Corpus Linguistics: An International Handbook. Vol. I. Berlin: De Gruyter Mouton, 2008. P. 275–291.
- Bogaards 2022 — M. Bogaards. The discovery of aspect: A heuristic parallel corpus study of ingressive, continuative and resumptive viewpoint aspect // Languages. 2022. Vol. 7. № 3. P. 158. DOI: 10.3390/languages7030158.
- Čermák, Rosen 2012 — F. Čermák, A. Rosen. The case of InterCorp, a multilingual parallel corpus // International Journal of Corpus Linguistics. 2012. Vol. 13. № 3. P. 411–427. DOI: 10.1075/ijcl.17.3.05cer.
- Christodouloupoulos, Steedman 2015 — Ch. Christodouloupoulos, M. Steedman. A massively parallel corpus: the Bible in 100 languages // Language Resources and Evaluation. 2015. Vol. 49. № 2. P. 375–395. DOI: 10.1007/s10579-014-9287-y.
- Cysouw et al. 2007 — M. Cysouw, Ch. Biemann, M. Ongyerth. Using Strong's Numbers in the Bible to test an automatic alignment of parallel texts // STUF — Language Typology and Universals. 2007. Vol. 60. № 2. P. 158–171. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.158.
- Cysouw, Wälchli (eds.) 2007 — M. Cysouw, B. Wälchli (eds.). Parallel Texts: Using Translational Equivalents in Linguistic Typology. Theme issue in STUF — Language Typology and Universals. 2007. Vol. 60. № 2.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell, 1985.
- Dahl 2007 — Ö. Dahl. From questionnaires to parallel corpora in typology // STUF — Language Typology and Universals. 2007. Vol. 60. № 2. P. 172–181. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.172.
- Dahl 2014 — Ö. Dahl. The perfect map: Investigating the cross-linguistic distribution of TAME categories in a parallel corpus // B. Szmrecsanyi, B. Wälchli (eds.). Aggregating Dialectology and Typology: Linguistic Variation in Text and Speech, within and across Languages. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. P. 268–289. DOI: 10.1515/9783110317558.268.
- Dahl 2022 — Ö. Dahl. Perfects Across Languages // Annual Review of Linguistics. 2022. Vol. 8. № 1. P. 279–297. DOI: 10.1146/annurev-linguistics-031120-123428.

- Dahl (ed.) 2000 — Ö. Dahl. (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. DOI: 10.1080/03325860120702.
- de Swart et al. 2022 — H. de Swart, J. Tellings, B. Wälchli. *Not ... until* across European languages: A parallel corpus study // *Languages*. 2022. Vol. 7. № 1. P. 56. DOI: 10.3390/languages7010056.
- de Vries 2007 — L. de Vries. Some remarks on the use of Bible translations as parallel texts in linguistic research // *STUF — Language Typology and Universals*. 2007. Vol. 60. № 2. P. 148–157. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.148.
- Doval, Sánchez Nieto (eds.) 2019 — I. Doval, M. T. Sánchez Nieto (eds.). *Parallel corpora for contrastive and translation studies: new resources and applications*. Amsterdam: John Benjamins, 2019. DOI: doi.org/10.1075/scl.90.
- Eckhoff, Haug 2009 — H. M. Eckhoff, D. T. Haug. Aligning Syntax in Early New Testament Texts: the PROIEL Corpus // B. Hansen, J. Grković-Major (eds.). *Diachronic Slavonic Syntax: Gradual Changes in Focus*. München: Sagner, 2009. P. 41–52.
- Frajzyngier, Mettouchi 2015 — Z. Frajzyngier, A. Mettouchi. Functional domains and cross-linguistic comparability // A. Mettouchi, M. Vanhove, D. Caubet (eds.). *Corpus-based Studies of Lesser-described Languages: The CorpAfroAs corpus of spoken AfroAsiatic languages*. Amsterdam: John Benjamins, 2015. P. 257–279. DOI: 10.1075/scl.68.08fra.
- François 2018 — A. François. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages // M. Vanhove (ed.). *From Polysemy to Semantic Change: Towards a Typology of Lexical Semantic Associations*. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 163–215. DOI: 10.1075/scls.106.09fra.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *From space to time: temporal adverbials in the world's languages*. München: LINCOM Europa, 1997.
- Haug et al. 2009 — D. T. Haug, M. L. Jøhndal, H. M. Eckhoff, E. Welo, M. J. B. Hertenzenberg, A. Müth. Computational and linguistic issues in designing a syntactically annotated parallel corpus of Indo-European languages // *Traitement Automatique des Langues*. 2009. Vol. 50. № 2. P. 17–45.
- Johansson 2007 — S. Johansson. *Seeing through Multilingual Corpora: On the use of corpora in contrastive studies*. Amsterdam: John Benjamins, 2007. DOI: 10.1075/scl.26.
- Koch 2001 — P. Koch. Lexical typology from a cognitive and linguistic point of view // M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). *Language Typology and Language Universals*. Vol. 2. Berlin: Walter de Gruyter, 2001. P. 1143–1175. DOI: 10.15496/publikation-19017.
- Koptjevskaja-Tamm et al. 2015 — M. Koptjevskaja-Tamm, E. Rakhilina, M. Vanhove. The semantics of lexical typology // N. Riemer (ed.). *The Routledge Handbook of Semantics*. London: Routledge, 2015. P. 434–454. DOI: 10.4324/9781315685533.

- Levshina 2015 — N. Levshina. European analytic causatives as a comparative concept: Evidence from a parallel corpus of film subtitles // *Folia Linguistica*. 2015. Vol. 49. № 2. P. 487–520. DOI: 10.1515/flin-2015-0017.
- Östling 2016 — R. Östling. Studying colexification through massively parallel corpora // P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). *The Lexical Typology of Semantic Shifts*. Berlin: De Gruyter, 2016. P. 157–176. DOI: 10.1515/9783110377675-006.
- Stolz 2007 — T. Stolz. *Harry Potter meets Le petit prince* — On the usefulness of parallel corpora in crosslinguistic investigations // *STUF — Language Typology and Universals*. 2007. Vol. 60. № 2. P. 100–117. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.100.
- van der Auwera et al. 2005 — J. van der Auwera, E. Schalley, J. Nuyts. Epistemic possibility in a Slavonic parallel corpus — a pilot study // B. Hansen, P. Karlik (eds.). *Modality in Slavonic languages: new perspectives*. München: Sagner, 2005. P. 201–218.
- Wälchli 2007 — B. Wälchli. Advantages and disadvantages of using parallel texts in typological investigations // *STUF — Language Typology and Universals*. 2007. Vol. 60. № 2. P. 118–134. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.118.
- Wälchli 2010 — B. Wälchli. Similarity Semantics and Building Probabilistic Semantic Maps from Parallel Texts // *Linguistic Discovery*. 2010. Vol. 8. № 1. P. 331–371. DOI: 10.1349/PS1.1537-0852.A.356.
- Wälchli, Cysouw 2012 — B. Wälchli, M. Cysouw. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs // *Linguistics*. 2012. Vol. 50. № 3. P. 671–710. DOI: 10.1515/ling-2012-0021.
- Wälchli, Sölling 2013 — B. Wälchli, A. Sölling. The encoding of motion events: Building typology bottom-up from text data in many languages // J. Goschler, A. Stefanowitsch (eds.). *Variation and Change in the Encoding of Motion Events*. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 77–113. DOI: 10.1075/hcp.41.04w228l.
- Wierzbicka 1988 — A. Wierzbicka. *The semantics of grammar*. Amsterdam: John Benjamins, 1988.
- Wiltschko 2014 — M. Wiltschko. *The universal structure of categories: towards a formal typology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. DOI: 10.1017/CBO9781139833899.

References

- Aijmer 2008 — K. Aijmer. Parallel and comparable corpora. A. Lüdeling, M. Kytö (eds.). *Corpus Linguistics: An International Handbook. Vol. I*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2008. P. 275–291.

- Barentsen 2008 — A. Barentsen. O konstruksiyakh pri glagolakh vospriyatiya v razlichnykh yevropeyskikh yazykakh (na osnove perevodov Novogo Zaveta) [On constructions with verbs of perception in various European languages (based on translations of the New Testament)]. E. de Haard, W. Honselaar, J. Stelleman (eds.). *Literature and Beyond: Festschrift for Willem G. Weststeijn on the Occasion of his 65th Birthday. Vol. 1*. Amsterdam: Pegasus, 2008. P. 103–134.
- Bogaards 2022 — M. Bogaards. The discovery of aspect: A heuristic parallel corpus study of ingressive, continuative and resumptive viewpoint aspect. *Languages*. 2022. Vol. 7. No. 3. P. 158. DOI: 10.3390/languages7030158.
- Čermák, Rosen 2012 — F. Čermák, A. Rosen. The case of InterCorp, a multilingual parallel corpus. *International Journal of Corpus Linguistics*. 2012. Vol. 13. No. 3. P. 411–427. DOI: 10.1075/ijcl.17.3.05cer.
- Christodouloupoulos, Steedman 2015 — Ch. Christodouloupoulos, M. Steedman. A massively parallel corpus: the Bible in 100 languages. *Language Resources and Evaluation*. 2015. Vol. 49. No. 2. P. 375–395. DOI: 10.1007/s10579-014-9287-y.
- Cysouw et al. 2007 — M. Cysouw, Ch. Biemann, M. Ongyerth. Using Strong’s Numbers in the Bible to test an automatic alignment of parallel texts. *STUF — Language Typology and Universals*. 2007. Vol. 60. No. 2. P. 158–171. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.158.
- Cysouw, Wälchli (eds.) 2007 — M. Cysouw, B. Wälchli (eds.). *Parallel Texts: Using Translational Equivalents in Linguistic Typology*. Theme issue in STUF — Language Typology and Universals. 2007. Vol. 60. No. 2.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Dahl 2007 — Ö. Dahl. From questionnaires to parallel corpora in typology. *STUF — Language Typology and Universals*. 2007. Vol. 60. No. 2. P. 172–181. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.172.
- Dahl 2014 — Ö. Dahl. The perfect map: Investigating the cross-linguistic distribution of TAME categories in a parallel corpus. B. Szmrecsanyi, B. Wälchli (eds.). *Aggregating Dialectology and Typology: Linguistic Variation in Text and Speech, within and across Languages*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. P. 268–289. DOI: 10.1515/9783110317558.268.
- Dahl 2022 — Ö. Dahl. Perfects Across Languages. *Annual Review of Linguistics*. 2022. Vol. 8. No. 1. P. 279–297. DOI: 10.1146/annurev-linguistics-031120-123428.
- Dahl (ed.) 2000 — Ö. Dahl. (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. DOI: 10.1080/03325860120702.
- de Swart et al. 2022 — H. de Swart, J. Tellings, B. Wälchli. *Not ... until* across European languages: A parallel corpus study. *Languages*. 2022. Vol. 7. No. 1. P. 56. DOI: 10.3390/languages7010056.

- de Vries 2007 — L. de Vries. Some remarks on the use of Bible translations as parallel texts in linguistic research. *STUF — Language Typology and Universals*. 2007. Vol. 60. No. 2. P. 148–157. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.148.
- Doval, Sánchez Nieto (eds.) 2019 — I. Doval, M. T. Sánchez Nieto (eds.). *Parallel corpora for contrastive and translation studies: new resources and applications*. Amsterdam: John Benjamins, 2019. DOI: doi.org/10.1075/scl.90.
- Eckhoff, Haug 2009 — H. M. Eckhoff, D. T. Haug. Aligning Syntax in Early New Testament Texts: the PROIEL Corpus. B. Hansen, J. Grković-Major (eds.). *Diachronic Slavonic Syntax: Gradual Changes in Focus*. München: Sagner, 2009. P. 41–52.
- Frajzyngier, Mettouchi 2015 — Z. Frajzyngier, A. Mettouchi. Functional domains and cross-linguistic comparability. A. Mettouchi, M. Vanhove, D. Caubet (eds.). *Corpus-based Studies of Lesser-described Languages: The CorpAfroAs corpus of spoken AfroAsiatic languages*. Amsterdam: John Benjamins, 2015. P. 257–279. DOI: 10.1075/scl.68.08fra.
- François 2018 — A. François. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages. M. Vanhove (ed.). *From Polysemy to Semantic Change: Towards a Typology of Lexical Semantic Associations*. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 163–215. DOI: 10.1075/sles.106.09fra.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *From space to time: temporal adverbials in the world's languages*. München: LINCOM Europa, 1997.
- Haug et al. 2009 — D. T. Haug, M. L. Jøhndal, H. M. Eckhoff, E. Welo, M. J. B. Hertenzenberg, A. Muth. Computational and linguistic issues in designing a syntactically annotated parallel corpus of Indo-European languages. *Traitement Automatique des Langues*. 2009. Vol. 50. No. 2. P. 17–45.
- Johansson 2007 — S. Johansson. *Seeing through Multilingual Corpora: On the use of corpora in contrastive studies*. Amsterdam: John Benjamins, 2007. DOI: 10.1075/scl.26.
- Kashkin 1991 — V. B. Kashkin. *Funktsionalnaya tipologiya perfekta* [Functional typology of the perfect]. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 1991.
- Koch 2001 — P. Koch. Lexical typology from a cognitive and linguistic point of view. M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). *Language Typology and Language Universals. Vol. 2*. Berlin: Walter de Gruyter, 2001. P. 1143–1175. DOI: 10.15496/publikation-19017.
- Koptjevskaja-Tamm et al. 2015 — M. Koptjevskaja-Tamm, E. Rakhilina, M. Vanhove. The semantics of lexical typology. N. Riemer (ed.). *The Routledge Handbook of Semantics*. London: Routledge, 2015. P. 434–454. DOI: 10.4324/9781315685533.
- Levshina 2015 — N. Levshina. European analytic causatives as a comparative concept: Evidence from a parallel corpus of film subtitles. *Folia Linguistica*. 2015. Vol. 49. No. 2. P. 487–520. DOI: 10.1515/flin-2015-0017.

- Melchuk 1998 — I. A. Melchuk. *Kurs obshchey morfologii. Tom II. Chast vtoraya: Morfologicheskije znachenija* [A course of general morphology. Vol. II. Pt. 2: Morphological meanings] / Translated from French. Moscow; Vienna: Yazyki russkoy kultury; Wiyener Slawistischer Almanach, 1998.
- Nesterenko 2019 — L. V. Nesterenko. Multiyazychnyye parallelnyye korpusa: novyy istochnik dannykh dlya tipologicheskikh issledovaniy, perspektivy ispolzovaniya i problem [Multilingual parallel corpora: an alternative source of language data for typological studies, applying perspectives and problems]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2019. No. 2. P. 111–125. DOI: 10.31857/S0373658X0004308-7.
- Östling 2016 — R. Östling. Studying colexification through massively parallel corpora. P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). *The Lexical Typology of Semantic Shifts*. Berlin: De Gruyter, 2016. P. 157–176. DOI: 10.1515/9783110377675-006.
- Plungian 2011 — V. A. Plungian. *Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskije znacheniya i grammaticheskije sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of languages of the world]. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2011.
- Rakhilina, Plungian 2007 — E. V. Rakhilina, V. A. Plungian. O leksiko-semanticheskoy tipologii [On lexical-semantic typology]. T. A. Maisak, E. V. Rakhilina (eds.). *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya* [Verbs of motion in water: lexical typology]. Moscow: Indrik, 2007. P. 9–26.
- Sitchinava 2015 — D. V. Sitchinava. Parallelnyye teksty v sostave Natsionalnogo korpusa russkogo yazyka: novyye napravleniya razvitiya i rezultaty [Parallel texts within the Russian national corpus: new directions and results]. *Trudy Instituta Russkogo Iazyka imeni V. V. Vinogradova*. 2015. Vol. 6. No. 3. P. 194–235.
- Sitchinava 2016 — D. V. Sitchinava. Yevropeyskiy perfekt skvoz prizmu parallelnogo korpusa [European Perfect viewed from a parallel corpus]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2016. Vol. XII. Pt. 2. P. 85–114.
- Stolz 2007 — T. Stolz. *Harry Potter* meets *Le petit prince* — On the usefulness of parallel corpora in crosslinguistic investigations. *STUF — Language Typology and Universals*. 2007. Vol. 60. No. 2. P. 100–117. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.100.
- van der Auwera et al. 2005 — J. van der Auwera, E. Schalley, J. Nuyts. Epistemic possibility in a Slavonic parallel corpus — a pilot study. B. Hansen, P. Karlík (eds.). *Modality in Slavonic languages: new perspectives*. München: Sagner, 2005. P. 201–218.
- Wälchli 2007 — B. Wälchli. Advantages and disadvantages of using parallel texts in typological investigations. *STUF — Language Typology and Universals*. 2007. Vol. 60. No. 2. P. 118–134. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.118.

- Wälchli 2010 — B. Wälchli. Similarity Semantics and Building Probabilistic Semantic Maps from Parallel Texts. *Linguistic Discovery*. 2010. Vol. 8. No. 1. P. 331–371. DOI: 10.1349/PS1.1537-0852.A.356.
- Wälchli, Cysouw 2012 — B. Wälchli, M. Cysouw. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs. *Linguistics*. 2012. Vol. 50. No. 3. P. 671–710. DOI: 10.1515/ling-2012-0021.
- Wälchli, Sölling 2013 — B. Wälchli, A. Sölling. The encoding of motion events: Building typology bottom-up from text data in many languages. J. Goschler, A. Stefanowitsch (eds.). *Variation and Change in the Encoding of Motion Events*. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 77–113. DOI: 10.1075/hcp.41.04w2281.
- Wierzbicka 1988 — A. Wierzbicka. *The semantics of grammar*. Amsterdam: John Benjamins, 1988.
- Wiltschko 2014 — M. Wiltschko. *The universal structure of categories: towards a formal typology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. DOI: 10.1017/CBO9781139833899.

Получено / received 04.04.2022

Принято / accepted 30.09.2022

Цель перемещения в Евангелии от Луки: к усовершенствованию процедуры выделения прототипических контекстов

К. В. Филатов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия); triolo@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0706-9161

Аннотация. Работа посвящена описанию улучшений процедуры выделения прототипических контекстов зоны Цели перемещения на материале Евангелия от Луки. В качестве отправной выборки рассматривались древнегреческий, английский, русский, табасаранский и саидский коптский тексты. 212 полученных контекстов оценены с точки зрения прототипичности и семантически классифицированы на основании таксономического и топологического типа Цели перемещения, локализации Траектора и таксономического типа ситуации перемещения.

Ключевые слова: параллельные корпуса, Евангелие от Луки, направленное перемещение, Цель перемещения, типология латива.

Благодарности. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Goal of motion in the Gospel of Luke: Towards amelioration of the prototypical contexts identification procedure

Konstantin V. Filatov

HSE University (Moscow, Russia); Institute for Linguistic Studies, Russian
Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); triolo@mail.ru;
ORCID: 0000-0002-0706-9161

Abstract. This paper aims to describe a sampling procedure for prototypical contexts dealing with the translational motion Goal in the Gospel of Luke. The survey is

based on five versions of the Gospel of Luke in Koine Greek, English, Russian, Tabassaran and Sahidic Coptic. The main improvement proposed for the sampling technique is for the researcher to take into account not only accepted but also rejected contexts. The rejected contexts discovered are classified into unstable (metaphorical) and deficient contexts. The degree of the prototypicality of the 212 sampled contexts is measured in terms of the homogeneity of the coding. A context is treated as homogeneously coded where in all of the Gospel of Luke verses the meaning of the Goal is expressed by a closed set of basic grammatical markers. These basic markers are chosen based on *a priori* knowledge of the respective grammatical systems, and they tend to have the marking of the Goal as their main function. The portion of the sample with the most homogeneous coding is defined as the core of the sample. All the 212 contexts identified are additionally classified into several semantic groups. The taxonomic type of the Goal can distinguish between *people, groups, body parts, settlements, buildings, biomes, artifacts, animals, means of transportation, substances, parts of buildings, natural objects, containers* and *abstract Goals*. The topological types of the Goal are: *space, surface, container* and *substance*. The types of motion situations include: *motion, placement, transition, non-volitional change of posture, and transportation*. Finally, in terms of the localization of the Trajector, the identified contexts can be labeled as APUD, CONT, IN, INTER, POST, SUB, SUPER. As expected, the semantic types are not equally distributed between the core contexts and the periphery. The best represented situation types of contexts in the core are those of *motion* and *transition*. The topology of the Goal is typically either *space* or *container*. The most frequent Goals in the core of the sample are *settlement, person* and *building*. The Trajector is generally localized IN and APUD ‘by’ with respect to the Landmark.

Keywords: parallel corpora, Gospel of Luke, motion events, Goal frame, typology of allative

Acknowledgments. Support from the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics is gratefully acknowledged.

1. Введение

Любое корпусное исследование подразумевает отбор из всех доступных в корпусе данных множества таких фрагментов текста, которые содержат исследуемое явление.

Типология грамматических значений на материале многоязычных параллельных корпусов — не исключение¹. В работе с корпусом типолог сталкивается с проблемой — грамматические показатели в языках мира грамматикализованы по-разному, то есть выражают разный состав грамматических значений. Это значит, что они имеют также разные распределения: показатель, выражающий значения $a+b$, будет употребляться в другом наборе контекстов, чем показатель, выражающий только значение b . Поэтому «поисковая выдача» многоязычного параллельного корпуса может содержать параллельные контексты, в части переводов которых значение может вообще быть грамматически не выражено. Чтобы выбрать наиболее релевантные для исследования контексты, приходится прибегать к специальным техникам их выделения. Известно два основных подхода к выделению релевантных параллельных контекстов — семасиологический и ономасиологический.

Наиболее подробно суть семасиологического подхода описана в [Dahl, Wälchli 2016]. В этом подходе выбираются средства выражения грамматических значений (граммов) с заранее известными дистрибутивными характеристиками, а затем в текстах параллельного корпуса ищутся граммы со схожим распределением. Параллельные контексты, в которых обобщенное распределение вероятностей всех граммов превышает установленный порог, и считаются наиболее релевантными. Семасиологический подход, таким образом, можно назвать подходом «от распределения форм к значению».

Ономасиологический подход, или подход «от значения к распределению форм», основывается на переводной эквивалентности параллельных контекстов. Предполагается, что перевод контекстов с одного языка на другой сохраняет их семантические характеристики. Следовательно, выделив ряд параллельных контекстов на семантических основаниях, можно анализировать распределения показателей в них.

¹ Мы будем обсуждать только исследования, проведенные на материале параллельного корпуса Нового Завета, однако все сказанное можно применять и в работе с другими параллельными корпусами.

В отличие от семасиологического подхода, для которого в [Dahl, Wälchli 2016] подробно описана и процедура, и статистические выкладки, ономасиологический подход практически не документирован. В посвященной исследованию пространственных ролей статье [Wälchli 2010: 343–344], где для отбора релевантных контекстов применяется ономасиологический подход, приводится следующее краткое описание методики: «190 использованных ситуаций были выбраны из большого набора в 360 клауз, содержащих ситуации движения в Евангелии от Марка, так, чтобы в них было эксплицитно выражено достаточно большое количество локативных групп. Это необходимо, чтобы избежать большого количества пустых ячеек в базе данных»². Как видно, приведенное описание крайне нечетко: в тексте не определяется локативная группа и не указано, был ли критерий наличия выраженных локативных групп единственным при отборе. Таким образом, не вполне ясно, чем параллельные контексты, попавшие в выборку, отличаются от параллельных контекстов, которые в нее не попали.

Статья предлагает ряд усовершенствований в ономасиологической методике выявления и отбора прототипических параллельных контекстов для некоторой зоны грамматических значений. В нашей работе описывается применение усовершенствованной методики к контекстам в зоне Цели перемещения.

Основным новшеством является фиксация не только принятых, но и отклоненных контекстов (см. *Раздел 3*). Как уже было указано в [Плунгян, настоящий сборник], цель построения базы данных прототипических параллельных контекстов Нового Завета — превратить тексты переводов Нового Завета «в активный инструмент исследования грамматической семантики». Это означает, что у будущего пользователя базы данных должен быть максимальный контроль над используемыми данными, в том числе и решение о том, какие контексты включать в расчеты.

² «The 190 situations used here have been chosen from a larger set of 360 motion event clauses in Mark so that there are a large number of overtly expressed local phrases in order to avoid many non-attested cells in the database» [Wälchli 2010: 343–344].

Мы также предлагаем усовершенствовать этап отбора контекстов, вводя понятия нестабильных и дефектных параллельных контекстов (см. *Раздел 3*). Ряд работ, в первую очередь [de Vries 2007; Wälchli 2010], критикуют идею переводной эквивалентности текстов Нового Завета на разных языках. С нашей точки зрения, внимательная классификация переводческих несовершенств и эксплицитные критерии исключения проблематичных контекстов позволяют улучшить качество данных.

Применение процедуры будет проиллюстрировано на материале контекстов Цели перемещения (1), отбор и анализ которых делался автором в рамках семинаров рабочей группы в 2019–2021 годах.

- (1) *Каждый год родители Его ходили в Иерусалим на праздник Пасхи.* [Лк. 2:41]

Основная часть методики была разработана на материале древнегреческого оригинала (койне) и переводов Евангелия от Луки (Лк.) на русский (Синодальный перевод), английский (King James Bible), табасаранский (перевод Института перевода Библии) [Цийийкьрар 2010] и саидский коптский (издание «Саидика» Дж. У. Уэллса) языки [Sahidica 2010].

Иноязычные примеры приводятся вместе с соответствующим параллельным фрагментом русского перевода. Контексты из переводов Евангелия на языки Кавказа даны в традиционной кавказоведческой транслитерации.

2. Общее описание процедуры

Согласно [Cysouw 2007: 227], аналитический примитив — это наименьший теоретический объект, необходимый для анализа некоторого набора данных. В качестве аналитических примитивов мы используем контексты.

Термином **контекст** мы называем конкретную языковую реализацию некоторого пропозиционального содержания в тексте, ср. схожее понятие *contextually embedded situation* из [Wälchli 2010].

В параллельном корпусе одна внеязыковая ситуация соответствует нескольким параллельным фрагментам текста и нескольким контекстам. Набор контекстов, объединенных одной внеязыковой ситуацией, мы называем **параллельным контекстом**. Говоря о параллельном контексте, мы будем отвлекаться от всех прочих возможных семантических различий контекстов на разных языках. Новый Завет как параллельный корпус естественным образом выровнен по стихам. В качестве имен для параллельных контекстов мы используем номера стихов, но будем учитывать, что стих может содержать более одного контекста.

Прототипическими контекстами мы будем называть такие контексты, которые с наибольшей вероятностью будут содержать грамматическое маркирование Цели перемещения в языках из созданной выборки.

Процедура выявления прототипических контекстов выглядит следующим образом. На этапе отбора контексты сопоставляются с операциональным определением, и на основании этого они включаются или не включаются в список кандидатов в прототипические контексты. Сомнительные с интроспективной точки зрения контексты подвергаются проверкам на стабильность и дефектность и попадают в список принятых либо отклоненных контекстов (подробнее о процедуре отбора контекстов см. *Раздел 3*). Принятые контексты необходимо ранжировать по степени прототипичности и классифицировать. Для этого в каждом языке из выборки определяются основные средства маркирования исследуемого грамматического значения. Ранги прототипичности для контекстов устанавливаются в зависимости от того, сколько языков из отправной выборки маркируют тот или иной контекст при помощи грама из основного набора средств. Процедуре ранжирования контекстов по степени прототипичности посвящен *Раздел 4*. После процедуры ранжирования контексты классифицируются на семантических основаниях (см. *Раздел 5*).

Перед тем как приступить к выявлению контекстов, необходимо составить отправную выборку текстов Евангелия, которые позволят, с одной стороны, разрешать неоднозначность принятия или отклонения контекстов, а с другой — послужат материалом ранжирования контекстов по степени прототипичности.

Об общих принципах выбора библейских текстов для выделения прототипических контекстов см. [Плунгян, настоящий сборник]. При составлении нашей отправной выборки мы принимали во внимание следующие два соображения.

Языки в ней должны отвечать требованию достаточной разноструктурности. Включая в выборку языки, где искомое значение встроено в разные наборы структурных противопоставлений, можно получить сравнительно разнообразные дистрибуции граммов по контекстам. Это позволяет получить достаточно широкий охват контекстов, в которых можно ожидать грамматикализации показателя в языках мира.

Отправная выборка должна также заключать в себе древнегреческий оригинал и те переводы, которые послужили источниками для большого количества последующих переводов. Это позволяет иметь в виду особенности и несовершенства таких переводов, поскольку черты, специфичные для переводной традиции, могут наследоваться из перевода в перевод (см. [de Vries 2007]). Имея в выборке как ранние переводы, так и переводы, давшие большое количество переводов-потомков, можно избежать ситуации, когда из-за несовершенства, например, английского перевода какой-либо контекст оказывается неучтенным, если мы по случайности обращаемся только к текстам, имевшим английский перевод в качестве источника, пусть даже и типологически разноструктурным. Иными словами, наличие в выборке распространенных переводов-источников дает возможность контролировать отсеивание контекстов, отражающих язык оригинала в большей степени, чем язык перевода.

В поисках компромисса между этими принципами мы включили в выборку древнегреческий, русский Синодальный, английский тексты как отвечающие «принципу наследования», а табасаранский и сандский коптский — для соблюдения принципа разноструктурности.

3. Отбор контекстов

При выявлении контекстов предполагается, что исследователь насквозь прочитывает выбранный параллельный корпус на одном

или нескольких языках, которыми он владеет в достаточной степени, и интроспективно выбирает контексты, содержащие те ситуации, которые по своим свойствам соответствуют определению.

Для того чтобы выделить прототипические контексты Цели перемещения, необходимо выявить все те контексты, в которых представлена ситуация направленного перемещения. Такая ситуация характеризуется наличием двух участников — Траектора, который перемещается, и Ориентира, относительно которого перемещение отсчитывается [Langacker 1986]. Целью перемещения называется Ориентир, выполняющий роль конечной точки движения Траектора. В приведенном выше примере (1) Траектором являются *родители*, а Целью перемещения — *Иерусалим*. Еще одним важным параметром ситуации направленного перемещения является локализация, которая определяется как некая область пространства, относительно которой уточняется взаимная конфигурация Траектора и Ориентира.

В качестве операционального определения мы выбрали фрейм Цели (Goal), описанный на метаязыке базы данных ФреймНет [FrameNet Index]: «Ориентир ⟨...⟩ определяет конечное местоположение Траектора в действительной или метафорической ситуации движения»³.

В общем случае такое определение должно отражать все необходимые **характеристические свойства** ситуации, которые бы позволили отличить ее от других ситуаций однозначным образом. В определении фрейма Цель (Goal) характеристическими свойствами являются:

1. наличие двух участников — движущегося (Траектора) и являющегося точкой отсчета (Ориентира);
2. изменение положения Траектора во времени;
3. роль Ориентира — конечная точка движения.

Так, например, контекст (2), согласно нашей процедуре, стоит исключить из рассмотрения, поскольку его ситуация не отражает

³ «A **Landmark** ⟨...⟩ serves to pick out the final location of a **Trajector** in a construed or actual motion event».

характеристические свойства, интересующие нас: оба участника — Траектор и Ориентир — присутствуют в структуре ситуации, и положение Траектора изменяется с течением времени, однако в контексте нет идеи достижения конечной точки. В структуре ситуации, однако, есть указание на множество точек, которые должен пересечь Траектор в ходе своего перемещения, — то есть Траекторию, а не Цель перемещения.

(2) <...> *Пойди скорее по улицам и переулкам города* <...> [Лк. 14:21]

С другой стороны, контекст (3) в полной мере отражает требуемые характеристические свойства ситуации и должен быть включен в рассмотрение. В этом контексте также представлены оба участника — Траектор *семя* и Ориентир *дорога*. При этом Траектор изменяет положение во времени, приближаясь к Ориентире: результирующее состояние для этой ситуации — *семя лежит при дороге*.

(3) <...> *И когда он сеял, иное семя упало при дороге и было потоптано* <...> [Лк. 8:5]

Весомым минусом подобного способа выявления контекстов является опасность «интроспективного произвола» со стороны разметчика. Практика показывает, что вне зависимости от выбранной семантической зоны эта процедура оставляет некоторое количество контекстов, семантика которых с трудом поддается интроспективной интерпретации, а оценке того, насколько интерпретируемые свойства ситуации соответствуют характеристическим. Такие случаи должны исключаться из рассмотрения и вноситься в набор отклоненных контекстов с той целью, чтобы его можно было использовать при воспроизведении разметки.

Одним из наиболее частотных «сомнительных случаев» для контекстов Цели перемещения, по нашим наблюдениям, являются ситуации метафорического перемещения типа (4).

(4) *Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово.* [Лк. 16:22]

В данном случае при оценке соответствия характеристических свойств ситуации разметчик сталкивается с трудностями, поскольку

эту ситуацию следует интерпретировать как «путешествие души нищего в загробный мир», то есть метафорический перенос с ситуации физического перемещения на некоторую другую труднохарактеризуемую ситуацию. С подобными трудностями сталкивается и переводчик библейского текста⁴. Поэтому контексты типа (4) отличаются значительной текстуальной нестабильностью. Поскольку участник *лоно Авраамово* представляет собой потусторонний, запредельный объект, то для переводчиков неизвестен, к примеру, его топологический тип, а значит и локализация нищего относительно него. В условиях семантической неопределенности переводчик выбирает языковое средство для выражения этого значения не вполне предсказуемым образом, так что такие контексты не отличаются регулярностью средств выражения. Так, например, русский Синодальный перевод (4) «локализует» нищего «на поверхности», английский перевод — «внутри» (*into Abraham's bosom*), тогда как аварскую конструкцию *ibrahim awaragas-d-a ask'ow-e* (Авраам пророк-OBL-APUD-ESS ОКОЛО-LAT) можно интерпретировать как «рядом с праотцом Авраамом».

Мы предлагаем вносить такие контексты в набор отклоненных с пометой «метафорический» ввиду их нестабильности. Трудности с интроспективным выявлением контекста косвенно указывают на то, что такой контекст скорее не будет отнесен к числу прототипических, однако для нашей методики важно сохранять такие данные, поскольку они могут дать дополнительную информацию для исследований грамматической периферии. Можно также дать общую рекомендацию по преодолению разного рода интроспективных трудностей разметчика — обращаться к различным переводам Нового Завета на один язык, в том случае, если они доступны.

На следующем этапе необходимо отфильтровать из выборки такие контексты, которые могут вносить потенциальный шум при дальнейшем анализе прототипичности.

Так, нужно исключить те случаи, когда ситуация однозначно распознается как соответствующая операциональному семантическому

⁴ Ср. также похожий экскурс в «грамматические трудности» перевода Нового Завета в [Мельчук 1997: 260–261].

определению, однако искомым участник синтаксически выражен только в части переводов. Ср. английский пример (5), где отсутствует указание на Цель перемещения, и русский перевод этого примера, где Цель выражена полноценно.

АНГЛИЙСКИЙ

- (5) *Or else, while the other is yet a great way off, he sendeth an ambassage, and desireth conditions of peace.*

‘Иначе, пока тот еще далеко, он **пошлет к нему** посольство просить о мире’. [Лк. 14:32]

Требует фильтрации и еще один случай: в части переводов ситуация опознается как ситуация перемещения с выраженным искомым участником, а в части представлена другая ситуация, которая не соответствует операциональному семантическому определению. Например, в примерах (6а)–(6в) в английском, древнегреческом и саидском коптском текстах ситуация оформлена при помощи глагола ‘делать’ и двух объектов, тогда как в русском переводе она соответствует операциональному семантическому определению.

АНГЛИЙСКИЙ

- (6) а. *Till I **make** thine enemies **thy** footstool.*

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

б. *heos an thō tous*
 пока COND 1SG.ПОЛОЖИТЬ.AOR.SUBJ.АКТ DEF.M.ACC.PL
ekhthrous sou hupopodion tōn
 враги.M.ACC.PL ТЫ.GEN ПОДНОЖИЕ.N.ACC.SG DEF.M.GEN.PL

podōn sou.
 нога.GEN.PL ТЫ.GEN

САИДСКИЙ КОПТСКИЙ

в. *šant=i-kō en=nek=čače en=hupopodjon*
 пока=1SG=делать GEN=2SG.POSS=враг GEN=ПОДНОЖИЕ

en=nek=werête
 GEN=2SG.POSS=ноги

⟨...⟩ ‘Доколе **положу** врагов Твоих **в подножие ног Твоих**?’
 [Лк. 20:43]

Такие контексты мы называем дефектными. Для решения о принятии или отклонении дефектных контекстов мы предлагаем следующий критерий: отклонять следует такие контексты, в которых в большинстве переводов отправной выборки ситуация не соответствует семантическому определению и в ней не выражен искомый участник. Принимать же следует те контексты, в которых, напротив, для большинства переводов ситуация соответствует определению и в ней выражен искомый участник.

В нашей отправной выборке — 5 переводов, следовательно, контексты, в которых 3 или больше переводов дефектны, мы отклоняем с пометой «дефектность», а те контексты, в которых 2 или меньше переводов дефектны, — принимаем.

После этого этапа наши данные состоят из 212 принятых и 98 отклоненных контекстов, в дальнейшем мы будем работать только с принятыми контекстами.

4. Ранжирование контекстов

После того как контексты отобраны, они передаются на этап ранжирования прототипичности. Для каждого контекста из отправной выборки языков должен быть определен грам, которым оформлена Цель перемещения.

Для контекстов из примеров (7a)–(7г) разметка граммов выглядит так, как показано в *Таблице 1*.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ
 (7) а. *kai eporeuthēsan eis heteran kōmēn.*
 и 3PL.ИДТИ.АОР.ИНД.ПАСС к другой.Е.АСС.СГ деревня.АСС.СГ

АНГЛИЙСКИЙ
 б. *And they went to another village.*

ТАБАСАРАНСКИЙ
 в. *qasin dur-ar sab žara šahr.i-z vaʕv-uʕru*
 затем тот-PL один другой селение-ДАТ идти-EVT

САИДСКИЙ КОПТСКИЙ

г. $a=f=b\hat{o}k$ $e=ke=time$
 PRET=3SG=идти DAT=другой=селение

‘И пошли в **другое селение**’. [Лк. 9:56]

Таблица 1. Грамы для параллельного контекста Лк. 9:56

Table 1. Grams in the parallel context Lk. 9:56

Язык	Грам
русский	<i>v</i> + ACC
древнегреческий	<i>eis</i> + ACC
английский	<i>to</i>
табасаранский	DAT
саидский коптский	<i>e</i>

После того как разметка граммов проведена для всех параллельных контекстов, необходимо для каждого языка определить основные граммы, на основании которых будет проводиться ранжирование протитипичности. Основные граммы определяются из априорных знаний о том, что тот или иной грам является основным средством кодирования Цели перемещения. В нашем случае сведения брались из грамматик: для русского — [Восейкова 2011], древнегреческого — [Blass, Debrunner 1961], английского — [Huddleston, Pullum 2002], табасаранского — [Babaliyeva 2013], саидского коптского — [Еланская 2010]. *Таблица 2* описывает множество основных граммов для языков отправной выборки. Числа в ней представляют собой количества граммов в принятых контекстах. Так, для русского и греческого языков в качестве основных граммов были выбраны сочетания аккузатива с различными предлогами локализации (*v*, *na*, *pod* и *eis*, *pros*, *epi* (*eph*’, *ep*’), *para*, *hupo*, *peri*); для русского, кроме того, основным граммом мы считаем грам ‘*k*+DAT’. Для английского языка основными грамами являются предлоги (с аккузативом) *into*, *to*, *unto*, *up to* и *nigh to*, *nigh unto* как содержащие лативную морфему *-to*. В табасаранском языке основные граммы — датив и комбинации латива с различными

локализациями (AD, SUPER, POST, SUB, INTER), а также директив. В саидском коптском основными грамами мы считаем дативную клитику *e*= (использующуюся также в ряде других функций) и ее комбинации с пространственными наречиями *ehun*, *ehraj*, *ewol*, *epesêt*, а также латив движения по направлению к человеку *ša*=.

Таблица 2. Основные грамы для языков из отправной выборки и их количество
Table 2. Basic grams for the languages of the starter sample and their quantity

Русск.	Англ.	Греч.	Табас.	Саид. копт.
<i>в</i> +ACC 107	<i>into</i> 72	<i>eis</i> +ACC 118	DAT 79	<i>e</i> 82
<i>к</i> +DAT 62	<i>to</i> 62	<i>pros</i> +ACC 30	AD-LAT 37	<i>ehun+e</i> 35
<i>на</i> +ACC 38	<i>unto</i> 30	<i>epi</i> +ACC 22	SUPER-LAT 19	<i>ša</i> 23
<i>под</i> +ACC 2	<i>nigh to</i> 2	(<i>eph</i> '+ACC 4)	POST-LAT 4	<i>ehraj+e</i> 13
Другие 0	Другие 3	Другие 8	Другие 5	Другие 7

После выделения основных граммов происходит собственно ранжирование параллельных контекстов по степени прототипичности. Для каждого параллельного контекста в каждом языке грамы, содержащиеся в нем, сверяются с множеством основных граммов. К рангу контекста прибавляется единица в случае, если данный грам в данном контексте входит в множество основных, и «0», если не входит. Параллельные контексты с наибольшим рангом считаются наиболее прототипическими.

Далее происходит переход от ранговой шкалы прототипичности к номинативной (устанавливается разбиение прототипичности) следующим образом. Множество контекстов с наибольшим рангом мы называем ядром контекстов, а с наименьшим рангом — маргинальными контекстами. Маргинальные контексты следует внести в список отклоненных с пометой «маргинальность». В нашем случае таких

контекстов в выборке не оказалось. Остальные контексты с промежуточными рангами мы называем периферией контекстов.

После этого шага задачу выделения прототипических контекстов можно считать решенной. Однако в практических целях бывает удобно провести также дополнительный шаг переразбиения прототипичности, выбрав в качестве Ядра не наивысший ранг, а несколько наивысших, например, 5 и 4. Переразбиение прототипичности стоит делать, если, к примеру, контекстов с наивысшим рангом недостаточно, чтобы семантически характеризовать их, а также исходя из исследовательской задачи.

В наших данных разбиение прототипичности отражено в *Таблице 3*. Ранги (4, 3, 2) внутри периферии следует рассматривать (с достаточной степенью условности) как участки распределения прототипичности, более и менее удаленные от ядра. Ядро составляют 94 контекста, то есть около 45 %, а 55 % — периферию (118 контекстов).

Таблица 3. Распределение немаргинальных параллельных контекстов по рангам

Table 3. The quantity of nonmarginal parallel contexts distributed by rang

Разбиение	Ранг	Количество параллельных контекстов	% от всего
Ядро	5	94	45
Периферия	4	64	30
	3	30	14
	2	24	11
Всего		212	100

5. Построение классификации контекстов

Классификация контекстов представляет собой завершающий шаг процедуры. Ее основания выбираются также из априорных знаний о семантике грамматических показателей какой-либо зоны.

В качестве признаков для классификации контекстов зоны Цели перемещения мы выбрали таксономический тип Цели (*Раздел 5.1*), топологический тип Цели (*Раздел 5.2*), таксономический тип предиката (*Раздел 5.3*) и локализацию (*Раздел 5.4*).

При названии семантического ярлыка в скобках даны два числа, разделенные косой чертой: левое обозначает общее количество контекстов в группе, а правое — количество ядерных контекстов. Исчерпывающие списки контекстов даны в *Приложении*.

5.1. Таксономический тип Цели перемещения

Цели перемещения, встретившиеся в отобранных контекстах, могут быть разбиты по своему таксономическому типу на 14 групп, которые для удобства изложения объединены в 4 макрогруппы: «Внешний мир» (116/68), «Человек» (56/19 ядерных), «Предметы» (32/4 ядерных) и «Абстрактные Цели» (8/3).

Макрогруппа «Внешний мир» содержит наибольшее количество контекстов (116 к.), см. *Приложение, Таблица 8*. В группе ‘**settlement**’ (поселения, 49/34) наиболее частотной Целью стали *Иерусалим* (13 к.) и *Назарет* (4 к.) (см. пример (8)). Группу отличает наибольшее разнообразие Целей (24 разных Цели), а также наибольшее количество ядерных контекстов (34 к.).

(8) *И пришел в Назарет, где был воспитан, и вошел, по обыкновению Своему, в день субботний в синагогу, и встал читать.* [Лк. 4:16]

Самыми частыми Целями в группе рукотворных строений ‘**building**’ (41/18) стали *дом* (22 к.) и *храм* (5 к.). Большинство ядерных контекстов сконцентрировано вокруг Цели *дом* (16 из 18 к.) (см. (9)).

(9) *Посланные, возвратившись в дом, нашли больного слугу выздоровевшим.* [Лк. 7:10]

В группу, которую мы обозначили как ‘**biome**’ (биом, 26/16), попали разнообразные природные пространства. В трех контекстах

встретились Цели *пустыня* (см. (10)) и *пустынное место*. Ядерные контексты в этой группе распределены относительно равномерно.

- (10) *По отшествии же посланных Иоанном, начал говорить к народу об Иоанне: что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром колеблемую?* [Лк. 7:24]

Макрогруппа «Человек» объединяет контексты трех групп: люди, коллективы людей и части тела (см. Приложение, Таблица 9). В группе ‘**person**’ (люди, 41/18) наиболее частотные Цели — *Иисус* (около половины всех контекстов — 21, см. (11)) и *Пилат* (4 контекста).

- (11) *И привели его к Иисусу, и, накинув одежды свои на осленка, посадили на него Иисуса.* [Лк. 19:35]

Каждая из Целей группы ‘**group**’ (коллективы людей, 7/1) представлена одним контекстом, ядерным является лишь контекст из Лк. 16:30 (см. (12)).

- (12) *Он же сказал: нет, отче Аврааме, но если кто из мертвых придет к ним <к пяти братьям богача>, покаются.* [Лк. 16:30]

В группе частей тела ‘**body part**’ (8/0) ядерные контексты не отмечены; по два раза встречаются Цели *ноги Иисуса* (см. (13)) и *шея*, остальные Цели представлены лишь единично.

- (13) *И вот, пришел человек, именем Иаир, который был начальником синагоги; и, пав к ногам Иисуса, просил Его войти к нему в дом <...>* [Лк. 8:41]

Макрогруппа «Предметы» делится на 7 групп (14а)–(14ж) и почти не содержит ядерных контекстов: только две Цели участвуют в четырех ядерных контекстах — *огонь* (15) и *гроб* (16). Все эти группы относительно малочисленны, к каждой Цели в группах отнесено не более четырех контекстов (см. Приложение, Таблица 10).

- (14) а. ‘**artifact**’ — рукотворные объекты, 2/0
 б. ‘**animal**’ — животные, 3/0
 в. ‘**transport**’ — транспортные средства, 3/0

- г. ‘**substance**’ — вещества, 2/1
- д. ‘**part of building**’ — части зданий, 1/0
- е. ‘**natural object**’ — природные предметы, 11/0
- ж. ‘**container**’ — вместилища, 10/3

- (15) *Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь.* [Лк. 3:9]
- (16) *Но Петр, встав, побежал **ко гробу** и, наклонившись, увидел только пелены лежащие, и пошел назад, дивясь сам в себе происшедшему.* [Лк. 24:12]

Наконец, в последнюю группу ‘**abstract**’ (абстрактные объекты) попало 8 абстрактных Целей перемещения, из которых 3 являются ядерными (см. (17), также см. Приложение, Таблица 11). При переходе к более представительному количеству языков контексты этой группы, вероятно, выйдут за пределы ядра, так как многие из них могут представлять собой дефектные контексты, см. обсуждение в Разделе 3.

- (17) *Иисус, когда пришел **на это место**, взглянув, увидел его и сказал ему: Закхей! сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме.* [Лк. 19:5]

5.2. Топологический тип Цели перемещения

Признак «топологический тип Цели» состоит из 4 значений (см. Приложение, Таблица 12). Цель типа ‘**space**’ (пространства, 135/75) является объемным пространством, протяженным в разные стороны, например, как *селение* в (18). Как перемещения в объемное пространство нами также рассматривались направленное движение в сторону человека (*к нему*) в примере (19). Это наиболее объемная группа (135 к.), вносящая наибольший вклад в ядро — более половины от всех контекстов (75 к.).

- (18) *В тот же день двое из них шли в селение, отстоящее стадий на шестьдесят от Иерусалима, называемое Эммаус (...)*
[Лк. 24:13]
- (19) *Когда же собралось множество народа, и из всех городов жители сходились к Нему, Он начал говорить притчею (...)*
[Лк. 8:4]

Цель перемещения, отмечаемая типом **‘container’** (контейнеры, 50/15), является замкнутым и ограниченным с нескольких сторон «полым» пространством (20). В этой группе чуть меньше трети от всех контекстов (15 к.) являются ядерными.

- (20) *Войдя в одну лодку, которая была Симонова, Он просил его отплыть несколько от берега и, сев, учил народ из лодки.*
[Лк. 5:3]

Типом **‘surface’** (22/2) отмечаются Цели, которые представляют собой двумерную поверхность. Так, в (21) Целью является не весь осел, а только его «поверхность», где Траектор заканчивает движение. Группа поверхностей пересекается с ядром лишь в двух контекстах.

- (21) *⟨...⟩ И, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем (...)* [Лк. 10:34]

Тип **‘substance’** (вещества, 5/2) отмечает Цели — гомогенные вещества, как в примере (22):

- (22) *Оно подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все (...)* [Лк.13:21]

5.3. Таксономический тип предиката

Нами было выделено семь групп, разбивающих контексты по таксономическому типу предиката направленного перемещения (см. Приложение, Таблица 13).

К ситуации движения — ‘**motion**’ (140/81) — были отнесены такие предикаты, как *идти, ходить, отходить, посылать, приходить, приближаться, подходить, возвращаться* (23), *заходить, приводить, приносить, возводить, восходить, вести*. Это самая многочисленная группа, к тому же обеспечивающая около 85 % контекстов ядра. Остальные типы предикатов обеспечивают гомогенное маркирование Цели лишь спорадически.

- (22) *А когда окончились дни службы его, возвратился в дом свой.*
[Лк. 1:23]

Ситуации движения с пересечением пространственной границы — ‘**transition**’ (26/6) — образуют вторую группу по общей численности контекстов и по вкладу в ядро. В эту группу вошли глаголы типа *входить* (24), *выходить, переходить*.

- (23) *Случилось же и в другую субботу войти Ему в синагогу и учить. Там был человек, у которого правая рука была сухая.*
[Лк. 6:6]

В группу пространственной смены позиции — ‘**placement**’ (24/5) — попали разнообразные глаголы каузированной смены местоположения, типа *бросать, вытаскивать, спускать, сажать* (в темницу (25)), *брать* (на руки), *вливать, отсыпать*.

- (24) *⟨...⟩ И отпустил им посаженного за возмущение и убийство в темницу, которого они просили; а Иисуса предал в их волю.*
[Лк. 23:25]

В ситуации неконтролируемого движения — ‘**non-volitional**’ (13/0) — вошла только ситуация *падать* (26). Ни один из контекстов этой группы не вошел в ядро.

- (25) *⟨...⟩ А иное упало на камень и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги ⟨...⟩* [Лк. 8:6]

К ситуациям смены позы — ‘**change of posture**’ (5/0) — в наших данных оказались отнесены предикаты *садиться, припадать* (27), *падать* (ниж, на шею). Контексты этой группы также не вошли в ядро.

- (26) *Увидев это, Симон Петр припал к коленям Иисуса и сказал: выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный.* [Лк. 5:8]

В класс ситуаций опосредованного движения, то есть движения при помощи специальных средств, ‘**transportation**’ (3/2) определены глаголы *плыть* (на лодке) и *переправляться* (28). При малом общем количестве контекстов два из них оказались ядерными. Это может свидетельствовать о семантической схожести контекстов этой группы с ситуациями обыкновенного движения группы ‘**motion**’, хотя вопрос о целесообразности выделения этой группы стоит решать на данных большего количества языков.

- (27) *В один день Он вошел с учениками Своими в лодку и сказал им: переправимся на ту сторону озера. И отправились.* [Лк. 8:22]

Непереместительное движение — ‘**non-translational**’ — (1/0) представлено единственным неядерным контекстом ситуации *наклонять* (29).

- (28) *И когда они были в страхе и наклонили лица <свои> к земле, сказали им: что вы ищете живого между мертвыми?* [Лк. 24:5]

5.4. Локализация

Рассмотренные контексты содержат 7 типов локализаций (см. Приложение, Таблица 14). Отнесение контекста в группу IN (112/56) характеризует Траектор как находящийся ‘внутри полого Ориентира’ (14).

- (29) *И весь народ с утра приходил к Нему в храм слушать Его.* [Лк. 21:38]

Группа APUD (65/28) содержит контексты, в которых в конечной точке перемещения Траектор находится ‘в пространстве около Ориентира’ (15).

- (30) *Но Петр, встав, побежал **ко гробу** и, наклонившись, увидел только пелены лежащие, и пошел назад, дивясь сам в себе происшедшему.* [Лк. 24:12]

Третья по численности группа SUPER (23/8) объединяет контексты, в которых Траектор располагается ‘на верхней поверхности Ориентира’ (16).

- (31) *И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие **на землю**.* [Лк. 22:44]

Остальные группы малочисленны и вносят малый вклад в ядро. В контекстах группы СОНТ (6/0) Траектор находится ‘в плотном контакте с Ориентиром’ (17).

- (32) *При сем сказал им притчу: никто не приставляет заплат к **ветхой одежде**, отдрав от новой одежды; а иначе и новую раздерет, и к старой не подойдет заплата от новой.* [Лк. 5:36]

Группа ИНТЕР (4/1), объединяет контексты, в которых Траектор находится ‘внутри «сплошного» Ориентира, вещества либо массы объектов’ (18).

- (33) *⟨...⟩ А упавшие **в терние**, это те, которые слушают слово, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода ⟨...⟩* [Лк. 8:14]

Единственный контекст группы РОСТ (1/1), в котором Траектор оканчивает перемещение ‘за Ориентиром’ (19) представлен в ядре.

- (34) *В один день Он вошел с учениками Своими в лодку и сказал им: переправимся **на ту сторону озера**. И отправились.* [Лк. 8:22]

Группа SUB (1/0) ‘под Ориентиром’ содержит единственный неядерный контекст (20).

- (35) *Иерусалим! Иерусалим! избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих **под крылья**, и вы не захотели!* [Лк. 13:34]

5.5. Количественная характеристика классификации

Дробность представленной классификации, возможно, в некоторых признаках излишня, а в некоторых, наоборот, недостаточна. Набор признаков может быть дополнен в случае, если при расширении выборки на другие языки обнаружатся дистрибуции граммов, не описываемые приведенными признаками. Дальнейшее совершенствование данной классификации возможно только после увеличения количества рассматриваемых евангельских текстов.

Для первичной оценки выделения прототипических контекстов можно рассмотреть, какие семантические признаки контекстов после отделения периферии оказались определены в ядро.

С точки зрения таксономического типа Цели перемещения наиболее прототипическими оказались ситуации, в которых перемещение происходит в поселения, по направлению к людям, либо в рукотворные строения (ок. 74 % от всех). Также довольно частотной в ядре является ситуация перемещения в природное пространство (16 %). Оставшиеся 10 % контекстов приходятся на абстрактные Цели, контейнеры, субстанции и группы людей (см. *Таблицу 4*).

Таблица 4. Количество контекстов ядра, содержащих данный таксономический тип Цели перемещения

Table 4. The number of the core contexts that contain given taxonomical type of the Goal

Таксономический тип Цели	Количество контекстов ядра	% от всего
settlement	34	36
person	18	19
building	18	19
biome	15	16
abstract	4	5
container	3	3
substance	1	1
group	1	1
Всего	94	100

Наиболее прототипическим топологическим типом Цели является пространство (space, 80 % контекстов), тогда как поверхности (2 %) и субстанции (2 %) в ядре встречаются спорадически (см. *Таблицу 5*).

Таблица 5. Количество контекстов ядра, содержащих данный топологический тип Цели перемещения

Table 5. The number of the core contexts that contain given topological type of the Goal

Топологический тип Цели	Количество контекстов ядра	% от всего
space	75	80
container	15	16
surface	2	2
substance	2	2
Всего	94	100

Около 86 % ситуаций в ядре приходятся на ситуации движения (motion), незначительную часть при этом составляют перемещения с пересечением границы (transition, 7 %), смены позиции (placement, 5 %) и транспортиации (transportation, 2 %) (см. *Таблицу 6*).

Таблица 6. Количество контекстов ядра, содержащих данный таксономический тип предиката

Table 6. The number of the core contexts that contain given taxonomical type of predicate

Таксономический тип предиката	Количество контекстов ядра	% от всего
motion	81	86
transition	6	7
placement	5	5
transportation	2	2
Всего	94	100

Самыми типичными локализациями являются нахождение IN ‘внутри полого Ориентира’ (60 %) и APUD ‘в пространстве около Ориентира’ (30 %) (см. *Таблицу 7*).

Таблица 7. Количество контекстов ядра, содержащих данную локализацию Траектора относительно Цели перемещения

Table 7. The number of the core contexts that contain given localization with respect to position or the Goal

Локализация Траектора	Количество контекстов ядра	% от всего
IN	56	60
APUD	28	30
SUPER	8	8
POST	1	1
INTER	1	1
Всего	94	100

6. Заключение

Итак, мы изложили процедуру выделения прототипических контекстов для типологических исследований грамматических категорий при помощи параллельных корпусов. В рамках этой процедуры был предложен механизм отбора с использованием двух наборов контекстов — принятых и отклоненных. Набор принятых контекстов не содержит нестабильных и метафорических контекстов, как и контекстов, дефектных более чем наполовину. Факультативно могут быть исключены также маргинальные контексты. Предложенная процедура для отбора контекстов может отчасти как решить проблему с текстуальными особенностями евангельского текста, так и уменьшить эффект от его переводной природы.

Помимо этого, полученные контексты были ранжированы по критерию гомогенности маркирования. Недостаток данного критерия

в том, что основные средства выражения значений в той или иной зоне предполагается выбирать априорно. Тем не менее он дает более подробную численную картину семантики зоны. Более простой бинарный критерий «прототипический» — «непрототипический» в таких случаях не позволил бы исследователю выбирать ту степень близости к ядру семантической зоны, которая его интересует.

Полученные в ходе отбора и ранжирования контексты были классифицированы по таксономическому и топологическому типу Цели перемещения, таксономическому типу предиката и локализации. С точки зрения семантической классификации выделенное нами ядро показывает довольно монолитную структуру: большинство ситуаций могут быть описаны как неспецифицированные движения в сторону человека, внутрь поселений или строений. Таким образом, утверждение о том, что во всех прочих ситуациях Цель перемещения будет маркирована менее гомогенно, может быть основной гипотезой при расширении выборки.

Отобранные в ходе работе контексты могут быть использованы для построения семантической карты Цели перемещения специального типа, называемой ‘grammatical space’ в англоязычной литературе, например, в [Dahl, Wälchli 2016]. В картах такого типа отдельные контексты моделируются как точки в многомерном пространстве, а расстояния между ними основаны на дистрибутивной разнице показателей в них. Изложенная процедура может также быть применена к выделению и ранжированию контекстов для любой другой грамматической категории. Как представляется, предлагаемые шаги по формализации процедуры повысят типологическую сравнимость наборов прототипических контекстов при изучении различных грамматических категорий. Это означает, что при правильном подборе параметров ранжирования, прежде всего доли входящих в ядро контекстов, может быть достигнута достаточная соизмеримость семантических карт разных грамматических значений. Это позволит, с одной стороны, «склеивать» карты значений, предположительно соседствующих в семантическом пространстве и исследовать зоны контекстов, промежуточных между двумя прототипами этих значений. С другой стороны, соизмеримость полученных в результате

процедуры грамматических прототипов может позволить сравнивать их внутреннюю структуру для разных значений (размер и семантическая гомогенность ядра, размер периферии, явления двухъядерности прототипа).

Приложение

В этом приложении предъявляются исчерпывающие списки контекстов, составленные по следующему принципу. Контексты даются в порядке возрастания номеров глав и стихов для каждого класса в классификации. Если конкретная Цель встречается в тексте более одного раза, то в списке она указывается однократно, и при этой Цели в списке перечисляются все номера глав и стихов в порядке возрастания. Если в стихе несколько контекстов, то они получают дополнительный индекс в виде латинских букв. Полу жирным выделяются ядерные контексты. Рядом с названием класса даются сведения о количестве контекстов в виде двух чисел, разделенных косой чертой. Левое число указывает общее количество контекстов в классе, а правое — число контекстов класса, вошедших в ядро.

Для таксономического типа Цели приводится подробная разбивка контекстов по конкретным целям⁵, а для таксономического типа предиката даны списки контекстов с указанием количества примеров. Это решение связано с тем, что указание лишь русских предикатов не несет достаточное количество типологически релевантной и сравнимой информации о ситуации, необходима более детальная семантическая характеристика ситуаций движения, которая вряд ли целесообразна на данном этапе исследования.

⁵ Цель приводится со вспомогательным определением, в тех случаях, где это необходимо для установления грамматической семантики ИГ (определенности, референтности), либо для различения лексической семантики (ср. *та сторона озера* vs *дальняя сторона*).

Приложение 1. Классификация контекстов по таксономическому типу Цели

Таблица 8. Контексты макрогруппы «Внешний мир»

Table 8. Contexts for the macrogroup «Environment»

<p>‘settlement’ (поселения, 49/34)</p>	<p><i>Назарет (1:26, 2:39b, 2:51, 4:16a), город Иудин (1:39), свой город (2:3), Вифлеем (2:4a, 2:15b), Иудея (2:4b), Иерусалим (2:22, 2:41, 2:42, 2:45, 4:9, 9:51, 9:53, 13:22, 17:11, 18:31, 19:28, 24:33, 24:52), Галилея (2:39a, 4:14), Сарепта Сидонская (4:26b), Капернаум (4:31, 7:1), город Наин (7:11), страна Гадаринская (8:26), окрестные селения и деревни (9:12), селение Самарянское (9:52), другое селение (9:56), всякий город и место (10:1), город (неопределенный) (10:8, 10:10a, 21:21b), Иерихон (10:30, 18:35), одно селение (10:38, 17:12), дальняя страна (19:12), Виффагия и Вифания (19:29a), противоположащее селение (19:30a, 19:30b), город (определенный) (19:41, 22:10a), селение (24:13, 24:28), Вифания (24:50).</i></p>
<p>‘building’ (рукотворные строения, 41/18)</p>	<p><i>храм (1:9, 2:27, 18:10, 19:45, 21:38), дом (1:23, 1:40, 1:56, 4:38, 5:18, 5:24, 5:25, 6:4, 7:10, 7:36, 7:44, 8:39, 8:41, 8:51, 10:7, 11:24, 14:1, 15:6, 16:27, 18:14, 22:10b, 22:54), темница (3:20, 12:58c, 23:19, 23:25), синагога (4:16b, 6:6), кров (7:6), дом (неопределенный) (9:4, 10:5), гостиница (10:34), синагоги (12:11a, 21:12a), колодезь (14:5), темницы (21:12b).</i></p>
<p>‘biome’ (биомы, 26/16)</p>	<p><i>небо (2:15a, 24:51), пустыня (4:1, 7:24, 8:29), гора (4:5, 6:12, 9:28), вершина горы (4:29), пустынное место (4:42a, 5:16, 9:10), берег (5:11, 8:27), глубина (5:4), та сторона озера (8:22), озеро (8:33), облако (9:34), улица (10:10b), дальняя сторона (15:13), поля (15:15b), море (17:2b), гора Елеонская (19:29b, 22:39), спуск с горы Елеонской (19:37), горы (21:21a).</i></p>

Таблица 9. Контексты макрогруппы «Человек»

Table 9. Contexts for the macrogroup «Human»

‘person’ (люди, 41/18)	<i>Дева Мария (1:28), Елисавета (1:43), вдова (4:26а), теща Симонова (4:39), Иисус (4:40, 4:42b, 5:19b, 6:47, 7:3, 7:4, 7:6, 7:7, 7:19, 7:20a, 7:20b, 8:4, 8:19a, 8:19b, 8:35, 14:26, 15:1, 18:16, 18:40, 19:35, 22:47), прокаженный (5:13), друг (11:5), я (11:6), судья (12:58b, 18:3), царь (14:31), один из жителей (15:15a), отец (15:18, 15:20), грешный человек (19:7), Пилат (23:1, 23:11, 23:14, 23:52), Ирод (23:7, 23:15).</i>
‘group’ (коллективы людей, 7/1)	<i>восемнадцать человек (13:4), фарисеи (11:49), начальство (12:58a), пророки (16:30), виноградари (20:10), ученики (22:45), народ (23:30).</i>
‘body part’ (8/0)	<i>руки (2:28), колени Иисуса (5:8), ноги Иисуса (8:41, 17:16), крылья (13:34), плечи (15:5), шея (15:20, 17:2a).</i>

Таблица 10. Контексты макрогруппы «Предметы»

Table 10. Contexts for the macrogroup «Objects»

‘artifact’ (рукотворные объекты, 2/0)	<i>одежда (5:36), городские ворота (7:12).</i>
‘animal’ (животные, 3/0)	<i>свой осел (10:34, 19:30c), осленок (19:35).</i>
‘transport’ (транспортные средства, 3/0)	<i>лодка (5:3, 8:22, 8:37).</i>
‘substance’ (вещества, 2/1)	<i>огонь (3:9), три меры муки (13:21).</i>
‘part of building’ (части зданий, 1/0)	<i>верх дома (5:19a).</i>
‘natural object’ (природные предметы, 11/0)	<i>камень (8:6, 8:13, 20:18a), земля (как поверхность, почва) (8:8, 8:15, 22:44, 24:5), путь (8:12), терние (8:14), смоковница (19:4).</i>
‘container’ (вместилища, 10/3)	<i>житница (3:17), мехи (5:37, 5:38), лоно ваше (6:38), яма (6:39), печь (12:28), сокровищница (21:1), гроб (24:1, 24:12, 24:24).</i>

Таблица 11. Контексты макрогруппы «Абстрактные объекты»

Table 11. Contexts for the macrogroup «Abstract entities»

‘abstract’ (абстрактные объекты, 8/3)	<i>середина (6:8), начальства и власти (12:11b), место мучения (16:28), это место (19:5), всякий, кто (20:18b), место (22:40), Лобное место (23:33), зрелище (23:48).</i>
--	---

Приложение 2. Классификация контекстов по топологическому типу Цели

Таблица 12. Топологический тип Цели в контекстах

Table 12. Topology of the Goals by context

‘space’ (пространства, 135/75)	1:26, 1:28, 1:39, 1:43, 2:3, 2:4a, 2:4b, 2:15a, 2:15b, 2:22, 2:39a, 2:39b, 2:41, 2:42, 2:45, 2:51, 4:1, 4:5, 4:9, 4:14, 4:16a, 4:26a, 4:26b, 4:29, 4:31, 4:39, 4:40, 4:42a, 4:42b, 5:4, 5:16, 5:19b, 5:25, 6:6, 6:8, 6:12, 6:47, 7:1, 7:3, 7:4, 7:6, 7:7, 7:10, 7:11, 7:12, 7:19, 7:20a, 7:20b, 7:24, 8:4, 8:12, 8:19a, 8:19b, 8:22, 8:26, 8:29, 8:35, 8:41, 9:10, 9:12, 9:28, 9:51, 9:52, 9:53, 9:56, 10:1, 10:8, 10:10a, 10:10b, 10:30, 10:38, 11:5, 11:6, 11:49, 12:11b, 12:58a, 12:58b, 12:58c, 13:22, 13:34, 14:26, 14:31, 15:1, 15:13, 15:15a, 15:15b, 15:18, 15:20, 16:28, 16:30, 17:11, 17:12, 17:16, 18:3, 18:16, 18:31, 18:35, 18:40, 19:5, 19:7, 19:12, 19:28, 19:29a, 19:29b, 19:30a, 19:30b, 19:35, 19:37, 19:41, 20:10, 21:21a, 21:21b, 22:10a, 22:39, 22:40, 22:41, 22:45, 22:47, 23:1, 23:7, 23:11, 23:14, 23:15, 23:33, 23:48, 24:1, 24:5, 24:12, 24:13, 24:24, 24:28, 24:33, 24:50, 24:51, 24:52.
‘container’ (контейнеры, 50/15)	1:9, 1:23, 1:40, 1:56, 2:27, 2:28, 3:17, 3:20, 4:16b, 4:38, 5:3, 5:18, 5:24, 5:37, 5:38, 6:4, 6:38, 6:39, 7:6, 7:36, 7:44, 8:22, 8:33, 8:37, 8:39, 8:41, 8:51, 9:4, 10:5, 10:7, 10:34, 11:24, 12:11a, 12:28, 12:58, 14:1, 14:5, 15:6, 16:27, 18:10, 18:14, 19:45, 21:1, 21:12a, 21:12b, 21:38, 22:10b, 22:54, 23:19, 23:25.

‘surface’ (поверхности, 22/2)	5:8, 5:11 , 5:13, 5:19a, 5:36, 8:6, 8:8, 8:13, 8:15, 8:27 , 10:34, 13:4, 15:5, 15:20, 17:2a, 19:4, 19:30, 19:35, 20:18a, 20:18b, 22:44, 23:30.
‘substance’ (вещества, 5/2)	3:9 , 8:14, 8:34, 13:21, 17:2b .

Приложение 3. Классификация контекстов по таксономическому типу предиката

Таблица 13. Таксономический тип предиката в контекстах

Table 13. Taxonomy of the predicates by context

‘motion’ (движение, 140/81)	1:23, 1:26, 1:39 , 1:43, 1:56 , 2:3, 2:4a, 2:4b, 2:15a , 2:15b, 2:22 , 2:27, 2:39a, 2:39b, 2:41 , 2:42, 2:45, 2:51 , 4:1, 4:5, 4:9, 4:14, 4:16a, 4:26a, 4:26b , 4:29, 4:31 , 4:39, 4:40, 4:42a, 4:42b , 5:16, 5:18, 5:19a, 5:24, 5:25 , 6:8, 6:12 , 6:47, 7:3, 7:4, 7:6, 7:7, 7:10, 7:11 , 7:12, 7:19, 7:20a, 7:20b, 7:24, 7:44, 8:4 , 8:19a, 8:19b, 8:29, 8:33, 8:35, 8:39, 8:51 , 9:10, 9:12, 9:28 , 9:34, 9:51, 9:53, 9:56, 10:1, 10:7, 10:8, 10:10, 10:30 , 10:34, 10:38, 11:5, 11:6, 11:24 , 11:49, 12:11a, 12:11b, 12:58a, 12:58b , 12:58c, 13:22, 14:1, 14:26 , 14:31, 15:1, 15:6, 15:13 , 15:15a, 15:15b, 15:18, 15:20, 16:27, 16:28, 16:30, 17:11, 18:3 , 18:14, 18:16, 18:31, 18:35 , 18:40, 19:4, 19:5, 19:12, 19:28, 19:29a , 19:29b, 19:30, 19:35 , 19:37, 19:41, 20:10, 21:21a, 21:38, 22:10b, 22:39 , 22:40, 22:41, 22:45, 22:47, 22:54 , 23:1, 23:7 , 23:11, 23:14, 23:15, 23:33, 23:48 , 23:52, 24:1, 24:12, 24:13, 24:24, 24:28, 24:33, 24:50, 24:51, 24:52 .
‘transition’ (движение с пересечением, 26/6)	1:9, 1:28, 1:40, 4:16b, 4:38 , 5:3, 6:4, 6:6 , 7:1, 7:6, 7:36 , 8:22, 8:27 , 8:37, 8:41 , 9:4, 9:52, 10:5, 10:10 , 17:12, 18:10, 19:7, 19:30, 19:45, 21:21b, 22:10a.

‘placement’ (смена позиции, 24/5)	2:28, 3:9 , 3:17, 3:20, 5:11 , 5:13, 5:19b , 5:36, 5:37, 5:38, 6:38, 10:34, 12:28, 13:21, 13:34, 15:5, 17:2a, 17:2b , 19:35, 21:1, 21:12a, 21:12b, 23:19, 23:25 .
‘non-volitional’ (неконтролируемое перемещение, 13/0)	6:39, 8:6, 8:8, 8:12, 8:13, 8:14, 8:15, 13:4, 14:5, 20:18a, 20:18b, 22:44, 23:30.
‘change of posture’ (смена позы, 5/0)	5:8, 8:41, 15:20, 17:16, 19:30.
‘transportation’ (опосредованное движение, 3/2)	5:4 , 8:22 , 8:26.
‘non-translational’ (непереместительное движение, 1/0)	24:5.

Приложение 4. Классификация контекстов по локализации Траектора

Таблица 14. Локализация Траектора в контекстах

Table 14. Localisations of the Trajectors by context

IN (112/56)	1:9, 1:23 , 1:26 , 1:39 , 1:40, 1:56 , 2:3, 2:4a , 2:4b , 2:15a , 2:15b, 2:22 , 2:27, 2:28, 2:39a, 2:39b , 2:41 , 2:42, 2:45 , 2:51 , 3:17, 3:20, 4:1, 4:9 , 4:14 , 4:16a , 4:16b, 4:31 , 4:38 , 4:42 , 5:3, 5:16, 5:18, 5:24 , 5:25 , 5:37, 5:38, 6:4, 6:6 , 6:8, 6:38, 6:39, 7:1, 7:6, 7:10 , 7:11 , 7:24 , 7:36 , 7:44 , 8:14, 8:22, 8:26, 8:29, 8:33, 8:37, 8:39 , 8:41 , 8:51 , 9:4, 9:10, 9:12, 9:51 , 9:52, 9:53 , 9:56 , 10:1 , 10:5, 10:7 , 10:8 , 10:10 , 10:30 , 10:34, 10:38 , 11:24 , 12:11, 12:28, 12:58c, 14:1 , 14:5, 15:6, 15:13 , 15:15 , 16:27 , 16:28 , 17:2 , 17:11 , 17:12, 18:10, 18:14, 18:31 , 19:12 , 19:28 , 19:30a , 19:30b, 19:35, 19:45, 21:1, 21:12a, 21:12b, 21:21b, 21:38, 22:10a, 22:10b, 22:40, 22:54 , 23:19, 23:25 , 23:33, 24:13 , 24:33 , 24:51 , 24:52 .
-------------	--

APUD (65/28)	1:28, 1:43, 4:26a , 4:26b , 4:39, 4:40, 4:42, 6:47, 7:3, 7:4 , 7:6, 7:7 , 7:12, 7:19 , 7:20a , 7:20b , 8:4 , 8:12, 8:19a, 8:19b, 8:35 , 8:41, 10:10 , 11:5 , 11:6 , 11:49, 12:11, 12:58a, 12:58b , 13:22, 14:26 , 14:31, 15:1, 15:15, 15:18 , 15:20 , 16:30 , 17:16, 18:3 , 18:16, 18:35 , 18:40, 19:5 , 19:7, 19:29a , 19:29b, 19:35 , 19:37, 19:41, 20:10, 22:45, 22:47, 23:1, 23:7 , 23:11, 23:14, 23:15, 23:48 , 23:52, 24:1 , 24:5, 24:12 , 24:24 , 24:28 , 24:50.
SUPER (23/8)	4:5 , 4:29, 5:4 , 5:11 , 5:19a, 5:19b , 6:12 , 8:6, 8:8, 8:13, 8:15, 8:27 , 9:28 , 10:34, 13:4, 15:5, 19:30, 20:18a, 20:18b, 22:39 , 22:41, 22:44, 23:30.
CONT (6/0)	5:8, 5:13, 5:36, 15:20, 17:2, 19:4.
INTER (4/1)	3:9 , 9:34, 13:21, 21:21a.
POST (1/1)	8:22
SUB (1/0)	13:34

Список условных сокращений

AOR — аорист; ACC — аккузатив; ACT — активный залог; APUD — локализация ‘около’; COND — условная частица; CONT — локализация ‘в плотном контакте’; DEF — определенность; ESS — эссив; GEN — генитив; IN — локализация ‘внутри’; INTER — локализация ‘между или в среде’; LAT — латив; M — мужской согласовательный класс; N — средний согласовательный класс; OVL — косвенная основа; PL — множественное число; POSS — посессивность; POST — локализация ‘сзади’; SG — единственное число; SUB — локализация ‘под’; SUBJ — субьюнктив; SUPER — локализация ‘на поверхности’.

Литература

Воейкова 2011 — М. Д. Воейкова. Винительный падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.

- Еланская 2010 — А. И. Еланская. Грамматика коптского языка. Саидский диалект. СПб.: Нестор-История, 2010.
- Мельчук 1997 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. I: Введение. Слово. М.; Вена: Языки русской культуры, 1997.
- Плунгян, настоящий сборник — Параллельный корпус как грамматическая база данных и Новый Завет как параллельный корпус (предисловие) // Настоящий сборник.
- Цийи йикърар 2010 — Лукайи ктибту Ужувлан хабар. Библия илтИкІру институт, 2010 (электронный ресурс). URL: <https://ibt.org.ru/ru/media?id=TBN> (дата обращения: 05.09.2023).
- Babaliyeva 2013 — A. Babaliyeva. Études sur la morphosyntaxe du tabasaran littéraire. Thèse de doctorat. Paris: École Pratique des Hautes Études, 2013.
- Blass, Debrunner 1961 — F. Blass, A. Debrunner. A Greek Grammar of the New Testament and Other Early Christian Literature. Cambridge, Chicago: Cambridge University Press, The University of Chicago Press, 1961.
- Cysouw 2007 — M. Cysouw. Building semantic maps: the case of person marking // M. Miestamo, B. Wälchli (eds.). New Challenges in Typology. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. P. 225–248. DOI: 10.1515/9783110198904.4.225.
- Dahl, Wälchli 2016 — Ö. Dahl, B. Wälchli. Perfects and iamitives: two gram types in one grammatical space // Letras De Hoje. 2016. Vol. 51. № 3. P. 325–348. DOI: 10.15448/1984-7726.2016.3.25454.
- de Vries 2007 — L. de Vries. Some remarks on the use of Bible translations as parallel texts in linguistic research // Language Typology and Universals. 2007. Vol. 60. Iss. 2. P. 148–157. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.148.
- FrameNet Index — FrameNet Index (электронный документ). URL: <https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/frameIndex> (дата обращения: 05.09.2023).
- Huddleston, Pullum 2002 — R. Huddleston, G. Pullum. The Cambridge Grammar of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Langacker 1986 — R. W. Langacker. An introduction to cognitive grammar // Cognitive science. 1986. Vol. 10. № 1. P. 1–40. DOI: 10.1207/s15516709cog1001_1.
- Sahidica 2006 — J. W. Wells (ed.). Sahidic New Testament. Sahidica — A New Edition of the New Testament in Sahidic Coptic, 2006 (электронный ресурс). URL: <https://newchristianbiblestudy.org/bible/coptic-nt-sahidic/luke/> (дата обращения: 05.09.2023).
- Wälchli 2010 — B. Wälchli. Similarity Semantics and Building Probabilistic Semantic Maps from Parallel Texts // Linguistic Discovery. 2010. Vol. 8. № 1. DOI: 10.1349/PS1.1537-0852.A.356.

References

- Babaliyeva 2013 — A. Babaliyeva. *Études sur la morphosyntaxe du tabasaran littéraire*. Thèse de doctorat. Paris: École Pratique des Hautes Études, 2013.
- Blass, Debrunner 1961 — F. Blass, A. Debrunner. *A Greek Grammar of the New Testament and Other Early Christian Literature*. Cambridge, Chicago: Cambridge University Press, The University of Chicago Press, 1961.
- Cysouw 2007 — M. Cysouw. Building semantic maps: the case of person marking. M. Miestamo, B. Wälchli (eds.). *New Challenges in Typology*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. P. 225–248. DOI: 10.1515/9783110198904.4.225.
- Dahl, Wälchli 2016 — Ö. Dahl, B. Wälchli. Perfects and iamitives: two gram types in one grammatical space. *Letras De Hoje*. 2016. Vol. 51. No. 3. P. 325–348. DOI: 10.15448/1984-7726.2016.3.25454.
- de Vries 2007 — L. de Vries. Some remarks on the use of Bible translations as parallel texts in linguistic research. *Language Typology and Universals*. 2007. Vol. 60. No. 2. P. 148–157. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.148.
- FrameNet Index — *FrameNet Index*. Available at: <https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/frameIndex> (accessed on 05.09.2023).
- Huddleston, Pullum 2002 — R. Huddleston, G. Pullum. *The Cambridge Grammar of the English Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Langacker 1986 — R. W. Langacker. An introduction to cognitive grammar. *Cognitive science*. 1986. Vol. 10. No. 1. P. 1–40. DOI: 10.1207/s15516709cog1001_1.
- Melchuk 1997 — I. A. Melchuk. *Kurs obshchey morfologii. Tom I: Vvedeniye. Slovo* [Course of the general morphology. Vol. I: Introduction. Word.] Moscow; Wien: Yazyki russkoy kultury, 1997.
- Plungian, this volume — V. A. Plungian. *Parallelnyy korpus kak grammaticheskaya baza dannyykh i Novyy Zavet kak parallelnyy korpus (Predisloviye)* [The parallel corpus as a grammar database and the New Testament as a parallel corpus (Preface)]. This volume.
- Sahidica 2006 — J. W. Wells (ed.). *Sahidic New Testament. Sahidica — A New Edition of the New Testament in Sahidic Coptic*. 2006. Available at: <https://newchristian-biblestudy.org/bible/coptic-nt-sahidic/luke/> (accessed on 05.09.2023).
- Ts'iyi yikrar 2010 — *Lukayi ktibtu Uzhuvlan khabar. Bibliya ilt'ik'ru institut, 2010*. Available at: <https://ibt.org.ru/ru/media?id=TBN> (accessed on 05.09.2023).
- Voyeykova 2011 — M. D. Voyeykova. *Vinitelnyy padezh. Materialy dlya proyekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki* [Accusative. Materials of the project of corpus-based description of the Russian grammar] (<http://rusgram.ru>). Na pravakh rukopisi [Manuscript]. Moscow, 2011.

Wälchli 2010 — B. Wälchli. Similarity Semantics and Building Probabilistic Semantic Maps from Parallel Texts. *Linguistic Discovery*. 2010. Vol. 8. No. 1. DOI: 10.1349/PS1.1537-0852.A.356.

Yelanskaya 2010 — A. I. Yelanskaya. *Grammatika koptskogo yazyka. Saidskiy dialekt* [A grammar of Coptic. Sahidic dialect] St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2010.

Получено / received 04.04.2022

Принято / accepted 30.12.2022

К описанию контекстов для граммемы двойственного числа на материале корпуса переводов Нового Завета

Д. Д. Врубель

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия); diana.vrubel@gmail.com; ORCID: 0009-0005-9796-1135

Л. И. Паско

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия); paskolada@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0533-809X

Аннотация. В данной работе представлено описание контекстов для исследований граммемы двойственного числа. Из параллельного корпуса текстов Нового Завета (Евангелие от Марка и Евангелие от Луки) на древнегреческом, испанском, латинском, русском, словенском и старославянском языках были отобраны контексты, в которых двойственное число может быть поверхностно выражено в языках, где оно является граммемой (на существительных, местоимениях, прилагательных или предикатах в результате согласования). Все контексты были размечены по ряду параметров, релевантных для граммемы дуалиса.

Ключевые слова: двойственное число, число, сочинение, типология, параллельный корпус, старославянский язык, английский язык, словенский язык, испанский язык, древнегреческий язык, латинский язык, русский язык.

Towards the description of contexts for dual number on the material of the New Testament translations corpus

Diana D. Vrubel

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); diana.vrubel@gmail.com;
ORCID: 0009-0005-9796-1135

Lada I. Pasko

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); paskolada@yandex.ru;
ORCID: 0000-0002-0533-809X

Abstract. Parallel text corpora constitute a useful instrument for typological research providing aligned texts in multiple languages. Our aim was to create a database of contexts that might be used for typological research of dual number which has attracted the interest of many typologists since long ago. Though found in many genetically distant languages, dual faces a considerable number of constraints and can only appear in languages with a plural number grammeme. The contexts for the database were taken from the parallel corpus of the New Testament (Gospel of Mark and Gospel of Luke) translations from Ancient Greek to Latin, English, Spanish, Russian, Slovenian and Old Church Slavonic. The resulting database includes contexts where dual number (if it exists in a given language) may be expressed in nouns, predicates, adjectives or pronouns in consistence with the rules of number agreement or concord. Each context was annotated for several parameters relevant to the dual number. A parameter was considered relevant if it could influence the expression of dual number in any way. For example, in some languages with dual number, only nominals standing for objects that naturally come in pairs can have a dual form, while in others these can only occur in the plural. Altogether, eleven parameters were chosen for the database: (1) a noun phrase or a coordinate structure is used ('SINGLE/COORD'); presence of (2) nouns ('N') or (3) pronouns ('PN') in the phrase; inclusion of (4) the speaker ('P-SPEAK') or (5) the addressee ('P-ADDR'); (6) presence of a numeral in the phrase ('NUM'); (7) the taxonomic class of the noun ('TAXONOMY'); (8) objects naturally come in pairs ('PAIR'); (9) thematic roles ('THEMATIC ROLE'); (10) tense ('TENSE'); and (11) modality ('IMP'). In this paper, we present a detailed description of the created database and discuss certain facts concerning the expression of dual number in languages with this grammeme (Slovenian and Old Church Slavonic).

Keywords: dual number, number, coordination, typology, parallel corpus, Old Church Slavonic, English, Slovenian, Spanish, Ancient Greek, Latin, Russian.

1. Введение

Граммема двойственного числа издавна привлекала внимание типологов — о ней писал еще Вильгельм фон Гумбольдт ([Humboldt 1830], цит. по [Plank 1989: 293]). Граммема двойственного числа присутствует во многих генетически неродственных языках (см. обзор в [Plank 1989]), при этом на нее накладывается большее число ограничений, чем, например, на граммему множественного числа: согласно универсалии 34 Гринберга, если в языке есть двойственное число, то в нем обязательно есть и множественное [Greenberg 1963]. Двойственное число зачастую ведет себя нетривиальным образом — например, в церковнославянском языке русского извода в личных глагольных формах двойственного числа помимо различения лица развилось противопоставление по роду, в отличие от форм единственного и множественного числа [Алипий 1964: 104] (далее эта черта будет обсуждаться в *Разделе 4*). Граммема двойственного числа важна для типологии и при описании семантики множественного числа. В то время как значение граммемы множественного числа в языках без дуалиса можно охарактеризовать как ‘два и больше’, в языках с дуалисом соответствующее значение — ‘три и больше’ [Cysouw 2011: 9].

Целью нашей работы было создание инструмента, который позволил бы проводить типологические исследования граммемы двойственного числа, основываясь на эмпирических данных. Для этого мы отобрали все контексты из параллельного корпуса переводов Нового Завета, в которых возможно появление форм двойственного числа в тех языках, где оно является граммемой.

Были рассмотрены Евангелие от Луки и Евангелие от Марка (общий объем — 1151 стих из Евангелия от Луки и 678 стихов из Евангелия от Марка; всего 1829 стихов). Источниками контекстов стали как тексты на языках без граммемы двойственного числа: русском (СПБ), английском (КJB), древнегреческом (ДПБ), латинском (NV), испанском (BRV), так и переводы на языки, в которых граммема дуалиса имеется: церковнославянский (ЦСПБ) и словенский (SSP)

(о методике и о принципах подбора языков см. [Плунгян, наст. сб.]). Последние представляют собой удобный инструмент для определения числа участников в спорных случаях. Так, в примере (1) неочевидно количество участников действия ‘возвращаться’: два (Иосиф, Матерь) или же три (Иисус, Иосиф, Матерь). Только в первом случае контекст должен быть включен в базу. В церковнославянском переводе предикат согласуется по множественному, а не по двойственному числу, что позволяет сделать вывод о числе участников ситуации¹.

- (1) *Когда же, по окончании дней <праздника>, возвращались, остался Отрок Иисус в Иерусалиме; и не заметили того Иосиф и Матерь Его <...>* [Лк. 2:43]

При дальнейших типологических исследованиях наша база контекстов может быть использована для ответа, например, на следующие вопросы об исследуемом языке L:

- 1) Есть ли в языке L граммема двойственного числа?

Если есть:

- 2) Как она маркируется?

- 3) Существуют ли семантические или грамматические ограничения на ее выражение?

Статья устроена следующим образом. В *Разделе 2* описывается процедура отбора контекстов. В *Разделе 3* приводится обзор параметров разметки. *Раздел 4* посвящен обсуждению нашедших отражение в базе грамматических особенностей языков с граммемой двойственного числа. В заключительном разделе представлены выводы.

¹ Сделать аналогичный вывод, основываясь на словенском переводе, в данной ситуации невозможно, так как в словенском языке дуалис не употребляется с объектами, образующими естественные пары, к которым относится возможное в данном контексте подлежащее ‘родители’ (см. *Раздел 3.6*).

2. Отбор контекстов

Граммема двойственного числа может выражаться на единицах разных лексико-грамматических разрядов: существительных и местоимениях (семантическое двойственное число), различных классах предикатов (двойственное число маркируется на предикате в результате субъектного или объектного согласования). В ходе нашей работы мы приняли решение не ограничиваться каким-то одним классом единиц. У этого решения было несколько причин.

Во-первых, в некоторых переводах существительные в потенциальном двойственном числе (здесь и далее мы используем слово «потенциальный»), чтобы показать, что появление форм двойственного числа возможно в каких-то из исследуемых языков) могут заменяться сочиненной конструкцией, и наоборот. Например, в переводах стиха, представленного в (1), в древнегреческом, латинском и словенском текстах для обозначения Иосифа и Марии используется именная группа со значением ‘его родители’, ср. словенский *njegov-i starš-i* (M.3SG.POSS-M.NOM.PL родитель-PL.NOM). В русском, английском, испанском и церковнославянском переводах используется сочиненная конструкция со значением ‘Иосиф и его [Иисуса] мать’. В контекстах с подобным варьированием мы осуществляли разметку, опираясь на большинство рассмотренных нами источников. В случаях, когда два участника ситуации выражаются сочиненной конструкцией, двойственное число может быть выражено только в результате согласования.

Во-вторых, среди рассмотренных нами контекстов встретились случаи, где в части текстов два участника ситуации обозначаются существительным, а в другой части — местоимением. Например, субстантивированному причастию *посланные* в русском переводе в (2) в словенском тексте соответствует существительное с зависимой клаузой (2а), в английском — местоимение с зависимой клаузой (2б). Если бы мы выбрали для исследования только один класс единиц, анализ таких контекстов был бы проблематичен.

СЛОВЕНСКИЙ

- (2) а. *učenc-a, ki sta bila*
 ученик-DU.NOM который быть.PRS.3DU быть.APP-M.DU
posla-n-a
 послать-PPP-M.DU

АНГЛИЙСКИЙ

- б. *they that were sent*

‘Посланные’ (пошли и нашли, как Он сказал им). [Лк. 19:32]

В-третьих, если бы мы отказались от изучения согласовательного двойственного числа, наша база данных могла бы лишь ограниченно применяться в языках с опущением топиальных подлежащих (в т. н. «pro-drop» языках). Так как в таких языках местоимение-подлежащее обязательно или факультативно поверхностно не выражается, двойственное число маркируется только на предикате. Ср. в (3а) и (3б) переводы одного и того же контекста на английский (не «pro-drop» язык) и словенский («pro-drop» язык):

АНГЛИЙСКИЙ

- (3) а. *And they went their way, and found the colt tied by the door without in a place where two ways met; and they loose him.*

СЛОВЕНСКИЙ

- б. *Odš-l-a sta in naš-l-a*
 уйти-APP-M.DU быть.PRS.3DU и найти-APP-M.DU
osličk-a, priveza-n-ega pri vrat-ih
 осел-SG.ACC привязать-PPP-M.SG.ACC у дверь-PL.LOC
zunaj ob cest-i, ter ga
 снаружи возле дорога-SG.LOC и 3SG.ACC
zače-l-a odvezova-ti.
 начать-APP-M.DU отвязывать-INF

‘Они пошли, и нашли молодого осла, привязанного у ворот на улице, и отвязали его’. [Мк. 11:4]

В силу перечисленных причин мы выделяли в качестве релевантных контекстов все ситуации с двумя участниками, обладающими

одной семантической ролью, вне зависимости от того, как они выражены: существительным, сочиненной конструкцией, местоимением или нулевым местоимением.

Итоговое количество релевантных контекстов не равно количеству стихов в нашей базе, поскольку в одном стихе может встречаться более одного контекста. Это происходит в случаях, когда в одной ситуации есть сразу две пары участников (4) или же когда в одном стихе есть больше одной ситуации с двумя участниками (5). Однородные сказуемые мы также рассматривали как разные контексты. Таким образом, пример (4) содержит два контекста: ‘показал руки’ и ‘показал ноги’, а пример (5) — три контекста: ‘∅ не найдя’, ‘∅ возвратились’, ‘∅ ища’ (∅ обозначает нулевое подлежащее). Далее каждый из контекстов был размечен по ряду параметров, релевантных как для именных, так и для глагольных форм (см. *Раздел 3*).

(4) *И, сказав это, показал им **руки** и **ноги**.* [Лк. 24:40]

(5) *И, не **найдя** Его, **возвратились** в Иерусалим, **ища** Его.* [Лк. 2:45]

Таким образом, из 135 отобранных стихов (99 Лк. и 46 Мк.) в 71 были выделены два и более контекстов (50 Лк. и 21 Мк.). Общее число контекстов после разбиения — 286 (187 Лк. и 99 Мк.).

3. Обзор параметров

Каждый из отобранных контекстов был охарактеризован по следующим параметрам (далее каждый из них будет кратко описан; см. также пример разметки в *Приложении*):

- 1) Именная группа vs сочинение (‘SINGLE/COORD’);
- 2) Существительное (‘N’), местоимение (‘PN’);
- 3) Категория лица у местоимений (‘P-SPEAK’, ‘P-ADDR’);

- 4) Количественная конструкция ('NUM');
- 5) Таксономический класс ('TAXONOMY');
- 6) Парные объекты ('PAIR');
- 7) Семантическая роль ('THEMATIC ROLE');
- 8) Время и модальность ('TENSE', 'IMP').

Мы выбирали параметры, руководствуясь двумя основными критериями:

- Возможность параметра влиять на допустимость двойственного числа у лексической единицы (например, в словенском языке двойственное число не употребляется с парными объектами).
- Возможность параметра влиять на выбор средств, которыми двойственное число выражается в том или ином языке (например, для обозначения эксклюзивного и инклюзивного 1-го лица могут использоваться различные местоимения двойственного числа).

3.1. Именная группа vs сочинение двух именных групп

Параметр 'SINGLE/COORD' принимает значение 'SINGLE' в случаях, когда два участника названы одной именной группой, и 'COORD' в случаях, когда каждый из участников выражен отдельной именной группой. Этот параметр важен при изучении двойственного числа, так как эти два способа обозначения пар участников могут быть связаны с разными стратегиями согласования предиката. Например, в [Ремнева, Николенкова 2015: 54] отмечается следующая тенденция в некоторых относительно поздних церковнославянских памятниках: при сохранении граммы двойственного числа личные формы глагола всегда согласуются по множественному числу с подлежащим, обозначающим двух участников и выраженным сочиненной конструкцией. При этом в контекстах, где двум участникам соответствует одна именная группа, выбор между двойственным

и множественным числом объясняется другими факторами (например, выбор зависит от того, образуют ли участники естественную пару, а также выражается ли подлежащее существительным или местоимением).

Стоит отметить, что одна и та же пара участников может быть названа в рамках одного стиха двумя разными способами: ‘SINGLE’ и ‘COORD’ (6). В подобных случаях два этих упоминания размечались как два отдельных контекста с разными параметрами.

- (6) *Видя то, ученики Его, Иаков и Иоанн, сказали: Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал?* [Лк. 9:54]

В сочиненной конструкции могут сочетаться единицы с разными тегами, ср. местоимение и существительное в (7). Именно это стало основной причиной для выделения двух независимых параметров для обозначения контекстов, в которых участники названы существительными (‘N’), и контекстов, в которых участники названы местоимениями (‘PN’).

- (7) *И, увидев Его, удивились; и Мать Его сказала Ему: Чадо! что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя.* [Лк. 2:48]

Среди всех контекстов, попавших в базу, 268 являются именными группами (‘SINGLE’) и 18 — сочиненными конструкциями (‘COORD’). В *Таблице 1* представлено распределение существительных и местоимений в пределах сочиненных конструкций.

Таблица 1. Распределение контекстов +COORD по параметрам N и PN

Table 1. N, PN distribution within +COORD contexts

N	PN		Кол-во
+	–	Сочинение двух существительных	17
–	+	Сочинение двух местоимений	0
+	+	Сочинение существительного и местоимения	1

3.2. Существительные и местоимения

Параметр ‘N’ принимает положительное значение в контекстах, где хотя бы один из участников обозначен существительным, например, в (7). Среди всех контекстов, попавших в базу, 118 содержат существительные и получили, соответственно, положительное значение параметра ‘N’.

Тегом ‘PN’ были помечены контексты, включающие местоимения. Как и в случае с существительными, неважно, обозначаются ли местоимением оба участника ситуации или только один из них. Местоимения — важная диагностика для определения того, есть ли в языке граммема двойственного числа, так как оно может являться единственным классом, где граммема поверхностно выражена [Daniel 2013].

Среди всех контекстов, попавших в базу, 181 содержат местоимения и получили положительное значение параметра ‘PN’.

3.3. Категория лица

Выражение двойственного числа в местоимении может зависеть от категории лица — см. обзор стратегий, используемых в различных языках, в [Plank 1989]. Для того чтобы охарактеризовать найденные местоимения по категории лица, были выделены параметры ‘P-SPEAK’ и ‘P-ADDR’ (подобный подход см., например, в [Zwicky 1977: 726]). Местоимение получало тег ‘P-SPEAK’, если в число участников ситуации, обозначаемых местоимением, входил говорящий. Аналогично, тег ‘P-ADDR’ предназначался для ситуаций с включением адресата. С помощью этих двух бинарных признаков мы получили четыре класса местоимений, которые соответствуют традиционно выделяемым разрядам: 1 лицо инклюзивное, 1 лицо эксклюзивное, 2 лицо, 3 лицо, см. *Таблицу 2* (с. 85).

Примеры на потенциально первое инклюзивное и эксклюзивное лицо представлены в (8) и (9), соответственно.

Таблица 2. Распределение контекстов с тегом PN по параметрам P-SPEAK и P-ADDR

Table 2. Distribution of +PN contexts by P-SPEAK and P-ADDR parameters

	1 INCL	1 EXCL	2	3
P-SPEAK	+	+	–	–
P-ADDR	+	–	+	–
Число контекстов	8	10	45	118
Доля, %	4,4%	5,5%	24,9%	65,2%

- (8) *И они сказали друг другу: не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?* [Лк. 24:32]
- (9) *Видя то, ученики Его, Иаков и Иоанн, сказали: Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал?* [Лк. 9:54]

В примере (10) представлен пример местоимения второго лица. В этот класс также включались подлежащие императивов, как материально выраженные, так и нулевые (15 контекстов), см. (11).

- (10) *Он сказал им: что хотите, чтобы Я сделал вам?*
[Мк. 10:36]

АНГЛИЙСКИЙ

- (11) *Go ye into the city, and there shall meet you a man bearing a pitcher of water: ∅ follow him.*
<И посылает двух из учеников Своих и говорит им:> ‘пойдите в город; и встретится вам человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним’. [Мк. 14:13]

В примере (12) содержится местоимение третьего лица.

- (12) Он сказал **им**: зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему? [Лк. 2:49]

Параметры ‘P-SPEAK’ и ‘P-ADDR’, так же, как и таксономические классы (см. *Раздел 3.5*), тесно связаны со шкалой одушевленности [Corbett 2000: 90], согласно которой иерархия выглядит следующим образом: 1 лицо > 2 лицо > 3 лицо.

3.4. Числительные

Параметр ‘NUM’ принимает положительное значение, если в контексте есть числительное. Он является значимым для исследуемой граммы, так как наличие числительного (или иного слова с количественным значением) может не допускать поверхностного выражения числа на существительном, как, например, это происходит в грузинском [Aronson 1990: 147], финском и некоторых других языках (см. [Гращенков 2002]). Кроме того, конкуренция форм двойственного числа и количественных конструкций в зависимости от контекста также представляет интерес (см., например, [Сидорова 2016]).

Способ выражения количества может варьироваться в зависимости от языка текста. Например, в контексте, представленном в (13), в русском, церковнославянском и словенском переводах с существительным ‘горлицы’ употребляется числительное ‘два’, в то время как в древнегреческом, латинском, английском и испанском текстах использовано слово ‘пара’. Однако в данном случае подобное варьирование не затрудняет разметку, так как и *пара* и *два* обозначают число объектов и могут иметь одинаковый эффект на поверхностное выражение двойственного числа.

АНГЛИЙСКИЙ

- (13) *And to offer a sacrifice according to that which is said in the law of the Lord, A pair of turtledoves, or two young pigeons.*
 ‘⟨...⟩ И чтобы принести в жертву, по реченному в законе Господнем, **две** горлицы или **двух** птенцов голубиных’. [Лк. 2:24]

Помимо лексем ‘два’ и ‘пара’, параметр ‘NUM’ был представлен собирательными числительными *двое* (в славянских языках; в прочих языках выборки в соответствующих контекстах использовались количественные числительные, см. (14)) и *оба* (англ. *both*, исп. *ambos* и др.), см. (15), (ср. [Русская грамматика 1980: 571]).

АНГЛИЙСКИЙ

- (14) *For from henceforth there shall be five in one house divided, three against two, and two against three.*

‘Ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и **двое** против трех’. [Лк. 12:52]

- (15) *Оба они были праведны пред Богом, поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно.* [Лк. 1:6]

В церковнославянском числительное *оба* иногда встречается в контекстах, где ни в одном из других переводов аналогичных словоформ не употреблено. Это связано со специфичным для церковнославянского *оба* значением: оно может обозначать определенную именную группу из двух участников [Łazorczyk, Pancheva 2009; Жолобов, Крысько 2001: 29]. Например, в церковнославянском *оба* может быть компонентом предлога с партитивным значением (*кѣи ѿ обою* ‘который из двух’), что невозможно для современного русского *оба* [Łazorczyk, Pancheva 2009: 10]. Среди наших контекстов в (16) церковнославянский является единственным переводом, где употребляется числительное *обе*, и оно указывает на то, что группа из двух рыб является определенной группой, упомянутой ранее.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ

- (16) *И прїемь пать хлѣвъ и двѣ рыбѣ, възрѣвъ на нѣво, бл҃гви и преломи хлѣбы, и дааше оучѣнкѣмъ своимъ, да предлагаютьъ предъ ними: и обѣ рыбѣ раздѣли вѣмъ.*

‘Он взял пять хлебов и **две рыбы**, воззрев на небо, благословил и преломил хлебы и дал ученикам Своим, чтобы они раздали им; и **две рыбы** разделил на всех’. [Мк. 6:41]

Среди всех контекстов, вошедших в базу, 45 содержат числительные и получили положительное значение параметра ‘NUM’.

3.5. Таксономические классы

Параметр ‘ТАХОНОМУ’ был введен для разметки по таксономическим классам участников ситуаций, вошедших в отобранные контексты, и может принимать 7 значений, перечисленных ниже (см. также *Таблицу 3*). Некоторые участники могут относиться в разных ситуациях к разным классам. Так, например, ‘рыбы’ в некоторых ситуациях могут относиться к классу животных, а в других — к классу пищи (например, ‘пять хлебов и две рыбы’ в (24)).

Самым многочисленным из выделенных нами классов оказался класс людей (‘НУМ’). Внутри данного класса мы ввели дополнительные пометы: ‘КИН’ для терминов родства (17) и ‘ФЕМ’ для лиц женского пола (18). В контекстах, не получивших ни одного из этих дополнительных параметров, участниками, соответственно, являются мужчины, не названные терминами родства, например, (19).

- (17) *Еще сказал: у некоторого человека было два сына* <...> [Лк. 9:30]
- (18) *Мария же Магдалина и Мария Иосиева смотрели, где Его полагали.* [Мк. 15:47]
- (19) *И вот, два мужа беседовали с Ним, которые были Моисей и Илия* <...> [Лк. 9:30]

Вторым выделенным нами классом стал класс рукотворных объектов (‘АРТ’). В него попали, например, предметы одежды (20) и оружие (21).

- (20) <...> *У кого две одежды, тот дай неимущему.* [Лк. 3:11]
- (21) *Они сказали: Господи! вот, здесь два меча. Он сказал им: довольно.* [Лк. 22:38]

Еще одним таксономическим классом стал класс мер (**'MEAS'**); в него входят, например, денежные единицы (22), а также числительные с большим арифметическим значением² (23).

(22) *⟨...⟩ Увидел также и бедную вдову, положившую туда **две лепты**. [Лк. 21:2]*

(23) *⟨...⟩ И устремилось стадо с крутизны в море, а их было около **двух тысяч**; и потонули в море. [Мк. 5:13]*

Также были выделены класс пищи (**'FOOD'**) (24), класс животных (**'ANIM'**) (25) и класс пространств (**'SPACE'**) (26).

(24) *Он же, взяв **пять хлебов и две рыбы** и воззрев на небо, благословил их, преломил и дал ученикам, чтобы раздать народу. [Лк. 9:16]*

(25) *⟨...⟩ И чтобы принести в жертву, по реченному в законе Господнем, **две горлицы или двух птенцов голубиных**. [Лк. 2:24]*

(26) *Но скорее **небо и земля** пройдут, нежели одна черта из закона пропадет. [Лк. 16:17]*

Таксономический класс частей тела (**'BODY'**) оказался вторым по численности. В него попали следующие объекты: *ноги*

² Согласно работе [Corbett 1993] (на материале русского языка), некоторые числительные демонстрируют большее количество субстантивных свойств, в то время как некоторые являются более адъективными (см. об этом также в [Мельчук 1985: 295; Гращенков 2002]). Если в языке существует такое различие, то, как правило, более субстантивными являются числительные с большим арифметическим значением, а более адъективными — с меньшим.

Арифметическое значение также может влиять на маркирование существительного в количественных конструкциях. Существуют языки, где существительное последовательно употребляется в форме единственного / множественного числа, вне зависимости от арифметического значения [Corbett 2000: 2011]. Однако в некоторых языках действуют смешанные стратегии. Согласно [Greenberg, Kemmer 1990: 300], если в языке есть вариативность числового маркирования, то единственное число предпочтительнее с большими числительными.

(12 контекстов), ср. (27), *руки* (11 контекстов), *уши* (6 контекстов), *очи* (5 контекстов), *колени* (3 контекста), *плечи* (1 контекст), *сосцы* (1 контекст) и *крылья* (1 контекст), ср. (28).

(27) <...> Ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне **ноги**. [Лк. 7:46]

(28) <...> Сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под **крылья**, и вы не захотели! [Лк. 13:34]

Все контексты с тегами ‘BODY’ были также помечены тегом ‘PAIR’, обозначающим принадлежность к классу естественно парных объектов (см. *Раздел 3.5*).

В *Таблице 3* представлено распределение контекстов по таксономическим классам (при этом среди сочиненных конструкций не встретилось тех, где конъюнкты относились бы к разным таксономическим классам).

Таблица 3. Распределение контекстов по таксономическим классам

Table 3. Distribution of contexts by taxonomic class

Тег	Число контекстов	Доля, %
HUM	215	75.2
+KIN	11	3.8
+FEM	2	0.7
BODY	46	16.0
ART	10	3.5
MEAS	7	2.4
FOOD	4	1.4
ANIM	2	0.7
SPACE	2	0.7

Таксономические классы являются важным для двойственного числа параметром, так как могут непосредственно влиять

на наличие граммемы двойственного числа (например, в древнееврейском помимо парных объектов двойственное число употребляется только с существительными, входящими в таксономический класс мер [Genesius et al. 1910]), или же коррелировать со шкалой одушевленности, которая, в свою очередь, может оказывать влияние на поверхностную выраженность двойственного числа — двойственное число чаще будет использовано для объектов, которые находятся выше в иерархии одушевленности [Corbett 2000: 90]. Для используемых нами таксономических классов шкала одушевленности выглядит следующим образом: ‘NUM (+KIN)’ > ‘NUM (-KIN)’ > ‘ANIM’ > остальные. О влиянии принадлежности к таксономическому классу на выражение числа см. также [Ляшевская 2004: 57].

3.6. Парные объекты

Параметр ‘PAIR’ принимает положительное значение для контекстов с парными объектами. Это значимый параметр для исследования, так как парные объекты могут вести себя особым образом в отношении двойственного числа [Plank 1989]. Так, например, в языке словенской Библии парные объекты не различают двойственного числа, в то время как во всех остальных случаях оно последовательно употребляется [Derganc 2003].

Среди отобранных нами контекстов парные объекты представлены парными частями тела и парами людей (29).

(29) *Он сказал им: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или **родителей**, или братьев, или сестер, или жену, или детей для Царствия Божия.* [Лк. 18:29]

Среди всех контекстов, попавших в базу, 48 содержат парные объекты и получили положительное значение параметра ‘PAIR’. Из них всего два не являются контекстами, относящимися к таксономическим классам частей тела.

3.7. Семантическая роль

Каждый из контекстов в базе обозначает ситуацию с двумя участниками, обладающими одной семантической ролью. Параметр ‘ТМЕМАТИС РОЛЕ’ был введен для того, чтобы эти роли охарактеризовать. Некоторые из выбранных для разметки семантических ролей не являются таковыми в строгом смысле слова (как, например, комитатив, см. [Архипов 2009: 82]), однако были использованы нами для расширения возможностей поиска по базе.

Наиболее часто встречающейся семантической ролью среди контекстов нашей базы является роль агенса (‘А’). По этой причине было принято решение дополнительно разметить некоторые типы предикатов, агенсом которых выступают два участника. Были выделены следующие три подкатегории:

- 1) Агенса в предикатах движения ‘А (MV)’ (30)
- 2) Агенса в предикатах нахождения ‘А (PSTN)’ (31)
- 3) Агенса в предикатах речи ‘А (SP)’ (32)

(30) *Каждый год родители Его ходили в Иерусалим на праздник Пасхи.* [Лк. 2:41]

(31) *Когда же они были там, наступило время родить Ей (...)* [Лк. 2:6]

(32) *Они сказали Ему: дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую в славе Твоей.* [Мк. 10:37]

Эти три класса в сумме содержат 55 контекстов, то есть покрывают почти половину всех контекстов с тегом ‘А’. Эти классы могут быть важны для исследования двойственного числа, так как в некоторых языках только глаголы из определенных семантических классов имеют формы и множественного, и двойственного числа. Например, в языке коасати (< мускогские) обе формы представлены только у глаголов движения и нахождения [Kimball 1993: 474].

Второй по частотности семантической ролью среди контекстов нашей базы является пациенс ('P'), см. (33). Однако он встречается почти вдвое реже, чем агенс (см. *Таблицу 4*).

(33) <...> Увидел также и бедную вдову, положившую туда **две лепты** <...> [Лк. 21:2]

Также для разметки были использованы следующие семантические роли: адресат 'ADDR', см., например, (34), экспериенцер 'EXP' (35), бенефактив 'B' (36), комитатив 'COM' (37), цель 'DIR' (38), посессор 'POS' (39), место 'LOC' (40), стимул 'ST' (41), реципиент 'R' (42) и источник 'SRC' (43).

(34) *И пошли ученики Его, и пришли в город, и нашли, как сказал им; и приготовили пасху.* [Мк. 14:16]

(35) *Мария же Магдалина и Мария Иосиева смотрели, где Его полагали.* [Мк. 15:47]

(36) <...> *И сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую <мне> часть имения. И <отец> разделил им имения.* [Лк. 15:12]

(37) *И Он пошел с ними и пришел в Назарет; и был в повиновении у них. И Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем.* [Лк. 2:51]

(38) *Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! в руки Твои предаю дух Мой. И, сие сказав, испустил дух.* [Лк. 23:46]

(39) <...> *Но как они не имели чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбил его?* [Лк. 7:42]

(40) <...> *И говорит им: пойдите в селение, которое прямо перед вами; входя в него, тотчас найдете привязанного молодого осла, на которого никто из людей не садился; отвязав его, приведите.* [Мк. 11:2]

(41) <...> *Увидел Он две лодки, стоящие на озере; а рыболовы, выйдя из них, вымывали сети.* [Лк. 5:2]

- (42) *И когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им.* [Лк. 24:30]
- (43) *⟨...⟩ Увидел Он две лодки, стоящие на озере; а рыболовы, выйдя из них, вымывали сети.* [Лк. 5:2]

Тринадцать контекстов не были охарактеризованы по параметру семантической роли. Среди них встретились аппозитивные конструкции (4 контекста, см. (44)), элективные конструкции (3 контекста, см. (45)) и предикаты (3 контекста, см. (46)).

- (44) *Видя то, ученики Его, **Иаков и Иоанн**, сказали: Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал?* [Лк. 9:54]
- (45) *⟨...⟩ Но как они не имели чем заплатить, он простил обом. Скажи же, который **из них** более возлюбит его?* [Лк. 7:42]
- (46) *В начале же создания, Бог **мужчину и женщину** сотворил их.* [Мк. 10:6]

В Таблице 4 представлено распределение контекстов по семантическим ролям.

Таблица 4. Распределение контекстов по семантическим ролям

Table 4. Distribution of the contexts by thematic role

Тег	Семантическая роль	Число контекстов	Доля, %
A	Агенс	119	41,6
(MV)	(движение)	22	7,7
(PSTN)	(нахождение)	8	2,8
(SP)	(речь)	25	8,8
P	Пациенс	70	24,5
ADDR	Адресат	22	7,7
EXP	Экспириенцер	16	5,6
B	Бенефактив	11	3,9

Тег	Семантическая роль	Число контекстов	Доля, %
COM	Комитатив	9	3,1
DIR	Цель	8	2,8
POS	Посессор	7	2,4
LOC	Место	5	1,7
ST	Стимул	4	1,4
R	Реципиент	1	0,4
SRC	Источник	1	0,4
–	–	13	4,5

3.8. Время и модальность

Параметр времени ‘TENSE’ принимает 3 значения: прошедшее ‘PST’, настоящее ‘PRS’ и будущее ‘FUT’. Некоторые контексты не получили соответствующей пометы, так как не могут быть охарактеризованы по времени в силу модальности, например, (47).

- (47) *Никакой слуга не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть.* [Лк. 16:13]

Параметр ‘IMP’ принимает положительное значение, если контекст имеет модальность императива (48); обсуждение императивных контекстов см. также в [Орлов, наст. сб.].

- (48) *⟨...⟩ И послал ⟨Иисус⟩ Петра и Иоанна, сказав: пойдите, **приготовьте** нам есть пасху.* [Лк. 22:8]

Сочетание параметров ‘IMP’ и ‘P-ADDR’ позволяет искать в базе контексты с потенциальным субъектным согласованием императива по двойственному числу.

Среди всех контекстов, попавших в базу, 19 имеют модальность императива и получили положительное значение параметра ‘IMP’.

4. Обсуждение

В нашу базу вошли переводы на два языка с граммемой двойственного числа: словенский и церковнославянский. Эти переводы не только полезны при разметке корпуса (например, при поиске релевантных параметров и проверке спорных контекстов), но и могут быть объектом исследования. Рассмотрим некоторые грамматические черты, связанные с граммемой двойственного числа.

В контекстах, отобранных с помощью базы, находят отражение черты, описанные в грамматиках [Toporišič 2000; Алипий 1964]. Так, в словенском переводе маркирование числа зависит от того, являются ли два участника ситуации с одной семантической ролью парными или нет. Парные объекты последовательно маркируются множественным числом, тогда как во всех остальных релевантных контекстах используется форма двойственного числа. Например, словоформа *starši* ‘родители’ в (49) имеет окончание множественного числа. Кроме того, предикат согласуется со *starši* по множественному числу (*so bili*), кореферентное со *starši* местоимение *jim* ‘им’ — также во множественном числе. Все контексты, в которых отражается эта черта словенского, можно найти в базе по параметру ‘PAIR’.

СЛОВЕНСКИЙ							
(49)	<i>Njen-i</i>		<i>starš-i</i>		<i>so</i>		<i>bil-i</i>
	F.3SG.POSS-M.PL.NOM		родитель-PL.NOM		быть.PRS.3PL		быть.APP-M.PL
	<i>čisto</i>	<i>iz</i>	<i>seb-e.</i>	<i>Naroči-l-∅</i>		<i>pa</i>	<i>jim</i>
	совсем	из	REFL-GEN	приказать-APP-M.SG		и	3PL.DAT
	<i>je,</i>		<i>naj</i>	<i>nikomur</i>	<i>ne</i>	<i>poved-o,</i>	<i>kaj</i>
	быть.PRS.3SG		чтобы	никто.DAT	NEG	рассказать-PRS.3PL	что.NOM
	<i>se</i>	<i>je</i>		<i>zgodil-o.</i>			
	REFL	быть.PRS.3SG		произойти-APP-N.SG			

‘И удивились родители ее. Он же повелел им не сказывать никому о происшедшем’. [Лк. 8:56]

Словенские личные местоимения также заслуживают внимания: в именительном падеже местоимения представлены исторически аналитическими формами, образованными по модели ‘местоимение множественного числа + числительное *dva / dve*’. Ср., например, *midva* в (50). Предикативное согласование с ними при этом происходит по двойственному числу — например, формы *prejemava* и *sva storila* в (50). В косвенных падежах используются синтетические формы. Ср. формы *naju* и *nama* в (51).

СЛОВЕНСКИЙ

- (50) *In midva po pravic-i kajti prejem-ava*
и 1DU.NOM по правда-SG.DAT потому_что принять-PRS.1DU
primern-o povračil-o za to, kar
надлежащий-N.SG.ACC возмездие-SG.ACC за то.ACC что.ACC
sva stori-l-a;
быть.PRS.1DU сделать-APP-M.DU

‘⟨...⟩И мы [осуждены] справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, (а Он ничего худого не сделал)’. [Лк. 23:41]

СЛОВЕНСКИЙ

- (51) *In rek-l-a sta drug-∅ drug-emu:*
и сказать-APP-M.DU быть.PRS.3DU друг-M.SG.NOM друг-M.SG.DAT
«Ali ni najin-o src-e gore-l-o
или NEG 2DU.POSS-N.SG.NOM сердце-SG.NOM гореть-APP-N.SG
v naju, ko nama je po pot-i
в 2DU.LOC когда 2DU.DAT быть.PRS.3SG по дорога-SG.DAT
govor-i-l-∅ in odpira-l-∅ Pism-a?»
говорить-APP-M.SG и открыть-APP-M.SG писание-PL.ACC

‘И они сказали друг другу: не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?’ [Лк. 24:32]

В церковнославянском языке формы именительного падежа личных местоимений 1 и 2 лица двойственного числа также отличаются

от форм косвенных падежей. В именительном падеже формы совпадают с формами множественного числа (*мы, вы*), тогда как в косвенных падежах формы двойственного и множественного числа различаются (форме двойственного числа *наю* в (52) противопоставлена форма множественного числа *намь*). Так же, как и в словенском, согласовательное двойственное число при этом не утрачивается, ср. *воспріѣмлева* в (52).

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ

- (52) ѿ мѣ оубѣ въ правдоу: достѣйнаа бо по дѣломъ наю воспріѣмлева: сѣй же ни единагѣ зла сотвори.
 ‘(...) И мы (осуждены) справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал’.
 [Лк. 23:41]

Поиск контекстов, которые содержат местоимения в потенциальном двойственном числе, осуществляется в базе с помощью тега ‘PN’.

В отличие от словенского, в церковнославянском нет семантических ограничений на маркирование двойственного числа — оно последовательно выражается в релевантных контекстах. Например, в (53) представлен перевод того же контекста, что и в (49). Там, где в словенском представлены формы множественного числа, в церковнославянском используются формы двойственного числа.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ

- (53) И дивістася родітелеа еѣ. Онъ же повелѣ ѿма никомуже повѣдати бѣвшегѣ.
 ‘И удивились родители ее. Он же повелел им не сказывать никому о происшедшем’. [Лк. 8:56]

В контекстах нашей базы нашла отражение интересная инновация церковнославянского [Алипий 1964: 104]: личные глагольные формы в двойственном числе, в отличие от форм единственного и множественного числа, противопоставляются не только по лицу, но и по роду (при этом формы 2 и 3 лица совпадают). В формах мужского рода окончания всегда заканчиваются на *-а*, в формах женского и среднего — на *-ь*. Это различие проявляется в (54): в формах

боудета и *боудеть* маркируется различие подлежащих по роду (*два* — мужской род и *двѣ* — женский род).

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ

(54) Глѣоу вѣмъ: въ тоу нощь боудета два на одрѣ единомъ: единъ поемлетса, а другїи вѣставлѣтса. Боудеть двѣ вкоупѣ мѣющѣ: едина поемлетса, а другѣа вѣставлѣтса.

‘Сказываю вам: в ту ночь будут двое на одной постели: один возьмется, а другой останется; две будут молоть вместе: одна возьмется, а другая останется’. [Лк. 17:34–35]

Таким образом, база оказывается удобным инструментом для поиска контекстов с нужными исследователю параметрами. В случае языков с существующими грамматическими описаниями, таких, как словенский и церковнославянский, база может служить источником релевантных примеров. В дальнейшем база также может использоваться при описании менее изученных языков.

5. Заключение

В данной работе представлено описание базы контекстов для граммы двойственного числа, отобранных на основе параллельного корпуса текстов фрагментов Нового Завета. Все контексты были размечены по ряду параметров, релевантных для граммы дуалиса: противопоставление контекстов с сочиненными конструкциями и контекстов, где участники названы одной именной группой; наличие существительного в группе, называющей участников ситуации; наличие местоимения; включение говорящего; включение адресата; наличие числительного; таксономический класс названных объектов; их парность; их семантическая роль; время и модальность.

База может быть использована в исследовательских целях для изучения двойственного числа в конкретном языке или особенностей граммы в целом (например, грамматических ограничений на ее выражение). Кроме того, база контекстов позволит проводить

диахронические исследования развития грамматики в языке путем сопоставления контекстов в переводах разных периодов.

В дальнейшем мы планируем пополнить базу контекстами из не размеченных ранее книг Нового Завета, а также продолжить работу над разметкой, добавив в нее новые параметры.

Приложение

В I представлено несколько примеров разметки контекстов по параметрам (см. *Раздел 3*). В II приводится распределение контекстов для части параметров (а именно для параметров классификации существительных).

I. Примеры разметки контекстов

Контекст выделен квадратными скобками в стихе):

а. [Лк. 2:27]

РУССКИЙ

*И пришел он по вдохновению в храм. И, <когда **родители** принесли Младенца Иисуса>, чтобы совершить над Ним законный обряд <...>*

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

καὶ ἦλθεν ἐν τῷ πνεύματι εἰς τὸ ἱερόν· καὶ ἐν τῷ εἰσαγαγεῖν τοὺς γονεῖς τὸ παιδίον Ἰησοῦν τοῦ ποιῆσαι αὐτοὺς κατὰ τὸ εἰθισμένον τοῦ νόμου περὶ αὐτοῦ

ЛАТИНСКИЙ

*Et venit in Spiritu in templum. Et <cum **inducerent** puerum Iesum parentes eius>, ut facerent secundum consuetudinem legis pro eo <...>*

АНГЛИЙСКИЙ

*And he came by the Spirit into the temple: and (when **the parents brought in** the child Jesus), to do for him after the custom of the law (...)*

ИСПАНСКИЙ

*Y movido por el Espíritu, vino al templo. Y (cuando **los padres del niño Jesús lo trajeron** al templo), para hacer por él conforme al rito de la ley (...)*

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ

И прїиде доухомъ въ церковь. И (егда введоста родители отроца ѿца), сотворити има по вѣбѣваю законномуу ѡ немъ (...)

СЛОВЕНСКИЙ

*V Duhu je prišel v tempelj. In (ko **so starši prinesli** dete Jezusa), da bi zanj opravili vse po običaju postave (...)*

- 1) Именная группа vs сочинение ('SINGLE / COORD'): 'SINGLE';
- 2) Существительное ('N'), местоимение ('PN'): 'N';
- 3) Категория лица у местоимений ('P-SPEAK', 'P-ADDR'): '–', '–';
- 4) Количественная конструкция ('NUM'): '–';
- 5) Таксономический класс ('TAXONOMY'): 'NUM', 'KIN';
- 6) Парные объекты ('PAIR'): 'PAIR';
- 7) Семантическая роль ('THEMATIC ROLE'): 'A';
- 8) Время и модальность ('TENSE', 'IMP'): 'PST', '–'.

б. [Лк. 9:54]

РУССКИЙ

*Видя то, ученики Его, Иаков и Иоанн, сказали: Господи! хочешь ли, **мы скажем**, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал?*

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

*ιδόντες δὲ οἱ μαθηταὶ Ἰάκωβος καὶ Ἰωάννης εἶπαν, Κύριε, θέλεις **εἰπώμεν** πῦρ καταβῆναι ἀπὸ τοῦ οὐρανοῦ καὶ ἀναλῶσαι αὐτούς (...)*

ЛАТИНСКИЙ

Cum vidissent autem discipuli Iacobus et Ioannes, dixerunt: "Domine, vis <dicamus>, ut ignis descendat de caelo et consumat illos?"

АНГЛИЙСКИЙ

And when his disciples James and John saw this, they said, Lord, wilt thou that <we command> fire to come down from heaven, and consume them, even as Elias did?

ИСПАНСКИЙ

Viendo esto sus discípulos Jacobo y Juan, dijeron: Señor, ¿quieres que <mandemos> que descienda fuego del cielo, como hizo Elías, y los consuma?

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ

Видѣвъша же оучѣникѣ егѡ ѡакѡвѣ и ѡаннѣ, рѣста: гдѣи, хѡщѣши ли, <речѣма>, да огнь снѣдетъ съ небесѣ и потребитъ ихъ, ѣкже и ѡлѣа сотвори <...>

СЛОВЕНСКИЙ

Ko sta to videla učenca Jakob in Janez, sta rekla: »Gospod, ali hočeš, da <rečeva>, naj pade ogenj z neba in jih pokonča?«

- 1) Именная группа vs. сочинение ('SINGLE/COORD'): 'SINGLE';
- 2) Существительное ('N'), местоимение ('PN'): 'PN';
- 3) Категория лица у местоимений ('P-SPEAK', 'P-ADDR'):
'P-SPEAK', '-';
- 4) Количественная конструкция ('NUM'): '-';
- 5) Таксономический класс ('TAXONOMY'): 'HUM';
- 6) Парные объекты ('PAIR'): '-';
- 7) Семантическая роль ('THEMATIC ROLE'): 'A', 'SP';
- 8) Время и модальность ('TENSE', 'IMP'): '-', '-';

II. Распределение контекстов для параметров классификации существительных

а. Распределение существительных по семантическим ролям:

Семантическая роль	Число контекстов	Контексты
A(MV)	9	Лк. 1:6, 2:27, 2:48, 5:10, 9:30, 11:27, 12:52, 17:35 Мк. 9:4
A(PSTN)	5	Лк. 2:41, 18:10, 24:13 Мк. 10:35, 14:16
A(SP)	4	Лк. 17:34, 17:36, 22:38, 24:4
ADDR	3	Лк. 9:30, 9:54 Мк. 10:35
A	1	Лк. 7:19
B	4	Лк. 7:42, 7:44, 15:22, 16:13
COM	4	Мк. 1:29, 9:43, 9:45, 9:47
DIR	8	Лк. 5:8, 13:34, 15:5, 23:46, 5:22, 7:33, 8:23, 8:25
EXP	6	Лк. 2:30, 2:33, 2:43, 8:56, 10:23, 15:47
LOC	2	Лк. 7:33 Мк. 1:40
P	49	Лк. 1:7, 2:24 (x2), 3:11, 4:40, 5:7, 5:10, 5:11, 6:39, 7:24, 7:38 (x2), 7:41, 7:44, 7:45, 7:46, 8:8, 9:3, 9:16, 10:35, 12:52, 13:13, 14:35, 15:11, 16:17, 18:29, 19:29, 21:2, 22:8, 22:41, 23:32, 23:33, 24:40 (x2), 24:50 Мк. 3:17, 4:9, 4:23, 5:23, 6:5, 6:9, 6:41 (x2), 7:16, 8:23, 8:25, 10:7, 10:8, 10:41, 11:1, 12:42, 14:13, 15:27

Семантическая роль	Число контекстов	Контексты
POS	2	Мк. 1:29, 15:40
SRC	0	–
ST	4	Лк. 5:2, 9:32, 24:39 (x2)

б. Распределение существительных по таксономическим классам (с лексическими единицами):

Таксономический класс	Число контекстов	Контексты
ANIM	2	голубиные птенцы: Лк. 2:24 горлицы: Лк. 2:24
ART	7	лодки: Лк. 5:2, 5:7, 5:11 мечи: Лк. 22:38 одежды: Лк. 3:11, 9:3; Мк. 6:9
BODY	39	колени: Лк. 5:8, 22:41; Мк. 1:40 крылья: Лк. 13:34 ноги: Лк. 7:38 (x3), 7:44, 7:45, 7:46, 15:22, 24:39, 24:40; Мк. 5:22, 9:45 руки: Лк. 4:40, 13:13, 23:46, 23:49, 24:40, 24:50; Мк. 5:23, 6:5, 8:25 (x2), 9:43 очи (глаза): Лк. 2:30, 10:23; Мк. 8:23 (x2), 9:47 плечи: Лк. 15:5 сосцы: Лк. 11:27 уши: Лк. 8:8, 14:35; Мк. 4:9, 4:23, 7:16, 7:33
FOOD	4	рыбы: Лк. 9:16; Мк. 6:38, 6:41 (x2)
HUM (FEM)	1	Мария Магдалина и Мария Иосиева: Мк. 15:47
HUM (KIN)	9	родители: Лк. 2:27, 2:41, 8:56, 18:29; Мк. 10:7 (отец и мать) сыновья: Лк. 5:10, 15:11; Мк. 3:17, 10:35

HUM		господа: Лк. 16:13 должники: Лк. 7:41 злодеи: Лк. 23:32, 23:33, 23:39 Иаков и Иоанн: Лк. 5:10, 9:54; Мк. 1:29, 3:17, 10:35, 10:41 Иаков и Иосия: Мк. 15:40 Иосиф и Матерь: Лк. 2:33, 2:43 люди (два человека): Лк. 12:52 (x2), 17:34, 17:36, 18:10 Мария Магдалина и Мария Иосиева: Мк. 15:47 Моисей и Иоанн: Лк. 9:30 мужи: Лк. 9:30, 8:32, 24:4 мужчина и женщина: Мк. 10:6 отец твой и я: Лк. 2:48 Петр и Иоанн: Лк. 22:8 посланные: Лк. 7:24 разбойники: Мк. 15:27 родители: Лк. 2:27, 2:41, 8:56, 18:29; Мк. 10:7 (отец и мать) Симон и Андрей: Мк. 1:29 сыновья: Лк. 5:10, 15:11; Мк. 3:17, 10:35 товарищи: Лк. 5:10 ученики: Лк. 7:19, 9:54, 19:29; Мк. 11:1, 14:16
MEAS	6	ассарии: Лк. 12:6 динарии: Лк. 10:35 дни: Мк. 14:1 лепты: Лк. 21:2, Мк. 12:42 тысячи: Мк. 5:13
SPACE	1	небо и земля: Лк. 16:17

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; APP — активное причастие прошедшего времени; DAT — датив; DU — двойственное число; F — женский род;

LOC — локатив; M — мужской род; N — средний род; NOM — номинатив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PPP — пассивное причастие прошедшего времени; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; SG — единственное число.

A(MV) — агенс предиката движения; A(PSTN) — агенс предиката нахождения; A(SP) — агенс предиката речи; ADDR — адресат; A — агенс; B — бенефактив; COM — комитатив; DIR — цель; EXP — экспериенцер; LOC — место; P — пациенс; POS — посессор; SRC — источник; ST — стимул; R — реципиент; ANIM — таксономический класс животных; ART — таксономический класс рукотворных объектов; BODY — таксономический класс частей тела; FOOD — таксономический класс пищи; HUM(FEM) — таксономический класс людей (женщин); HUM(KIN) — таксономический класс людей (членов семьи); HUM — таксономический класс людей; MEAS — таксономический класс единиц измерения; SPACE — таксономический класс пространств; SINGLE — одна именная группа; COORD — сочинение нескольких именных групп; N — существительное; PN — местоимение; P-SPEAK — местоимение включает говорящего; P-ADDR — местоимение включает адресата; NUM — числительное; TAXONOMY — таксономический класс; PAIR — естественно парные объекты; THEMATIC ROLE — семантическая роль.

Литература

- Алипий 1964 — Алипий (Гаманович). Грамматика церковнославянского языка. Jordanville (N.Y.): Holy Trinity monastery. Printing shop St. Iov of Pochaev, 1964.
- Архипов 2009 — А. В. Архипов. Типология комитативных конструкций. М.: Знак, 2009.
- Гращенков 2002 — П. В. Гращенков. Генитив при русских числительных: типологическое решение одной «сугубо внутренней» проблемы // Вопросы языкознания. 2002. № 3. С. 74–119.
- Жолобов, Крысько 2001 — О. Ф. Жолобов, В. Б. Крысько. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 2: Двойственное число. М.: Азбуковник, 2001.
- Ляшевская 2004 — О. Н. Ляшевская. Семантика русского числа. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Мельчук 1985 — И. А. Мельчук. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1985.
- Орлов, наст. сб. — В. А. Орлов. Функции и типы императива в Евангелиях от Луки и Иоанна // Настоящий сборник.

- Ремнева, Николенкова 2015 — М. Л. Ремнёва, Н. В. Николенкова. Двойственное число в церковнославянских текстах переходного жанрового характера (конец XVI–XVII век) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2015. № 1. С. 50–61.
- Русская грамматика 1980 — Н. Ю. Шведова (гл. ред.). Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980.
- Сидорова 2016 — М. А. Сидорова. Конкуренция формы двойственного числа и конструкции с числительным в хантыйском языке // Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3. М.: МПГУ, 2016. С. 260–272. DOI: 10.30842/alp2306573714216.
- Aronson 1990 — H. I. Aronson. Georgian: a reading grammar. Corrected edition. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1990.
- Corbett 1993 — G. Corbett. The head of Russian numerical expressions // G. Corbett, N. Fraser, S. McGlashan (eds.). Heads in grammatical theory. Cambridge: Cambridge University Press. P. 11–35.
- Corbett 2000 — G. Corbett. Number. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. DOI: 10.1017/CBO9781139164344.
- Cysouw 2011 — M. Cysouw. The expression of person and number: a typologist's perspective // Morphology. 2011. Vol. 21. P. 419–443. DOI: 10.1007/s11525-010-9170-5.
- Daniel 2013 — M. Daniel. Plurality in Independent Personal Pronouns // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013 (электронный ресурс). URL: <http://wals.info/chapter/35> (дата обращения: 22.02.2022).
- Derganc 2003 — A. Derganc. The dual in Slovenian // Sprachtypol. Univ. Forsch. (STUF). 2003. Vol. 56. № 3. P. 165–181. DOI: 10.1524/stuf.2003.56.3.165.
- Genesis et al. 1910 — W. Genesisus, E. Kautsch, A. E. Cowley. Hebrew Grammar. Oxford: Oxford Press, 1910.
- Greenberg, Kemmer 1990 — J. Greenberg, S. Kemmer. Generalizations about numeral systems // K. Denning, S. Kemmer (eds.). On language: selected writings of Joseph H. Greenberg. Stanford, California: Stanford University Press, 1990. P. 271–309.
- Humboldt 1830 — W. von Humboldt. Über den Dualis // Abhandlungen der Königlich-Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Berlin: Realschul-Buchhandlung, 1830. P. 161–187.
- Kimball 1993 — G. Kimball. Two hunters, two wives, two dogs, and two clawed witches: The use of the dual in a Koasati narrative // International journal of American linguistics. 1993. Vol. 59. № 4. P. 473–496.

- Łazorzcyk, Pancheva 2009 — A. Łazorzcyk, R. Pancheva. From “Two” to “Both”. Historical Changes in the Syntax and Meaning of Oba in Slavic // R. P. Leow, H. Campos, D. Lardiere (eds.). *Little Words. Their History, Phonology, Syntax, Semantics, Pragmatics, and Acquisition*. Washington, D. C.: Georgetown University Press, 2009. P. 9–19.
- Plank 1989 — F. Plank. On Humboldt on the dual // R. Corrigan, F. Eckman, M. Noonan (eds.). *Linguistic categorization*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1989. P. 293–333. DOI: 10.1075/cilt.61.18pla.
- Zwicky 1977 — A. Zwicky. Hierarchies of person // *Chicago Linguistic Society*. 1977. Vol. 13. № 1. P. 714–733.

Источники

- ДПБ — Η Καλή Διαθήκη (Библия на древнегреческом (койне)). Nestle, 1904 (электронный ресурс). URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.1&g> (дата обращения: 12.09.2023).
- СПБ — Синодальный перевод Библии. 1876 (электронный ресурс). URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.1> (дата обращения: 12.09.2023).
- BRV — Biblia Reina-Valera. 1960 (электронный ресурс). URL: <https://www.biblegateway.com/> (дата обращения: 12.09.2023).
- KJV — King James Version. 1611 (электронный ресурс). URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.1&en-kjv> (дата обращения: 12.09.2023).
- NV — Nova Vulgata. 1979 (электронный ресурс). URL: https://www.vatican.va/archive/bible/nova_vulgata/documents/nova-vulgata_novum-testamentum_lt.html (дата обращения: 12.09.2023).
- SSP — Slovenski standardni prevod. 1996 (электронный ресурс). URL: <https://www.bible.com/versions/2319-SSP-slovenski-standardni-prevod> (дата обращения: 12.09.2023).
- ЦСПБ — Елизаветинская Библия. 1751 (электронный ресурс). URL: <https://bible.by/elzs/> (дата обращения: 12.09.2023).

References

- Alipiy 1964 — Alipiy (Gamanovich). *Grammatika tserkovnoslavjanskogo yazyka* [Old Church Slavonic grammar]. Jordanville (N.Y.): Holy Trinity monastery. Printing shop St. Iov of Pochaev, 1964.

- Arkhipov 2009 — A. V. Arkhipov. *Tipologiya komitativnykh konstruksiy* [Typology of comitative structures]. Moscow: Znack, 2009.
- Aronson 1990 — H. I. Aronson. *Georgian: a reading grammar. Corrected edition*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1990.
- Corbett 1993 — G. Corbett. The head of Russian numerical expressions. G. Corbett, N. Fraser, S. McGlashan (eds.). *Heads in grammatical theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 11–35.
- Corbett 2000 — G. Corbett. *Number*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. DOI: 10.1017/CBO9781139164344.
- Cysouw 2011 — M. Cysouw. The expression of person and number: a typologist's perspective. *Morphology*. 2011. Vol. 21. P. 419–443. DOI: 10.1007/s11525-010-9170-5.
- Daniel 2013 — M. Daniel. Plurality in Independent Personal Pronouns. M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <http://wals.info/chapter/35> (accessed on 22.02.2022).
- Derganc 2003 — A. Derganc. The dual in Slovenian. *Sprachtypol. Univ. Forsch. (STUF)*. 2003. Vol. 56. No. 3. P. 165–181. DOI: 10.1524/stuf.2003.56.3.165.
- Genesisius et al. 1910 — W. Genesisius, E. Kautsch, A. E. Cowley. *Hebrew Grammar*. Oxford: Oxford Press, 1910.
- Grashchenkov 2002 — P. V. Grashchenkov. Genitiv pri russkikh chislitelnykh: tipologicheskoe reshenie odnoy “sugubo vnutrenney” problemy [Genitive with Russian numerals: a typological solution to one “purely internal” problem]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2002. No. 3. P. 74–119.
- Harley et al. 2002 — H. Harley, E. Ritter. Person and numbers in pronouns: A feature-geometric analysis. *Language*. 2002. Vol. 78. No. 3. P. 482–526. DOI: 10.1353/lan.2002.0158.
- Humboldt 1830 — W. von Humboldt. Über den Dualis. *Abhandlungen der Königlich-Akademie der Wissenschaften zu Berlin*. Berlin: Realschul-Buchhandlung, 1830. P. 161–187.
- Kimball 1993 — G. Kimball. Two hunters, two wives, two dogs, and two clawed witches: The use of the dual in a Koasati narrative. *International journal of American linguistics*. 1993. Vol. 59. No. 4. P. 473–496.
- Krys'ko, Zholobov 2001 — V. B. Krys'ko, O. F. Zholobov. *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka. Tom 2: Dvoystvennoe chislo* [Historical grammar of Old Russian. Vol. 2: The dual number]. Moscow: Azbukovnik, 2001.
- Łazarczyk, Pancheva 2009 — A. Łazarczyk, R. Pancheva. From “Two” to “Both”. Historical Changes in the Syntax and Meaning of Oba in Slavic. R. P. Leow, H. Campos, D. Lardiere (eds.). *Little Words. Their History, Phonology, Syntax*,

- Semantics, Pragmatics, and Acquisition*. Washington, D. C.: Georgetown University Press, 2009. P. 9–19.
- Lyashevskaya 2004 — O. N. Lyashevskaya. *Semantika russkogo chisla* [Semantics of Russian number]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004.
- Mel'chuk 1985 — I. A. Mel'chuk. *Poverkhnostnyy sintaksis russkikh chislovykh vyrazheniy* [Surface syntax of Russian numerals]. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1985.
- Orlov, this volume — V. A. Orlov. *Functions and types of Imperative in the Gospels of Luke and John* // This volume.
- Plank 1989 — F. Plank. On Humboldt on the dual. R. Corrigan, F. Eckman, M. Noonan (eds.). *Linguistic categorization*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1989. P. 293–333. DOI: 10.1075/cilt.61.18pla.
- Remnyova, Nikolenkova 2015 — M. L. Remnyova, N. V. Nikolenkova. Dvoystvennoe chislo v tserkovnoslavyanskikh tekstakh perekhodnogo zhanrovogo kharaktera (konets XVI–XVII vek) [Dual number in the Old Church Slavonic texts of the transitional genre character (late 16th — 17th century)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2015. No. 1. P. 50–61.
- Russian grammar 1980 — N. Yu. Shvedova (ed.). *Russkaya grammatika. Tom 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovaniye. Morfologiya* [Russian grammar. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow: Nauka, 1980.
- Sidorova 2016 — M. A. Sidorova. Konkurenciya formy dvoystvennogo chisla i konstruktsii s chislitelnykh v hantiyskom yazyke [Competition between forms of dual number and constructions with numerals in the Khanty language]. E. A. Lyutikova, A. V. Zimmerling, M. B. Konoshenko (eds.). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Vyp. 3. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii "Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2016"* [Typology of morphosyntactic parameters. Iss. 3. Proceedings of the International conference "Typology of morphosyntactic parameters 2016"]. Moscow: Moscow Pedagogical State University Press, 2016. P. 260–272. DOI: 10.30842/alp2306573714216.
- Zwicky 1977 — A. Zwicky. Hierarchies of person. *Chicago Linguistic Society*. 1977. Vol. 13. № 1. P. 714–733.

К описанию контекстов с СМР-квантификацией в Новом Завете

И. А. Хомченкова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия); irina.khomchenkova@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1653-0201

Аннотация. Данная работа посвящена описанию контекстов, содержащих универсальную квантификацию объектов, выраженных словоформами в единственном числе (СМР-квантификацию), в Новом Завете на материале семи языков (древнегреческий, русский, английский, испанский, горномарийский, удмуртский, осетинский). 123 отобранных контекста были поделены на группы (одушевленное множественное / единичное, неодушевленное множественное / единичное, пространственное, временное, неисчисляемое). В этих контекстах встречаются как базовые универсальные кванторные слова, так и специализированные СМР-маркеры, которые имеют разную частотность в рассмотренных языках и контекстах.

Ключевые слова: универсальная квантификация, СМР-квантификация, корпусная лингвистика, параллельные корпуса, Новый Завет, осетинский, горномарийский, удмуртский, английский, русский, испанский, древнегреческий.

Благодарности. Исследование поддержано грантом РФФ № 22-18-00285.

On the contexts with СМР-quantification in the New Testament

Irina A. Khomchenkova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); irina.khomchenkova@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1653-0201

Abstract. In this contribution, I describe the contexts of CMP-quantification in six books of the New Testament (*Gospel of Matthew*, *Gospel of Mark*, *Gospel of Luke*, *Gospel of John*, *Acts of the Apostles* and *Revelation of St. John*) translated into seven languages (Ancient Greek, Russian, English, Spanish, Hill Mari, Udmurt, Ossetic). From the 170 contexts with CMP-quantification selected after the initial processing, I excluded examples where the universal quantifier was absent in at least two languages or where it marked quantification of plural objects. The remaining 123 contexts were divided into seven groups: animate collective ('AnimPl' including 39 contexts plus 11 contexts with metaphorical use of spatial nouns), animate singular ('AnimSg' with 2 contexts), inanimate singular ('InanSg' with 8 contexts), spatial ('Space' with 36 contexts), temporal ('Time' with 3 contexts), uncountable abstract ('UncountAbs' with 21 contexts), and other types of uncountable ('Uncount' with 3 contexts). Cross-linguistically, apart from a basic universal quantifier like the English *all*, languages can have specialized CMP-markers or other items like, e.g., the English *whole*. In my analysis, I show that non-basic universal quantifiers have different frequencies in both the contexts and languages analyzed. For instance, in English, the lexeme *whole* is attested 28 times, while in Ancient Greek its counterpart is frequent in 'InanSg' contexts. However, unlike in Hill Mari, Ancient Greek and Udmurt, it is quite rare in the 'Space', 'AnimPl', 'AnimPl_Loc' contexts and is totally unattested in the 'UncountAbs' group. In Ossetic, the lexeme *ægas* shows 26 occurrences, while in English and Ancient Greek its counterpart is frequent in 'InanSg' contexts and is rather rare in 'AnimPl_Loc' and 'Space' contexts and is practically absent from 'AnimPl' and 'UncountAbs' contexts. Overall, non-basic marking is expected in the 'AnimSg' and 'Time' groups, but it is rarely used in contexts with uncountable objects ('UncountAbs' and 'Uncount').

Keywords: universal quantification, CMP-quantification, corpus linguistics, parallel corpora, New Testament, Ossetic, Hill Mari, Udmurt, English, Russian, Spanish, Ancient Greek.

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Science Foundation, grant № 22-18-00285.

1. Введение

Кванторные слова со значением всеобщности, или универсальные кванторные слова (УКС), такие как рус. *все, каждый, любой*, вводят отношение между двумя множествами и сообщают, что первое

множество полностью вложено во второе, см. [Татевосов 2002; Keenan, Raperno (eds.) 2012]. Так, в предложении (1) УКС *все* обозначает, что множество дев вложено в множество объектов, которые встали. Кванторные слова могут вводить и другие отношения между множествами. Например, единица *некоторые* вводит отношение частичного пересечения.

- (1) *Тогда встали все девы те и поправили светильники свои.*
[Мк. 5:12]

Как отмечает С. Г. Татевосов, по своим свойствам УКС похожи на показатели грамматических категорий: они образуют закрытый класс единиц, находящихся в дополнительной дистрибуции (ср. **каждая всякая дева*), имеют грамматические, а не лексические ограничения [Татевосов 2002: 49]. В некоторых языках УКС представляют собой не лексемы, а морфемы, и, таким образом, термин «кванторное слово» указывает «на преобладающий, а не единственно возможный тип кванторных выражений» [Татевосов 2002: 51].

Данная работа посвящена описанию контекстов, содержащих СМР-квантификацию (от англ. completeness), в Новом Завете — обширном многоязычном параллельном корпусе (о таком подходе, см., например, [de Vries 2007]). Отбор контекстов позволит исследовать категорию универсальной квантификации на большом языковом материале, подробнее о методике см. [Плунгян, настоящий сборник]. Отметим, что некоторые исследователи не считают переводы Библии репрезентативным и надежным источником данных для описания языка из-за возможных калек, архаичностей и стилистической маркированности [Wälchli 2007: 131]; выводы на этом материале можно делать только относительно конкретного «докулекта» (см. про этот термин в [Cysouw, Good 2013]), а не языка вообще. Тем не менее в ряде работ утверждается, что перевод Библии может не отличаться значительно от прочих текстов на рассматриваемом языке [Heider et al. 2011; Khachatryan 2015: 7; Konoshenko, настоящий сборник].

Согласно [Татевосов 2002: 115], СМР-квантификация — это «квантификация единичных целостных объектов, которые являются семантически множественными или обладают сложной внутренней

структурой ('дом', 'машина', 'стадо')». Однако отмечается, что квантификация неисчисляемых сущностей занимает промежуточное звено между квантификацией множественных и единичных исчисляемых объектов — она может кодироваться средством, типичным либо для множественных, либо для единичных исчисляемых объектов [Татевосов 2002: 124–125], см. также [Haspelmath 1995: 367].

Таким образом, мы будем понимать под СМР-квантификацией универсальную квантификацию объектов, выраженных словоформами в единственном числе, рассматривая как исчисляемые единичные (*весь дом*), собирательные (*все стадо*), так и неисчисляемые сущности (*вся вода*).

В некоторых работах квантификация такого типа называется «холистической» (holistic quantification), см., например, [Аркадьев, Герасимов 2012]. По-видимому, данная область не изучена достаточно широко, и устоявшегося термина не существует. Единственная (известная нам) типологическая работа, в которой затрагивается СМР-квантификация, — уже упоминавшаяся книга [Татевосов 2002].

Мы рассмотрели следующие книги: Евангелие от Матфея (Мф.), Евангелие от Марка (Мк.), Евангелие от Луки (Лк.), Евангелие от Иоанна (Ин.), Деяния святых Апостолов (Деян.) и Откровение Иоанна Богослова (Откр.). Были использованы переводы на русский (СПБ), английский (КJV), древнегреческий (ДГБ), испанский (BRV), а также горномарийский (ГПБ), удмуртский (УПБ) и осетинский (ОПБ). Подбор языков обусловлен необходимостью учитывать древнегреческий (койне) оригинал, несколько переводов на распространенные языки (русский, английский, испанский), а также более поздние переводы на малые языки разной генетической принадлежности, чтобы в отобранных контекстах в произвольном языке с большой вероятностью было использовано УКС, см. также обсуждение в [Плунгян, настоящий сборник].

Во всех рассмотренных нами языках помимо основных УКС, которые могут маркировать квантификацию множественных и единичных объектов, существует и специальный СМР-маркер, который не используется при квантификации множественных объектов, ср. в английском *all* и *whole*, в русском *весь* и *целый* ([Булыгина, Шмелев 1988: 9–10]), в древнегреческом *pas / pasa / pan* и *holos / holē / holon*

([Haspelmith 1995: 365]), в испанском *todo / toda* и *entero / entera*, в осетинском *æппæт* и *æгас* ([Багаев 1965: 260]), в удмуртском *вань* и *быдэс* ([ГСУЯ 1962: 184–185]), в горномарийском *цилӓ* и *улы* [см. примеры в [Саваткова 2008: 203, 298, 360]]; приведены базовый и специализированный маркер соответственно. Таким образом, мы также рассмотрим, в каких именно контекстах частотны СМР-маркеры.

База данных с различными контекстами СМР-квантификации позволит определить инвентарь УКС в малоописанных языках, расширить наши представления о дистрибуции УКС и в перспективе выявить закономерности в их использовании в языках мира.

Статья устроена следующим образом. В *Разделе 2* представлена процедура отбора контекстов и их классификация. В *Разделе 3* описываются стратегии маркирования в этих контекстах (базовое УКС / специализированные показатели). Последний раздел статьи представляет собой *Заключение*.

2. Отбор и классификация контекстов

В ходе работы были отобраны контексты, в которых УКС в контекстах СМР-квантификации встречается как минимум в шести языках из семи; в противном случае контексты признавались не прототипическими и далее не рассматривались. Например, в контексте [Мк. 5:13] УКС употребляется только в горномарийском переводе (2), ср. горномар. *улы кӓйтӓ* ('есть стадо') и рус. *стадо*, а не *всё стадо*.

- ГОРНОМАРИЙСКИЙ
- (2) *Улы кӓйтӓ, кок тӓжем нӓрӓ сасна, тура сир*
 EXST¹ стадо два тысяча АРРР свинья крутой берег

¹ Базовое значение горномарийской единицы *улы* — 'есть', 'имеется'; она употребляется в качестве экзистенциального предиката, ср. *изи-жӓи улы* (маленький-POSS.3SG EXST) 'у нее есть ребенок' [Саваткова 2008: 55]. Аналогичная ситуация зафиксирована и в удмуртском языке: единица *вань* может как служить экзистенциальным предикатом, так и модифицировать существительное,

гъиц тангыж-ыи шынгалт-ын-ыт
 EL море-ILL падать-PRET-3PL

⟨Иисус тотчас позволил им. И нечистые духи, выйдя, вошли в свиней.⟩ ‘И устремилось **стадо** с крутизны в море, а их было около двух тысяч;’ ⟨и потонули в море⟩. [Мк. 5:13]

После первичной обработки мы отобрали 170 контекстов с СМР-квантификацией и разбили их на следующие группы: одушевленное собирательное (‘AnimPl’), одушевленное единичное (‘AnimSg’), неодушевленное единичное (‘InanSg’), пространственное (‘Space’), временное (‘Time’), неисчисляемое (‘Uncount’).

Такая таксономическая классификация оправдана, поскольку тип объекта может влиять на допустимость специализированных СМР-маркеров. Например, Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев показывают, что рус. *целый* «присоединяется к ИГ, которые сами по себе связаны с идеей количества (часто это названия той или иной меры: времени; объема и т. п.)», и невозможен с вещественными существительными: *Он выпил все / *целое молоко* [Булыгина, Шмелев 1988: 9]. С. Г. Татевосов показывает, что на допустимость УКС могут влиять различные характеристики неисчисляемых существей (гомогенность, абстрактность и др.). Например, в годоберинском языке УКС *sanuda* может употребляться с лексемами типа ‘пшеница’, но сомнительно с лексемами типа ‘вода’ [Татевосов 2002: 126].

Рассмотрим выделенные нами группы и для каждой из них определим наиболее прототипические контексты, которые будут включены в базу данных.

2.1. Одушевленное собирательное

В первой группе примеров УКС модифицирует существительное, обозначающее группу одушевленных объектов (‘народ’) (3), название

ср. *Милям чебер книга-мы вань* (1PL.GEN красивый книга-POSS.1PL EXST) ‘У нас имеется красивая книга’ [ГСУЯ 1962: 104] и *вань нылли-ос-лы* (EXST ребенок-PL-DAT) ‘всем детям’ [UdmCorpus].

«организаций» (4), конвенциональные обозначения групп (5), лексему ‘родство’ (6). К этой группе мы также относим метонимическое употребление существительных с пространственным значением (7).

- (3) *И весь народ видел его ходящим и хвалящим Бога.* [Деян. 3:9]
- (4) а. *На другой день, желая достоверно узнать, в чем обвиняют его Иудеи, освободил его от оков и повелел собраться первосвященникам и всему синедриону и, выведя Павла, поставил его перед ними.* [Деян. 22:30]
- б. *Тогда Апостолы и пресвитеры со всю церковь рассудили, избрав из среды себя мужей, послать их в Антиохию с Павлом и Варнавою, (именно): Иуду, прозываемого Варсавою, и Силу, мужей, начальствующих между братьями.* [Деян. 15:22]
- (5) а. *Тогда воины правителя, взяв Иисуса в преторию, собрали на Него весь полк.* [Мф. 27:27]
- б. *И Он сказал им: идите. И они, выйдя, пошли в стадо свиное. И вот, всё стадо свиней бросилось с крутизны в море и погибло в воде.* [Мф. 8:32]
- (6) *Иосиф, послав, призвал отца своего Иакова и все родство свое, душ семьдесят пять.* [Деян. 7:14]
- (7) *И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю.* [Откр. 13:3]

В некоторых случаях существительное, модифицируемое УКС, варьировало по языкам. Так, в (8) и (9) в английском переводе используются лексемы *nation* ‘нация’ и *multitude* ‘множество’ соответственно, в то время как в русском в обоих случаях употребляется лексема *народ*.

АНГЛИЙСКИЙ

- (8) *Nor consider that it is expedient for us, that one man should die for the people, and that the **whole nation** perish not.*
 ‘(...) И не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы **весь народ** погиб’. [Ин. 11:50]

АНГЛИЙСКИЙ

- (9)
- And the whole multitude sought to touch him.*

‘И **весь народ** искал прикасаться к Нему’, ⟨потому что от Него исходила сила и исцеляла всех⟩. [Лк. 6:19]

В примерах (10)–(12) представлена противоположная картина: в горномарийском (10), (11) и осетинском (12) переводах употреблены лексемы со значением ‘народ’, в то время как в русском варианте в первом случае употреблена лексема *город*, во втором — *дом*, а в третьем — *окрестность*.

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (10)
- Тѣнӓм хала-шты-шы улы халык Иисус-ым*
-
- тогда город-IN-ATTR EXST народ Иисус-ACC

вӕшли-ӕи лӕкт-ӕн.

встречать-INF выходить-PRET

‘И вот, **весь город** вышел навстречу Иисусу’. [Мф. 8:34]

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (11)
- Тенге, цилӕ Израиль халык пингӕдӕ-н пӕлӕ-жӕи*
-
- так весь Израиль народ твердый-ADV знать-JUSS.3SG

‘Итак, твердо знай, **весь дом Израилев**,’ ⟨что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли⟩. [Деян. 2:36]

ОСЕТИНСКИЙ

- (12)
- Иерусалим-ӕй, ӕгас Иудея-ӕй, Иордан-ы*
-
- Иерусалим-AVL весь Иудея-AVL Иордания-GEN

алфамбылай-ӕ ӕппӕт адӕм дӕр цыд-ысты
окрестность-AVL весь народ ADD идти-PST.3PL

Иоанн-мӕ.

Иоанн-ALL

‘Тогда Иерусалим и вся Иудея и **вся окрестность** Иорданская выходили к нему’. (Букв.: ‘Из Иерусалима, из всей Иудеи, из Иорданской окрестности весь народ выходил к Иоанну’.) [Мф. 3:5]

При этом контекст [Мф. 3:5] оказывается на периферии: в горномарийском переводе единица *улы* модифицирует сочиненную группу (13): *улы* [*Иудей да Иордан рекӓ лишнӓшӓ*] ‘вся Иудея и ближнее пространство реки Иордан’, а в удмуртском (14) и осетинском (12) представлено не метонимическое употребление (‘вся окрестность Иорданская выходила к нему’ = ‘Люди из окрестности Иорданской выходили к нему’), а буквальное (‘Жители выходили к нему из всей окрестности Иорданской’).

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (13) *T̄ıd̄ı-n do-ky İerusalım, улы Иудей дӓ Иордан*
 3SG-GEN у-PL2 Иерусалим EXST Иудея и Иордан
рекӓ лиш-нӓ-шӓ *цӓлӓ вӓр гӓц*
 река ближнее_пространство-IN2-ATTR весь место EL
шукы халык тол-ын.
 много народ приходить-PRET

‘Тогда Иерусалим и вся Иудея и **вся окрестность** Иорданская выходили к нему’. (Букв.: ‘К нему пришло много народа из всех мест: Иерусалим, вся Иудея и ближнее пространство реки Иордан’.) [Мф. 3:5]

УДМУРТСКИЙ

- (14) *Соку Иерусалим-ын=но, быдэс Иудея-ын=но, быдэс*
 тогда Иерусалим-LOC=ADD весь Иудея-LOC=ADD весь
Иордан котыр-ын=но улы-сь-ӛс
 Иордан окрестность-LOC=ADD жить-PTCP.ACT-PL
со дор-ы пот-ыл-ӓ-зы.
 тот сторона-ILL выходить-ITER-PST-3PL

‘Тогда Иерусалим и вся Иудея и **вся окрестность** Иорданская выходили к нему’. (Букв.: ‘Тогда в Иерусалиме, во всей Иудее, во всей Иорданской окрестности жители к нему выходили’.) [Мф. 3:5]

Стихи, где как минимум в двух языках использовалась квантификация множественных объектов вместо СМР-квантификации, были исключены. Так, контекст [Деян. 15:12] оказался неоднозначным:

в некоторых языках УКС модифицирует существительное, обозначающее единичный объект ‘собрание’, как в (15а), а в некоторых — множественный объект ‘собравшиеся’, как в (15б).

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (15) а. *Тьінәм улы погыны-маш шьіплән-ен.*
 тогда EXST собираться-NMLZ замолкать-PRET

УДМУРТСКИЙ

- б. *Соку вань люкаськ-ем-ъёс чус*
 тогда EXST собираться-PTCP.PST-PL тихо

кар-иськ-и-зы.

делать-DETR-PST-3PL

‘Тогда умолкло **все собрание**’ (и слушало Варнаву и Павла, рассказывавших, какие знамения и чудеса сотворил Бог через них среди язычников). [Деян. 15:12]

Итак, мы отобрали 50 наиболее прототипичных контекстов с одушевленными множественными объектами, см. подробнее *Таблицу 1* (с. 121): 39 контекстов с собственно одушевленными объектами и 11 контекстов с метонимическим употреблением существительных с пространственным значением. Количество контекстов может быть далее уменьшено за счет разбиения на «ядерные» и «периферийные»: к периферийным контекстам можно отнести все «дробные» группы: ‘People/Nation’, ‘People/Multitude’, ‘People/Building’, а также ‘Location/People’.

2.2. Одушевленное единичное

Пример с одушевленным единичным объектом представлен в [Ин. 9:34]. Переводы этого контекста отличаются от остальных, поскольку квантифицируемый объект выражен местоимением. Так, в древнегреческом, как и в удмуртском, УКС отделено от существительного (16). Более того, удмуртское УКС дополнительно присоединяет эмфатическую частицу =ак.

Таблица 1. Контексты СМР-квантификации с одушевленными и семантически множественными объектами

Table 1. СМР-quantification contexts with animate and semantically plural objects

Контекст	Кол-во		Примеры
People	20		‘народ’
People / Nation	2		‘народ’ (русский, удмуртский, горномарийский, осетинский), ‘нация’ (английский, древнегреческий, испанский)
People / Multitude	5		‘народ’ (русский, горномарийский, удмуртский, осетинский, испанский), ‘множество’ (английский, древнегреческий, русский [Лк. 1:10], испанский [Лк. 1:10])
People / Building	1	39	‘народ’ (удмуртский, горномарийский, осетинский), ‘дом’ (русский, английский, древнегреческий, испанский)
Council	6		‘синедрион’, ‘церковь’
Group	4		‘стадо’, ‘полк’
Kindred	1		‘родство’
Location	10	11	‘город’, ‘страна’, ‘вселенная’ [Деян. 19:27], названия населенных пунктов
Location / People	1		‘город’ (русский, английский, древнегреческий, испанский, удмуртский), ‘народ’ (горномарийский)

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

- (16) а. *En hamarti-ais sy egennēth-ēs hol-os*
 в грех-DAT.PL 2SG роддаться.AOR.PASS-2SG весь-M.SG

УДМУРТСКИЙ

- б. **Быдэс=ак** сьӧлык пӧл-ын **тон** вордск-емын.
 весь=PTCL грех посреди-LOC 2SG родиться-RES

⟨Сказали ему в ответ:⟩ ‘Во грехах **ты весь** родился,’ (и ты ли нас учишь? И выгнали его вон). [Ин. 9:34]

Горномарийский язык также демонстрирует не типичные УКС *цилӓ* или *улы*, а единицу *цилӓге* (17а), имеющую значение ‘все вместе; все без остатка; начисто’ [Саваткова 2008: 316]. В английском переводе представлена единица *altogether* (17б). В испанском переводе использована конструкция *del todo*, имеющая значение ‘полностью’ (17в).

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (17) а. **Тӱнь** **цилӓ-ге** сулык-еш *шач-шы* *ыл-ат*.
 2SG весь-СOM грех-LAT родиться-PTCL.ACT быть-NPST.2SG

АНГЛИЙСКИЙ

- б. ***Thou wast altogether born in sins,***

ИСПАНСКИЙ

- в. ***Tú nac-iste del todo en pecado.***
 2SG родиться-PST.2SG GEN.DEF.M весь.M в грех

‘Во грехах **ты весь** родился’. [Ин. 9:34]

В осетинском же для передачи данного значения используются не УКС, а выражение *кӕах-ӕй-кӕух-мӕ* (нога-AVL-рука-ALL) ‘с ног до головы’:

ОСЕТИНСКИЙ

- (18) *Дӕ* *ра-йгуыр-ын-ӕй* ***кӕах-ӕй-кӕух-мӕ***
 POSS.2SG PV-родиться-INF-AVL нога-AVL-рука-ALL

тӕригӕд-джын *куы* *дӕ*, *уӕд* *мах*
 грех-PROP когда быть.PRS.2SG тогда 1PL.GEN

ахуыр *кӕн-ыс?*»
 учеба делать-PRS.2SG

‘Во грехах **ты весь** родился, и ты ли нас учишь?’ [Ин. 9:34]

Другой релевантный контекст — [Ин. 7:23], см. (19). В удмуртском вновь к УКС присоединяется частица =ак (20а), в горномарийском использована единица *цилӓге* (20б), а в осетинском — выражение *къахӕй-къухмае* (20в). В испанском употребляется наречие *completamente* ‘полностью’ (21).

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

- (19) *hol-on anthrōp-on hygi-ē*
 весь-М.СГ.АСС человек-АСС.СГ здоровый-М.СГ.АСС
epoiēsa en sabbat-ō?
 делать.АОР.1СГ в суббота.ДАТ.СГ

⟨Если в субботу принимает человек обрезание, чтобы не был нарушен закон Моисеев, — на Меня ли негодуете за то, что⟩
 ‘Я **всего** человека исцелил в субботу?’ [Ин. 7:23]

УДМУРТСКИЙ

- (20) а. *суббота нунал-э Мон адями-ез быдэс=ак*
 суббота день-ИЛЛ 1СГ человек-АСС весь=РТCL
бурмы-т-эм понна-м-а Мон был-э
 вылечиться-САУС-НМЛЗ из-за-ПОСС.1СГ-РТCL 1СГ верх-ИЛЛ
йыркур-ъя-ськ-исько-ды?
 гнев-VBLZ-DETR-PRS-2PL

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- а. *Мӱнь кушыгечӱ-н эдем-ӱм цилӓ-ге*
 1СГ суббота-ГЕН человек-АСС весь-СОМ
паремд-ӱм-ем гишӱн тӓ Мӱнь вӱ-к-ем
 лечить-НМЛЗ-ПОСС.1СГ о 2PL 1СГ верх-ИЛЛ2-ПОСС.1СГ
шӱдешк-едӓ ма?
 злиться-NPST.2PL что

ОСЕТИНСКИЙ

- в. *уӕд Ӕз сабат-ы рынчын-ы къах-ӕй-къух-мае*
 тогда 1СГ суббота-IN большой-ГЕН нога-AVL-нога-ALL
каӕй с-дзӕбӕх кодт-он, уый тыххӕй =Маем
 кто.ГЕН PV-здоровый делать-PST.1СГ тот из-за =ALL.1СГ

с-месты стум?

RV-злой быть.PRS.2PL

⟨Если в субботу принимает человек обрезание, чтобы не был нарушен закон Моисеев,⟩ ‘на Меня ли негодуете за то, что Я **всего** человека исцелил в субботу?’ [Ин. 7:23]

ИСПАНСКИЙ

(21) *en el día de reposo san-é*

В DEF.M.SG день GEN отдых лечить.PRET.1SG

completamente a un hombre?

полностью к INDEF.M.SG человек

⟨Если в субботу принимает человек обрезание, чтобы не был нарушен закон Моисеев, на Меня ли негодуете за то, что⟩ Я **всего** человека исцелил в субботу?’ [Ин. 7:23]

В английском переводе используется выражение *every whit whole* (22a), однако в некоторых других переводах встречается именно квантификация единичного одушевленного объекта (22б)–(22г). В некоторых же переводах квантификация происходит над частями единичного неодушевленного объекта (22д)–(22е).

АНГЛИЙСКИЙ (KJV)

(22) а. *If a man on the sabbath day receive circumcision, that the law of Moses should not be broken; are ye angry at me, because I have made a man **every whit whole** on the sabbath day?*

АНГЛИЙСКИЙ (New American Standard Bible)

б. *⟨...⟩ I made an **entire man** well on the Sabbath?*

АНГЛИЙСКИЙ (Anderson New Testament)

в. *⟨...⟩ I have restored the **entire man** to health on the sabbath-day?*

АНГЛИЙСКИЙ (Lexham Expanded Bible)

г. *⟨...⟩ I made a **whole man** well on the Sabbath?*

АНГЛИЙСКИЙ (Daniel Mace New Testament)

д. *⟨...⟩ I cured a man, whose **whole body** was indisposed on the sabbath-day?*

АНГЛИЙСКИЙ (Noyes New Testament)

- e. ⟨...⟩ *I have restored soundness to the **whole body** of a man on the Sabbath?*

‘Если в субботу принимает человек обрезание, чтобы не был нарушен закон Моисеев, на Меня ли негодуете за то, что Я **всего** человека исцелил в субботу? (букв. «сделал человека полностью целым»)’. [Ин. 7:23]

Таким образом, несмотря на некоторую периферийность этого контекста, мы не исключаем его из выборки, ввиду общего малого количества примеров в рассматриваемой группе.

Еще один контекст с одушевленным единичным объектом (не включенный в итоговую выборку) представлен в [Ин. 13:10]. В испанском (23а), древнегреческом (23б) и осетинском (23в) переводах использованы стандартные УКС, в то время как в горномарийском используется единица *тb̄r̄ȳc* ‘целый, непочатый, полный; целиком, полностью’ [Саваткова 2008: 293] (24).

ИСПАНСКИЙ

- (23) а. *pues está todo limpio*
ведь быть.PRS.3SG весь.M.SG чистый.M.SG

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

- б. *all' estin kathar-os hol-os*
но быть.PRS.3SG чистый-M.SG весь-M.SG

ОСЕТИНСКИЙ

- в. *уым-æн æмæ æгас-æй дæр сыгъдæг у*
ТОТ-ДАТ и весь-AVL ADD чистый быть.PRS.3SG

⟨Иисус говорит ему: омытому нужно только ноги умыть,⟩
‘потому что чист **весь**;’ ⟨и вы чисты, но не все.⟩ [Ин 13:10]

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (24) *Мышк-ылт-шы эдем тb̄r̄ȳc ире. Тb̄дb̄-н*
мыть-МЕД-РТСР.АСТ человек целиком чистый 3SG-GEN
ял-жы-м веле мышк-аш кел-еш.
нога-POSS.3SG-ACC только мыть-INF быть_нужным-NPST.3SG

⟨Иисус говорит ему:⟩ омытому нужно только ноги умыть, потому что чист **весь**;’ ⟨и вы чисты, но не все⟩. (Букв.: «Омытый человек полностью чистый. Ему только ноги нужно умыть».) [Ин. 13:10]

Однако в удмуртском семантика всеобщности не представлена (25), а в английском использована не СМР-квантификация (26): словосочетание *every whit* (букв. ‘каждая капля’) имеет значение ‘во всех отношениях; совершенно’.

УДМУРТСКИЙ

- (25) *уго со-лэн мугор-ыз чылкыт*
 ибо 3SG-GEN тело-POSS.3SG чистый

⟨Иисус говорит ему:⟩ омытому нужно только ноги умыть, потому что чист **весь**;’ ⟨и вы чисты, но не все⟩. (Букв.: «Ибо его тело чистое».) [Ин. 13:10]

АНГЛИЙСКИЙ

- (26) *Jesus saith to him, He that is washed needeth not save to wash his feet, but is clean every whit: and ye are clean, but not all.*
 ‘Иисус говорит ему: омытому нужно только ноги умыть, потому что чист **весь**; и вы чисты, но не все’. [Ин. 13:10]

2.3. Неодушевленное единичное

Группа с неодушевленными единичными объектами включает контексты с лексемами ‘долг’ (27), ‘закон’ (28), а также шесть контекстов с лексемой ‘тело’ (29) (см. также стихи [Лк. 11:36; Мф. 5:30; Мф. 6:22, 23]).

- (27) *Тогда государь его призывает его и говорит: злой раб! **весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня** ⟨...⟩*
 [Мф. 18:32]
- (28) *На сих двух заповедях утверждается **весь закон** и пророки.*
 [Мф. 22:40]

- (29) а. *Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не **все тело твое** было ввержено в геенну.* [Мф. 5:29]
- б. *Светильник тела есть око; так, если око твое будет чисто, то и **все тело твое** будет светло; а если оно будет худо, то и тело твое будет темно.* [Лк. 11:34]

В некоторых языках также встретились лексемы со значением ‘дом’ (30), ‘Писание’, ‘тесто’, однако они не были включены в итоговую выборку. Так, в осетинском и удмуртском УКС были использованы в сочетании со множественными объектами, а не с лексемой ‘дом’. Для обозначения Священного Писания в английском и древнегреческом также представлена квантификация не единичного объекта, а множественного, ср. англ. (31) и др.-греч. *en pasais tais graphais* (в весь.F.PL.DAT DEF.F.PL.DAT священное_писание.F.PL.DAT).

АНГЛИЙСКИЙ

- (30) *And suddenly there came a sound from heaven as of a rushing mighty wind, and it filled **all the house** where they were sitting.* И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил **весь дом**, где они находились. [Деян. 2:2]

АНГЛИЙСКИЙ

- (31) *he expounded unto them **in all the scriptures** the things concerning himself.* (И, начав от Моисея, из всех пророков) изъяснял им сказанное о Нем **во всем Писании**. [Лк. 24:27]

Лексема ‘тесто’, представленная в горномарийском (32) и осетинском, см. *хысса æгас-æй дæр* (тесто весь-АВЛ ADD), не была использована в остальных языках. В русском, английском, древнегреческом и испанском было использовано УКС без существительного, см., например, русский перевод (32) и англ. *till the whole was leavened* ‘доколе не вскисло все’. В удмуртском же вместо клаузы ‘доколе не вскисло все’, содержащей УКС, было использовано деепричастие (33).

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (32) *ПЫ́лгом-ышты-шы Кугижәниби́ — ру ганьы.*
 небо-IN-ATTR царство закваска EQU

Бӱдӱрәмәш тӱдӱби-м нӱл-ӱн да кым висӱ
 женщина 3SG-ACC брать-PRET и три мера

лашаш-ыш пишит-ен, вара улы руаш шӱ-н.
 мука-ILL класть-PRET потом EXST тесто гнить-PRET

⟨Иную притчу сказал Он им:⟩ ‘Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло **всё**’. [Мф. 13:33]

УДМУРТСКИЙ

- (33) *Со шӱм-ез кышномурт басьт-эм но*
 3SG закваска-ACC женщина брать-PST2 ADD

ӱжӱж-ытоз-я-з-лы куинь мертэт
 подниматься-CVB.LIM-LOC/ILL-POSS.3SG-DAT три мера

пызь пӱл-ы пон-эм.
 мука окружение-ILL класть-PST2

⟨Царство Небесное подобно закваске,⟩ ‘которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло всё’. (Букв.: «Женщина взяла ту закваску и положила в три меры муки, пока ⟨тесто⟩ не поднялось»). [Мф. 13:33]

2.4. Пространственные контексты

Пространственные контексты (36 примеров) выделяются в отдельную группу, поскольку соответствующие лексемы чаще используются в обстоятельственной позиции (31 пример), как в (34). Позиция прямого объекта представлена четырьмя примерами: параллельным контекстом, встречающимся в трех Евангелиях ([Лк. 9:25] (35a), [Мк. 8:36], [Мф. 16:26]) и [Мк. 6:55] (35b)), а позиция посесора — одним [Откр. 16:14] (36).

АНГЛИЙСКИЙ

- (34) *And he went his way, and published throughout the whole city how great things Jesus had done unto him.*
 ⟨...Возвратись в дом твой и расскажи, что сотворил тебе Бог.⟩
 Он пошел и проповедовал **по всему городу**, что сотворил ему Иисус. [Лк. 8:39]
- (35) а. *Ибо что пользы человеку приобрести **весь мир**, а себя самого погубить или повредить себе?* [Лк. 9:25]
 б. ⟨...⟩ *Обежали **всю окрестность** ту и начали на постелях приносить больных туда, где Он, как слышно было, находился.* [Мк. 6:55]
- (36) *Это — бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли **всей вселенной**, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя.* [Откр. 16:14]

Интересно, что лишь для этой группы обнаруживаются два контекста, где в испанском употребляется специализированный СМР-маркер, см. (37), а также [Откр. 3:10].

ИСПАНСКИЙ

- (37) *el cual engañ-a al mundo*
 DEF.M.SG который обманывать.PRS.3SG к.DEF.M.SG мир
enter-o;
 весь.M.SG

⟨И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаной, ‘обольщающий всю вселенную’, ⟨низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним⟩. [Откр. 12:9]

2.5. Временные контексты

Лексемы с временным значением были зафиксированы в трех стихах: ‘год’ в [Деян. 11:26], ‘ночь’ в [Лк. 5:5] и ‘день’ в [Мф. 20:6]. В этих контекстах частотно использование не только основных УКС

(ср. *всю ночь* в [Лк. 5:5]), но и других, специализированных единиц (например, рус. *целый*, ос. *æнаехъæн* (этимологически *æна-хъæн* ‘без-повреждение’) ‘целый; весь’), см. (38)².

ОСЕТИНСКИЙ

- (38) *Æнаехъæн аз æмбæлд-ысты аргъуан-имæ*
 целый год встречаться-PST.3PL церковь-COM
æмæ ахуыр кодт-ой бирæ адæм-ы.
 и учеба делать-PST.3PL много человек-GEN

‘Целый год собирались они в церкви и учили немалое число людей,’ <и ученики в Антиохии в первый раз стали называться Христианами.> [Деян. 11:26]

Более того, в некоторых случаях используются специальные лексемы, например, горномар. *кечъыгът* ‘весь день; целый день’ [Саваткова 2008: 91] (39), *йыдваишт* ‘всю ночь напролет’ [Саваткова 2008: 68] (40а), удм. *уйбыт* ‘всю ночь’ [UdmCorpus] (40б). Суффиксы горномар. *-гът* и удм. *-быт*³ не являются продуктивными; горномар. единица *ваишт* имеет значение ‘насквозь’.

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (39) *Tă малын кечъыгът пӕшӕ-де ти-штӕи шалг-едӕ?*
 2PL почему весь_день работа-CAR этот-IN стоять-NPST.2PL
 ‘Что вы стоите здесь целый день праздну?’ [Мф. 20:6]

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (40) а. *мӕ йыд-ваишт ло-эн-нӕ дӕ*
 1PL ночь-насквозь ловить_рыбу-PST-1PL и
ни-ма-м=ат кычы-дел-на.
 NEG-что-ACC=ADD ловить-NEG.PRET-1PL

² Более подробная информация о распределении базовых и специализированных показателей в зависимости от типа контекста и языка представлена в Разделе 4.

³ Лексема *быдэс* и единица *-быт* имеют общее происхождение [Алатырев 1988: 224].

УДМУРТСКИЙ

б. *Ми уйбыт тырш-и-мы, нош номыр но*
 1PL вся_ночь трудиться-PST-1PL а ничего ADD

ӧм кут-э.
 NEG.PST.1PL ловить-PL

〈Симон сказал Ему в ответ: Наставник!〉 ‘Мы трудились **всю ночь** и ничего не поймали,’ 〈но по слову Твоему закину сеть.〉 [Лк. 5:5]

2.6. Неисчисляемые объекты (абстрактные)

Группа с неисчисляемыми абстрактными объектами включает в себя 21 контекст, при этом 15 контекстов содержатся в четырех стихах (41)–(44). К этой группе, помимо собственно абстрактных сущностей (например, *крепость, разумение*), были отнесены и наименования конкретных объектов, употребляющихся в переносном значении (например, *любить всем сердцем, всей душой*).

- (41) *Он сказал в ответ: возлюби Господа Бога твоего **всем сердцем твоим, и всю душою твоею, и всю крепостию твоею, и всем разумением твоим**, и ближнего твоего, как самого себя.* [Лк. 10:27]
- (42) 〈...〉 *И возлюби Господа Бога твоего **всем сердцем твоим, и всю душою твоею, и всем разумением твоим, и всю крепостию твоею**, — вот первая заповедь!* [Мк. 12:30]
- (43) 〈...〉 *И любить Его **всем сердцем и всем умом, и всю душою, и всю крепостью**, и любить ближнего, как самого себя, есть больше всех всесожжений и жертв.* [Мк. 12:33]
- (44) *Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего **всем сердцем твоим и всю душою твоею и всем разумением твоим*** [Мф. 22:37]

В некоторых из этих контекстов в горномарийском языке используется не УКС, а лексема *вашт* ‘насквозь’ (45) (см. также предыдущий раздел, где эта лексема была употреблена с временными выражениями). Словосочетания *шўм вашт* ‘от всего сердца’ и *йӱнг вашт* ‘от всей души, от всего сердца; искренно’ также приводятся в словаре [Саваткова 2008: 61, 259].

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (45) *Господь Йым-ет-ём шўм вашт, йӱнг вашт,*
 господь бог-POSS.2SG-ACC сердце насквозь душа насквозь
улы сила-эт доно дӱ улы ынгылы-маш-ет
 EXST сила-POSS.2SG с и EXST понимать-NMLZ2-POSS.2SG
доно яраты.
 с любить-IMP.2SG

⟨Он сказал в ответ:⟩ возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, ’⟨и ближнего твоего, как самого себя.⟩ [Лк. 10:27]

Остальные шесть контекстов представлены в (46)–(51).

- (46) *И научен был Моисей всей мудрости Египетской, и был силен в словах и делах.* [Деян. 7:22]
- (47) *ибо я не упустил возвещать вам всю волю Божию.* [Деян. 20:27]
- (48) *Он действует перед ним со всюю властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю, у которого смертельная рана исцелела ⟨...⟩* [Откр. 13:12]
- (49) *Филипп же сказал ему: если веруешь от всего сердца, можно. Он сказал в ответ: верую, что Иисус Христос есть Сын Божий.* [Деян. 8:37]
- (50) *Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну.* [Ин. 5:22]
- (51) *⟨...⟩ Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам ⟨...⟩* [Лк. 10:19]

2.7. Прочие типы неисчисляемых объектов

Данная группа контекстов представлена тремя стихами, содержащими лексемы ‘кровь’ (52), ‘трава’ (53) и ‘имение’ (54).

- (52) <...> *Да придет на вас **вся кровь праведная**, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником.* [Мф. 23:35]
- (53) *Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть дерев сгорела, и **вся трава зеленая сгорела.*** [Откр. 8:7]

АНГЛИЙСКИЙ

- (54) *And a woman having an issue of blood twelve years, which had spent **all her living** upon physicians, neither could be healed of any <...>* ‘И женщина, страдавшая кровотечением двенадцать лет, которая, издержав на врачей **всё имение**, ни одним не могла быть вылечена <...>’ [Лк. 8:43]

В [Лк. 8:43] в переводах на другие языки (кроме испанского) были использованы следующие слова: др.-греч. *holon ton bion* (весь.М.СГ DEF.М.СГ средства_к_существованию), ос. *йе-ппæт мулк дæр* (POSS.3SG-весь имущество ADD), удм. *вань юртъер-зэ* (EXST жилище-ACC.POSS.3SG), горномар. *цилә пайда-жы-м* (весь богатство-POSS.3SG-ACC). В испанском же используется конструкция *todo cuanto tenía* (весь.М.СГ сколько иметь.PRET.IPF.3SG) ‘все, что имела’.

Похожие примеры представлены в (55)–(57), однако варьирование лексем по языкам не позволило включить их в список наиболее прототипических контекстов, ср. рус. *над всем имением своим*, но англ. *over all his goods* в (55), англ. *of all her treasure*, но рус. *всех сокровищ ее* в (56), рус. *все пропитание свое*, но горномар. *цилә* ‘весь’ в (57).

АНГЛИЙСКИЙ

- (55) *Verily I say unto you, That he shall make him ruler **over all his goods.*** <...> ‘Истинно говорю вам, что **над всем имением своим** поставит его’. [Мф. 24:47]

АНГЛИЙСКИЙ

- (56) *and, behold, a man of Ethiopia, an eunuch of great authority under Candace queen of the Ethiopians, who had the charge of all her treasure, and had come to Jerusalem for to worship*
 ⟨Он встал и пошел.⟩ ‘И вот, муж Ефиоплянин, евнух, вельможа Кандакии, царицы Ефиопской, хранитель **всех сокровищ ее**, приезжавший в Иерусалим для поклонения’ ⟨...⟩ [Деян. 8:27]

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (57) *a tɨdɨi, nezɨr ɡɨn=ɨt, ma ulɨ-ɨsɨ-m,*
 а 3SG бедный если=ADD что EXST-POSS.3SG-ACC

ɨl-ɨɨ-ɨjɨi ma kɨl-mɨ-m,
 жить-INF-POSS.3SG что быть_нужным-NMLZ-ACC

ɨilɨ pu-ɨn.

весь давать-PRET

⟨...Ибо все клали от избытка своего,⟩ ‘а она от скудости своей положила всё, что имела, **всё пропитание свое**’. (Букв.: «А она, хоть и бедная, что имелось, для жизни что было нужным, **все** отдала».) [Мк. 12:44]

2.8. Обобщение

Мы отобрали 123 контекста CMP-квантификации в Новом Завете, см. обобщение в *Таблице 2*.

Таблица 2. Контексты CMP-квантификации в Новом Завете

Table 2. CMP-quantification contexts in New Testament

Контекст	Кол-во	Стихи
AnimPl	39	Ин. 8:2, 11:50 Лк. 1:10, 3:21, 6:19, 7:29, 18:43, 19:48, 20:6, 20:45, 21:38, 24:19 Мк. 2:13, 4:1, 9:15, 14:55, 15:1, 15:16 Мф. 8:32, 12:23, 13:2, 26:59, 27:25, 27:27 Деян. 2:36, 2:47, 3:9, 3:11, 4:10, 5:11, 5:34, 7:14, 10:22, 10:41, 13:24, 15:22, 20:28, 21:27, 22:30

Контекст	Кол-во	Стихи
AnimPl_Loc	11	Мк. 1:5, 1:33 Мф. 2:3, 3:5, 8:34, 21:10 Откр. 13:3 Деян. 13:44, 19:27, 21:30, 21:31
AnimSg	2	Ин. 7:23, 9:34
InanSg	8	Лк. 11:34, 11:36 Мф. 5:29, 5:30, 6:22, 6:23, 18:32, 22:40
Space	36	Лк. 2:1, 3:3, 4:25, 6:17, 7:17, 8:39, 9:25, 23:5, 23:44 Мк. 1:38, 1:39, 6:55, 8:36, 14:9, 15:33, 16:15 Мф. 9:26, 9:31, 14:35, 16:26, 26:13, 27:45 Откр. 3:10, 5:6, 12:9, 16:14 Деян. 1:8, 7:11, 9:31, 9:42, 10:37, 11:28, 13:49, 17:26, 19:26, 26:20
Time	3	Лк. 5:5 Мф. 20:6 Деян. 11:26
UncountAbs	21	Ин. 5:22 Лк. 10:19, 10:27 Мк. 12:30, 12:33 Мф. 22:37 Откр. 13:12 Деян. 7:22, 8:37, 20:27
Uncount	3	Лк. 8:43 Мф. 23:35 Откр. 8:7

Группа с одушевленными множественными объектами ('AnimPl') состоит из 50 примеров (из которых в 11 примерах метонимически употреблены существительные с пространственным значением; 'AnimPl_Loc') и тем самым оказывается наиболее обширной. В группу с одушевленными единичными объектами ('AnimSg') попало лишь два контекста. Один из них к тому же отличается от остальных тем, что в нем используется местоимение, а не имя существительное.

Группа с неодушевленными единичными объектами ('InanSg'), (связанная в некоторых контекстах с группой 'AnimSg', ср. *весь человек* и *все тело человека*) насчитывает 8 контекстов.

Группа контекстов с пространственными существительными ('Space') — вторая по количеству примеров (36 контекстов). На третьем месте — группа с неисчисляемыми абстрактными существительными ('UncountAbs', 21 контекст).

Группы с временными выражениями ('Time') и с прочими неисчисляемыми объектами ('Uncount') насчитывают по 3 примера.

3. Маркирование в СМР-контекстах

Данный раздел посвящен обсуждению маркирования в выделенных СМР-контекстах. В некоторых случаях используется базовый маркер, который может использоваться при квантификации как множественных, так и единичных объектов (в осетинском: *æппæт*; в удмуртском: *вань*; в горномарийском: *цилӓ*; в русском: *весь / вся / все*; в английском: *all*; в древнегреческом: *pas / pasa / ran*, в испанском: *todo / toda*). Некоторые стихи демонстрируют единицу, свойственную СМР-контекстам, но не употребляющуюся при квантификации множественных объектов (в осетинском: *æгас*; в удмуртском: *быдес*; в горномарийском: *улы*; в английском: *whole*; в древнегреческом: *holos / holē / holon*, в испанском: *entero / entera*).

В некоторых контекстах встречаются прочие единицы (в осетинском: *æнахъæн*, а также выражение *къах-æй-къух-мæ* (нога-авл-рука-авл) 'с ног до головы'; в удмуртском: непродуктивный суффикс *-быт*, в горномарийском: единицы *ваит* 'насквозь', *хӓлӓ* 'полностью' и непродуктивный суффикс *-гыт*; в русском: *целый*; в английском: единица *altogether*; в испанском: *completamente* 'полностью', выражение *del todo* (GEN.DEF.M *весь.м*) 'полностью').

В *Таблице 3* представлено обобщение о количестве языков, в которых были употреблены небазовые единицы (специализированные

СМР-маркеры и прочие единицы, перечисленные выше) в различных группах контекстов.

Таблица 3. СМР-квантификация в Новом Завете: количество языков, в которых используются специализированные / прочие маркеры

Table 3. СМР-quantification contexts in New Testament: number of specialized markers

Кол-во языков	0	1	2	3	4	5	6	Всего
AnimPl	9	16	6	4	2	2		39
AnimPl_Loc		2	4	5				11
AnimSg							2	2
InanSg		1	1	2	3	1		8
Space		5	11	8	5	7		36
Time					1	2		3
UncountAbs	2	3	16					21
Uncount	1	2						3

Так, в группе с одушевленными множественными объектами ('AnimPl') в девяти случаях не было использовано специализированное маркирование ни в одном из языков, а в шестнадцати случаях небазовый маркер встретился лишь в одном языке. Однако в двух контекстах специализированный маркер был употреблен в пяти языках: в [Мф. 27:27] и [Мк. 15:16], см. (58), а также ос. *ægas æfсæдд-он хай* (весь войско-ADJ часть), удм. *быдес полк-ез* (весь полк-ACC), горномар. *улы полк-ым* (EXST полк-ACC), др.-греч. *holēn tēn speiran* (весь.F.SG DEF.F.SG отряд). В других двух контекстах ([Мф. 8:32] и [Ин. 11:50]) специализированные маркеры были выбраны в четырех языках, см. (59) и ос. *хуы-т-ы дзуг ægas-æй дæр* (свинья-PL-GEN стадо весь-AVL ADD), удм. *быдэс парсь уллё* (весь свинья стадо), горномар. *улы кёитё* (EXST стадо), а также (60) и удм. *быдэс калык* (весь народ), горномар. *улы халык* (EXST народ), др.-греч. *holon to ethnos* (весь.N.SG DEF.N.SG нация).

АНГЛИЙСКИЙ

- (58) a. *Then the soldiers of the governor took Jesus into the common hall, and gathered unto him **the whole band** of soldiers.*

‘Тогда воины правителя, взяв Иисуса в преторию, собрали на Него весь полк’. [Мф. 27:27]

- б. *And the soldiers led him away into the hall, called Praetorium; and they call together **the whole band**.*

‘А воины отвели Его внутрь двора, то есть в преторию, и собрали **весь полк**’. [Мк. 15:16]

АНГЛИЙСКИЙ

- (59) *And he said unto them, Go. And when they were come out, they went into the herd of swine: and, behold, **the whole herd** of swine ran violently down a steep place into the sea, and perished in the waters.*

‘И Он сказал им: идите. И они, выйдя, пошли в стадо свиное. И вот, всё стадо свиней бросилось с крутизны в море и погибло в воде’. [Мф. 8:32]

АНГЛИЙСКИЙ

- (60) *Nor consider that it is expedient for us, that one man should die for the people, and that **the whole nation** perish not.*

‘{...} И не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб’. [Ин. 11:50]

В группе с одушевленными множественными объектами, выражаемыми с помощью существительных с пространственным значением, (‘AnimPl_Loc’) маркирование небазовыми маркерами не распространено. Однако в пяти контекстах в трех языках эти единицы были использованы, см., например, (61) и ос. *ægac saħar* (весь город), горномар. *ħala ħälä=ok* (город полностью=EMPH), а также (62) и ос. *ægac saħar* (весь город), др.-греч. *holē hē polis* (весь.F.SG DEF.F.SG город.F.SG).

АНГЛИЙСКИЙ

- (61) *And the next sabbath day came almost **the whole city** together to hear the word of God.*

‘В следующую субботу почти весь город собрался слушать слово Божие’. [Деян. 13:44]

УДМУРТСКИЙ

- (62) *Быдэс город ёс выжы-е люкасък-и-з.*
 весь город дверь корень-ILL собираться-PST-3SG

‘И весь город собрался к дверям’. [Мк. 1:33]

Группа с одушевленными единичными объектами (‘AnimSg’) включает два контекста, и в шести языках из семи в них используется небазовое маркирование.

Группа с неодушевленными единичными объектами (‘InanSg’) демонстрирует большее разнообразие. В одном из контекстов специализированный маркер был использован в пяти языках, см. (63) и ос. *дае буар ағас-аёй даер* (POSS.2SG тело весь-ABL ADD), удм. *быдэс мугор-ыд* (весь тело-POSS.2SG), горномар. *улы кән-ет* (EXST тело-POSS.2SG), др.-греч. *holon to sōta sou* (весь.N.SG DEF.N.SG тело 2SG.GEN).

АНГЛИЙСКИЙ

- (63) *The light of the body is the eye: therefore when thine eye is single, thy whole body also is full of light; but when thine eye is evil, thy body also is full of darkness.*

‘Светильник тела есть око; итак, если око твое будет чисто, то и все тело твое будет светло; а если оно будет худо, то и тело твое будет темно’. [Лк. 11:34]

Группа существительных с пространственным значением (‘Space’) также демонстрирует разнообразие в способах маркирования. В ней присутствуют как контексты, в которых специализированные маркеры встречаются в малом количестве языков (24 контекста в одном, двух и трех языках), так и контексты, где небазовые показатели более частотны (10 контекстов в четырех и пяти языках), см., например, (64) и ос. *ағас сахар-ы даер* (весь город-LOC ADD), удм. *быдэс город-эти* (весь город-PROL), горномар. *улы хала мыч-кы* (EXST город конец-ILL2), др.-греч. *kath' holēn tēn polin* (через весь.F.SG.ACC DEF.F.SG.ACC город.ACC), а также (65) и ос. *ағас дуне* (весь мир), удм. *быдэс дунне-ез* (весь мир-ACC), горномар. *сәндәләк хәлә* (мир полностью), др.-греч. *ton kosmon holon* (DEF.M.SG.ACC мир. ACC весь.M.SG.ACC).

АНГЛИЙСКИЙ

- (64) *Return to thine own house, and shew how great things God hath done unto thee. And he went his way, and published **throughout the whole city** how great things Jesus had done unto him.*

‘(...) Возвратись в дом твой и расскажи, что сотворил тебе Бог. Он пошел и проповедовал по всему городу, что сотворил ему Иисус’. [Лк. 8:39]

АНГЛИЙСКИЙ

- (65) *For what is a man advantaged, if he gain **the whole world**, and lose himself, or be cast away?*

‘Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить или повредить себе?’ [Лк. 9:25]

Маркирование во временных контекстах (‘Time’) чаще всего происходит с помощью небазовых УКС (см. *Раздел 2.5*). Напротив, в контекстах с неисчисляемыми объектами (‘UncountAbs’ и ‘Uncount’) специализированное маркирование используется редко.

Рассмотрим также данные по конкретным языкам. В *Таблице 4* представлено обобщение о количестве контекстов, в которых используются небазовые маркеры, в каждом из языков. Количество базовых маркеров не показывается.

Как мы уже отмечали выше, в контекстах ‘Time’ и ‘AnimSg’ во всех рассмотренных языках зафиксированы специализированные показатели. Наоборот, в группе ‘Uncount’ специализированное маркирование не ожидается. Однако поскольку эти группы контекстов содержат крайне мало примеров, мы не будем их учитывать далее при подсчете процентов небазовой универсальной квантификации единичных объектов в конкретных языках.

Горномарийский язык в 57 случаях использует СМР-маркер (*улы*), а не базовый показатель (*циlä*). В 15 примерах зафиксировано употребление прочих специализированных показателей (лексема *xälä* в контекстах ‘AnimPl_Loc’ и ‘Space’, единица *vaunt* в контекстах ‘UncountAbs’ и ‘Time’ и непродуктивный суффикс *-гыт* в контекстах ‘Time’). Иерархия употребления небазовых показателей при

Таблица 4. Количество контекстов с СМР-маркерами ('cmp'), прочими специализированными маркерами ('spec'), отсутствующим СМР-маркированием ('no') в Новом Завете: распределение по языкам

Table 4. Number of contexts with CMP-markers ('cmp'), other specialized markers ('spec') and absent CMP-marking ('no') in New Testament: language distribution

		Os	Ud	HM	Ru	En	Gr	Sp
AnimPl (39)	cmp	5	10	23		10	10	
	no	4	3	6				
AnimPl_Loc (11)	cmp / spec	4	6	7/1		2	5	
	no	2	5					
AnimSg (2)	cmp		2				2	
	spec	2		2		2		2
InanSg (8)	cmp / spec	3/1	7	2		6	7	
Space (36)	cmp	12	33	18		10	25	2
	spec			3	2			
	no		3	3		1		
Time (3)	cmp	1	2			1	3	
	spec	2	1	2	2			
	no			1				
UncountAbs (21)	cmp / spec		1	7/7			16	
	no	4						
Uncount (3)	cmp	1					1	
	no	1						
Всего	cmp / spec	26/5	61/1	57/15	0/4	29/1	69/0	2/2

Примечание. Обозначение языков: Os — осетинский, Ud — удмуртский, HM — горномарийский, Ru — русский, En — английский, Gr — древнегреческий, Sp — испанский). Серым выделено большое количество (более 55%) контекстов с небазовым маркированием.

квантификации единичных объектов для горномарийского представлена в (66)⁴.

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(66) AnimPl_Loc (72,7 %) > UncountAbs (66,7 %) > AnimPl (59 %) > Space (58,3 %) > InanSg (25 %)

В древнегреческом языке было зафиксировано 69 контекстов с СМР-маркерами (*holos / holē / holon*), см. (67). В отличие от горномарийского, в древнегреческом СМР-маркеры частотны в контекстах ‘InanSg’, но редки в контекстах ‘AnimPl’. Также по сравнению с горномарийским они реже употребляются в контекстах ‘AnimPl_Loc’.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

(67) InanSg (87,5 %) > UncountAbs (76,2 %) > Space (69,4 %) > AnimPl_Loc (45,5 %) > AnimPl (25,6 %)

В удмуртском языке СМР-маркер (*быдэс*) был использован в 61 примере, см. иерархию в (68). В одном из контекстов ‘Time’ был использован непродуктивный суффикс *-быт*. СМР-маркеры употребляются в контекстах ‘Space’ чаще, чем в древнегреческом и горномарийском. Как и в древнегреческом, они частотны в контекстах ‘InanSg’, встречаются в контекстах ‘AnimPl_Loc’ и довольно редки в контекстах ‘AnimPl’. В отличие от горномарийского и древнегреческого, они практически не употребляются в контекстах ‘UncountAbs’.

УДМУРТСКИЙ

(68) Space (91,7 %) > InanSg (87,5) > AnimPl_Loc (54,5 %) > AnimPl (25,6 %) > UncountAbs (4,8 %)

⁴ Иерархия вычислялась посредством деления количества небазовых маркеров на общее количество маркеров в каждом контексте, см. *Таблицу 4*. Например, для группы AnimPl_Loc в горномарийском складывается количество СМР-маркеров (7 шт.) и прочих маркеров (1 шт.), и эта сумма делится на общее количество маркеров в данной группе (11 шт.); результат умножается на 100: $((7 + 1) / 11) * 100 = 72,7$.

В английском языке СМР-маркер (*whole*) встретился 29 раз, см. (69). Как и в древнегреческом, СМР-маркеры частотны в контекстах 'InanSg'. Однако, в отличие от горномарийского, древнегреческого и удмуртского, в контекстах 'Space', 'AnimPl', 'AnimPl_Loc' они довольно редки, а в контекстах 'UncountAbs' не были зафиксированы вовсе.

АНГЛИЙСКИЙ

(69) InanSg (75 %) > Space (27,8 %) > AnimPl (25,6 %) > AnimPl_Loc (18,2 %) > UncountAbs (0 %)

В осетинском языке в 26 случаях был употреблен СМР-маркер (*æгас*), см. (70). Также в трех примерах была употреблена единица *æнахъæн* 'целый' ('InanSg', 'Time'), а в двух — сочетание *къахай-къухма* 'с ног до головы' ('AnimSg'). Как и в английском и древнегреческом, СМР-маркер в осетинском частотен в контекстах 'InanSg' (однако ср. 50 % в осетинском и 75 % и 87,5 % в английском и древнегреческом соответственно). В контекстах 'AnimPl_Loc' и 'Space' он встречается, но не очень часто, а в контекстах 'AnimPl' и 'UncountAbs' практически не используется.

ОСЕТИНСКИЙ

(70) InanSg (50 %) > AnimPl_Loc (36,4 %) > Space (35,3 %) > AnimPl (12,8 %) > UncountAbs (0 %)

В русском языке в 4 примерах была использована единица *целый*: два раза в контекстах 'Time' и два раза в контекстах 'Space' (5,9 %). В испанском языке в 2 примерах из группы 'Space' употребляется СМР-маркер *entero* 'весь'.

Таким образом, мы описали основные тенденции в использовании небазовых показателей в контекстах СМР-квантификации в осетинском, удмуртском, горномарийском, русском, английском, древнегреческом и испанском. Эти показатели имеют разную частотность в рассмотренных нами языках и контекстах.

Отметим, что данная работа носит предварительный характер и выделенные классы контекстов в полной мере не демонстрируют ограничения на употребление УКС в различных языках. В частности,

некоторые группы контекстов включают относительно разнородные типы объектов ввиду малого количества контекстов (например, в классе 'InanSg' присутствуют как физические объекты ('тело'), так и объекты, не обладающие свойством протяженности ('закон')).

Более того, безусловно, существуют и более тонкие различия, которые не учитываются в текущей классификации. Так, в русском языке «сочетания лексем *весь / все* и *целый* со словами количественной семантики различаются тем, что в первом случае выражается значение определенности» [Булыгина, Шмелев 1988: 9]. Например, «*весь день* и *целый день* различаются по значению: *целый день* только указывает на длительность, но при этом может быть неизвестно, какой день имеется в виду» [Булыгина, Шмелев 1988: 10]. (Однако в случае определенных объектов возможны обе лексемы: *Во всем мире (= в целом мире) нет таких лошадей* [Булыгина, Шмелев 1988: 10].)

Однако, несмотря на некоторые ограничения текущей классификации, наблюдения над распределением УКС по контекстам могут послужить первым этапом при их описании; сама классификация в дальнейшем может быть модифицирована и дополнена.

4. Заключение

Мы описали контексты СМР-квантификации в Новом Завете на материале шести книг (Евангелие от Матфея, Евангелие от Марка, Евангелие от Луки, Евангелие от Иоанна, Деяния святых Апостолов и Откровение Иоанна Богослова) и семи языков (русский, английский, древнегреческий, испанский, горномарийский, удмуртский, осетинский).

После первичной обработки были отобраны 170 контекстов с СМР-квантификацией. В дальнейшем мы исключили примеры, в которых как минимум в двух языках вместо квантификации единичных объектов была либо использована квантификация множественных объектов, либо УКС отсутствовало. Оставшиеся 123 контекста были распределены по следующим группам: одушевленное

множественное ('AnimPl'), одушевленное единичное ('AnimSg'), неодушевленное единичное ('InanSg'), пространственное ('Space'), временное ('Time'), неисчисляемое абстрактное ('UncountAbs'), неисчисляемое прочее ('Uncount').

В языках может существовать не только базовое УКС, которое используется при квантификации как множественных, так и единичных объектов (*æntæт* в осетинском; *вань* в удмуртском; *цилӕ* в горномарийском; *весь / вся / все* в русском; *all* в английском; *pas / pasa / pan* в древнегреческом; *todo / toda* в испанском). В некоторых контекстах употребляются СМР-маркеры (*æгас* в осетинском; *быдес* в удмуртском; *улы* в горномарийском; *whole* в английском; *holos / holē / holon* в древнегреческом, *entero / entera* в испанском) или же прочие единицы (например, *æнæхъæн* 'целый' в осетинском, *хӕлӕ* 'полностью' в горномарийском). Мы показали, что небазовые УКС в контекстах СМР-квантификации имеют разную частотность в рассмотренных нами языках и контекстах.

Отобранные контексты могут быть полезны для изучения СМР-квантификации в языках, не вошедших в исходную выборку.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; AVL — аблатив; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; ADV — адвербиализатор; ALL — аллатив; AOR — аорист; APPR — прилизительность; ATTR — атрибутивизатор; CAR — каритив; CAUS — каузатив; COM — комитатив; CVB.LIM — деепричастие с семантикой следования; DAT — датив; DEF — определенность; DETR — детранзитив; EL — элатив; EQU — экватив; EXST — экзистенциальный маркер; F — женский род; FULL — полная форма; GEN — генитив; ILL, ILL2 — иллатив; IMP — императив; IN, IN2 — инессив; INDEF — неопределенность; INF — инфинитив; IPF — имперфект; ITER — итератив; JUSS — юссив; LAT — латив; LOC — локатив; M — мужской род; MED — медий; N — средний род; NEG — отрицание; NMLZ, NMLZ2 — номинализация; NPST — непрошедшее время; PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRET — претерит; PROL — пролатив; PROP — проприетив; PRS — настоящее время; PST, PST2 — прошедшее время; PTCL — частица; PTCP.ACT — активное причастие; PTCP.PST — причастие прошедшего времени; PV — преверб; RES — результатив; SG — единственное число, VBLZ — вербализатор.

Литература

- Алатырев 1988 — В. И. Алатырев. Этимологический словарь удмуртского языка. Буквы А, Б. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1988.
- Аркадьев, Герасимов 2012 — П. М. Аркадьев, Д. В. Герасимов. О конструкции холистической квантификации в адыгейском языке // Вестник ТГПУ. 2012. № 1. С. 22–27.
- Багаев 1965 — Н. К. Багаев. Современный осетинский язык. Ч. I (фонетика и морфология). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965.
- Булыгина, Шмелев 1988 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Механизмы квантификации в русском языке и семантика количественной оценки // Н. Д. Арутюнова (ред.). Референция и проблемы текстообразования. М.: Наука, 1988. С. 5–18.
- ГСУЯ 1962 — П. Н. Перевошиков. Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962.
- Плунгян, настоящий сборник — В. А. Плунгян. Параллельный корпус как грамматическая база данных и Новый Завет как параллельный корпус (предисловие) // Настоящий сборник.
- Саваткова 2008 — А. А. Саваткова. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2008.
- Татовосов 2002 — С. Г. Татовосов. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Cysouw, Good 2013 — M. Cysouw, J. Good. Languoid, Doculect, and Glossonym: Formalizing the Notion ‘Language’ // Language Documentation & Conservation. 2013. Vol. 7. P. 331–359.
- de Vries 2007 — L. de Vries. Some remarks on the use of Bible translations as parallel texts in linguistic research // STUF — Language Typology and Universals. 2007. Vol. 60. № 2. P. 148–157. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.148.
- Haspelmath 1995 — M. Haspelmath. Diachronic sources of ‘all’ and ‘every’ // E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. Partee (eds.). Quantification in natural languages. Dordrecht: Kluwer, 1995. P. 363–382. DOI: 10.1007/978-94-017-2817-1_12.
- Heider et al. 2011 — P. M. Heider, A. Hatfield, J. Wilson. Repurposing Bible translations for grammar sketches // Studies in the Linguistic Sciences: Illinois Working Papers. 2011. P. 51–65.
- Keenan, Paperno (eds.) 2012 — E. Keenan, D. Paperno (eds.). Handbook of quantifiers in natural language. Dordrecht; Heidelberg; London; NY: Springer, 2012. DOI: 10.1007/978-94-007-2681-9.

- Khachaturyan 2015 — M. Khachaturyan. Grammaire du mano // Mandenkan. 2015. № 54. P. 1–252.
- Konoshenko, this volume — M. B. Konoshenko. Quotatives in Guinean and Liberian Kpelle: a study of parallel Bible corpora and non-biblical texts // This volume.
- Wälchli 2007 — B. Wälchli. Advantages and disadvantages of using parallel texts in typological investigations // STUF — Language Typology and Universals. 2007. Vol. 60. № 2. P. 118–134. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.118.

Источники

- ГПБ — Кырык марла У Согонь (Новый Завет на горномарийском языке). Институт перевода Библии, 2014 (электронный ресурс). URL: http://finugorbib.com/bible/hill_mari/00_a_about_na.html (дата обращения: 02.03.2023)
- ДПБ — Η Καινή Διαθήκη (Библия на древнегреческом (койне)). Nestle, 1904 (электронный ресурс). URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.1&g> (дата обращения: 02.03.2023).
- ОПБ — Осетинский перевод Библии. Институт перевода Библии, 2004. URL: online-bibliya.ru/book/osetinskii-iron-vzag-32/ (дата обращения: 02.03.2023).
- СПБ — Синаодальный перевод Библии. 1876 (электронный ресурс). URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.1> (дата обращения: 02.03.2023).
- УПБ — Библия удмурт кылын (Библия на удмуртском языке). Институт перевода Библии, 2014 (электронный ресурс). URL: http://finugorbib.com/bible/udmurt/40_Mat01_na.html (дата обращения: 02.03.2023).
- BRV — Biblia Reina-Valera. 1960 (электронный ресурс). URL: <https://www.biblegateway.com/> (дата обращения: 04.03.2023).
- KJV — King James Version. 1611 (электронный ресурс). URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.1&en-kjv> (дата обращения: 04.03.2023).
- Udmcorpus — Национальный корпус удмуртского языка — Словарь (электронный ресурс). URL: <http://udmcorpus.udman.ru/dictionary> (дата обращения: 22.03.2022).

References

- Alatyrev 1988 — V. I. Alatyrev. *Etimologicheskij slovar udmurtskogo yazyka. Bukvy A, B* [Etymological dictionary of the Udmurt language. Letters A, B]. Izhevsk: Research Institute under the Council of Ministers of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic, 1988.

- Arkadiev, Gerasimov 2012 — P. M. Arkadiev, D. V. Gerasimov. O konstruksii kholisticheskoy kvantifikatsii v adygeyskomazykye [On the construction of holistic quantification in the Adyghe language]. *Vestnik TGPU*. 2012. No. 1. P. 22–27.
- Bagaev 1965 — N. K. Bagaev. *Sovremennyy osetinskiyazyk. Chast I (fonetika i morfologiya)* [Modern Ossetic. Pt. I (Phonetics and morphology)]. Ordzhonikidze: North-Ossetian Book Publishing House, 1965.
- Bulygina, Shmelev 1988 — T. V. Bulygina, A. D. Shmelev. Mekhanizmy kvantifikatsii v russkomazykye i semantika kolichestvennoy otsenki [Quantification mechanisms in Russian and the semantics of quantification]. N. D. Arutyunova (ed.). *Referentsiya i problemy tekstoobrazovaniya* [Reference and problems of text formation]. Moscow: Nauka, 1988. P. 5–18.
- Cysouw, Good 2013 — M. Cysouw, J. Good. Languoid, Doculect, and Glossonym: Formalizing the Notion ‘Language’. *Language Documentation & Conservation*. 2013. Vol. 7. P. 331–359.
- de Vries 2007 — L. de Vries. Some remarks on the use of Bible translations as parallel texts in linguistic research. *STUF—Language Typology and Universals*. 2007. Vol. 60. No. 2. P. 148–157. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.148.
- GSUJa 1962 — P. N. Perevoshchikov. *Grammatika sovremennogo udmurtskogoazyky: Fonetika i morfologiya* [Grammar of the modern Udmurt language: Phonetics and morphology]. Izhevsk: Udmurt Book Publishing House, 1962.
- Haspelmath 1995 — M. Haspelmath. Diachronic sources of ‘all’ and ‘every’. E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. Partee (eds.). *Quantification in natural languages*. Dordrecht: Kluwer, 1995. P. 363–382. DOI: 10.1007/978-94-017-2817-1_12.
- Heider et al. 2011 — P. M. Heider, A. Hatfield, J. Wilson. Repurposing Bible translations for grammar sketches. *Studies in the Linguistic Sciences: Illinois Working Papers*. 2011. P. 51–65.
- Keenan, Paperno (eds.) 2012 — E. Keenan, D. Paperno (eds.). *Handbook of quantifiers in natural language*. Dordrecht; Heidelberg; London; NY: Springer, 2012. DOI: 10.1007/978-94-007-2681-9.
- Khachaturyan 2015 — M. Khachaturyan. Grammaire du mano. *Mandenkan*. 2015. № 54. P. 1–252.
- Konoshenko, this volume — M. B. Konoshenko. *Quotatives in Guinean and Liberian Kpelle: a study of parallel Bible corpora and non-biblical texts*. This volume.
- Plungian, this volume — V. A. Plungian. *Parallelnyy korpus kak grammaticheskaya baza dannyykh i Novyy Zavet kak parallelnyy korpus (predisloviye)* [The parallel corpus as a grammar database and the New Testament as a parallel corpus (Preface)]. This volume.
- Savatkova 2008 — A. A. Savatkova. *Slovar gornomariyskogoazyky* [Hill Mari dictionary]. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House, 2008.

- Tatevosov 2002 — S. G. Tatevosov. *Semantika sostavlyayushchih imennoy gruppy: kvantornye slova* [Semantics of the constituents of the noun phrase: quantifier words]. Moscow: Gorky Institute of World Literature, 2002.
- Wälchli 2007 — B. Wälchli. Advantages and disadvantages of using parallel texts in typological investigations. *STUF — Language Typology and Universals*. 2007. Vol. 60. No. 2. P. 118–134. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.118.

Получено / received 04.04.2022

Принято / accepted 16.06.2022

Сравнительные конструкции в Новом Завете

Ю. В. Сеницына

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия), Институт языкознания РАН (Москва, Россия);
jv.sinitsyna@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2408-6270

Аннотация. Данная работа посвящена эквативным и компаративным конструкциям в Новом Завете на материале древнегреческого, русского, английского, испанского, осетинского, горномарийского и удмуртского языков. В статье обсуждаются критерии отбора и дальнейшего анализа релевантных контекстов — например, прототипичность стандарта сравнения, семантика сравнительной конструкции, маркирование параметра сравнения, — а также влияние данных критериев на выбор маркера стандарта в эквативных конструкциях на примере осетинского, горномарийского и удмуртского переводов.

Ключевые слова: эквативные конструкции, симилиативные конструкции, компаративные конструкции, корпусная лингвистика, типология, финно-угорские языки, индоевропейские языки.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 22-28-01639.

Comparative constructions in the New Testament

Julia V. Sinitsyna

Lomonosov Moscow State University, Institute of Linguistics (Moscow, Russia),
Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); jv.sinitsyna@yandex.ru;
ORCID: 0000-0002-2408-6270

Abstract. This article discusses equative (e.g., *be ye <...> wise as serpents* [Mat. 10:16]), similitive (e.g., *Never man spake like this man* [Mat. 3:16]) and comparative (e.g., *he <...> is mightier than I* [Mat. 3:11]) constructions in the New

Testament (The Gospels of Matthew, Mark, Luke, John; The Acts of the Apostles; The Book of Revelation). I have used the Ancient Greek original and its translations into the following languages: Russian, English, Spanish, Ossetic, Hill Mari and Udmurt.

Altogether, I have selected 38 comparative and 75 equative / similitive constructions. In its first part, the article defines the structural and semantic constraints of the constructions. I did not consider examples lacking a construction component like, e.g., the comparee (*ye* in [Mat. 10:16]) or a standard of comparison (SoC; *serpents* in [Mat. 3:11]).

Further, I discuss the criteria used to classify the relevant contexts. For example, one of such criteria is the prototypicality of the SoC. This means that the best candidate for a SoC is a pronoun or a “light” noun without dependents. An atypical SoC, on the contrary, would be an adpositional phrase or finite clause. Another criterion is the type of comparison, more relevant for comparative constructions of equality. Equative constructions compare two objects possessing some property to the same degree, and similitive constructions compare the manner of the action.

In the second part, the article explores the use of standard markers in equative and similitive constructions in Ossetic, Hill Mari and Udmurt. This study shows that in different languages, different criteria may underlie the choice of the standard marker. The semantics of comparison tends to be the main criterion in Hill Mari language, while it is the prototypicality of the SoC in Ossetic. Udmurt has one multi-purpose marker *kad* ‘as, like’ that does not show any strong correlations between the semantics or prototypicality of the standard marker. The only type of standard not allowed with *kad* is clausal.

Keywords: equative constructions, similitive constructions, comparative constructions, corpus linguistics, typology, Finno-Ugric languages, Indo-European languages.

Acknowledgments. This research was funded by the Russian Science Foundation, grant № 22-28-01639.

1. Введение

Понятие «сравнительные конструкции» объединяет явления, схожие в общей идее сравнения двух действий или участников (объекта и стандарта сравнения), но разные в понимании степени различия между ними. Объект и стандарт сравнения имеют

одинаковую степень проявления признака в эквативных конструкциях (1). В компаративных конструкциях (2) один из сравниваемых объектов имеет большую степень проявления признака [Haspelmath et al. 2017: 10].

(1) *⟨...⟩ И одежда его бела, как снег.* [Мф. 28:3]

(2) *⟨...⟩ Но Идущий за мною сильнее меня.* [Мф. 3:11]

Наглядное соотнесение основных элементов рассматриваемых конструкций с их языковыми выражениями из примеров (1)–(2) представлено в *Таблице 1* (обозначения взяты из [Treis, Vanhove (eds.) 2017: 4] и [Князев 2007: 184]).

Таблица 1. Обозначения элементов, характерных для сравнительных конструкций

Table 1. Key elements of equative and comparative constructions

Объект сравнения	Маркер параметра	Параметр сравнения	Маркер стандарта сравнения	Стандарт сравнения
одежда		бела	как	снег
идуший	-ее	сильный	GEN	я

В зависимости от характера сравнения, конструкции, выражающие равную степень между двумя объектами, можно разделить на две группы. В более строгом смысле под эквативными конструкциями понимаются только такие, которые выражают идентичность степени проявления признака объекта и стандарта сравнения (1). Конструкции, в которых говорится об идентичности образа действия, называются симилиативными (3) [Haspelmath, Buchholz 1998: 313]¹.

(3) *⟨...⟩ Тогда праведники воссияют, как солнце.* [Мф. 13:43]

¹ Далее мы будем использовать ярлык «эквативные конструкции» для отсылки ко всей группе сравнительных конструкций со значением равенства, если специально не оговорено другое.

Компаративные конструкции, в свою очередь, подразделяются на супериорные и инфериорные в зависимости от обладания объектом сравнения соответственно большей или меньшей степенью проявления признака по отношению к стандарту, см. (4) [Treis 2018: iii]. В последних употребляется особый маркер параметра — например, *less* в английском примере и *менее* в русском переводе. Данный тип конструкций не встретился в нашей выборке.

АНГЛИЙСКИЙ

(4) *Peter is less tall than Susan.*

‘Питер менее высокий, чем Сьюзан’. [Treis 2018: iii]

Данная работа посвящена описанию эквативных и компаративных конструкций в Новом Завете, используемом в качестве параллельного корпуса (о таком подходе и его преимуществах см., например, [Haspelmath 1997: 17; Resnik et al. 1999: 129–130], а также [Плунгян, настоящий сборник]).

В ходе исследования было рассмотрено шесть книг Нового Завета: Евангелие от Матфея (Мф.), Евангелие от Марка (Мк.), Евангелие от Луки (Лк.), Евангелие от Иоанна (Ин.), Деяния святых апостолов (Деян.) и Откровение Иоанна Богослова (Откр.) в оригинале на древнегреческом языке (Novum Testamentum Graece, Nestle-Aland edition) и его переводах на русский (русский Синодальный перевод), английский (King James Bible), испанский (Biblia Reina Valera 1960), горномарийский, удмуртский (финно-угорские < уральские, см. finugorbib.com) и осетинский (иранский < индоевропейские, см. ibt.org.ru/ru/text?m=OSS) языки.

Статья имеет следующую структуру: в *Разделе 2* представлена процедура отбора контекстов; *Раздел 3* посвящен обсуждению параметров, релевантных для анализа сравнительных конструкций; в *Разделе 4* приводится исследование употребления маркеров стандарта сравнения в эквативных конструкциях. Итоги и обсуждение представлены в *Разделе 5*.

2. Отбор контекстов

2.1. Общие принципы отбора

Отбор контекстов происходил следующим образом. В первую очередь были просмотрены все шесть книг в русском переводе и отмечены все стихи, содержащие потенциально интересующие нас конструкции. Затем были добавлены переводы найденных стихов на указанные выше языки. Решение о принятии контекста к дальнейшему анализу принималось в случае, если как минимум в 5 из 7 языков он представлял собой сравнительную конструкцию.

Наша цель — отбор контекстов, которые с наибольшей вероятностью будут соответствовать компаративным и эквативным конструкциям в других языках, в т. ч. не рассматриваемых в текущем исследовании. В связи с этим первичная выборка прошла еще несколько этапов отбора как по формальным, так и по семантическим критериям, на которых мы остановимся подробнее.

В первую очередь не учитывались конструкции, содержащие неполный набор основных элементов — объекта, параметра и стандарта сравнения². Так, в (5) компаративной конструкцией является вторая часть последнего предложения (*и больше пророка*). В данном случае есть параметр сравнения (*больше*), стандарт сравнения в генитиве (*пророка*), однако отсутствует эксплицитно выраженный объект сравнения, который восстанавливается только по контексту: человек, на которого люди ходили смотреть, больше, чем пророк (см. также [Мф. 11:7–10]).

- (5) *Что же смотреть ходили вы? пророка? Да, говорю вам, и больше пророка.* [Мф. 11:9]

² За исключением случаев, когда объект сравнения в позиции подлежащего не выражен из-за особенностей грамматического строя языка (например, личные местоимения).

В финальную выборку не попали контексты, стандарт сравнения которых представляет собой сочиненную группу, см., например, перевод примера (6), где представлено бессоюзное сочинение именных групп (*прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи*), а также дизъюнктивное сочинение двух групп с *как* (*как прочие люди <...> или как этот мытарь*)³. Сочиненные группы в качестве стандарта сравнения представляют нетривиальный случай для задачи классификации отобранных контекстов. В переводе подобных контекстов может использоваться более одного маркера стандарта при разных конъюнктах (см. выделенные маркеры стандарта в удмуртском (6)). В этом случае нам бы пришлось дублировать контекст для разметки, что может быть неоднозначным решением.

УДМУРТСКИЙ

- (6) ...мон сы́че öвёл-ысь, **кы́че-есь** лу-о мукет
 я такой NEG-PTCP.ACT какой-PL быть-PRS.3PL другой
 мурть-ёс – адями талась-ёс, ултиясь-ёс,
 человек-PL человек разбойник-PL обидчик-PL
 азы-са-калгы-са улйсь-ёс яке
 прелюбодействовать-CVB-гулять-CVB живущий-PL или
 тани та выт бича-сь **кадь.**
 вот этот подать собирать-PTCP.ACT как

‘Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь’. [Лк. 18:11]

Также мы не рассматривали конструкции, параметром сравнения в которых является предикат со значением ‘превосходить’ для компаративных конструкций и ‘быть равным, подобным’ для эквативных, ср. (13).

- (7) *The kingdom of heaven is likened unto a man*
 ‘Другую притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное **подобно** человеку <...>’ [Мф. 13:24]

³ Подробнее о типах сочинения см. [Haspelmath 2004: 5].

Параметр сравнения в таких конструкциях может появляться как зависимое по отношению к предикату ‘быть равным’, ср. следующие схемы для эквативных конструкций: а) *A is equal to B regarding Q* ‘А равен В в отношении к Q’; б) *A and B are equal regarding Q* ‘А и В равны в отношении Q’, где А и В — объект и стандарт сравнения, а Q — качественный признак [Henkelmann 2006: 376–377] (см. также [Heine 1997: 113] для компаративных конструкций). Анализ таких конструкций выходит за рамки настоящего исследования, так как они отличаются по структуре от остальных, рассмотренных в данной статье, и предложенные в следующих разделах критерии могут оказаться для них нерелевантными.

2.2. Отбор контекстов для компаративных конструкций

Остановимся подробнее на примерах, характерных только для компаративных конструкций.

Во-первых, нами не рассматривались атрибутивные компаративы — конструкции, являющиеся зависимыми имени, а не предиката, ср. предикативную конструкцию в (8) и атрибутивную в (9):

(8) <...> *Вы [дороже [многих малых птиц]].* [Лк. 12:7]

(9) <...> [*Иной [большой сих] заповеди]* *нет.* [Мк. 12:31]

В примере (9) прилагательное-параметр *большой* и (зависящий от него) стандарт сравнения *сих* относятся к объекту сравнения *заповеди* и образуют с ним одну составляющую. Предикатом в данном примере является слово *нет* — в отличие от примера (8), где прилагательное-параметр *дороже* и есть предикат, у которого два аргумента: объект и стандарт сравнения.

Во-вторых, в финальную выборку не попали суперлативные конструкции — еще один тип сравнительных конструкций, выражающих высшую степень проявления признака. В некоторых случаях они могут формально содержать элементы, присущие компаративным конструкциям. Так, в (10) можно выделить объект сравнения (*которое*),

параметр сравнения (прилагательное *большой* в сравнительной степени) и стандарт сравнения (*всех злаков*). Однако в (10) подразумевается наличие у объекта сравнения максимального проявления признака величины, что происходит из-за наличия в стандарте сравнения универсального кванторного слова *всех*.

- (10) <...> *Которое <...> когда вырастет, бывает больше всех злаков.* [Мф. 13:32]

В переводах данного контекста на английский и испанский языки используется суперлативная конструкция с прилагательным-параметром в превосходной степени и без универсального кванторного слова:

- АНГЛИЙСКИЙ
(11) а. *it is the greatest among herbs*

ИСПАНСКИЙ
б. *es la mayor de las*
быть.PRS.3SG DEF.F.SG большой.SUP GEN DEF.F.PL

hortaliza-s

зелень-PL

‘(Которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет,) бывает больше всех злаков <...>’ (букв. ‘бывает самым большим из злаков’). [Мф. 13:32]

2.3. Отбор контекстов для эквативных конструкций

Сравнение объектов по равной степени проявления признака представляет более неоднородное явление с точки зрения семантики. Помимо указанных в *Разделе 1* эквативных и симилятивных конструкций, языки мира выражают и другие значения с помощью тех же средств.

Во-первых, формально схожими с эквативными и симилятивными конструкциями являются функтивные конструкции (“*func-tive constructions*” [Creissels 2014] или “*role phrases*” [Haspelmath, Buchholz 1998]). Такие конструкции выражают роль или функцию,

в которой выступает участник [Haspelmath, Buchholz 1998: 321], что иллюстрирует (12). В этом примере словоформа *kings* ‘цари’ может пониматься не как стандарт, с которым сравниваются *десять рогов* из первой части предложения, а как обозначение временно выполняемой ими функции⁴. При этом используются эквативные маркеры стандарта — *как* в русском переводе, *as* в английском.

АНГЛИЙСКИЙ

- (12) *And the ten horns which thou sawest are ten kings, which have received no kingdom as yet; but receive power as kings one hour with the beast.*

‘И десять рогов, которые ты видел, суть десять царей, которые еще не получили царства, но примут власть со зверем, **как цари**, на один час’. [Откр. 17:12]

Во-вторых, формально не отличимы от эквативов и симилятивов клаузы соответствия (“accord clauses”). Такие конструкции являются вводными и представляют источник информации [Haspelmath, Buchholz 1998: 320]. Например, в (13) конструкция с маркерами стандарта *как* и *as* сообщает, что сказанное выше принадлежит третьему лицу — пророку Исаие, но сравнения в данном случае не происходит.

АНГЛИЙСКИЙ

- (13) *Make straight the way of the Lord, as said the prophet Esaias.*

‘(Он сказал: я глас вопиющего в пустыне:) исправьте путь Господу, **как** сказал пророк Исаия’. [Ин. 1:23]

Последний тип конструкций, не вошедший в финальную выборку, — конструкции с семантикой ирреального сравнения. Так, в (14) к эквативному маркеру *как* добавляется частица *бы*, и вся конструкция подчеркивает ирреальность ситуации. Кроме того, в данном случае отсутствуют необходимые элементы сравнительных конструкций — объект,

⁴ Отметим, что полностью исключать понимание данного контекста как сравнительного (‘(...) примут власть со зверем, как будто (они есть) цари / как (принимают) цари’) нельзя. Тем не менее неоднозначность примера дает основание не включать его в финальную выборку.

параметр и стандарт сравнения. Таким образом, конструкции типа (14) не подходят ни по формальным, ни по семантическим признакам.

(14) *И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел; и, встав, крестился.* [Деян. 9:18]

3. Классификация контекстов

В данном разделе мы рассмотрим критерии, используемые нами для дальнейшей классификации отобранных компаративных и эквативных контекстов. Каждая группа была размечена по трем критериям: общему критерию прототипичности стандарта сравнения и двум критериям, характерным для каждого типа конструкции. Для компаративов это семантический источник маркера стандарта (*Раздел 3.2.1*) и маркирование параметра сравнения (*Раздел 3.2.2*); для эквативов это семантика конструкции (*Раздел 3.3.1*) и референциальный статус стандарта сравнения (*Раздел 3.3.2*).

3.1. Прототипичность стандарта сравнения

Критерий прототипичности стандарта сравнения включает в себя несколько явлений. Во-первых, мы будем следовать за Т. Штольцем, предложившим морфосинтаксические и семантические признаки для определения прототипических стандартов [Stolz 2013: 30].

Прототипическими стандартами, согласно Т. Штольцу, являются местоимения (15) и имена, выражающие одушевленные, конкретные объекты, не имеющие зависимых и не входящих в сочиненную группу.

Атипичные стандарты сравнения — «тяжелые» именные группы⁵, адложные группы, группы прилагательного, нефинитные глагольные

⁵ К «тяжелым» ИГ мы будем относить номинализованные глагольные группы с зависимыми, см., например, (34) в *Разделе 4.2*.

группы (16), а также клаузы. С семантической точки зрения такие стандарты сравнения часто абстрактные⁶.

(15) ⟨...⟩ *Но Идущий за мною сильнее **меня*** [Мф. 3:11]

(16) *Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, **нежели богачу войти в Царство Божие***. [Мк. 10:25]

Стандарты сравнения, содержащие финитный глагол, традиционно называются клаузальными (см., среди прочих [Bresnan 1973; Heim 2000]). При этом данный глагол может не иметь фонологического выражения в случае, если он совпадает с глаголом из главной части, см. подробнее [Lechner 2004]. Таким образом, падежное или адложное оформление имени в группе стандарта зависит от этого глагола, несмотря на его фонологическое (не)выражение. Как следствие, грамматическая форма объекта и стандарта сравнения будет совпадать: ср. *он ходит **в магазин** чаще, чем ~~он~~ ~~ходит~~ **в театр***.

Фразовые стандарты сравнения имеют структуру меньше финитной клаузы (“direct analysis”, см., например, [Bhatt, Takahashi 2007])⁷. Другими словами, стандарт сравнения с маркером стандарта может быть адложной группой либо именной группой в некотором падеже (например, генитивные стандарты сравнения в русском, горномарийские стандарты сравнения, маркированные элативным послелогом *göñ*). В этом случае грамматическое оформление стандарта не зависит от оформления объекта сравнения: ср. *она читает **книги** чаще*

⁶ Прототипичность может пониматься как градуируемое свойство, однако Т. Штольц не приводит процедуру оценки степени прототипичности конкретного стандарта и предлагает принимать решение интуитивно. В настоящем исследовании мы будем опираться на описания (не)прототипических стандартов, взятых из [Stolz 2013: 30].

⁷ Другой анализ фразовых компаративов (“reduced analysis” [Bresnan 1973; Heim 1985] и др.) предполагает наличие в их структуре невыраженного финитного предиката, то есть фразовые стандарты считаются редуцированными клаузами.

журналов (фразовый стандарт в генитиве, но связан при этом с объектом сравнения в аккумулятиве) / *она читает книги чаще, чем она читает журналы* (маркер стандарта *чем* вводит клаузалный стандарт, сохраняющий аккумулятивный падеж, соответствующий маркированию объекта сравнения)⁸.

Определение типа стандарта сравнения в языке является отдельным нетривиальным вопросом и не входит в рамки настоящего исследования. Далее мы будем называть стандарты клаузалными только в случае наличия выраженной глагольной группы. Такое решение поможет избежать неоднозначности при объединении контекстов в межъязыковые группы.

Эквативные конструкции параллельны в своей структуре компаративным конструкциям (см. *Раздел 1*, а также [Bacskai-Atkari 2016]), поэтому мы будем использовать понятия клаузалных и фразовых стандартов сравнения применительно ко всем рассматриваемым сравнительным конструкциям.

Во-вторых, при определении прототипичности стандарта мы будем ориентироваться на семантическую роль объекта сравнения, с которым связан стандарт. Прототипическими в большей степени можно считать стандарты сравнения, связанные с объектами-агенсами (17). Однако в нашей выборке немало контекстов, когда предикатом является прилагательное — см., например, (18). В таких случаях мы будем считать, что объекты сравнения имеют роль темы — участника, который сам по себе не претерпевает изменений (как пациент), но о котором сообщается определенная информация.⁹

(17) <...> *Он более приобретает учеников и крестит, нежели Иоанн.* [Ин. 4:1]

(18) <...> *И будет последний обман хуже первого.* [Мф. 27:64]

⁸ Ср. также разделение компаративных конструкций на конструкции с производным и фиксированным падежом по [Stassen 1985].

⁹ Ср. определение семантической роли темы из Утрехтского словаря лингвистических терминов (электронное издание, <https://lexicon.hum.uu.nl>): «<...> тема — это то, что находится в состоянии или в изменении состояния».

Все языки из нашей выборки имеют аккумулятивный строй. Позицию субъекта в предложении занимают объекты сравнения с ролями агенса (17), пациенса — при одноместных глаголах (<...> **я** <...> *пал к ногам Его, как мертвый* [Откр. 1:17]) или при пассивном залоге (<...> *как сосуды глиняные, они сокрушатся* <...> [Откр. 2:27]), — а также объекты-темы, являющиеся зависимыми адъективного предиката (18)¹⁰.

Объекты сравнения, имеющие другие семантические роли, будут занимать более специфичные синтаксические позиции, требующие определенного падежного или адложного маркирования.

Семантическая роль оказывается более важной для оценки прототипичности именного стандарта, чем степень распространенности именной группы. Так, в русском переводе (19) стандарт (*тебе*), с одной стороны, выражен личным местоимением и отсылает к одушевленному объекту (то есть прототипичен в терминах Т. Штольца), однако связанный с ним объект сравнения (*земле Содомской*) имеет семантическую роль экспериенцера и соответствующее оформление дативом¹¹. Это влияет на выбор маркера стандарта — в русском варианте это *нежели*, при котором сохраняется падежное оформление стандарта (ср. неграмматичность замены на генитивный маркер стандарта в данном случае: **земле Содомской отраднее будет* <...> *тебя*).

(19) <...> **Земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе.** [Мф. 11:24]

¹⁰ В нашей выборке не встретились контексты с битранзитивными глаголами (*он дал мне книгу*), объект в которых (*книгу*) также называют темой.

¹¹ Фактически такой стандарт сравнения является клаузальным, в котором пропущен предикат, совпадающий с предикатом из основной части: *земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе (будет отратно)*. Это утверждение, однако, может быть неверно для других рассматриваемых нами языков. Поскольку в задачи настоящей статьи не входит подробный анализ структуры стандартов сравнения, далее такие стандарты не будут относиться к группе клаузальных.

Тем не менее нам важно сохранить все отобранные контексты, в том числе непрототипические, выражаемые клаузами или адложными группами. Такие контексты являются хорошей диагностикой для выявления дополнительных стратегий маркирования стандарта сравнения как в компаративных, так и в эквативных конструкциях, ср., например, русский генитив, который невозможен при стандартах сравнения, являющихся клаузой: *Он выше Васи*, но *Он танцует лучше*, <чем Вася> / <*Васи> поет (подробнее о структуре русских компаративных конструкций см. [Pancheva 2006; Berezovskaya, Nothaus 2015]).

Рассмотрим далее специализированные критерии для компаративных и эквативных конструкций.

3.2. Компаративные конструкции

3.2.1. Семантический источник маркера стандарта

Первый критерий классификации сравнительных конструкций основывается на базовых значениях элементов, употребляющихся в качестве маркера стандарта. За основу была взята классификация Б. Хайне, дополненная впоследствии Т. Штольцем.

Исследование Б. Хайне строится на выделении так называемых событийных схем (event schemas) — семантических шаблонов, на которых концептуально базированы выражения грамматических категорий, в том числе сравнения [Heine 1997]. Основываясь преимущественно на языковой выборке из [Stassen 1985], Б. Хайне показывает, что более абстрактное значение сравнения, имеющееся у компаративных маркеров, происходит из более конкретных значений, и выделяет несколько базовых структур — источников для компаративных конструкций [Heine 1997: 111]. В дальнейшем эта классификация была уточнена Т. Штольцем [Stolz 2013].

Например, в качестве семантического источника для маркера стандарта может выступать элемент с исходным (аблативным) значением (т. н. схема источника (Source), см. [Heine 1997: 115–116]).

К этой схеме можно отнести русские и древнегреческие компаративные конструкции с генитивом¹².

В *Таблице 2* представлен инвентарь маркеров стандарта (STM), используемых в исследуемых текстах. Каждому маркеру сопоставлен ярлык событийной схемы (ES) в соответствии с исследованиями Л. Стассена, Б. Хайне и Т. Штольца.

Таблица 2. Инвентарь компаративных маркеров стандарта сравнения

Table 2. Standard markers in comparative constructions

	Язык	STM.PH (ES)	STM.FIN (ES)
I	русский	GEN (источник)	<i>нежели</i> (частица)
	древнегреческий	GEN (источник)	<i>ἤ</i> (частица)
II	английский	<i>than</i> (частица)	<i>than</i> (частица)
	испанский	<i>que</i> (частица)	<i>que</i> (частица)
III	осетинский	ABL (источник)	—
	горномарийский	EL (источник)	—
	удмуртский	ABL (источник) <i>сярысь</i> ‘о’ (источник) ¹³	

Примечание: STM — маркер стандарта, прочерк (—) означает отсутствие соответствующего маркера в примерах в нашей выборке; римская цифра (I, II, III) соответствует группам, о которых будет сказано далее. В первом столбце представлены маркеры, употребляющиеся с фразовыми стандартами (STM.PH); во втором столбце перечислены маркеры, допускающие при себе клаузу с финитным глаголом (STM.FIN).

¹² Древнегреческий генитив взял на себя функции праиндоевропейского аблатива [Smyth 1956: 313]; праиндоевропейский аблатив слился с генитивом в балто-славянских языках (см., например, [Саенко 2019: 100]).

¹³ Удмуртский послелог *сярысь* ‘о’ является сложным случаем для имеющейся классификации. В рамках настоящего исследования мы последуем за Т. Штольцем и отнесем данный маркер к схеме источника [Stolz 2013: 112].

Схема источника (Source scheme) использует элемент с аблативным значением в качестве маркера стандарта сравнения. В русском и древнегреческом языках таким элементом выступает генитивный падежный маркер; в осетинском, горномарийском и удмуртском языках используется специальный аблативный падеж или послелог.

Самой неоднородной по составу является группа компаративов с частицей [Stassen 1985: 55]. Б. Хайне и Т. Штольц выделяют из этой группы более мелкие с учетом семантических особенностей на синхронном и на диахроническом уровне. Так, английские компаративы с маркером *than* можно отнести к последовательной схеме (Sequence schema), так как исторически *than* восходит к временному показателю *then* (см., к примеру, [Heine 1997: 117]). Тем не менее в рамках данного исследования мы будем считать английский маркер *than* относящимся к компаративам с частицами, так как это в большей степени отражает его природу и возможность присоединяться как к клаузуальным, так и фразовым стандартам.

Языки нашей выборки можно разделить на три группы. К первой группе относятся русский и древнегреческий — маркеры стандарта в этих языках относятся к схеме источника (20а), являющейся наиболее типологически распространенной схемой [Utlan 1972; Stassen 1985; Heine 1997], и схеме с частицей (20б).

(20) а. ⟨...⟩ *Ибо Отец Мой более **Меня***. [Ин. 14:28]

б. ⟨...⟩ *Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, **нежели** богатому войти в Царство Божие*¹⁴. [Мф. 19:24]

Английский и испанский относятся ко второй группе языков, у которых есть только одна стратегия маркирования стандарта — использование союзов *than* и *que* соответственно:

АНГЛИЙСКИЙ

(21) а. *How much **then** is a man better **than** a sheep?*

¹⁴ В современном русском более употребляемый маркером стандарта-частицей является союз *чем*, ср. тот же контекст в версии Нового русского перевода: *легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, **чем** богатому войти в Божье Царство*. [Мф. 19:24].

ИСПАНСКИЙ

б. *Pues ¿cuánto más vale un*
ведь сколько больше стоить.PRS.3SG INDEF.SG.M

hombre que una oveja?
человек чем INDEF.SG.F овца

‘Сколько же лучше человек овцы! <...>’ [Мф. 12:12]

Третья группа представлена языками с маркерами стандарта с аблативной семантикой: осетинский (22), горномарийский (23а) и удмуртский (23б), (24).

ОСЕТИНСКИЙ

(22) *уымæн æмæ Мæ Фыд Мæнæй уæл-дæр у.*
ТОТ.DAT и я.GEN отец я.ABL над-СМР быть.PRS.3SG

‘<...> Ибо Отец Мой более Меня’. [Ин. 14:28]

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(23) а. *цора б̆шке хоза-жы з̆йц кого агыл <...>*
слуга REFL хозяин-POSS.3SG EL большой NEG

УДМУРТСКИЙ

б. *ляльчи ас кузё-ез-лэсь бадзым овёл*
батрак REFL хозяин-POSS.3SG-AVL большой NEG

‘<...> Раб не больше господина своего <...>’ [Ин. 13:16]

УДМУРТСКИЙ

(24) *нош адямиос югыт-эз сярись юн-гес*
но человек-PL свет-ACC о крепкий-СМР

пеймыт-эз ярат-й-зы
тьма-ACC любить-PST-3PL

‘<...> Но люди более возлюбили тьму, нежели свет <...>’ [Ин. 3:19]

3.2.2. Параметр сравнения и способы его маркирования

Рассмотрим примеры (25) и (26). В (25) сравнивается разница в количестве учеников, приобретенных и крещенных Иисусом и Иоанном, а в (26) — разница в степени проявления признака размера

(в переносном смысле), которым характеризуются две сущности (*ты* и *отец Иаков*). Тем не менее в компаративных конструкциях параметр сравнения всегда имеет количественную характеристику. Качественное сравнение выражают симилятивные конструкции, которые предполагают сопоставление по какому-либо образу действия, схожему для двух сравниваемых сущностей. Подробнее о симилятивных и других сравнительных конструкциях со значением равенства см. в Разделе 3.2.1.

(25) <...> Он **более** приобретает учеников и крестит, нежели Иоанн. [Ин. 4:1]

(26) Неужели ты **больше** отца нашего Иакова <...> [Ин. 4:12]

Межъязыковое варьирование в области параметра сравнения может заключаться в наличии или отсутствии специального компаративного маркера. Это особенно важно для языков с факультативным выражением маркера параметра — в нашей выборке это горномарийский и удмуртский (см. [Саваткова 2002: 135] о горномарийском и [Перевошиков (отв. ред.) 1962: 137–138] об удмуртском, а также примеры далее).

Часто стратегия маркирования параметра сравнения совпадает в обоих языках — так, в (23) маркер параметра отсутствует в переводах на обоих языках (3 контекста из 31¹⁵). В (27), наоборот, маркер параметра сохраняется в обоих случаях (20 из 31).

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(27) а. *но паштек-ем Тол-шы мбӱнь гбӱц-ем*
 но после-POSS.1SG приходить-PTCP.ACT я EL-POSS.1SG
сила-н-рак <...>
 сила-PROP-CMPR

УДМУРТСКИЙ

б. *нош мон бӱрсь-ын Лыкт-йсь мын-эсьт-ым*
 а я за-LOC приходить-PTCP.ACT я-AVL-POSS.1

¹⁵ Общее количество сравнительных контекстов меньше, так как в 7 контекстах на горномарийский язык не используется компаративная конструкция.

кужмо-гес

сильный-СМРР

‘⟨...⟩ Но Идущий за мною сильнее меня’. [Мф. 3:11]

Контексты без маркера параметра (23) можно считать базовыми ввиду наличия у *-гес* и *-рак* дополнительной семантики — аттенуативного значения, на который указывают грамматики горномарийского и удмуртского языков [Alhoniemi 1993, Саваткова 2002, Winkler 2001], см. также [Синицына 2019a] для горномарийского и [Черемисинова 2019] для бесермянского удмуртского.

Отметим, впрочем, случаи несовпадения стратегии маркирования параметра, ср. (28), где в горномарийском маркер *-рак* отсутствует на параметре сравнения *шергӱ* ‘ценный’, но в переводе того же контекста на удмуртский на параметре *умо-есь* (хороший-PL) присутствует маркер *-гес* (5 случаев из 31). Пример (29) — единственная иллюстрация обратной ситуации: маркер параметра есть в горномарийском переводе и отсутствует в удмуртском.

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (28) а. *tä шукуы изи кек гӱӱц-ӱт шергӱ*
 вы много маленький птица EL=ADD ценный
ылы-да.
 быть-NPST.2PL

УДМУРТСКИЙ

- б. *tii трос-эз-лэсь векчи тылобурдо-ос-лэсь*
 вы много-POSS.3SG-AVL мелкий птица-PL-AVL
умо-есь-гес.
 хороший-PL-СМРР

‘⟨Не бойтесь же:⟩ вы лучше многих малых птиц’. [Мф. 10:31]

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (29) а. *Tä нӱнӱ гӱӱц шергӱкӱн-рӱк а-да ыл ма?*
 вы они EL дорогой-СМРР NEG.NPST-2PL быть PTCL

УДМУРТСКИЙ

- б. *Tii со-ос-лэсь трос-лы умо-есь ӱвӱл-а?*
 вы тот-PL-AVL много-DAT хороший-PL NEG-QUEST

‘⟨...⟩ Вы не гораздо ли лучше их?’ [Мф. 6:26]

Такое расхождение затрудняет признание контекстов наподобие (23) более базовыми по отношению к контекстам в (27). Случаи (28) и (29) требуют более подробного изучения в дальнейшем с привлечением большего количества родственных и ареально близких языков (ср. факультативное использование маркера параметра в чувашском [Андреев 1957: 56–57], татарском [Закиев и др. (ред.) 1993: 67], башкирском [Юлдашев (отв. ред.) 1981: 195]).

3.3. Эквативные конструкции

Рассмотрим теперь критерии, касающиеся исключительно эквативных конструкций.

3.3.1. Семантика конструкции

Как было сказано во *Введении*, сравнительные конструкции со значением равенства можно разделить на эквативные конструкции в узком смысле — такие, которые выражают идентичность степени проявления признака, и симилятивные — такие, которые выражают идентичность образа действия [Haspelmath, Buchholz 1998].

Языки мира могут использовать для выражения этих значений разные показатели или выражать их с помощью одного показателя, см. подробнее [Haspelmath, Buchholz 1998].

В отдельную группу нами были вынесены конструкции, в которых параметр сравнения не выражен, а группа стандарта является предикатом (30). Далее такие контексты мы будем называть предикативными.

(30) *И волосы у ней — как волосы у женщин, а зубы у ней были, как у львов.* [Откр. 9:8]

М. Хаспельмат и О. Бухольц выделяют группу предикативных симилятивов (predicative similatives, ср. *she is like her brother* ‘она как ее брат’). Данная группа обособляется не по семантическому, а по формальному признаку. Основанием является тот факт, что в некоторых

языках (в частности, грузинском и шведском) используются специальные маркеры в предикативных контекстах, см. [Haspelmath, Buchholz 1998: 319]. Объект сравнения в таких контекстах всегда занимает позицию подлежащего.

3.3.2. Референциальный статус стандарта сравнения

В зависимости от референциального статуса стандарты сравнения можно разделить на конкретно-референтные (*specific*) и родовые (*generic*), см. (31а) и (31б) соответственно.

(31) а. <...> *Она <...> в устах твоих будет сладка, как мед.*
[Откр. 10:9]

б. <...> *Итак, кто умалится, как это дитя<...>* [Мф. 18:4]

Родовой стандарт сравнения не имеет конкретного референта, а относится к классу объектов. Часто эквативные конструкции с родовым стандартом сравнения являются идиоматическими выражениями, специфичными для каждого языка. [Haspelmath, Buchholz 1998: 309]. В русской корпусной грамматике [Летучий 2017: 194] предлагается признать конструкции с родовым стандартом сравнения прототипическими.

Конкретно-референтный стандарт отсылает к определенным сущностям или явлениям. При этом как конкретно-референтный (32а), так и родовой стандарт (32б) могут быть выражены не только именной группой, но и клаузой.

(32) а. *Не хочешь ли ты убить и меня, как вчера убил Египтянина?*
[Деян. 7:28]

б. <...> *Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья <...>* [Мф. 23:37]

Как отмечается М. Хаспельматом и О. Бухольц, некоторые языки могут по-разному маркировать конкретно-референтные и родовые стандарты сравнения. Например, во французском используется маркер стандарта *comme* 'как' в родовых эквативных конструкциях

и комбинация маркера параметра *aussi* ‘настолько’ и маркера параметра *que* ‘как’ в конкретно-референтных [Haspelmath, Buchholz 1998: 311].

3.4. Обобщение

Перечислим критерии, обсуждавшиеся в предыдущих подразделах, для компаративных и эквативных конструкций. В *Таблице 3* приведено количество контекстов там, где критерий имеет одно значение для большинства из рассматриваемых языков. Семантический источник маркера стандарта зависит от конкретного языка, как было показано в *Разделе 3.2.1*, поэтому в соответствующей ячейке вместо примера идет ссылка на данный раздел. Аналогичное решение принято для критерия семантики параметра сравнения: маркер параметра факультативен только в двух языках — горномарийском и удмуртском, — и потому не имеет отношения к остальным языкам из нашей выборки.

Таблица 3. Критерии для разметки компаративных и эквативных конструкций
Table 3. Criteria for comparative and equative constructions

Критерий / конструкция		Компаративы	Эквативы
прототипичность стандарта сравнения	прототипический	29	60
	непрототипический	9	15
семантический источник маркера стандарта	См. [Stassen 1985; Heine 1997; Stolz 2013]	См. <i>Раздел 3.2.1</i>	
маркирование параметра сравнения	обязателен ли маркер параметра	См. <i>Раздел 3.2.2</i>	
семантика конструкции	эквативы		15
	симилятивы		32
	предикативное сравнение		28
референциальный статус стандарта сравнения	родовой		55
	конкретно-референтный		20

Отметим, что обсуждавшийся набор критериев не окончательный и может быть дополнен в зависимости от рассматриваемых языков. В частности, в текущую выборку не попали языки с эргативным строем, а также языки, в которых основной стратегией для выражения сравнения являются предикаты со значением ‘превосходить’ или ‘быть равным’.

В следующем разделе мы проверим, от чего может зависеть выбор маркера стандарта в эквативных конструкциях.

4. Маркеры стандарта в эквативных конструкциях

4.1. Предварительные замечания

Остановимся подробнее на маркерах стандарта в контекстах эквативных конструкций. Все эквативные конструкции были поделены на группы в зависимости, во-первых, от способа выражения стандарта сравнения — более прототипическими местоимениями и именными группами или менее прототипическими клаузами и адложными группами, — а во-вторых, от того, является ли группа стандарта частью предиката или нет¹⁶. Наглядное соотнесение параметров разделения и примеров представлено в *Таблице 4* (с. 173).

В *Таблице 5* представлены эквативные маркеры стандарта, встретившиеся в каждом из рассматриваемых языков. Три группы выделены на основании описанных выше параметров: в первую группу вошли контексты с прототипическими стандартами, не входящими в состав предиката (PROT_NONPR); ко второй группе относятся все

¹⁶ Отнесение контекста к определенной группе происходило в соответствии с общим принципом отбора контекстов: решение принималось, если контекст является сравнительной конструкцией как минимум в 5 из 7 рассматриваемых языков. Случаи несовпадения предполагаемого типа стандарта будут обговорены в разделах, посвященных отдельным языкам.

Таблица 4. Группы эквативных и симилятивных контекстов

Table 4. Groups of equative and similitive contexts

	Прототипический стандарт	Непрототипический стандарт
Часть предиката: нет	33 <i>она в устах моих была сладка, как мед</i> [Откр. 10:10]	15 <i>дабы все чтити Сына, как чтут Отца</i> [Ин. 5:23]
Часть предиката: да	27 <i>вид его был, как молния</i> [Мф. 28:3]	—

Примечание: прочерком (—) отмечена категория контекстов, не встретившаяся в нашей выборке¹⁷.

предикативные контексты (PRED); непрототипические стандарты, не входящие в состав предиката, попали в третью группу (NONPROT_NONPR).

Если в языке использованы два или более маркера, в таблице приводятся наиболее частотные (в порядке убывания). В таблице зафиксированы маркеры, встретившиеся более трех раз в первой и второй группах и более двух раз — в третьей группе, ввиду меньшего общего количества контекстов (15 в третьей группе, 32 и 28 в первых двух соответственно).

Таблица 5. Маркеры стандарта в эквативных и симилятивных конструкциях

Table 5. Equative and similitive standard markers

Язык / группа	PROT_NONPR	PRED	NONPROT_NONPR
русск.	<i>как (u)</i>	<i>как</i>	<i>как (u)</i>
англ.	<i>(even) as</i>	<i>(even) as</i>	<i>(even) as</i>
	<i>like</i>	<i>like</i>	

¹⁷ Четвертый тип, не представленный в нашей выборке, гипотетически возможен, см. перевод на английский [Откр. 10:1]: *and his face was as it were the sun* ‘⟨...⟩ и лицо его как солнце ⟨...⟩’. Однако в переводах на остальные языки в стандарте сравнения нет клаузы, поэтому мы относим этот контекст к группе предикативных с прототипическим стандартом.

Язык/ группа	PROT_NONPR	PRED	NONPROT_NONPR
др.-греч.	<i>hōs</i> ¹⁸ ‘как’	<i>hōs</i> ¹⁹ ‘как’	<i>(kat)hōs</i> ‘как’
			<i>hōsper</i> ‘как и’,
			<i>hon tropon</i> ‘каким образом’
исп.	<i>soto</i> ‘как’	<i>soto</i> ‘как’	<i>soto</i> ‘как’
осет.	<i>-au</i> (EQU)	<i>-au</i> (EQU)	<i>куыд</i>
	<i>куыд</i> , ‘как’	<i>хуызæн</i> ‘подобно’	
	<i>хуызæн</i> ‘подобно’		
г.-мар.	<i>гань</i> ²⁰ ‘как’	<i>гань</i> ²¹ ‘как’	<i>семйинь</i> ²² ‘подобно’
	<i>семйинь(=ок)</i> по(=EMPH)		<i>кыце</i> ‘как’
			<i>гань=ок</i> (как=EMPH)
удм.	<i>кадь</i> ‘как’	<i>кадь</i> ‘как’	<i>кызьы</i> ‘как’
		<i>кадесь</i> (как.PL)	
		<i>укианы</i> + DAT ²³	<i>кадь</i> ‘как’

¹⁸ Варианты: *hōs-ei* (‘как если бы’) ([Мф. 3:16; Мф. 9:36]), *hōs-per* (‘как и’, ‘словно’) ([Мф. 6:7; Деян. 11:15]). Здесь и далее будем считать указанные маркеры вариантами тех, что приведены в *Таблице 4*, так как все они содержат исходный маркер *hōs* ‘как, словно’ и частицы *-ei* ‘если’, *-per* ‘очень’, см. [Дворецкий (сост.) 1958].

¹⁹ Варианты: *hōs-ei* (‘как если бы’) [Мк. 9:26], *hōs-per* (‘как и’, ‘словно’) [Лк. 18:11].

²⁰ Или полная форма *ганьы*, а также варианты с аддитивной частицей *гань=ят* ‘как=ADD’ ([Мф. 6:29; Лк. 12:27]) и с эмфатической частицей *гань=ок* ‘как=EMPH’ ([Мф. 12:13]).

²¹ Или полная форма *ганьы*, а также вариант *гань=ок* ‘как=EMPH’ ([Мф. 6:10]).

²² Варианты с частицей: *семйинь=ок* ‘подобно=EMPH’ ([Ин. 5:23, Мф. 18:33]).

²³ *Укианы* — глагол со значением ‘походить, иметь сходство’, требует зависимого в дательном падеже. Конструкции с данным глаголом отличаются по структуре от других конструкций, рассматриваемых не только в удмуртском, но и в других языках.

Как видно из *Таблицы 5*, некоторые языки (в нашем случае — русский и испанский) имеют один маркер стандарта, употребляющийся во всех рассматриваемых контекстах, независимо от прототипичности стандарта. Во всех остальных языках как минимум в одной из трех групп присутствует второй маркер стандарта. При этом наборы используемых маркеров могут отличаться по группам — так, в горномарийском в контекстах с непрототипическими стандартами наиболее частотным оказывается маркер *сембӀнь*, в то время как в двух других группах основным маркером стандарта являлся *гань*. Аналогичная ситуация наблюдается и в удмуртском — *кадь*, являясь основным маркером в конструкциях с именными или предикативными эквативами (симилиативами), встречается всего в 3 контекстах с непрототипическими стандартами из 17.

Далее мы подробно рассмотрим осетинский, горномарийский и удмуртский языки на предмет вариативности в маркировании стандартов сравнения. Данные языки удовлетворяют следующим требованиям: вариативность маркеров стандарта зафиксирована в двух и более группах; количество употреблений дополнительного маркера стандарта превышает 15 % от общего числа контекстов в данной группе. Первому критерию не удовлетворяет древнегреческий — вариативность встречается только в третьей группе контекстов. Под второй критерий не подходит английский — в английском переводе маркер *like* встретился в 4 из 33 контекстов первой группы и в 3 из 27 предикативных, что составляет 12 % и 11 % вхождений соответственно. Кратко охарактеризуем эти контексты ниже.

Маркер *like* используется в четырех симилиативных контекстах с фразовым стандартом сравнения, см. (33), а также [Мф. 12:13; Ин. 7:46; Лк. 12:27].

английский

(33) *That even Solomon in all his glory was not arrayed like one of these.*

‘(…Но говорю вам,) что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них’. [Мф. 6:29]

Что касается предикативных контекстов, *like* в качестве маркера стандарта употребляется в двух контекстах [Мф. 28:3; Мк. 4:31]; еще в одном контексте встретилось сочетание *like unto* [Откр. 2:18]. Мы оставим подробный анализ данных контекстов за рамками настоящего исследования.

Несмотря на разнообразие маркеров стандарта в группе с непрототипическими стандартами в древнегреческом переводе, бóльшая часть (13 из 15 вхождений) связана с маркером *hōs* ‘как, словно’ — это контексты с *hōs*, а также с маркерами *kathōs* и *hōsper*, образованными от *hōs* с помощью лексемы *katá* ‘как, сообразно’ и усилительной частицы *per* соответственно.

В оставшихся двух контекстах [Деян. 7:28; Мф. 23:37] используется сочетание *hon tropon* (какой.АСС образ.АСС), что можно перевести на русский как ‘каким образом’. Не углубляясь в дальнейший анализ упомянутых контекстов в древнегреческом переводе, сделаем вывод, что они однозначно являются симилиативными клаузами, в которых сравнивается образ действия двух действующих лиц, и, следовательно, хорошо подходят на роль диагностических контекстов.

Далее мы рассмотрим языки, в которых присутствует больше вариативности в выборе маркера стандарта, и постараемся показать, какие критерии из предложенных ранее могут влиять на выбор. Ввиду задач статьи мы не будем подробно рассматривать причины выбора каждого маркера, а сосредоточимся на поиске закономерностей в употреблении наиболее частотных маркеров в каждом языке.

4.2. Удмуртский

В *Таблице 6* (с. 177) представлены все встретившиеся маркеры стандарта в удмуртском и частота их употребления в трех группах контекстов.

Как видно из таблицы, *кадь* ‘как’ преобладает в контекстах на удмуртском языке. Это универсальный маркер, который не зависит от особенностей сравнительной конструкции — за исключением запрета на употребление с финитными формами глагола (см. об этом в [Яшина 1963: 15]). В нашей выборке *кадь*, аналогично

Таблица 6. Маркеры стандарта в удмуртских эквативных и симилиативных конструкциях

Table 6. Standard markers in Udmurt equative and similitive constructions

	PROT_NONPR	PRED	NONPROT_NONPR
<i>кадь</i> 'как'	31	21	4
<i>кызьы</i> 'как'	1		10
<i>укишаны</i> 'походить' + DAT		5	
<i>кыче</i> 'какой'			1
<i>выллем</i> 'как'		1	
<i>мында</i> (APPR)		1	
всего	32	28	15

Примечание: Общее количество контекстов может не совпадать по языкам, так как некоторые контексты могут быть перефразированы без использования непосредственно сравнительной конструкции.

горномарийским маркерам *гань* 'как' и *семьинь* 'подобно', о которых будет подробнее сказано в *Разделе 4.3*, встречается только со стандартами, содержащими нефинитную форму глагола, например, (34). Маркер *кызьы* 'как', наоборот, употребляется в конструкциях, где стандарт сравнения содержит финитный глагол (35).

- УДМУРТСКИЙ
- (34) *пунэмъ-ёс-мес* *но* *кушты-Ø*, *мил-ем-лы*
 долг-PL-POSS.1PL.ACC ADD бросить-IMP мы-POSS.1PL-DAT
- пунэм-о* *лу-ись-ёс-лэсь* *пунэмъ-ёс-сэс*
 долг-ATTR становиться-PTCP.ACT-PL-AVL долг-PL-POSS.3PL.ACC
- ми* *кушт-эм* *кадь* *ик*
 мы бросить-NMLZ как ADD
- ‘И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим’. [Мф. 6:12]

- УДМУРТСКИЙ
- (35) *Мон-э* *но* *виы-ны* *уд* *одъя-ськы-а*, *кызьы*
 я-ACC ADD убить-INF NEG.PRS/FUT.2 хотеть-PRS-QUEST как

тон толон египет ни-ез ви-и-д?
 ты вчера Египет мальчик-ACC убить-PST-2SG

Не хочешь ли ты убить и меня, как вчера убил Египтянина?
 [Деян. 7:28]

Маркер *кадь* ‘как’ допустим и с непрототипическими стандартами: в (36) он связан с объектом сравнения, имеющим семантическую роль места — менее прототипическую, чем роли агенса или темы.

УДМУРТСКИЙ
 (36) *Тынад эрик-едъ-я мед лу-о-з музейем*
 ты.GEN свобода-POSS.2SG-ADV ОРГ быть-FUT-3SG земля

выл-ын но инм-ын кадь ик
 верх-LOC ADD небо-LOC как ЕМРН

‘⟨...⟩ Да будет воля Твоя и на земле, как на небе’. [Мф. 6:10]

В группах с непредикативными контекстами *кадь* всегда остается в неизменной форме независимо от числа объекта или стандарта сравнения (см., например, [Мф. 9:36, 6:7]). В группе с предикативными контекстами встречается употребление *кадь* с адъективным суффиксом множественного числа *-эсь / -есь*:

УДМУРТСКИЙ
 (37) *Солэн синь-ёс-ыз — жуа-сь тыл кад-есь.*
 тот-GEN глаз-PL-POSS.3SG гореть-PTCP-РАСТ огонь как-PL

‘⟨...⟩ И очи Его, как пламень огненный’. [Откр. 1:14]

Числовое маркирование *кадь* зависит от числа объекта сравнения. Это в свою очередь можно объяснить тем, что предикат должен быть согласован по числу с подлежащим, чем и является объект сравнения во всех контекстах данной группы.

Помимо контекстов с маркером *кадь*, в группе с предикативным сравнением есть контексты с глаголом *укишаны* ‘походить’ в форме третьего лица настоящего времени и третьего лица прошедшего времени, см., например, (38), а также [Откр. 1:16, 9:9, 9:17, 10:1]. Эти контексты не являются непосредственно сравнительными конструкциями, и потому не рассматриваются подробно.

- УДМУРТСКИЙ
 (38) *Солэн ымныр-ыз адями ымныр-ёс-лы*
 тот-GEN лицо-POSS.3SG человек лицо-PL-DAT

уки-а.

походить-PRS.3SG

‘Лица же ее — как лица человеческие’. [Откр. 9:7]

Отметим также контекст из [Откр. 20:7] (39), в котором используется аппроксимативный маркер *мында*. В данном случае сравнивается количественное отношение, а не качественное, как в остальных случаях.

- УДМУРТСКИЙ
 (39) *со-ос-лэн лыдзы — зарезь-ысь луо мында.*
 тот-PL-GEN число-POSS.3PL море-EL песок APPR

‘{...} Число их как песок морской’. [Откр. 20:7]

Среди рассмотренных нами языков, кроме удмуртского, только горномарийский язык использует в этом контексте специальный маркер со схожей аппроксимативной семантикой (см. [Саваткова 2008: 168] для горномарийского и [Перевощиков (отв. ред.) 1962: 322] для удмуртского языков).

Таким образом, среди выявленных закономерностей можно отметить зависимость числового маркирования *кадь* от числа объекта сравнения в предикативных контекстах.

4.3. Горномарийский

Рассмотрим употребление маркеров стандарта в исследуемых контекстах на горномарийском языке. Распределение маркеров по группам и частотная характеристика представлены в *Таблице 7* (с. 180).

Как видно из таблицы, в горномарийских контекстах в качестве маркера стандарта преобладает *гань* ‘как’. Тем не менее, в отличие от удмуртского, в данном случае можно выделить второй довольно частотный маркер *семьнь* ‘подобно’. Этот послелог встречается

исключительно в симилятивных конструкциях, независимо от прототипичности стандарта, ср. (40а) с прототипическим стандартом сравнения (существительным *шолы* ‘вор’ без дополнительных зависимых, соотносящимся с объектом сравнения-агенсом) и (40б) с номинализованной формой глагола *валаш* ‘спускаться’, которая имеет свою группу зависимых.

Таблица 7. Маркеры стандарты в горномарийских эквативных и симилятивных конструкциях

Table 7. Standard markers in Hill Mari equative and similative constructions

	PROT_NONPR	PRED	NONPROT_NONPR
<i>гань</i> ‘как’	17	26	3
<i>семьинь</i> ‘подобно’	13		7
<i>кыце</i> ‘как’			2
-ла (SIM)	2	1	
<i>нәрвй</i> (APPR)		1	
<i>вуйта</i> ‘будто’			
<i>махань</i> ‘насколько’			1
Всего	32	28	13

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (40) а. *Мьинь шолы семьинь вычы-де ми-эм*
 я вор подобно ждать-NEG.CVB прийти-NPST.1PL
 ‘Я найду на тебя, как тать ⟨...⟩’ (букв. ‘я по-воровски неожиданно приду’). [Откр. 3:3]
- б. *тьингәлтйиш-ьиттй мй вьй-кьй-нй валы-мы*
 начало-IN мы верх-ILL-POSS.1PL спускаться-NMLZ
семьинь=ок ньинь вьй-к=әт Святой Шульйи
 подобно=EMPH они верх-ILL=ADD Святой дух
вал-ен.
 спускаться-PRET
 ‘⟨...⟩ Сошел на них Дух Святой, как и на нас вначале’.
 [Деян. 11:15]

Финитный глагол в группе стандарта возможен при маркере *кыце* ‘как’, который является составной частью конструкции *кыце... тенге* ‘как... так’:

- ГОРНОМАРИЙСКИЙ
 (41) *Кыце тӓ-лӓн-дӓ ну-эн, тӓддӓ-лӓн тенге=ок*
 как вы-DAT-POSS.2SG давать-PRET тот-DAT так=EMPH
ну-да
 давать-IMP.2PL

‘Воздайте ей так, как и она воздала вам ⟨...⟩’ [Откр. 18:6]

Маркер *гань* является более универсальным и встречается как в эквативах (42а), так и в симилятивах (42б), при этом стандарт сравнения может быть выражен именем (42а) или группой с номинализованной глагольной вершиной (42б).

- ГОРНОМАРИЙСКИЙ
 (42) а. *но ышма-шт-ет мӓ гань тотлы ли-эш*
 но рот-IN-POSS.2SG мед как вкусный становиться-NPST.3SG
 ‘⟨...⟩ Но в устах твоих будет сладка, как мед’. [Откр. 10:9]

- б. *лишӓл эдем-ӓм ӓшк-ӓм-ӓм яраты-мы гань*
 ближний человек-ACC REFL-POSS.1PL-ACC любить-NMLZ как
ярат-аш
 любить-INF

‘⟨...⟩ И любить ближнего, как самого себя’ [Мк. 12:33]

Маркер *гань* употребляется в 26 из 28 предикативных контекстов. Аппроксимативный маркер *нӓрӓ* используется в [Откр. 20:7], представляющим сравнение по количеству (⟨...⟩ *число их как песок морской* ⟨...⟩), см. Раздел 4.2. В [Откр. 9:8] используется конструкция с глаголом *кайш* ‘видеться, казаться’ в форме причастия (43), зависимое при котором маркировано падежом *-ла* (*-лӓ*), именным в грамматиках сравнительным падежом (или компаративом), см. [Alhoniemi 1993, Саваткова 2002], но по функциям, являющимся скорее симилятивным маркером (см. об этом также в [Сеницына 2019b]).

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(43) *Нб́нб́-н б́дб́рб́мб́и у́н-лб́ кай-шы*

они-GEN женщина волосы-SIM казаться-PTCP.ACT

у́н-б́иштб́и ыл-ын, а нў-штб́и — лев-б́н ганьы.

волосы-POSS.3PL быть-PRET а зуб-POSS.3PL лев-GEN как

‘и волосы у ней — **как волосы у женщин** (букв. ‘у нее были кажущиеся женскими волосы’), а зубы у ней были, как у львов’. [Откр. 9:8]

Таким образом, на выбор маркера стандарта в горномарийском может влиять семантика конструкции. Маркер *семб́нб́* ‘подобно’ встретился только в симилятивных конструкциях, в отличие от более универсального маркера *гань*. Помимо этого, аналогично ситуации в удмуртском, на выбор маркера может влиять наличие финитного глагола в группе стандарта сравнения.

4.4. Осетинский

В отличие от рассмотренных выше языков, в осетинском встретилось меньше уникальных маркеров стандарта. Все они представлены в *Таблице 8*.

Таблица 8. Маркеры стандарта в осетинских эквативных и симилятивных конструкциях

Table 8. Standard markers in Ossetic equative and similitive constructions

	PROT_NONPR	PRED	NONPROT_NONPR
-ay (EQU)	21 + 1 ²⁴	16	

²⁴ Контекст [Откр. 1:15] на осетинском языке не является предикативным, а относится к группе PROT_NONPR:

- (i) *Йæ хъæлас та нæрыд стыр æхсардзæн-ay.*
 он.GEN голос а греметь.[pst.3sg] большой водопад-EQU
 ‘⟨...⟩ И голос Его, как шум вод многих’ (букв. ‘а его голос гремел, как большой водопад’). [Откр. 1:15]

	PROT_NONPR	PRED	NONPROT_NONPR
<i>куыд</i> ‘как’	6		14
<i>хуызæн</i> ‘подобно’	5	11	
всего	33	27	14

В группе прототипических контекстов преобладает падеж *-ау*, который встречается как в симилятивных (например, [Мф. 6:7]), так и в эквативных (например, [Откр. 10:9]) контекстах. Его употребление не зависит от типа стандарта сравнения, ср. (45), где стандарт является именной группой с аблативным зависимым:

- ОСЕТИНСКИЙ
 (45) *егъау* *пец-æй* *ра-цæу-æг-ау*, *уырдыгæй*
 большой печь-ABL PV-идти-PTCP.PRS-EQU оттуда
ра-калд *фæздæг*
 PV-лить[PST.3SG] дым
 ‘(Она отворила кладязь бездны), и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи <...>’ (букв. ‘как из большой печи выходящий, дым оттуда вышел’). [Откр. 9:2]

Послелог *хуызæн* ‘подобно’, управляющий генитивом [Ахвледиани (ред.) 1963: 290], встретился 5 раз только в симилятивных конструкциях. При этом у всех стандартов есть зависимые — как, например, в (46), — что является менее прототипическим по сравнению со стандартами-именами или местоимениями, согласно [Stolz 2013].

- ОСЕТИНСКИЙ
 (46) *суанг* *Соломон*, *намысджын* *æмаæ* *хъæздыг* *лаг*,
 даже Соломон именитый и богатый мужчина
уыдон-æй *иу-ы* *хуызæн* *дæр* *нæ* *а-рæзт-а*
 они-ABL один-GEN подобно тоже NEG PV-расти-PST.3SG
йæхи.
 он_сам.GEN
 ‘<...> И Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них’. [Лк. 12:27]

Переводы непрототипических контекстов во всех случаях²⁵ представляют собой коррелятивные конструкции с показателем *куыд* ‘как’ и коррелятом *афтæ* ‘так’ (см. про коррелятивные конструкции в осетинском в [Беляев 2014: 48]):

- ОСЕТИНСКИЙ
- (47) *Æз* =*уæ* **куыд** *ба-уарзт-он,* **афтæ** *уарз-ут*
 я вы.GEN как PV-любить.PST-1SG так любить-IMP.2PL
караæдзи.
 друг_друга
 ‘⟨...⟩ Да любите друг друга, как Я возлюбил вас’. [Ин. 15:12]

Во всех контекстах при этом присутствует финитная форма глагола — аналогично древнегреческому, русскому и другим рассматриваемым нами вариантам.

Финитный глагол также присутствует во всех 6 стандартах из группы прототипических контекстов, в которых употребляется *куыд*. Пять контекстов (Мф. 19:19, 22:39; Мк. 12:31, 12:33; Лк. 10:27) при этом представляют собой конструкции с глаголом *любить*, объектом сравнения при котором выступает объект данного ментального предиката²⁶. Соответственно стандарт сравнения (*самого себя* в русском переводе) связан с позицией объекта сравнения. В осетинском в этих контекстах появляется местоимение *дæхæдæг* ‘ты сам’ в генитиве, а кроме этого глагол *уарзын* ‘любить’ в форме 2 лица настоящего времени — см., например, (48).

- ОСЕТИНСКИЙ
- (48) *Уарз* *хион-ы,* **дæхи** **куыд** *уарз-ыс,*
 любить.IMP родной-GEN ты_сам.GEN как любить-PRS.2SG
афтæ
 так
 ‘⟨...⟩ Возлюби ближнего твоего, как самого себя’. [Мф. 22:39]

²⁵ За исключением [Мф. 6:2], где в осетинском нет сравнительной конструкции и который также не учитывается в *Таблице 8*.

²⁶ Выраженного субъекта в данных контекстах нет, так как глагол стоит в форме императива.

В предикативных контекстах встречаются послелог *хуызæн* ‘подобно’ и эквативный падеж *-ау*. Ср. (49), где в одном стихе в двух интересующих нас контекстах используются два разных маркера стандарта:

- ОСЕТИНСКИЙ
 (49) *Сæ сæрыхъуын-тæ сылгоймадж-ы сæрыхъуын-т-ы*
 они.GEN волосы-PL женщина-GEN волосы-PL-GEN
хуызæн, сæ дæндæг-тæ домбай-ы дæндæг-т-ау.
 подобно они.GEN зуб-PL лев-GEN зуб-PL-EQU
 ‘И волосы у ней — **как волосы у женщин**, а зубы у ней были, **как у львов**’. [Откр. 9:8]

Послелог *хуызæн* употребляется в 11 из 27 предикативных контекстов, остальные контексты — это вхождения эквативного падежа. При этом степень «тяжести» группы стандарта, выраженного одиночным именем или именной группой, также не влияет на выбор из двух оставшихся маркеров. В обоих случаях может встретиться как послелог, так и эквативный падеж (ср. [Откр. 10:11] — «легкий» стандарт *хур-ы* (солнце-GEN), маркированный *хуызæн*, и [Откр. 1:15] — более «тяжелый» стандарт *домбай-ы дæндæг-т-ау* (лев-GEN зуб-PL-EQU) ‘зубы львов’, маркированный эквативным падежом.

Таким образом, на выбор маркера стандарта в осетинском языке в первую очередь влияет прототипичность стандарта: все контексты с маркером *куыд* имеют в структуре выраженный финитный глагол. С именными стандартами употребляются эквативный падеж *-ау* и послелог *хуызæн* ‘подобно’. При этом в группе непредикативных прототипических контекстов *хуызæн* встретился только в симилиативных конструкциях.

5. Заключение

В данной статье, во-первых, были представлены релевантные контексты по сравнительным конструкциям в шести книгах Нового Завета (Мф., Мк., Ин., Лк., Деян., Откр.), отобранные на материале

восьми языков: шести индоевропейских (русского, английского, древнегреческого, латинского, испанского, осетинского) и двух финно-угорских (горномарийского и удмуртского). Были описаны следующие критерии, лежащие в основу классификации выбранных контекстов:

- общий для двух типов конструкций критерий прототипичности стандарта сравнения, заключающийся в способе выражения стандарта и в семантической роли связанного с ним объекта сравнения;
- семантический источник маркера стандарта и маркирование параметра сравнения, релевантные для компаративных конструкций;
- критерии семантики сравнительной конструкции и референциального статуса стандарта для эквативных конструкций.

Во-вторых, было проведено исследование языков с несколькими эквативными маркерами стандарта с целью выявления критериев, влияющих на выбор маркера. Были проанализированы контексты на осетинском, горномарийском и удмуртском языках.

Так, универсальный с точки зрения семантики маркер стандарта *кадь* в удмуртском практически не ограничен в употреблении с (не) прототипическими стандартами за исключением финитных клауз. Кроме этого, *кадь* оказался зависим от числа объекта сравнения в предикативных контекстах.

Аналогичный запрет на употребление маркеров *гань* ‘как’ и *семъинь* ‘подобно’ с финитными стандартами сравнения зафиксирован нами в горномарийском языке. Помимо этого, на выбор маркера влияет также семантика конструкции: *семъинь* ‘подобно’ встретился только в симилиативных непредикативных контекстах.

В осетинском языке на выбор маркера в большей степени влияет прототипичность стандарта. Все стандарты с маркером *куыд* являются клаузой. Эквативный падеж *-ау* и послелог *хуызæн* ‘подобно’ употребляются только с именными контекстами.

В *Приложении* приведены все отобранные нами в ходе исследования контексты. Как было показано во второй части, выбранные

критерии позволяют выявлять закономерности в анализируемых контекстах. В дальнейшем представленный набор можно использовать для расширения базы исследуемых языков, в том числе для решения вопросов, которых мы лишь частично коснулись в данной статье.

Приложение. Отобранные контексты из Нового Завета

Таблица 1. Компаративные контексты

Table 1. Comparative contexts

		PROT		NPROT		
		SUBJ	NON_SUBJ	AdP	NFIN_CL	FIN_CL
CMPR	Ag.	Ин. 4:1		Мф. 18:13	Мф. 18:8, 18:9, 19:24; Мк. 9:43, 9:45, 9:47, 10:25	Ин. 7:31
	Th.	Мф. 2:6, 3:11, 6:25, 6:26, 10:31, 11:11, 12:12, 12:45, 27:64; Лк. 7:28, 11:26, 12:7, 12:24, 16:8; Ин. 4:12, 13:16 (x 2), 14:28, 15:20				
	St.		Ин. 3:19; Деян. 4:19, 27:11; Мф. 10:37 (x 2)			
	Exp.		Мф. 10:15, 11:22, 11:24; Лк. 10:24			
	C.		Деян. 5:29			

Таблица 2. Эквативные контексты

Table 2. Equative contexts

		PROT		NPROT	
		SUBJ	NON_SUBJ	AdP	FIN_CL
EQU	Th.	Мф. 28:3; Откр. 6:12, 10:9, 10:10		Мф. 6:10 (Лос.); Деян. 11:15 (Лос.)	Откр. 18:6, Мф. 5:48, 6:12, 18:33; Лк. 6:36, 11:1
SIM	Ag.	Мф. 6:7, 6:29; Ин. 7:46; Откр. 3:3, 16:15; Мк. 10:15, Лк. 12:27, 18:17			Ин. 5:23, 15:12; Деян. 7:28; Откр. 6:13, 10:3; Мф. 6:2, 23:37
	P.	Ин. 15:6; Откр. 1:17, 2:27, 6:11, 6:14; Мф. 18: 4; Деян. 8:32; Ин. 15:6			
	Th.	Мф. 12:13, 13:43; Откр. 9:2, 21:21			
	St.		Мф. 19:19, 22:39; Мк. 8:24, 12:31, 12:33; Лк. 10:27		

		PROT		NPROT	
		SUBJ	NON_SUBJ	AdP	FIN_CL
PRED	Th.	Мф. 6:5, 10:25 (x 2), 18:3, 28:3; Мк. 4:31, 6:34, 9:26; Лк. 6: 40 (x 2), 11:44, 18:11 (x 2), 22:26 (x 2); Откр. 1:14, 1:15 (x 2), 1:16, 2:18, 6:12, 9:7, 9:8 (x 2), 9:9, 9:17, 10:1 (x 2), 13:2 (x 2), 20:7 (NUM)			

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; AVL — аблатив; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; Exp. — экспериенцер; ADV — адвербиалис; AdP — адложная группа; Ag. — агенс; APPR — аппроксиматив; ATTR — атрибутивизатор; C. — контрагент; CMPR — компаратив; DAT — датив; EL — элатив; EQU — экватив; FIN_CL — финитная клауза; FUT — будущее время; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; IN — инессив; Loc. — место (семантическая роль); LOC — локатив; NEG — отрицание; NFIN_CL — нефинитная клауза; NMLZ — номинализация; NON_SUBJ — другая синтаксическая позиция; NPROT — непрототипический стандарт сравнения; NPST — непрошедшее время; OPT — опатив; P. — пациенс; PL — множественное число; POSS — поссессив; PRED — предикативные контексты; PRET — претерит; PROP — проприетив; PROT — прототипический стандарт сравнения; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PTCL.ACT — активное причастие; PV — преверб; QUEST — вопросительная частица; REFL — рефлексив; SG — единственное число; SIM — симилятив; St. — стимул; SUBJ. — субъект; Th. — тема.

Литература

- Андреев 1957 — Н. А. Андреев. Имя прилагательное // И. П. Павлов (ред.). Материалы по грамматике современного чувашского языка. Морфология. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1957. С. 62–107.
- Ахвледиани (ред.) 1963 — Г. С. Ахвледиани (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. I. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при Совете министров Северо-Осетинской АССР, 1963.
- Беляев 2014 — О. И. Беляев. Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2014.
- Дворецкий (сост.) 1958 — И. Х. Дворецкий (сост.), С. И. Соболевский (ред.). Древнегреческо-русский словарь: ок. 70000 слов: в 2 т. М.: ГИС, 1958.
- Закиев и др. (ред.) 1993 — М. З. Закиев, Ф. А. Ганиев, К. З. Зиннатуллина (ред.). Татарская грамматика. Т. II. Казань: Татарское книжное издательство, 1993.
- Князев 2007 — Ю. П. Князев. Грамматическая семантика. М.: Языки славянских культур, 2007.
- Летучий 2017 — А. Б. Летучий. Сравнительные конструкции // В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова (отв. ред.); О. Е. Пекелис, Е. В. Рахилина, Е. Р. Добрушина (ред.). Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. II. Синтаксические конструкции и грамматические категории. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 132–204.
- Плунгян, настоящий сборник — В. А. Плунгян. Параллельный корпус как грамматическая база данных и Новый Завет как параллельный корпус (предисловие) // Настоящий сборник.
- Перевощиков (отв. ред.) 1962 — П. Н. Перевощиков (отв. ред.). Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. (Bibliotheca Ceremissica 5). Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2002.
- Саваткова 2008 — А. А. Саваткова. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2008.
- Саенко 2019 — М. Н. Саенко. Периодизация истории праславянского субстантивного склонения // Балто-славянские исследования. 2019. Вып. XX. С. 92–121. DOI: 10.31168/2658-5766.2019.20.5.
- Синицына 2019а — Ю. В. Синицына. Морфосинтаксис и семантика горномарийского компаративного суффикса *-rak*. Доклад, прочитанный на конференции «XVI Конференция по типологии и грамматике для молодых

- исследователей», Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2019 г.
- Сеницына 2019b — Ю. В. Сеницына. Полисемия и морфологический статус горномарийского показателя *-la* // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019. Т. 15. Ч. 2. С. 265–297.
- Черемисинова 2019 — М. О. Черемисинова. Компаративно-аттенуативная полисемия в бесермянском удмуртском // М. Б. Коношенко, Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. 2019. Т. 2. Вып. 2. С. 128–150.
- Юлдашев (отв. ред.) 1981 — А. А. Юлдашев (отв. ред.). Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981.
- Яшина 1963 — Р. И. Яшина. Сравнительные конструкции в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1963.
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari)*. Hamburg: Buske, 1993.
- Bacsikai-Atkari 2016 — J. Bacsikai-Atkari. Equative elements in comparative constructions and in relative clauses in the history of German and English. Paper presented at the conference “Workshop Equative Constructions”. Universität zu Köln, Cologne, 15 December 2016.
- Berezovskaya, Hohaus 2015 — P. Berezovskaya, V. Hohaus. The Crosslinguistic Inventory of Phrasal Comparative Operators: Evidence from Russian // M. Szajbel-Keck, R. Burns, D. Kavitskaya (eds.). *Proceedings of FASL 23*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2015. P. 1–19.
- Bhatt, Takahashi 2007 — R. Bhatt, S. Takahashi. Direct comparisons: Resurrecting the direct analysis of phrasal comparatives // M. Gibson, T. Friedman (eds.). *Proceedings of SALT XVII*. Cornell, NY: CLC Publications, 2007. P. 19–36.
- Bresnan 1973 — J. Bresnan. The Syntax of the Comparative Clause Construction in English // *Linguistic Inquiry*. 1973. № 4. P. 275–343.
- Creissels 2014 — D. Creissels. *Funcitive phrases in typological and diachronic perspective* // *Studies in Language*. 2014. Vol. 38. № 3. P. 605–647. DOI: 10.1075/sl.38.3.07cre.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *From space to time: Temporal adverbials in the world's languages*. München; Newcastle: LINCOM Europa, 1997.
- Haspelmath 2004 — M. Haspelmath. Coordinating constructions: an overview // M. Haspelmath (ed.). *Coordinating constructions*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 3–39. DOI: 10.1075/tsl.58.
- Haspelmath, Buchholz 1998 — M. Haspelmath, O. Buchholz. Equative and similative constructions in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.). *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton, 1998. P. 277–334. DOI: 10.1515/9783110802610.277.

- Haspelmath et al. 2017 — M. Haspelmath, the Leipzig Equative Constructions Team. Equative constructions in world-wide perspective // Y. Treis, M. Vanhove (eds.). *Similative and Equative Constructions: A Crosslinguistic Perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2017. P. 9–32.
- Heim 1985 — I. Heim. Notes on comparatives and related matters. Unpublished manuscript. Austin: University of Texas, 1985.
- Heim 2000 — I. Heim. Degree Operators and Scope // B. Jackson, T. Matthews (eds.). *Proceedings of SALT X*. Cornell, NY: CLC Publications, 2000. P. 40–64.
- Heine 1997 — B. Heine. *Cognitive Foundations of Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Henkelmann 2006 — P. Henkelmann. Constructions of equative comparison // *Language Typology and Universals*. 2006. Vol. 59. № 4. P. 370–398. DOI: 10.1524/stuf.2006.59.4.370.
- Lechner 2004 — W. Lechner. *Ellipsis in Comparatives*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
- Lewis, Short 1879 — Ch. T. Lewis, Ch. Short. *A Latin Dictionary*. Oxford: Clarendon Press, 1879. (электронный ресурс). URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0059:entry=sicut> (дата обращения: 09.03.2022).
- Pancheva 2006 — R. Pancheva. Phrasal and clausal comparatives in Slavic // J. D. Lavine, S. Franks, M. Tasseva-Kurktchieva, H. Filip (eds.). *Proceedings of FASL 14*. 2006. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications. P. 236–257.
- Resnik et al. 1999 — Ph. Resnik, M. B. Olsen, M. Diab. The Bible as a Parallel Corpus: Annotating the ‘Book of 2000 Tongues’ // *Computers and the Humanities*. 1999. № 33. P. 129–153. DOI: 10.1023/A:1001798929185.
- Smyth 1956 — H. W. Smyth. *Greek Grammar*. Cambridge: Harvard University Press, 1956.
- Stassen 1985 — L. Stassen. *Comparison and Universal Grammar*. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
- Stolz 2013 — T. Stolz. *Competing Comparative Constructions in Europe*. Berlin: Akademie-Verlag, 2013. DOI: 10.1524/9783050064994.
- Treis 2018 — Y. Treis. *Comparative Constructions: An Introduction* // K. Wojtylak, Y. Treis (eds.). *On the Expression of Comparison: Contributions to the typology of comparative constructions from lesser-known languages*. Dartmouth: Dartmouth College Library Press, 2018. P. i–xxvi. DOI: 10.1349/PS1.1537-0852.A.492.
- Treis, Vanhove (eds.) 2017 — Y. Treis, M. Vanhove (eds.). *Similative and Equative Constructions: A Cross-linguistic Perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2017. DOI: 10.1075/tsl.117.

- Ultan 1972 — R. Ultan. Some Features of Basic Comparative Constructions // Working Papers on Language Universals (Stanford). 1972. № 9. P. 117–162.
- Winkler 2001 — E. Winkler. Udmurt. München: Lincom Europa, 2001.

References

- Akhvlediani (ed.) 1963 — G. S. Akhvlediani (ed.). *Grammatika osetinskogo yazyka. T. I. Fonetika i morfologiya* [Ossetic Grammar. Vol. I. Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze: Research Institute under the Council of Ministers of the North Ossetian ASSR, 1963.
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari)*. Hamburg: Buske, 1993.
- Andreyev 1957 — N. A. Andreyev. *Imya prilagatelnoye* [Adjective]. I. P. Pavlov (ed.). *Materialy po grammatike sovremennogo chuvashskogo yazyka. Morfologiya* [Materials on the grammar of modern Chuvash. Morphology]. Cheboksary: Chuvash State Publishing House, 1957. P. 62–107.
- Bacsikai-Atkari 2016 — J. Bacsikai-Atkari. *Equative elements in comparative constructions and in relative clauses in the history of German and English*. Paper presented at the conference “Workshop Equative Constructions”. Universität zu Köln, Cologne, 15 December 2016.
- Belyayev 2014 — O. I. Belyayev. *Korrelyativnaya konstruktsiya v osetinskom yazyke v tipologicheskoy osveshchenii* [Correlative construction in Ossetic in typological perspective]. Candidate thesis. Moscow: Moscow State University, 2014.
- Berezovskaya, Hohaus 2015 — P. Berezovskaya, V. Hohaus. The Crosslinguistic Inventory of Phrasal Comparative Operators: Evidence from Russian. M. Szajbel-Keck, R. Burns, D. Kavitskaya (eds.). *Proceedings of FASL 23*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2015. P. 1–19.
- Bhatt, Takahashi 2007 — R. Bhatt, S. Takahashi. Direct comparisons: Resurrecting the direct analysis of phrasal comparatives. M. Gibson, T. Friedman (eds.). *Proceedings of SALT XVII*. Cornell, NY: CLC Publications, 2007. P. 19–36.
- Bresnan 1973 — J. Bresnan. The Syntax of the Comparative Clause Construction in English. *Linguistic Inquiry*. 1973. Vol. 4. No. 3. P. 275–343.
- Cheremisina 2019 — M. O. Cheremisina. *Komparativno-attenuativnaya poliseimiya v besermjanskom udmurtskom* [Comparative-attenuative polysemy in Berserman Udmurt]. M. B. Konoshenko, E. A. Lyutikova, A. V. Cimmerling (eds.). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov* [Typology of morphosyntactic parameters]. 2019. Vol. 2. No. 2. P. 128–150

- Creissels 2014 — D. Creissels. Functive phrases in typological and diachronic perspective. *Studies in Language*. 2014. Vol. 38. No. 3. P. 605–647. DOI: 10.1075/sl.38.3.07cre.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *From space to time: Temporal adverbials in the world's languages*. München; Newcastle: LINCOM Europa, 1997.
- Haspelmath 2004 — M. Haspelmath. Coordinating constructions: an overview. M. Haspelmath (ed.). *Coordinating constructions*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 3–39. DOI: 10.1075/tsl.58.
- Haspelmath, Buchholz 1998 — M. Haspelmath, O. Buchholz. Equative and similitive constructions in the languages of Europe. J. van der Auwera (ed.). *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 277–334. DOI: 10.1515/9783110802610.277.
- Haspelmath et al. 2017 — M. Haspelmath, the Leipzig Equative Constructions Team. Equative constructions in world-wide perspective. Y. Treis, M. Vanhove (eds.). *Similitive and Equative Constructions: A Crosslinguistic Perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2017. P. 9–32.
- Heim 1985 — I. Heim. *Notes on comparatives and related matters*. Unpublished manuscript. Austin: University of Texas, 1985.
- Heim 2000 — I. Heim. Degree Operators and Scope. B. Jackson, T. Matthews (eds.). *Proceedings of SALT X*. Cornell, NY: CLC Publications, 2000. P. 40–64.
- Heine 1997 — B. Heine. *Cognitive Foundations of Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Henkelmann 2006 — P. Henkelmann. Constructions of equative comparison. *Language Typology and Universals*. 2006. Vol. 59. No. 4. P. 370–398. DOI: 10.1524/stuf.2006.59.4.370.
- Knyazev 2007 — Yu. P. Knyazev. *Grammaticheskaya semantika* [Grammar semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2007.
- Lechner 2004 — W. Lechner. *Ellipsis in Comparatives*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
- Letuchiy 2017 — A. B. Letuchiy. Srovnitelnyye konstruktzii [Comparative constructions]. V. A. Plungyan, N. M. Stojnova (eds.-in-chief), O. E. Pekelis, E. V. Rakhilina, E. R. Dobrushina (eds.). *Materialy k korpusnoy grammatike russkogo yazyka. Vypusk II. Sintaksicheskiye konstruktzii i grammaticheskiye kategorii* [Materials for a corpus grammar of the Russian language. Vol. II. Syntactic constructions and grammar categories]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. P. 132–204.
- Pancheva 2006 — R. Pancheva. Phrasal and clausal comparatives in Slavic. J. D. Lavine, S. Franks, M. Tasseva-Kurktchieva, H. Filip (eds.). *Proceedings of FASL 14*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2006. P. 236–257.

- Perevoshchikov (ed.-in-chief) 1962 — P. N. Perevoshchikov (ed.-in-chief). *Grammatika sovremennoho udmurtskogo yazyka: Fonetika i morfologiya* [Modern Udmurt grammar: phonetics and morphology]. Izhevsk: Udmurt Book Publishing House] 1962.
- Plungian, this volume — V. A. Plungian. *Parallelnyy korpus kak grammaticheskaya baza dannykh i Novyy Zavet kak parallelnyy korpus (predisloviye)* [A parallel corpus as a grammar database and the New Testament as a parallel corpus (Preface)]. This volume.
- Resnik et al. 1999 — Ph. Resnik, M. Broman Olsen, M. Diab. The Bible as a Parallel Corpus: Annotating the ‘Book of 2000 Tongues’. *Computers and the Humanities*. 1999. Vol. 33. P. 129–153. DOI: 10.1023/A:1001798929185.
- Sayenko 2019 — M. N. Sayenko. Periodizatsiya istorii praslavyanskogo substantivnogo skloneniya [Periodization of the history of the Proto-Slavic substantive declension]. *Balto-slavyanskije issledovaniya*. 2019. Vol. XX. DOI: 10.31168/2658-5766.2019.20.5
- Savatkova 2002 — A. A. Savatkova. *Gornoye narechiye mariyskogo yazyka* [Hill Mari language]. (Bibliotheca Ceremissica 5). Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2002.
- Savatkova 2008 — A. A. Savatkova. *Slovar gornomariyskogo yazyka* [Hill Mari dictionary]. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House, 2008.
- Sinitsyna 2019a — Yu. V. Sinitsyna. Morfosintaksis i semantika gornomariyskogo komparativnogo suffiksa *-rak* [The morphosyntax and semantics of the comparative suffix *-rak*]. Paper presented at the conference Conference on typology and grammar for young scholars. St. Petersburg, November 21–23, 2019.
- Sinitsyna 2019b — Yu. V. Sinitsyna. Polisemiya i morfologicheskiy status gornomariyskogo pokazatelya *-la* [Polysemy and morphological status of the Hill Mari marker *-la*]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019. Vol. 2. P. 265–297.
- Smyth 1956 — H. W. Smyth. *Greek Grammar*. Cambridge: Harvard University Press, 1956.
- Stassen 1985 — L. Stassen. *Comparison and Universal Grammar*. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
- Stolz 2013 — T. Stolz. *Competing Comparative Constructions in Europe*. Berlin: Akademie-Verlag, 2013. DOI: 10.1524/9783050064994.
- Treis 2018 — Y. Treis. Comparative Constructions: An Introduction. K. Wojtylak, Y. Treis (eds.). *On the Expression of Comparison: Contributions to the typology of comparative constructions from lesser-known languages*. Dartmouth: Dartmouth College Library Press, 2018. P. i–xxvi. DOI: 10.1349/PS1.1537-0852.A.492.
- Treis, Vanhove (eds.) 2017 — Y. Treis, M. Vanhove (eds.). *Similitive and Equative Constructions: A Cross-linguistic Perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2017. DOI: 10.1075/tsl.117

- Ultan 1972 — R. Ultan. Some Features of Basic Comparative Constructions. *Working Papers on Language Universals*. 1972. No. 9. P. 117–162.
- Winkler 2001 — E. Winkler. *Udmurt*. München: LINCOM Europa, 2001.
- Yashina 1963 — R. I. Yashina. *Sravnitelnyye konstruksii v udmurtskom yazyke* [Comparative constructions in the Udmurt language]. Izhevsk: Udmurt Book Publishing House, 1963.
- Yuldashev (ed.) 1981 — A. A. Yuldashev (ed.). *Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of Modern literary Bashkir language]. Moscow: Nauka, 1981.
- Zakiyev et al. (eds.) 1993 — M. Z. Zakiyev, F. A. Ganiydoiev, K. Z. Zinnatullina (eds.). *Tatarskaya grammatika. Tom II* [Tatar grammar. Vol. II]. Kazan: Tatar Book Publishing House, 1993.

Получено / received 04.04.2022

Принято / accepted 05.09.2022

Типология «точечных» контактных локализаций в уральских и алтайских языках (на материале корпуса переводов Нового Завета)

Д. А. Парамонова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия); dashparamonova@yandex.ru; ORCID: 0009-0008-3963-2933

Аннотация. В статье приведены результаты исследования контактных глаголов и выбора маркирования точки приложения в составе контактных конструкций «точечного» типа (например, ‘коснуться руки’) на материале корпуса переводов Нового Завета. Для описания связи между выбором стратегии маркирования и семантикой глагола была разработана градуальная классификация, основанная на степени интенсивности контакта и силе его воздействия на объект (гипотетический «контактный» континуум). Были проанализированы данные пяти уральских и пяти алтайских языков. Для каждого языка были описаны стратегии маркирования точки приложения при предикатах различных классов и определена степень релевантности типа контакта.

Ключевые слова: точка приложения, уральские языки, алтайские языки, корпусная лингвистика.

A typology of ‘pinpoint’ contact localizations in Uralic and Altaic languages (based on the corpus of New Testament translations)

Daria A. Paramonova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia);
dashparamonova@yandex.ru; ORCID: 0009-0008-3963-2933

Abstract. This article provides the results of a corpus research focused on a semantic feature of verbs which describe physical contact localization and on the way this feature may affect the case marking of object noun phrases in physical contact constructions. The marking strategies used in such constructions are labeled ‘pinpoint’ contact localization. The study addressed contexts that include a contact verb and its localization point (e.g., ‘touch the hand’). A corpus of the New Testament translations (four canonical gospels, *The Acts of the Apostles*, and *The Book of Revelation*) was chosen as the main research instrument and the source of the study material. The numbers of the contexts selected in the different translations range between 28 to 31. The analysis was carried out for five Uralic (Finnish, Hungarian, Karelian, Meadow Mari and Erzya) and five Altaic (Turkish, Balkar, Yakut, Kalmyk and Chuvash) languages. The study found contact intensity to be an important feature in the total picture of contact localization. As an instrument to describe the connection between the marking strategy and verb semantics, I developed a gradual classification based on a hypothetical contact continuum taking into account the degree of contact intensity and the scale of its impact on the object. The classification distinguishes three types of contact. The first type labeled as ‘Loose contacts’ includes verbs describing low-intensity actions that do not produce a significant impact on the object (the core of the ‘pinpoint’ contact localization). They are most often verbs of touching or kissing. The verbs relegated to the second type are labeled ‘Tight contacts’ and can be defined as describing the actions of grabbing or hugging. Placed at the bottom line of the scale are ‘Deforming contacts’ which seemingly inflict significant changes on the object of the contact like all kinds of verbs describing the acts of punching or biting. The paper describes the marking strategies for all types of contact employed by each of the languages addressed and determines the relevance of every identified type of contact in accordance with the proposed semantic continuum.

Keywords: contact point, Uralic languages, Altaic languages, corpus linguistics.

1. Введение

Среди относительно мало изученных семантических ролей можно выделить роль объекта, с которым осуществляется физический контакт (разной степени интенсивности — в диапазоне от прикосновений

до ударов; в качестве примеров можно привести русские глаголы *касаться, хватать, бить* и проч.). При всей важности этой группы значений, пока, насколько нам известно, не предпринималось детальных типологических исследований моделей их выражения в языках мира. Отдельные работы посвящены управлению некоторыми контактными глаголами, например, в [Levin 2012] описывается маркирование точки приложения, то есть ИГ (именной группы), называющей объект, с которым происходит контакт, при предикатах со значением ‘бить’ в языках мира). При этом в типологической литературе понятие «контактных локализаций» (способов маркирования точки приложения) зачастую покрывает достаточно разнородные явления. Так, в [Ганенков 2005: 112] под данным термином понимаются два типа именных показателей с пространственным значением. В описательной практике они известны под условными семантическими ярлыками INTER в аморфном веществе (*хлеб упал в воду*) и CONT в контакте с ориентиром (*на стене висит рисунок*). Мы сосредоточимся на втором типе конструкций, включающих при этом предикат с семантической физической контакта.

Для описания контекстов с точечными контактными локализациями, под которыми мы понимаем стратегии маркирования точки приложения при предикатах физического контакта, нами была разработана градуальная классификация, основанная на степени интенсивности контакта и силе его воздействия на объект (гипотетический «контактный континуум»). Как представляется, по признаку интенсивности контакта (семантически наиболее важному) целесообразно различать три основных класса контекстов:

- **Слабый контакт** (Loose contact) — конструкции с глаголами прикосновений, которые не влекут за собой какие-либо физические изменения объекта или его перемещение в пространстве: *касаться одежды, целовать ноги*;
- **Плотный контакт** (Tight contact) — конструкции, описывающие более интенсивное воздействие на объект, потенциально способное привести к изменению его положения в пространстве: *взять за руку, ухватиться за ноги*;

- **Деформирующий контакт** (Deforming contact) — конструкции с «деструктивной» семантикой, в которых описывается существенное воздействие на объект, изменение его состояния, часто причинение физического вреда: *ударить по голове*.

В настоящей статье мы опишем способы оформления ИГ со значением точки приложения и проверим гипотезу о влиянии степени интенсивности контакта (и в целом семантики контактного глагола) на выбор стратегии маркирования, а также предложим наименования стратегий маркирования (например, пациентивно-целевая, если в языке контактная локализация при предикатах двух типов маркируется показателем пациенса в данном языке, а контактная локализация при предикатах третьего типа — показателем цели).

В качестве материала и одновременно инструмента исследования, в соответствии с уже достаточно хорошо зарекомендовавшей себя практикой ([Haspelmath 1997; Dahl, Wälchli 2016] и мн. др.), был использован параллельный корпус переводов Нового Завета: Евангелие от Матфея (Мф.), Евангелие от Марка (Мк.), Евангелие от Луки (Лк.), Евангелие от Иоанна (Ин.), Деяния святых апостолов (Деян.) и Откровение Иоанна Богослова (Откр.) (см. подробнее о методике [Плунгян, наст. сб.]). Были размечены контексты пяти уральских (финский [ФПБ], карельский [КарПБ], эрзянский [ЭПБ], луговой марийский [МПБ], венгерский [ВПБ]) и пяти алтайских (турецкий [ТПБ], балкарский [БПБ], якутский [ЯПБ], чувашский [ЧПБ], калмыцкий [КалПБ]) языков.

Различные типологические описания моделей управления, такие как проект ValPal (Leipzig Valency Classes Project), результаты которого представлены в [Hartmann et al. 2013; Malchukov, Comrie 2015], и проект «Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках» под руководством С. С. Сая [Сай (ред.) 2018], хотя и содержат релевантную информацию по теме исследования (в них описаны модели управления некоторых контактных глаголов, например, *бить* и *касаться*), не включают статьи по нескольким (в случае с ValPal по всем) анализируемым языкам, а потому в настоящем исследовании подробно не рассматриваются. Отметим также,

что данные, представленные в проекте С. С. Сая, не всегда совпадают с данными корпусного материала. Это связано прежде всего со спецификой анализируемых контекстов: в центре нашего внимания находятся в том числе конструкции с расщепленным посессором, под которым понимается частный случай расщепления валентности, то есть «представления одной валентности слова А ⟨...⟩ с помощью двух соподчиненных А словоформ» [Апресян 1974: 154] (вместо *схватил [его руку]* получаем *схватил [его] [за руку]*). Наличие расщепленного посессора подразумевает особую актантную структуру соответствующего контактного предиката (см., например, [Тестелец 2001: 429–430]), тогда как проект С. С. Сая включает в себя анализ исключительно двухместных предикатов, поэтому не является подходящим источником для настоящего исследования.

В *Разделе 2* мы обсудим процесс отбора и классификации контактных контекстов. В *Разделах 3 и 4* представлены результаты анализа стратегий маркирования в уральских и алтайских языках соответственно. Заключительный *Раздел 5* содержит выводы относительно релевантности типа контакта как параметра выбора маркирования «точечных» контактных локализаций в каждом из языков.

2. Отбор контекстов

Для анализа «точечных» контактных локализаций были отобраны контексты, имеющие следующую структуру: «контактный» предикат (или предикат с «контактным» значением в данном контексте, например, пал на шею) + ИГ с ролью точки приложения (например, ‘взять за руку’, ‘прикоснуться к одежде’, ‘помазать глаза’ и др.). При разметке каждого контекста, помимо характеристики типа контакта, учитывался предлог / послелог (его отсутствие также фиксировалось), падеж и собственно глагол.

Изначально отбор контекстов осуществлялся на материале русского Синодального перевода (итоговое количество контекстов — 32, см. *Приложение*) и лишь затем добавлялись тексты соответствующих

стихов на исследуемых языках. Из-за различий в переводе некоторые контексты утрачивали важные составляющие контактных конструкций, поэтому количество размеченных контекстов различается для разных языков в нашей выборке. Например, вместо контактной конструкции *пал ему на шею* [Лк. 15:20] в русском тексте в балкарском переводе используется выражение *аны къучакъл-ан* (он.АСС обнять-СВ) ‘обняв его’: такой контекст не содержит точки приложения, и в дальнейшем не анализируется.

Итоговое количество контекстов в венгерском, эрзянском, балкарском и калмыцком составило 31 (отсутствуют [Лк. 22:64] в венгерском и калмыцком, [Лк. 15:20] в эрзянском и балкарском), в карельском, луговом марийском и якутском — 30 (отсутствуют [Мк. 14:65; Лк. 15:20] в карельском, [Мк. 14:65; Ин. 18:22] в луговом марийском и [Мк. 8:23; Ин. 18:22] в якутском), в турецком — 29 (отсутствуют [Мк. 14:65; Лк. 22:64; Ин. 18:22]), в финском и чувашском — 28 (отсутствуют [Мф. 28:9; Мк. 14:65; Лк. 22:64; Ин. 18:22] в финском и [Лк. 7:45, 15:20, 18:13; Деян. 23:19] в чувашском).

Несмотря на сравнительно небольшой объем выборки, контексты равномерно распределены по трем типам контакта, что позволяет охватить значительную часть глаголов, имеющих контактную семантику и вписывающихся в нашу классификацию (8 контекстов с деформирующим типом контакта, 9 — с плотным и 14 — со слабым на материале русского языка). Таким образом, мы можем формулировать предварительные обобщения, которые затем можно будет проверить на более объемных выборках контекстов с предикатами контакта, и делать выводы относительно устройства систем маркирования «точечных» контактных локализаций на основе собранных корпусных данных, поскольку мы анализируем наиболее употребительные и иллюстративные контактные предикаты (‘касаться’, ‘взять / хватать’ и ‘бить’).

Далее мы обсудим конкретные данные, полученные для каждого из языков в результате анализа корпусного материала, опишем основные стратегии маркирования в терминах семантических ролей и сделаем вывод относительно того, как семантика глагола может влиять на выбор того или иного падежа или адлога для ИГ, играющей роль контактной локализации. Изначально контексты были

разделены на группы по семантическим классам глаголов на материале русского языка (см. *Таблицу 1*), а затем аналогичное разбиение было принято и для остальных анализируемых языков (см. *Таблицы 2–6* и *Таблицы 8–12* ниже).

Таблица 1. Разделение контактных глаголов на семантические классы

Таблица 1. Division of contact verbs into semantic classes

Класс	Маркирование	Глагол	Точка приложения	Всего
Loose	к + DAT	<i>прикоснуться</i> , 8	<i>одежда</i> , 4; <i>край (одежды)</i> , 3; <i>глаза</i> , 1;	8
	GEN	<i>коснуться</i> , 5	<i>рука</i> , 1 <i>глаз</i> , 1 <i>язык</i> , 1 <i>край одежды</i> , 1 <i>ухо</i> , 1	5
	ACC	<i>целовать</i> , 1	<i>ноги</i> , 1	1
Tight	за + ACC	<i>взять</i> , 8	<i>рука</i> , 8	8
		<i>ухватиться</i> , 1	<i>ноги</i> , 1	1
	на + ACC	<i>пасть</i> , 1	<i>шея</i> , 1	1
Deform	по + DAT	<i>ударить</i> , 3	<i>щека</i> , 2 <i>лицо</i> , 1	3
		<i>бить</i> , 3	<i>голова</i> , 3	3
	в + ACC	<i>ударить</i> , 2	<i>щека</i> , 1 <i>грудь</i> , 1	2

Обнаруженные несовпадения в типах контактных глаголов между языками, как правило, связаны с различиями в переводе. Так, стих [Мф. 8:15] в калмыцком языке содержит в себе глагол со значением ‘схватить’ (1), в остальных же языках используется глагол слабого контакта вроде ‘коснуться’ (ср. русский Синодальный перевод: ‘и коснулся руки ее’). Таким образом, необходимо отнести данный конкретный контекст в калмыцком переводе к другой группе.

КАЛМЫЦКИЙ

- (1) *Исус терү-нә һар-и-нь авх-ла*
 Исус она-GEN рука-ACC-POSS.3 хватать-REM
 ‘Иисус схватил ее руку’. [Мф. 8:15]

Обратная ситуация наблюдается с [Мф. 28:9] в калмыцком (2): плотный контакт был заменен слабым, употребляется глагол ‘тро-нуть’ вместо ожидаемого ‘взять/схватить’ (ср. русский Синодаль-ный перевод: ‘ухватились за ноги’).

КАЛМЫЦКИЙ

- (2) *кәл-д-нь һар-ан күрг-эд*
 нога-DAT-POSS.3 рука-REFL.ACC вести-CVB
 ‘коснулись его ног’ [Мф. 28:9]

Таким образом были размечены контексты на каждом из приведенных выше языков, после чего был произведен сравнительный анализ. При этом полный учет корпусного материала показывает неоднородность средств выражения контактного значения даже внутри выделенных классов и наличие ряда конкурирующих (хотя и менее частотных) стратегий. Изучение возможных причин возникновения конкурирующих стратегий и/или побочных вхождений, в которых избирается маркирование, отличное от наиболее частотного, выходит за рамки нашего исследования, основной целью которого было обнаружение и описание связи между семантическим классом глагола и выбором маркирования точки приложения. Таким образом, анализировалась наиболее частотная стратегия маркирования.

3. Стратегии маркирования контактов в уральских языках

Ниже приведен анализ данных пяти уральских языков: финского, карельского, венгерского, лугового марийского и эрзянского. В грамматиках этих языков ([Елисеев 1993] для финского,

[Зайков 1999] для карельского, [Майтинская 1995] для венгерского, [Коведяева 1976] для лугового марийского, [Коляденков, Цыганов 1949] для эрзянского) идея взаимосвязи выбора стратегии маркирования и семантики глагола подробно не обсуждается (доступны лишь отдельные примеры в разделах про падежи, но сами модели управления и их связь с глагольной семантикой остаются неописанными). Но есть отдельные статьи с релевантной информацией для некоторых языков. Так, работа [Давидюк, Студеникина 2019], посвященная горномарийскому языку, содержит ценные наблюдения относительно послеложного управления в конструкциях со значением точки приложения, аналогичным образом устроенного и в луговом марийском.

Стратегии маркирования «точечных» контактов в **финском** языке представлены в *Таблице 2*.

Таблица 2. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в финском языке

Table 2. Marking strategies of the ‘pinpoint’ contact localizations in Finnish

Класс	Марк.	Глагол	Точка приложения	Всего
Loose	PART	<i>koskettaa</i> ‘трогать’, 12	<i>tupsu</i> ‘кисточка’, 4 <i>silmä</i> ‘глаз’, 2 <i>vaate</i> ‘одежда’, 2 <i>käsi</i> ‘рука’, 1 <i>viitta</i> ‘плащ’, 1 <i>kieli</i> ‘язык’, 1 <i>korva</i> ‘ухо’, 1	13
		<i>suudella</i> ‘целовать’, 1	<i>jalka</i> ‘нога’, 1	
	ILL	<i>koskea</i> ‘касаться’, 1	<i>vaate</i> ‘одежда’, 1	1
Tight	EL	<i>ottaa</i> ‘брать’, 4	<i>käsi</i> ‘рука’, 4	7
		<i>tarttua</i> ‘взять’, 3	<i>käsi</i> ‘рука’, 3	
	ILL	<i>tarttua</i> ‘взять’, 1	<i>käsi</i> ‘рука’, 1	1
	PART	<i>heittäytyä</i> ‘бросаться’, 1	<i>kaula</i> ‘шея’, 1	1

Класс	Марк.	Глагол	Точка приложения	Всего
Deform	ILL	<i>lyödä</i> ‘ударить’, 3	<i>pää</i> ‘голова’, 2 <i>rinta</i> ‘грудь’, 1	3
	ALL	<i>lyödä</i> ‘ударить’, 2	<i>poski</i> ‘щека’, 2	2

Можно сделать вывод, что для финского языка наиболее характерным способом оформления объекта слабого контакта является партитив (3), что типично для многих языков (ср. [Luraghi, Nuomo 2014]), объекта плотного контакта — элатив (4), а объекта деформирующего контакта — две конкурирующие стратегии, иллативная и аллативная (5). Стратегия маркирования контактов, характерная для финского языка, была названа нами **дифференцирующей**, поскольку все три типа контактов маркируются разными падежами:

- (3) *koske-tt-i-∅* *hän-en* *kät-tä-än*
касаться-CAUS-IMPF-3SG он-GEN рука-PART-POSS.3SG
‘коснулся ее руки’ [Мф. 8:15]
- (4) *ott-i-∅* *hän-tä* *käde-stä*
брать-IMPF-3SG он-PART рука-EL
‘взял ее за руку’ [Мк. 1:31]
- (5) а. *lö-i-vät* *Jeesus-ta* <...> *pää-hän*
ударить-IMPF-3PL Иисус-PART голова-ILL
‘ударили Иисуса по голове’ [Мк. 15:19]
- б. *lyö-∅* *sinu-a* *poske-lle*
ударить.PRS-3SG ты-PART щека-ALL
‘ударит тебя по щеке’ [Лк. 6:29]

Встречаются вхождения контекстов с маркированием, отличным от наиболее частотного. Так, наблюдается иллатив у глагола плотного контакта *tarttua* ‘взять’ в ситуации с генитивным посессором (6). Обычно данный глагол управляет элативным дополнением при партитивном посессоре (в данных контекстах мы наблюдаем расщепление посессора), как в (7).

- (6) *tarttu-i-Ø* *tyttö-n* *käte-en*
 взять.IMPf-3SG девочка-GEN рука-ILL
 ‘взял руку девушки’ [Мф. 9:25]
- (7) *tarttu-i-Ø* *poika-a* *käde-stä*
 взять.IMPf-3SG сын-PART рука-EL
 ‘взял юношу за руку’ [Мф. 9:27]

В некоторых случаях глагол *lyödä* ‘ударить’ может управлять не иллативом, а аллативом в контекстах с расщеплением посессора. В роли точки приложения в аллативных контекстах выступает *poski* ‘щека’ (56).

Стратегии маркирования «точечных» контактов в карельском языке приведены в *Таблице 3*.

Таблица 3. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в карельском языке

Table 3. Marking strategies of the ‘pinpoint’ contact localizations in Karelian

Класс	Марк.	Глагол	Точка приложения	Всего
Loose	PART	<i>košettua</i> ‘трогать’, 7	<i>helma</i> ‘подол’, 3 <i>šilmä</i> , ‘глаз’, 2 <i>käsi</i> ‘рука’, 1 <i>kieli</i> ‘язык’, 1	14
		<i>šilitellä</i> ‘гладить’, 1	<i>jalka</i> ‘нога’, 1	
	ILL	<i>košettua</i> ‘трогать’, 6	<i>sviitku</i> ‘платье’, 3 <i>helma</i> ‘подол’, 1 <i>korva</i> ‘ухо’, 1 <i>vuate</i> ‘одежда’, 1	
Tight	EL	<i>ottua</i> ‘взять’, 7	<i>käsi</i> ‘рука’, 7	7
	PART	<i>sevätä</i> ‘обнять’, 1	<i>jalka</i> ‘нога’, 1	1
	ILL	<i>tarttuo</i> ‘схватить’, 1	<i>käsi</i> ‘рука’, 1	1
Deform	PART	<i>lyyvvä</i> ‘бить’, 5	<i>korva</i> ‘ухо’, 2 <i>piä</i> ‘голова’, 2 <i>rinta</i> ‘грудь’, 1	5
	<i>vaššen</i> ‘против’	<i>lyyvvä</i> ‘бить’, 2	<i>näkö</i> ‘лицо’, 2	2

Таким образом, слабые контакты (8) и деформирующие контакты (9) оформляются в основном с помощью партитива (при этом для слабых контактов существует конкурирующая иллативная стратегия маркирования); плотные контакты (10) маркируются с помощью элатива. Перед нами **пациентивно-начальная**¹ стратегия маркирования, конкурирующая с **дифференцирующей**.

(8) *košett-i-Ø* *naise-n* *kät-tä*
 трогать-IMPF-3SG женщина-GEN рука-PART
 ‘коснулся руки женщины’ [Мф. 8:15]

(9) *lyöt-i-h* *Hän-tä* ⟨...⟩ *piä-h*
 бить-IMPF-3PL он-PART голова-ILL
 ‘били Его по голове’ [Мк. 15:19]

(10) *ott-i-Ø* *hän-tä* *kiä-štä*
 брать-IMPF-3SG он-PART рука-EL
 ‘взял ее за руку’ [Мк. 1:31]

Мы наблюдаем похожую ситуацию с расхождениями в маркировании, что и на материале финского языка: встречается маркированная партитивным послелогом *vaššen* ИГ ‘лицо’ при глаголе *lyuvvä* ‘бить’:

(11) *lyöti-h* *näky-ö* *vaššen*
 бить.IMPF-3PL лицо-PART против
 ‘били по лицу’ [Лк. 22:64]

Стратегии маркирования контактных контекстов в **венгерском** языке и статистика для них представлены в *Таблице 4* (в качестве словарной формы глаголы используется основа 3 лица единственного числа).

¹ Здесь и далее, если название стратегии состоит из двух частей, первая из них описывает маркирование, характерное для двух из трех типов контактов, а вторая определяет маркирование оставшегося класса.

Таблица 4. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в венгерском языке

Table 4. Marking strategies of the 'pinpoint' contact localizations in Hungarian

Класс	Марк.	Глагол	Точка приложения	Всего
Loose	ACC	<i>érint</i> 'касаться', 13	<i>ruha</i> 'платье', 4 <i>szegély</i> 'край', 4 <i>szem</i> 'глаз', 2 <i>kéz</i> 'рука', 1 <i>nyelv</i> 'язык', 1 <i>fül</i> 'ухо', 1	14
		<i>csók</i> 'целовать', 1	<i>láb</i> 'стопа', 1	
Tight	ACC	<i>fog</i> 'брать', 6	<i>kéz</i> 'рука', 6	7
		<i>ragad</i> 'хватать', 1	<i>láb</i> 'стопа', 1	
	AD	<i>fog</i> 'брать', 1	<i>kéz</i> 'рука', 1	1
	SUPER	<i>fog</i> 'брать', 1	<i>kéz</i> 'рука', 1	1
	ILL	<i>borul</i> 'припасть', 1	<i>nyak</i> 'шея', 1	1
Deform	ACC	<i>ver</i> 'бить', 2	<i>fej</i> 'голова', 1 <i>mell</i> 'грудь', 1	3
		<i>megüt</i> 'ударить', 1	<i>arc</i> 'лицо', 1	
	ESS.MOD	<i>üt</i> 'бить', 2	<i>arc</i> 'лицо', 2	3
		<i>csapdos</i> 'шлепать', 1	<i>arc</i> 'лицо', 1	
	ALL	<i>ver</i> 'бить', 1	<i>fej</i> 'голова', 1	1

Стратегия маркирования, которую мы наблюдаем в венгерском языке, — аккузатив для слабых (12) и плотных (13) контактов (класс слабых контактов при этом является **гомогенным**, т. е. представлен одной и той же стратегией маркирования во всех найденных контекстах), а также две конкурирующих стратегии, аккузативная (14а) и эссивная (маркирование с помощью особого падежа венгерского языка, образующего наречия, — эссива-модалиса) (14б), для деформирующих контактов. Такая стратегия маркирования была названа **общепациентивной** (в связи с наличием конкурирующей эссивной

стратегии маркирования деформирующих контактов ее также можно считать **пациентивно-депиктивной**):

(12) *meg-érint-ett-e* *a szem-ük-et*
 PERF-касаться-PST-3SG.OBJ DEF глаз-POSS.3PL-ACC
 ‘прикоснулся к их глазам’ [Мф. 20:34]

(13) *meg-fog-t-a* *a kez-é-t*
 PERF-брать-PST-3SG.OBJ DEF рука-POSS.3SG-ACC
 ‘взял ее руку’ [Мк. 1:31]

(14) а. *ver-t-ék* *fej-é-t*
 бить-PST-3PL.OBJ голова-POSS.3SG-ACC
 ‘били по его голове’ [Мк. 15:19]

б. *arc-ul* *üt-Ø*
 лицо-ESS.MOD бить-PRS.3SG
 ‘бьет по лицу’ [Мф. 5:39]

В случае с венгерским сложно объяснить, чем обусловлены единичные вхождения контекстов, маркированных менее частотным падежом (адессив и суперэссив у плотных контактов, аллатив у деформирующих). Связи между наличием или отсутствием посессора, его расщепленностью и выбором стратегии маркирования не обнаружено; зависимость стратегии маркирования от падежа посессора при его наличии также отсутствует.

Обобщение статистики по стратегиям оформления контактных локализаций в **луговом марийском** представлены ниже в *Таблице 5* (с. 211).

В луговом марийском наблюдается следующая ситуация: элативный послелог *гыч* маркирует точку приложения при некоторых глаголах контакта. Аналогичная ситуация описывается в работе [Давидюк, Студеникина 2019], посвященной горномарийскому языку. В ней выдвигается гипотеза о том, что значение точки приложения развивается у элативного показателя из значения электива (‘один из нескольких’) (15), предполагающего, что часть, с которой осуществляется контакт, выбирается как бы из целого множества, обозначенного ИГ

Таблица 5. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в луговом марийском

Table 5. Marking strategies of the ‘pinpoint’ contact localizations in Meadow Mari

Класс	Марк.	Глагол	Точка приложения	Всего
Loose	ACC	тўкалташ ‘тронуть’, 10	вургем ‘одежда’ 2 тўр ‘край’, 2 шинча ‘глаз’, 2 кид ‘рука’, 1 урвалте ‘подол’, 1 пылыш ‘ухо’, 1 йылме ‘язык’, 1	11
			шутишалаш ‘целовать’, 1	
	ILL	тўкнаш ‘коснуться’, 2	вургем ‘одежда’ 2	2
	де-к(е) ‘у-ILL2’	тўкнаш ‘коснуться’, 1	урвалте ‘подол’, 1	1
Tight	гыч ‘EL’	кучаиш ‘взять’, 5	кид ‘рука’, 5	7
		налаиш ‘взять’, 1	кид ‘рука’, 1	
		өндалаиш ‘обнимать’, 1	йол ‘нога’, 1	
	ACC	кучаиш ‘взять’, 2	кид ‘рука’, 2	3
өндалаиш ‘обнимать’, 1		йол ‘нога’, 1		
Deform	гыч ‘EL’	кыраиш ‘бить’, 3	вуй ‘голова’, 2 он ‘грудь’, 1	5
		соваиш ‘дать пощечину’, 2	шўргө ‘лицо’, 2	
	ACC	соваиш ‘дать пощечину’, 1	шўргө ‘лицо’, 1	1

в роли точки приложения, находящейся в позиции прямого объекта, см. [Давидюк, Студеникина 2019: 1].

- (15) *выч тәрелкә гыч ик-ты-жы пыдырг-ен*
 пять тарелка EL одна-FULL-POSS.3SG биться-pret
 ‘из пяти тарелок одна разбилась’ [Давидюк, Студеникина 2019: 4]

Точку приложения также маркирует иллативный послелог *дек(е)*:

- (16) *Туд-ын вургем урвалт-ыж де-ке тўкн-аш*
 он-GEN одежда подол-POSS.3SG у-ILL2 касаться-INF
 ‘коснуться края его одежды’ [Мк. 6:56]

Перечень контекстов, в которых встречаются вышеупомянутые послелого, доступен в [Студеникина, рукопись: 11–15]. Послелог *гыч*, как и горномарийский *гьич*, маркирует начальную точку. Послелог *дек(е)*, в свою очередь, маркирует конечную точку и имеет форму непродуктивного иллатива (что обозначается цифрой «2» в глоссе).

При этом стратегия маркирования с послелогом *гыч* оказывается основной для плотного (17) и деформирующего (18) типа контактов. Для слабых контактов, как и в венгерском языке, характерно аккумулятивное маркирование (19). Такая стратегия описывается нами как **исходно-пациентивная**, учитывая семантику послелога *гыч*:

- (17) *кид-ше гыч куч-ен-Ø*
 рука-POSS.3SG EL взять-PST-3SG
 ‘взял за руку’ [Мф. 9:25]
- (18) *вуй-жо гыч кыр-ен-ыт*
 голова-POSS.3SG EL бить-PST-3PL
 ‘били по его голове’ [Мф. 27:30]
- (19) *туд-ын кид-ш-ым тўкалт-ен-Ø*
 она-GEN рука-POSS.3SG-ACC тронуть-PST-3SG
 ‘коснулся ее руки’ [Мф. 8:15]

Единственное вхождение аккумулятива при предикате деформирующего класса — это стих [Мф. 5:39]:

- (20) *тый-ын пурла шўрг-ет-ым сов-а*
 ты-GEN правый лицо-POSS.2SG-ACC дать_пощечину-NPST.3SG
 ‘ударит по твоей правой щеке’ [Мф. 5:39]

Анализ контекстов для **эзьянского** языка представлен в *Таблице 6*.

Таблица 6. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в эрзянском языке

Table 6. Marking strategies of the 'pinpoint' contact localizations in Erzya

Класс	Марк.	Глагол	Точка приложения	Всего
Loose	GEN	<i>токамс</i> 'тронуть', 10	<i>оршамо</i> 'одежда', 3 <i>сельме</i> 'глаз', 2 <i>цёко</i> 'кисточка', 2 <i>кедь</i> 'рука', 1 <i>кель</i> 'язык', 1 <i>пиле</i> 'ухо', 1	11
		<i>палсемс</i> 'расцеловать', 1	<i>пильге</i> 'нога', 1	
	ILL	<i>токамс</i> 'тронуть', 3	<i>цёко</i> 'кисточка', 2 <i>оршамо</i> 'одежда', 1	3
Tight	ABL	<i>саемс</i> 'взять', 8	<i>кедь</i> 'рука', 8	8
	GEN	<i>кутмордамс</i> 'обнять', 1	<i>пильге</i> 'нога', 1	1
Deform	<i>ланга</i> 'верх.PROL'	<i>чавомс</i> 'бить', 4	<i>пря</i> 'голова', 2 <i>чама</i> 'щека', 2	7
		<i>риштямс</i> 'ударить', 2	<i>чамаумарь</i> 'щека', 2	
		<i>вачкодемс</i> 'ударить', 1	<i>чама</i> 'щека', 1	
	ILL	<i>вачкодемс</i> 'ударить', 1	<i>меште</i> 'грудь', 1	1

В эрзянском языке встретилось несколько контекстов с реляционным существительным *ланга* 'верх, поверхность' в форме пролатива, а одним из наиболее часто встречающихся падежей является генитив, способный маркировать прямое дополнение.

Генитив оформляет бóльшую часть контекстов со слабыми контактами (21), для плотных контактов характерно аблативное маркирование (22), а для деформирующих — конструкция с реляционным именем *ланга* (23). Перед нами, как и в случае с финским, **дифференцирующая** стратегия маркирования контактных локализаций:

- (21) *ток-изе* *ава-нтъ* *кед-ензэ*
касаться-PST.3SG.O.3SG.S женщина-DEF.SG.GEN рука-POSS.3SG.GEN
'коснулся руки женщины' [Мф. 8:15]
- (22) *са-изе* *сонзэ* *кед-те*
взять-PST.3SG.O.3SG.S она.GEN рука-ABL
'взял ее руку' [Мк. 1:31]
- (23) *вачкод-изе* *Сонзэ* *чама* *ланга*
ударить-PST.3SG.O.3SG.S он.GEN щека верх.PROL
'ударил Его по щеке' [Ин. 18:22]

Некоторые рассмотренные эрзянские конструкции могут включать в себя расщепление посессора — можно предположить, что в примерах типа (24) с иллативной ИГ при предикате слабого контакта *токамс* 'тронуть' генитив на местоимении *сонзэ* 'он(а).GEN' маркирует прямое дополнение, а не обладателя.

- (24) *тока-в-ан* *куш* *Сонзэ* *оршамо-с*
касаться-PASS-NPST.1SG хоть он.GEN одежда-ILL
'только прикоснусь к одежде его' [Мф. 9:21]

Для рассмотренных уральских языков мы наблюдаем однозначную зависимость в отношении маркирования тех контактов, которые мы отнесли к классу слабых: для них характерно маркирование, типичное для прямых объектов (аккузатив, партитив, генитив). Для деформирующих контактов в финском и карельском оказывается актуальной направленность действия, что выражается в иллативном падежном маркировании соответствующих контекстов. В луговом марийском используется элативный послелог. Единообразия не наблюдается в маркировании класса плотных контактов: каждый язык выбирает свою индивидуальную стратегию, в основном присутствуют показатели исходной точки — аблатив и элатив. Использование элативных показателей при контактных глаголах нетривиально (значение точки приложения отчасти противоположно базовому значению элатива 'движение, направленное из вместилища наружу'), как уже было отмечено выше, например, для горномарийского; тем

не менее ниже мы обнаружим аналогичную тенденцию для алтайских языков: основной стратегией маркирования плотных контактов в них является аблатив. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в уральских языках резюмированы в *Таблице 7*.

Таблица 7. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в уральских языках

Table 7. Marking strategies for ‘pinpoint’ contact localizations in Uralic languages

Язык	Слабый	Плотный	Деформирующий
финский	PART (13/14)	EL (7/9)	ILL (3/5), ALL (2/5)
карельский	PART (8/14)	PART (9/10)	PART (5/7)
венгерский	ACC (14/14)	ACC (7/10)	ACC (3/8), ESS (3/8)
луговой марийский	ACC (11/14)	гыч ‘EL’ (7/10)	гыч ‘EL’ (5/6)
эрзянский	GEN (11/14)	ABL (8/10)	ланга ‘ВЕРХ.PROL’ (7/8)

4. Стратегии маркирования в алтайских языках

В грамматиках анализируемых алтайских языков ([Гузев 2015] для турецкого, [Филоненко 1940] для балкарского, [Сай 2009] для калмыцкого, [Данилова и др. 2004] для якутского, [Павлов 2017] для чувашского), как и в случае с уральскими, содержатся лишь отдельные комментарии относительно функции падежей. Так, в [Гузев 2015: 52] обсуждаются направительные функции дательного падежа в турецком языке, но нет подробной информации о моделях управления глаголов с контактной семантикой.

Обобщения относительно стратегий маркирования в **турецком** языке представлены в *Таблице 8* (с. 216).

В турецком языке мы наблюдаем единообразие стратегий маркирования — слабые и плотные контакты в основном требуют от ИГ со значением точки приложения дательного падежа (25) (это связано

Таблица 8. Стратегии маркирования «точных» контактных локализаций в турецком языке

Table 8. Marking strategies of the ‘pinpoint’ contact localizations in Turkish

Класс	Марк.	Глагол	Точка приложения	Всего
Loose	DAT	<i>dokunmak</i> ‘трогать’, 13	<i>etek</i> ‘юбка’, 4 <i>giyim</i> ‘одежда’, 4 <i>göz</i> ‘глаз’, 2 <i>el</i> ‘рука’, 1 <i>dil</i> ‘язык’, 1 <i>kulak</i> ‘ухо’, 1	13
	ACC	<i>öpmek</i> ‘целовать’, 1	<i>ayak</i> ‘стопа’, 1	1
Tight	ABL	<i>tutmak</i> ‘взять’, 4	<i>el</i> ‘рука’, 4	5
		<i>kavramak</i> ‘схватить’, 1	<i>el</i> ‘рука’, 1	
	ACC	<i>tutmak</i> ‘взять’, 3	<i>el</i> ‘рука’, 3	3
	DAT	<i>sarılmak</i> ‘ухватиться’, 2	<i>ayak</i> ‘стопа’, 1 <i>boyun</i> ‘шея’, 1	2
Deform	DAT	<i>vurmak</i> ‘ударить’, 2	<i>baş</i> ‘голова’, 1 <i>yanak</i> ‘стопа’, 1	4
		<i>tokat atmak</i> ‘дать пощечину’, 1	<i>yanak</i> ‘щека’, 1	
		<i>vuldumak</i> ‘ударять’, 1	<i>baş</i> ‘голова’, 1	
	ACC	<i>dövmek</i> ‘бить’, 1	<i>göğüs</i> ‘голова’, 1	1

с его направительными функциями, согласно [Гузев 2015: 52]). Основная стратегия для плотного контакта — аблативная (26а), а конкурирующая — аккузативная (26б) (расхождение между дативной и основной аблативной стратегией составляет 3 контекста: это не является статистически значимой разницей, но мы не будем считать данные стратегии конкурирующими). Общая стратегия, характерная для маркирования контактов в турецком языке, — **местно-исходная**:

- (25) *el-in-e* *dokun-unca*
рука-POSS.3SG-DAT трогать-CVB
‘коснувшись ее руки’ [Мф. 8:15]

- (26) а. *el-in-den* *tut-up*
рука-POSS.3SG-ABL взять-CVB
‘взяв ее за руку’ [Мк. 1:31]
- б. *çocuğ-un* *el-in-i* *tut-arak*
ребенок-GEN рука-POSS.3SG-ACC взять-CVB
‘взяв руку девочки’ [Мк. 5:41]

Расхождения в маркировании точки приложения при предикате плотного контакта *tutmak* ‘взять’ может быть связано с разной реализацией посессора. При аккумулятивном маркировании точки приложения мы наблюдаем конструкцию с внутренним посессором и, как следствие, двойное маркирование (генитив на посессоре и показатель посессивности на обладаемом) (26б), (27), при аблативном — конструкцию с расщепленным посессором (28) или отсутствие лексически выраженного посессора (26а).

- (27) *kız-in* *el-in-i* *tut-tu-∅*
девушка-GEN рука-POSS.3SG-ACC взять-PRET-3SG
‘взял руку девушки’ [Мф. 9:25]
- (28) *genc-i* *el-in-den* *tut-up*
молодой-ACC рука-POSS.3SG-ABL взять-CVB
‘взяв юношу за руку’ [Деян. 1:31]

Анализ контекстов для **балкарского** языка представлен в *Таблице 9* (с. 218).

Для слабых и деформирующих контактов основной стратегией маркирования контактных локализаций, как и в турецком языке, является датив (29)–(30), а для плотных контактов выбирается аблативное оформление соответствующей ИГ (31). Класс слабых контактов при этом является гомогенным. Аналогичную стратегию мы наблюдаем в турецком языке, она описывается нами как **местно-исходная**.

- (29) *ала-ны* *кёз-лер-и-не* *тий-ди*
они-GEN глаз-PL-POSS.3-DAT трогать-PST
‘прикоснулся к их глазам’ [Мф. 20:34]

(30) *Исса-ны жаягъ-ы-на ур-ду*
 Иисус-GEN щека-POSS.3-DAT бить-PST
 ‘ударил Иисуса по щеке’ [Ин. 18:22]

(31) *къол-у-ндан тут-уп*
 рука-POSS.3-ABL взять-CVB
 ‘взяв ее руку’ [Мк. 1:31]

Таблица 9. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в балкарском языке

Table 9. Marking strategies of the ‘pinpoint’ contact localizations in Balkar

Класс	Марк.	Глагол	Точка приложения	Всего
Loose	DAT	<i>тиерге</i> ‘трогать’, 13	<i>къыйыр</i> ‘край’, 4 <i>кийим</i> ‘одежда’, 4 <i>кёз</i> ‘глаз’, 2 <i>къол</i> ‘рука’, 1 <i>тил</i> ‘язык’, 1 <i>къулакъ</i> ‘ухо’, 1	14
		<i>упна этерге</i> ‘целовать’, 1	<i>аякъ</i> ‘нога’, 1	
Tight	ABL	<i>тутаргъа</i> ‘братъ’, 8	<i>къол</i> ‘рука’, 8	8
	DAT	<i>джабышыргъа</i> ‘прилипнуть’, 1	<i>аякъ</i> ‘нога’, 1	1
Deform	DAT	<i>урургъа</i> ‘бить’, 7	<i>жаякъ</i> ‘щека’, 4 <i>баи</i> ‘голова’, 2 <i>бет</i> ‘лицо’, 1	7
	ACC	<i>тюрерге</i> ‘бить’, 1	<i>кёкюрек</i> ‘грудь’, 1	1

Общая стратегия маркирования слабых и деформирующих контактов не вполне вписывается в идею о континууме, ведь объединение не граничащих друг с другом классов нарушает важный принцип семантического картирования — принцип смежности: «Любые два значения на семантической карте кодируются одним и тем же грамматическим средством тогда и только тогда, когда это же средство кодирует все значения, расположенные между ними» ([Татево-сов 2004: 5]). В таком случае сложно описать причины выделения

промежуточных звеньев. Особенное маркирование точки приложения при предикатах плотного контакта может быть связано с направительной семантикой глаголов этой группы. В отличие от глаголов слабого и деформирующего контакта, глаголы вроде ‘брать’, ‘взять’, ‘хватать’ и др. могут описывать двунаправленное движение (как в примере (32), где после непосредственного контакта происходит еще и изменение положения посессора в пространстве):

(32) Иисус, взяв его за руку, поднял его. [Мк. 9:27]

В **калмыцком** языке так же, как в финском и эрзянском, наблюдаются различные виды оформления точки приложения в зависимости от типа контакта, что показано в *Таблице 10*.

Таблица 10. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в калмыцком языке

Table 10. Marking strategies of the ‘pinpoint’ contact localizations in Kalmyk

Класс	Марк.	Глагол	Точка приложения	Всего
Loose	DAT	<i>һар кұрх</i> ‘тронуть’, 12	<i>хорма</i> ‘подол’, 3 <i>хувцн</i> ‘одежда’, 3 <i>һудн</i> ‘глаз’, 2 <i>һар</i> ‘рука’, 1 <i>келн</i> ‘язык’, 1 <i>чикн</i> ‘ухо’, 1 <i>көл</i> ‘нога’, 1	13
			<i>кұрх</i> ‘тронуть’, 1	
	ACC	<i>умсх</i> ‘целовать’, 1	<i>көл</i> ‘нога’, 1	1
Tight	ABL	<i>авх</i> ‘хватать’, 4	<i>һар</i> ‘рука’, 4	7
		<i>көтлх</i> ‘вести’, 2	<i>һар</i> ‘рука’, 1	
		<i>татх</i> ‘тянуть’, 1	<i>һар</i> ‘рука’, 1	
	ACC	<i>авх</i> ‘хватать’, 2	<i>һар</i> ‘рука’, 2	2
	DAT	<i>теврх</i> ‘обнять’, 1	<i>күзүн</i> ‘рука’, 1	1
Deform	INS	<i>таиш</i> ‘хлопать’, 3	<i>халх</i> ‘щека’, 3	5
		<i>цокх</i> ‘ударить’, 2	<i>толһа</i> ‘голова’, 2	
	ACC	<i>цокх</i> ‘ударить’, 2	<i>толһа</i> ‘голова’, 1 <i>өрчән</i> ‘грудь’, 1	2

Для класса слабых контактов основной стратегией маркирования является датив (33), для класса плотных — аблатив (34), а среди контекстов с деформирующим типом контактов в качестве падежного маркера контактной локализации, как правило, выступает инструменталис (35). Таким образом, в калмыцком языке наблюдается стратегия, названная нами **дифференцирующей**:

- (33) *нүд-н-д-нь* *⟨...⟩* *күрг-в*
 глаз-EXT-DAT-POSS.3 тронуть-PST
 ‘коснулся их глаз’ [Мф. 20:34]
- (34) *эмг-иг* *һар-ас-нь* *ав-ад*
 старуха-ACC рука-AVL-POSS.3 хватать-CVB
 ‘схватил старуху за руку’ [Мк. 1:31]
- (35) *халх-ар-чнь* *таиш-ла*
 щека-INSTR-POSS.2SG хлопать-REM
 ‘ударит по твоей щеке’ [Мф. 5:39]

В работе [Холодилова 2009: 86] есть таблица с информацией о распределении аблативного и инструментального маркирования точек приложения контактных глаголов и допустимостью конструкций с расщепленным посессором при каждом из анализируемых предикатов. Эти данные во многом совпадают с результатами настоящего исследования: предикаты плотного контакта (например, *tevər-* ‘обнимать’, ‘обхватывать’, *av-* ‘брат’, *bär-* ‘держат’, *sornсэ-* ‘притянуть’) избирают аблативную стратегию, а предикаты деформирующего контакта (например, *сokэ-* ‘бить’ и *iškəl-* ‘лягать’) — инструментальную.

Нас, в частности, интересовало, влияет ли контактная семантика глагола на выбор стратегии маркирования точки приложения. На основе данных калмыцкого языка можно сделать вывод, что изучаемый признак (контактная семантика предиката) является релевантным при выборе падежного маркирования точки приложения (мы наблюдаем дифференцирующую стратегию), однако в работе [Холодилова 2009: 90] приводится анализ более объемной выборки контактных глаголов и делается следующий вывод: «Способ оформления обладаемого ⟨...⟩ не является свойством глагольной лексики, а определяется характером обозначаемой

ситуации (который часто, но не всегда зависит от глагола)». Это указывает на необходимость расширения изучаемых контекстов и увеличения количества рассматриваемых контактных предикатов каждого типа.

Аккузативное маркирование точки приложения при предикате плотного контакта *авх* ‘хватать’ сопровождается наличием притяжательного местоимения или генитивной ИГ в роли посессора (36). В случае с аблативным маркированием точки приложения мы наблюдаем расщепление посессора (37).

(36) *терү-нэ* *һар-и-нь* *авх-ла*
она-GEN рука-ACC-POSS. хватать-REM
‘схватил ее руку’ [Мф. 8:15]

(37) *эмг-иг* *һар-ас-нь* *ав-ад*
старуха-ACC рука-ABL-POSS.3 хватать-CVB
‘схватил старуху за руку’ [Мк. 1:31]

Аккузативное маркирование точки приложения при предикате деформирующего контакта *цокх* ‘ударить’ подразумевает отсутствие лексически выраженного посессора:

(38) *өрч-эн* *цок-ад*
грудь-REFL.ACC ударить-CVB
‘ударяя себя в грудь’ [Лк. 18:13]

Статистические обобщения для **якутского** языка представлены в *Таблице 11*.

В якутском языке все три типа контактов маркируются различными падежами, класс слабых контактов при этом оказывается гомогенным. Основной падеж, маркирующий слабый контакт, — аккузатив (39). Для плотных контактов характерна элативная стратегия (40), а для деформирующих — дативная (41). Таким образом, мы наблюдаем **дифференцирующую** стратегию маркирования «точечных» контактных локализаций:

(39) *кيني-лэр* *харах-тары-н* *таарый-ан*
он-PL глаз-POSS.3PL-ACC прикасаться-CVB
‘коснувшись их глаз’ [Мф. 9:29]

- (40) *кيني-ни илии-ти-ттэн ыл-ан*
она-GEN рука-POSS.3[SG]-EL взять-СВВ
'взяв ее руку' [Мк. 1:31]
- (41) *төбө-бө охсуолаа-быт-тара*
голова-DAT/LOC удариться-PQP-POSS.3PL
'били по голове' [Мк. 15:19]

Таблица 11. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в якутском языке

Table 11. Marking strategies of the 'pinpoint' contact localizations in Yakut

Класс	Марк.	Глаголы	Точка приложения	Всего
Loose	ACC	<i>таарый-</i> 'прикасаться', 13	<i>тэллэх</i> 'подол', 4 <i>танас</i> 'одежда', 4 <i>харах</i> 'глаз', 2 <i>илии</i> 'рука', 1 <i>тыл</i> 'язык', 1 <i>кулгаах</i> 'ухо', 1	14
		<i>уураа-</i> 'целовать', 1	<i>атах</i> 'нога', 1	
Tight	EL	<i>ыл-</i> 'взять', 4	<i>илии</i> 'рука', 4	7
		<i>кууһан ыл-</i> 'обнять', 1	<i>моой</i> 'шея', 1	
		<i>тарт-</i> 'тянуть', 1	<i>илии</i> 'рука', 1	
		<i>тут-</i> 'хватать / держать', 1	<i>илии</i> 'рука', 1	
	ACC	<i>куус-</i> 'обнять', 1	<i>атах</i> 'нога', 1	1
Deform	DAT	<i>охсулун-</i> 'удариться', 6	<i>сирэй</i> 'лицо', 3 <i>төбө</i> 'голова', 2 <i>иэдэс</i> 'щека', 1	7
		<i>оһус-</i> 'бить', 1	<i>иэдэс</i> 'щека', 1	
	ACC	<i>кырбаа-</i> 'бить', 1	<i>түөс</i> 'грудь', 1	1

Чувашский язык демонстрирует гомогенное маркирование для всех трех типов контактов, что видно из *Таблицы 12*.

Таблица 12. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в чувашском языке

Table 12. Marking strategies of the ‘pinpoint’ contact localizations in Chuvash

Класс	Марк.	Глаголы	Точка приложения	Всего
Loose	ОВЈ	<i>сёртён</i> ‘прикасаться’, 13	<i>аркă</i> ‘подол’, 4 <i>тумтир</i> ‘одежда’, 4 <i>куç</i> ‘глаз’, 2 <i>алă</i> ‘рука’, 1 <i>чĕлхе</i> ‘язык’, 1 <i>чикн</i> ‘ухо’, 1	13
Tight	АВЛ	<i>тыт</i> ‘хватать’, 7	<i>алă</i> ‘рука’, 6 <i>ура</i> ‘нога’, 1	9
		<i>çавăт</i> ‘вести’, 1	<i>алă</i> ‘рука’, 1	
		<i>хур</i> ‘положить’, 1	<i>алă</i> ‘рука’, 1	
Deform	АВЛ	<i>çунса яр</i> ‘ударить’, 5	<i>пит</i> ‘лицо’, 3 <i>ен</i> ‘край’, 2	7
		<i>çап</i> ‘бить’, 2	<i>пуç</i> ‘голова’, 2	

Для слабых контактов характерно маркирование падежом прямого дополнения (42), в грамматиках называемым дативом-аккузативом или дательным-винительным падежом [Павлов 2017: 68]. Плотные и деформирующие контакты маркируются аблативом (43)–(44). Такая стратегия получила название **исходно-пациентивной**:

- (42) *хĕрарăм-ăн ал-ин-е сёртён-нĕ*
женщина-GEN рука-POSS.3SG-ОВЈ прикоснуться-PTCP
‘коснувшись руки женщины’ [Мф. 8:15]
- (43) *ал-ин-чен тыт-нă*
рука-POSS.3SG-АВЛ хватать-PTCP
‘взяв за руку’ [Мф. 9:25]
- (44) *хăвн-а сылтăм ен-чен çун-са*
ты_сам-ОВЈ правый край-POSS.3SG-АВЛ хлопнуть-СВВ
яр-акан-а
пускать-PTCP.PRS-ОВЈ
‘ударяющему тебя по правой щеке’ [Мф. 5:39]

Исходя из описанных выше закономерностей падежного маркирования разных типов контактов в алтайских языках, можно заключить, что для слабых контактов характерно дативное маркирование (это демонстрируют все языки, кроме якутского, где данный тип контактов маркируется аккумулятивом), а для плотных — аблативное (в турецком языке данная стратегия конкурирует с аккумулятивной). Единообразие не наблюдается в классе деформирующих контактов, где три из пяти языков демонстрируют дативную стратегию маркирования (балкарский, турецкий и якутский), а два других — либо аблативную (чувашский), либо конкурирующие друг с другом аккумулятивную и инструментальную (калмыцкий). Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в алтайских языках представлены в *Таблице 13*.

Таблица 13. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в алтайских языках

Table 13. Marking strategies for ‘pinpoint’ contact localizations in Altaic languages

Язык	Слабый	Плотный	Деформирующий
турецкий	DAT (13/14)	ABL (5/10), ACC (3/10)	DAT (4/5)
балкарский	DAT (14/14)	ABL (8/9)	DAT (7/8)
калмыцкий	DAT (13/14)	EL (7/10)	INSTR (5/7)
якутский	ACC (14/14)	ABL (7/8)	DAT (7/8)
чувашский	ОВЛ (13/13)	ABL (9/9)	ABL (7/7)

5. Выводы

На материале корпуса переводов Нового Завета мы рассмотрели конструкции с глаголами контакта в пяти уральских (финский, венгерский, эрзянский, луговой марийский, карельский) и пяти алтайских языках (турецкий, калмыцкий, якутский, чувашский, балкарский) и обсудили, влияет ли степень интенсивности контакта

на выбор стратегии маркирования. Разработанный терминологический аппарат (наименование стратегий маркирования в соответствии с семантическими ролями, закрепленными за отдельными падежами / адлогами) может использоваться для дальнейшего типологического описания семантической зоны контакта. Проанализировав собранные данные, можно сделать вывод о достоверности выдвинутой гипотезы о существовании контактного континуума. Тем не менее данное семантическое свойство контактных глаголов не всегда проявляется в полной мере и не во всех случаях оказывает влияние на выбор падежного маркирования точки приложения.

В некоторых языках (финский, мордовский, калмыцкий, якутский) мы наблюдаем дифференцирующие стратегии маркирования, демонстрирующие однозначное грамматическое и семантическое различие между глаголами всех трех классов (их управление различается: это может говорить о том, что оно мотивировано характером действия, то есть особенностями контактной семантики).

В группе языков, где падежное маркирование совпадает в двух из трех типов контекстов (карельский, чувашский, балкарский), имеет смысл говорить лишь о частичном выделении рассматриваемого признака, основанного на степени интенсивности контакта (при этом в карельском мы наблюдаем конкурирующую дифференцирующую стратегию маркирования). В случае противопоставления двух соседних типов какому-либо крайнему, выделение соответствующего признака кажется более релевантным (учитывая принцип семантического картирования), чем в случае совпадения слабого и деформирующего типов. Так, в чувашском — слабые противопоставлены плотным и деформирующим; в балкарском и карельском наблюдается нетривиальная ситуация, где общим падежным маркированием объединены слабые и деформирующие контакты, а в контекстах с плотными контактами избирается индивидуальная стратегия.

Для тех языков, где все три глагольных класса маркируются одинаково (в нашем случае это венгерский, но даже в нем мы наблюдаем конкурирующие стратегии маркирования плотных контактов, что позволяет нам отнести данный язык ко второй группе и считать изучаемый признак частично выделяемым), выделенный

грамматико-семантический признак контактных глаголов оказывается нерелевантным.

Приложение

Контактные контексты, отобранные на материале русского языка (Синодальный перевод)

1	Мф. 5:39	А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую <...>
2	Мф. 8:15	<...> И коснулся руки ее, и горячка оставила ее; и она встала и служила им.
3	Мф. 9:20	И вот, женщина, двенадцать лет страдавшая кровотечением, подойдя сзади, прикоснулась к краю одежды Его <...>
4	Мф. 9:21	<...> Ибо она говорила сама в себе: если только прикоснусь к одежде Его, выздоровею.
5	Мф. 9:25	Когда же народ был выслан, Он, войдя, взял ее за руку , и девица встала.
6	Мф. 9:29	Тогда Он коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам.
7	Мф. 14:36	<...> И просили Его, чтобы только прикоснуться к краю одежды Его; и которые прикасались, исцелялись.
8	Мф. 20:34	Иисус же, умилосердившись, прикоснулся к глазам их; и тотчас прозрели глаза их, и они пошли за Ним.
9	Мф. 27:30	<...> И плевали на Него и, взяв трость, били Его по голове .
10	Мф. 28:9	Когда же шли они возвестить ученикам Его, и се Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему.
11	Мк. 1:31	Подойдя, Он поднял ее, взяв ее за руку ; и горячка тотчас оставила ее, и она стала служить им.
12	Мк. 5:27	<...> Услышав об Иисусе, подошла сзади в народе и прикоснулась к одежде Его <...>

13	Мк. 5:28	⟨...⟩ Ибо говорила: если хотя к одежде Его прикоснусь , то выздоровею.
14	Мк. 5:30	В то же время Иисус, почувствовав Сам в Себе, что вышла из Него сила, обратился в народе и сказал: кто прикоснулся к Моей одежде?
15	Мк. 5:41	И, взяв девицу за руку , говорит ей: «талифа куми», что значит: девица, тебе говорю, встань.
16	Мк. 6:56	И куда ни приходил Он, в селения ли, в города ли, в деревни ли, клали больных на открытых местах и просили Его, чтобы им прикоснуться хотя к краю одежды Его; и которые прикасались к Нему, исцелялись.
17	Мк. 7:37	⟨Иисус⟩, отведя его в сторону от народа, вложил персты Свои в уши ему и, плюнув, коснулся языка его ⟨...⟩
18	Мк. 8:23	Он, взяв слепого за руку , вывел его вон из селения и, плюнув ему на глаза, возложил на него руки и спросил его: видит ли что?
19	Мк. 9:27	Но Иисус, взяв его за руку , поднял его; и он встал.
20	Мк. 14:65	И некоторые начали плевать на Него и, закрывая Ему лице, ударять Его и говорить Ему: прореки. И слуги били Его по ланитам .
21	Мк. 15:19	И били Его по голове тростью, и плевали на Него, и, становясь на колени, кланялись Ему.
22	Лк. 6:29	Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку.
23	Лк. 7:45	⟨...⟩ Ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги ⟨...⟩
24	Лк. 8:44	⟨...⟩ Подойдя сзади, коснулась края одежды Его; и тотчас течение крови у ней остановилось.
25	Лк. 8:54	Он же, выслав всех вон и взяв ее за руку , возгласил: девица! встань.
26	Лк. 15:20	Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его.

27	Лк. 18:13	Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударя себя в грудь , говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику!
28	Лк. 22:51	Тогда Иисус сказал: оставьте, довольно. И, коснувшись уха его, исцелил его.
29	Лк. 22:64	⟨...⟩ И, закрыв Его, ударяли Его по лицу и спрашивали Его: прореки, кто ударил Тебя?
30	Ин. 18:22	Когда Он сказал это, один из служителей, стоявший близко, ударил Иисуса по щеке , сказав: так отвечаешь Ты первосвященнику?
31	Деян. 3:7	И, взяв его за правую руку , поднял; и вдруг укрепились его ступни и колени ⟨...⟩
32	Деян. 23:19	Тысяченачальник, взяв его за руку и отойдя с ним в сторону, спрашивал: что такое имеешь ты сказать мне?

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; AVL — аблатив; ACC — аккузатив; AD — адессив; ALL — аллатив; CVB — деепричастие; DAT — датив; OBJ — датив-аккузатив; DEF — определенный артикль; EVD — косвенная засвидетельствованность; EL — элатив; ESS — эссив; EXT — неустойчивое *n*; FULL — полная форма; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMPF — имперфект; INF — инфинитив; INS — инструменталис; NOM — номинатив; POSS — посессивность; PART — партитив; PL — множественное число; PQP — плюсквамперфект; PROL — пролатив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; REM — отдаленное прошедшее время; SG — единственное число; SUPER — суперэссив.

Литература

- Ганенков 2005 — Д. С. Ганенков. «Контактные» локализации в нахско-дагестанских языках // Вопросы языкознания. 2005. № 3. С. 100–116.
- Гузев 2015 — В. Г. Гузев. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2015.

- Давидюк, Студеникина 2019 — Т. И. Давидюк, К. А. Студеникина. Элативный показатель и значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ в горномарийском языке // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019. Т. 15. Ч. 2. С. 60–85. DOI: 10.30842/alp2306573715203.
- Данилова и др. 2004 — Н. И. Данилова, Н. И. Попова, Н. Н. Ефремов. Курс якутской грамматики. Система грамматических категорий и синтаксических конструкций. Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2004.
- Елисеев 1993 — Ю. С. Елисеев. Финский язык // В. Н. Ярцева (ред.) *Языки мира. Уральские языки*. М.: Наука, 1993. С. 90–115.
- Зайков 1999 — П. М. Зайков. Грамматика карельского языка: фонетика и морфология. Петрозаводск: Периодика, 1999.
- Коведяева 1976 — Е. И. Коведяева. Марийский язык // В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, Р. Карой (ред.). *Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки*. М.: Наука, 1976. С. 3–96.
- Коляденков, Цыганов 1949 — М. Н. Коляденков, Н. Ф. Цыганов. Эрзянско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949.
- Майтинская 1995 — К. Е. Майтинская. Венгерский язык. Ч. 1. Введение. Фонетика. Морфология. М.: Издательство Академии наук СССР, 1995.
- Павлов 2017 — И. П. Павлов. Современный чувашский язык: монография: в 2 т. Т. 2: Морфология. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2017.
- Плунгян, настоящий сборник — В. А. Плунгян. Параллельный корпус как грамматическая база данных и Новый Завет как параллельный корпус (предисловие) // *Настоящий сборник*.
- Сай 2009 — С. С. Сай. Грамматический очерк калмыцкого языка // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2009. Т. V. Ч. 2. С. 622–709.
- Сай 2018 — С. С. Сай (ред.). Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. СПб.: ИЛИ РАН, 2018.
- Студеникина 2023 — К. А. Студеникина. Валентностные классы двухместных предикатов. Е. В. Кашкин (отв. ред.), М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова (ред.). *Элементы горномарийского языка в типологическом освещении*. М.: Буки Веди, 2023. С. 478–494.
- Татевосов 2004 — С. Г. Татевосов. Семантическое картирование: метод и теория // *Вестник Московского университета*. Сер. 9: Филология. 2004. № 1. С. 27–42.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: Издательство РГГУ, 2001.

- Филоненко 1940 — В. И. Филоненко. Грамматика балкарского языка: фонетика и морфология. М.: Кабардино-балкарское государственное издательство, 1940.
- Холодилова 2009 — М. А. Холодилова. Конструкция с периферийным обладаемым в калмыцком языке // Acta Linguistica Petropolitana. 2009. Т. V. Ч. 2. С. 76–93.
- Comrie, Malchukov 2015 — B. Comrie, A. Malchukov. Valency classes in the world's languages. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2015. DOI: 10.1515/9783110338812.
- Dahl, Wälchli 2016 — Ö. Dahl, B. Wälchli. Perfects and iamitives: two gram types in one grammatical space // Letras de Hoje. 2016. Vol. 51. № 3. P. 325–348. DOI: 10.15448/1984-7726.2016.3.25454.
- Hartmann et al. 2013 — I. Hartmann, M. Haspelmath, B. Taylor (eds.). Valency Patterns Leipzig online database. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. URL: <http://valpal.info> (дата обращения: 30.05.2022).
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. From space to time: Temporal adverbials in the world's languages. Munich: Lincom Europa, 1997.
- Levin 2012 — B. Levin. Slap, give a slap, slap a slap: Crosslinguistic diversity in hitting events description. Paper presented at Tenth Biennial Conference of the High Desert Linguistics Society. University of New Mexico, Albuquerque, NM, November 1–3, 2012.
- Luraghi, Huumo 2014 — S. Luraghi, T. Huumo (eds.). Partitive Cases and Related Categories. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.

Источники

- ФПБ — Kirikko Raamattu (Библия на финском языке) YouVersion (электронный ресурс). URL: <https://www.bible.com/am/bible/330/MAT.1.FB92> (дата обращения: 19.08.2021).
- КарПБ — Biblia vienankarjalaksi (Библия на карельском языке). Институт перевода Библии (электронный ресурс). URL: http://finugorbib.com/bible/viena/40_Mat01_na.html (дата обращения: 19.08.2021).
- ЭПБ — Библия эрзяк (Библия на эрзянском языке). Институт перевода Библии (электронный ресурс). URL: http://finugorbib.com/bible/erzya/40_Mat01_na.html (дата обращения: 19.08.2021).
- МБП — Библия марла (Библия на луговом марийском языке). Институт перевода Библии (электронный ресурс). URL: http://finugorbib.com/bible/meadow_mari/40_Mat01_na.html (дата обращения: 20.08.2021).

- ВПБ — Biblia magyarul (Библия на венгерском языке). Библия Онлайн (электронный ресурс). URL: <https://www.online-biblia.ro/bible> (дата обращения: 20.08.2021).
- ТПБ — Biblia türk dili (Библия на турецком языке). Библия Онлайн (электронный ресурс). URL: <https://only.bible/bible/tur/> (дата обращения: 21.08.2021).
- БПБ — Библия малкъар тил (Библия на балкарском языке). Институт перевода Библии (электронный ресурс). URL: <https://ibt.org.ru/ru/media?id=BLK> (дата обращения: 21.08.2021).
- ЯПБ — Библия саха тыла (Библия на якутском языке). Институт перевода Библии (электронный ресурс). URL: <https://ibt.org.ru/ru/media?id=YKT> (дата обращения: 22.08.2021).
- ЧПБ — Библия чăвашла (Библия на чувашском языке). Институт перевода Библии (электронный ресурс). URL: <https://ibt.org.ru/ru/media?id=CHV> (дата обращения: 22.08.2021).
- КалПБ — Библия хальмг келн (Библия на калмыцком языке). Институт перевода Библии (электронный ресурс). URL: <https://ibt.org.ru/ru/media?id=KAL> (дата обращения: 23.08.2021).

References

- Comrie, Malchukov 2015 — B. Comrie, A. Malchukov. *Valency classes in the world's languages*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2015. DOI: 10.1515/9783110338812.
- Dahl, Wälchli 2016 — Ö. Dahl, B. Wälchli. Perfects and iamitives: two gram types in one grammatical space. *Letras de Hoje*. 2016. Vol. 51. No. 3. P. 325–348. DOI: 10.15448/1984-7726.2016.3.25454.
- Danilova et al. 2004 — N. I. Danilova, N. I. Popova, N. N. Yefremov. *Kurs yakutskoy grammatiki. Sistema grammaticheskikh kategoriy i sintaksicheskikh konstrukt-siy* [Yakut grammar course. System of grammatical categories and syntactic constructions]. Yakutsk: Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), 2004.
- Davidyuk, Studenikina 2019 — T. I. Davidyuk, K. A. Studenikina. Elativnyy pokazatel i znachenije TOCHKI PRILOZHENIYA v gornomariyskom yazyke [Elativ marker in construction with physical contact verbs in Hill Mari]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019. Vol. XV. Pt. 2. P. 60–85. DOI: 10.30842/alp2306573715203.
- Filonenko 1940 — V. I. Filonenko. *Grammatika balkarskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Grammar of the Balkar language: phonetics and morphology]. Moscow: Kabardino-Balkarian State Publishing House, 1940.

- Ganenkov 2005 — D. S. Ganenkov. “Kontaktnyye” lokalizatsii v nakhsko-dagestanskikh yazykakh [“Contact” localizations in the Nakh-Dagestan languages]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2005. No. 3. P. 100–116.
- Guzev 2015 — V. G. Guzev. *Teoreticheskaya grammatika turetskogo yazyka* [Theoretical grammar of the Turkish language]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2015.
- Hartmann, Haspelmath, Taylor 2013 — I. Hartmann, M. Haspelmath, B. Taylor (eds.). *Valency Patterns Leipzig online database*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <http://valpal.info> (accessed on 30.05.2022).
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *From space to time: Temporal adverbials in the world's languages*. Munich: Lincom Europa, 1997.
- Kholodilova 2009 — M. A. Kholodilova. Konstruktsiya s periferiynym obladayemym v kalmyskom yazyke [External possession constructions in the Kalmyk language]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2009. Vol. V. Pt. 2. P. 76–93.
- Kolyadenkov, Tsyganov 1949 — M. N. Kolyadenkov, N. F. Tsyganov. *Erzyansko-russkiy slovar* [Erzya-Russian dictionary]. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1949.
- Kovedyayeva 1976 — E. I. Kovedyayeva. Mariyskiy yazyk [Mari language]. V. I. Lytkin, K. E. Maytinskaya, R. Karoy (eds.). *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija. Mariyskiy, permskiye i ugorškiye yazyki* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Mari, Perm and Ugric languages]. Moscow: Nauka, 1976. P. 3–96.
- Levin 2012 — B. Levin. *Slap, give a slap, slap a slap: Crosslinguistic diversity in hitting events description*. Paper presented at Tenth Biennial Conference of the High Desert Linguistics Society. University of New Mexico, Albuquerque, NM, November 1–3, 2012.
- Luraghi, Huomo 2014 — S. Luraghi, T. Huomo (eds.). *Partitive Cases and Related Categories*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.
- Maytinskaya 1995 — K. E. Maytinskaya. *Vengerskiy yazyk. Chast 1: Vvedeniye. Fonetika. Morfologiya* [Hungarian. Pt. 1. Introduction, Phonetics, Morphology]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1995.
- Pavlov 2017 — I. P. Pavlov. *Sovremennyy chuvashskiy yazyk: monografiya: v 2 t. Tom 2: Morfologiya* [Modern Chuvash language: monograph: in 2 vols. Vol. 2: Morphology]. Cheboksary: Chuvash State Institute for the Humanities Press, 2017.
- Plungian, this volume — V. A. Plungian. *Parallelnyy korpus kak grammaticheskaya baza dannykh i Novyy Zavet kak parallelnyy korpus (predisloviye)* [The parallel corpus as a grammar database and the New Testament as a parallel corpus (Preface)]. This volume.

- Say 2009 — S. S. Say. Grammaticheskiy ocherk kalmytskogo yazyka [Grammar essay on the Kalmyk language]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2009. Vol. V. Pt. 2. P. 622–709.
- Say 2018 — S. S. Say (ed.). *Valentnostnyye klassy dvukhmestnykh predikativ v raznostruktornykh yazykakh* [Valency classes of two-place predicates]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the RAS, 2018.
- Studenikina 2023 — K. A. Studenikina. Valentnostnyye klassy dvukhmestnykh predikativ v gornomariyskom yazyke [Valency classes of two-place predicates in Hill Mari]. E. V. Kashkin, M.-E. A. Vinkler, T. I. Davidyuk, V. V. Dyachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (eds.). *Elementy gornomariyskogo yazyka v tipologicheskom osveshhenii* [Elements of the Hill Mari language in typological covering]. Moscow: Buki Vedi, 2023. P. 478–494.
- Tatevosov 2004 — S. G. Tatevosov. Semanticheskoye kartirovaniye: metod i teoriya [Semantic mapping: method and theory]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya*. 2004. No. 1. P. 27–42.
- Testelets 2001 — Ya. G. Testelets. *Vvedeniye v obshchiy sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing House, 2001.
- Yeliseyev 1993 — Yu. S. Yeliseyev. Finskiy yazyk [Finnish language]. V. N. Yartseva (ed.). *Yazyki mira. Uralskiye yazyki* [Languages of the world. Uralic languages]. Moscow: Nauka, 1993. P. 90–115.
- Zaykov 1999 — P. M. Zaykov. *Grammatika karelskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Grammar of the Karelian language: phonetics and morphology]. Petrozavodsk: Periodika, 1999.

Получено / received 04.04.2022

Принято / accepted 08.09.2022

Маркирование темпоральных именных групп с семантикой синхронной локализации в мордовских и марийских языках на материале Нового Завета

П. С. Плешак

Университет Мэриленда, Колледж-Парк (Мэриленд, США);
ppleshak@umd.edu; ORCID: 009-005-0017-235X

Аннотация. В данной статье на материале текстов Нового Завета рассматриваются темпоральные именные группы (ТИГ) с семантикой синхронной локализации в эрзянском, мокшанском, луговом марийском и горномарийском языках. Помимо описания базовых способов маркирования ТИГ различных семантических подтипов, уделяется внимание влиянию наличия модификатора в ТИГ на ее оформление. Также в статье обсуждается статус немаркированных форм, наречных суффиксов и генитива в системе морфосинтаксического кодирования ТИГ в рассматриваемых языках.

Ключевые слова: темпоральные выражения, падежное маркирование, именные зависимые, генитив, параллельный корпус, мордовские языки, марийские языки.

Nominal temporal adverbials of simultaneous location in Mordvin and Mari based on the data from the New Testament

Polina S. Pleshak

University of Maryland, College Park (Maryland, USA); ppleshak@umd.edu;
ORCID: 009-005-0017-235X

Abstract. This paper deals with NP-based temporal adverbials of simultaneous location (*that day, next year*) in four closely related Finno-Ugric languages: two

Mordvin (Erzya and Moksha), and two Mari (Meadow Mari and Hill Mari). The research is based on data from the New Testament translations. Alongside with the basic strategies of the morphological marking of NP-based temporal adverbials with different semantic subtypes distinguished by Haspelmath (“Hour”, “Day part”, “Day”, “Month”, “Season” and “Year”), I look at “Abstract time” which can have marking not identical to any other category. I also investigate the influence of presence of a nominal modifier (ordinal numeral, adjective, demonstrative pronoun, genitive dependent) on the choice of the marker. In addition, I discuss the status of unmarked forms, as well as adverbial affixes and the genitive case in the system of morphosyntactic encoding of temporal expressions. I show that unmarked NP-based temporal adverbials and temporal NPs marked with so-called adverbial affixes should not be treated as frozen lexical forms, because such expressions can contain adnominal modifiers. Based on the compatibility of some temporal markers with plural markers, I also argue that adverbial affixes that are homophonous with the genitive affixes in Moksha and Hill Mari are in fact genitive. This means that in these languages not only spatial cases, but also the genitive has temporal functions, even though it has not been discussed or sometimes even reflected in reference grammars. I argue that, despite some restrictions of the corpus of the New Testament, such a preliminary study of the system of temporal expressions in a particular language can be the first step within a larger research project, which helps to formulate hypotheses that can be later falsified by elicited examples. This method also helps to verify and complement the information found in reference grammars and dictionaries.

Keywords: temporal expressions, case marking, adnominal modifiers, genitive, parallel corpus, Mordvin, Mari.

1. Введение

В данной статье рассматриваются темпоральные именные группы (ТИГ) с семантикой синхронной локализации (*в тот день, на следующую год*) в четырех финно-угорских языках: двух мордовских — эрзянском и мокшанском — и двух марийских — луговом марийском и горномарийском.

В то время как падежным системам в целом и системам пространственных падежей в частности в типологии и дескриптивной

лингвистике уделено большое внимание ([Ганенков 2002; Malchukov, Narrog 2008; Luraghi 2014], среди прочих), исследований, посвященных маркированию темпоральных выражений как системе, практически не существует. Наиболее подробным исследованием темпоральных выражений является типологическая классификация, предложенная М. Хаспельматом [Haspelmath 1997]. Работа М. Хаспельмата в первую очередь ориентирована на определение семантических типов ТИГ, кодируемых по-разному в языках мира (*в этот день vs до этого дня vs через три дня* и т. д.). В данной же статье, с опорой на классификацию М. Хаспельмата, подробно рассматривается морфосинтаксическое маркирование одного из семантических типов ТИГ — синхронной локализации¹ (*в тот день, зимой, ранним утром*) в рамках каждого конкретного языка. В частности, исследуется влияние присутствия именных модификаторов в ТИГ на способ ее оформления. На основе взаимодействия именных модификаторов и маркирования будет показано, что некоторые словарные формы, занесенные в словари как лексикализованные наречия, следует рассматривать как ИГ, получающие маркирование в процессе синтаксической деривации. Аргументом в пользу такой точки зрения служит тот факт, что появление определенных типов маркирования не исключает модификации ТИГ различными типами именных зависимых. Таким образом, несмотря на то что некоторые аффиксы, образующие темпоральные выражения, имеют ограничения на тип модификатора и лексему в вершине ИГ, к которой они могут присоединяться, образованные с их помощью формы не могут считаться застывшими словарными единицами.

Кроме того, наряду с выделяемыми в [Haspelmath 1997] подтипами синхронной локализации, обозначающими конкретный момент времени (час, время суток, год), будет рассмотрено так называемое абстрактное время, не указывающее на конкретную меру времени, а отсылающее к периоду времени в целом (*в то время, в эти дни*).

Исследование выполнено на материале текстов Нового Завета. Как для русского, так и для четырех финно-угорских языков были

¹ «Simultaneous location» в терминологии М. Хаспельмата [Haspelmath 1997].

размечены следующие книги: Евангелие от Матфея (Мф.), Евангелие от Марка (Мк.), Евангелие от Луки (Лк.), Евангелие от Иоанна (Ин.), Деяния святых Апостолов (Деян.) и Откровение Иоанна Богослова (Откр.)².

Корпусная методология для исследования с ориентацией на тонкости маркирования в зависимости от наличия модификаторов и их типа имеет некоторые ограничения. Во-первых, заведомо исключено наличие отрицательного материала; во-вторых, полностью отсутствует контроль стимулов; в-третьих, тексты Нового Завета являются переводами и могут содержать, например, кальки [Wälchli 2007: 131]; наконец, лексический и грамматический выбор в текстах принадлежит конкретному человеку — переводчику, что не отражает диалектную и идиолектную вариативность. Помимо того, в одних и тех же контекстах по языкам наблюдается варьирование в наличии / отсутствии модификации ТИГ, что может быть связано с вольностью перевода. Таким образом, разметка синтаксических контекстов для определения морфологического маркирования должна осуществляться для каждого языка отдельно. Данная статья является примером того, что исследование на материале корпуса Нового Завета возможно даже для таких специфических целей. Несмотря на данные ограничения, исследования, проводимые на богатом материале корпуса текстов Нового Завета, могут быть необходимым начальным этапом более подробного, типологически ориентированного описания систем маркирования темпоральной семантики в языках мира³.

² Авторское право на использованные тексты принадлежит Институту перевода Библии; тексты доступны по ссылке: <http://finugorbib.com/index.html>. Переводы относятся к недавнему времени и должны отражать современное состояние исследуемых языков: эрзянский и луговой марийский — 2013 г., горномарийский — 2014 г., мокшанский — 2016 г. Каждый из переводов осуществлен носителем соответствующего языка.

³ См., например, [de Vries 2007] об использовании корпуса Нового Завета для типологических исследований.

Данная статья имеет следующую структуру. В *Разделе 2* вводится понятие ТИГ и описывается процедура разметки корпуса. *Раздел 3* посвящен обзору имеющихся в грамматических описаниях данных о маркировании ТИГ в мордовских и марийских языках. В *Разделе 4* подробно рассматриваются контексты на каждый из типов ТИГ синхронной локализации. В *Разделе 5* обсуждается статус немаркированных форм, наречных форм и генитива как маркера ТИГ. В *Разделе 6* приводятся выводы и пути дальнейшего исследования систем ТИГ.

2. ТИГ и разметка корпуса

В данном исследовании, как и в [Haspelmath 1997], рассматриваются исключительно выражения, имеющие в своей основе ИГ (*в тот день*)⁴. М. Хаспельмат определяет их как «темпоральные адвербиалы, связывающие ситуацию с моментом времени, выраженным ИГ»⁵. Некоторые ИГ выражены одним вершинным существительным (1а), другие же содержат модификаторы (1б).

- (1) а. *Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою или в Субботу* ⟨...⟩ [Мф. 24:20]
- б. *На другой день* опять стоял Иоанн и двое из учеников его. [Ин. 1:35]

Как видно из (1), рассматриваемые темпоральные выражения могут представлять собой ИГ в косвенном падеже (*зимою*) или же быть частью адложной группы (*в субботу, на другой день*). В данной работе мы считаем любые из перечисленных темпоральных выражений ТИГ, фокусируясь на том, что любая адложная группа так или иначе

⁴ Прототипические наречия, такие как *завтра*, не рассматриваются.

⁵ “⟨...⟩ Temporal adverbials which relate a situation to a reference time expressed by a noun phrase.” [Haspelmath 1997: 2].

содержит ИГ, оставляя за кадром тонкости синтаксического анализа падежного и послеложного оформления⁶.

Первичная разметка осуществлялась на основе русского Синодального перевода. Поскольку форма темпоральных выражений разнится от языка к языку (или даже от перевода к переводу), в разметку вошли в том числе и временные контексты, представленные в русском переводе не ТИГ, а клаузальными парафразами. Такие контексты в некоторых языках содержат ТИГ на месте временной придаточной клаузы в русском языке, ср. пример (2) из мокшанского и его русское соответствие, данное в строке перевода.

- МОКШАНСКИЙ
- (2) *Илять* *Иисус са-сь* *то-в*
 вечер.DEF.SG.GEN Иисус приходить-PST.3SG тот-LAT
кемгафтуво-тне-нь мархта.
 двенадцать-DEF.PL-GEN с

‘Когда настал вечер, Он приходит с двенадцатью’⁷. [Мк. 14:17]

Каждому вхождению ТИГ был сопоставлен тег, соответствующий одной из функций в классификации, предложенной в [Haspelmath 1997]:

- (i) Синхронная локализация (simultaneous location): *ночью, в тот день*;
- (ii) Последовательная локализация (sequential location): *перед обедом, после этого*;
- (iii) Последовательно-дуративная локализация (sequential-durative): *с утра, до вечера*;

⁶ То, как представлены косвенные падежи и послелоги в синтаксисе и не являются ли косвеннопадежные ИГ послеложными группами со структурной точки зрения, является вопросом теоретических дебатов ([McFadden 2004, 2021], среди прочих).

⁷ Здесь и далее в качестве строки перевода приводится соответствующая строка из русского перевода текста, что может не дословно соответствовать строке на исходном языке. Ключевые темпоральные выражения выделены полужирным шрифтом в обеих строках. Дословный перевод при необходимости может быть восстановлен по строке глосс.

- (iv) Дистантная локализация (temporal distance): *через три года*;
- (v) Протяженная локализация (temporal extent): *сорок дней*.

В данной статье мы фокусируемся на первом типе — синхронной локализации. Данный тип характеризуется большой вариативностью маркирования как по языкам, так и в рамках одного языка. Так, маркирование во многом зависит от онтологического типа сущности, обозначаемой вершинным именем. Например, в русском языке *неделя* и *год* требуют использования различных предлогов: *на той неделе*, *в том году*. М. Хаспельмат предлагает следующие подтипы синхронной локализации⁸: (а) «час»; (б) «время суток»; (в) «день»; (г) «месяц»; (д) «сезон»; (е) «год»; (ж) «праздник». Всего в корпусе Нового Завета, на основе русского текста, было найдено 292 соответствующих контекста. Каждому из отобранных контекстов момента времени был присвоен один из данных подтипов.

В данном исследовании мы ограничиваемся ТИГ с конвенциональными единицами обозначения времени в вершине. 26 темпоральных контекстов, содержащих группу (ж) «праздник», наряду с названиями событий и прочими неконвенциональными единицами (3), ниже не рассматриваются. Однако вместо группы (ж) «праздник» была добавлена дополнительная группа обозначения абстрактного момента времени, без указания на конкретную меру (час, время суток, сезон и т. д.) и содержащая непосредственно лексему со значением ‘время’ (*в то время*).

- (3) а. *⟨...⟩ Но говорили: только не в праздник, чтобы не сделалось возмущения в народе.* [Мф. 26:5]

б. *Так будет при кончине века ⟨...⟩* [Мф. 13:40]

42 контекста подтипа «день» содержат в вершине ТИГ конкретный день недели. Такие контексты отличаются большой вариативностью маркирования из-за различия в референциальном статусе

⁸ М. Хаспельмат использует корпус Нового Завета в своем исследовании и отмечает, что все выделенные им семантические контексты представлены в корпусе.

(конкретно-референтный *в ту субботу* vs генерический *в субботу* [должно ли делать добро]). Поскольку прочие контексты в корпусе не отличаются последовательно такой вариативностью, вопрос о влиянии референциального статуса остается за рамками данной статьи. Было принято решение не рассматривать дни недели, подобно названиям праздников (названия конкретных месяцев в текстах не встретились). Таким образом, для рассмотрения было оставлено 224 контекста. Распределение рассматриваемых контекстов с тегами представлено в *Таблице 1*.

Таблица 1. Распределение контекстов в корпусе по подтипам

Table 1. The distribution of the contexts in the corpus

Подтип	Пример	Тег	Число
Час	<i>в шестом часу</i>	Hour	14
Время суток	<i>вечером</i>	Day_part	50
День	<i>на следующий день</i>	Day	100
Месяц	<i>в шестой месяц</i>	Month	1
Сезон	<i>зимой</i>	Season	1
Год	<i>в тот год</i>	Year	3
Абстрактное время ⁹	<i>в то время, в те дни</i>	Time	55

Из *Таблицы 1* видно, что не все подтипы представлены достаточным количеством контекстов и распределение неравномерно. Однако при условии, что каждый подтип представлен в языке хотя бы одним контекстом, можно получить общую картину системы маркирования ТИГ в целом.

Помимо первичной разметки, была осуществлена внутриязыковая разметка конкретных лексем и типов модификаторов. Поскольку временные маркеры, не только чувствительны к семантике (подтипу

⁹ Термин «абстрактное время» не является точным, поскольку любое время в некоторой степени абстрактно. На данный момент я оставляю этот термин за неимением более удачного.

временных отношений по М. Хаспельмату), но также имеют и лексические ограничения (см. также [Рожанский, Маркус 2021] о частях суток и сезонах в водском и ижорском), для каждого языка была размечена конкретная лексема, стоящая в вершине ТИГ и присоединяющая показатель. Такая лексическая разметка особенно важна для случаев, когда один тип заведомо представлен несколькими лексемами, как, например, время суток: ср. англ. *at night* ‘ночью’, но *in the morning* / **at morning* ‘утром’. Лексическая разметка также является необходимой в случаях, когда одна и та же лексема представлена в ТИГ разных подтипов. Так, например, лексема *день* встречается и для обозначения типа «день» (4а), и для обозначения типа «абстрактное время» (4б).

(4) а. **На другой день**, когда они вышли из Вифании, Он взялкал <...> [Мк. 11:12]

б. **В те дни** взошел Он на гору помолиться и пробыл всю ночь в молитве к Богу. [Лк. 6:12]

Поскольку наличие модификатора отмечается как фактор, влияющий на выбор маркирования темпоральной ИГ [Мосина 2014; Pleshak, Petelin 2019], каждая ТИГ была размечена на наличие / отсутствие модификатора отдельно для каждого языка. В итоге для рассмотрения по данному корпусу были отобраны следующие типы модификаторов (по причине их достаточно надежной встречаемости в корпусе Нового Завета): порядковые числительные (*третий*, *шестой*), прилагательные (*другой*, *следующий*), указательные местоимения (*тот*, *этот*), генитивные зависимые (<день> *недели*, <дни> *Ноя*). Прочие модификаторы, встречающиеся в корпусе спорадически (количественные числительные, относительные придаточные) или способные нетривиальным образом нейтрализовать маркирование (универсальные кванторные слова), из рассмотрения были исключены.

Наконец, для каждого из примеров был также размечен способ маркирования: падеж (например, элатив «EL»), послелог или наречный аффикс (например, «старый» локатив «LOC»); неоформленные ТИГ получали помету «bare».

Таким образом, помимо общей семантической разметки, которая может служить основой для типологических исследований, была также проведена внутриязыковая разметка конкретных ТИГ, которая должна осуществляться заново для каждого языка. Была также проведена конкретно-языковая морфосинтаксическая разметка.

3. Проблема описания ТИГ в мордовских и марийских грамматиках

3.1. Краткий сравнительный обзор морфосинтаксических средств, используемых в мордовских и марийских языках

Прежде чем углубляться в подробности маркирования ТИГ в мордовских и марийских языках, необходимо рассмотреть системы морфосинтаксических средств в каждом из языков: показатели пространственных падежей, наличие специализированного маркера темпоралиса и наречные показатели, а также функции генитива и немаркированной, или абсолютной формы.

Мордовские языки обладают следующими пространственными падежами: инессив, элатив, латив-иллатив (в некоторых грамматиках мокшанского поделенный на латив и иллатив, см. [Холодилова 2018]) и пролатив. Помимо прочих, в функции мордовского элатива входит адвербиализация. В марийских языках выделяются инессив, латив и иллатив. Несмотря на наличие непространственных функций, в качестве адвербиализаторов марийские пространственные падежи не выступают. Инвентарь пространственных падежей в четырех рассматриваемых языках приведен в *Таблице 2*.

Согласно [Коляденков 1962], мордовские языки обладают словообразовательными суффиксами, образующими наречия времени. Эти суффиксы являются следами исчезнувших временных падежей. Инвентарь эрзянского языка незначительно превосходит инвентарь мокшанского. Обобщенные данные с возможностью сопоставления когнатов для эрзянского и мокшанского представлены

Таблица 2. Инвентарь суффиксов для образования наречий времени и застывшие формы бывшего темпоралиса

Table 2. Markers deriving temporal adverbs and fossilized temporalis

Падеж	эрз.	мокш.	луг. мар.	горномар.
инессив	-со / -сэ	-са / -ца	-што / -ште	-штты / -штты́
элатив	-сто / -стэ	-ста / -цта		
латив	-в	-в / -у / -и	-ш / -еш	-еш
иллатив	-с	-с / -ц	-ш(ко) / -ш(ке)	-ш(кы) / -ш(кы́)
пролатив	-ва / -ка / -га	-ва / -ка / -га / -ге		

в Таблице 3. В марийских языках особых морфем для обозначения времени нет.

Таблица 3. Инвентарь суффиксов для образования наречий времени и застывшие формы бывшего темпоралиса

Table 3. Markers deriving temporal adverbs and fossilized temporalis

Значение	эрзянский	мокшанский
ADV	-на / -ня	-(н)да
ADV	-а	
ADV	-не	-ня
ADV	-ть	-т / -ть
ADV	-ак / -як	-ак / -як

Показатель генитива определенного склонения (совмещающий падежный показатель и показатель определенности) в единственном числе отличается от суффикса наречия времени в эрзянском (ср. генитив *-нть* и наречный суффикс *-ть*) и совпадает с ним по форме в мокшанском (ср. генитив *-ть* и наречный суффикс *-ть*). Во множественном же числе генитивный показатель в обоих языках имеет форму, отличную от суффикса наречия времени: *-тнень / -тнэнь* в эрзянском и *-нень / -тнень* в мокшанском.

В марийских языках показатель генитива *-н* омонимичен адвербиализатору, и в [Alhoniemi 1993: 51] образование наречий рассматривается как одна из функций генитива. В некоторых же грамматиках выделяется два омонимичных показателя *-н* [Пенгитов и др. 1964; Саваткова 2002].

Во всех четырех языках выборки номинатив не имеет открытого выражения и, таким образом, неотличим от немаркированной формы, характерной для обозначения временной семантики [Haspelmath 1997].

3.2. ТИГ в мордовских языках

ТИГ в эрзянском языке рассматриваются в работе [Мосина 2014] как выражение глубинной семантической роли темпоратива. Приводится семантическая классификация временных значений с последующим сопоставлением каждого значения с морфологическим выражением. В этой работе представлены основные виды маркирования для выделяемых типов, а также отмечены различия в выборе показателя в зависимости от наличия модификаторов и значения определенности, однако работа носит описательный характер, без последующего сравнительного анализа стратегий маркирования.

Согласно существующим описаниям, система эрзянского языка представляется довольно простой: в подавляющем большинстве случаев ТИГ синхронной локализации маркируются элативом. Приводится и ряд показателей, считающихся наречными: при временах года и частях суток, если отсутствует модификация, используются маркеры *-на/-ня* и *-ть* соответственно. Лексически ограниченный маркер *-не* указывается как маркер фреквентатива (*каждый день*) и «неточного времени» [Fodor 2004], однако определения того, что такое «неточное время» не дается. В [Fodor 2004] указываются и мокшанские когнаты эрзянских показателей, что предполагает изоморфизм эрзянской и мокшанской систем маркирования темпоральных ИГ¹⁰.

¹⁰ Работы, посвященные исключительно темпоральным выражениям в мокшанском, автору не известны.

Ни номинатив, ни немаркированная, абсолютная форма [Бубрих 1953] в обсуждении наречий времени не фигурируют¹¹. Однако некоторые формы, совпадающие с немаркированными (или номинативными), занесены в словари в качестве наречий [Щанкина и др. 2011].

3.3. ТИГ в марийских языках

В основном сведения о маркировании ТИГ в марийских языках доступны из разделов о функциях падежей в описательных грамматиках [Пенгитов и др. 1961: 67; Alhoniemi 1993: 49–58; Саваткова 2002: 251]. Функция маркирования обстоятельств времени, с некоторой вариативностью по различным грамматикам, указывается для номинатива, генитива, аккумулятива, инессива и иллатива. Конкретный семантический класс темпоральных выражений в грамматиках не указывается, и приводятся лишь немногочисленные примеры. Краткий обзор темпоральных употреблений по лексемам есть и в монографии Э. Кангасмаа-Минн [Kangasmaa-Minn 1969: 99–103], посвященной генитиву.

В недавней статье [Pleshak, Petelin 2019] также дается описание маркирования темпоральных выражений в горномарийском языке, однако в этой работе в первую очередь обсуждается теоретический вопрос приписывания падежа, и авторы не вдаются в интересующие нас вопросы о влиянии наличия именных модификаторов на выбор маркирования в ИГ.

¹¹ Поскольку номинатив в мордовских и марийских языках не имеет открытого морфологического выражения, проблема различения немаркированной и номинативной формы стоит достаточно остро. В данном исследовании временные выражения без открытого морфологического маркирования считаются немаркированными (см. *Раздел 5*). Однако при обсуждении данных из описательных грамматик беспадёжные формы названы номинативными.

3.4. Вопросы о немаркированной форме, словообразовании наречий, генитиве и изоморфизме систем родственных языков

Большинство теоретических работ о темпоральных выражениях посвящено вопросу о том, каким образом ТИГ оказываются в немаркированной форме ([Bresnan, Grimshaw 1978; Larson 1985, 1987; Kobayashi 1999], среди прочих). Такая постановка вопроса обусловлена тем, что в основном теоретические работы опираются на данные английского языка, где многие темпоральные ИГ не маркируются предлогом, подобно локативным выражениям, а выступают в немаркированной форме:

(5) *The same day there came certain of the Pharisees*

‘В тот день пришли некоторые из фарисеев <...>’ [Лк. 13:31]

В свою очередь в работах, посвященных мордовским и марийским языкам (носящих в основном описательный характер), наличие немаркированных темпоральных ИГ не упоминается. Единственным исключением является теоретически ориентированная работа [Pleshak, Petelin 2019], рассматривающая ряд лексем, не имеющих маркирования.

В данном исследовании мы рассмотрим распределение немаркированных форм и определим их место в системе финно-угорских ТИГ.

Отдельный интерес вызывают темпоральные показатели, насчет которых не сложилось консенсуса. Так, в [Мосина 2014; Fodor 2004] показатели *-на/-ня*, *-нэ/-не* и *-ть* считаются словообразовательными наречными суффиксами. Однако некоторые исследователи рассматривают данные показатели как падежные показатели темпоралиса [Феоктистов 1993: 183; Плаксина 2002: 86; Холодилова 2018]. В том случае, если данные суффиксы способны присоединяться не только к основам существительных, но и к целым ИГ, образуя темпоральные выражения, необходимо пересмотреть статус данных показателей как словообразовательных суффиксов, образующих наречия

от существительных. По результатам данного исследования мы будем считать такие показатели наречными суффиксами, присоединяющимися к ИГ в процессе построения предложения, а не к существительным в лексиконе.

Особое место среди падежей, маркирующих ТИГ, занимает в исследуемых финно-угорских языках генитив. В мокшанском языке показатель мордовского темпоралиса на *-ть*, восходящий к старому локативу [Мосина 2008], по форме совпадает с генитивом в определенном склонении единственного числа, и по этой причине темпоральная функция рассматривается в [Холодилова 2018: 81–82] как одна из функций генитива. Единственное упоминание темпоральной функции генитива в более старых грамматических описаниях находится в [Кудаев 1988], где и для эрзянского, и для мокшанского приведен один пример с лексемой со значением ‘день’ во множественном числе. Важно отметить, что генитив множественного числа, в отличие от генитива единственного числа в мокшанском, не совпадает по форме с потенциальным темпоралисом / адвербиальным *-ть*. В марийских языках также наблюдается омонимия формы генитива и показателя наречия (*-н*). Так, например, А. Алхониemi считает марийские темпоральные ИГ, маркированные показателем *-н*, генитивными [Alhoniemi 1993: 51]. В качестве генитивного рассматривается показатель *-н* и в [Pleshak, Petelin 2019] для горномарийского, и в [Kangasmaa-Minn 1969] для лугового марийского. А. А. Саваткова же в грамматике горномарийского относит соответствующие формы к наречным [Саваткова 2002: 251]. В *Разделе 5*, сравнивая употребления данных суффиксов как внутри одного языка, так и между языками, мы обсудим возможность наличия темпоральной функции у генитива в мордовских и марийских языках.

Наконец, для каждой пары близкородственных языков мы рассмотрим, насколько системы маркирования ТИГ оказываются параллельны с точки зрения использования когнатов в одних и тех же контекстах.

4. Маркирование ТИГ в мордовских и марийских переводах Нового Завета

В данном разделе будут рассмотрены стратегии маркирования ТИГ в контекстах, соответствующих каждому из семантических подтипов: «час» (*Раздел 4.1*), «время суток» (*Раздел 4.2*), «день» (*Раздел 4.3*), «месяц», «сезон», «год» (*Раздел 4.4*) и «абстрактное время» (*Раздел 4.5*), для каждого из четырех языков. Подтипы «месяц», «сезон» и «год» представлены немногочисленными контекстами и потому объединены в один раздел.

4.1. Час

Контексты с указанием на час в большинстве случаев содержат выраженный маркер приблизительности, и наличие / отсутствие такого маркера в каждом контексте варьируется от языка к языку, см. эрзянский пример (6) и его русский эквивалент в строке перевода.

- ЭРЗЯНСКИЙ
- (6) *Са-с-ть* *ветеце* *час-сто* *сиведез-тне,*
 прийти-РСТ.3-PL одиннадцатый час-EL наемник-DEF.PL
- ‘И пришедшие **около одиннадцатого часа** (получили по динарию)’¹². [Мф. 20:9]

В мордовских языках при наличии приблизительности используется послеложная конструкция, что нейтрализует исходное маркирование, ср. эрзянские примеры (6) с элативом и (7) с послелогом *малав* ‘около’, управляющим генитивом. Параллельная ситуация с послелогом *малава* ‘около’ наблюдается в мокшанском. По этой причине для определения основной стратегии маркирования ТИГ данного подтипа для каждого из мордовских языков были отобраны примеры, не содержащие маркер приблизительности: шесть контекстов в эрзянском и пять контекстов в мокшанском.

¹² В эрзянском примере дословно сказано ‘в одиннадцать часов’.

ЭРЗЯНСКИЙ

- (7) **Колмоце час-онть малав Иисус верьга**
 девятый час-DEF.SG.GEN около Иисус высокий

вайгель-ть пижакад-сь:
 голос-LOC.T крикнуть-PS.T.3SG

‘⟨...⟩ **А около девятого часа** возопил Иисус громким голосом: ‘⟨Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?⟩’ [Мф. 27:46]

В эрзянском языке лексема *час* ‘час’ присоединяет элатив (6). В случае модификации указательным местоимением, на вершине появляется также показатель определенности, однако падежное маркирование не изменяется (8).

ЭРЗЯНСКИЙ

- (8) **ды се час-сто-нть, кона-до-нть а арсияк.**
 и тот час-EL-DEF.SG который-ABL-DEF.SG NEG думать

‘⟨...То придет господин раба того в день, в который он не ожидает,⟩ ‘и **в час**, в который не думает ⟨...⟩’ [Лк. 12:46]

В мокшанском языке при отсутствии маркера приблизительности лексема *част* ‘час’ присоединяет инессив в четырех контекстах (9а) и элатив в одном (9б). Можно предположить, что элативное маркирование используется из-за влияния не только близкородственного, но и контактно близкого эрзянского, однако этот вопрос требует дальнейшего исследования. Модификации указательным местоимением среди мокшанских примеров не встретилось.

МОКШАНСКИЙ

- (9) а. **Са-с-ть кефкиеце част-са сивотьф-не**
 прийти-PS.T.3-PL одиннадцатый час-IN наемник-DEF.PL

‘И пришедшие **около одиннадцатого часа** ⟨получили по динарию⟩’. [Мф. 20:9]

б. **и вейхскоце част-ста озондо-нь куд-со-н.**
 и девятый час-EL молиться-PS.T.1SG дом-IN-POSS.1SG

‘⟨...⟩ **И в девятом часу** молился в своем доме ⟨...⟩’ [Деян. 10:30]

В луговом марийском используется инессивное маркирование (10), а в горномарийском — генитивное (11), (12а) и инессивное (12б), однако последнее зафиксировано лишь в контекстах с приблизительностью. В отличие от мордовских языков, в горномарийском языке наличие маркера приблизительности не нейтрализует исходное маркирование (12а)–(12б), и потому в рассмотрение могут быть приняты все найденные контексты (всего 8 контекстов для горномарийского: четыре контекста с маркером приблизительности и четыре без)¹³. Наличие указательного местоимения на маркирование в марийских языках также не влияет (13).

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

- (10) *да палы-дыме шагат-ыште тол-ын*
и знать-NEG.ATTR час-IN приходит-СVB

лект-еш.

выходить-NPST.3SG

‘⟨...⟩ То придет ⟨господин раба того в день, в который он не ожидает,⟩ и **в час, в который не думает** ⟨...⟩’ [Мф. 24:50]

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (11) *дä шаны-дымы цйш-бн тол-ын*
и знать-NEG.ATTR час-GEN приходит-СVB

лйкт-еш.

выходить-NPST.3SG

‘⟨...⟩ То придет ⟨господин раба того в день, в который он не ожидает,⟩ и **в час, в который не думает** ⟨...⟩’ [Лк. 12:46]

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (12) а. *Кымышы цйш кытла-н тбдыбы эче олицйш*
третий час APPR-GEN тот еще улица-ILL

лйкт-бн

выйти-PRET

¹³ Для лугового марийского нашлось всего четыре соответствующих контекста, однако все они маркированы инессивом и ни один из них не содержит маркер приблизительности.

‘⟨...⟩ Выйдя **около третьего часа**, ⟨он увидел других, стоящих на торжище праздн...⟩’ [Мф. 20:3]

б. *Бӱндеки цӱш кытла-шты Исус кого юк*
 девять час APPR-IN Исус большой голос
доно сьӱбрӱл колт-ен
 с крикнуть.CVB посылать-PRET

‘⟨...⟩ А **около девятого часа** возопил Исус громким голосом ⟨...⟩’ [Мф. 27:46]

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

(13) а. *Йӱд-ым, тудо шагат-ышт=ак,*
 ночь-ACC тот час-IN=EMPH

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

б. *Йыд-ым, тӱ цӱш-ӱн=ок,*
 ночь-ACC тот час-GEN=EMPH

‘⟨И, взяв их⟩ **в тот час** ночи, ⟨он омыл раны их и немедленно крестился сам и все [домашние] его⟩’. [Деян. 16:33]

Таким образом, во всех языках выборки (за исключением мокшанского, для которого в корпусе не нашлось соответствующих примеров) маркирование темпоральной ИГ с лексемой, обозначающей ‘час’, не зависит от типа модификатора. Немодифицированных ТИГ данного типа в корпусе не встретилось.

Мордовские языки и луговой марийский используют характерное для обозначения момента времени маркирование одним из пространственных падежей, тогда как горномарийский использует в качестве основного маркера генитив. Уже на данном этапе сопоставления систем можно отметить, что, несмотря на параллелизм систем пространственных падежей, в каждой из пар близкородственных языков в области ТИГ, обозначающих подтип «час», маркирование расходится.

4.2. Части суток

4.2.1. Немодифицированные ТИГ

В мордовских (14а)–(14б) и горномарийском (14в) лексема со значением ‘утро’ в основном¹⁴ выступает в немаркированной форме, тогда как в луговом марийском используется словоформа *эрдене*, трактуемая в грамматиках как наречная (14г) [Пенгитов и др. 1961: 274].

ЭРЗЯНСКИЙ

- (14) а. **Валске=як** *корта-тадо*:
 утро=PTCL говорить-NPST.2PL

МОКШАНСКИЙ

- б. а **шобдава**:
 а утро

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- в. А **ирок** *иры́ тӓ поп-едӓ*:
 а утро рано вы говорить-NPST.2PL

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

- г. А **эр-дене** *эрак те калас-еда*:
 а утро-сом рано вы говорить-NPST.2PL

‘⟨...⟩ И **поутру**: ⟨сегодня ненастье, потому что небо багрово⟩’.
 [Мф. 16:3]

Несмотря на то, что внутренняя форма луговомарийской лексемы *эрдене*, занесенной в словари как наречие со значением ‘утром’, не обсуждается, корень *эр* ‘утро’ выделяется довольно отчетливо. Среди аффиксов, образующих наречия, единица *-дене* не встречается, однако можно предположить, что *эрдене* является лексикализованной формой, образованной посредством комитативно-инструментального послелога *дене*.

¹⁴ См. ниже об употреблении в данном контексте комитативного послелога в эрзянском.

Комитативно-инструментальная стратегия зафиксирована и в эрзянском корпусе (15). Нужно отметить, что в упомянутых выше грамматических описаниях среди функций послелогога *маркто* ‘с’ маркирование ТИГ не отмечалось.

ЭРЗЯНСКИЙ

- (15) *Валске марто чоподава Иисус стясъ*
 утро с затемно Иисус вставить-PST.3SG

‘А утром, встав весьма рано, (вышел и удалился в пустынное место, и там молился)’. [Мк. 1:35]

Лексемы со значением ‘вечер’ в эрзянском и луговом марийском следуют той же стратегии, что и лексемы со значением ‘утро’. В эрзянском использована немаркированная форма (16а), а в луговом марийском — лексикализованная комитативно-инструментальная форма (16б). Как и в случае с *эрдене*, форма *кастене* приводится в словарях как наречие. В Разделе 5 наречный статус подобных лексикализованных форм обсуждается подробнее.

ЭРЗЯНСКИЙ

- (16) а. *Чокине тынь корта-тадо*
 вечер вы говорить-NPST.2PL

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

- б. *Кас-тене те ойл-еда*
 вечер-СОМ вы говорить-NPST.2PL

‘(Он же сказал им в ответ:) **вечером** вы говорите: (будет ведро, потому что небо красно...)’ [Мф. 16:2]

В свою очередь мокшанский и горномарийский используют для лексем со значением ‘вечер’ особые показатели. В мокшанском употребляется наречная форма на *-ть* (17а), а в горномарийском лексема *вады* ‘вечер’ получает лативное оформление (17б).

МОКШАНСКИЙ

- (17) а. *Илять тынь корхта-тада*
 вечер.DEF.SG.GEN вы говорить-NPST.2PL

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

б. *Вад-еш тӓ поп-едӓ*

вечер-LAT вы говорить-NPST.2PL

‘(Он же сказал им в ответ:) **вечером** вы говорите: <«будет вѣдро, потому что небо красно...»>’ [Мф. 16:2]

Наконец, лексема со значением ‘ночь’ в обоих мордовских языках выступает в наречной форме на *-ть* (18а)–(18б), а в марийских языках оформляется аккузативом (18в)–(18г).

ЭРЗЯНСКИЙ

- (18) а. *саи-зе* *Эйкакишо-нтъ* *ава-нзо*
 взять-PST.3SG.S.3SG.O ребенок-DEF.SG.GEN мать-POSS.3SG
марто ды ве-ть ту-сь Египет-эв.
 с и ночь-LOC.T идти-PST.3SG Египет-LAT

МОКШАНСКИЙ

- б. *сяво-зе* *Ид-ня-ть*
 взять-PST.3SG.S.3SG.O ребенок-DIM-DEF.SG.GEN
тядя-нц мархта, и ве-ть
 мать-3SG.POSS.SG.GEN с и ночь-DEF.SG.GEN¹⁵
ту-сь Египет-у.
 идти-PST.3SG Египет-LAT

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

- в. *йӱд-ым Икшывы-м да Туды-н Ава-жы-м*
 ночь-ACC дитя-ACC и тот-GEN мать-POSS.3SG-ACC
пырля нал-ын да Египет-ыш ка-ен.
 вместе братъ-PRET и Египет-ILL идти-PRET

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- г. *йӱд-ым Тетя-м дӓ Тыд-ын Аӱвӓ-жӱ-м*
 ночь-ACC ребенок-ACC и тот-GEN мать-POSS.3SG-ACC

¹⁵ Поскольку, как будет показано ниже, в мокшанском показатель *-ть* совпадает с генитивом единственного числа и чередуется с генитивным показателем *-тнень* во временных множественных контекстах, было принято решение считать показатель *-ть* в мокшанском генитивом, а не наречным суффиксом.

сага-жы *нӓл-ӓн* *дӓ* *Египет-ӓиш* *ке-ен.*
около-POSS.3SG братъ-PRET и Египет-ILL идти-PRET

‘(Он встал,) взял Младенца и Матерь Его **ночью** и пошел в Египет’. [Мф. 2:14]

Таким образом мы видим следующее распределение: в мокшанском ‘вечер’ и ‘ночь’ получают одинаковое маркирование (*-ть*), тогда как в эрзянском для лексем со значением ‘ночь’ используется специальный показатель (*-ть* в противопоставление немаркированной форме для ‘вечер’). Что касается марийских языков, в луговом марийском морфосинтаксическое оформление лексемы *йӱд* ‘ночь’ отличается от *эр* ‘утро’ и *кас* ‘вечер’, получающих одинаковое комитативное маркирование, тогда как в горномарийском все три вида времени суток маркированы различно. В *Таблице 4* обобщены данные по четырем языкам.

Таблица 4. Маркирование частей суток

Table 4. Day parts marking

Значение	эрз.	мокш.	луг. мар.	горномар.
‘утро’	bare	bare	COM	bare
‘вечер’	bare	LOC.T	COM	LAT
‘ночь’	LOC.T	LOC.T	ACC	ACC

4.2.2. Модифицированные ТИГ

Не на каждую из лексем в каждом из языков можно найти контекст с ее модификацией. Единственным примером с модификатором при лексеме ‘утро’ является пример (19) из мокшанского Нового Завета. В нем ИГ маркирована темпоралисом.

- МОКШАНСКИЙ
(19) *Омбоце шобдава-ня* *смоква* *шuftо-ня-ть*
другой утро-TMPRL смоква дерево-DIM-DEF.SG.GEN

вакс-ка ёта-м-ста синь ня-езь:
около.ILL-ADD пройти-INF-EL они видеть-PST.3.O.3.S.PL.S

‘**Поутру**, проходя мимо, увидели, что смоковница <засохла до корня>’. [Мк. 11:20]

Для лексемы ‘вечер’ встретился один контекст, содержащий генитивное зависимое, в эрзянском переводе (20). Аргументом в пользу того, что ‘этот день’ является зависимым ИГ, служит то, что в эрзянском лексема ‘день’ при обозначении момента времени присоединяет не генитив, а элатив (см. *Раздел 4.3*).

ЭРЗЯНСКИЙ
(20) *Теке чи-нтъ чокине Иисус мер-сь*
этот день-DEF.SG.GEN вечер Иисус сказать-PST.3SG
тонавтниця-нстэнь:
учащийся-3SG.POSS.PL

‘**Вечером того дня** сказал им: <переправимся на ту сторону>’.
[Мк. 4:35]

Лексема со значением ‘ночь’ в ряде контекстов модифицирована указательным местоимением. В этом случае в мордовских языках показатель *-ть* не используется. В эрзянском корпусе темпоральные ИГ с указательным местоимением маркируются элативом с показателем определенности (21а), а в мокшанском — специализированным показателем темпоралиса *-на/-ня*¹⁶ (21б). В марийских языках различия в маркировании по сравнению с немодифицированной формой не наблюдается, и при наличии указательного местоимения используется аккузатив (21в)–(21г).

ЭРЗЯНСКИЙ
(21) а. *ансяк се ве-стэ-нтъ мезе-як эз-ть*
только тот ночь-EL-DEF.SG ничто-ADD NEG.PST.3-PL
кунда.
ловить.CN

¹⁶ Далее в статье мы будем отсылать к данному суффиксу только при помощи его основного алломорфа *-ня*.

МОКШАНСКИЙ

б. *аньцек мезе-вок ашес-ть кунда*
 только ничто-ADD NEG.PST.3-PL ловить.CN

ся ве-ня.

ТОТ НОЧЬ-TMPR1

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

в. *но тудо йўд-ым ни-мо-м куч-ен огытыл.*
 но тот НОЧЬ-ACC NEG-ЧТО-ACC ловить-CVB NEG.PST.3PL

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

г. *но тбы йыд-ым ни-ма=т кычы-дел-ыт.*
 но тот НОЧЬ-ACC NEG-ЧТО=ADD ловить-NEG.PRET-3PL

‘(Пошли и тотчас вошли в лодку,) и не поймали **в ту ночь** ничего’. [Ин. 21:3]

Таким образом, при модификации указательным местоимением показатель *-ть* в мордовских языках может заменяться более продуктивными: элативом в эрзянском или темпоралисом в мокшанском. Показатель аккузатива в марийских языках является продуктивным аффиксом, и падежное маркирование темпоральных ИГ в данном узком кругу контекстов оказывается одинаковым.

4.3. День

В отличие от прочих лексем, обозначающих части суток и употребляемых в основном без модификаторов, лексема со значением ‘день’ может также выступать в функции синхронной локализации, отсылающей к конкретному дню. В этом случае именная вершина ‘день’ употребляется исключительно с модификаторами. По этой причине в данном разделе будет рассмотрено маркирование соответствующих темпоральных ИГ с различными типами модификаторов: порядковыми числительными, генитивными зависимыми и указательными местоимениями. Прилагательных в данных контекстах не встретилось.

В эрзянском языке лексема *ши* ‘день’ при модификации порядковым числительным присоединяет элатив неопределенного склонения

(22а), тогда как в мокшанском — темпоральный показатель *-ня* (22б). В обоих марийских языках используется генитивное маркирование (22в)–(22г).

ЭРЗЯНСКИЙ

- (22) а. *ансяк мейле колмоце чи-стэ Сон кулозь-стэ*
 только после третий день-ЕЛ он умерший-ЕЛ
вельм-и».
 воскреснуть--NPST.3SG

МОКШАНСКИЙ

- б. *но колмоце ши-ня Сон вельма-й*
 но третий день-TMPR1 он воскреснуть-NPST.3SG
кулоф-ста».
 умерший-ЕЛ

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

- в. *но кумшо кечы-н ылыж кынеш-еш*».
 но третий день-GEN оживать.CVB вставать-NPST.3SG

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- г. *дӱ кымышы кечы-н ылыж кыньбыл-еш*».
 и третий день-GEN оживать.CVB вставать-NPST.3SG

‘...И убьют Его, и в **третий день** воскреснет’. [Мф. 17:23]

Два контекста с генитивными зависимыми при лексеме ‘день’ не представляют собой прототипических посессоров, а выражают отношение дня к конкретному праздничному периоду времени. В данных контекстах содержится также и порядковое числительное, однако наблюдается различие в маркировании. В эрзянском языке сохраняется элативное маркирование, однако появляется маркер определенности, что характерно для эрзянских генитивных групп не только во временных контекстах (23а). В мокшанском же языке при наличии посессора используется не темпоральный показатель, а элатив, а также присутствует посессивное согласование на вершине (23б). В марийских языках наличие генитивного зависимого на маркирование вершины не влияет, ср. (22в)–(22г) и (23в)–(23г).

- ЭРЗЯНСКИЙ
- (23) а. **Ламбам-сто** **сюкоро-нь** **поки-чи-нь** **васенце**
 пресный-EL лепешка-GEN большой-день-GEN первый
чи-стэ-нить **тонавтниця-нзо** **моль-с-ть**
 день-EL-DEF.SG учащийся-3SG.POSS.PL пойти-PST.3-PL
Иисус вакс-с
 Иисус около-ILL

- МОКШАНСКИЙ
- б. **Аф шапама** **кши-нь** **ила-ть** **васенце**
 NEG кислый хлеб-GEN праздник-DEF.SG.GEN первый
ши-сто-нза **Иисус-онди** **нажяд-с-ть**
 день-EL-POSS.3SG Иисус-DAT пойти-PST.3-PL
тонафни-енза
 учащийся-3SG.POSS.PL

- ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ
- в. **Шергинде** **найрем-ын** **икымше**
 постная_лепешка праздник-GEN первый
кечы-н-ж=ак **тунемшы-ж-влак** **Иисус**
 день-GEN-POSS.3SG=EMPH учащийся-POSS.3SG-PL Иисус
де-ке лишем-ын-ыт
 к-ILL2 близиться-PRET-3PL

- ГОРНОМАРИЙСКИЙ
- г. **Шергиндѣ** **празник-ын** **пѣйтѣриш**
 постная_лепешка праздник-GEN первый
кечѣ-н-ж=ок **тыменьшѣ-влѣ-жѣ** **Иисус**
 день-GEN-POSS.3SG=EMPH учащийся-PL-POSS.3SG Иисус
до-кы ми-эн-ѣт
 к-ILL2 приходиться-PRET-3PL

‘В первый же день опресночный приступили ученики к Иисусу и сказали Ему: 〈где велишь нам приготовить Тебе пасху?〉’ [Мф. 26:17]

Один контекст является собственно посессивным. Поссessor может быть не выражен генитивной группой открыто,

но присутствовать в качестве посессивного согласования на вершине, как в мордовских языках. В данном контексте мордовские языки используют элативное маркирование (24а)–(24б), а марийские — генитивное (24в)–(24г).

ЭРЗЯНСКИЙ

- (24) а. *истя карм-и* *неяв-омо* *Ломан-тне-нь*
 итак статья-NPST.3SG смотреться-INF человек-DEF.PL-GEN
Цёра-сь-как *само* *чи-стэ-нзэ.*
 сын-DEF.SG-ADD явление день-EL-POSS.3SG

МОКШАНСКИЙ

- б. *тяфтам-кс* *ул-и* *Ломан-ень* *Цёра-сь-ке*
 такой-TRANS быть-NPST.3SG человек-GEN сын-DEF.SG-ADD
сама *ши-сто-нза*
 явление день-EL-POSS.3SG

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

- в. *Шке* *кечы-н-же* *Айдеме* *Эрге* ⟨...⟩ *ли-еш.*
 REFL день-GEN-POSS.3SG человек сын статья-NPST.3SG

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- г. *Эдем* *Эргы* *йшке* *кечы-н-жы* ⟨...⟩ *ли-эш.*
 человек сын REFL день-GEN-POSS.3SG статья-NPST.3SG

‘...Ибо, как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба,» так будет Сын Человеческий **в день Свой**. [Лк. 17:24]

Наконец, большое количество контекстов с соответствующими лексемами в вершине ТИГ содержит модификацию указательным местоимением. Данные контексты встречаются как в единственном, так и во множественном числе.

В эрзянском языке при модификации указательным местоимением, подобно случаю с генитивными зависимыми, выбирается элативное маркирование с показателем определенности. При этом наличие показателя числа на выбор падежного показателя не влияет (25а)–(25б).

ЭРЗЯНСКИЙ

- (25) а. *Се-ке чи-стэ-нть Иисус-нэнь са-с-ть*
 тот-ADD день-EL-DEF.SG Иисус-DAT прийти-PST.3-PL
саддукей-ть,
 саддукей-PL

‘В тот день приступили к Нему саддукеи (...)’ [Мф. 22:23]

- б. *Мон вал-са Оймеялт-ом се-ть чи-тне-стэ,*
 я слово-IN дух-POSS.1SG тот-PL день-DEF.PL-EL

‘(И на рабов Моих и на рабынь Моих) в те дни излию от Духа Моего (...)’ [Деян. 2:18]

В мокшанском языке вершинное имя в единственном числе маркируется темпоралисом (26а), тогда как для множественного числа используется генитивное маркирование (26б).

МОКШАНСКИЙ

- (26) а. *Ся-ка ши-ня Иисус-онди са-с-ть*
 тот-ADD день-TMPR1 Иисус-DAT прийти-PST.3-PL
саддукейх-ть,
 саддукей-PL

‘В тот день приступили к Нему саддукеи (...)’
 [Мф. 22:23]

- б. *ся ши-тне-нь Мон вал-са Эсь*
 тот день-DEF.PL-GEN я слово-IN REFL
Ваймопожфоз-ень покоди-нень ланг-с:
 душа-GEN рабочий-GEN поверхность-ILL

‘(И на рабов Моих и на рабынь Моих) в те дни излию от Духа Моего (...)’ [Деян. 2:18]

В луговом марийском, как и в мокшанском, маркирование выбирается в зависимости от числа. При отсутствии маркера множественного числа используется генитивное маркирование (27а), а в сочетании с маркером множественного числа — инессивное (27б).

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

- (27) а. *саддукей-влак тудо кечы-н ми-ен-ыт*
 саддукей-PL тот день-GEN приходит-PRET-3PL

‘В тот день приступили к Нему саддукеи (...)’ [Мф. 22:23]

- б. *Тудо кечы-ла¹⁷-ште Шкем-ын Шүльш-ем Мый*
 тот день-PL-IN REFL-GEN дух-POSS.1SG я

тарзе-влак-ем үмба-ке оптал-ам,
 слуга-PL-POSS.1SG поверхность-ILL лить-NPST.1SG

‘И на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни излию от Духа
 Моего (...)’ [Деян. 2:18]

В горномарийском число на выбор маркирования влияния не оказывает, и наблюдается исключительно генитивное маркирование:

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (28) а. *саддукей-влä тбй кечбй-н тол-ын-ыт*
 саддукей-PL тот день-GEN приходит-PRET-3PL

‘В тот день приступили к Нему саддукеи (...)’ [Мф. 22:23]

- б. *Тбй кечбй-влä-н бйшке Шүльш-ем-бйм Мбйнь*
 тот день-PL-GEN REFL дух-POSS.1SG-ACC я

цора-влä-эм вбй-кбй оптал-ам
 слуга-PL-POSS.1SG верх-ILL2 лить-NPST.1SG

‘И на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни излию от Духа
 Моего (...)’ [Деян. 2:18]

Таким образом, наличие модификатора, а также его вид могут сильно влиять на выбор маркирования. Например, в мокшанском языке темпоральный показатель не совместим с выражением числа и посессивности [Холодилова 2018: 66, 78], что влечет за собой выбор элативного показателя при множественном числе и генитивном

¹⁷ Морфема множественного числа *-ла*, согласно [Alhoniemi 1993: 68], употребляется с аккузативом и пространственными падежами при словах, обозначающих локализацию. По всей видимости, это распространяется и на временную семантику, однако в грамматике не указывается.

посессоре¹⁸. Генитивный маркер в луговом марийском допускает посессивное маркирование, но в темпоральной функции не совместим с показателем числа. При необходимости формального выражения числа используется инессив. В горномарийском же генитив свободно сочетается с числом, и инессив в маркировании момента времени не используется. Контраст между двумя марийскими языками может говорить о различном статусе *-н*-го показателя в этих языках (см. *Раздел 5*).

4.4. Месяц, сезон и год

Подтип «месяц» представлен в корпусе одним контекстом, в мордовских языках не содержащим рассматриваемых ТИГ. В марийских же языках использован генитив (29).

- ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ
- (29) а. *Кудымшо тылзы-н Юмо Гавриил Суксы-м*
 шестой месяц-GEN бог Гавриил ангел-ACC
Галилейы-се Назарет ман-ме ола-шке
 Галлилея-IN-ATTR Назарет говорить-PTCP.PASS город-ILL
колт-ен.
 посылать-PRET
- ГОРНОМАРИЙСКИЙ
- б. *Кудымшы тблзб-н Йымы Гавриил Ангел-бм.*
 шестой месяц-GEN бог Гавриил ангел-ACC
Галилейб-штб-шб Назарет ман-мы хала-шкы
 Галлилея-IN-ATTR Назарет говорить-PTCP.PASS город-ILL
- ‘В шестой же месяц послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет (...)’ [Лк. 1:26]

¹⁸ В эрзянском элативный показатель, используемый и при отсутствии модификаторов, совместим с выражением определенности, числа и посессивности. Поэтому контраста в маркировании не ожидается, и эрзянский в данном случае показательным не является.

Единственным контекстом, содержащим обозначение сезона, является стих [Мф. 24:20] с лексемой ‘зима’. В мордовских языках в данном контексте используется темпоральный показатель (30а)–(30б). Нужно отметить, что, согласно историческим грамматикам, эрзянский показатель *-ня* соответствует мокшанскому *-нда* [Серебренников 1967: 32]. В марийских языках в данном контексте используется аккузативное маркирование (30в)–(30г).

ЭРЗЯНСКИЙ

- (30) а. *Ознодо,* *илязо* *уле* *тынк* *оргодема-сь*
 молиться-IMP.PL ни быть ВЫ.GEN побег-DEF.SG
тель-ня *эли* *оймсема* *чи-не.*
 зима-TMPR2 или отдых день-TMPR1

МОКШАНСКИЙ

- б. *Озонд-ода,* *аф-оль* *уле* *ворьгодема-нте*
 молиться-IMP.PL NEG-PQP быть побег-2PL.POSS.SG
тяло-нда *али* *ваймама-нь* *ши-ня.*
 зима-TMPR2 или отдых-GEN день-TMPR1

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

- в. *Ты-лан-да* *тел-ым* *але* *шуматкечы-н*
 ВЫ-DAT-POSS.2PL зима-ACC или суббота-GEN
курж-аш *ынже* *логал* *манын,*
 бежать-INF PRON.3 попадать чтобы

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- г. *Тя-лән-дә* *тел-ым* *әли* *кукшыгечы-н*
 ВЫ-DAT-POSS.2PL зима-ACC или суббота-GEN
кыржыж-аш *ынже* *вәрешт* *манын,*
 бежать-INF PRON.3 приходиться чтобы

‘Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше **зимою** или в субботу ⟨...⟩’ [Мф. 24:20]

Из трех потенциальных контекстов обозначения года рассматривался только один, поскольку прочие не содержат ТИГ или же имеют кванторное слово в качестве зависимого ТИГ. В данном контексте

эрзянский сохраняет элативное маркирование, используемое в большинстве темпоральных контекстов, а мокшанский использует маркер *-ть*. В луговом марийском используется датив, выражающий не синхронную, а антериорно-дуративную локализацию (*к следующему году*). В горномарийском же используется генитив.

ЭРЗЯНСКИЙ

- (31) а. *Паряк сы ие-стэ карм-ить*
 возможно приходящий год-EL приняться-NPST.3PL
ул-еме инжир-т,
 быть-INF инжир-PL

МОКШАНСКИЙ

- б. *Пади сай кизо-ть канд-ы*
 возможно приходящий год-GEN приносить-NPST.3SG
имош-т;
 ягода-PL

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- в. *А уке гъинь, вес и-н ро-эт''*».
 а NEG.EX если другой год-GEN рубить-NPST.2SG

‘⟨...Не принесет ли плода;⟩ если же нет, то **в следующий [год]** срубишь ее’. [Лк. 13:9]

Таким образом, мордовские языки маркируют обозначение сезона (‘зима’) темпоралисом, а обозначение года — «дефолтным» темпоральным маркером элатива в эрзянском и показателем *-ть* в мокшанском. Марийские же языки используют маркер аккузатива для обозначения сезона, а для маркирования месяца — генитив. Для маркирования года в горномарийском используется дефолтный генитив.

4.5. Абстрактное время

Помимо контекстов, выделенных М. Хаспельматом, мы также рассмотрим абстрактные временные контексты, указывающие

на абстрактную временную точку или промежуток (32). Отбор данных контекстов составляет нетривиальную задачу, поскольку выбор конкретной лексемы, которая будет использована в вершине темпоральной ИГ, значительно различается по языкам. Так, в русском переводе из 19 выделенных контекстов лишь 7 содержат собственно лексему *время* (32а), тогда как в 11 контекстах встречается лексема *день* во множественном числе (32б), (32г). Один контекст содержит лексему *час* (32в). Все контексты модифицированы или указательным местоимением (32а)–(32в), или генитивным посессором (32г).

(32) а. **В это время** родился Моисей. [Деян. 7:20]

б. **В те дни** вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. [Лк. 2:1]

в. <...> **Ибо в тот час** дано будет вам, что сказать <...> [Мф. 10:19]

г. **И как было во дни Ноя**, так будет и во дни Сына Человеческого <...> [Лк. 17:26]

В эрзянском языке в 13 из 19 контекстов использована лексема *шка* ‘время’. Данная лексема может быть оформлена элативом с показателем определенности (33) или темпоралисом *-не*, соответствующим мокшанскому темпоралису *-ня* (34) [Серебренников 1967: 32].

ЭРЗЯНСКИЙ

(33) *Малав* *се-ке* *шка-сто-нить* *Ирод*
приблизительно тот-ADD время-EL-DEF.SG Ирод

инязоро-сь *кармавт-сь*
царь-DEF.SG заставить-PST.3SG

‘**В то время** царь Ирод <поднял руки на некоторых из> принадлежащих к церкви, <чтобы сделать им зло...>’ [Деян. 12:1]

ЭРЗЯНСКИЙ

(34) *Те* *шка-не* *Эфес-сэ* *кепед-в-кине-сь*
этот время-TMPR1 Эфес-IN устроить-PASS-CAUS-PST.3SG

поки шалт
 большой волнение

‘**В то время** произошел немалый мятеж (против пути Господня...)’ [Деян. 19:23]

Судить о точном распределении двух показателей по имеющимся в корпусе данным затруднительно, однако нужно отметить, что использование темпорального показателя встречается исключительно с местоимениями *се* ‘тот’ и *те* ‘этот’ в самом начале предложения. Данная позиция характерна для топикальных темпоральных ИГ, задающих временные рамки всему предложению. Из этого можно заключить, что выбор маркирования может зависеть от информационной структуры. Кроме того, при наличии маркера множественного числа наблюдается исключительно элативное маркирование (35). Таким образом, как и в системе маркирования ТИГ в целом, элативное маркирование является дефолтным, тогда как темпоральный показатель возникает в ограниченном количестве контекстов.

ЭРЗЯНСКИЙ
 (35) *кода уль-н-есь Лот-онь ика-тне-стэ:*
 как быть-IPFV-PST.3SG Лот-GEN время-DEF.PL-EL
 ‘(Так же,) как было и **во дни Лота** (...)’ [Лк. 17:28]

Другой лексемой, регулярно возникающей при обозначении абстрактного времени в эрзянском языке, является лексема *чи* ‘день’. Эта лексема в данном контексте выступает исключительно во множественном числе и с элативным маркированием (36).

ЭРЗЯНСКИЙ
 (36) *Не-ть чи-тне-стэ Иисус са-сь*
 тот-PL день-DEF.PL-EL Иисус прийти-PST.3SG
 ‘И было **в те дни**, пришел Иисус (из Назарета Галилейского и крестился от Иоанна в Иордане)’. [Мк. 1:9]

В мокшанском в 17 из 19 контекстов используется лексема *пинге* ‘время’. Основным маркированием (9 примеров из 17) является генитивное (37a), однако в двух используется темпоралис на *-ня* (37b).

МОКШАНСКИЙ

- (37) а. *Тя пинг-ть* *Ефес-са кепод-сь*
 этот время-DEF.SG.GEN Эфес-IN устроить-PST.2SG

оцю комболдома
 большой волнение

‘**В то время** произошел немалый мятеж (против пути Господня...)’ [Деян. 19:23]

- б. *Анна тя пинго-ня нежсед-сь тей-ст,*
 Анна этот время-TMPPL подойти-PST.3SG DAT-3PL

‘И она [Анна] **в то время**, подходя, (славила Господа и говорила о Нем всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме...)’.
 [Лк. 2:38]

На распределение генитивного и темпорального показателя с большой вероятностью влияет информационная структура, а именно особый статус топикальной позиции. Несмотря на ограниченность данных, можно предположить в качестве рабочей гипотезы, что в эрзянском для более ограниченного в употреблении темпорального показателя характерна топикальная позиция (34). В мокшанском же наблюдается обратная ситуация: ИГ, оформленные темпоралисом, располагаются не на левой периферии (37б). Это дает основания предполагать, что в мокшанском языке, в отличие от эрзянского, позиция топика для ИГ с темпоралисом не характерна. Безусловно, подтверждение гипотезы о влиянии топикального статуса требует дополнительного исследования на большем объеме данных.

Помимо генитива и темпоралиса, в мокшанском наблюдается элативное маркирование в контекстах, выражающих «абстрактное время». Элатив используется при наличии генитивного зависимого в контекстах, где отрезок времени указывается по отношению к периоду жизни конкретного человека (38).

МОКШАНСКИЙ

- (38) *Кода уль-сь* *Но-ень пинг-ста, стане ул-и*
 как быть-PST.3SG Ной-GEN время-EL так быть-NPST.3SG

Ломан-ень Цёра-ть са-ма
 человек-GEN сын-DEF.SG.GEN прийти-PTCP.PASS

ши-сто-нзо-бок.
 день-EL-POSS.3SG-ADD

‘⟨...⟩ Но, как было **во дни Ноя**, так будет и **в пришествие Сына Человеческого** ⟨...⟩’ [Мф. 24:37]

Помимо лексемы *пинге*, используется лексема *ши* ‘день’. Как и в эрзянском, контексты с данной лексемой за редким исключением (38) содержат ТИГ множественного числа (39). Маркирование в таких контекстах при выражении множественности генитивное, что, несмотря на разницу самих падежных показателей, является параллельным эрзянской системе: основной, наименее ограниченный по сфере употребления показатель используется в сочетании с множественным числом¹⁹.

МОКШАНСКИЙ
 (39) *Ся ши-тне-нь Иисус са-сь*
 тот день-DEF.PL-GEN Иисус приходит-PRST.3SG
 ‘И было **в те дни**, пришел Иисус ⟨из Назарета Галилейского⟩’
 [Мк. 1:9]

В луговом марийском лексема *жап* ‘время’ встречается только с инессивным маркированием (40а). Это же маркирование используется и для лексемы *кече* ‘день’ во множественном числе (40б).

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ
 (40) а. *Тудо жап-ыште Иисус нерген Ирод тетрарх*
 тот время-IN Иисус о Ирод царь
кол-ын.
 слышать-PRST

‘В то время Ирод четвертовластник услышал молву об Иисусе’. [Мф. 14:1]

¹⁹ Важно отметить, что в мокшанском формы пространственных падежей нейтральны с точки зрения числа, т. е. открытое выражение числа доступно в генитиве, но не в элативе.

б. *Тудо кечы-ла-ште Иерусалим гыч Антиохийы-ш*
 тот день-PL-IN Иерусалим EL Антиохия-PL

пророк-влак тол-ын-ыт.
 пророк-PL приходит-PRET-3PL

‘**В те дни** пришли из Иерусалима в Антиохию пророки’.
 [Деян. 11:27]

Наконец, в горномарийском языке 9 контекстов содержат лексему *жеп* ‘время’ и один — *веремä* ‘время’. Маркирование в данных контекстах генитивное (41a)–(41б), за исключением единственного примера, использующего инессив (41в). Как и в прочих случаях с единичным исключительным маркированием, можно подозревать влияние лугового марийского.

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(41) а. *Ти жеп-ын Иисус гишан Ирод тетрарх*
 этот время-GEN Иисус о Ирод царь

кол-ын.
 слышать-PRET

‘**В то время** Ирод четвертовластник услышал молву об Иисусе’. [Мф. 14:1]

б. *Ти верем-н Господь-ын корны-жы верц*
 этот время-GEN Господь-GEN дорога-POSS.3SG для

изи агыл пыдыранымаш лăкт-ын.
 маленький NEG волнение выходить-PRET

‘**В то время** произошел немалый мятеж против пути Господня <...>’ [Деян. 19:23]

в. *ма-м попы-мыла, тă-лăн-дă тб̄и жеп-биштб̄и*
 что-ACC сказать-DEV вы-DAT-POSS.2PL тот время-IN

пу-мы ли-эи,
 давать-PTCP.PASS стать-NPST.3SG

‘(Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать;) ибо **в тот час** дано будет вам, что сказать <...>’
 [Мф. 10:19]

Лексема *кечѝ* ‘день’, встречающаяся в данном контексте, как и в других языках выборки, только во множественном числе, также маркируется генитивом (42а), однако в одном случае зафиксировано и инессивное маркирование (42б).

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (42) а. *Ти кечѝ-влѝ-н Иерусалим гѝц Антиохи-ш*
 этот день-PL-GEN Иерусалим EL Антиохия-ILL

пророк-влѝ тол-ын-ыт.

пророк-PL приходить-PRET-3PL

‘**В те дни** пришли из Иерусалима в Антиохию пророки’.
 [Деян. 11:27]

- б. *Мѝнъ тѝм-дѝ-н кечѝ-влѝ-штѝ ѳрѝктѝрѝ-шѝ*
 я вы-POSS.2PL-GEN день-PL-IN удивлять-PTCP.ACT

нѝшѝ-м ѝшт-ем,

работа-ACC делать-NPST.1SG

‘⟨...⟩ Ибо Я делаю дело **во дни ваши** ⟨...⟩’ [Деян. 13:41]

Таблица 5 суммирует все продемонстрированные в данном разделе показатели по темпоральным значениям с возможностью сопоставления их основных функций, а также морфологических форм.

Таблица 5. Показатели, используемые во временных значениях

Table 5. Markers used to express temporal semantics

Значение	Эрз.	Мокш.	Луг. мар.	Горномар.
Час	EL (-сто / -стѝ)	EL (-ста); IN (-са)	IN (-што / -ште)	IN (-штѝ / -штѝ); GEN (-н)
Часть суток	COM (марто); TEMP (-ть)	GEN (-ть); TEMP (-ня)	COM (-тене); ACC (-м)	ACC (-м); LAT (-эш)
День	EL (-сто / -стѝ)	EL (-ста); GEN (-тнеь); TEMP (-ня)	IN (-што / -ште); GEN (-н)	GEN (-н)
Месяц	п/а	п/а	GEN (-н)	GEN (-н)
Сезон	TEMP (-ня)	TEMP (-нда)	ACC (-м)	ACC (-м)

Значение	Эрз.	Мокш.	Луг. мар.	Горномар.
Год	EL (-сто / -стэ)	GEN (-ть/-тнень)	n/a	GEN (-н)
Абстрактное время	EL (-сто / -стэ); ТЕМР (-не)	EL (-ста); GEN (-ть); ТЕМР (-ня)	IN (-што / -ште)	GEN (-н); IN (-штты/-штты́)

Из данного раздела видно, что стратегия обозначения абстрактного времени в некоторых языках может пересекаться, но не совпадать напрямую ни с одной из стратегий обозначения конкретного времени. В приложении также приводятся семантические карты для каждого из исследованных языков наряду с изначальной имплицативной картой временных значений синхронной локализации, предложенной М. Хаспельматом.

Корпусных данных, впрочем, недостаточно для того, чтобы утверждать, что наборы маркеров для каждой категории конкретного времени являются исчерпывающими.

5. Обсуждение статуса немаркированных форм, наречных форм и генитива при кодировании ТИГ

Немаркированные формы используются в рассмотренных языках для обозначения ТИГ, содержащих указание на часть суток (14), (16а). Примеры из эрзянского корпуса показывают, что немаркированные ТИГ могут содержать зависимые (*те-ке чи-нть чокшине* [этот-ADD день-DEF.SG.GEN вечер] ‘вечером того дня’), что говорит в пользу того, что немаркированные ТИГ должны обсуждаться в грамматических описаниях, а не заноситься в словари в качестве однословных наречий. Наречные суффиксы, такие как мордовские *-на/-ня*, *-нэ/-не* и *-ть*, также присоединяются к ТИГ с зависимыми, включающими в том числе указательные местоимения. По этой причине их рассмотрение в традиционных грамматиках в разделе «Словообразование» не вполне

оправдано. ТИГ, образованные при помощи таких аффиксов, действительно имеют внешнюю дистрибуцию наречий, однако словообразовательными аффиксами в лексикалистском²⁰ смысле являться не могут.

Наконец, материал корпуса позволяет дополнить описания генитива в грамматиках темпоральной функцией. В мокшанском корпусе абстрактное время может кодироваться именно генитивом, поскольку во множественном числе показатель генитива не омонимичен наречному *-ть*. Кроме того, можно заметить, что дистрибуция *-ть* в мокшанском, по крайней мере по данным корпуса, шире, чем в эрзянском. Это может быть объяснено тем, что омонимичный показателю определенного генитива наречный *-ть* был переосмыслен в генитив. В эрзянском же наречный *-ть*, по форме отличающийся от формы определенного генитива *-нтъ*, употребляется только для обозначения частей суток (а именно с лексемой *ве* ‘ночь’). В горномарийском маркер *-н* используется широко и не имеет ограничений на тип зависимого или числовое маркирование, что подтверждает его статус как показателя генитива. В противоположность горномарийскому, в луговом марийском в большинстве контекстов используется маркер инесива, а маркер *-н* встречается в ограниченном количестве контекстов и не употребляется со множественным числом.

В заключение нужно отметить, что отсутствие тех или иных употреблений в корпусе не говорит об их невозможности в языке. Так, несмотря на то что, согласно корпусным данным, маркер *-ть* в мокшанском заменяется темпоральным *-ня* при появлении указательного местоимения, данные опроса носителей показывают, что указательное местоимение в ТИГ, оформленных *-ть*, также возможно (43).

МОКШАНСКИЙ

(43) *Ся ве-ть ту-сь Егунет-у.*
 тот ночь-DEF.SG.GEN идти-PST.3SG Египет-LAT

‘В ту ночь он пошел в Египет’. [Полевые данные автора]

²⁰ Под лексикализмом мы понимаем подход, предполагающий, что синтаксис оперирует со словами, заранее сформированными в лексиконе по отдельным, отличным от синтаксиса законам (см., например, [Chomsky 1965]).

Более того, во множественном числе может быть использован генитив определенного склонения в своей множественной форме, что позволяет однозначно утверждать, что в мокшанском языке *-ть* — действительно форма определенного генитива.

МОКШАНСКИЙ

- (44) *Ся ве-тне-нь сон из утце.*
 тот ночь-DEF.PL-GEN он NEG.PST спать.CN

‘В те ночи он не спал’. [Полевые данные автора]

Выявляемая по корпусу ограниченность употребления *-ть* в эрзянском также может быть связана как с тем, что в эрзянском он является наречным маркером, так и с предпочтениями переводчика, вызванными не неграмматичностью данных форм в языке, а некоторыми внешними факторами. Схожая ситуация может наблюдаться и в марийских языках. Предпочтение инессива как основного темпорального маркера в луговом марийском переводе и генитива в горномарийском переводе не означает, что использование генитива в луговом марийском и использование инессива в горномарийском невозможно. Так, мы видим спорадические примеры на инессив в горномарийском корпусе Нового Завета. Отметим, что в [Петелин 2023] сообщается, что в горномарийском языке маркирование ТИГ синхронной локализации инессивом разрешается лишь частью носителей. Это говорит в пользу гипотезы, что в системе маркирования ТИГ в горномарийском языке статус инессива действительно маргинальный. В свою очередь, в луговом марийском языке генитивное маркирование менее ограничено и в корпусах встречается достаточно часто [Дж. Брэдли, л. с.].

6. Выводы

В данной статье на примере мордовских и марийских языков представлен опыт работы с корпусом переводов книг Нового Завета для изучения систем маркирования ТИГ в языках мира. Несмотря на некоторую вариативность в переводах, семантическая

разметка корпуса по семантическим типам, выделенным в [Haspelmath 1997], дает достаточно надежный набор контекстов, в частности, на темпоральную локализацию. Для типологических исследований к классификации М. Хаспельмата должны быть добавлены контексты, обозначающие «абстрактное время», которое может не совпадать по маркированию ни с одним из прочих типов. Необходимо также более дробно разделять время суток и сезон, поскольку внутри данных подтипов выбор показателя зависит от конкретной лексемы в вершине ТИГ. Дальнейшее дробление необходимо и для типа «день», поскольку сама лексема со значением ‘день’ может отличаться от названий дней недели по типу маркирования.

С типологической точки зрения, результаты, полученные в ходе исследования, подтверждают найденные М. Хаспельматом тенденции. Во-первых, наблюдается обильное использование пространственных показателей, не исключающее наличия также и непространственных средств выражения временных значений. Во-вторых, обилие различных маркеров для обозначения синхронной локализации также является типологической нормой. В некоторых языках наблюдается тенденция маркировать ‘час’ особым образом, однако исследуемые финно-угорские идиомы таковыми языками не являются: в конструкциях с лексемой со значением ‘час’ используется подмножество показателей, выступающих в других временных конструкциях. В-третьих, части суток показывают наибольшую степень лексикализации (застывшие специализированные наречия, немаркированные формы). Наконец, исследуемые языки подтвердили предложенную М. Хаспельматом имплицативную карту, отражающую наиболее частые тенденции в обозначении синхронной локализации.

Одна из черт, проявляемых мордовскими и марийскими языками, в свою очередь противоречит тенденции, замеченной в [Haspelmath 1997]. В отличие от некоторых языков выборки М. Хаспельмата, допускающих немаркированную форму при наличии модификаторов (в первую очередь, указательных местоимений), в мордовских и марийских модификаторы, особенно указательные местоимения, требуют открытого маркирования на вершине.

Данное исследование также показало, что наречные временные формы не являются наречиями в лексикалистском понимании. Они являются ИГ, образующимися в синтаксисе, а не в лексиконе, и получают соответствующее меняющее категорию маркирование уже как сложные синтаксические образования. Кроме того, среди маркеров ТИГ синхронной локализации должен упоминаться генитив.

Исследование по корпусу Нового Завета является лишь первой частью более подробного исследования, включающего использование других корпусов и метод элицитации данных. Однако данный этап является полезным для верификации и дополнения скудных данных, имеющихся в грамматических описаниях, и для формулировки гипотез.

В дальнейшем необходимо исследовать, насколько распределение возможных типов маркирования в корпусе Нового Завета отличается от распределения в других корпусах (см., например, [Koposhenko, this volume] о сравнении цитативов в кпелле на материале различных корпусов). Также важно проверить, что является причиной вариативности нескольких маркеров в том или ином контексте и является ли это свободным варьированием или же обусловлено некоторыми факторами, не выявленными по корпусу. Наконец, имея описание системы маркирования в одном из близкородственных языков, нужно проверить, возможно ли маркирование соответствующими аффиксами в другом.

Приложение

Дистрибуция употребления маркеров при кодировании типологически выделенных значений использует метод семантических карт [Haspelmath 1997]. Основной идеей данного метода является особое расположение выделяемых функций в граф таким образом, чтобы в каждом конкретном языке каждый конкретный маркер покрывал область функций, соединенных между собой. В нормальном случае маркер не может обозначать два разорванных кластера значений.

М. Хаспельмат предлагает следующую семантическую карту для значений синхронной локализации:

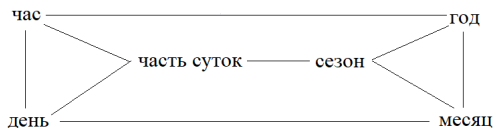
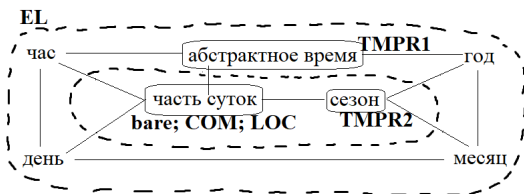

Рис. 1. Импликативная карта для показателей синхронной локализации

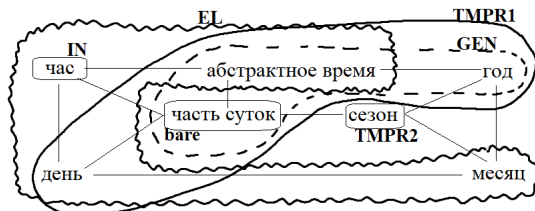
Fig. 1. Implicational map for simultaneous location markers

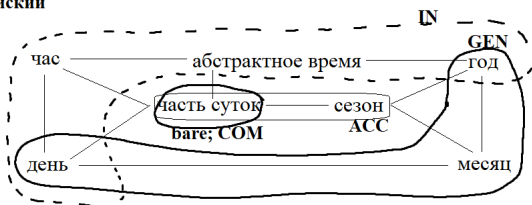
В ходе исследования карта была модифицирована: было добавлено значение «абстрактное время». На данный момент для непрерывности отношений на семантической карте абстрактное время должно быть соединено не только с семантикой «час» и «год», но также и с «часть суток». На Рис. 2 представлены системы маркирования темпоральных ИГ в исследуемых языках по семантической карте М. Хаспельмата с добавлением обозначения абстрактного времени.

Эрзянский

Мокшанский

Луговой
марийский

Горномарийский

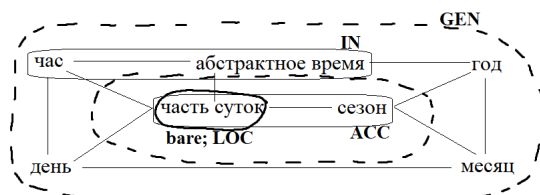

Рис. 2. Система маркирования ТИГ в эрзянском²¹, мокшанском, луговом марийском и горномарийском

Fig. 2. The system of morphosyntactic marking of nominal adverbials in Erzya, Moksha, Meadow Mari and Hill Mari

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; AVL — аблатив; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; APPR — приблизительность; ATTR — атрибутивизатор; CAUS — каузатив; CN — коннегатив; COM — комитатив; CVB — деепричастие; DAT — датив; DEF — определенность; DIM — диминутив; EL — элатив; EMPH — эмфаза; EX — экзистенциальный маркер; GEN — генитив; ILL, ILL2 — иллатив; IMP — императив; IN — инессив; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; LAT — латив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; O — объектное спряжение;

²¹ Концентрические круги на семантической карте для эрзянского и горномарийского показывают, что общностью маркирования обладают подтипы, находящиеся на периферии карты: «час», «абстрактное время», «год», «месяц» и «день», за исключением внутренних «часть суток» и «сезон».

PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PQR — плюсквамперфект; PRET — претерит; PRON — прохибитив; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PTCP.ACT — активное причастие; PTCP.PASS — пассивное причастие; REFL — рефлексив; s — субъектное спряжение; SG — единственное число, T — темпоральный аффикс; TMPR1, TMPR2 — темпоралис; TRANS — транслатив.

Литература

- Бубрих 1953 — Д. В. Бубрих. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1953.
- Ганенков 2002 — Д. С. Ганенков. Модели полисемии пространственных показателей. Дипломная работа. М.: МГУ, 2002.
- Кудаев 1988 — П. С. Кудаев. Малораспространенные случаи употребления генетива в мордовских языках // О. Е. Поляков (ред.). Актуальные вопросы мордовского языкознания. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1988. С. 128–132.
- Мосина 2008 — Н. М. Мосина. Выражение темпоральности местными падежами в финском и эрзянском языках // К. Н. Сануков, О. Н. Тихонов, И. С. Галкин, З. Г. Зорина, И. Г. Иванов, С. С. Сабитов (ред.). Материалы X международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика: V часть. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2008. С. 111–119.
- Мосина 2014 — Н. М. Мосина. Семантика глубинных падежей и морфологические средства их выражения в эрзянском языке. Дисс. ... д. филол. наук. Саранск: Мордовский государственный университет, 2014.
- Пенгитов 1961 — Н. Т. Пенгитов. Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961.
- Петелин 2023 — Д. О. Петелин. Семантика темпоральных выражений // Е. В. Кашкин (отв. ред.), М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова (ред.). Элементы горномарийского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2023. С. 301–322.
- Плаксина 2002 — Т. А. Плаксина. Ареальное исследование северо-западных говоров мокша-мордовского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Саранск: МГПИ им. М. Е. Евсевьева, 2002.
- Рожанский, Маркус 2021 — Ф. И. Рожанский, Е. Б. Маркус. Падежные формы в функции наречий времени в водском и ижорском языках // Доклад на конференции «Падеж в уральских, алтайских и палео-азиатских языках», Санкт-Петербург, ИЛИ РАН (онлайн), 23 октября 2021.

- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. (Bibliotheca Ceremissica Tomus 5). Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Серебрянников 1963 — Б. А. Серебрянников. Историческая морфология пермских языков. М.: Издательство АН СССР, 1963.
- Феоктистов 1966 — А. П. Феоктистов. Мордовские языки // В. В. Виноградов (гл. ред.), Б. А. Серебрянников, Н. А. Баскаков, Ю. Д. Дешериев, П. Я. Скорик, В. Ф. Беляев (ред.). Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966. С. 172–220.
- Холодилова 2018 — М. А. Холодилова. Морфология имени // С. Ю. Толдова, М. А. Холодилова (отв. ред.), С. Г. Татевосов, Е. В. Кашкин, А. А. Козлов, Л. С. Козлов, А. В. Кухто, М. Ю. Привизенцева, И. А. Стенин (ред.). Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2018. С. 63–121.
- Щанкина и др. 2011 — В. И. Щанкина, А. М. Кочеваткин, С. А. Мишина. Русско-мокшанско-эрзянский словарь. Самара: Поволжский центр культур финно-угорских народов, 2011.
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar. Hamburg: Buske, 1993.
- Bresnan, Grimshaw 1978 — J. Bresnan, J. Grimshaw. The syntax of free relatives in English // *Linguistic inquiry*. 1978. Vol. 3. № 9. P. 331–391.
- Chomsky 1965 — N. Chomsky. Aspects of the theory of syntax. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1965.
- de Vries 2007 — L. de Vries. Some remarks on the use of Bible translations as parallel texts in linguistic research // *STUF — Language Typology and Universals*. 2007. Vol. 60. № 2. P. 148–157. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.148.
- Fodor 2004 — G. Fodor. Időhatározók a mordvinban. *Folia Uralica Debreceniensia*. 2004. Vol. 11. P. 65–72.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. From space to time. Temporal adverbials in the World's languages. München; Newcastle: Lincom Europa, 1997.
- Kangasmaa-Minn 1969 — E. Kangasmaa-Minn. The syntactical distribution of the Cheremis genitive II. Turku: Kirjapaino Polytypos, 1969.
- Kobayashi 1999 — K. Kobayashi. Another Approach to Bare-NP Adverbials as Nominals // *English Linguistics*. Vol. 16. № 2. P. 353–380.
- Konoshenko, this volume — M. B. Konoshenko. Quotatives in Guinean and Liberian kpelle: a study of parallel bible corpora and non-biblical texts // This volume.
- Larson 1985 — R. K. Larson. Bare-NP adverbs // *Linguistic inquiry*. 1985. Vol. 16. № 4. P. 595–621.
- Larson 1987 — R. K. Larson. “Missing prepositions” and the analysis of English free relative clauses // *Linguistic inquiry*. 1987. Vol. 18. № 2. P. 239–266.

- Luraghi 2014 — S. Luraghi. Plotting diachronic semantic maps. The role of metaphor // S. Luraghi, H. Narrog (eds.). *Perspectives on Semantic Roles*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 101–152. DOI: 10.1075/tsl.106.04lur.
- Malchukov, Narrog 2008 — A. Malchukov, H. Narrog. Case polysemy // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford handbook of case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 518–534. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0035.
- McFadden 2004 — Th. McFadden. The position of morphological case in the derivation: A study on the syntax-morphology interface. PhD thesis. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2004.
- Pleshak, Petelin 2019 — P. Pleshak, D. Petelin. Nominal adverbials with temporal semantics in Hill Mari // *Typology of morphosyntactic parameters*. 2019. № 2. P. 95–112.
- Wälchli 2007 — B. Wälchli. Advantages and disadvantages of using parallel texts in typological investigations // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2007. Vol. 60. № 2. P. 118–134.

Источники

- БФУЯ — Библия на финно-угорских языках (электронный ресурс). URL: <http://finugorbib.com> (дата обращения: 20.08.2021)

References

- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar*. Hamburg: Buske, 1993.
- Bresnan, Grimshaw 1978 — J. Bresnan, J. Grimshaw. The syntax of free relatives in English. *Linguistic inquiry*. 1978. Vol. 3. No. 9. P. 331–391.
- Bubrikh 1953 — D. V. Bubrikh. *Istoricheskaya grammatika erzjanskogo jazyka* [The historical grammar of Erzya]. Saransk: Mordvin Book Publ., 1953.
- Chomsky 1965 — N. Chomsky. *Aspects of the theory of syntax*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1965.
- de Vries 2007 — L. de Vries. Some remarks on the use of Bible translations as parallel texts in linguistic research. *STUF — Language Typology and Universals*. 2007. Vol. 60. № 2. P. 148–157. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.148.
- Feoktistov 1966 — A. P. Feoktistov. Mordovskie jazyki [The Mordvin languages]. V. V. Vinogradov, B. A. Serebrennikov, N. A. Baskakov, U. D. Desheriev, P. Y. Skorik, V. F. Belyaev (eds.). *Jazyki narodov SSSR* [The languages of the nations of the USSR]. Vol. III. *Finno-ugorskie i samodijskie jazyki* [Finno-Ugric and Samoyedic languages]. Moscow: Nauka, 1966. P. 172–220.

- Fodor 2004 — G. Fodor. Időhatározók a mordvinban. *Folia Uralica Debreceniensia*. 2004. Vol. 11. P. 65–72.
- Ganenkov 2002 — D. S. Ganenkov. *Modeli polisemii prostranstvennykh pokazateley* [Models of the polysemy of spatial markers]. Thesis. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2002.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *From space to time. Temporal adverbials in the World's languages*. München; Newcastle: Lincom Europa, 1997.
- Kangasmaa-Minn 1969 — E. Kangasmaa-Minn. *The syntactical distribution of the Chermis genitive II*. Turku: Kirjapaino Polytypos, 1969.
- Kholodilova 2018 — M. A. Kholodilova. Morfologiya imeni [Nominal morphology]. S. U. Toldova, M. A. Kholodilova, S. G. Tatevosov, E. V. Kashkin, A. A. Kozlov, L. S. Kozlov, A. V. Kukhto, M. U. Privizentseva, I. A. Stenin (eds.). *Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of the Moksha language in typological perspective]. Moscow: Buki Vedi, 2018. P. 63–121.
- Kobayashi 1999 — K. Kobayashi. Another Approach to Bare-NP Adverbials as Nominals. *English Linguistics*. Vol. 16. No. 2. P. 353–380.
- Konoshenko, this volume — M. B. Konoshenko. *Quotatives in Guinean and Liberian kpelle: a study of parallel bible corpora and non-biblical texts*. This volume.
- Kudaev 1988 — P. S. Kudaev. Malorasprostrannyye sluchai upotrebleniya genitiva v mordovskikh yazykakh [Rare uses of genitive in Mordvin]. O. E. Polyakov (ed.) *Aktualnye voprosy mordovskogo yazykoznaniya* [Current issues in the Mordvin linguistics]. Saransk: Mordvin Book Publ., 1988. P. 128–132.
- Larson 1985 — R. K. Larson. Bare-NP adverbs. *Linguistic inquiry*. 1985. Vol. 16. No. 4. P. 595–621.
- Larson 1987 — R. K. Larson. “Missing prepositions” and the analysis of English free relative clauses. *Linguistic inquiry*. 1987. Vol. 18. No. 2. P. 239–266.
- Luraghi 2014 — S. Luraghi. Plotting diachronic semantic maps. The role of metaphor. S. Luraghi, H. Narrog (eds.). *Perspectives on Semantic Roles*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. 2014. P. 101–152. DOI: 10.1075/tsl.106.04lur.
- Malchukov, Narrog 2008 — A. Malchukov, H. Narrog. Case polysemy. A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford handbook of case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 518–534. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0035.
- McFadden 2004 — Th. McFadden. *The Position of Morphological Case in the Derivation: a Study on the Syntax-Morphology Interface*. PhD thesis. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2004.
- Mosina 2008 — N. M. Mosina. Vyrazhenie temporalnosti mestnymi padezhami v finskom i erzyanskom yazykakh [Expression of temporality with locative cases in Finnish and Erzya]. K. N. Sanukov, O. N. Tikhonov, I. S. Galkin, Z. G. Zorina, I. G. Ivanov, S. S. Sabitov (eds.). *Materialy X mezhdunarodnogo kongressa finno-ugrovedov:*

- Lingvistika: V chast* [Proceedings of the 10th International congress for Finno-Ugric studies: linguistics: V part]. Yoshkar-Ola: Mari State University, 2008. P. 111–119.
- Mosina 2014 — N. M. Mosina. *Semantika glubinnykh padezhey i morfologicheskije sredstva ikh vyrazheniya v erzyanskom yazyke* [Semantics of deep cases and their morphological encoding in Erzya]. Doctoral thesis. Saransk: Mordvin State University, 2014.
- Pengitov 1961 — N. T. Pengitov. *Sovremennyy mariyskiy yazyk. Morfologiya* [Modern Mari. Morphology]. Yoshkar-Ola: Mari Book Publ., 1961.
- Petelin 2023 — D. O. Petelin. *Semantika temporalnykh vyrazheniy* [Semantics of temporal expressions]. E. V. Kashkin, M.-E. A. Winkler, T. I. Davidyuk, V. V. Dyachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (eds.). *Elementy gornomariyskogo yazyka v tipologicheskom osveschenii* [Elements of the Hill Mari grammar in typological perspective]. Moscow: Buki Vedi, 2023. P. 301–322.
- Plaksina 2002 — T. A. Plaksina. *Arealnoe issledovanie severo-zapadnykh govorov moksha-mordovskogo yazyka* [An areal study of the North-Western idioms of the Moksha mordvin language]. Doctoral thesis. Saransk: Evseyev Mordovian State Pedagogical Institute, 2002.
- Pleshak, Petelin 2019 — P. Pleshak, D. Petelin. Nominal adverbials with temporal semantics in Hill Mari. *Typology of morphosyntactic parameters*. 2019. No. 2. P. 95–112.
- Rozhansky, Markus 2021 — F. I. Rozhansky, E. B. Markus. *Padezhnye formy v funktsii narechii vremeni v vodskom i izhorskom yazykakh* [Case forms as temporal adverbials in Votic and Izhora]. Talk at the conference “Cases in Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic languages”, Petersburg, Institute for Linguistic Studies RAS (Online), October 23, 2021.
- Savatkova 2002 — A. A. Savatkova. *Gornoe narechie mariyskogo yazyka* [The Hill idiom of the Mari language]. (Bibliotheca Ceremissica Tomus 5). Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Serebrennikov 1963 — B. A. Serebrennikov. *Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov* [The historical morphology of the Permic languages]. Moscow: USSR Academy of Sciences Book Publ., 1963.
- Schankina et al. 2011 — V. I. Schankina, A. M. Kochevatkin, S. A. Mishina. *Russko-mokshansko-erzyanskiy slovar* [Russian-Moksha-Erzya dictionary]. Samara: Volgaic Cultural center of Finno-Ugric nations, 2011.
- Wälchli 2007 — B. Wälchli. Advantages and disadvantages of using parallel texts in typological investigations. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2007. Vol. 60. № 2. P. 118–134.

Экзистенциальные предикаты в Новом Завете

Э. К. Кожевникова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия); elinakonst909@outlook.com; ORCID: 0009-0007-0269-8886

Аннотация. Данная работа посвящена описанию контекстов, содержащих экзистенциальные предикаты, в Новом Завете на материале семи языков (древнегреческий, латинский, русский, английский, немецкий, французский, удмуртский). 87 отобранных контекстов были классифицированы с точки зрения семантической функции предиката (интродукция, ассерция существования, генерическое существование и инхоатив). На основе этих данных для каждого языка были выделены основные стратегии выражения соответствующих значений.

Ключевые слова: экзистенциальная предикация, корпусная лингвистика, параллельные корпуса, база данных, Новый Завет, русский язык, английский язык, древнегреческий язык, латинский язык, немецкий язык, французский язык, удмуртский язык.

Existential predicates in the New Testament

Elina K. Kozhevnikova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); elinakonst909@outlook.com; ORCID: 0009-0007-0269-8886

Abstract. The paper describes the use of existential predicates in the New Testament on the basis of three books (*The Gospel of Mark*, *The Gospel of Luke* and *The Acts of the Holy Apostles*) in seven languages (Ancient Greek, Latin, Russian, English, German, French, and Udmurt). 87 contexts with existential predicates were selected. From these, I excluded examples in which an existential predicate was absent from at least two languages or was used to mark possessive or locative relations.

The remaining contexts were divided into the following semantic groups: introduction ('Intr'; 22 contexts), assertion of existence ('Assert'; 37 affirmative contexts and eight negative contexts), generic existence ('Gen'; three contexts), and inchoative ('Inch'; 17 contexts). In all languages from the sample, apart from prototypical existential predicates or existential constructions (e.g., English *there is*), other predicates also can express the semantics of existence. I show that the use of each predicate or construction depends on the semantic type of a given context. For example, the existential construction with the predicate *arose* is expected in the 'Inch' group but is not found in other types of contexts.

The contexts of 'Assert' and 'Intr', though very close grammatically, differ from the semantic point of view. In the contexts of introduction, a new theme is always introduced, whereas in assertion contexts, existence is perceived as a permanent property. The negative contexts, making up less than 10 percent of the total number of contexts, describe the absence of existence. Existential predicates also can occur in cleft constructions, though this type of contexts is not relevant for the semantics of existence.

Based on the number of discrepancies found in the selected contexts and their semantic ambiguity, the paper divides them into core and peripheral contexts. The resulting database can be used for further cross-linguistic analyses of existential predicates.

Keywords: existential predication, corpus linguistics, parallel corpora, database, New Testament, Russian, English, Ancient Greek, Latin, German, French, Udmurt.

1. Введение

Экзистенциальные предикаты, или предикаты существования, такие как формы глагола 'быть' во многих языках или русский глагол *сделаться*, выражают существование некоторой сущности в мире или, чаще, отдельном его фрагменте, см. [Арутюнова, Ширяев 1983: 8; Рауне 1997: 123]. Так, в примере (1) экзистенциальный предикат *сделалась* маркирует начало существования тьмы. В некоторых случаях можно говорить об устойчивых экзистенциальных конструкциях ([Рауне 1997: 123; Koch 2012: 535]), как, например, во французском языке, где в большинстве контекстов значение существования выражается при помощи формы глагола *avoir* 'иметь' в безличном обороте

(2а), а также в английском языке, где в подобных контекстах употребляется конструкция с эксплетивом *there* и бытийным глаголом (2б).

- (1) *Было же около шестого часа дня, и сделалась тьма по всей земле до часа девятого.* [Лк. 23:44]

ФРАНЦУЗСКИЙ

- (2) а. *Et voici, il y av-ai-t à Jérusalem*
и вот 3SG.M здесь иметь-IMPF-3SG в Иерусалим
un homme appel-é Siméon.
INDEF.M человек называть-PTCP.PST Симеон

АНГЛИЙСКИЙ

- б. *And, behold, there was a man in Jerusalem, whose name was Simeon.*
‘Тогда **был** в Иерусалиме человек, именем Симеон’. (Он был муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева; и Дух Святой был на нем). [Лк. 2:25]¹

Помимо идеи о существовании некоторого объекта действительности, экзистенциальные предикаты и конструкции могут выражать также идею о его несуществовании. Например, в (3) отрицается наличие места в гостинице как такового:

- (3) *⟨...⟩ И родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что **не было** им места в гостинице.* [Лк. 2:7]

Ранее в типологических исследованиях экзистенциальные предикаты и конструкции рассматривались с точки зрения употребления в собственно экзистенциальных (2), посессивных (4) и локативных (5) контекстах (см. [Lyons 1968; Clark 1978; Payne 1997; Koch 2012]). В данных работах обсуждались типы именной предикации, в которых используются бытийные глаголы и прототипические экзистенциальные конструкции. Так, в работе [Lyons 1968: 413] локативное употребление экзистенциального предиката выделяется на том основании,

¹ Все переводы приведены по русскому Синодальному переводу (СПБ).

что собственно экзистенциальный контекст (но не локативный) «может быть перифразирован с помощью *exist*» (ср. *There are lions in Africa* и *Lions exist in Africa*), а локус «с синтаксической точки зрения может быть отброшен» (*Lions exist*).

- (4) *Еще сказал: «у некоторого человека было два сына».*
[Лк. 15:11]
- (5) *Младенец же возрастал и укреплялся духом, и был в пустынях до дня явления своего Израилю.* [Лк. 1:80]

В предыдущих работах на данную тему также были описаны стратегии выражения экзистенциального значения (такие, как копула, предикат или конструкция с эксплетивом, см. [Creissels 2014; Haspelmath 2021]), формальные подходы к семантике и синтаксис экзистенциальных конструкций в типологической перспективе (см., например, [Lumsden 1988; Hazout 2004; Hartmann 2008; McNally 2011, 2016; Bentley et al. 2013]).

Мы подробно рассмотрим собственно экзистенциальные контексты и встречающиеся в них предикаты и предложим их семантическую классификацию (см. *Раздел 2*).

Наше исследование проведено на материале Нового Завета — обширного параллельного корпуса, см. [Плунгян, настоящий сборник]. Мы опишем особенности употребления экзистенциальных предикатов в Новом Завете и определим наиболее прототипические контексты.

Мы рассмотрели три книги: Евангелие от Луки (Лк.), Евангелие от Иоанна (Ин.) и Деяния святых апостолов (Деян.). При исследовании мы опирались на древнегреческий (ДПБ) как язык оригинала, а также на русский (СПБ, НРП), английский (КJB), латинский (NV), немецкий (ВВ), французский (ФПБ) и удмуртский (УПБ) переводы.

Отдельные работы посвящены экзистенциальным конструкциям и предикатам в языках нашей выборки. Так, в работе [Joseph 2000] рассматривается немецкая экзистенциальная конструкция в исторической и типологической перспективе. Именной экзистенциальной

предикации в удмуртском посвящена работа [Asztalos 2018], в которой рассматривается возможность опустить бытийный глагол в зависимости от контекста в сопоставлении с данными русского языка. В работах, посвященных русскому бытийному глаголу, рассматривается его значение в разных типах именной предикации [Арутюнова, Ширяев 1983; Paducheva 2008], а также его аспектуальные особенности [Падучева 2015]. Много работ по этой теме посвящено английской экзистенциальной конструкции [Milsark 1974; Jenkins 1975; Nathan 1978], ее описанию с точки зрения функциональной грамматики [Hannay 1985], а также связи семантики и синтаксиса в данной конструкции [McNally 1992; Kim 1997]. В работах [Yael 1982; Collins 2002] рассматривается «презентативная» (интродуктивная) функция английской экзистенциальной конструкции (см. *Раздел 2*).

Древнегреческий и латинский мы использовали для отбора контекстов, но подробно не рассматривали. Мы учитывали только такие контексты, в которых экзистенциальные предикаты в искомом значении встречались не менее чем в пяти переводах из семи. Случаи с расхождениями, где экзистенциальная предикация была только в шести или пяти переводах, были отнесены нами к периферийным².

Подобные случаи немногочисленны и характерны, в частности, для интродуктивных контекстов, где объект, существующий в определенном пространстве, вводится в дискурс (см. *Подраздел 2.1*). Так, в примере (6) в латинском переводе при введении нового участника повествования употребляется частица *esse* ‘*вот*’. Однако в остальных

² В некоторых случаях расхождения возникали между Синодальным и Новым русским переводом, ср., например, стих [Ин. 1:6]: *Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн и Богом был послан человек по имени Иоанн* соответственно — во втором случае экзистенциальный предикат отсутствует. Мы отмечали наличие экзистенциальной предикации для русского, если она была употреблена хотя бы в одном из переводов. Однако варьирование по переводу одного языка также говорит о том, что контекст не является ядерным и относится скорее к периферийным.

переводах, как, например, в русском, используется экзистенциальный предикат, поэтому данный контекст включен в общую выборку, но рассматривается как периферийный.

ЛАТИНСКИЙ

- (6) *Et ecce mulier*
и вот женщина

‘Там была женщина,’ (восемнадцать лет имевшая духа немощи: она была скорчена и не могла выпрямиться). [Лк. 13:11]

В то же время контекст [Лк. 23:50] не был включен в итоговую выборку, поскольку он является релевантным лишь для английского (7), французского и немецкого переводов, в то время как в русском (см. перевод примера (7)), удмуртском, древнегреческом и латинском экзистенциальный предикат не употребляется, а используется глагол, характеризующий действие субъекта.

АНГЛИЙСКИЙ

- (7) *And, behold, **there was** a man named Joseph, a counsellor; and he was a good man, and a just: (The same had not consented to the counsel and deed of them;) he was of Arimathæa, a city of the Jews: who also himself waited for the kingdom of God. This man went unto Pilate, and begged the body of Jesus.*

‘Тогда некто, именем Иосиф, член совета, человек добрый и правдивый, не участвовавший в совете и в деле их; из Аримафеи, города Иудейского, ожидавший также Царствия Божия, пришел к Пилату и просил тела Иисусова’ (...) [Лк. 23:50–52]

Мы отобрали 87 контекстов с экзистенциальной предикацией и приписали каждому контексту семантический ярлык по функции, выполняемой экзистенциальным предикатом: интродукция (‘Intr’), ассерция существования (‘Assert’), генерическое существование (‘Gen’) и инхотатив (‘Inch’). Для каждой семантической зоны мы опишем стратегии выражения экзистенциального значения и определим прототипические контексты, формирующие ядро, и периферийные контексты.

2. Классификация контекстов

2.1. Интродукция

В интродуктивных контекстах экзистенциальный предикат вводит в план текста нового участника повествования (8)–(9).

- (8) *В Кесарии был некоторый муж, именем Корнилий, сотник из полка, называемого Италийским, благочестивый и боящийся Бога со всем домом своим, творивший много милостины народу и всегда молившийся Богу.* [Деян. 10:1–2]
- (9) *В Иоптии находилась одна ученица, именем Тавифа, что значит: «серна»; она была исполнена добрых дел и творила много милостины.* [Деян. 9:36]

Всего мы рассмотрели 23 интродуктивных контекста. Все они относятся к плану прошедшего. Для контекстов данного типа характерна вариативность способов выражения семантики существования в рамках одного языка. В русском переводе это значение выражается экзистенциальными предикатами *быть* (8) и *находиться* (9), причем второй встречается в искомом значении только в Деяниях в Синодальном переводе в двух контекстах ([Деян. 8:9, 9:36]).

В удмуртском переводе употребляются неизменяемые формы бытийного глагола *вал* (10) и *вылэм* (11), а также формы глагола *улыны* ‘жить’³ (12).

³ Поскольку глагол ‘жить’ встречается в отобранных базовых контекстах экзистенциальной предикации, см., например, [Лк. 1:5, 2:25], мы рассматриваем его в качестве экзистенциального. В некоторых языках ‘жить’ также способен развивать полисемию ‘быть’ и выступать в контекстах, релевантных для экзистенциальных конструкций (например, в посессивной предикации), как в хантыйском [Соловар 2014: 44].

- УДМУРТСКИЙ
- (10) *Сизъым агай-вынь-ёс* **вал:**
семь старший_брат-младший_брат-PL быть-PST
'**Было** семь братьев,' <первый, взяв жену, умер бездетным>.
[Лк. 20:29]
- (11) *Выл-эм кыче ке но Лазарь ним-о*
быть-PST2 какой INDEF ADD Лазарь имя-ATTR
кура-ськ-ись,
просить-DETR-PTCPACT
'**Был** также некоторый нищий, именем Лазарь,' <который ле-
жал у ворот его в струпьях>. [Лк. 16:20]
- (12) *Соку Иерусалим-ын Симеон ним-о адями*
тогда Иерусалим-LOC Симеон имя-ATTR человек
ул-й-з.
жить-PST-3SG
'Тогда **был** в Иерусалиме человек, именем Симеон'. <Он был
муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израи-
лева; и Дух Святой был на нем>. [Лк. 2:25]

Наибольшая вариативность характерна для контекстов в немецком переводе. Для выражения значения существования в интродуктивной функции употребляются два экзистенциальных предиката *leben* 'жить' (13а) и *wohnen* 'жить, проживать' (13б), см. также ниже о *wohnen* в данном типе контекстов. Кроме того, в немецком переводе использованы две экзистенциальные конструкции с местоимением *es* 'это' в функции эксплетива, см. (14а) и (14б).

- НЕМЕЦКИЙ
- (13) а. *In Damaskus leb-t-e ein Jünger name-ns*
в Дамаск жить-PST-SG INDEF.M ученик имя-GEN
Hananiās.
Анания
'В Дамаске **был** один ученик, именем Анания;' <и Господь
в видении сказал ему: Анания! Он сказал: я, Господи>.
[Деян. 9:10]

б. *In Lystra wohn-t-e ein Mann,*
в Листра жить-PST-SG INDEF.M/N мужчина

‘В Листре **жил** человек,’ ⟨не владевший ногами; он был хромым от рождения и никогда не ходил⟩. [Деян. 14:8]

(14) а. *Unter den Pharisäer-n gab es ein-en,*
между DEF.PL фарисей-DAT.PL дать.PST это INDEF-ACC.M

‘Между фарисеями **был** некто,’ ⟨именем Никодим, (один) из начальников Иудейских⟩. [Ин. 3:1]

б. *Es war auch ein-e Prophetin im Tempel.*
это быть.PST тоже INDEF-F пророчица в.DEF.M/N храм

‘Там **находилась** также пророчица’ ⟨Анна, дочь Фануила, из рода Асира. Она была в глубокой старости. Анна прожила семь лет со своим мужем...⟩ [Лк. 2:36]

В английском (15) и французском (16) переводах в большинстве контекстов использованы экзистенциальные конструкции.

АНГЛИЙСКИЙ

(15) *And there was a certain nobleman, whose son was sick at Capernaum.*

⟨Итак, Иисус опять пришел в Кану Галилейскую, где претворил воду в вино.⟩ ‘В Капернауме **был** некоторый царедворец, у которого сын был болен’. [Ин. 4:46]

ФРАНЦУЗСКИЙ

(16) *Il y av-ai-t à Capernaüm un officier*
3SG.M здесь иметь-IMPF-3SG в Капернаум INDEF.M солдат
du roi
от.DEF.M король

‘В Капернауме **был** некоторый царедворец,’ ⟨у которого сын был болен⟩. [Ин. 4:46]

Однако во французском в интродуктивных контекстах также употребляется экзистенциальный предикат *se trouver* ‘находиться’ (17), и в одном контексте встретился бытийный глагол с причастием глагола позиции (18), что нехарактерно для интродуктивного типа контекстов.

ФРАНЦУЗСКИЙ

- (17) *Il se trouv-a dans la synagogue*
 3SG.M REFL.3 находиться-AOR.3SG внутри DEF.F синагога
un homme,
 INDEF.M человек

‘**Был** в синагоге человек, ’〈имевший нечистого духа бесовского, и он закричал громким голосом...〉 [Лк. 4:33]

- (18) *Un pauvre, nomm-é Lazare, ét-ai-t*
 INDEF.M бедный назвать-PTCP.PST Лазарь быть-IMPF-3SG
couch-é à sa porte, couvert d’
 лежать-PTCP.PST в 3SG.POSS.F дверь покрыть.PTCP.PST от
ulcère-s
 язва-PL

‘**Был** также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях’. [Лк. 16:20]

В одном из отобранных контекстов этой группы ([Деян. 14:8], отнесенным к периферии) во всех языках были использованы нетипичные экзистенциальные предикаты и конструкции. Так, в немецком переводе только в этом контексте встретился глагол *wohnen* (13). В английском употребляется конструкция с эксплетивом *there*, но вместо бытийного глагола использован глагол позиции ‘сидеть’ (19), как и в русском Синодальном переводе.

АНГЛИЙСКИЙ

- (19) *And there sat a certain man at Lystra, impotent in his feet, being a cripple from his mother’s womb, who never had walked:*
 ‘В Листре некоторый муж, не владевший ногами, **сидел**, будучи хром от чрева матери своей, и никогда не ходил’. [Деян. 14:8]

Во французском используется «составной» экзистенциальный предикат, как в примере (18). Однако в данном контексте в качестве глагола-связки употребляется не бытийный глагол, а глагол *se tenir* ‘состояться, держаться’ (20), что можно объяснить особенностью положения сидя — как единственно возможного для данного человека.

ФРАНЦУЗСКИЙ

- (20) *A Lystre, se ten-ai-t assis*
 в Листра REFL.3 держать-IMPF-3SG сидеть.PTCP.PST
un homme impotent des pieds,
 INDEF.M человек больной OT.DEF.PL нога-PL

‘В Листре некоторый муж, не владевший ногами, сидел,’
 (будучи хром от чрева матери своей, и никогда не ходил).
 [Деян. 14:8]

Однако в удмуртском переводе отсутствует указание на специфическое положение человека в пространстве, употреблен обычный экзистенциальный предикат (21).

УДМУРТСКИЙ

- (21) *Листра-ын пыд-тэм ниосмурт вал.*
 Листра-LOC нога-NEG.ATTR мужчина быть.PST

‘В Листре некоторый муж, не владевший ногами, сидел,’
 (будучи хром от чрева матери своей, и никогда не ходил).
 [Деян. 14:8]

Для интродуктивного типа контекстов характерны расхождения переводов, поскольку новый участник может быть введен непосредственно при описании ситуации, как в примере (22), где в русском переводе бытийный глагол использован в роли глагола-связки (аналогичной стратегии придерживается латинский). В английском же употребляется экзистенциальная конструкция, как и в остальных переводах. Подобные случаи мы относили к периферийным.

- (22) *There was a certain rich man, which was clothed in purple and fine linen, and fared sumptuously every day*
 ‘Некоторый человек **был богат**, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно’. [Лк. 16:9]

Из рассмотренных нами контекстов 16 мы отнесли к ядерным и 6 к периферийным на основании количества расхождений по переводам, см. *Таблицу 1*.

Таблица 1. Интродуктивные контексты в Новом Завете

Table 1. Introduction contexts in the New Testament

Ядерные	Периферийные
Ин. 3:1, 4:46, 5:5	Ин. 1:6
Лк. 1:5, 2:25, 2:36, 4:33, 16:20, 18:2, 18:3, 20:29	Лк. 6:6, 13:11, 14:2, 16:19
Деян. 8:9, 9:10, 9:36, 10:1, 13:1	Деян. 14:8

2.2. Ассерция существования

Среди отобранных контекстов больше половины (45 из 87, среди которых 37 утвердительные) относятся к ассерции существования. Для данной семантической группы значим сам факт существования некоторого объекта или же, как в примере (23), важно сообщить о каком-либо событии. Ассертивный тип контекстов является единственным, представленным также отрицательными примерами (24).

(23) *На третий день **был** брак в Кане Галилейской, и Мать Иисуса была там.* [Ин. 2:1]

(24) *Они, судив меня, хотели освободить, потому что **нет** во мне никакой **вины**, достойной смерти <...>* [Деян. 28:18]

Основным отличием ассертивных контекстов от интродуктивных можно назвать то, что при ассерции существования субъект не совершает в дальнейшем действий или не происходит воздействия на введенный объект, о существовании сообщается для обозначения самого этого факта. Однако семантическая зона достаточно размыта, и оценка значимости объекта в тексте может быть субъективна.

Также в отличие от интродуктивного типа контекстов, ассерция существования представлена не только «прошедшим временем», но и контекстами «настоящего» (25) и «будущего времени» (26). В первом случае ситуация утверждает существование некоторого

объекта или сущности в момент речи. Контексты с будущим временем представляют собой предсказание.

УДМУРТСКИЙ

- (25) *инты-ос вань на*
 место-PL имеется еще

⟨И сказал раб: господин! исполнено, как приказал ты, и) ‘еще есть место’. [Лк. 14:22]

АНГЛИЙСКИЙ

- (26) *And have hope toward God, which they themselves also allow, that **there shall be** a resurrection of the dead, both of the just and unjust.*

⟨...⟩ ‘Имея надежду на Бога, что **будет** воскресение мертвых, праведных и неправедных, чего и сами они ожидают’. [Деян. 24:15]

В удмуртском в контекстах, выражающих предсказания, употребляется глагол *луыны* ‘быть, становиться’, см. (27), так как для будущего времени неизменяемая форма бытийного глагола отсутствует (*вал* и *вылэм* — неизменяемые формы прошедшего времени, *вань* — неизменяемая форма настоящего времени).

УДМУРТСКИЙ

- (27) *Шунды-ын но, толэзь-ын но, кизили-ос-ын но*
 солнце-LOC ADD луна-LOC ADD звезда-PL-LOC ADD

тодметь-ёс лу-о-зы,
 знак-PL БЫТЬ-FUT-3PL

‘И **будут** знамения в солнце и луне и звездах,’ ⟨а на земле уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится...⟩ [Лк. 21:25]

При передаче предсказания в немецком переводе, помимо основной экзистенциальной конструкции, используется также несколько экзистенциальных предикатов, таких как *geschehen* ‘происходить’, *erscheinen* ‘появляться’ (28).

- НЕМЕЦКИЙ
- (28) *Es wird schwer-e Erdbeben*
 это становиться.PRS.3SG тяжелый-PL землетрясение.PL
- geb-en. Schrecklich-e Ding-e werd-en*
 давать-INF ужасный-PL вещь-PL становиться-3PL
- gescheh-en, und am Himmel werd-en*
 происходить-INF и в.DEF.M/N небо становиться-3PL
- gewaltig-e Zeichen erschein-en.*
 огромный-PL знак.PL появляться-INF
- ⟨...⟩ ‘Будут большие землетрясения, и ужасные явления, и (будут) великие знамения с неба’. [Лк. 21:11]

Всего среди утвердительных контекстов 8 представляют собой предсказание (“FUT”), 7 соотнесены с моментом речи (“PRS”) и оставшийся 21 контекст отсылает к прошлому (“PST”), см. обобщающий список в *Таблице 2* ниже. Большинство (26 из 37) мы отнесли к ядерным, так как в них во всех переводах последовательно отражена идея о существовании некоего объекта при помощи экзистенциальной предикации, а 11 контекстов, в которых были расхождения, — к периферийным.

Отдельно от утвердительных мы рассмотрели отрицательные контексты, в которых существование некоторой сущности отрицается, как в примере (29).

- (29) *Ибо саддукеи говорят, что нет воскресения, ни Ангела, ни духа; а фарисеи признают и то и другое.* [Деян. 23:8]

К базовым средствам выражения отрицания относятся маркированная отрицанием экзистенциальная конструкция (например, во французском (30)), отрицательный артикль (например, в немецком (31)), а также специальный отрицательный маркер, как *нет* в русском или *övä* в удмуртском, см. (32).

- (30) *il n’ y av-ai-t pas de place pour*
 3SG.M NEG здесь иметь-IMPF-3SG NEG от место для
- eux dans l’ hôtellerie*
 3PL.M в DEF.SG гостиница

⟨...И родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что⟩ ‘не было им места в гостинице’.
[Лк. 2:7]

НЕМЕЦКИЙ

- (31) *dass es kein-e Auferstehung der Tot-en*
что это NEG-F.SG воскресение DEF.GEN.PL мертвый-PL

gib-t.

давать-PRS.3SG

⟨К Иисусу подошли несколько саддукеев, которые утверждали,⟩ ‘что **нет воскресения мертвых**’. ⟨Они спросили Его...⟩ [Лк. 20:27]

УДМУРТСКИЙ

- (32) *султон-эз но, Кылчинъ-ёс-ыз но,*
воскресение-POSS.3SG ADD ангел-PL-POSS.3SG ADD

дух-ез но öвёл

дух-POSS.3SG ADD NEG

⟨Ибо саддукеи говорят, что⟩ ‘**нет** воскресения, ни Ангела, ни духа;’ ⟨а фарисеи признают и то и другое⟩. [Деян. 23:8]

Большинство отрицательных контекстов (6 из 8) находятся в разных типах зависимых клауз, что влияет на количество расхождений. В частности, в так называемых изъяснительных придаточных отрицание может быть выражено имплицитно глаголом главной клаузы, а в остальных случаях выражено эксплицитно в зависимой. Так, в стихе [Лк. 20:27] в английском переводе употребляется глагол *deny*, в лексическом значении которого содержится компонент отрицания (33). Данный контекст можно считать релевантным, поскольку действие отрицания распространяется на всю зависимую клаузу, что выражено при помощи единицы отрицательной полярности *any*.

АНГЛИЙСКИЙ

- (33) *Then came to him certain of the Sadducees, which deny that there is any resurrection; and they asked him,*
‘Тогда пришли некоторые из саддукеев, **отвергающих воскресение**, и спросили Его’ ⟨...⟩ [Лк. 20:27]

Кроме того, в данном контексте проявляется отличие русского Синоподального перевода, см. перевод примера (33), от Нового русского перевода (34). В первом примере отрицание передано при помощи формы глагола *отвергать*, а во втором в главной клаузе используется утвердительный глагол, отрицанием же маркирована экзистенциальная конструкция в зависимой клаузе.

- (34) *К Иисусу подошли несколько саддукеев, которые утверждали, что **нет воскресения мертвых** <...>* [Лк. 20:27; Новый перевод]

Глаголом с имплицитным отрицанием оформлен данный контекст и в латинском переводе, где зависимая клауза выражена через инфинитивный оборот (35). В остальных переводах используются базовые средства маркирования отрицания.

ЛАТИНСКИЙ

- (35) *qui **nega-nt** esse resurrection-em*
кто отрицать-PRS.3PL быть-INF воскресение-SG.ACC

⟨Тогда пришли некоторые из саддукеев,⟩ ‘отвергающих воскресение,’ ⟨и спросили Его...⟩ [Лк. 20:27]

Рассмотренные нами отрицательные контексты также представлены в *Таблице 2* (с. 301). Из 8 контекстов половина относится к ядерным и половина к периферийным.

Отметим, что некоторые отрицательные контексты, относящиеся на первый взгляд к ассертивному типу, являются «псевдоэкзистенциальными» и в общую выборку не включены. Это так называемые случаи расщепления предложения, при котором главная часть относится к реме, а зависимая — к теме (см. [Тестелец 2001: 446]). Во всех рассмотренных контекстах с расщеплением зависимая клауза располагается в конце предложения, как в (36). Такие случаи называются клефтом, а случаи, когда зависимая клауза предшествует главной, — псевдоклефтом. В подобных случаях отрицается возможность появления или наличия в мире сущности, наделенной некоторым отличительным признаком. Особенность данных контекстов в том, что примеры такого типа можно передать и без расщепления,

Таблица 2. Ассертивные контексты экзистенциальной предикации в Новом Завете

Table 2. Assertion existential predication contexts in the New Testament

		Ядерные	Периферийные
PST	Affirm	Ин. 1:1, 2:1, 2:6, 3:23, 4:6, 6:10, 10:16, 19:41 Лк. 2:8, 4:25, 4:27, 5:29 Деян. 8:8	Ин. 1:4, 5:3, 7:12, 9:16, 19:29 Лк. 22:24 Деян. 19:2, 20:8
	Neg	Лк. 2:7	
PRS	Affirm	Ин. 5:2 Лк. 14:22 Деян. 7:12, 19:2, 19:38(x2)	Деян. 25:14
	Neg	Лк. 1:61 Деян. 19:40, 23:8	Лк. 7:28, 20:27 Деян. 4:12, 28:18
FUT		Лк. 12:54, 12:55, 21:11(x2), 21:23, 21:25	Ин. 10:16 Деян. 24:15

как, например, в Новом русском переводе (37), где ситуация описана при помощи глагола *приносить* в отрицательной форме.

(36) *Нет доброго дерева, которое приносило бы худой плод; и нет худого дерева, которое приносило бы плод добрый <...>* [Лк. 6:43]

(37) *Хорошее дерево не приносит плохих плодов, и плохое дерево не приносит хороших <...>* [Лк. 6:43; Новый перевод]

Более того, в «псевдоэкзистенциальных» контекстах в каждом конкретном языке оформляющие данную ситуацию конструкции могут отличаться от собственно экзистенциальных конструкций и предикатов. Например, во французском (38) употребляется бытийный глагол с эксплетивом (конструкция *il est* вместо прототипической экзистенциальной *il y a*), а в удмуртском используется отрицательная форма глагола *луыны* (39).

ФРАНЦУЗСКИЙ

- (38) *il n' est rien de caché*
 3SG.M NEG быть.PRS.3SG ничего от скрывать-PTCP.PST
 ⟨Ибо⟩ ‘нет ничего тайного,’ ⟨что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы⟩. [Лк. 8:17]

УДМУРТСКИЙ

- (39) *Но-кыче но ват-йськ-ем-лэн усът-йськы-тэк*
 NEG-какой ADD прятать-DETR-PTCP.PST-GEN открыть-DETR-CAR
кыл-ем-ез уг лубы
 оставить-PTCP.PST-POSS.3SG NEG.PRS.3 становится
 ‘Нет ничего сокровенного, что не открылось бы,’ ⟨и тайного, чего не узнали бы⟩. [Лк. 12:2]

2.3. Генерическое существование

Среди отобранных контекстов меньше всего (3 из 88 рассмотренных) генерических контекстов. Их семантика выражает хабитуальное значение, в данном случае характеризующее факт существования. Так, в (40) сообщается, что зной бывает всякий раз после южного ветра, а в (41) говорится о независимом периодическом проявлении радости, что приближено к семантике итеративного хабитуалиса, предполагающего «регулярное воспроизведение ситуации» [Плунгян 2011: 298].

- (40) ⟨...⟩ *И когда дует южный ветер, говорите: зной будет, и **бывает** (зной)*. [Лк. 12:55]
- (41) *Так, говорю вам, **бывает** радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся*. [Лк. 15:10]

Для выражения хабитуального значения в большинстве переводов используется отличная от других типов контекстов стратегия. Так, во французском переводе употребляется глагол *arriver* ‘прибывать’

(42а), в немецком — глагол *kommen* ‘приходить’ (42б), а в удмуртском — форма глагола *луыны* ‘быть, становиться’ в настоящем времени (43).

ФРАНЦУЗСКИЙ

- (42) а. *Et il arriv-e ainsi.*
и 3SG.M прибывать-PRS.3SG так

НЕМЕЦКИЙ

- б. *Und so komm-t es auch.*
и так приходит-PRS.3SG это тоже

⟨Сказал же и народу: когда вы видите облако, поднимающе-
еся с запада, тотчас говорите: дождь будет,⟩ ‘и бывает так’
⟨...⟩ [Лк. 12:54]

УДМУРТСКИЙ

- (43) «Зор лу-о-з» — озьы ик лу-э но
дождь быть-FUT-3SG так EMPH быть-PRS.3SG ADD

⟨Сказал же и народу: когда вы видите облако, поднимающе-
еся с запада, тотчас говорите:⟩ ‘дождь будет, и бывает так’ ⟨...⟩
[Лк. 12:54]

В английском переводе во всех встретившихся контекстах выбрана своя стратегия выражения генерического существования. Нас отсылают к предыдущему событию, как в (44)–(45), где разными средствами выражено значение регулярности воспроизведения ситуации после произошедшего события.

АНГЛИЙСКИЙ

- (44) *And he said also to the people, When ye see a cloud rise out of the west, straightway ye say, There cometh a shower; and so it is.*
‘Сказал же и народу: когда вы видите облако, поднимающе-
еся с запада, тотчас говорите: дождь будет, и **бывает так**’.
[Лк. 12:54]

- (45) *And when ye see the south wind blow, ye say, There will be heat; and it cometh to pass.*
‘⟨...⟩ И когда дует южный ветер, говорите: зной будет, и **бывает** (зной)’. [Лк. 12:55]

Два контекста были отнесены нами к ядерным и один к периферийным. В периферийном контексте [Лк. 15:10] в английском (46), как и во французском, употребляется бытийный глагол в форме настоящего времени, а в Новом русском переводе (47) данное значение передано глаголом *радоваться* (аналогично устроены соответствующие фрагменты на немецком и удмуртском).

АНГЛИЙСКИЙ

(46) *Likewise, I say unto you, **there is** joy in the presence of the angels of God over one sinner that repenteth.*

‘Так, говорю вам, **бывает** радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся’. [Лк. 15:10]

(47) *Итак, Я говорю вам, что Божьи ангелы радуются даже об одном раскаявшемся грешнике!* [Лк. 15:10; Новый перевод]

Поскольку генерические контексты наименее частотны, их отличительные черты достаточно сложно определить. Можно отметить особые конструкции и предикаты, характерные только для данного типа контекстов, а также отсутствие устойчивых способов выражения данной семантики в некоторых языках (например, в английском).

2.4. Инхоатив

В данном исследовании мы рассматриваем инхоатив⁴ как показатель или особый предикат, маркирующий начало состояний или процессов. Рассмотренные языки в большинстве случаев выбирают для выражения инхоативного значения узкоспециализированные средства. Так, в экзистенциальной конструкции во французском переводе (48) предикат *avoir* ‘иметь’ стоит в особой форме прошедшего времени, одним из основных значений которой является начало процесса или действия [Иванченко 2014: 235], а в русском употребляется

⁴ О различиях терминов инхоатив, инцептив и ингрессив см., например, [Плунгян 2011: 312; Оскольская, Стойнова 2012; Jabbari 2013].

глагол *сделаться* (или *наступить* в Новом переводе), не встретившийся в другом типе контекстов. Все рассмотренные нами контексты относятся к плану прошедшего.

ФРАНЦУЗСКИЙ

- (48) *il y eut un-e grand-e famine sur tout-e la terre*
 3SG.M здесь иметь.AOR.3SG INDEF-F большой-F голод на
 весь-F DEF.F земля

〈Поистине говорю вам: много вдов было в Израиле во дни Илии, когда заключено было небо три года и шесть месяцев, так что〉 ‘сделался большой голод по всей земле’. [Лк. 4:25]

В немецком употребляется экзистенциальная конструкция с глаголом в форме прошедшего времени, а семантика инхоатива выражается дополнительными лексическими способами, например, наречием *plötzlich* ‘вдруг’ (49). Другим устойчивым средством выражения инхоатива является глагол *kommen* ‘приходить’ в прошедшем времени (50).

НЕМЕЦКИЙ

- (49) *Plötzlich gab es ein stark-es Erdbeben.*
 вдруг давать.PST.3SG это INDEF.M/N тяжелый-N
 землетрясение

‘Вдруг **сделалось** великое землетрясение,’ 〈так что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, и у всех узы ослабели〉. [Деян. 16:26]

- (50) *So kam es zu einer lautstark-en Auseinandersetzung.*
 так приходить-PST.3SG это к INDEF.F.GEN/DAT
 громогласный-DAT столкновение

‘Сделался большой крик;’ 〈и, встав, книжники фарисейской стороны спорили, говоря: ничего худого мы не находим в этом человеке; если же дух или Ангел говорил ему, не будем противиться Богу〉. [Деян. 23:9]

Для данного типа контекстов характерно употребление ситуативно специфических предикатов, а также лексическое разнообразие. Так, в Новом русском переводе использован глагол *подняться* при сообщении о крике (51).

- (51) *Поднялся громкий крик, некоторые учителя Закона из фарисеев встали и решительно заявили: — Мы не находим в этом человеке ничего плохого. Что, если ему говорил дух или ангел?*
[Деян. 23:9; Новый перевод]

Во французском употребляются такие предикаты, как *survenir* ‘наступать’ (52), *venir* ‘прибывать’ (53), а также глагол *s'élever* ‘подниматься’ (54) для обозначения начала спора, конфликта.

ФРАНЦУЗСКИЙ

- (52) *Il survint un-e famine*
3SG.M наступить.AOR.3SG INDEF-F голод

‘И пришел голод’ (и великая скорбь на всю землю Египетскую и Ханаанскую, и отцы наши не находили пропитания).
[Деян. 7:11]

- (53) *Il vint du ciel un bruit*
3SG.M прибывать.AOR.3SG от.DEF.M небо INDEF.M шум

⟨И внезапно⟩ ‘сделался шум с неба,’ ⟨как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились⟩.
[Деян. 2:2]

- (54) *Il s'éleva un-e discussion*
3SG.M REFL.3 поднять-AOR.3SG INDEF-F спор

⟨Когда же он сказал это,⟩ ‘**произошла** распря’ ⟨между фарисеями и саддукеями, и собрание разделилось⟩. [Деян. 23:7]

В английском для выражения соответствующего значения также могут использоваться лексические средства, как *suddenly* ‘вдруг’ в примере (55), а также экзистенциальный предикат *arose* ‘возникать’ (56).

АНГЛИЙСКИЙ

- (55) *And suddenly there was a great earthquake, so that the foundations of the prison were shaken: and immediately all the doors were opened, and every one's bands were loosed.*

‘Вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, и у всех узы ослабели’. [Деян. 16:26]

- (56) *And when he had so said, there arose a dissension between the Pharisees and the Sadducees: and the multitude was divided.*

‘Когда же он сказал это, произошла распря между фарисеями и саддукеями, и собрание разделилось’. [Деян. 23:7]

В удмуртском используются несколько стратегий для выражения значения инхоатива. В большинстве контекстов используется глагол *потыны* ‘выходить’ (57), также может употребляться экзистенциальный предикат *луыны* (58). Во втором случае контексты нельзя однозначно отнести к экзистенциальной предикации, поскольку именная часть сказуемого может выражать как значение абстрактной сущности (*чус* ‘тишина’), так и значение состояния (*чус* ‘тихо’).

УДМУРТСКИЙ

- (57) *Кужм-о черекъя-н пот-й-з но*
сила-ATTR кричать-VN выходить-PST-3SG ADD

‘Сделался большой крик;’ (и, встав, книжники фарисейской стороны спорили, говоря: ничего худого мы не находим в этом человеке; если же дух или Ангел говорил ему, не будем противиться Богу). [Деян. 23:9]

- (58) *чус лу-и-з*
тихо становится-PST-3SG

⟨И, подойдя, разбудили Его и сказали: Наставник! Наставник! погибаем. Но Он, встав, запретил ветру и волнению воды; и перестали, и) ‘сделалась тишина’. [Лк. 8:24]

Аналогично в немецком в контексте [Лк. 8:24] не утверждается существование некоторой, даже абстрактной, сущности, поэтому такие примеры были отнесены нами к периферийным.

НЕМЕЦКИЙ

- (59) *es wurd-e ganz still*
 это становится.PST-3SG совсем тихо

⟨И, подойдя, разбудили Его и сказали: Наставник! Наставник! погибаем. Но Он, встав, запретил ветру и волнению воды; и перестали, и) ‘делалась тишина’. [Лк. 8:24]

Семантику данного типа контекстов можно расширить до семантики перфектива, если рассматривать как элементарные события контексты типа (60), где сообщается о поднявшемся мятеже.

Мы не выделяем перфективные контексты в отдельную группу, поскольку способы выражения данной семантической зоны практически во всех выбранных нами языках пересекаются с однозначно инхотативными контекстами. Так, в английском переводе в контексте [Деян. 19:23] употребляется глагол *arose* (60), обозначающий начальную стадию процесса, в то время как в русском использован предикат *произойти*.

АНГЛИЙСКИЙ

- (60) *And the same time there arose no small stir about that way.*

‘В это время произошёл немалый мятеж против пути Господня’. [Деян. 19:23]

Неоднозначным также можно назвать контекст [Деян. 8:1]. В русском Синодальном переводе употреблен глагол *произойти* (см. перевод примера (62)), в Новом русском переводе — глагол *начаться* (61). В английском употреблен бытийный глагол в форме прошедшего времени (62), а во французском употребляется специальная форма прошедшего времени, характерная для инхотативных контекстов (63).

- (61) *Saul же одобрял это убийство. С того дня началось* большое гонение на иерусалимскую церковь, и все, кроме апостолов, рассеялись по Иудее и Самарии. [Деян. 8:1; Новый перевод]

АНГЛИЙСКИЙ

- (62) *And Saul was consenting unto his death. And at that time there was a great persecution against the church which was at Jerusalem;*

and they were all scattered abroad throughout the regions of Judaea and Samaria, except the apostles.

‘Савл же одобрял убиение его. В те дни произошло великое гонение на церковь в Иерусалиме; и все, кроме Апостолов, рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии’. [Деян. 8:1]

ФРАНЦУЗСКИЙ

(63) *Il y eut ce jour-là un-e*
3SG.M здесь иметь.AOR.3SG этот.M.SG день-там INDEF-F

grand-e persécution

большой-ф гонение

‘Савл же одобрял убиение его. ‘В те дни произошло великое гонение’ (на церковь в Иерусалиме; и все, кроме Апостолов, рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии). [Деян. 8:1]

Таким образом, на основании семантики предиката нельзя однозначно отнести контекст к инхоативному или перфективному значению, и также не во всех случаях это можно сделать при помощи параллельного корпуса. Контексты, включению которых в выборку способствует расширение семантической зоны до перфектива, были отнесены нами к периферийным (9 из 17 рассмотренных контекстов). К ядерным контекстам (всего 8 из 17) мы отнесли такие, в которых во всех переводах используется собственно экзистенциальная предикация и выражается идея о начале некоторого процесса, см. *Таблицу 3*.

Таблица 3. Инхоативные контексты экзистенциальной предикации в Новом Завете

Table 3. Inchoative existential predication contexts in the New Testament

Ядерные	Периферийные
Лк. 4:25	Лк. 8:24, 23:44 Ин. 3:25, 7:43, 10:19
Деян. 2:2, 2:6, 7:11, 8:1, 12:18, 16:26, 23:9	Деян. 19:23, 21:40, 23:7, 27:14

3. Заключение

Мы описали контексты, содержащие экзистенциальные предикаты, в Новом Завете на материале трех книг (Евангелие от Луки, Евангелие от Иоанна и Деяния святых апостолов) и семи языков (древнегреческий, латинский, русский, английский, немецкий, французский, удмуртский).

Мы отобрали 87 контекстов, каждый из которых не менее чем в 5 переводах содержал экзистенциальную предикацию. Все контексты были распределены по следующим группам: интродукция ('Intr'), ассерция существования ('Assert'), генерическое существование ('Gen'), инхоатив ('Inch').

Наиболее многочисленной группой, составляющей чуть меньше половины от общей выборки, является группа контекстов ассерции существования, состоящая из 45 примеров (среди которых 8 представляют собой отрицательные контексты). На втором месте после ассертивных контекстов — интродуктивный тип. Он представлен 22 примерами, что составляет чуть больше 25% от общего числа отображенных контекстов. Группа инхоативных контекстов ('Inch') представлена в рассмотренном материале 17 примерами. Генерические контексты являются наименее многочисленной группой и представлены всего тремя контекстами.

Помимо прототипических экзистенциальных предикатов (*быть* в русском; формы бытийного предиката (*вань* 'имеется', *выл* 'быть. PST', *вылэм* 'быть.PST2') в удмуртском и экзистенциальных конструкций (*there is* в английском; *il y a* во французском; *es gibt* в немецком), для выражения семантики существования могут использоваться и менее очевидные средства. Так, в зависимости от семантического типа контекста в русском переводе могут употребляться глаголы типа *сделаться* или *произойти*, маркирующие начало ситуации или процесса, в удмуртском используется глагол *луыны* 'быть, становиться' для маркирования ситуации ассертивного существования в будущем, в немецком для выражения периодического характера ситуации существования употребляется конструкция с глаголом *kommen*

‘приходить’. В английском и французском в большинстве контекстов семантика существования передана при помощи экзистенциальных конструкций, однако в некоторых контекстах встречаются другие способы выражения значения существования (например, в английском для выражения интродуктивного значения может использоваться предикат *arose* ‘возникать’, а во французском семантика ассерции существования может быть маркирована глаголом *se trouver* ‘находиться’).

Отрицательные контексты составляют небольшую часть от общего числа контекстов и относятся к ассертивному семантическому типу.

На основании количества расхождений по контекстам и семантической неоднозначности нами были выделены более ядерные и периферийные контексты. На данную базу контекстов можно опираться при дальнейшем анализе экзистенциальных предикатов на расширенном языковом материале и в других типологических исследованиях. Если для языка существует несколько переводов, созданных в разное время, то база данных позволит выявить, изменялись ли в нем способы выражения экзистенциальной семантики. Например, в немецком раннем переводе Lutherbibel прототипическая конструкция с эксплетивом *es gibt* не употребляется, а значение существования передается, в частности, глаголом *wohnen* ‘жить’. Как отмечает [Newman 1997], ссылаясь на [Grimm 1837: 230], впервые конструкция *es gibt* была использована автором второй половины шестнадцатого века (в то время как Lutherbibel была переведена в 1522 году).

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ACC — аккузатив; ACT — активный залог; ADD — аддитивная частица; AOR — аорист; ATTR — атрибутив; CAR — каритив; CAUS — каузатив; DAT — датив; DEF — определенный артикль; DETR — детранзитив; EL — элатив; F — женский род; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMPF — имперфект; INDEF — неопределенный артикль; INF — инфинитив; LOC — локатив; M — мужской род; N — средний род; NEG — отрицательный маркер; PL — множественное число; POSS — посессив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PST2 — второе прошедшее; PTCL — частица; PTCP — причастие; REFL — рефлексив; SG — единственное число; VN — отглагольное имя.

Литература

- Арутюнова, Ширяев 1983 — Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев. Русское предложение: Бытийный тип. М.: Русский язык, 1983.
- Иванченко 2014 — А. И. Иванченко. Грамматика французского языка в упражнениях: 400 упражнений с ключами и комментариями. СПб.: КАРО, 2014.
- Оскольская, Стойнова 2012 — С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова. Способы выражения начальной фазы действия в нанайском языке // Е. М. Деяткина (отв. ред.). Сборник научных статей по материалам 1-й конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: ИЯз РАН, 2012. С. 213–230.
- Падучева 2015 — Е. В. Падучева. О биаспектуальности русского глагола БЫТЬ. Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития // М. Кигадзё (ред.). Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото: Университет Киото Саггё, 2015. С. 176–184.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Плунгян, настоящий сборник — В. А. Плунгян. Параллельный корпус как грамматическая база данных и Новый Завет как параллельный корпус (предисловие) // Настоящий сборник.
- Соловар 2014 — В. Н. Соловар. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2014.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Asztalos 2018 — E. Asztalos. Nonverbal existential sentences in Udmurt. Poster presentation at Syntax of the World's Languages 8. Paris: Institut National des Langues et Civilisations Orientales, 2018 (электронный ресурс). URL: <http://ugortip.elte.hu/Volgatip/Nonverbal.pdf> (дата обращения: 12.05.2022).
- Bentley et al. 2013 — D. Bentley, F. M. Ciconte, S. Cruschina. Existential constructions in crosslinguistic perspective // Italian Journal of Linguistics / Rivista di Linguistica. 2013. Vol. 25. № 1 (Special issue). P. 1–13.
- Clark 1978 — E. Clark. Locational: Existential, Locative and Possessive Constructions // J. Greenberg, C. Ferguson and E. Moravcsik (eds.). Syntax. Stanford: Stanford University Press, 1978. P. 86–126.
- Collins 2002 — P. Collins. Some Discourse Functions of Existentials in English // C. Allen (ed.). Proceedings of the 2001 Conference of the Australian Linguistic Society, 2002 (электронный ресурс). URL: <http://www.als.asn.au/proceedings/als2001.html> (дата обращения: 30.05.2022).

- Creissels 2014 — D. Creissels. *Existential predication in typological perspective*, 2014 (электронный ресурс). URL: <http://www.deniscreissels.fr/public/Creissels-Exist.Pred.pdf> (дата обращения: 02.02.2022).
- Grimm 1836 — J. Grimm. *Deutsche Grammatik. Vierter Teil*. Göttingen: Dieterichsche Buchhandlung, 1837.
- Hannay 1985 — M. Hannay. *English Existentials in Functional Grammar*. Dordrecht: Foris, 1985.
- Hartmann 2008 — J. M. Hartmann. *Expletives in Existentials: English there and German da*. Utrecht: LOT, 2008.
- Haspelmath 2021 — M. Haspelmath. *Existential constructions and two types of comparative concepts: Construction-functions and construction-strategies* // *Descriptive Grammars & Typology 2*, Paris, 2021 (электронный ресурс). URL: https://grammar2021.sciencesconf.org/data/pages/Handout_Paris.pdf (дата обращения: 25.02.2022).
- Haspelmath 2022 — M. Haspelmath. *Nonverbal clause constructions* // Submitted manuscript. *Lingbuzz/006673* (электронный ресурс). URL: <https://ling.auf.net/lingbuzz/006673> (дата обращения: 28.12.2022).
- Hazout 2004 — I. Hazout. *The syntax of existential constructions* // *Linguistic Inquiry*. 2004. Vol. 35. P. 393–430. DOI: 10.1162/0024389041402616.
- Jabbari 2013 — M. J. Jabbari. *Inchoative, a Third Voice (A Synchronic Study)* // *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*. 2013. Vol. 2. № 2. P. 153–157. DOI: 10.7575/aiac.ijalel.v.2n.2p.153.
- Jenkins 1975 — L. Jenkins. *The English Existential*. Tübingen: Niemeyer, 1975. DOI: 10.1515/9783111357188.
- Joseph 2000 — B. D. Joseph. *What gives with es gibt? Typological and comparative perspectives on existentials in German, Germanic, and Indo-European* // *Journal of Germanic Linguistics*. 2000. Vol. 12. № 2. P. 187–200. DOI: 10.1017/S1040820700002687.
- Kim 1997 — Y. Kim. *A Situation Semantic Account of Existential Sentences*. PhD thesis. Stanford, CA: Stanford University, 1997.
- Koch 2012 — P. Koch. *Location, existence, and possession: A constructional-typological exploration* // *Linguistics*. 2012. Vol. 50. № 3. P. 533–603. DOI: 10.1515/ling-2012-0018.
- Lumsden 1988 — M. Lumsden. *Existential Sentences: Their Structure and Meaning*. London: Croom Helm, 1988. DOI: 10.1017/S0022226700012329.
- Lyons 1968 — J. Lyons. *Introduction to theoretical linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. DOI: 10.1017/CBO9781139165570.
- McNally 1992 — L. McNally. *An Interpretation for the English Existential Construction*. PhD thesis. Santa Cruz, CA: University of California, 1992. Reprinted: New York: Garland, 1997. DOI: 10.4324/9781315536491.

- McNally 2011 — L. McNally. Existential Sentences // C. Maienborn, K. von Stechow, P. Portner (eds.). *Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. P. 1829–1848.
- McNally 2016 — L. McNally. Existential Sentences Cross-Linguistically: Variations in Form and Meaning // *Annual Review of Linguistics*. 2016. Vol. 2. P. 211–231. DOI: 10.1146/annurev-linguistics-011415-040837.
- Milsark 1974 — G. Milsark. *Existential Sentences in English*. PhD thesis. Cambridge, MA: MIT. Reprinted: New York: Garland, 1979. DOI: 10.4324/9781315856728.
- Nathan 1978 — G. Nathan. *The Syntax and Semantics of the English Existential Construction*. PhD thesis. Honolulu, HI: University of Hawaii, 1978.
- Newman 1997 — J. Newman. The origin of the German *es gibt* construction // J. Newman (ed.). *The linguistics of giving*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1997. P. 307–325. DOI: 10.1075/tsl.36.11new.
- Paducheva 2008 — E. V. Paducheva. Locative and existential meaning of Russian BYT // *Russian Linguistics*. 2008. Vol. 32. № 3. P. 147–158. DOI: 10.1007/s11185-008-9027-2.
- Payne 1997 — Th. E. Payne. *Describing morphosyntax: A guide for field linguists*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. DOI: 10.1017/CBO9780511805066.
- Ziv 1982 — Y. Ziv. Getting more mileage out of existentials in English // *Linguistics*. 1982. Vol. 20. P. 747–762.

Источники

- ДПБ — Η Καινή Διαθήκη (Библия на древнегреческом (койне)). Nestle, 1904 (электронный ресурс). URL: <https://biblehub.com/interlinear/> (дата обращения: 18.02.2023).
- НПП — Новый русский перевод. Международное Библейское Общество, 2006 (электронный ресурс). URL: <https://bibleonline.ru/bible/nrt/> (дата обращения: 10.02.2023).
- СПБ — Синодальный перевод Библии. 1876 (электронный ресурс). URL: <https://bibleonline.ru/bible/rst78/> (дата обращения: 10.02.2023).
- УПБ — Библия удмурт кылын (Библия на удмуртском языке). Институт перевода Библии, 2014 (электронный ресурс). URL: http://finugorbib.com/bible/udmurt/40_Mat01_na.html (дата обращения: 18.02.2023).
- ФПБ — Traduction française. 1912 (электронный ресурс). URL: <https://bibleonline.ru/bible/fra/> (дата обращения: 18.02.2023).
- ВВ — BasisBibel. 2006 (электронный ресурс). URL: <https://www.die-bibel.de/bibeln/online-bibeln/lesen/ВВ> (дата обращения: 18.02.2023).
- КJB — King James Version. 1611 (электронный ресурс). URL: <https://bibleonline.ru/bible/kjv/> (дата обращения: 18.02.2023).

NV — Nova Vulgata Bibliorum Sacrorum Editio. 1979 (электронный ресурс). URL: https://www.vatican.va/archive/bible/nova_vulgata/documents/nova-vulgata_novum-testamentum_lt.html (дата обращения: 18.02.2023).

References

- Arutyunova, Shirayev 1983 — N. D. Arutyunova, E. N. Shirayev. *Russkoye predlozheniye: Bytynny tip* [Russian sentence: Existential type]. Moscow: Russkiy yazyk, 1983.
- Asztalos 2018 — E. Asztalos. *Nonverbal existential sentences in Udmurt*. Poster presentation at Syntax of the World's Languages 8. Paris: Institut National des Langues et Civilisations Orientales, 2018. Available at: <http://ugortip.elte.hu/Volgatip/Nonverbal.pdf> (accessed on 12.05.2022).
- Bentley et al. 2013 — D. Bentley, F. M. Ciconte, S. Cruschina. Existential constructions in crosslinguistic perspective. *Italian Journal of Linguistics / Rivista di Linguistica*. 2013. Vol. 25. No. 1 (Special issue). P. 1–13.
- Clark 1978 — E. Clark. Locational: Existential, Locative and Possessive Constructions. J. Greenberg, C. Ferguson, E. Moravcsik (eds.). *Syntax*. Stanford: Stanford University Press, 1978. P. 86–126.
- Collins 2002 — P. Collins. Some Discourse Functions of Existentials in English. C. Allen (ed.). *Proceedings of the 2001 Conference of the Australian Linguistic Society*, 2002. Available at: <http://www.als.asn.au/proceedings/als2001.html> (accessed on 30.05.2022).
- Creissels 2014 — D. Creissels. *Existential predication in typological perspective*, 2014 (электронный ресурс). URL: <http://www.deniscreissels.fr/public/Creissels-Exist.Pred.pdf> (дата обращения: 02.02.2022).
- Grimm 1836 — J. Grimm. *Deutsche Grammatik*. Vierter Teil. Göttingen: Dieterichsche Buchhandlung, 1837.
- Hannay 1985 — M. Hannay. *English Existentials in Functional Grammar*. Dordrecht: Foris, 1985.
- Hartmann 2008 — J. M. Hartmann. *Expletives in Existentials: English there and German da*. Utrecht: LOT, 2008.
- Haspelmath 2021 — M. Haspelmath. Existential constructions and two types of comparative concepts: Construction-functions and construction-strategies. *Descriptive Grammars & Typology 2, Paris, 2021*. Available at: https://grammar2021.sciencesconf.org/data/pages/Handout_Paris.pdf (accessed on 25.02.2022).
- Haspelmath 2022 — M. Haspelmath. *Nonverbal clause constructions*. Submitted manuscript. Lingbuzz/006673. Available at: <https://ling.auf.net/lingbuzz/006673> (accessed on 28.12.2022).

- Hazout 2004 — I. Hazout. The syntax of existential constructions. *Linguistic Inquiry*. 2004. Vol. 35. P. 393–430. DOI: 10.1162/0024389041402616.
- Ivanchenko 2014 — A. I. Ivanchenko. *Grammatika frantsuzskogo yazyka v uprazhneniyakh: 400 uprazhneniy s klyuchami i kommentariyami* [Grammar of the French language in exercises: 400 exercises with keys and comments.]. St. Petersburg: KARO, 2014.
- Jabbari 2013 — M. J. Jabbari. Inchoative, a Third Voice (A Synchronic Study). *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*. 2013. Vol. 2. No. 2. P. 153–157. DOI: 10.7575/aiac.ijalel.v.2n.2p.153.
- Jenkins 1975 — L. Jenkins. *The English Existential*. Tübingen: Niemeyer, 1975. DOI: 10.1515/9783111357188.
- Joseph 2000 — B. D. Joseph. What gives with *es gibt*? Typological and comparative perspectives on existentials in German, Germanic, and Indo-European. *Journal of Germanic Linguistics*. 2000. Vol. 12. No. 2. P. 187–200. DOI: 10.1017/S1040820700002687.
- Kim 1997 — Y. Kim. *A Situation Semantic Account of Existential Sentences*. PhD thesis. Stanford, CA: Stanford University, 1997.
- Koch 2012 — P. Koch. Location, existence, and possession: A constructional-typological exploration. *Linguistics*. 2012. Vol. 50. No. 3. P. 533–603. DOI: 10.1515/ling-2012-0018.
- Lumsden 1988 — M. Lumsden. *Existential Sentences: Their Structure and Meaning*. London: Croom Helm, 1988. DOI: 10.1017/S002226700012329.
- Lyons 1968 — J. Lyons. *Introduction to theoretical linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. DOI: 10.1017/CBO9781139165570.
- McNally 1992 — L. McNally. *An Interpretation for the English Existential Construction*. PhD thesis. Santa Cruz, CA: University of California, 1992. Reprinted: New York: Garland, 1997. DOI: 10.4324/9781315536491.
- McNally 2011 — L. McNally. Existential Sentences. C. Maienborn, K. von Stechow, P. Portner (eds.). *Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. P. 1829–1848.
- McNally 2016 — L. McNally. Existential Sentences Cross-Linguistically: Variations in Form and Meaning. *Annual Review of Linguistics*. 2016. Vol. 2. P. 211–231. DOI: 10.1146/annurev-linguistics-011415-040837.
- Milsark 1974 — G. Milsark. *Existential Sentences in English*. PhD thesis. Cambridge, MA: MIT. Reprinted: New York: Garland, 1979. DOI: 10.4324/9781315856728.
- Nathan 1978 — G. Nathan. *The Syntax and Semantics of the English Existential Construction*. PhD thesis. Honolulu, HI: University of Hawaii at Mānoa, 1978.
- Newman 1997 — J. Newman. The origin of the German *es gibt* construction. J. Newman (ed.). *The linguistics of giving*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. P. 307–325. DOI: 10.1075/tsl.36.11new.

- Oskolskaya, Stoyanova 2012 — S. A. Oskolskaya, N. M. Stoyanova. Sposoby vyrazheniya nachalnoy fazy deystviya v nanayskom yazyke [Ways of expressing the initial phase of an action in the Nanai language]. E. M. Devyatkina (ed.). *Sbornik nauchnykh statey po materialam 1-y konferentsii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh»* [Collection of scientific articles based on the materials of the 1st conference-school “Problems of language: a view of young scientists”]. Moscow: Institute of Linguistics of RAS, 2012. P. 213–230.
- Paducheva 2008 — E. V. Paducheva. Locative and existential meaning of Russian BYT. *Russian Linguistics*. 2008. Vol. 32. No. 3. P. 147–158.
- Paducheva 2015 — E. V. Paducheva. O biaspektualnosti russkogo glagola BYT. Aspektualnaya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i stsenarii diakhronicheskogo razvitiya [About the biaspectuality of the Russian verb TO BE: The aspectual semantic zone: typology of systems and scenarios of diachronic development]. Mitsushi Kitajo (ed.). *Sbornik statey V Mezhdunarodnoy konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov* [Collection of articles of the V International conference of the Commission on aspectology of the International committee of Slavists]. Kyoto: Kyoto Sanga University, 2015. P. 176–184.
- Payne 1997 — Th. E. Payne. *Describing morphosyntax: A guide for field linguists*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. DOI: 10.1017/CBO9780511805066.
- Plungyan 2011 — V. A. Plungyan. *Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira* [Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing House, 2011.
- Plungian, this volume — V. A. Plungian. *Parallelnyy korpus kak grammaticheskaya baza dannykh i Novyy Zavet kak parallelnyy korpus (predisloviye)* [The parallel corpus as a grammar database and the New Testament as a parallel corpus (Preface)]. This volume.
- Solovar 2014 — V. N. Solovar. *Khantyysko-russkiy slovar (kazymskiy dialekt)* [Khan-ty-Russian dictionary (Kazym dialect)]. Tyumen: Format, 2014.
- Testelets 2001 — Ya. G. Testelets. *Vvedeniye v obshchiy sintaksis* [Introduction to the general syntax]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing House, 2001.
- Ziv 1982 — Y. Ziv. Getting more mileage out of existentials in English. *Linguistics*. 1982. Vol. 20. P. 747–762.

Функции и типы императива в Евангелиях от Луки и Иоанна

В. А. Орлов

Институт языкознания РАН (Москва, Россия), Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия); vladakanoi@mail.ru;
ORCID: 0009-0008-6180-7154

Аннотация. В статье анализируются императивные контексты в Евангелиях от Луки и Иоанна. Императив характеризуется значениями нескольких параметров: типом каузации, степенью контроля говорящего над ситуацией, семантической ролью субъекта при императивном предикате. Показано, что значение этих параметров соответствует различным прагматическим функциям, выполняемым императивными формами в тексте (собственно директивная, дискурсивная и проповедь). Дистрибуция лично-числовых форм и семантических подтипов императива зависит от выделенных прагматических функций.

Ключевые слова: параллельный корпус, Новый Завет, императив, юссив, гортатив, семантические подтипы императива, прагматические функции императива.

Functions and types of the imperative in the Gospels of Luke and John

Vladislav A. Orlov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia),
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); vladakanoi@mail.ru;
ORCID: 0009-0008-6180-7154

Abstract. The paper deals with imperative contexts in the Gospels of Luke and John. Based on the evidence of seven languages with different imperative systems (Ancient Greek, Latin, Russian, English, Spanish, Finnish and Hill Mari), a classification

of imperative contexts is proposed. It is argued that these contexts can be classified according to their pragmatic function in the text and, optionally, according to their semantic type. The concept of the Imperative and its features relevant for cross-linguistic variation of imperative meanings are discussed. The contexts are chosen according to the parameters typically attributed to the imperative in the literature. They include direct causation, agentive subject and the speaker's control of the situation, i.e. parameters that can be treated as pivots forming a prototypical model of the imperative. The article also discusses the concepts of the Hortative and Jussive as closely related to that of the Imperative and proposes an idea of semantic distinction between these notions. Jussive can be treated as a category expressing indirect causation and Hortative, as that primarily used to express the speaker's intention to fulfill the action.

The imperative contexts are classified according to their pragmatic functions in the text of the Gospels. It is argued that prototypical imperatives express directive illocutionary force. Non-prototypical Imperatives are thus used for a different purpose where they either help organize the discourse or serve as prescriptions for Jesus's followers. It is shown that different personal forms of the Imperative are distributed unevenly across the pragmatic functions. While 2SG forms mainly perform the directive function, 2PL forms tend to more often occur in prescriptive contexts.

Finally, three semantic types of the imperative occurring in the Gospels are discussed. The delayed Imperative is used to indicate that the action is to be fulfilled later. The directional Imperative implies that there is some motion accompanying the main action. Requests are used for command mitigation.

Keywords: parallel corpus, New Testament, imperative, jussive, hortative, semantic types of imperative, pragmatic functions of imperative.

1. Введение

Императив как глагольная категория, выражающая различные виды побуждения (приказ, просьбу, предложение, совет и др.), относится к числу наиболее часто грамматикализуемых значений в языках мира. В литературе накоплено достаточное количество сведений о том, как может быть устроена императивная система и какие параметры варьирования характерны для императивных форм (см., например, [Храковский, Володин 1986; Aikhenvald 2010; Гусев 2013;

van Olmen, Heinold 2017], а также *Разделы 2, 4, 5* настоящей работы). Известно, однако, что функционирование императива в языке в большой степени определяется прагматикой высказывания. Как пишет А. Ю. Айхенвальд, «императивные формы, которые окружают нас, определяются конвенциями и нормами, которым мы учимся следовать в процессе социализации»¹ [Aikhenvald 2010: 330].

В грамматических описаниях часто не уделяется внимания прагматическим особенностям императивных форм, поэтому возникает задача предложить альтернативный инструмент для исследования императива, в качестве которого может использоваться параллельный корпус. К преимуществам этого инструмента относится то, что императивные формы в нем даются в своем естественном контексте, что позволяет в том числе оценивать и прагматический компонент их содержания (об использовании параллельного корпуса в типологических исследованиях см., например, [Cysouw, Wälchli 2007; Dahl, Wälchli 2016; Плунгян 2021], а также [Плунгян, настоящий сборник]).

Задача этой статьи — предложить набор и классификацию императивных контекстов в двух новозаветных текстах: в Евангелии от Луки (Лк.) и в Евангелии от Иоанна (Ин.). В качестве материала исследования использовались тексты на древнегреческом (Novum Testamentum Graece, Nestle-Aland edition), латинском (Nova Vulgata), русском (Синодальный перевод), английском (King James' Bible), испанском (Biblia Reina Valera 1960), финском (<https://www.wordproject.org/bibles/fi/index.htm>) и горномарийском (перевод 2014 г.; <http://finugorbib.com>) языках.

Данная выборка, очевидно, не является типологически репрезентативной и не отражает всего разнообразия в выражении императивных форм в языках мира. Тем не менее составление списка императивных контекстов на материале нескольких языков полезно как минимум по двум причинам: 1) оно позволяет отсечь те контексты, в которых употребление императивной формы было продиктовано внутриязыковыми причинами или предпочтениями переводчика;

¹ “Imperatives we live by are shaped by the conventions and the norms we are socialized to follow” [Aikhenvald 2010: 330].

2) даже небольшая выборка дает возможность увидеть вариативность в выражении императивных значений по языкам, что может дать представление о важных различиях внутри императивной системы.

Отбор материала проводился по формальному критерию: контекст считался императивным, если в абсолютном большинстве языков (5 из 7) в нем встречалась императивная глагольная форма. В рассмотренных переводах императивные формы достаточно последовательно сохраняются — из 214 примеров, полученных после первичной обработки, нам удалось обнаружить лишь 10 примеров расхождения, где в одном (6 примеров) или двух языках (4 примера) использовалась неимперативная форма. Встретившиеся нам случаи расхождения можно разделить на два класса. Во-первых, сопутствующее действие при императиве (подробнее см. *Раздел 5.2*) в древнегреческом и латинском иногда выражается нефинитной формой (см. на примере древнегреческого в (1)). Во-вторых, императив может опускаться при переводе, как, например, в финском (2), где не использован глагол ‘взять’.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

- (1) *poreunthe-nt-es* *hetoimasa-te* *hēmin*
идти.AOR.PASS-PTCP-M.NOM.PL готовить.AOR-IMP.2PL 1PL.DAT
to *pascha* *hina* *phag-ō-men*.
DEF.N.ACC.SG пасха.ACC.SG чтобы есть.AOR-SUBJ-1PL

⟨И послал [Иисус] Петра и Иоанна, сказав:⟩ ‘**пойдите**, приготовьте нам есть пасху’. [Лк. 22:8]

ФИНСКИЙ

- (2) *tä-ssä on* *veljakirjasi istu* *ja*
этот-IN AUX.3SG расписка сидеть.IMP.2SG и
kirjoita *pian* *viisikymmentä*
писать.IMP.2SG скоро пятьдесят

⟨...⟩ **Возьми** твою расписку и садись скорее, напиши: пятьдесят’. [Лк. 16:6]

Отметим, что в статье не рассматриваются контексты с отрицательными императивными формами (прохибитивом). По предварительным данным, прохибитивные формы имеют отличные

от утвердительного императива прагматические функции и требуют отдельного изучения.

Работа имеет следующую структуру: в *Разделе 2* приводится определение императива и описание тех критериев, которые мы использовали для оценки того или иного контекста как прототипически императивного. Понятие императива затем сравнивается с близкими ему терминами «юссив» и «гортатив». *Раздел 3* посвящен обсуждению императивных контекстов в текстах с точки зрения их прагматической функции. В *Разделе 4* анализируется распределение лично-числовых форм императивной парадигмы в зависимости от их прагматической функции. В *Разделе 5* рассматриваются контексты, в которых ожидается употребление ряда семантических подтипов императива в тех языках, где они грамматикализованы. В заключительном разделе делаются выводы о дистрибуции лично-числовых форм и семантических типов императива в зависимости от выполняемой ими в тексте прагматической функции.

2. Прототипическая модель императива

Для определения императива мы будем использовать прототипическую модель, которая подразумевает существование концептуального ядра, т. е. пучка семантических признаков, которые ассоциируются с грамматической категорией (о подходе к определению императива через прототипическую модель см. [van Olmen 2017: 9–11] и указанную там литературу).

Параметры прототипической модели должны опираться на факты межъязыкового варьирования. Для императива это особенно важно, поскольку существует большое количество смежных с ним грамматических категорий, границу между которыми провести достаточно трудно. Идеальная прототипическая модель императива, таким образом, должна быть устроена так, чтобы ее параметры позволяли учитывать разницу между собственно императивными и смежными значениями.

При построении модели мы будем опираться на определение императива, сформулированное в [Гусев 2013: 21]: «⟨...⟩ говорящий, самым фактом своего высказывания, пытается каузировать совершение некоторого действия (эксплицитно указанного в этом высказывании)». Из этого определения можно непосредственно выделить два компонента императивного значения: контроль говорящего над ситуацией и каузацию.

Связь императива и каузации достаточно широко обсуждалась в литературе (см. ссылки в [Гусев 2013: 23]). Само понятие каузации можно нестрого определить, как такое отношение между ситуациями p_1 и p_2 , при котором исполнение p_1 влечет исполнение p_2 (ср. [Холодович 1969: 6]). В основе классификаций типа каузативных отношений лежит разделение между прямой и опосредованной каузацией. Прямая каузация подразумевает существование каузативного отношения между ситуациями p_1 и p_2 (*Мама накормила мальчика кашей*), а при опосредованной p_1 и p_2 дополнительно связываются некоторой вспомогательной ситуацией p_{aux} (от англ. *auxiliary* ‘вспомогательный’) так, что p_1 каузирует p_{aux} , и p_{aux} каузирует p_2 (*Мама заставляла / уговаривала / вынуждала мальчика съесть кашу*) [Гусев 2013: 23–24].

В случае с императивными значениями в роли каузирующей ситуации p_1 всегда выступает сам факт высказывания, и разделение между прямой и косвенной каузацией заключается, соответственно, в том, выступает ли в роли каузируемой ситуации непосредственно p_2 (*Подними бочку на стол*) или же p_{aux} (*Пусть бочка стоит на столе*). Прототипическому императиву тогда соответствует первый случай, когда слушающий напрямую реализует желаемую ситуацию, поскольку именно в этом случае контроль говорящего над ситуацией проявляется наиболее сильно. Напротив, опосредованная каузация допускает возможность, при которой реализуется p_{aux} , но не p_2 . Параметр прямой каузации также важен для различения семантики императива и юссива, под которым обычно понимается категория, выражающая значение «косвенного побуждения» [Плунгян 2011: 328].

Следующий параметр — контроль говорящего над ситуацией. Само по себе понятие контроля является сложным и состоит из множества

компонентов². Мы подразумеваем под этим понятием лишь ту его часть, которая относится к контролю говорящего над волей адресата. Степень контроля зависит от множества экстралингвистических факторов³. Этот параметр непосредственно связан с такими понятиями, как вежливый и некатегорический императив, общим компонентом значения которых мы, вслед за [Гусев 2013: 26, 76; Aikhenvald 2010: 203–223], признаём низкую степень контроля. Также более низкая степень контроля характерна для форм отложенного императива, что подтверждается тем, что эти формы часто характеризуются в языках как более вежливые [Гусев 2013: 66].

Помимо контроля говорящего над ситуацией, важным компонентом значения императива является возможность адресата выполнить действие, обозначенное императивным предикатом. Это значит, что прототипический императив возможен только с агентивным глаголом (ср. [Храковский, Володин 1986: 142]: «Неволевые действия, процессы и состояния можно каузировать так же, как и волевые, но именно то, что они неволевые, превращает любую частную интерпретацию ⟨...⟩, по сути дела, в пожелание»). Известно, что в некоторых языках существуют ограничения на употребление неагентивных предикатов в императиве [Aikhenvald 2017: 20]. Даже в тех языках, где они допустимы, их употребление ассоциируется с рядом дискурсивных и семантических особенностей (ср., например, следующие императивные формы, субъект при которых обычно анализируется как пациенс: *закипай, цвети, усни*).

Императив тесно связан с понятиями гортатива и юссива, выражающими побуждение к 1-му и 3-му лицу, соответственно. Отметим,

² Так, для определения контроля в [Takahashi 2012: 76–82] выделяется 6 параметров: степень желания говорящего (“DESIRE”), способность адресата исполнить действие (“CAPABILITY”), власть говорящего (“POWER”), потенциальная затратность выполнения действия для адресата (“COST”), потенциальная выгода для говорящего (“BENEFIT”) и обязательность выполнения действия для адресата (“OBLIGATION”).

³ В некоторых работах понятию контроля в этом значении соответствует термин «иллокутивная сила» (см. [Aikhenvald 2010: 230]).

что в литературе нет единого мнения относительно употребления этих терминов, и некоторые авторы предпочитают их вовсе не использовать. Так, в [Храковский, Володин 1986; Гусев 2013] термин «императив» используется в том числе применительно к формам 1-го и 3-го лица. В [van der Auwera et al. 2003] в этом же значении используется понятие императивно-гортативной системы. Недостатком такого решения является то, что во многих языках для форм императива 1-го и 3-го лица характерны дополнительные семантические оттенки, которые не сводятся к разнице между лично-числовыми формами⁴. В связи с этим А. Ю. Айхенвальд сохраняет все три термина, предлагая использовать понятия гортатива и юссива, если существуют формальные причины считать соответствующие формы отличными от собственно императивных [Aikhenvald 2017: 8]. В нашем исследовании мы будем считать юссив и гортатив понятиями, отличными от императива.

Юссивным мы будем называть такой контекст, где имеет место опосредованная каузация говорящим определенного действия самим фактом высказывания. Примером такого контекста может быть предложение: *Пусть дети регулярно записывают расписание в дневник*, которое учитель произносит на родительском собрании, выступая таким образом каузатором промежуточной ситуации, в которой родители передают это требование своим детям. Такое понимание хорошо объясняет дистрибуцию соответствующих форм в тех языках, где они грамматикализованы, и сам путь их грамматикализации (см., например, [Dobrushina 2012]).

Значение императива 3-го лица, в отличие от юссива, тогда можно описать как попытку говорящего прямо каузировать действие, совершаемое 3-м лицом. На первый взгляд, такая комбинация невозможна, особенно если учитывать требование контроля говорящего над ситуацией. Однако, как показано в [Гусев 2013: 50], существует по крайней мере один тип ситуаций, который попадает под это определение.

⁴ Так, императив 1-го лица в некоторых языках может иметь оттенок разрешения и/или предположения. Императив 3-го лица часто ассоциируется с более мягкой командой (т. е. пожеланием). Подробнее см. [Aikhenvald 2010: 73–75].

Речь идет об императивных высказываниях, обращенных к части слушающих ('Пусть тот, кто X, сделает Y'). Такие контексты достаточно частотны в Евангелии и будут рассмотрены ниже как императив 3-го лица⁵ (см. *Раздел 4*).

Значение гортатива обычно рассматривается как побуждение к совместному действию [Плунгян 2011: 329]. Естественно предположить, что гортатив обязательно включает говорящего и должен быть ограничен формами инклюзивного 1-го лица мн. числа, т. е. включать говорящего и одного или более слушающих (специальные формы, выражающие совместное действие говорящего с третьими лицами (*я с ним(и)*), по-видимому, не грамматикализируются ни в одном языке [Храковский, Володин 1986: 21]). Значение известных по некоторым языкам гортативных форм 1-го лица ед. числа и эксклюзивного 1-го лица мн. ч. нельзя свести к побуждению. Как правило, эти формы обозначают намерение говорящего исполнить какое-либо действие; также они используются в сложных клаузах, когда будущее действие говорящего воспринимается результатом другого действия, и в императивных вопросах, когда говорящий спрашивает, следует ли ему осуществить называемое действие (т. е. в делиберативных конструкциях, как, например, в высказывании *Мне пойти в кино?*) [Гусев 2013: 51–52]. Общим компонентом значения гортативных форм в этих конструкциях является намерение говорящего, которое мы и считаем основой семантики гортатива. Значение гортатива инклюзивного 1-го лица мн. числа можно представить тогда как более сложное — говорящий фактом высказывания побуждает адресата выполнить

⁵ М. А. Даниэль (личное сообщение) замечает, что подобные случаи стоит анализировать функционально как императивы 2-го лица, поскольку непосредственно исполнителем действия оказывается кто-то из слушающих. Важно, однако, что при этом исполнитель неизвестен говорящему. Возможно, что это противоречие и приводит к тому, что в языках подобные значения выражаются по-разному. Заметим также, что вопрос о функциональной принадлежности является актуальным для юссивных форм вообще. Так, можно сказать, что каузируемым в высказывании *пусть начнется вечеринка* также является слушающий [van der Auwera et al. 2003: 54].

действие и сообщает, что будет выполнять это действие совместно с ним. В рамках нашей классификации мы считаем императивным только первый компонент и, соответственно, в рамках императивной парадигмы будем рассматривать только формы инклюзивного 1-го лица мн. числа.

Предложенная модель позволяет осуществить классификацию императивных контекстов в рассматриваемых нами текстах. Наша классификация основывается на трех параметрах: лицо-число исполнителя, прагматическая функция императива в тексте и семантический подтип императива. Обсуждению этих параметров и их значений посвящены следующие разделы работы.

3. Прагматические функции императива

3.1. Собственно директивная функция

Под прагматической функцией мы понимаем компонент высказывания, отражающий намерение говорящего (т. е. иллокуцию в терминологии [Остин 1986]). Мы выделяем три значения этого параметра: собственно директивная функция, проповедь и дискурсивная функция. Из них прототипически императивной мы считаем лишь первую, с обсуждения которой и начнем этот раздел.

Собственно директивная функция понимается нами в смысле [Сёрль 1986: 182] как «попытки (...) со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил». Определение, предложенное Дж. Сёрлем, соответствует принятому в данной работе пониманию императива, из чего следует, что предложенные выше критерии прототипического императива должны также относиться и к директивам. Иными словами, если рассматриваемый контекст характеризуется как прототипический императив, то он автоматически считается директивным.

В тексте мы обнаружили 142 императивные формы, выполняющие собственно директивную функцию. Типичные примеры императива

в этой функции включают распоряжения Иисуса своим ученикам (3а), а также приказы хозяина рабам (3б).

- (3) а. *И, взяв чашу и благодарив, <Иисус> сказал: **примите** её и **разделите** между собою <...>* [Лк. 22:17]
- б. *А отец сказал рабам своим: **принесите** лучшую одежду и **оденьте** его, и **дайте** перстень на руку его и обувь на ноги <...>* [Лк. 15:22]

Из формальных особенностей отметим связь прототипического императива с результивной семантикой, что проявляется в том, что в тех языках, где наблюдается грамматическое противопоставление перфективных и имперфективных форм (древнегреческий, русский), в императиве употребляются именно перфективные. Эта связь может объясняться тем, что в общем случае эти формы ассоциируются с ситуацией целиком, а не с ее отдельными этапами, что в свою очередь предполагает больший контроль говорящего над ней. Из данного правила, однако, существуют исключения, которые, как отмечается в [Thorley 1989], во многих случаях могут быть объяснены идиолектными особенностями речи евангелистов. Ср. параллельный стих у Луки (4а) и Иоанна (4б), где используются формы имперфекта и аориста⁶, соответственно. Глаголы движения также допускают выражение формой имперфекта (см. форму *ag-ō-men* ‘идти-SUBJ-1PL’ в (4в)).

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

- (4) а. *Hoi de epephōn-oun lego-nt-es*
 DEF.M.NOM.PL же выкрикивать.IPF-3PL говорить.PRS-PTCP-M.NOM.PL
- staur-ou, staur-ou aut-on.*
 распинать-IMP.2SG распинать-IMP.2SG тот-M.ACC.SG
- ‘Но они кричали: распни, распни Его!’ [Лк. 23:21]

⁶ В древнегреческом в качестве показателя завершеного действия в императиве выступает аорист, форма которого у многих глаголов выражается с помощью суффикса -s. Формы имперфекта являются немаркированными и специально не глоссируются.

б. *ekrauga-san lego-nt-es*
 кричать-АОР.3PL говорить.PRS-PTCP-M.NOM.PL

Staurō-son staurō-son
 распинать-АОР.ИМП.2SG распинать-АОР.ИМП.2SG

〈Когда же увидели Его первосвященники и служители, то〉
 ‘закричали: распни, распни Его!’ [Ин. 19:6]

в. ***Egeir-esthe ag-ō-men enteuthen***
 вставать-ИМП.2PL идти-SUBJ-1PL отсюда

〈Но чтобы мир знал, что Я люблю Отца и, как заповедал Мне
 Отец, так и творю:〉 ‘встаньте, пойдём отсюда’. [Ин. 14:31]

В тексте также встречается ряд контекстов, где в собственно директивной функции употреблены неагентивные предикаты, которые в общем случае не сочетаются с императивной семантикой (см. *Раздел 2*). Как правило, такие употребления характерны для описания чудес, которые творит Иисус. Примеры таких предикатов приведены в (5)–(7). В языках нашей выборки не наблюдается ограничений на образование императивных форм у какого-либо глагольного класса. В случае, когда в языке отсутствует полнозначный глагол с соответствующей семантикой, данное значение передается описательно, как в английском, где вместо глаголов ‘прозревать’ и ‘очищаться’ используются конструкции *receive sight* ‘обретать зрение’ (6) и *be clean* ‘быть чистым’ (7), соответственно.

(5) *Господь сказал: если бы вы имели веру с зерно горчичное и сказали смоковнице сей: исторгнись и пересадись в море, то она послушалась бы вас.* [Лк. 17:6]

(6) *And Jesus said unto him, Receive thy sight: thy faith hath saved thee.*
 ‘Иисус сказал ему: **прозри!** вера твоя спасла тебя’. [Лк. 18:42]

(7) *And he put forth his hand, and touched him, saying, I will: be thou clean. And immediately the leprosy departed from him.*
 ‘Он простер руку, прикоснулся к нему и сказал: хочу, **очистись.** И тотчас проказа сошла с него’. [Лк. 5:13]

3.2. Проповедь

В терминах теории речевых актов проповедь можно определить как особый тип директивных высказываний, основными признаками которого являются: 1) обращение к неопределенному кругу адресатов; 2) генерический («вневременной») характер события с точки зрения временной референции. Эти характеристики сближают проповедь с инструкцией, как она определяется в [Гусев 2013: 85–87].

О схожести проповеди и инструкции говорит также то, что для обоих типов императивного значения характерна заинтересованность слушающего в исполнении предписываемого действия (об этом компоненте значения инструкции см. [Храковский, Володин 1986: 137, 139–140]) поскольку оно способно привести к исполнению некоторой желаемой для адресата ситуации. Из этого следует, что каузация действия в инструкции возможна только при наличии этого желания у слушающего. Так, инструкция *нарежьте хлеб* в книге рецептов оказывается актуальной только в том случае, если слушающий заинтересован в получении бутерброда.

Проповедь как подтип инструкций можно охарактеризовать как предписание определенных действий как правильных и соответствующих учению Христа, изложенное для того, кто желает этому учению следовать.

Проповедь образует значительный класс императивных употреблений в тексте. В наших материалах встретились 64 императивные формы, выполняющие функцию проповеди. Особенно значима доля проповеди среди форм императива 2PL, что будет подробнее обсуждаться в *Разделе 4*.

Поскольку через проповедь описывается идеальная модель поведения христианина, в этих контекстах допустимо появление неагентивных предикатов, см., например, ‘пребывать’ (8а) и ‘довольствоваться’ (8б). Абсолютный характер предписания проявляется также в вариативности выбора личных форм императива, как в (9), где форма 2PL (*наблюдайте*) чередуется с 2SG (*выговори, прости*) (аналогично во всех языках нашей выборки). В контексте проповеди

возможно появление форм отложенного императива (см. *Раздел 5.1*), что связано с отсутствием четкой временной референции действия (см. форму футурального императива в латинском в (10)).

- (8) а. *Пребудьте* во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. [Ин. 15:4]
- б. Спрашивали его также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клеветайте, и *довольствуйтесь* своим жалованьем. [Лк. 3:14]
- (9) *Наблюдайте* за собою. Если же согрешит против тебя брат твой, *выговори* ему; и, если покается, *прости* ему (...)
[Лк. 17:3]

ЛАТИНСКИЙ

- (10) *Esto-te* *miseri-cord-es* *sicut et*
 быть.IMP.FUT-2PL милосердный-PL.NOM как и
Pater vester *miseri-cors* *est.*
 отец ваш милосердный.NOM.SG быть.PRS.3SG
 ‘Итак, **будьте** милосерды, как и Отец ваш милосерд’. [Лк. 6:36]

3.3. Дискурсивная функция

Наконец, некоторые императивные формы выполняют в тексте дискурсивную функцию. Основная задача таких употреблений — привлечь внимание говорящего к последующему высказыванию. Дискурсивные контексты образуют самый малочисленный класс в тексте (12 примеров).

Характерной чертой дискурсивных употреблений императива является их сильная десемантизованность. В [Fagard 2010] на материале дистрибуции императива глаголов со значением ‘смотреть’ в романских языках показывается, что их можно анализировать как слабо грамматикализованные дискурсивные маркеры. Среди признаков грамматикализации отмечается, в частности, неспособность

этих единиц употребляться с объектом. В тексте Евангелий подобные признаки демонстрирует форма *смотри* (11).

- (11) *Итак, смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма?*
[Лк. 12:24]

О том, что данные единицы являются императивом лишь формально, можно судить и по тому, что в некоторых языках им соответствуют неглагольные дискурсивные показатели. Ср. (12), где в древнегреческом оригинале употреблена форма *ἴδε (ide)*⁷ ‘смотреть.АОР.ИМП.2SG’, которой соответствуют частицы *esse* и *vot* в латинском и русском языках.

- ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ
- (12) а. *Ide* *hygi-ēs* *gegon-as*
смотреть.АОР.ИМП.2SG хороший-М.НОМ.СГ случаться.ПЕРФ-2SG
mēketi *hamartane*
больше_не грешить.ИМП.2SG
- ЛАТИНСКИЙ
- б. *Esce* *sanus* *factus* *es;*
вот здоровый.М.НОМ.СГ делать.ПТСР.М.НОМ.СГ быть.ПРС.2SG
iam *noli* *pecca-re*
когда-либо ПРОН.2SG грешить-ИМП
- ⟨Потом Иисус встретил его в храме и сказал ему:⟩ ‘**ВОТ**, ты выздоровел; не грехи больше, ⟨чтобы не случилось с тобою чего хуже⟩. [Ин. 5:14]

Ю. Д. Апресян обсуждает на материале русского языка значение эпистемического глагола ‘знать’, путативных глаголов ‘считать’ и ‘думать’, а также глаголов эмоционального состояния, которые объединяет возникновение «нетривиальных иллюкативных функций

⁷ Иногда встречается также форма *ἴδου (idou)* ‘смотреть.АОР.ПАС.2SG’ (см., например, [Ин. 16:32]). Обе эти формы анализируются как экскламативные показатели [Fantin 2010: 132]. Семантической разницы между этими показателями не зафиксировано.

в императиве» [Апресян 1995: 149]. Среди этих иллокутивных функций близким к дискурсивным употреблением оказывается значение глагола ‘знать’, которому дается следующая интерпретация: «Я знаю, что Р; я считаю, что ты не знаешь, что Р; ⟨...⟩ я хочу, чтобы ты знал, что Р, и поэтому говорю, что Р» [Апресян 1995: 150]. В наших материалах, помимо собственно глагола ‘знать’ (13), похожее функционирование в императиве можно отметить также для глагола ‘верить’ (14).

- (13) *⟨...⟩ И прах, прилипший к нам от вашего города, отрясаем вам; однако же **знайте**, что приблизилось к вам Царствие Божие.*
[Лк. 10:11]
- (14) *Иисус говорит ей: **поверь** Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу.*
[Ин. 4:21]

4. Лицо и число исполнителя

В данном разделе приводится классификация контекстов по лицу и числу исполнителя действия, называемого глаголом в императиве. Обсуждается корреляция между лично-числовыми формами императива и прагматической функцией этих форм в тексте.

Наиболее частотным значением оказалось 2SG, что предсказывается прототипической ситуацией, когда исполнителем действия выступает адресат сообщения. Во всех рассматриваемых нами языках данному значению соответствует немаркированная форма, которую, несколько упрощая, можно считать чистой глагольной основой, что также соответствует статусу формы императива 2SG как «с одной стороны, наиболее простой и одномерной по своей семантике, а с другой — наиболее частотной по своему употреблению» [Гусев 2013: 44].

С точки зрения прагматической функции этих форм в тексте, императив 2SG наиболее часто используется для передачи директивной иллокуции (89 примеров из 142) и практически не используется для

проповеди (8 примеров из 61), поскольку проповедь предполагает обращение к неопределенному кругу адресатов. В случаях, когда императивная форма 2SG употребляется в этой функции, она либо интерпретируется как заповедь (15), либо свободно чередуется с формой 2PL (16) = (9). Напротив, дискурсивная функция свободно сочетается с семантикой 2SG (5 примеров).

- (15) *Всякому, просящему у тебя, **давай**, и от взявшего твое не требуй назад.* [Лк. 6:30]
- (16) ***Наблюдайте** за собою. Если же согрешишь против тебя брат твой, **выговори** ему; и если покается, **прости** ему (...)* [Лк. 17:3]

Значение 2PL⁸ также грамматикализовано во всех рассматриваемых нами языках, а соответствующая форма является производной от формы 2SG.

Однако функционально императив 2PL значительно отличается от 2SG. В нашей выборке из 88 случаев употребления императива 2PL лишь в 35 выражается собственно директивная иллюкуция, при том что последняя составляет 2/3 от всех императивных употреблений в нашей выборке (142 примера из 214). В 48 случаях императив 2PL употребляется в функции проповеди, и в 5 — в дискурсивной функции.

Императив 3-го лица грамматикализуется в языках мира реже форм 2-го (см. [van der Auwera et al. 2003]), что наблюдается и в рассматриваемых языках. Особые формы императива 3-го лица существуют в древнегреческом, финском, горномарийском и английском (в последнем используется аналитическая конструкция). В латинском и испанском данное значение выражается

⁸ В рассматриваемых языках не выделяются отдельные императивные формы для двойственного, тройственного и паукального чисел, все подобные контексты маркированы как множественное число. Об императивных контекстах с двойственным числом в Евангелиях от Луки и Марка см. [Врубель, Паско, настоящий сборник].

конъюнктивом и субъюнктивом настоящего времени, соответственно. Наконец, в Синодальном переводе используется аналитическая конструкция с частицей *да* и формой индикатива лексического глагола.

В *Разделе 2* термин «императив 3-го лица» определялся только для контекстов, где выражается попытка говорящего каузировать действие, исполнителем которого выступает часть адресатов. Во всех языках нашей выборки, где есть специальная форма для императива 3-го лица, она наиболее последовательно выражает именно эту семантику (см. примеры (17) в древнегреческом, финском и горномарийском, где это значение выражается морфологически):

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

- (17) а. *ean tis dipsa erche-stho*
 если кто-то.NOM хотеть_пить.SUBJ.3SG приходить-IMP.3SG
pros me kai pine-tō.
 к 1SG.ACC и пить-IMP.3SG

ФИНСКИЙ

- б. *Jos joku janoa-a niin tul-koon*
 если кто-то хотеть_пить-3SG тогда приходить-IMP.3SG
minun tykö-ni ja juo-koon.
 1SG.GEN к-POSS.1SG и пить-IMP.3SG

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- в. *кү-н йү-мы-жы шо-эш мьнь*
 кто-GEN пить-NMLZ-POSS.3SG достигать-NPST.3SG 1SG
до-к-ем тол-жы да йү-жы!
 у-ILL2-POSS.1SG приходить-IMP.3SG и пить-IMP.3SG

⟨В последний же великий день праздника стоял Иисус и возгласил, говоря:⟩ ‘кто жаждет, иди ко Мне и пей’.
 [Ин. 7:37]

Единственным исключением является Синодальный перевод, где в этих контекстах наблюдается вариативность между императивом 2-го и 3-го лица (18а). При этом в Елизаветинской Библии (18б) последовательно используются аналитические конструкции с частицей

да, которой в переводе от Всемирного библейского переводческого центра (18в) соответствует частица *пусть*.

- (18) а. *Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его: находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто в городе, выходи из него; и кто в окрестностях, не входи в него, потому что это дни отмщения, да исполнится все написанное. тогда <...>* [Лк. 21:21]
- б. *Тогда сою́щии во и́удеи да бѣ́гають въ горы: и́иже посредѣ е́го, да и́сходатъ: и́иже во странáхъ, да не входатъ во́нь <...>* (<https://bible.by/elzs/42/21/>)
- в. *Тогда те, кто находится в Иудее, пусть бегут в горы, кто в городе — пусть бегут из него, кто вне города — пусть не входят в него.* (<https://bibleonline.ru/bible/nrt/luk-21/>)

Императив 3-го лица употребляется в тексте во всех рассматриваемых прагматических функциях. В нашей выборке встретилось 7 примеров на употребление в директивной функции, 8 — в функции проповеди и 2 — в дискурсивной (в контексте «кто имеет уши слышать, да слышит!») [Лк. 8:8, 14:35], которая употребляется в проповеди как завершающая формула). Таким образом, какое-либо явное предпочтение этих форм к употреблению в той или иной функции не прослеживается.

Наиболее редкими формами в нашей выборке являются формы 1PL (11 примеров), которые выражают семантику побуждения к совместному действию (ср. обсуждение в Разделе 2). Среди рассматриваемых языков морфологический показатель императива 1PL представлен в финском; в английском используются аналитические конструкции. В русском языке соответствующее значение выражается глаголом в будущем времени; древнегреческий и латинский используют форму конъюнктива настоящего времени, испанский — субъюнктива. В горномарийском соответствующее значение может выражаться формой 1PL индикатива непрощедшего времени (19а), которая факультативно употребляется с частицей *äldä* (19б).

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (19) а. *Но б̄нде т̄ды̄-н до-кы ке-н̄й*
но теперь 3SG-GEN у-ILL2 идти-NPST.1PL

‘Но пойдём к нему’ [Ин. 11:15]

- б. *ӓлдӓ Вифлеем-ыш ке-н̄й*
давай Вифлесем-ILL идти-NPST.1PL

⟨Когда Ангелы отошли от них на небо, пастухи сказали друг другу:⟩ пойдём в Вифлеем ⟨и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам Господь⟩. [Лк. 2:15]

Все формы императива 1PL в нашей выборке выражают собственно директивное значение.

В *Таблице 1* представлена сочетаемость лично-числовых форм императива с их прагматическими функциями в тексте.

Таблица 1. Сочетаемость лично-числовых форм и прагматических функций императива в тексте

Table 1. Occurrence of personal forms of Imperative in different pragmatic functions

	Директивная	Проповедь	Дискурсивная	Всего
2SG	89	8	5	102
2PL	35	48	5	88
3SG	7	7	2	16
3PL	–	1	–	1
1PL	11	–	–	11
Всего	142	61	12	

Таким образом, наиболее частотной прагматической функцией в тексте является собственно директивная функция, которая более чем в половине случаев выражается формами 2SG (89 примеров из 142). Формы 2PL являются практически единственным средством для выражения проповеди (48 примеров из 61). Дискурсивная функция занимает около 10% употреблений для каждой лично-числовой формы императива (кроме 1PL). Формы 3SG равномерно используются во всех функциях,

а формы 1PL употребляются только в директивной функции. Более подробное обсуждение полученных данных приведено в *Разделе 6*.

5. Семантические подтипы императива в тексте Евангелий

5.1. Отложенный императив

Под семантическими подтипами императива мы подразумеваем значения, которые по сравнению с императивом имеют некоторый дополнительный семантический компонент. В нашу выборку попали контексты, где ожидаются формы отложенного (футурального) императива, директивного императива, а также просьба как подвид некатегорического императива⁹. Мы начнем обсуждение с отложенного императива.

Отложенный императив, или императив будущего времени, является одним из наиболее часто грамматикализуемых семантических подтипов императива [Гусев 2013: 65]. Его значение подразумевает, что каузируемое действие должно быть исполнено спустя большой, по сравнению с нейтральным императивом, отрезок времени.

Среди наших контекстов встретилось 5 примеров отложенного императива, которые употребляются в контексте проповеди. Данное значение грамматикализовано в латинском языке. Как отмечается в грамматических описаниях (например, [Боровский, Болдырев 1979: 82]), отложенный императив обычно ассоциируется с референцией к неопределенному количеству лиц, что также хорошо согласуется с параметрами проповеди, обсуждаемыми в *Разделе 3.2*. Этим можно

⁹ Дальнейшее исследование может выявить и иные семантические подтипы императива в корпусе библейских текстов. Так, в нашей выборке встретился один пример, где ожидается выражение антериорного императива (т. е. показателя, маркирующего действие, предшествующего другому событию; подробнее см. [Гусев 2013: 73–76]: *И говорит им: теперь **почерпните** и несите к распорядителю тира. И понесли.* [Ин. 2:8].

объяснить разницу в выборе формы футурального императива 2^{PL} в (20а) в отличие от близкого контекста, где использована форма нейтрального императива (20б).

ЛАТИНСКИЙ

- (20) а. *Memor-es es-to-te uxor-is Lot.*
 помнящий-PL быть-IMP.FUT-2^{PL} жена-GEN Лот

⟨...Тот день, кто будет на кровле, а вещи его в доме, тот не сходи взять их; и кто будет на поле, также не обращайся назад.⟩ Вспоминайте жену Лотову. [Лк. 17:31–32]

- б. *Gaude-te in illa die et exsulta-te*
 радоваться-IMP.2^{PL} в тот день и веселиться-IMP.2^{PL}

‘Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь,’ ⟨ибо велика вам награда на небесах⟩. [Лк. 6:23]

5.2. Императив сопутствующего движения

Сопутствующее движение рассматривается как отдельная грамматическая категория, которая добавляет к ситуации, выражаемой глаголом, компонент перемещения (см. [Guillaume, Koch 2021: 3]). Как правило, эта категория распространяется на всю глагольную систему, однако в небольшом числе языков она ограничена императивом [Гусев 2013: 67], который мы в таком случае будем называть императивом сопутствующего движения.

Всего нами было обнаружено 15 контекстов, где возможно выражение этого императивного значения. В тексте они используются в собственно директивной функции (7 примеров) и в функции проповеди (2 примера). В (21) сопутствующее движение происходит в направлении от говорящего, в (22) — к говорящему.

- (21) *И сказал им Иисус в ответ: пойдите, скажите Иоанну, что вы видели и слышали: слепые прозревают, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают, нищие благовествуют* ⟨...⟩ [Лк. 7:22]

- (22) *Иисус говорит им: **придите, обедайте**. Из учеников же никто не смел спросить Его: «кто Ты?», зная, что это Господь.* [Ин. 21:12]

В рассматриваемых нами языках нет грамматикализованных показателей сопутствующего движения. В древнегреческом и латинском сопутствующее движение иногда выражается нефинитной формой, что, впрочем, может объясняться тенденцией к использованию в предложении лишь одной финитной глагольной формы, которая прослеживается в Евангелии от Луки. Ср. следующие примеры в древнегреческом, где формы причастия выражают сопутствующее движение (23a) = (1) и предикат иного семантического класса (23б).

- ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ
- (23) а. ***poreunthe-nt-es** *hetoimasa-te* *hēmin**
 ИДТИ.АОР.ПАСС-ПТСР-М.НОМ.ПЛ ГОТОВИТЬ.АОР-ИМП.2ПЛ 1ПЛ.ДАТ
to pascha hina phag-ō-men.
 ДЕФ.Н.АСС.СГ ПАСХА.АСС.СГ ЧТОБЫ ЕСТЬ.АОР-СУБЈ-1ПЛ
 ⟨...И послал [Иисус] Петра и Иоанна, сказав:⟩ ‘пойдите, приготовьте нам есть пасху’. [Лк. 22:8]
- б. *kai phere-te ton mosch-on*
 и ПРИВОДИТЬ-ИМП.2ПЛ ДЕФ.М.АСС.СГ ТЕЛЕНОК-АСС
ton siteut-on thysa-te kai
 ДЕФ.М.АСС.СГ ОТКОРМЛЕННЫЙ-М.СГ.АСС УБИВАТЬ.АОР-ИМП.2ПЛ и
***phago-nt-es** euphranth-ō-men,*
 ЕСТЬ.АОР-ПТСР-М.НОМ.ПЛ ВЕСЕЛИТЬСЯ.АОР-СУБЈ-1ПЛ
 ‘⟨...⟩ И приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться!’ [Лк. 15:23]

5.3. Просьба, (не)категорический и вежливый императив

Как обсуждалось в *Разделе 2*, одним из важных параметров варьирования императива является контроль говорящего над ситуацией. Прототипическому императиву соответствует высокая

степень контроля, но во многих языках существуют способы понизить эту степень, что приводит к появлению особых форм некатегорического или вежливого императива (подробнее см. [Гусев 2013: 76 сл.]).

В тексте Нового Завета вежливость представлена достаточно слабо. Единственным типом контекстов, где выражение некатегорического императива представляется возможным, является просьба. Ситуация просьбы предполагает, что говорящий не ставит себя выше адресата, что отражается в меньшей степени категоричности высказывания [Храковский, Володин 1986: 137]. Неудивительно, что просьбы чаще выражаются именно с помощью некатегорических и вежливых императивов [Гусев 2013: 84].

В нашей выборке встретилось 15 императивных форм, которые можно трактовать как просьбу. Во всех случаях они использовались в собственно директивной функции.

В рассматриваемых языках просьба формально не отличается от прототипического императива. Обращает на себя внимание употребление вокатива в данных контекстах (25), что может объясняться тем, что способ обращения — один из наиболее естественных способов показать свое отношение к собеседнику.

(24) а. *На это сказали Ему: Господи! **подавай** нам всегда такой хлеб.* [Ин. 6:34]

б. *⟨...⟩ Отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; **прими** меня в число наемников твоих.* [Лк. 15:18–19]

В языках мира, однако, зафиксированы случаи, когда особое маркирование получают не менее, а более категорические императивные значения, которые образуют подтип категорического императива (см. [Гусев 2013: 82–83; Aikhenvald 2010: 204–205], а также [Мордашова 2021] о функционировании эмфатического приимперативного маркера =jã в горномарийском).

Среди языков нашей выборки специальных показателей категорического императива также не отмечается. Ожидается, что таковые

показатели возможны в контексте проповеди, для которой свойственна большая степень категоричности. В собственно директивных контекстах большая категоричность возможна в контексте совершения чуда, как в (25а), где также используется интенсифицирующее прилагательное *громкий*. Также о большей категоричности может свидетельствовать употребление более маркированного предиката, вводящего прямую речь, как в (25б), где употреблена лексема *кричать* вместо нейтрального *говорить*.

(25) а. *Сказав это, Он воззвал громким голосом: Лазарь! Иди вон.*
[Ин. 43]

б. *Когда же увидели Его первосвященники и служители, то закричали: **распни, распни** Его!* [Ин 19:6]

6. Заключение

В статье была предложена классификация императивных контекстов в тексте Евангелий от Луки и Иоанна на основе древнегреческого, латинского, русского, английского, испанского, финского и горномарийского переводов. В основу классификации легла прототипическая модель императива, отражающая те семантические признаки, которые чаще всего ассоциируются с этой категорией в типологической литературе (прямая каузация, контроль говорящего над ситуацией, агентивность предиката).

В соответствии с предложенной моделью были выделены три основные прагматические функции императива в тексте, между которыми можно обнаружить различия как на формальном (выбор видо-временной формы, актантные характеристики предиката), так и на содержательном (наличие / отсутствие прямой каузации, временная референция действия, степень контроля говорящего над ситуацией) уровнях. Различные лично-числовые формы императива также оказались неравномерно распределены с точки зрения их прагматической функции. В частности, было замечено, что значительное

количество форм императива 2PL употребляются в тексте в функции проповеди, а императив 1PL употребляется только в собственно директивной функции. Были также рассмотрены контексты, где возможно употребление семантических подтипов императива. Ниже дана итоговая таблица, где собрано количество примеров по каждому из параметров (см. также приложение, где приведен список всех контекстов).

Таблица 2. Распределение императивных форм по прагматическим функциям, личным формам и семантическим типам в Евангелиях от Луки и Иоанна
Table 2. Distribution of imperative forms according to their pragmatic functions, personal forms and semantic types in the Gospels of Luke and John

		2SG	2PL	3SG	3PL	1PL
Директивная		89	35	7		11
из них	<i>просьба</i>	15	–			
	<i>категорический</i> ¹⁰	5				
	<i>отложенный</i>	–	–			
	<i>директивный</i>	3	4			
Проповедь		8	48	7	1	
из них	<i>просьба</i>	–	–			
	<i>отложенный</i>	–	5			
	<i>сопутствующее движение</i>	1	1			
Дискурсивная		5	5	2	–	–

Полученные результаты позволяют сделать ряд выводов о функционировании императивных форм в тексте Евангелий от Луки и Иоанна. Во-первых, заметно преимущественное использование

¹⁰ Категорический императив отмечается только для директивной функции, поскольку в нашей классификации любой контекст проповеди считается категорическим по определению.

форм 2SG для выражения директивной иллокуции, что следует из свойств прототипического речевого акта, который подразумевает обращение к одному адресату. Частое использование форм 2PL в функции проповеди объясняется тем, что проповедь предполагает обращение к большому и обезличенному кругу последователей. Из этого же следует сравнительно большое количество форм императива 3-го лица, используемых в этой функции. Неупотребление форм 1PL в функции проповеди может вытекать из того, что прототипическая проповедь предполагает дистанцию между говорящим и слушателями, которая выражается в невозможности совместного действия между ними.

Обнаруженные в тексте семантические подтипы императива также по-разному используются в той или иной прагматической функции. Просьба встречается исключительно в собственно директивной функции, что можно объяснить сниженной, по сравнению с нейтральным императивом, степенью категоричности, которую демонстрирует говорящий при просьбе. Напротив, проповедь по своему характеру категорична. Отложенный императив используется преимущественно в проповеди, поскольку, как уже было сказано, этот подтип часто употребляется при референции к неопределенному кругу адресатов. Проповедь также предполагает частое обращение к событиям в отдаленном будущем, что также хорошо сочетается с семантикой отложенного императива. Императив сопутствующего движения встречается и в собственно директивной функции, и в проповеди.

Дальнейшее исследование функционирования императива в корпусе библейских текстов предполагает обращение к более широкой выборке языков для проверки и уточнения выводов, сделанных в рамках этой работы.

Приложение: контексты с императивными формами в тексте Евангелий от Луки и Иоанна

I. Функции императива

I.1. Собственно директивная функция

2sg

- ‘выходить’ [Лк. 4:35, 13:31; Ин. 7:3]
- ‘идти’ [Лк. 5:24, 7:8, 14:17, 14:23, 17:19; Ин. 7:3, 8:11, 11:43, 21:19]
- ‘умываться’ [Ин. 9:7]
- ‘подавать’ [Лк. 11:3]
- ‘покупать’ [Ин. 13:29]
- ‘прославлять’ [Ин. 17:1]
- ‘соблюдать’ [Ин. 17:11]
- ‘освящать’ [Ин. 17:17]
- ‘вкладывать’ [Ин. 18:11]
- ‘спрашивать’ [Ин. 18:21]
- ‘распинать’ [Лк. 23:21(x2); Ин. 19:6],
- ‘говорить’ [Лк. 7:7; Ин. 20:17]
- ‘предоставлять’ [Лк. 9:60]
- ‘благовествовать’ [Лк. 9:60]
- ‘прорекать’ [Лк. 22:64]
- ‘быть’ [Лк. 19:9]
- ‘спасать’ [Лк. 23:39]
- ‘веровать’ [Лк. 8:50]
- ‘продавать’ [Лк. 18:22]
- ‘раздавать’ [Лк. 18:22]
- ‘приходить’ [Лк. 7:8, 18:22]
- ‘следовать’ [Лк. 5:27, 9:59, 18:22]
- ‘покоиться’ [Лк. 12:19]
- ‘есть’ [Лк. 12:19]
- ‘пить’ [Лк. 12:19]

- ‘веселиться’ [Лк. 12:19]
- ‘готовить’ [Лк. 17:8]
- ‘отпускать’ [Лк. 9:12, 23:18]
- ‘удаляться’ [Лк. 13:31]
- ‘молчать’ [Лк. 4:35]
- ‘отплывать’ [Лк. 5:4]
- ‘вставать’ [Лк. 5:24, 6:8, 7:14, 8:54, 17:19]
- ‘выступить’ [Лк. 6:8]
- ‘протягивать’ [Лк. 6:8]
- ‘делать’ [Лк. 7:8]
- ‘возвращаться’ [Лк. 8:39]
- ‘рассказывать’ [Лк. 8:39]
- ‘служить’ [Лк. 17:8]
- ‘заботиться’ [Лк. 10:35]
- ‘рубить’ [Лк. 13:7]
- ‘брать’ [Лк. 16:6]
- ‘писать’ [Лк. 16:6]
- ‘садиться’ [Лк. 16:6]
- ‘убеждать’ [Лк. 14:23]
- ‘очищаться’ [Лк. 5:13]
- ‘прозревать’ [Лк. 18:42]
- ‘исторгаться’ [Лк. 17:6]
- ‘пересаживаться’ [Лк. 17:6]
- ‘умилосердиться’ [Лк. 16:24]
- ‘посылать’ [Лк. 16:24]

2PL

- ‘велеть’ [Ин. 6:10]
- ‘собирать’ [Ин. 6:12]
- ‘идти’ [Лк. 10:3, 14:17, 19:30; Ин. 7:8]
- ‘спрашивать’ [Ин. 9:21]
- ‘отнимать’ [Ин. 11:39]
- ‘развязывать’ [Ин. 11:44]
- ‘отпускать’ [Ин. 11:44]
- ‘вставать’ [Ин. 14:31]

‘закидывать’ [Лк. 5:4; Ин. 21:6]
‘приносить’ [Лк. 15:22; Ин. 21:10]
‘обедать’ [Ин. 21:12]
‘приводить’ [Лк. 15:23]
‘показываться’ [Лк. 17:14]
‘говорить’ [Лк. 7:22, 10:9, 11:2]
‘исцелять’ [Лк. 10:9]
‘готовить’ [Лк. 22:12]
‘рассаживать’ [Лк. 9:14]
‘одевать’ [Лк. 15:22]
‘давать’ [Лк. 15:22, 19:24]
‘братъ’ [Лк. 19:24]
‘принимать’ [Лк. 22:17]
‘разделять’ [Лк. 22:17]
‘переправляться’ [Лк. 8:22]

3SG

‘пить’ [Ин. 7:37]
‘бросать’ [Ин. 8:7]
‘спасать’ [Лк. 22:35]
‘отворачиваться’ [Лк. 9:23]
‘следовать’ [Лк. 9:23]
‘братъ’ [Лк. 9:23]
‘быть’ [Лк. 22:26]

1PL

‘идти’ [Ин. 11:7, 11:15, 11:16, 14:31; Лк. 2:15]
‘бросать’ [Ин. 19:24]
‘есть’ [Лк. 15:23]
‘веселиться’ [Лк. 15:23]
‘смотреть’ [Лк. 2:15]
‘убивать’ [Лк. 20:14]
‘делать’ [Лк. 9:33]

I.2. Проповедь

2SG

- ‘почитать’ [Лк. 18:20]
- ‘давать’ [Лк. 6:30]
- ‘выговаривать’ [Лк. 17:3]
- ‘прощать’ [Лк. 17:3]
- ‘поступать’ [Лк. 10:28, 10:37]
- ‘идти’ [Лк. 10:37]
- ‘звать’ [Лк. 14:31]

2PL

- ‘стараться’ [Ин. 6:27]
- ‘судить’ [Ин. 7:24]
- ‘верить’ [Ин. 10:38]
- ‘пребывать’ [Ин. 15:4, 15:9]
- ‘помнить’ [Ин. 15:20]
- ‘вспоминать’ [Лк. 17:32]
- ‘слушать’ [Лк. 9:35]
- ‘благоворить’ [Лк. 6:27]
- ‘продавать’ [Лк. 12:33]
- ‘радоваться’ [Лк. 6:23, 10:20]
- ‘наблюдать’ [Лк. 8:18, 17:3]
- ‘приготовлять’ [Лк. 12:33]
- ‘веселиться’ [Лк. 6:23]
- ‘довольствоваться’ [Лк. 3:14]
- ‘искать’ [Лк. 12:31]
- ‘давать’ [Лк. 6:38, 12:33]
- ‘подвизаться’ [Лк. 13:24]
- ‘прощать’ [Лк. 6:37]
- ‘приобретать’ [Лк. 16:9]
- ‘клониться’ [Лк. 21:28]
- ‘любить’ [Лк. 6:27]
- ‘пускать’ [Лк. 18:16]
- ‘поднимать’ [Лк. 21:28]

‘молить’ [Лк. 10:2]
‘оставаться’ [Лк. 9:4, 10:7]
‘отправляться’ [Лк. 9:4]
‘приводить’ [Лк. 19:27]
‘быть’ [Лк. 6:36, 12:40]
‘избивать’ [Лк. 19:27]
‘творить’ [Лк. 3:8]
‘бояться’ [Лк. 12:5]
‘беречься’ [Лк. 12:1, 12:15]
‘просить’ [Лк. 11:9]
‘искать’ [Лк. 11:9]
‘стучать’ [Лк. 11:9]

3SG

‘выходить’ [Лк. 21:21]
‘давать’ [Лк. 3:11]
‘делать’ [Лк. 3:11]
‘продавать’ [Лк. 22:36]
‘братъ’ [Лк. 22:36]
‘покупать’ [Лк. 22:36]
‘следовать’ [Лк. 12:26]

3PL

‘бежать’ [Лк. 21:21]

I.3. Дискурсивная функция

2SG

‘идти’ [Лк. 7:50, 8:48]
‘верить’ [Ин. 4:21]
‘смотреть’ [Лк. 11:35; Ин. 11:36]

2PL

‘смотреть’ [Лк. 12:15, 12:24]
‘возводить’ (очи) [Ин. 4:35]

‘мужаться’ [Ин. 16:33]
‘вспоминать’ [Лк. 16:25]

3SG

‘слышать’ [Лк. 8:8, 14:35]

II. Семантические подтипы императива

II.1. Просьба

2SG

‘отворить’ [Лк. 13:25]
‘миловать’ [Лк. 17:13]
‘защищать’ [Лк. 18:3]
‘принимать’ [Лк. 15:19]
‘давать’ [Лк. 11:5]
‘запрещать’ [Лк. 19:39]
‘учить’ [Лк. 11:1]
‘оставаться’ [Лк. 24:29]
‘есть’ [Ин. 4:31]
‘приходить’ [Ин. 4:49]
‘подавать’ [Ин. 6:34]
‘показывать’ [Ин. 14:8]
‘быть милостивым’ [Лк. 18:13, 18:38]
‘позволять’ [Лк. 9:61]

II.2. Категорический императив

2SG

‘идти’ [Ин. 11:43]
‘распина́ть’ [Лк. 23:21; Ин. 19:6]
‘молчать’ [Лк. 4:35]
‘выходить’ [Лк. 4:35]

II.3. Императив сопутствующего движения

Собственно директивная функция

2SG

идти [Ин. 4:16, 9:7; Лк. 10:37]

2PL

идти [Лк. 17:14, 7:22, 22:8]

приходить [Ин. 21:12]

Проповедь

2SG

идти [Лк. 9:60]

2PL

приходить [Лк. 13:14]

II.4. Отложенный императив

Проповедь

2PL

‘радоваться’ [Лк. 6:23]

‘веселиться’ [Лк. 6:23]

‘знать’ [Лк. 12:39, 21:31]

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; AOR — аорист; AUX — вспомогательный глагол; DAT — датив; DEF — определенность; GEN — генитив; FUT — будущее время; ILL, ILL2 — иллатив; IMP — императив; IN — инессив; INF — инфинитив; IPF — имперфект; M — мужской род; N — средний род; NMLZ — номинализация; NOM — номинатив; NPST — непрошедшее время; PASS — пассив; PERF — перфект; PL — множественное число; POSS — possessивность; PRON — прохибитив;

PRS — настоящее время; РТСР — причастие; SG — единственное число; SUBJ — субьюнктив.

Литература

- Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Прагматическая информация для толкового словаря // Ю. Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 135–155.
- Боровский, Болдырев 1979 — Я. М. Боровский, А. В. Болдырев. Учебник латинского языка для гуманитарных факультетов университетов. Изд. 4-е, доп. М.: Высшая школа, 1979.
- Врубель, Паско, настоящий сборник — Д. Д. Врубель, Л. И. Паско. К созданию базы релевантных контекстов для граммемы двойственного числа на материале корпуса переводов Нового Завета // Настоящий сборник.
- Гусев 2013 — В. Ю. Гусев. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Мордашова 2021 — Д. Д. Мордашова. К типологии императива: семантика примперативных маркеров в горномарийском языке // Урало-алтайские исследования. 2021. Вып. 41. № 2. С. 73–88. DOI: 10.37892/2500-2902-2021-41-2-73-88.
- Остин 1986 — Дж. Л. Остин. Слово как действие // И. М. Кобозева, В. З. Демьянков (сост.), Б. Ю. Городецкий (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
- Сёрль 1986 — Дж. Сёрль. Что такое речевой акт? // И. М. Кобозева, В. З. Демьянков (сост.), Б. Ю. Городецкий (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.
- Холодович, 1969 — А. А. Холодович. Типология каузативных конструкций: морфологический каузатив. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1969.
- Храковский, Володин 1986 — В. С. Храковский, А. П. Володин. Семантика и типология императива: русский императив. Л.: УРСС, 1986.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. DOI: 10.37892/2313-5816-2021-2-229-238.
- Плунгян 2021 — В. А. Плунгян. Конференция «К построению базы данных универсальных грамматических контекстов на материале параллельного корпуса переводов Нового Завета» // Родной язык. 2021. № 2. С. 229–238.
- Плунгян, настоящий сборник — В. А. Плунгян. Параллельный корпус как грамматическая база данных и Новый Завет как параллельный корпус (предисловие) // Настоящий сборник.

- Aikhenvald 2010 — A. Yu. Aikhenvald. Imperatives and commands. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Aikhenvald 2017 — A. Yu. Aikhenvald. Imperatives and commands: a cross-linguistic view // A. Yu. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). Imperatives and commands: a cross-linguistic typology. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 1–45. DOI: 10.1093/oso/9780198803225.003.0001.
- Cysouw, Wälchli 2007 — M. Cysouw, B. Wälchli. Parallel texts: using translational equivalents in linguistic typology // *Language Typology and Universals*. 2007. Vol. 60. №. 2. P. 95–99. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.95.
- Dahl, Wälchli 2016 — Ö. Dahl, B. Wälchli. Perfects and iamitives: two gram types in one grammatical space // *Letras de Hoje*. 2016. Vol. 51. №. 3. P. 325–348. DOI: 10.15448/1984-7726.2016.3.25454.
- Dobrushina 2012 — N. Dobrushina. What is the jussive for? A study of third person commands in six Caucasian Languages // *Linguistics*. 2012. Vol. 50. № 1. P. 1–25. DOI: 10.1515/ling-2012-0001.
- Fagard 2010 — B. Fagard. É vida, olha...: Imperatives as discourse markers and grammaticalization paths in Romance. A diachronic corpus study // *Languages in Contrast*. 2010. Vol. 10. №. 2. P. 245–267. DOI: 10.1075/bct.44.07fag.
- Fantin 2010 — J. D. Fantin. The Greek Imperative Mood in the New Testament: A Cognitive and Communicative Approach. New York: Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 2010. DOI: 10.3726/978-1-4539-0049-9.
- Guillaume, Koch 2021 — A. Guillaume, H. Koch. Introduction: associated motion as a grammatical category in linguistic typology // A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated Motion*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021. P. 3–30. DOI: 10.1515/9783110692099-001.
- Takahashi 2012 — H. Takahashi. *A Cognitive Linguistic Analysis of the English Imperative: With special reference to Japanese imperatives*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2012. DOI: 10.1075/hcp.35.
- Thorley 1989 — J. Thorley. Aktionsart in New Testament Greek: Infinitive and Imperative // *Novum Testam*. 1989. Vol. 31. №. 4. P. 290–313. DOI: 10.1163/156853689x00252.
- van der Auwera et al. 2003 — J. van der Auwera, N. Dobrushina, V. Goussev. A Semantic Map for Imperative-Hortatives // D. Willems, B. Defrancq, T. Colleman, D. Noël (eds.). *Contrastive Analysis in Language*. London: Palgrave Macmillan UK, 2003. P. 44–66. DOI: 10.1057/9780230524637_3.
- van Olmen, Heinold 2017 — D. van Olmen, S. Heinold. Imperatives and directive strategies from a functional-typological perspective: An introduction // D. van Olmen, S. Heinold (eds.). *Imperatives and Directive Strategies*: John Benjamins, 2017. P. 1–49. DOI: 10.1075/slcs.184.01van.

Xrakovskij 2001 — V. S. Xrakovskij. Hortative constructions // M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). *Language Typology and Language Universals 2. Teilband*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2001. P. 1028–1038. DOI: 10.1515/9783110194265-015.

References

- Aikhenvald 2010 — A. Yu. Aikhenvald. *Imperatives and commands*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Aikhenvald 2017 — A. Yu. Aikhenvald. Imperatives and commands: a cross-linguistic view. A. Yu. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). *Imperatives and commands: a cross-linguistic typology*. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 1–45. DOI: 10.1093/oso/9780198803225.003.0001.
- Apresyan 1995 — Yu. D. Apresyan. Pragmaticheskaya informatsiya dlya tolkovogo slovarya [Pragmatic information for the lexicon]. Yu. D. Apresyan. *Integralnoye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Integral description of language and systemic lexicography]. Vol. II. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1995. P. 135–155.
- Austin 1986 — J. L. Austin. How to do things with words. New York: Oxford UP, 1973. (Russian translation: J. L. Austin. Slovo kak deystviye. I. M. Kobozeva, V. Z. Dem'yankov (comp.), B. Yu. Gorodetsky (ed.). *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 17: Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Iss. 17: Speech act theory]. Moscow: Progress, 1986. P. 22–129.
- Borovskiy, Boldyrev 1979 — Ya. M. Borovskiy, A. V. Boldyrev. *Uchebnik latinskogo yazyka dlya gumanitarnykh fakul'tetov universitetov. Izdaniye 4-e, dopolnennoye* [Textbook of Latin language for faculties of Humanities. 4th edition, extended]. Moscow: Vysshaya shkola, 1979.
- Cysouw, Wälchli 2007 — M. Cysouw, B. Wälchli. Parallel texts: using translational equivalents in linguistic typology. *Language Typology and Universals*. 2007. Vol. 60. No. 2. P. 95–99. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.95.
- Dahl, Wälchli 2016 — Ö. Dahl, B. Wälchli. Perfects and iamitives: two gram types in one grammatical space. *Letras de Hoje*. 2016. Vol. 51. No. 3. P. 325–348. DOI: 10.15448/1984-7726.2016.3.25454.
- Dobrushina 2012 — N. Dobrushina. What is the jussive for? A study of third person commands in six Caucasian languages. *Linguistics*. 2012. Vol. 50. No. 1. P. 1–25. DOI: /10.1515/ling-2012-0001.
- Fagard 2010 — B. Fagard. É vida, olha...: Imperatives as Discourse Markers and Grammaticalization Paths in Romance. A diachronic corpus study. *Languages in Contrast*. 2010. Vol. 10. No. 2. P. 245–267. DOI: 10.1075/bct.44.07fag.

- Fantin 2010 — J. D. Fantin. *The Greek Imperative Mood in the New Testament: A Cognitive and Communicative Approach*. [New York: Peter Lang Verlag, 2010. DOI: 10.3726/978-1-4539-0049-9.
- Guillaume, Koch 2021 — A. Guillaume, H. Koch. Introduction: associated motion as a grammatical category in linguistic typology. A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated Motion*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021. P. 3–30. DOI: 10.1515/9783110692099-001.
- Gusev 2013 — V. Yu. Gusev. *Tipologiya imperativa* [Typology of Imperative]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2013.
- Kholodovich, 1969 — A. A. Kholodovich. *Tipologiya kauzativnykh konstruksiy: morfologicheskiiy kauzativ* [Typology of causative constructions: morphological causative]. Leningrad: Nauka, Leningrad office, 1969.
- Khrakovskiy, Volodin 1986 — V. S. Khrakovskiy, A. P. Volodin. *Semantika i tipologiya imperativa: russkiy imperativ* [Semantics and typology of imperative: Russian imperative]. Leningrad: URSS, 1986.
- Mordashova 2021 — D. D. Mordashova. K tipologii imperativa: semantika priimperativnykh markerov v gornomariyskom yazyke [To the typology of imperative. Semantics of adimperative markers in Hill Mari]. *Uralo-altayskiye issledovaniya*. 2021. Vol. 41. No. 2. P. 73–88. DOI: 10.37892/2500-2902-2021-41-2-73-88.
- Plungian 2011 — V. A. Plungian *Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskkiye znacheniya i grammaticheskkiye sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems in languages of the world]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing House, 2011.
- Plungian 2021 — V. A. Plungian. Konferentsiya “K postroyeniyu bazy dannykh universalnykh grammaticheskikh kontekstov na materiale parallelnogo korpusa perevodov Novogo Zaveta” [The conference “Towards a database of universal grammatical contexts based on the parallel corpus of the New Testament translations”]. *Rodnoy yazyk*. 2021. Vol. 2. P. 229–238. DOI: 10.37892/2313-5816-2021-2-229-238.
- Plungian, this volume — V. A. Plungian. *Parallelnyy korpus kak grammaticheskaya baza dannykh i Novyy Zavet kak parallelnyy korpus (predisloviye)* [A parallel corpus as a grammar database and the New Testament as a parallel corpus (Preface)]. This volume.
- Searle 1986 — J. Searle. What is a speech act? M. Black (ed.). *Philosophy in America*. Ithaca: Cornell University Press, 1965. P. 221–239. (Russian translation: J. Searle. Chto takoye rechevoy akt? I. M. Kobozeva, V. Z. Demyankov (comp.), B. Yu. Gorodetsky (ed.). *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*. Vyp. 17: Teoriya rechevykh aktov [New in foreign linguistics. Iss. 17: Speech act theory]. Moscow: Progress, 1986. P. 151–169.)

- Takahashi 2012 — H. Takahashi. *A Cognitive Linguistic Analysis of the English Imperative: With special reference to Japanese imperatives*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2012. DOI: 10.1075/hcp.35.
- Thorley 1989 — J. Thorley. Aktionsart in New Testament Greek: Infinitive and Imperative. *Novum Testam.* 1989. Vol. 31. No. 4. P. 290–313. DOI: 10.1163/156853689x00252.
- van der Auwera et al. 2003 — J. van der Auwera, N. Dobrushina, V. Goussev. A Semantic Map for Imperative-Hortatives. D. Willems, B. Defrancq, T. Coleman, D. Noël (eds.). *Contrastive Analysis in Language*. London: Palgrave Macmillan UK, 2003. P. 44–66. DOI: 10.1057/9780230524637_3.
- van Olmen, Heinold 2017 — D. van Olmen, S. Heinold. Imperatives and directive strategies from a functional-typological perspective: An introduction. D. van Olmen, S. Heinold (eds.). *Imperatives and Directive Strategies*: John Benjamins, 2017. P. 1-49. DOI: 10.1075/slcs.184.01van.
- Vrubel, Pasko, this volume — D. D. Vrubel, L. I. Pasko. *K opisaniyu kontekstov dlya grammemy dvoystvennogo chisla na materiale korpusa perevodov Novogo Zaveta* [Towards a description of contexts for dual number based on the New Testament translations corpus]. This volume.
- Xrakovskij 2001 — V. S. Xrakovskij. Hortative constructions. M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). *Language Typology and Language Universals*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2001. P. 1028–1038. DOI: 10.1515/9783110194265-015.

Получено / received 04.04.2022

Принято / accepted 12.06.2023

К описанию релевантных контекстов для экспериентивности в Новом Завете

Ю. Н. Кузнецова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН
(Москва, Россия); kuznetsova.yn@gmail.com; ORCID: 0000-0002-9494-3768

А. Д. Подгорная

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия); podganastas@gmail.com; ORCID: 0009-0004-8379-691X

Аннотация. В данной статье рассматриваются контексты с экспериентивной семантикой в текстах Нового Завета на древнегреческом, латинском, русском, английском, испанском, китайском, японском и удмуртском языках. Прототипическими экспериентивными считались контексты, в которых как можно большее количество рассматриваемых языков демонстрирует ожидаемые средства кодирования экспериентивного значения. 59 полученных контекстов были ранжированы по прототипичности и классифицированы по ряду типологически релевантных параметров: полярность, наличие адвербиального выражения, задающего экспериентивную интерпретацию, актуальность и кратность опыта, одушевленность и семантическая роль носителя опыта.

Ключевые слова: экспериентив, параллельные корпуса, китайский, японский, удмуртский, русский, английский, испанский, латинский, древнегреческий.

Towards a description of experiential contexts in the New Testament

Yulia N. Kuznetsova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), Kharkevich Institute for Information Transmission Problems, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); kuznetsova.yn@gmail.com; ORCID: 0000-0002-9494-3768

Anastasia D. Podgornaia

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); podganastas@gmail.com; ORCID: 0009-0004-8379-691X

Abstract. The Experiential occupies a peripheral position in the aspectual zone and indicates that *X* has participated in a given situation at least once during a certain period and has acquired certain qualities due to this experience. In this paper, we present a list of contexts with experiential meaning identified in five books of the New Testament (The Gospel of Matthew, The Gospel of Mark, The Gospel of Luke, The Gospel of John, and The Acts of the Holy Apostles) in eight languages (Ancient Greek, Latin, Spanish, English, Russian, Chinese, Japanese, Udmurt). Particular attention was paid to the latter three languages, because Udmurt and Japanese use specialized encoding for this meaning, while Chinese has a marker covering not only experiential, but also existential contexts. The latter exclude the component of characterisation and thus adhere to the category of the Existential, whereas the other languages in the sample use other grammatical means (the perfect in European languages or the imperfective aspect in Russian). Additional translations were examined for Chinese and English due to the frequent periphrases in the Chinese translation and the peculiarities of the usage of the Perfect in the King James Bible. Preselected contexts were ranked on the basis of how many languages encoded the experiential meaning with the expected means. As a result, 59 contexts were identified and grouped according to their prototypicality into nuclear, typical, peripheral, and marginal contexts. Whereas the Chinese marker (51 uses overall) appears sporadically in marginal contexts, some of which could be categorised as existential, there are no instances of a Japanese experiential construction (29 contexts) in this group. At the same time, the use of the specialized means in Udmurt (10 contexts) is limited to only nuclear and typical contexts. Other languages, except for Ancient Greek and Udmurt, code the majority of the selected contexts with the expected means. We developed a classification of contexts according to a set of typologically relevant morphological, syntactic and semantic parameters that include: sentence polarity, adverbial support, relevance of the experience for the speech time, animacy and the semantic role of the

subject of experience, and multiplicity of experience. The results of our research can be useful for further typological and language-specific studies of the experiential aspect.

Keywords: experiential aspect, parallel corpora, Chinese, Japanese, Udmurt, Russian, English, Spanish, Latin, Ancient Greek.

1. Введение

Экспериентив — периферийная аспектуальная категория. Общепринятого определения семантики экспериентива на данный момент не существует, поскольку типологические работы, посвященные данной категории, немногочисленны, а языковые описания направлены скорее на анализ особенностей выражения экспериентивного значения в конкретном языке, чем на выработку единого определения. Одним из первых об экспериентивном значении как одном из значений перфекта в английском писал Б. Комри: «Экспериентивальный перфект обозначает, что указанная ситуация имела место в некоторый период времени в прошлом до текущего момента времени по крайней мере один раз» [Comrie 1976: 58]¹, ср. также встречающиеся в литературе термины «экзистенциальный перфект» и «неопределенный перфект» [Comrie 1976: 58]. Э. Даль, определяя экспериентив уже как межъязыковой категориальный тип, также отмечает, что «экспериентив в основном используется в предложениях, в которых утверждается (отрицается или спрашивается), что событие определенного типа имело место по крайней мере один раз в течение определенного периода до определенной точки во времени» [Dahl 1985: 141]². В определении Дж. Байби

¹ «The experiential perfect indicates that a given situation has held at least once during some time in the past leading up to the present (...)» [Comrie 1976: 58].

² «The basic use of EXPER is in sentences in which it is asserted (questioned, denied) that an event of a certain type took place at least once during a certain period up to a certain point in time» [Dahl 1985: 141].

и соавторов добавляется идея характеристики агенса: «⟨...⟩ экспериментив, в котором определенные качества или знания приписываются агенту благодаря предыдущему опыту ⟨...⟩» [Bybee et al. 1994: 62]³. Многие работы в той или иной степени затрагивают семантику показателя, которому приписывается экспериментивная семантика, в стандартном китайском языке. Среди наиболее часто постулируемых компонентов его значения можно отметить разрыв со временем референции, перфективность и потенциальную повторяемость ситуации, см. [Li, Thompson 1981; Smith 1991; Xiao, McEneery 2004; Wu 2003].

В данном исследовании мы опираемся на понятие экспериментива, принятое в работе [Вострикова 2010: 42], рассматривающей стратегии маркирования экспериментивных контекстов на широкой языковой выборке. Мы считаем, что в предложении есть экспериментивное значение, если верно, что:

- X был участником определенной ситуации по крайней мере один раз или ни разу;
- сообщение об этом опыте дает возможность приписать X-у определенные свойства, знания или навыки.

Так, в (1) утверждается, что у Петра нет опыта участия в ситуации ‘есть скверное или нечистое’ и это характеризует его как благочестивого верующего, что он использует для обоснования отказа от спущенных с неба даров.

- (1) *Но Петр сказал: нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого.* [Деян. 10:14]

Контексты такого рода могут кодироваться специализированными показателями (в языках Африки, Восточной и Юго-Восточной Азии [Dahl 1985: 139–141; Вострикова 2010: 152–154]), однако часто выражение экспериментивного значения совмещено с другими категориями (перфектная, плюсквамперфектная, итеративная стратегия и др.) [Вострикова 2010: 60].

³ «⟨...⟩ The experiential, in which certain qualities or knowledge are attributable to the agent due to past experiences ⟨...⟩» [Bybee et al. 1994: 62].

Следует учитывать семантическую близость экспериментивного значения к другому аспектуальному значению, а именно экзистенциальному [Вострикова 2010: 48]. Второе, в отличие от первого, не требует семантики характеристики, а только утверждает, что событие имело место хотя бы раз или ни разу, ср. приведенные выше определения Б. Комри и Э. Даля. Таким образом, семантика экспериментива уже семантики экзистенциалиса, и требует обязательной дискурсивной поддержки, обеспечивающей семантический компонент характеристики. Несмотря на то, что языки, имеющие специализированные средства для обоих типов контекстов, не зафиксированы [Вострикова 2010: 60], в некоторых языках формы и показатели, употребляющиеся в экспериментивных контекстах, имеют более широкую сферу употребления, см., например, ниже о китайском показателе *guo*, а также [Плунгян, Урманчиева 2017: 30] о перфекте в старославянском.

Целью данной работы было выделение прототипических контекстов с экспериментивной семантикой в Новом Завете, являющемся самым большим по количеству языков параллельным корпусом, успешно используемым для изучения различных грамматических категорий, например, перфекта и ямитива [Dahl, Wälchli 2016], и семантических классов, например, глаголов движения [Wälchli, Cysouw 2012], хотя и имеющем свои особенности, см. [de Vries 2007] об использовании данного корпуса в лингвистических исследованиях. Проверка выявленных контекстов как в самом тексте Нового Завета, так и в качестве самостоятельной анкеты при отсутствии перевода, поможет установить наличие в языке, интересующем исследователя, особенностей маркирования разных типов экспериментивных контекстов, в том числе отдельной граммемы экспериментива, и тем самым дополнить типологические наблюдения.

В выборку вошли следующие языки: древнегреческий, латинский, испанский, английский, русский, китайский, удмуртский и японский. В *Разделе 2* рассмотрены стратегии кодирования экспериментивного значения в языках выборки, далее описывается процедура отбора контекстов (*Раздел 3*). *Раздел 4* посвящен классификации контекстов и обсуждению полученных данных. В *Разделе 5* представлено заключение.

2. Кодирование экспериментивного значения в языках выборки

В выборку были включены как языки без особых показателей экспериментива (русский, английский, испанский, латинский, древнегреческий), так и языки с более специализированными стратегиями выражения экспериментивного значения (китайский, японский, удмуртский).

В **русском** языке в экспериментивных контекстах употребляются формы несовершенного вида ('общефактическое экзистенциальное' значение в русской лингвистической традиции [Падучева 1996: 43]) (2а), возможные также в экзистенциальных контекстах (2б):

- (2) а. *Мой дядя **восходил** на Эверест.* [Падучева 1996: 43]
 б. *Ты **открывал** ↗ окно? <Сейчас окно закрыто.>* [Падучева 1996: 46]

В **английском** (3), **испанском** (4), **древнегреческом** (5) и **латинском** (6) в экспериментивных контекстах используется форма перфекта:

- АНГЛИЙСКИЙ
 (3) *Bill **has been** to America.*
 'Билл бывал в Америке'. [Comrie 1976: 59]
- ИСПАНСКИЙ
 (4) *¿**Has visto** alguna vez un zorro?*
 быть:2SG видеть:PRT.PF INDEF раз INDEF лиса
 'Ты когда-нибудь видел лису?' [Вострикова 2010: 84]⁴
- ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ
 (5) *tis ouk **akek-oe** ton*
 кто NEG слушать-PRF.IND.ACT.3SG DEF
tragododidaskal-on dionysi-ois
 учитель_пения-GEN.PL Дионисии-GEN.PL
 'Кто (никогда) не слушал учителей пения на Дионисиях?' [Архангельский, Панов 2012: 143]

⁴ Здесь и далее глоссирование источников сохранено.

ЛАТИНСКИЙ

- (6) *nemo nisi victor pac-e bell-um mutav-i-t*
 никто кроме победитель мир-ABL война-ACC менять-PRF-3SG

‘Никто не менял войну на мир, кроме победителя’. [Short 2016: 5]

Отметим, что значение перфекта в данных языках не ограничивается экспериентивным и включение в выборку языков с такой стратегией объясняется в первую очередь тем, что тексты Нового Завета на этих языках легли в основу многих переводов, при рассмотрении которых полезно обращаться к особенностям оригинала, см. [Плунгян (наст. сб.)]. Важно также учитывать, что граммема, традиционно называемая перфектом, в латинском скорее является перфективным прошедшим временем, широко употребляющимся в нарративах [Haverling 2002: 159], и мало показательна для обнаружения релевантных контекстов. Кроме того, хотя у древнегреческого перфекта встречаются экспериентивные употребления, в [Архангельский, Панов 2012: 143] утверждается, что он тяготеет к результативу.

В современном литературном **китайском** языке (Mandarin Chinese) в контекстах с экспериентивной семантикой используется показатель *guo*, присоединяющийся непосредственно к лексическому глаголу:

КИТАЙСКИЙ

- (7) *ta shang-guo Niujin daxue*
 он ходить-EXP Оксфорд университет

‘Он учился в Оксфорде’. [Xiao, McEnergy 2004: 139]

В [Вострикова 2010: 72] с опорой на выводы А. Тань [Тань 2002: 434] утверждается, что показатель *guo* является маркером экзистенциального значения, так как он может употребляться также в контекстах, не включающих идею характеристики, то есть приписывания некоторых важных свойств, приобретаемых благодаря участию в ситуации⁵. Следует упомянуть, что, помимо бестонового показателя

⁵ В работах, не учитывающих данное различие и дающих определение, соответствующее экзистенциалису, *guo* называется экспериентивным маркером [Li, Thompson 1981; Dahl 1985; Liu 2015].

guo с широкой экзистенциальной семантикой, в китайском языке существует тоновый *guò* с комплетивной семантикой, отличающийся также тем, что только за ним может следовать перфективный показатель *le* [Chao 1968: 271], однако таких употреблений значительно меньше: по данным корпуса газеты *Nanfang zhoumo*, соотношение комплетивного и экзистенциального показателей составляет примерно 1:8 [Xiao, McEneaney 2004: 141]; аналогичное соотношение получено и по Ланкастерскому корпусу, содержащему миллион словоупотреблений [Tantucci 2013: 225–226]. При отборе контекстов (см. ниже) мы исключали комплетивные употребления. Несмотря на то что *guo* не является специализированным экспериментивным показателем, рассмотрение данных китайского языка может оказаться полезным для выявления других языков, в которых значения экзистенциализации и экспериментива кодируются одной граммемой.

В японском языке специализированная экспериментивная конструкция состоит из глагола в форме прошедшего времени, показателя номинализации *koto*, маркера *ga*⁶ и бытийного глагола *ar-u* ‘быть-PRS’ / *na-i* ‘быть.NEG-PRS’ (8). В форме прошедшего времени бытийный глагол (*at-ta* ‘быть-PST’, *na-katta* ‘быть.NEG-PST’) передает семантику неактуальности опыта (утверждение было истинно относительно некоторого момента в прошлом, ср., например, *я никогда до этого не была в Париже*).

японский

- (8) *watasi wa pari ni it-ta koto ga nai*
я TOP Париж ДАТ идти-PST факт NOM нет:PRS

‘Я никогда не была в Париже’. [Вострикова 2010: 64]

В литературном удмуртском языке возможны две стратегии: бытийная и итеративная [Вострикова 2010: 68–69]. Бытийная стратегия предполагает следующую структуру: именная группа в генитиве + номинализация + бытийная связка *van* ‘быть’ / *övöl* ‘быть.NEG’ (9);

⁶ В данной работе, вслед за [Алпатов и др. 2008: 190–194], для показателя *ga* будет использована глосса NOM. Подробнее о его семантике см., например, [Kuroda 2005].

под итеративной стратегией⁷ подразумевается использование финитного глагола с показателями глагольной множественности *-il/ -l'l'a-*, которые, возможно, являются алломорфами (10), см. [Сердобольская 2012].

- удМУРТСКИЙ
 (9) *tinad vodka jui-l-em-ed van'²=a*
 ты.GEN водка пить-ITER-NMLZ-POSS.2SG быть=Q
 ‘Ты когда-нибудь пил водку?’ [Вострикова 2010: 68]

- удМУРТСКИЙ
 (10) *ton ku-ke piž-en uja-l'l'a-Ø-d=a n'i*
 ты когда-INDEF лодка-INSTR плыть-ITER-PST-2SG=Q уже
 ‘Ты когда-нибудь плавал на лодке?’ [Вострикова 2010: 103]

Актуальность опыта относительно некоторого момента в прошлом (см. об этом также в *Разделе 4.7*) маркируется добавлением бытийного глаголом в форме прошедшего времени *val*:

- удМУРТСКИЙ
 (11) *minam otč'i vu-il-em-e val n'i*
 я.GEN там дойти-ITER-NMLZ-POSS.1SG быть.PST уже
 ‘(‘Это была твоя первая поездка в Удмуртию? — Нет,) я уже бывала там (до этого)’. [Вострикова 2010: 69]

Наряду с перечисленными средствами выражения экспериментивного значения, во многих языках существуют и лексически мотивированные стратегии. Так, в русском выделяются конструкции с глаголами *доводиться*, *приходиться*, *случаться* (12).

- (12) *Пете доводилось читать доклад перед большой аудиторией.*
 [Вострикова 2010: 45]

⁷ Важно подчеркнуть, что итеративная стратегия не является специализированной, поэтому, когда мы говорим об удмуртском как о языке со специализированным средством маркирования экспериментивной семантики, имеется в виду бытийная конструкция.

Кроме того, экспериентивное значение входит в семантику некоторых глаголов с суффиксом вторичного имперфектива, в том числе группа с *-(ы/и)ва-*: *бывать, видывать, слыхивать*⁸ [Вострикова 2010: 127].

3. Отбор контекстов

В ходе работы были рассмотрены пять книг: Евангелие от Матфея (Мф.), Евангелие от Марка (Мк.), Евангелие от Луки (Лк.), Евангелие от Иоанна (Ин.) и Деяния святых апостолов (Деян.). Были использованы тексты на древнегреческом (Н Καινή Διαθήκη [ГБ]), латинском (Vulgata Clementina [VC]), испанском (Biblia Reina-Valera (1960) [BRV]), английском (King James Version (1611) [KJV] и Contemporary English Version (1991) [CEV]), русском (Синодальный перевод Библии (1876) [СПБ]), китайском (Chinese Union Version (1906) [CUV] и Chinese Standard Bible (2009) [CSB]), удмуртском (перевод Института перевода Библии (2014) [УПИБ]) и японском (Japanese Colloquial Bible (1954) [JCB]) языках.

Использование современного английского текста обусловлено тем, что на время написания Библии короля Якова перфект в английском языке не был полностью сформирован [Elsness 1997: 250], поэтому даже в прототипических контекстах вместо него могло использоваться простое прошедшее (см. ниже наблюдение о контекстах с наречием *never*).

Второй перевод на китайский был включен, чтобы избежать выпадения потенциально важных контекстов в связи с частыми перифразами и достаточно свободным выражением аспектуальных значений в китайском языке [Smith 1997: 263].

⁸ В [Шевелева 2016: 37] отмечается, что уже на рубеже XIV–XV вв. самым типичным для глаголов с суффиксом вторичного имперфектива от основ несовершенного вида, в том числе *бывать, видать, слыхать*, становится контекст «общефактического прошедшего», что включает экспериентивные употребления.

Отбор контекстов проходил в несколько этапов:

1. Отбирались предложения, в которых была обнаружена экспериментивная семантика. В том числе включались все контексты, где в удмуртском и японском встретились бытийные конструкции, даже если экспериментивная семантика не была достаточно явной, а в китайском — показатель *guo* (за исключением комплетивных употреблений).
2. В зависимости от того, в скольких языках маркирование соответствует ожидаемому, контексту присваивался ранг. Для языков с наиболее специализированным маркированием (*guo* в китайском, бытийная стратегия в японском и удмуртском) за каждое соответствие начислялось по 2 балла, для всех остальных языков, а также при использовании итеративной стратегии в удмуртском — по 1 баллу (для китайского и английского баллы начислялись, если ожидаемый показатель был хотя бы в одном из текстов).
3. Контексты распределялись по прототипичности в зависимости от набранных баллов (ср. также обсуждение ранжирования контекстов в [Филатов (наст. сб.)]):
 - ранг 10–11 — ядерный
 - ранг 8–9 — типичный
 - ранг 6–7 — периферийный
 - ранг 4–5 — маргинальный
 - ранг 1–3 — исключались из рассмотрения.

Полученная методика позволила выделить 59 контекстов: 6 ядерных, 19 типичных, 19 периферийных и 15 маргинальных, см. *Таблицу 1* (с. 368). Среди ядерных нет ни одного с полным рангом 11 (за счет отсутствия в контекстах с рангом 10 ожидаемого маркирования в древнегреческом тексте).

В список вошло много контекстов, в которых клаузы с экспериментивным значением полностью или почти полностью совпадают, например, ‘Он же сказал им: **разве вы не читали**, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним?’ [Мф. 12:3] и ‘Он

Таблица 1. Экспериентивные контексты в Новом Завете

Table 1. Experiential contexts in the New Testament

Ранг	Кол-во	Стихи
10–11	6	Мф. 12:5 Мк. 2:12, 11:2, 12:10 Лк. 19:30 Деян. 19:2
8–9	19	Мф. 9:33, 12:3, 19:4, 21:16, 21:42, 22:31 Мк. 2:25, 12:26 Лк. 6:3, 13:26, 15:29, 23:8 Ин. 5:37, 7:15, 8:33, 18:20 Деян. 10:14, 11:8, 14:8
6–7	19	Мф. 8:10, 11:11 Мк. 15:7, 16:9 Лк. 7:9, 13:26, 15:29, 19:37, 23:53 Ин. 3:11, 3:13, 5:37 (2 к.), 6:36, 6:46 (2 к.), 7:46, 8:57, 15:24
4–5	15	Мф. 22:28 Мк. 5:4, 9:18, 12:23 Лк. 9:40, 20:33, 22:71, 24:23 Ин. 1:14, 4:42, 6:31, 6:36, 6:49, 9:37, 19:41

сказал им в ответ: **не читали ли вы**, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их?’ [Мф. 19:4]. Такие контексты в *Таблице 1* отмечены подчеркиванием одного типа и будут называться сходными.

В *Таблице 2* представлено распределение обсужденных в *Разделе 2* стратегий в выделенных контекстах. В большинстве контекстов в русском переводе употребляются формы несовершенного вида (50 раз). Встретились также специализированные лексемы *бывать* [Мф. 9:33], *видать* [Мк. 2:12], *слыхать* [Деян. 19:2]. Наиболее активно особые стратегии маркирования экспериентивного значения используются в китайском (в 51 контексте хотя бы в одном переводе) и японском (29 раз). Удмуртская конструкция с номинализацией встретила 10 раз в основном в ядерных и типичных контекстах (1 раз в периферийном ‘А вы {...} ни лица Его не **видели**’ [Ин. 5:37]),

итеративная стратегия используется 5 раз при отрицании. Почти во всех отобранных контекстах латинский перевод включает форму перфекта (кроме [Мк. 5:4] и [Ин. 19:41], где употреблены перфективные причастия). Меньше всего контекстов, маркированных перфектом, в древнегреческом тексте (19 контекстов). Испанский перфект отсутствует в 14 контекстах, из которых 7 маргинальных. В английских переводах перфект также встречается в большинстве контекстов (38 в KJV, 42 в CEV).

Таблица 2. Распределение контекстов с экспериментальным маркированием в Новом Завете

Table 2. Distribution of contexts with experiential marking in the New Testament

Язык	Всего (59 к.)	10–11 (6 к.)⁹	8–9 (19 к.)	6–7 (19 к.)	4–5 (15 к.)
латинский	57	6	19	19	13
русский	50	6	19	12	13
испанский	45	6	14	18	7
китайский (CUV)	45	4	17	14	10
китайский (CSB)	42	6	19	11	6
английский (CEV)	42	5	13	15	9
английский (KJV)	38	3	15	15	5
японский	29	6	17	6	0
древнегреческий	19	0	4	11	4
удмуртский (быгийная конструкция)	10	4	5	1	0
удмуртский (итеративная стратегия)	5	2	3	0	0

⁹ В скобках указано количество контекстов с данным рангом.

В маргинальных контекстах ожидаемое маркирование не встречается в японском и удмуртском переводах, однако присутствует в китайских. Среди них есть такие, в которых в китайском употреблен показатель *guo*, а в русском — глагол несовершенного вида, однако экспериментивная семантика не поддерживается маркированием в других языках. Так, в контекстах с глаголами речи [Мк. 9:18] (13), [Лк. 9:40]¹⁰ возможно выражение экзистенциального значения.

АНГЛИЙСКИЙ (KJV)

(13) а. *and I spake to thy disciples that they should cast him out*

КИТАЙСКИЙ (CSB)

б. *wǒ qǐng-guo nǐ de méntú bǎ guī gǎn-chūqù*
я просить-EXР ты ДЕ ученик ВА бес прогнать-ДС

‘Где ни схватывает его, повергает его на землю, и он испускает пену, и скрежещет зубами своими, и цепенеет.’ **Говорил** я ученикам Твоим, чтобы изгнали его, и они не могли’.
[Мк. 9:18]

Прототипические экспериментивные примеры хорошо поддерживаются контекстом: они используются в аргументативном дискурсе для обоснования утверждения со ссылкой на наличие или отсутствие опыта (‘разве вы **не читали**’ [Мф. 12:5], ‘вы и **видели** Меня, и не веруете’ [Ин. 8:57] и др.) или указания на его уникальность (‘Это не то, чтобы кто видел Отца, кроме Того, Кто есть от Бога; Он **видел** Отца’. [Ин. 6:46]), см. о дискурсивных функциях экспериментивных контекстов в [Вострикова 2009: 23].

Отметим, что сходные контексты оказались близки по рангу. Так, из 10 сходных примеров (‘разве вы **не читали**’) два имеют ранг 10: [Мф. 12:5], [Мф. 12:10]; восемь — ранг 9: [Мф. 12:3], [Мф. 19:4], [Мф. 21:16], [Мф. 21:42], [Мф. 22:31], [Мк. 2:25], [Мк. 12:26], [Лк. 6:3]. Во всех них в китайских и японском переводах (за исключением

¹⁰ Сходный контекст представлен в [Ин. 6:36], но в русском переводе употреблен глагол совершенного вида *сказал*.

[Мк. 12:10], где в японском использована перифраза ‘в законе говорится’) задействованы ожидаемые стратегии. Удмуртская конструкция в перечисленных контекстах встречается в 5 случаях. В русском переводе во всех 10 контекстах употребляется глагол несовершенного вида *читать*. Использование форм перфекта в них наиболее последовательно в латинском и английском (KJV), испанский чередует эту форму с простым прошедшим, а в современном английском в 6 случаях использована перифраза с глаголом *know* ‘знать’. Приведем один из таких контекстов [Мф. 12:5]:

АНГЛИЙСКИЙ (KJV)

(14) а. *Or have ye not read in the law,*

ЛАТИНСКИЙ

б. *aut non leg-i-stis in Leg-e*

или NEG читать-PRF-2PL В ЗАКОН-ABL

ИСПАНСКИЙ

в. *o no hab-éis le-íd-o en la ley*

или NEG иметь-PRS.2PL читать-PTCP.PST-M В DEF.F ЗАКОН

КИТАЙСКИЙ (CSB)

г. *ní-men méiyǒu niàn-guo ta*

ты-PL NEG.PST читать-EXP Q

УДМУРТСКИЙ

д. *закон-ысь лыдэ-ем-ды өвёл шат*

закон-EL читать-NMLZ-POSS.2PL быть.NEG разве

ЯПОНСКИЙ

е. *seisho ni kai-te ar-u no o*
закон ДАТ писать-CVB быть-PRS NMLZ ACC

yon-da koto ga na-i no
читать-PST NMLZ NOM быть.NEG-PRS NMLZ

des-u ka

СОП.ADR-PRS Q

‘Или **не читали** ли вы в законе, (то в субботы священники в храме нарушают субботу, однако невиновны?)’ [Мф. 12:5]

4. Классификация контекстов

4.1. Общие положения

Классификация выделенных контекстов была проведена на основании параметров, предложенных в [Вострикова 2010: 44–47]: полярность, наличие адвербиального выражения, задающего экспериментивную интерпретацию, актуальность и кратность опыта, а также одушевленность и семантическая роль носителя опыта. Обсудим соответствующие контексты.

4.2. Полярность

Как отмечается в [Вострикова 2010: 164], стратегии отрицания экспериентива и других форм глагола могут быть различны. Например, данный показатель может сохраняться при отрицании, в отличие от других видо-временных показателей, как в индонезийском или языке дьямсай [Вострикова 2010: 164]. Эта особенность распространяется и на китайский показатель *guo* [Пјіс 1990: 301]: он сохраняется при отрицании (15а)–(15б), в отличие от перфективного показателя *le* (15в)–(15г).

КИТАЙСКИЙ

(15) а. *wǒ chī-guo xiǎomǐ*
я есть-EXP пшено

‘Я ел пшено (когда-либо)’.

б. *wǒ měiyǒu chī-guo xiǎomǐ*
я NEG.PST есть-EXP пшено

‘Я никогда не ел пшено’.

в. *wǒ chī-le xiǎomǐ*
я есть-PFV пшено

‘Я съел пшено’.

г. *wō mēiyōu chī xiāomǐ*
 я NEG.PST есть пшено

‘Я не ел пшено’.

В связи с этим представляется важным разделение контекстов по полярности на утвердительные, отрицательные и вопросительные, см. *Таблицу 3*.

Таблица 3. Полярность экспериментивных контекстов в Новом Завете

Table 3. Polarity of the experiential contexts in the New Testament

Ранг	Утвердительные (24 к.)	Отрицательные (24 к.)	Вопросительные (11 к.)
10–11	—	Мк. 2:12, 11:2 Лк. 19:30 Деян. 19:2	Мф. 12:5 Мк. 12:10
8–9	Лк. 13:26 (2 к.), 23:8	Мф. 9:33 Лк. 15:29 Ин. 5:37, 7:15, 8:33, 18:20 Деян. 10:14, 11:8, 14:8	Мф. 12:3, 19:4, 21:16, 21:42, 22:31 Мк. 2:25, 12:26 Лк. 6:3
6–7	Мк. 15:7, 16:9 Лк. 13:26, 19:37 Ин. 3:11, 5:37, 6:36, 6:46 (2 к.)	Мф. 8:10, 11:11 Лк. 7:9, 15:29, 23:53 Ин. 3:13, 5:37, 7:46, 15:24	Ин. 8:57
4–5	Мф. 22:28 Мк. 5:4, 12:23, 9:18 Лк. 9:40, 20:33, 22:71 Ин. 1:14, 4:42, 6:31, 6:36, 6:49, 9:37	Лк. 24:23 Ин. 19:41	—

Для иллюстрации вопросительных контекстов можно привести обсужденную выше группу из 10 примеров ‘разве вы не читали’ ([Мф. 12:5] (14) и др.), а также контекст [Ин. 8:57] (16).

АНГЛИЙСКИЙ (KJV)

- (16) a.
- Thou art not yet fifty years old, and hast thou seen Abraham?*

КИТАЙСКИЙ (CUV)

- b.
- nǐ hái méiyǒu wǔshí suì, qǐ*
-
- ты еще NEG пятьдесят год разве

néng jiàn-guo yàbólāhǎn ne.

можешь видеть-EXP Авраам Q

〈На это сказали Ему Иудеи:〉 ‘Тебе нет еще пятидесяти лет, — и Ты **видел** Авраама?’ [Ин. 8:57]

Все выделенные нами вопросительные контексты являются риторическими вопросами (заметим, что большинство содержит отрицание), что хорошо соотносится с утверждением в [Вострикова 2009: 26] о том, что экспериментивные предложения часто служат обоснованием для дальнейших рассуждений, поэтому содержащаяся в них информация подается говорящим как истинная.

Больше всего было найдено отрицательных контекстов (24 контекста, см., например, (17)), притом их распределение по рангам относительно утвердительных (24 контекста) прямо противоположно: отрицательные составляют большинство контекстов с высоким рангом, в то время как утвердительные группируются в маргинальной группе. Среди 24 утвердительных только два являются типичными ([Лк. 13:26] (17), [Лк. 23:8]). В (17) из языков с наиболее специализированными средствами характерное для экспериментива маркирование используется в китайском и японском.

КИТАЙСКИЙ

- (17) a.
- wǒ-men céngjīng zài nǐ miàncián chī-guo, hē-guo*
-
- я-PL уже в ты перед есть-EXP пить-EXP

ЯПОНСКИЙ

- b.
- anata to shokuji o go-issho shi-ta*
-
- ты сом трапеза ACC NON-вместе делать-PST

koto mo ari-mas-u shi
NMLZ и быть-ADR-PRS и〈Тогда станете говорить:〉 ‘мы **ели** и **пили** пред Тобою’, 〈и на улицах наших учил Ты〉. [Лк. 13:26]

4.3. Адвербиальная поддержка

Маркированию экспериментивного значения способствует наличие адвербиальных выражений, задающих временную неопределенность (например, рус. *никогда, за всю жизнь* в отрицательных контекстах, *когда-нибудь, хоть раз* в вопросительных [Вострикова 2010: 119]).

Единственное наречие, многократно встречающееся в отобранных контекстах¹¹, — отрицательное *никогда* (в 23 контекстах).

Можно заметить, что большинство немаргинальных контекстов, в которых в Библии короля Якова (KJV) используется форма простого прошедшего, содержит наречие *never*, см., например, (18). В современном английском переводе в таких случаях употреблены формы перфекта (кроме [Мф. 19:4] и [Мф. 21:16] с перифразами), что в KJV соответствует 6 контекстам с перфектом из 16 контекстов с *never*, см. (19). Таким образом, выбор простого прошедшего коррелирует с наличием *never*, в то время как в немаргинальных контекстах без данного наречия в KJV используется перфект за исключением только двух контекстов ([Лк. 15:29] с выражением *at any time* и [Ин. 15:24]).

АНГЛИЙСКИЙ (KJV)

(18) а. *We never saw it on this fashion.*

АНГЛИЙСКИЙ (CEV)

б. *We have never seen anything like this!*

⟨Он тотчас встал и, взяв постель, вышел перед всеми, так что все изумлялись и прославляли Бога, говоря:⟩ ‘никогда ничего такого мы **не видали**’. [Мк. 2:12]

АНГЛИЙСКИЙ (KJV)

(19) а. *for I have never eaten any thing that is common or unclean.*

АНГЛИЙСКИЙ (CEV)

б. *I've never eaten anything that is unclean and not fit to eat.*

⟨Но Петр сказал: нет, Господи,⟩ ‘я никогда **не ел** ничего скверного или нечистого’. [Деян. 10:14]

¹¹ Помета о наличии наречия ставилась, если оно было хотя бы в одном тексте.

В предложениях с адвербиальным выражением *at any time* в KJV перфект употреблен в трех случаях из четырех, в современном переводе в соответствующих контекстах используется *never* (20).

АНГЛИЙСКИЙ (KJV)

- (20) а. *Ye have neither heard his voice at any time, nor seen his shape.*

АНГЛИЙСКИЙ (CEV)

- б. *⟨...⟩ but you have never heard his voice or seen him face to face.*

⟨И пославший Меня Отец Сам засвидетельствовал о Мне.⟩

‘А вы ни гласа Его никогда **не слышали**, ни лица Его **не видели**’ ⟨...⟩ [Ин. 5:37]

В одном контексте [Мк. 5:4] используются адвербиальные выражения со значением ‘много раз’ (в английских переводах *often*), см. *Раздел 4.6*.

4.4. Актуальность опыта

Типологически возможно различие форм актуального и неактуального экспериентива, определяемых относительно точки отсчета. Так, для актуального экспериентива точка отсчета совпадает с моментом речи, а для неактуального предшествует ему [Вострикова 2010: 46–47]. В нашей выборке этот параметр релевантен для удмуртского и японского.

Неактуальная экспериентивная семантика присутствует в двух сходных контекстах: [Мк. 2:12] (21), [Мф. 9:33] (22), в которых свидетели удивляются только что произошедшему чуду. В (20) удмуртский перевод маркирует это значение бытийным глаголом в прошедшем времени *вал*. Русский язык в обоих контекстах использует специализированные лексемы *видали* и *бывало*. В английских, китайских, испанском и японском переводах в (22) употреблен не бытийный глагол, а лексема со значением ‘видеть’.

УДМУРТСКИЙ

- (21) *милям таёе-ез но-ку=но адзы-л-эм-мы*
 MY.GEN такой-ACC NEG-когда=ADD видеть-ITER-NMLZ-POSS.1PL
öй вал на
 NEG.PST.1 быть.PST ещё

⟨Он тотчас встал и, взяв постель, вышел перед всеми, так что все изумлялись и прославляли Бога, говоря:⟩ ‘никогда ничего такого мы не **видали**’. [Мк. 2:12]

АНГЛИЙСКИЙ (KJV)

- (22) а. *It was never so seen in Israel.*

ИСПАНСКИЙ

- б. *nunca se ha-Ø vist-o*
 никогда REFL иметь-PRS.3SG видеть.PTCP.PST-M
cosa semejante en Israel
 вещь похожий в Израиль

КИТАЙСКИЙ (CUV)

- в. *cónglái méiyǒu jiàn-guo zhèyàng de shì*
 никогда NEG.PST видеть-EXP такой DE факт

ЯПОНСКИЙ

- г. *konna koto wa imamade mi-ta*
 такой вещь TOP никогда видеть-PST
koto ga na-i
 NMLZ NOM быть.NEG-PRS

⟨И когда бес был изгнан, немой стал говорить. И народ, удивляясь, говорил:⟩ ‘никогда **не бывало** такого явления в Израиле’. [Мф. 9:33]

4.5. Кратность опыта

Еще одним параметром, типологически влияющим на маркирование экспериентивных контекстов, является кратность опыта [Вострикова 2010: 45–46].

Был выявлен только один контекст, в котором опыт можно рассматривать как однозначно многократный [Мк. 5:4] (23), так как данный компонент поддерживается лексическим средством ‘много раз’. Соответствующее маркирование в данном контексте представлено в русском, английском, испанском и древнегреческом, в удмуртском использован результатив.

АНГЛИЙСКИЙ (KJV)

(23) а. *he had been often bound with fetters and chains*

ИСПАНСКИЙ

б. *tuch-a-s vec-es hab-ía-Ø s-id-o*
 много-F-PL раз-PL иметь-IMF-3SG быть-PTCP.PST-M

ata-d-o con grillo-s у cadena-s
 привязывать-PTCP.PST-M с окова-PL ADD цепь-PL

УДМУРТСКИЙ

в. *Уно пол со думы-л-эмын,*
 много раз тот привязывать-ITER-RES

жильья-мын вал
 заковывать-RES быть.PST

⟨...Потому что⟩ ‘многократно **БЫЛ** он **скован** оковами и цепями’, ⟨но разрывал цепи и разбивал оковы, и никто не в силах был укротить его...⟩ [Мк. 5:4]

4.6. Одушевленность носителя опыта

Параметр одушевленности носителя опыта также релевантен для маркирования экспериентивности. Так, конструкции с глаголами *доводилось*, *приходилось*, *случалось* в русском требуют заполнения валентности одушевленным носителем опыта [Вострикова 2010: 45].

Единственный контекст с неодушевленным участником представлен в [Деян. 11:8] (24). Высказывание в (24) служит в первую очередь для характеристики говорящего, что объясняет перифразу *I've*

never taken a bite of anything that is unclean and not fit to eat в CEV, ср. сходный контекст [Деян. 10:14] (19).

АНГЛИЙСКИЙ (KJV)

(24) а. <...> *for nothing common or unclean hath at any time entered into my mouth.*

КИТАЙСКИЙ (CSB)

б. *Fánsú ér bù jiéjìng de wù,*
мирской и NEG чистый DE вещь
cónglái méiyǒu rù-guō wǒ de kǒu.
никогда NEG.PST входить-EXP я DE рот

УДМУРТСКИЙ

в. *номыр но юрзым, чылкыт-тэм*
ничего ADD мерзкий чистый-NEG
ма-ке мынам ым-а-м
что-INDEF я.GEN рот-LOC/ILL-POSS.1SG
õз на пыры-лы
NEG.PST.1SG ещё заходить-ITER

ЯПОНСКИЙ

г. *yudaya no okite de kinjir-are-te*
Иудея GEN закон INS запрещать-PASS-CV
ir-u mono wa, kuchi ni
быть-PRS вещь TOP рот DAT
shi-ta koto mo ari-mas-en
делать-PST NMLZ и быть-ADR-PRS.NEG

⟨Я же сказал: нет, Господи,⟩ ‘ничего скверного или нечистого никогда не **входило** в уста мои’. [Деян. 11:8]

Контексты с неодушевленным носителем опыта важны для типологического описания экспериентива, поскольку демонстрируют, что экспериентивная семантика не обязательно требует одушевленности, а следовательно, и агентивности, как это указывается, например в [Bybee et al. 1994]. Сужение понятия «экспериентив» за счет исключения неодушевленных носителей опыта, см., например, [Tantucci 2013], кажется неправомерным.

4.7. Семантическая роль носителя опыта

Прототипическим участником ситуации с экспериентивной семантикой являются агенс и экспериенцер, однако средства кодирования экспериентивного значения допускают участников и с другими семантическими ролями. Расширение лексических стратегий, которые часто чувствительны к параметру семантической роли носителя опыта, на более широкий круг ролей может служить аргументом в пользу их грамматикализации.

Классификация контекстов по семантической роли носителя опыта дала следующие результаты.

Наиболее частыми оказываются агенсы (37 контекстов) и экспериенцеры (17 контекстов). Многие периферийные контексты и несколько ядерных включают глагол восприятия (со значением ‘видеть’ [Ин. 8:57] (17), в некоторых переводах в [Мф. 9:33] (22), ‘слышать’ [Деян. 19:2] (25) и др.), что может быть связано с важностью опыта засвидетельствования различных событий и персонажей¹². Наиболее последовательно такие контексты маркируются ожидаемыми средствами в европейских языках, в том числе в древнегреческом, в котором 11 из 19 предложений с перфектом включают экспериенцера. Менее частотен в таких контекстах показатель *guo* в китайском, при этом два перевода часто не согласуются (*guo* встречается в обоих случаях пять раз, еще в шести он есть только в одном из переводов). Приведем пример (25), в котором все языки, кроме древнегреческого, маркируют экспериентивную семантику.

	КИТАЙСКИЙ (CUV)			
(25) а.	<i>Qíshí</i>	<i>wo-men</i>	<i>yě</i>	<i>méiyǒu</i>
	на_самом_деле	я-PL	тоже	NEG.PST
	<i>tīngshuō-guo</i>	<i>shì-fǒu</i>	<i>yǒu</i>	<i>shènglíng</i> .
	слышать-EXP	есть-нет	имеется	Святой_Дух

¹² Ср. обсужденный выше контекст (22), в котором в одних текстах выбирается конструкция с экспериенцером, а в других — бытийная конструкция.

УДМУРТСКИЙ

- б. *Нош милям кыл-эм-мы но ёвёл,*
 ещё мы.GEN слышать-NMLZ-POSS.1PL ADD БЫТЬ.NEG
вань=а, ёвёл=а Святой Дух.
 БЫТЬ=Q БЫТЬ.NEG=Q Святой_Дух

ЯПОНСКИЙ

- в. *Seirei no koto nado kii-ta koto*
 Святой_Дух GEN факт PL слышать-PST NMLZ
mo ari-mas-en.
 и БЫТЬ-ADR-PRS.NEG

⟨...Сказал им: приняли ли вы Святого Духа, уверовав? Они же сказали ему:⟩ ‘мы даже и **не слышали**, есть ли Дух Святой’. [Деян. 19:2]

В остальных контекстах носителями опыта являются участники с ролью пациенса, ср. контекст с неодушевленным участником (24), ‘многократно **был** он **скован** оковами и цепями’ [Мк. 5:4] (23), а также пару сходных контекстов ‘гроб, в который никто еще не **был положен**’: [Лк. 23:53] (26), [Ин. 19:41].

В примере (26) пассивную конструкцию включают все тексты, кроме китайского и японского, где используется активная конструкция (‘где никто не хоронил’) с экспериментивным маркированием.

КИТАЙСКИЙ (CSB)

- (26) а. *ānfàng zài shítou záochéng de fénmù-lǐ,*
 класть в камень вырубленный DE могила-внутри
nàlǐtōu cónglái měiyǒu zàng-guō rén.
 там_внутри никогда NEG.PST хоронить-EXP человек

ЯПОНСКИЙ

- б. *nagai amanuno ni tsutsun-de, mada*
 длинный лён DAT заворачивать-CVB ещё
dare-mo hōmut-ta koto no na-i
 КТО-INDEF хоронить-PST NMLZ NOM БЫТЬ.NEG-PRS
iwa o kurinui-ta atarashii
 скала ACC вырубать-PST новый

haka ni osame-mashi-ta.

Гробница ДАТ хоронить-ADR-PST

⟨...И, сняв его,⟩ ‘обвил плащаницею и положил его в гробе, высеченном ⟨в скале⟩, где еще никто **не был положен**’.

[Лк. 23:53]

Отметим, что в (26) и паре сходных контекстов ‘осёл, на которого никто не **садился**’: [Мк. 11:2] (27), [Лк. 19:30], идентичных по маркированию, экспериентивная семантика содержится в относительной клаузе, тем самым экспериентивные клаузы используются для характеристики сущностей ‘гроб’ и ‘осёл’, что эксплицируется в перифразах в английском переводе CEV, где данные участники являются непосредственными носителями опыта, ср. *in a tomb that {...} had never been used* [Лк. 23:53], а также (27а). Данный контекст интересен также тем, что в удмуртском переводе (27б) употребляется глагол с показателем глагольной множественности, что является одной из стратегий выражения экспериентивной семантики в данном языке.

АНГЛИЙСКИЙ (CEV)

(27) а. *you will find a young donkey that has never been ridden.*

УДМУРТСКИЙ

б. *отчы пыр-ем бер-а-ды ик*
туда заходить-NMLZ зад-LOC/ILL-POSS.2PL же

гозыя-м ишак-пи-ез
привязывать-PTCP.PST осел-детёныш-ACC

шедьт-о-ды, адями-ос пӧл-ысь
находить-FUT-2PL человек-PL среда-EL

со выл-э но-кин=но, но-ку=но ӧз
тот верх-ILL NEG-кто=ADD NEG-когда=ADD NEG.PST.3

на пук-сьы-лы.
ещё сидеть-DETR-ITER

⟨...И говорит им: пойдите в селение, которое прямо перед вами;⟩ ‘входя в него, тотчас найдете привязанного молодого осла, на которого никто из людей **не садился**’; ⟨отвязав его, приведите). [Мк. 11:2]

4.8. Обобщение по параметрам

В Таблице 4 обобщаются данные о распределении контекстов по значениям параметров.

Таблица 4. Распределение экспериментивных контекстов по значениям параметров в Новом Завете

Table 4. Distribution of experiential contexts across different values of parameters contexts in the New Testament

Параметр	Значение	Кол-во к.	10–11 (6 к.)	8–9 (19 к.)	6–7 (19 к.)	4–5 (15 к.)
<i>полярность</i>	утвердительные	24	0	2	9	13
	отрицательные	24	4	9	9	2
	вопросительные	11	2	8	1	0
<i>адверби- альная поддержка</i>	поддержки нет	36	3	8	12	13
	поддержка есть	23	3	11	7	2
<i>актуаль- ность опыта</i>	актуальный	57	5	18	19	15
	неактуальный	2	1	1	0	0
<i>кратность опыта</i>	немногократный	58	6	19	19	14
	многократный	1	0	0	0	1
<i>одушевлен- ность носи- теля опыта</i>	одушевленный	57	6	19	18	14
	неодушевленный	2	0	0	1	1
<i>семанти- ческая роль носителя опыта</i>	агенса	37	4	15	11	7
	экспериментер	17	2	2	7	6
	пациенса	4	0	1	1	2
	бытийная клауза	1	0	1	0	0

Были выделены отрицательные, утвердительные и вопросительные контексты. Среди немаргинальных преобладают отрицательные, в то время как утвердительные отсутствуют среди ядерных, составляя

наибольшую подгруппу маргинальных. Такое распределение может быть связано с контекстной поддержкой: 16 из 24 отрицательных контекстов в нашей выборке содержат выражение, подкрепляющее экспериментивную трактовку, в то время как в утвердительных контекстах их нет, так что экспериментивная семантика могла быть не такой явной для переводчиков¹³.

Другие параметры разбивают контексты на неравные группы. Носителями опыта в большинстве случаев являются одушевленные агенты и экспериментеры. Контекстов с носителем опыта, который был бы неодушевленным или имел бы другую семантическую роль, значительно меньше. Кроме того, только в одном случае можно считать, что опыт был многократным, в остальных или утверждается его отсутствие, или контекст не дает достаточно указаний для однозначной характеристики. Такая же проблема возникает с приписыванием актуальности опыта. Контексты с преобладающим значением довольно равномерно распределены по рангам и не позволяют сформулировать серьезные обобщения.

5. Заключение

В результате исследования на материале пяти книг Нового Завета (Евангелие от Матфея, Евангелие от Марка, Евангелие от Луки, Евангелие от Иоанна и Деяния святых апостолов) на восьми языках (древнегреческий, латинский, испанский, английский, русский, китайский, удмуртский, японский) было выделено 59 контекстов с экспериментивной семантикой.

¹³ Заметим, что тяготение экспериментивных маркеров в анкете Э. Даля [Dahl 1985: 142] к неутвердительным контекстам, в [Вострикова 2010: 167] предлагается объяснять особенностями перевода, а именно понижением вероятности экспериментивной интерпретации контекста за счет отсутствия соответствующих наречий.

При их отборе мы опирались на количество текстов, в которых демонстрируется маркирование, ожидаемое в экспериентивных контекстах по теоретическим описаниям. Особенно важную роль сыграло привлечение материала языков с особыми средствами маркирования экспериентивного значения: показатель *guo* в китайском, конструкции с номинализацией в удмуртском и японском.

Полученные контексты были ранжированы по прототипичности на ядерные, типичные, периферийные и маргинальные. Наиболее многочисленными оказались группы типичных и периферийных контекстов (по 19 в каждой). Некоторые маргинальные контексты, в которых наличие *guo* в китайских переводах поддерживается почти только употреблением глагола несовершенного вида в русском переводе, могут быть рассмотрены как экзистенциальные. Их наличие в выборке может помочь установить, является ли некоторое обнаруженное средство кодирования экспериентивной семантики собственно экспериентивным или экзистенциальным.

Классификация контекстов проводилась по следующим параметрам: полярность, наличие выражения, задающего экспериентивную интерпретацию, актуальность и кратность опыта, одушевленность и семантическая роль носителя опыта. Наиболее значимое распределение контекстов по рангам обнаруживается по параметру полярности: среди ядерных контекстов встречаются только отрицательные и вопросительные, среди маргинальных совсем нет вопросительных.

Найденные контексты могут служить материалом для проверки языков на наличие экспериентивных показателей или поиска других стратегий выражения экспериентивного значения. Учитывая большое количество языков с такой полифункциональной граммемой, как перфект, в нашей выборке, можно предположить, что рассмотрение контекстов употребления специализированных экспериентивных средств в других языках поможет уточнить набор контекстов, вошедших в базу, а обнаружение большего количества языков с экзистенциальными показателями позволит лучше очертить разницу между смежными категориями.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; AVL — аблатив; ACC — аккузатив; ADD — аддитив; ADR — адрессив; BA — предлог *ba* (китайский язык); CLF — классификатор; COM — комитатив; COP — связка; CVV — конверб; DAT — датив; DC — показатель направления (китайский язык); DE — атрибутивизатор (китайский язык); DETR — детранзитив; EL — элатив; EXP — экспериентив; FUT — будущее время; GEN — генитив; ILL — иллатив; INDEF — показатель неопределенного местоимения; INS — инструменталис; ITER — показатель глагольной множественности; LOC — локатив; LE — перфективный показатель (китайский язык); NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; NOM — номинатив; PASS — пассив; PFV — перфектив; PL — множественное число; PMT — презумптив; POSS — possessивный показатель; PRF — перфект; PRS — отрицание в настоящем времени; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; RVC — результирующий показатель; SG — единственное число; TOP — топик; Q — вопросительная частица.

Литература

- Алпатов и др. 2008 — В. М. Алпатов, П. М. Аркадьев, В. И. Подлеская. Теоретическая грамматика японского языка. Т. 1. М.: Наталис, 2008.
- Архангельский, Панов 2012 — Т. А. Архангельский, В. А. Панов. Аспект в греческом языке: проблемные зоны и типология // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2012. Т. VIII. Ч. 2. С. 122–148.
- Вострикова 2009 — Н. В. Вострикова. Экспериентивные предложения: грамматикализация дискурсивных функций // *Вопросы языкознания*. 2009. № 3. С. 19–31.
- Вострикова 2010 — Н. В. Вострикова. Типология средств выражения экспериентивного значения. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2010.
- Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Плунгян, Урманчиева 2017 — В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. Перфект в старославянском: был ли он результирующим? // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. 2017. № 2. С. 13–56.
- Сердобольская 2012 — Н. В. Сердобольская. Глагольная множественность и аспект в удмуртском бесермянском: множественность показателей множественности // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2012. Т. VIII. Ч. 2. С. 735–785.

- Тань 2002 — А. Тань. Проблемы скрытой грамматики: семантика, синтаксис и прагматики языка изолирующего строя на примере китайского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Филатов, настоящий сборник — К. В. Филатов. Цель перемещения в Евангелии от Луки: к усовершенствованию процедуры выделения прототипических контекстов // Настоящий сборник.
- Шевелева 2016 — М. Н. Шевелева. К истории древнерусского глагола *бывати* (аспектуальная семантика) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии». 2016. Вып. 11. С. 526–543.
- Bybee et al. 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1994. DOI: 10.5860/choice.32-4321.
- Chao 1968 — Y. R. Chao. Grammar of spoken Chinese. Beijing: The Commercial Press, 1968.
- Comrie 1976 — B. Comrie. Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. DOI: 10.2307/412958.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and aspect systems. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
- Dahl, Wälchli 2016 — Ö. Dahl, B. Wälchli. Perfects and iamitives: two gram types in one grammatical space // Letras de Hoje. 2016. Vol. 51. № 3. P. 325–348. DOI: 10.15448/1984-7726.2016.3.25454
- de Vries 2007 — L. de Vries. Some remarks on the use of Bible translations as parallel texts in linguistic research // STUF — Language Typology and Universals. 2007. Vol. 60. № 2. P. 148–157. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.148.
- Elsness 1997 — J. Elsness. The Perfect and the Preterite in Contemporary and Earlier English. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 1997. DOI: 10.1515/9783110810264.
- Haverling 2002 — G. Haverling. On the semantic functions of the Latin perfect // M. Bolkestein, C. Kroon, H. Pinkster, W. Rammelink, R. Risselada (eds.). Theory and Description in Latin Linguistics. Selected Papers from the 11th International Colloquium on Latin Linguistics. Vol. 10. P. 153–167. DOI: 10.1163/9789004409057_012.
- Iljic 1990 — R. Iljic. The verbal suffix *-guo* in Mandarin Chinese and the notion of recurrence // Lingua. 1990. Vol. 81. Iss. 4. P. 301–326. DOI: 10.1016/0024-3841(90)90027-I.
- Kuroda 2005 — S.-Y. Kuroda. Focusing on the matter of topic: A study of *wa* and *ga* in Japanese // Journal of East Asian Linguistics. 2005. Vol. 14. P. 1–58. DOI: 10.1007/S10831-004-2701-5.

- Li, Thompson 1989 — C. N. Li, S. Thompson. *Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar*. Berkeley: University of California Press, 1989. DOI: 10.2307/603476.
- Liu 2015 — M. Liu. Tense and aspect in Mandarin Chinese // W. S.-Y. Wang, C. Sun (eds.). *The Oxford handbook of Chinese linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 274–289. DOI: 10.1093/acrefore/9780199384655.013.913.
- Short 2016 — W. M. Short. Introduction // W. M. Short (ed.). *Embodiment in Latin Semantics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2016. P. 1–13. DOI: 10.1525/ca.2013.32.2.378.
- Smith 1997 — C. S. Smith. *The Parameter of Aspect*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997. DOI: 10.1007/978-94-011-5606-6.
- Tantucci 2013 — V. Tantucci. Interpersonal evidentiality: The Mandarin V-*过* *guo* construction and other evidential systems beyond the ‘source of information’ // *Journal of Pragmatics*. 2013. Vol. 57. P. 210–230. DOI: 10.1016/j.pragma.2013.08.013.
- Wälchli, Cysouw 2012 — B. Wälchli, M. Cysouw. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs // *Linguistics*. 2012. Vol. 50. № 3. P. 671–710. DOI: 10.1515/ling-2012-0021.
- Xiao, McEnery 2004 — R. Xiao, T. McEnery. *Aspect in Mandarin Chinese*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. DOI: 10.1075/slcs.73.
- Wu 2003 — H.S. Wu. A case study on the grammaticalization of GUO in Mandarin Chinese — polysemy of the motion verb with respect to semantic changes // *Language and Linguistics*. 2003. Vol. 4. Iss. 4. P. 857–885.

Источники

- ГБ — Н Καινή Διαθήκη (Библия на древнегреческом (койне)). Nestle, 1904 (электронный ресурс). URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.1&g> (дата обращения: 02.03.2023).
- СПБ — Синодальный перевод Библии. 1876 (электронный ресурс). URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.1> (дата обращения: 02.03.2023).
- УПБ — Библия удмурт кылын (Библия на удмуртском языке). Институт перевода Библии, 2014 (электронный ресурс). URL: http://finugorbib.com/bible/udmurt/40_Mat01_na.html (дата обращения: 02.03.2023).
- BRV — Biblia Reina-Valera. 1960 (электронный ресурс). URL: <https://www.biblegateway.com/> (дата обращения: 04.03.2023).
- CEV — Contemporary English Version. 1991 (электронный ресурс). URL: <https://www.biblegateway.com/> (дата обращения: 04.03.2023).

- CSB — Chinese Standard Bible. 2009 (электронный ресурс). URL: <https://www.biblegateway.com/> (дата обращения: 02.03.2023).
- CUV — Chinese Union Version. Calvin Mateer et al. 1906 (электронный ресурс). URL: <https://www.biblegateway.com/> (дата обращения: 02.03.2023).
- JCB — Japanese Colloquial Bible. 1954 (электронный ресурс). URL: <https://www.bible.com/bible/83/GEN.INTRO1.JCB> (дата обращения: 01.03.2023)
- KJV — King James Version. 1611 (электронный ресурс). URL: <https://azbyka.ru/biblio/?Mt.1&en-kjv> (дата обращения: 04.03.2023).
- VC — Vulgata Clementina. 1592 (электронный ресурс). URL: <http://www.catholicbible.online/> (дата обращения: 03.03.2023).

References

- Alpatov et al. 2008 — V. M. Alpatov, P. M. Arkadyev, V. I. Podlesskaya. *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka* [Theoretical grammar of Japanese]. Vol. 1. Moscow: Natalis, 2008.
- Arkhangelskiy, Panov 2012 — T. A. Arkhangelskiy, V. A. Panov. Aspekt v grecheskom yazyke: problemnyye zony i tipologiya [Aspect in Greek: Problem areas and typology]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2012. Vol. 8. Pt. 2. P. 122–148.
- Bybee et al. 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1994. DOI: 10.5860/choice.32-4321.
- Chao 1968 — Y. R. Chao. *Grammar of spoken Chinese*. Beijing: The Commercial Press, 1968.
- Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. DOI: 10.2307/412958.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and aspect systems*. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
- Dahl, Wälchli 2016 — Ö. Dahl, B. Wälchli. Perfects and iamitives: two gram types in one grammatical space. *Letras de Hoje*. 2016. Vol. 51. № 3. P. 325–348. DOI: 10.15448/1984-7726.2016.3.25454.
- de Vries 2007 — L. de Vries. Some remarks on the use of Bible translations as parallel texts in linguistic research. *STUF — Language Typology and Universals*. 2007. Vol. 60. № 2. P. 148–157. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.148.
- Elsness 1997 — J. Elsness. *The Perfect and the Preterite in Contemporary and Earlier English*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 1997. DOI: 10.1515/9783110810264.
- Filatov, this volume — K. V. Filatov. *Tsel peremeshcheniya v Yevangelii ot Luki: k usovershenstvovaniyu protsedury vydeleniya prototipicheskikh kontekstov* [Goal

- of motion in the Gospel of Luke: towards the amelioration of the prototypical contexts identification procedure]. This volume.
- Haverling 2002 — G. Haverling. On the semantic functions of the Latin perfect. M. Bolkestein, C. Kroon, H. Pinkster, W. Rimmelink, R. Risselada (eds.) *Theory and Description in Latin Linguistics. Selected Papers from the 11th International Colloquium on Latin Linguistics*. Vol. 10. P. 153–167. DOI: 10.1163/9789004409057_012.
- Iljic 1990 — R. Iljic. The verbal suffix *-guo* in Mandarin Chinese and the notion of recurrence. *Lingua*. 1990. Vol. 81. Iss. 4. P. 301–326. DOI: 10.1016/0024-3841(90)90027-I.
- Li, Thompson 1989 — C. N. Li, S. Thompson. *Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar*. University of California Press, Berkeley. 1989. DOI: 10.2307/603476.
- Liu 2015 — M. Liu. Tense and aspect in Mandarin Chinese. W. S.-Y. Wang, C. Sun. *The Oxford handbook of Chinese linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 274–289. DOI: 10.1093/acrefore/9780199384655.013.913.
- Paducheva 1996 — E. V. Paducheva. *Semanticheskiye issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrative* [Semantic research: Semantics of time and aspect in the Russian language; Narrative semantics]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1996.
- Plungyan, Urmanchiyeva 2017 — V. A. Plungyan, A. Yu. Urmanchiyeva. Perfekt v staroslavjanskom: byl li on rezultativnym? [Perfect in Old Church Slavonic: was it resultative?]. *Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies*. 2017. № 2. P. 13–56.
- Serdobolskaya 2012 — N. V. Serdobolskaya. Glagolnaya mnozhestvennost i aspekt v udmurtskom besermyanskom: mnozhestvennost pokazateley mnozhestvennosti [Pluractionality and aspect in Beserman Udmurt: plurality of pluractionality markers]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2012. Vol. 8. Pt. 2. P. 735–785.
- Sheveleva 2016 — M. N. Sheveleva. K istorii drevnerusskogo glagola byvati (aspektualnaya semantika) [Towards the history of Old Russian verb *byvati* (aspectual semantics)]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. 2016. Vol. 11. P. 526–543.
- Short 2016 — W. M. Short. Introduction. W. M. Short (ed.) *Embodiment in Latin Semantics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2016. P. 1–13. DOI: 10.1525/ca.2013.32.2.378.
- Smith 1997 — C. S. Smith. *The Parameter of Aspect*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997. DOI: 10.1007/978-94-011-5606-6.
- Tan 2002 — A. Tan. *Problemy skrytoy grammatiki: semantika, sintaksis i pragmatiki yazyka izoliruyushchego stroya na primere kitayskogo yazyka* [Problems

- of hidden grammar: semantics, syntax and pragmatics of the language of the isolating system on the example of the Chinese language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2002.
- Tantucci 2013 — V. Tantucci. Interpersonal evidentiality: The Mandarin V-*过* guo construction and other evidential systems beyond the ‘source of information’. *Journal of Pragmatics*. 2013. Vol. 57. P. 210–230. DOI: 10.1016/j.pragma.2013.08.013.
- Vostrikova 2009 — N. V. Vostrikova. Eksperiyentivnyye predlozheniya: grammatikalizatsiya diskursivnykh funktsiy [Experiential sentences: Grammaticalisation of discourse functions] // *Voprosy Jazykoznanija*. 2009. Vol. 3. P. 19–31.
- Vostrikova 2010 — N. V. Vostrikova. *Tipologiya sredstv vyrazheniya eksperiyentivnogo znacheniya* [Typology of means of expression of experiential meaning]. PhD thesis. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2010.
- Wälchli, Cysouw 2012 — B. Wälchli, M. Cysouw. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs. *Linguistics*. 2012. Vol. 50. Iss. 3. P. 671–710. DOI: 10.1515/ling-2012-0021.
- Xiao, McEnery 2004 — R. Xiao, T. McEnery. *Aspect in Mandarin Chinese*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. DOI: 10.1075/slcs.73.
- Wu 2003 — H. S. Wu. A case study on the grammaticalization of GUO in Mandarin Chinese — polysemy of the motion verb with respect to semantic changes. *Language and Linguistics*. 2003. Vol. 4. Iss. 4. P. 857–885.

Получено / received 04.04.2022

Принято / accepted 30.11.2022

К описанию контекстов плюсквамперфекта и предбудущего в Новом Завете

Д. В. Сичинава

Потсдамский университет (Германия); mitrius@gmail.com;
ORCID: 0000-0003-3453-4863

Аннотация. Работа посвящена анализу параллельных контекстов плюсквамперфекта и предбудущего (последние немногочисленны) в древнегреческой, латинской, английской, испанской и церковнославянской версиях Нового Завета. Эти формы, сочетающие значение таксиса и абсолютного времени и традиционно обозначаемые как «абсолютно-относительные времена», обладают дополнительными некомпозиционными значениями. Проведена классификация встретившихся в Четвероевангелии, Деяниях и Апокалипсисе семантических контекстов употребления указанных форм, выявляется специфика отдельных языков / идиолектов переводчиков и даются указания на дальнейшие направления исследований.

Ключевые слова: параллельный корпус, плюсквамперфект, предбудущее, библейский текст.

Towards a description of Pluperfect and Future Anterior contexts in the New Testament

Dmitri V. Sitchinava

University of Potsdam (Germany); mitrius@gmail.com;
ORCID: 0000-0003-3453-4863

Abstract. In the paper, an analysis of parallel pluperfect and (less numerous) future anterior contexts in Greek koine, Latin Vulgata, Early Modern English (KJV), Spanish and Church Slavonic versions of the New Testament is presented. The forms in question can express both relative and absolute tense. The pluperfect marks

precedence to a point of reference located in the past, whereas the future anterior signals precedence to a future reference point. The forms in question are traditionally referred to as absolute-relative tenses. However, both are known to yield additional non-compositional meanings related to the domain of past temporal frames, (cancelled) resultativity, modality (cf. English *had I come earlier...*), and evidentiality. A “form-to-semantics” approach is chosen to investigate the mechanisms behind the pluperfect and/or future anterior choice in the languages that have the forms. A classification of the semantic contexts of their use in the Gospels, Acts, and Revelation is proposed, the properties of individual translations / doculects are revealed, and recommendations for further research are given. The findings include, among other things: an overlap between the uses of both forms in irreal contexts (in Early Modern English); ambiguity between the Future Anterior and Perfect Subjunctive in indefinite temporal reference contexts (in Latin); the dependence of the choice of pluperfect forms, as opposed to those of the simple preterite, on the syntactic context (independent sentences, greater frequency in when-clauses); and various details of the use of the pluperfect in individual languages (such as experiential or “not-yet” uses in Church Slavonic or strict absolute-relative uses in Spanish). Given that the non-finite strategy extensively used in biblical versions makes it difficult to pinpoint the mechanism behind the pluperfect vs. preterite choice, a comparison between multiple biblical translations into the same language should be undertaken to complete the research.

Keywords: parallel corpus, pluperfect, future anterior, biblical text.

1. Введение

Статья посвящена так называемым, за неимением лучшего термина, **абсолютно-относительным временам**: плюсквамперфекту (ср. англ. *had done*) и предбудущему (второму будущему, *futurum exactum*, ср. англ. *will have done*) на пилотной выборке новозаветных текстов.

Традиционно основным значением плюсквамперфекта и второго будущего считается сочетание параметров двух категорий:

- **таксиса** (= **относительного времени**, определяемого относительно некоторой точки отсчета) — а именно, параметр «предшествование» в обоих случаях;

- **абсолютного времени** (исходящего от точки отсчета, совпадающей с моментом речи) — прошедшего для плюсквамперфекта и будущего для предбудущего.

Такая трактовка осложняется как минимум двумя обстоятельствами. Первое заключается в следующем. Фактически исследователь этих форм имеет дело не только (и не столько) с чистым таксом, предшествованием по отношению к некоторой точке отсчета, не совпадающей с моментом речи, но и с транспозицией в соответствующий временной план семантики перфекта. С синхронной точки зрения плюсквамперфект и предбудущее стоят в ряду с перфектом или с развившимся из перфекта прошедшим временем. Например, в латыни форма, именуемая *Perfectum*, фактически представляет собой в том числе перфективное нарративное прошедшее, хотя сохраняет и контексты, типологически характерные именно для перфекта. Собственно, латинское название *Plusquamperfectum* («более, чем *Perfectum*») отражает именно такую соотнесенность, не говоря уже о новоевропейских названиях типа *Past / Future Perfect*. В древнегреческом и латыни, где формы плюсквамперфекта и предбудущего синтетические, это соответствие носит системный характер. В большинстве языков Европы с аналитическими временами налицо и парадигматическое соответствие, при котором вспомогательный глагол перфекта ставится, соответственно, в прошедшее и будущее время: ср. англ. *have done* — *had done* — *will have done*.

Закономерно, что плюсквамперфект и предбудущее интерпретируются с семантической точки зрения в том числе как сдвигающие точку отсчета перфекта (либо происходящих от перфекта форм) во временной план прошлого или будущего соответственно. Эта семантика может включать в себя в частности: «актуальность для точки отсчета» (включая и экспериенциальное значение: «ситуация имела место как минимум один раз, в результате чего ее участник обладает некоторым релевантным опытом»), результатив (наличие материального результата в точке отсчета), наконец, стативное значение (в частности, для глаголов, перфект которых имеет презентную интерпретацию, например, латинское *sapere* ‘знать’ или польское *zwyknąć* ‘иметь

обыкновение'). Таким образом, абсолютно-относительные времена как наследуют в той или иной мере специфическую семантику перфекта, так и развивают собственно таксисные употребления. Ср. семантическую карту перфекта в [Anderson 1982: 231], где предшествование в ином временном плане приводится как особый тип значений. Такой подход кажется более адекватным, чем отождествление перфектности и предшествования, выраженное в едином ярлыке *anterior* в [Bybee et al. 1994]. Различие между «перфектом-в-прошедшем» и «прошедшим-в-прошедшем» хорошо показано, например, в работе [Squartini 1999]; в ряде языков плюсквамперфект имеет обе эти интерпретации, как в английском, в некоторых — только одну, как в швейцарско-немецком диалекте.

Второй фактор, осложняющий прямолинейную таксисную трактовку плюсквамперфекта и предбудущего, следующий. Эти формы практически во всех языках, где они выявлены, развивают те или иные некомпозиционные значения. В частности, оба времени демонстрируют спектр употреблений из семантических зон ирреалиса и эвиденциальности, где они в ряде случаев пересекаются. Плюсквамперфект связан прежде всего с контрфактивностью (выражением гипотетической ситуации, заведомо не имеющей места в действительности) и альтернативным реальному «возможным миром», предбудущее — с неполным доступом к информации. Кроме того, есть специфические для каждой из этих форм классы употреблений, связанные с грамматикализацией отдельных частотных контекстов и импликатур — например, неактуальные временные интервалы (*discontinuous past* [Plungian, van der Auwera 2006]) в случае плюсквамперфекта и условие в случае предбудущего. Применительно к плюсквамперфекту явление некомпозиционной полисемии выявлено и описано, в частности, в работах Э. Даля [Dahl 1985], В. А. Плуногяна, Й. ван дер Ауверы [Plungian, van der Auwera 2006], М. Сквартини [Squartini 1999], П. В. Петрухина [Петрухин 2008], моих [Сичинава 2013] и ряда других авторов; применительно к предбудущему — в цикле статей Я. А. Пеньковой ([Пенькова 2019] и мн. др.).

В статье [Dahl, Wälchli 2016] при корпусном исследовании параллельных текстов противопоставляются подходы «от значения

к форме» (ономасиологический) и от «распределения форм к значению» (семасиологический). С методологической точки зрения эта работа от значения к форме идти не может: выбор всех новозаветных контекстов, где хотя бы теоретически может встретиться предшествование к той или иной точке отсчета, не совпадающей с моментом речи, был бы субъективным, не говоря уже о спектре некомпозициональных употреблений. Я предпочитаю также не исходить из выбора формы в каком-то образцовом «языке-стержне» — *pivot language* (ср. работу [Dahl 2014] о перфекте, где отсчет ведется от английского): употребления в разных языках имеют разные контексты-доминанты. Я придерживаюсь методологии «от распределения форм к значению» (семасиологической), впервые использованной, вероятно, в пионерской, корпусной *avant la lettre*, монографии также о перфекте [Кашкин 1991]. Привлекаются все контексты, где интересующая нас конструкция встретила хотя бы в одном языке.

Аналогичный подход используется в работе о перфекте в многоязычном корпусе [Сичинава 2016]. Ранее я проводил также опирающееся на параллельный корпус и анкетирование исследование плюсквамперфекта в славянских языках на общеевропейском фоне [Сичинава 2019]. Схожее исследование предбудущего (с большим акцентом на анкетировании ввиду большей редкости формы в текстах) провела Я. А. Пенькова [Пенькова 2019]. Результаты этих исследований также учтены в моей работе.

В качестве текстов-источников используются нарративные части Нового Завета: Четвероевангелие (Мф., Мк., Лк., Ин.), Деяния Апостолов (Деян.) и Апокалипсис (Откр.).

Используются следующие языковые версии и идиолекты авторов оригинала и, соответственно, переводчиков (докулекты / *doculects*, по терминологии Э. Даля и Б. Вельхли):

- 1) древнегреческий оригинал (новозаветное койне),
- 2) латинский перевод (Вульгата, в основе IV–V в.),
- 3) церковнославянский перевод (Елизаветинская Библия — редакция XVIII в. группы переводов, через цепочку редакций восходящих к первым векам христианства у славян; как

- правило, в интересующих нас точках выбор временной формы был таким же уже в старославянских Евангелиях),
- 4) английский перевод начала XVII в. (Early Modern English) — Библия короля Якова,
 - 5) испанский перевод К. де Рейны и С. де Валеры, также относящийся к раннему Новому времени и являющийся наиболее популярным библейским текстом в испаноязычном мире, в редакции XX в.

С этих переводов Библии делались, в свою очередь, миссионерские переводы на большое количество других языков мира. Тем самым выбор, сделанный их переводчиками, мог во многом определять предпочтение временных форм и в других языках, хотя, разумеется, степень и значимость этого калькирования в каждом конкретном случае предстоит изучить на крупной выборке. Как мы увидим ниже, выбор времени (и, особенно, выбор между финитной и нефинитной стратегией) в славянской версии в определенной степени зависит от древнегреческого текста, а в английской и испанской — от Вульгаты, что ожидаемо. О древнегреческих и славянских контекстах плюсквамперфекта в евангельских текстах и о различиях между ними см. также [Барентсен 2015а, б]. Соответственно, церковнославянская языковая версия размещается в примерах сразу после древнегреческой, вопреки хронологии.

В приводимых в статье примерах конструкции плюсквамперфекта и предбудущего выделены полужирным и подчеркнуты; если указаны соответствующие им конструкции в других языках, не являющиеся плюсквамперфектом или предбудущим, то они выделены полужирным. Для английского и церковнославянского, тексты на которых не глоссируются, отдельные глоссы могут быть указаны в скобках. Для латинского времени, традиционно называемого *Perfectum*, используется глосса *pf*, хотя семантически оно скорее соответствует перфективному прошедшему (AOR). В марровских кавычках приводится русский Синодальный перевод, где выделены полужирным соответствующие формы. Разумеется, русский текст специально не исследовался из-за отсутствия соответствующих

грамматикализованных конструкций; тем не менее ряд переводческих решений с точки зрения выбора видо-временной формы и, соответственно, интерпретации контекста представляет определенный интерес.

2. Предбудущее

Начнем наш разбор с предбудущего. Контекстов этой формы мало: древнегреческой и церковнославянской форм предбудущего в нашем материале нет.

Английских контекстов предбудущего встретилось два, оба в придаточном предложении со значением предшествования в будущем (1Г)–(2Г), в соответствии с аористом конъюнктива древнегреческого оригинала ((1а) и (2а) соответственно). В современном английском языке здесь действует ограничение на футуральные формы в условных и временных придаточных (после *if* и *when*), еще отсутствовавшее в английском раннего Нового времени. В испанском языке (1д) и (2д) выступает перфект конъюнктива, в церковнославянском (1б) и (2б) — морфологический презенс совершенного вида, интерпретируемый как будущее. О латинском соответствии речь пойдет отдельно (см. (1в) и (2в) ниже, с. 400–401).

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

- (1) а. *hotan poiēsēte panta ta*
 когда делать.AOR.CONJ.ACT.2PL всё DET.N.PL.ACC
diatacthenta hymin, legete
 повелеть.AOR.PTCP.PASS.N.PL.ACC вы.DAT сказать.IMP.2PL

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ

- б. егда сотворитѣ (сделать.FUT) всѣ повелѣнная вамъ, глаголите

АНГЛИЙСКИЙ

- г. *when ye shall have done all those things which are commanded you, say*

ИСПАНСКИЙ

д. *cuando hayáis hecho todo lo*
 когда AUX.CONJ.PRS.2PL делать.PTCP.PST всё DET.N.SG
que os ha sido ordenado,
 CMTZ ВЫ.DAT AUX.PRS.3SG быть.PTCP.SG.M повелеть.PTCP.SG.M
decid
 сказать.IMP.2PL

〈Так и вы,〉 ‘когда **исполните** все повеленное вам, говорите:’ 〈мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать〉. [Лк. 17:10]

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

(2) а. *kai hotan telesōsin tēn*
 и когда кончить.AOR.CONJ.ACT.3PL DET.F.SG.ACC
martyrian autōn to
 свидетельство.SG.ACC PRO.GEN.M.3PL DET.N.SG.NOM
thērion to anabainon
 зверь.SG.NOM DET.N.SG.NOM восходить.PTCP.PRS.ACT.N.SG.NOM
ek tēs abyssou poiēsei polemon
 из DET.F.SG.GEN бездна.GEN.SG сделать.FUT.3SG война.ACC.SG
met’ autōn
 с PRO.GEN.M.3PL

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ

б. И егда скончашуть (кончить.FUT) свидетельство своё, зверь, иже исходитъ ѿ бездны, сотворитъ съ ними брань

АНГЛИЙСКИЙ

г. *And when they shall have finished their testimony, the beast that ascendeth out of the bottomless pit shall make war against them*

ИСПАНСКИЙ

д. *cuando hayan acabado su testimonio,*
 когда AUX.CONJ.PRS.3PL кончить.PTCP.PST их свидетельство
la bestia que sube del abismo
 DET.F зверь CMTZ подниматься.PRS.3SG из.DET.M бездна

hará guerra contra ellos
 делать.FUT.3SG война.SG против они

‘И когда **кончат** они свидетельство свое, зверь, выходящий из бездны, срзится с ними <...>’. [Откр. 11:7]

Латинская форма предбудущего за исключением 1-го л. ед. ч. и с точностью до долгот, не обозначенных в библейском тексте, совпадает / омографична с формой перфекта конъюнктива. Ср. выбор перфекта конъюнктива в испанском в примерах (1д) и (2д) и аориста конъюнктива в древнегреческом в примерах (1а) и (2а). Вот парадигмы этих двух латинских видо-временных форм глагола *habere* ‘иметь’:

Таблица 1. Парадигмы предбудущего индикатива и перфекта конъюнктива

Table 1. Paradigms of Anterior Future and Perfect Conjunctive in Latin

Лицо и число	Предбудущее индикатива	Перфект конъюнктива
1SG	habuerō	habuerim
2SG	habueris	habuerīs
3SG	habuerit	habuerit
1PL	habuerimus	habuerīmus
2PL	habueritis	habuerītis
3PL	habuerint	habuerint

В силу ирреальной семантики будущего отличить эти две формы не везде легко; в латинской грамматической традиции здесь играют роль тип придаточного, управляющий глагол и референция к будущему или прошлому. Именно эта двусмысленная форма представлена в Вульгате в обоих контекстах, приведенных выше:

ЛАТИНСКИЙ

- (1) в. *cum feceritis omnia,*
 когда делать.FUT2.IND/PF.CONJ.2PL весь.N.ACC.PL
quae praecepta sunt
 REL.N.NOM.PL предписать.PTCP.PASS.N.ACC.PL быть.PRS.3.PL
vobis, dicite:
 ВЫ.DAT сказать.IMP.2PL

⟨Так и вы,⟩ ‘когда **исполните** все повеленное вам, говорите:’ ⟨мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать⟩. [Лк. 17:10]

ЛАТИНСКИЙ

- (2) в. *Et cum **fnierint** testimonium*
 и когда кончить.FUT.IND/PF.CONJ.3PL свидетельство.ACC.SG
suum, bestia, quae ascendit
 свой.N.ACC.SG зверь.NOM.SG REL.F.NOM.SG восходить.PRS.3SG
de abyssu, faciet adversus illos bellum
 из бездна.AVL.SG делать.FUT.3SG против они.ACC война.ACC
 ‘И когда **кончат** они свидетельство свое, зверь, выходящий из бездны, сразится с ними ⟨...⟩’. [Откр. 11:7]

Как предбудущее, по-видимому, следует интерпретировать латинский пример (3в) с футуральной формой в главном предложении, однако такое решение носит условный характер; это будущее фактически с вневременной референцией (ср. типологически известную полисемию хабитуалис / будущее; см., в частности, [Козлов 2015, Макарова 2020]). В главном предложении везде используется форма будущего; в придаточном предложении в древнегреческом (3а) и церковнославянском (3б) тексте использовано причастие (такие случаи, разумеется, с точки зрения выбора времени не показательны), а в английском (3г) и испанском (3д) презенс.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

- (3) а. *pantes gar hoi labontes*
 весь.M.NOM.PL PTCL DET.M.NOM.PL взять.AOR.PTCP.M.NOM.PL
machairan, en machairē apolountai.
 меч.ACC.SG PREP меч.DAT.SG погибнуть.FUT.3SG

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ

- б. вси бо приѣмши (PTCP) ножъ ножѣмъ погибнутъ.

ЛАТИНСКИЙ

- в. *Omnes enim, qui **acceperint***
 весь.M.NOM.PL PTCL REL.M.NOM.PL взять.FUT.IND/PF.CONJ.3PL

gladium, gladio peribunt.
 меч.АСС.СG меч.АВL.СG погибнуть.ФУТ.3СG

АНГЛИЙСКИЙ

г. *for all they that take (PRS) the sword shall perish with the sword.*

ИСПАНСКИЙ

д. *porque todos los que tomen espada,*
 ПОТОМУ_ЧТО весь.М.РL ДЕТ.М.РL REL брать.РRS.3РL меч
a espada perecerán.
 РРЕР меч ПОГИБНУТЬ.ФУТ.3РL

⟨Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место,⟩
 ‘ибо все, **взявшие** меч, мечом погибнут’. [Мф. 26:52]

В примерах (4)–(5) перед нами также вневременная точка отсчета — это видно, в частности, по «плавающему» выбору временных форм в устроенных аналогично притчах из двух синоптических Евангелий. В русском языке в обоих случаях представлена футуральная форма с так называемым наглядно-примерным значением совершенного вида (термин Ю. С. Маслова, см. подробнее [Стойнова 2016]). Здесь выбор между морфологической интерпретацией подчеркнутой латинской формы тоже неочевиден. В главном предложении (4в) используется будущее время, вслед за оригиналом (4а) (что как будто бы говорит в пользу предбудущего), в то время как в аналогичной гипотетической конструкции (5) выступает настоящее время (что как будто бы говорит в пользу перфекта конъюнктива). Особенно интересно, что в одном придаточном в (5) (‘и потеряет одну из них’) употреблена эта двусмысленная форма, а в другом (‘за той, которая пропала’) — плюсквамперфект индикатива. Получается, что точка отсчета ирреальной ситуации в рамках одного предложения как бы мигрирует между прошлым, настоящим и будущим. Возможно, таким образом переводчик стремится передать различие между двумя разными причастиями древнегреческого оригинала (причем образованными, в отличие от латыни, от одного и того же глагола). В первом случае в древнегреческом предложении, соответствующем (5), использовано действительное причастие аориста (*apolesas* ‘потерять.

PTCP.AOR.ACT.M.NOM.SG'), во втором — действительное причастие перфекта (*apololos* 'потерять.PTCP.PF.ACT.N.ACC.SG').

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

- (4) а. *Tis* *estai* *ex hynōn anthrōpos*
 КТО.М.НОМ.СГ БЫТЬ.FUT.3СГ ИЗ ВЫ.GEN ЧЕЛОВЕК.НОМ.СГ
hos hexei probaton hen, kai
 REL.М.СГ.НОМ ИМЕТЬ.FUT.3СГ ОВЦА.ACC.СГ ОДИН.N.ACC.СГ И
ean empesē touto tois
 если упасть.AOR.CONJ.3СГ DEM.N.SG.NOM DET.N.DAT.PL
sabbasin eis bothynon, ouchi kratēsei
 суббота.DAT.PL в яма.ACC.СГ не взять.FUT.3СГ
auto kai egerēi?
 он.N.ACC.СГ и поднять.FUT.3СГ

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ

- б. кто ѿсть ѿ вѣсъ челоѡкъ, иже имать (PRS) оубѡ едино, и аще впа-
 дѣтъ (FUT) сѧ въ субѡты въ яму, не иметъ (FUT) ли ѧ и изметъ
 (FUT);

ЛАТИНСКИЙ

- в. *Quis erit ex vobis homo,*
 КТО.М.НОМ.СГ БЫТЬ.FUT.3СГ ИЗ ВЫ.ABL ЧЕЛОВЕК.НОМ.СГ
qui habeat ovem unam
 REL.М.СГ.НОМ ИМЕТЬ.PRS.CONJ.3СГ ОВЦА.ACC.СГ ОДИН.F.ACC.СГ
et, si ceciderit haec
 и если упасть.PF.CONJ/FUT2.IND DEM.F.SG.NOM
sabbatis in foveam, nonne tenebit
 суббота.ABL.PL в яма.SG.ACC разве_не взять.FUT.3СГ
et levabit eam?
 и поднять.FUT.SG DEM.F.ACC.SG

АНГЛИЙСКИЙ

- г. *What man shall there be among you, that shall have (FUT) one
 sheep, and if it fall (PRS.COND) into a pit on the sabbath day,
 will he not lay (FUT) hold on it, and lift it out?*

ИСПАНСКИЙ

д. *¿Qué hombre **habrá** de vosotros, que
какой человек иметься.FUT.3SG из вы REL*
***tenga** una oveja, y si ésta
иметь.PRS.CONJ.3SG DET.F.SG овца.SG и если DEM.F.SG*
***cayere** en un hoyo en día de
упасть.FUT.CONJ.3SG в INDET яма.SG в день.SG PREP*
*reposo, no le **eche** mano,
покой.SG не она.DAT протянуть.PRS.CONJ.3SG рука.SG*
*y la **levante**?
и она.ACC поднять.PRS.CONJ.3SG*

‘Он же сказал им: кто из вас, **имея** одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не **возьмет** ее и не **вытащит**?’ [Мф. 12:11]

ЛАТИНСКИЙ

(5) *Quis ex vobis homo, qui
кто.M.SG.NOM из вы.ABL человек.NOM.SG REL.M.SG.NOM*
***habet** centum oves et si
иметь.PRS.IND.3SG сто овца.PL.ACC и если*
***perdiderit** unam ex illis
потерять.PF.CONJ/FUT2.IND.3SG один.F.SG.ACC из DEM.PL.GEN*
*nonne dimittit nonaginta novem in
разве.не оставить.PRS.IND.3SG девяносто девять в*
*deserto et vadit ad illam,
пустыня.SG.ABL и идти.PRS.IND.3SG к DET.F.ACC.SG*
*quae perierat, donec inveniat
REL.F.NOM.SG пропасть.PPF.3SG пока_не найти.PRS.IND.3SG*
*illam?
DET.F.ACC.SG*

⟨...⟩ ‘Кто из вас, **имея** сто овец и **потеряв** одну из них, не **оставит** девяноста девяти в пустыне и не **пойдет** за **пропавшею**, пока не **найдет** ее?’ [Лк. 15:4]

Наконец, в примерах (6) и (7) отмечено характерное для романских языков (но далеко не только, ср. аналогичные примеры в славянских и балтийских [Пенькова 2019]; специально о романских

см. [Сичинава 2022]) использование предбудущего в конклюдивном значении (умозаключение при неполном доступе к информации) в соответствии с простыми претеритами других языков. Эти контексты характерны именно для Евангелия от Иоанна, постоянным сквозным сюжетом которого является недоумение окружающих о миссии Христа (и их попытки предложить какие-то объяснения Его словам и происходящему).

ИСПАНСКИЙ

- (6) ¿Le habrá traído alguien de comer?
 он.DAT AUX.FUT.3SG нести.PTCP.PST кто-то PREP есть.INF

⟨Но Он сказал им: у Меня есть пища, которой вы не знаете. Посему ученики говорили между собою:⟩ ‘разве кто **принес** Ему есть?’ [Ин. 4:33]

ИСПАНСКИЙ

- (7) ¿Habrán reconocido en verdad los
 AUX.FUT.3PL признать.PTCP.PST в истина.SG DET.M.PL
gobernantes que éste es el Cristo?
 начальник.PL CMTZ DEM.M.SG быть.PRS.3SG DET.M.SG Христос

⟨Вот, Он говорит явно, и ничего не говорят Ему:⟩ ‘не **удостоверились** ли начальники, что Он подлинно Христос?’ [Ин. 7:26]

Таким образом, несмотря на немногочисленность примеров, материал по предбудущему в новозаветном корпусе дает представление о его полисемии: предшествование точке отсчета в будущем, пересечение семантики с ирреальной областью (особо отметим в примерах (4)–(5) употребление в схожем контексте с плюсквамперфектом, ср. ниже, пример (30)), значение неполного доступа к информации.

На небольшом и легче обозримом материале предбудущего видна одна общая проблема с анализом нашего материала в параллельном корпусе, вполне актуальная и для плюсквамперфекта. Это активное использование **нефинитной стратегии** — передачи тех или иных предикаций при помощи причастий, герундия или

инфинитива. В исследуемых языках нет причастий (а в древнегреческом, для которого особенно актуальна инфинитивная стратегия — и маркированных по времени инфинитивов) плюсквамперфекта и предбудущего. В древнегреческом, латыни и церковнославянском активно используются причастные временные обороты. Важным направлением для дальнейшего исследования абсолютно-относительных форм, таким образом, является привлечение альтернативных переводов и редакций. Главное же: если используется нефинитная стратегия, то это не значит, что пишущий в принципе отказывается от использования абсолютно-относительного времени в контекстах такого типа; скорее такие предложения с этой точки зрения просто не маркированы.

3. Плюсквамперфект

Всего рассмотренный нами материал включает 493 контекста, где плюсквамперфект представлен хотя бы в одной языковой версии (из них 53 с древнегреческими и латинскими стативными глаголами, не имеющими церковнославянских, английских или испанских соответствий; для анализа семантики плюсквамперфекта эти случаи не очень показательны).

3.1. Синтаксический контекст

Для выбора в контекстах «перфекта в прошедшем» или «прошедшего в прошедшем» между плюсквамперфектом и иными претеритными формами в рассмотренных языках роль играет теснота зависимости рассматриваемой клаузы от другой (ср. [Сичинава 2019: 36–37] на славянском материале). Начнем с примера (8), где интересующая нас клауза играет роль сопровождаемого причинной частицей или союзом комментария (слабая синтаксическая / дискурсивная зависимость) и во многих языковых версиях пунктуационно оформляется

как отдельное предложение; во всех рассмотренных языках выбирается плюсквамперфект.

- ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ
- (8) а. *hoi gar mathētai autou*
 DET.M.NOM.PL PTCL ученик.PL.NOM DEM,M.SG.GEN
apelēlytheisan eis tēn polin,
 отойти.PPF.3PL В DET.F.SG.ACC город.SG.ACC
hina trophas agorasōsin.
 чтобы пища.PL.ACC купить.AOR.CONJ.3PL

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ

б. Учѣници бо егѡ ѡшли бяху во градъ, да брашно купятъ.

- ЛАТИНСКИЙ
- в. *discipuli enim eius abierant in*
 ученик.PL.NOM PTCL DEM.M.SG.GEN отойти.PPF.3PL В
civitatem, ut cibos emerent.
 город.SG.ACC чтобы пища.ACC.PL купить.IPF.CONJ.3PL

АНГЛИЙСКИЙ

г. (*For his disciples were gone¹ away unto the city to buy meat.*)

- ИСПАНСКИЙ
- д. *Pues sus discipulos habían ido a*
 ибо его.PL ученик.PL AUX.IPF.3PL уйти.PTCP.PST PREP
la ciudad a comprar de comer.
 DET.F город.SG PREP купить.INF PREP есть.INF

‘Ибо ученики Его **отлучились** в город купить пищи’.
 [Ин. 4:8]

Совсем иная ситуация наблюдается во вложенной определительной клаузе (9), где речь идет о более сильной синтаксической зависимости. Здесь плюсквамперфект выступает только в английском

¹ В английском раннего Нового времени это нормальный плюсквамперфект со вспомогательным глаголом *be*, см. также ниже.

и испанском языках, для которых характерна последовательность времен, в отличие от трех древних языков:

АНГЛИЙСКИЙ

- (9) a. *Then Joseph being raised from sleep did as the angel of the Lord **had bidden** him, and took unto him his wife.*

ИСПАНСКИЙ

- б. *Y despertando José del sueño, hizo
и пробудиться.GER Иосиф от.DET.M.SG сон.SG делать.AOR.3SG
como el ángel del Señor le
как DET.M.SG ангел.SG PREP.DET.M.SG Господь он.DAT
había mandado, y recibió a
AUX.IPF.3SG велеть.PTCP.PST и принять.AOR.SG PREP
su mujer.
его жена.SG*

‘Встав от сна, Иосиф поступил, как **повелел** ему Ангел Господень, и принял жену свою’. [Мф. 1:24]

В ряде случаев плюсквамперфект отсутствует в подобных контекстах и в английском переводе короля Якова (там выбрана форма простого прошедшего *said*; отметим, что к раннему Новому времени строгая последовательность времен в английском еще не оформилась и плюсквамперфект употреблялся шире в нетаксисных контекстах [Норе 2003, section 2.1.3d]), и в испанском тексте (*dijo* ‘сказать. AOR.3SG’). В примере (10) плюсквамперфект, несмотря на явный контекст предшествования в прошедшем, представлен из рассмотренных текстов только в Вульгате:

ЛАТИНСКИЙ

- (10) *et recordatus est Petrus
и вспомнить.PTCP.PASS.M.NOM.SG быть.PRS.3SG Петр.NOM
verbi Iesu, quod **dixerat**
речь.GEN.SG Иисус.GEN REL.N.SG.ACC говорить.PPF.3SG*
- ‘И вспомнил Петр слово, **сказанное** ему Иисусом <...>’

[Мф. 26:75]

Действительно, рассматриваемые тексты существенно различаются по употребительности плюсквамперфекта в целом. Только испанский перевод (по крайней мере в редакции XX в.) последовательно использует эту форму в контекстах перфекта/предшествования в прошедшем. Остальные тексты в большей или меньшей степени отклоняются от стандарта жесткой западноевропейской «последовательности времен», что для плюсквамперфекта в языках мира, включая европейские, в целом типологически ожидаемо [Сичинава 2013: 24, 2019: 36]. В латыни Вульгаты в зависимых предложениях, как в примерах (9)–(10), допустим также и Perfectum (перфективное прошедшее). В английском Библии короля Якова, в частности, глаголы движения, в то время еще требовавшие вспомогательного глагола *be*, в ряде случаев остаются в претерите (*came* наряду с *were come*), по-видимому, речь идет о неполной грамматикализации перфектного ряда в целом. К языкам с редким употреблением плюсквамперфекта в нашем материале относится древнегреческий, где, помимо регулярного употребления стативных глаголов, требуется контекст результирующего состояния в прошлом, ср. [Барентсен 2015б: 16]: «Такая связанность с непосредственной результирующей наблюдается во всех случаях ПКП <плюсквамперфекта> в греческом тексте Евангелий». Об отсутствии новоевропейской «последовательности времен» в древнегреческом см., в частности, [Ибрагимов 2009]. В церковнославянском плюсквамперфект выступает также ограниченно и в основном в специальных контекстах — *not-yet*, отмененный результат; подробнее см. ниже.

Специальный и особо продуктивный класс случаев перфекта в прошедшем составляют *when-clauses* («когда <=после того как> P, случилось Q»). Таких контекстов встретилось 220, ровно половина от всего множества рассматриваемых примеров (не считая контекстов со стативными глаголами). Выбор плюсквамперфекта в них характерен для английского, где этот контекст уже явно грамматикализован в начале XVII в., и в меньшей степени для латыни в составе временного оборота с союзом *cum* (*cum temporale*), который требует конъюнктива. В древних языках (но и в испанском, ср. (11)) с временными придаточными активно конкурируют, наряду с простыми претеритами, абсолютные обороты. Характерно, что в испанском

переводе предложения (12) используется не обычный романский плюсквамперфект с *había* (AUX.PF), а редкий вариант с перфективом вспомогательного глагола (*hubo*, AUX.AOR); эта конструкция, известная во французском как *passé antérieur*, диктуемая синтаксическим контекстом и/или значением «непосредственного предшествования», также грамматикализовалась в значении быстро совершенного действия. О ней специально см. [Bertinetto 1987].

АНГЛИЙСКИЙ²

- (11) *And when they **had lifted** up their eyes, they saw no man, save Jesus only.*

‘Возведя же очи свои, они никого не увидели, кроме одного Иисуса’. [Мф. 17:8]

ЛАТИНСКИЙ

- (12) a. *Cum **consummasset** Iesus sermones*
 когда окончить.PPF.CONJ.3SG Иисус.NOM речь.PL.ACC
hos omnes, dixit discipulis suis:
 DET.ACC.PL весь.PL.ACC говорить.PF.3SG ученик.DAT.PL его.DAT.PL

АНГЛИЙСКИЙ

- б. *When Jesus **had finished** all these sayings, he said unto his disciples*

ИСПАНСКИЙ

- в. *Cuando **hubo** **acabado** Jesús todas*
 когда AUX.AOR.3SG окончить.PTSP.PST Иисус весь.F.PL
estas palabras, dijo a sus discípulos...
 DET.F.PL слово.PL сказать.AOR.3SG PREP его.PL ученик.PL

‘Когда Иисус **окончил** все слова сии, то сказал ученикам Своим’ ⟨...⟩ [Мф. 26:1]

В ряде случаев выбор плюсквамперфекта, с одной стороны, или иной претеритной формы, с другой стороны, говорит о разной

² В древнегреческом, церковнославянском и латыни используется причастная конструкция: соответственно *eparantes*, *возведише*, *levantes* ‘поднять.PTSP’; в испанском герундий *alzando* ‘поднять.GER’.

трактовке ситуации, в частности, о том, где именно в нарративе помещается точка отсчета и предполагается ли нелинейная «петля» в изложении событий. Такие альтернативные интерпретации характерны для синтаксически независимых предложений. В примере (13) в древнегреческом оригинале (для древнегреческого плюсквамперфекта основное значение — достигнутое состояние во временном плане прошлого) предполагается, что иудеи к моменту, о котором идет речь, уже пришли к Марфе и Марии. Та же интерпретация выбрана в латинской, церковнославянской и испанской версиях. В английском выбран претерит *came*, который может подразумевать линейную нарративную последовательность событий (но см. выше о специфике глаголов движения в Early Modern English со вспомогательным *be*). В примере (14) точка отсчета в английском и испанском переводах смещена к моменту, когда ученики уже переправились на другую сторону, и, соответственно, выбран плюсквамперфект в основном предложении (в английском — даже в обоих). В латинском переводе плюсквамперфект употреблен только во временном придаточном с *cum temporale*. В контексте (15) в Вульгате ситуация интерпретирована так, что вечереть начало еще до точки отсчета, в то время как в английском и испанском переводах выбрана фоновая интерпретация ситуации и, соответственно, простые претериты (*began* ‘начать.PST’, *comenzaba* ‘начать.IPF.3SG’).

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

- (13) а. *polloi* *de* *ek* *tōn* *Ioudaiōn*
 многий.М.НОМ.ПЛ PTCL из DET.М.ГЕН.ПЛ иудей.ГЕН.ПЛ
elēlytheisan *pros* *tēn* *Marthan* *kai* *Mariam*
 прийти.РФ.ЗПЛ к DET.Ф.АСС.СГ М.АСС.СГ и М.АСС.СГ

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ

- б. и мнози ѿ іудей вяху пришли къ мѣрѣѣ и маріи

ЛАТИНСКИЙ

- в. *Multi* *autem* *ex* *Iudaeis* *venerant*
 многий.М.НОМ.ПЛ PTCL из иудей.АВЛ.ПЛ прийти.РФ.ЗПЛ
ad Martham *et* *Mariam*
 к Марфа.АСС.СГ и Мария.АСС.СГ

АНГЛИЙСКИЙ

г. *And many of the Jews **came** to Martha and Mary*

ИСПАНСКИЙ

д. у *muchos de los judíos **habían***
и многий.PL из DET.M.PL иудей.PL AUX.IPF.3PL***venido** a Marta у a María*
прийти.PTCP.PST к Марфа и к Мария⟨...⟩ ‘И многие из Иудеев **пришли** к Марфе и Марии’.
[Ин. 11:19]

ЛАТИНСКИЙ

- (14) а. *Et cum **venissent** discipuli trans*
и когда прийти.PPF.CONJ.PL ученик.M.PL.NOM через
*fretum, **obliti** sunt panes*
поток.ACC забыть.PTCP.PST.PASS.M.PL.NOM быть.3PL хлеб.PL.ACC
accipere.
взять.INF

АНГЛИЙСКИЙ

б. *And when his disciples **were come** to the other side, they **had forgotten** to take bread.*

ИСПАНСКИЙ

в. *Llegando sus discípulos al otro*
прибыть.GER его.PL ученик.PL PREP.DET.M.SG другой.M.SG
*lado, **se habían olvidado** de*
сторона.SG REFL AUX.IPF.3PL забыть.PTSP.PST PREP
traer pan.
принести.INF хлеб.SG‘**Переправившись** на другую сторону, ученики Его **забыли**
взять хлебов’. [Мф. 16:5]

ЛАТИНСКИЙ

- (15) *Dies autem **coeperat** declinare*
день PTCL начать.PPF.3SG склоняться.INF
‘День же **начал** склоняться к вечеру’. [Лк. 9:12]

3.2. Семантические типы контекстов

Особый интерес представляют *not-yet* контексты (некоторая ситуация «еще не наступила»). Это типологически распространенный для плюсквамперфекта устойчивый контекст (см. [Сичинава 2013: 30]), закрепившийся, в частности, в книжном древнерусском: специально о древнерусском *еще бо не* см. [Сичинава 2013: 80–81, 188] со ссылками на [Goeringer 1995; Петрухин 2008]. Выбор плюсквамперфекта в этом контексте характерен для оригинала и всех рассмотренных переводов (16)–(17). Отметим в (17) выбор общефактического несовершенного вида в соответствующем контексте в русском Синодальном переводе. Особо стоит пример (18), где речь идет о стативной ситуации, которая может быть передана плюсквамперфектом в силу специфики глагола (как в древнегреческом, (18a)) или путем замены на предельный глагол (как в испанском, (18б)).

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

- (16) а. *hoti ourō elēlythei hē hōra*
 ибо еще.не прийти.PPF.3SG DET.F.SG.NOM час.SG.NOM
autou.
 DEM.M.GEN.SG

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ

- б. *яко не ѹ бѣ пришѣлъ часъ его.*

ЛАТИНСКИЙ

- в. *quia nondum venerat hora eius.*
 ибо еще_не прийти.PPF.SG час.SG.NOM DEM.M.GEN.SG

АНГЛИЙСКИЙ

- г. *because his hour was not yet come.*

ИСПАНСКИЙ

- д. *porque aún no había llegado su hora.*
 ибо еще не AUX.IPF.SG наступить.PTCP.PST ego.SG час.SG
 (И искали схватить Его, но никто не наложил на Него руки.)
 ‘потому что еще не **пришел** час Его’. [Ин. 7:30]

- ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ
 (17) а. *oupō de elēlythei ho Iēsous*
 еще.не PTCL прийти.PPF.3SG DET.M.SG.NOM Иисус.NOM
eis tēn kōmēn
 в DET.F.SG.ACC селение.SG.ACC

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ
 б. Не ужé бо бѣ́ пришѣлъ́ ꙗ́сꙋъ въ вѣсь

ЛАТИНСКИЙ
 в. *nondum enim venerat Iesus in castellum*
 еще.не PTCL прийти.PPF.3SG Иисус.NOM в селение.ACC

АНГЛИЙСКИЙ
 г. *Now Jesus was not yet come into the town*

ИСПАНСКИЙ
 д. *Jesús todavía no había entrado en la aldea*
 Иисус еще не AUX.IPF.3SG войти.PTCP.PST в DET.F.SG
 селение.SG

‘Иисус еще не **входил** в селение’. [Ин. 11:30]

- ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ
 (18) а. *oudepō gar ēdeisan tēn graphēn*
 еще_не PTCL знать.PPF.3PL DET.F.SG.ACC писание.SG.ACC

ИСПАНСКИЙ
 б. *Porque aún no habían entendido la Escritura*
 ибо еще не AUX.IPF.3PL понять.PTCP.PAST DET.F.SG
 писание.SG

‘Ибо они еще не **знали** из Писания’ (<...>. [Ин. 20:9]

Контекст (19) широко известен как характерный пример аннулированного результата (ср. [Хабургаев 1986: 204–205]) о старо-

³ Выбор плюсквамперфекта в этом контексте объясняется свойствами древнегреческого стативного глагола, см. ниже.

славянском). Пример этот, в частности, демонстрирует пограничный статус между финитной и нефинитной — и даже неглагольной — стратегией. В латыни в парадигму т. н. отложительного (*passivum tantum*) глагола *mori* ‘умирать.INF.PASS’ входит конструкция с прилагательным *mortuus* ‘мертвый’: перфект *mortuus est*, плюсквамперфект *mortuus erat*. А. А. Зализняк показал, что фактически так же обстояло дело и с этимологическим когнатом *mortuus* — славянским прилагательным *мъртвъ*, эквивалентным перфекту *умърль* (*есть*) ([Зализняк 2004: 515], в том числе с примерами из древнерусских и старорусских текстов XII–XV вв.). Вместе с тем в английском и испанском *was dead* (19в), *era muerto* (19г) представляют собой уже чисто адъективные конструкции (аналогичные совр. рус. *был мертв*).

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ

(19) а. *якъ сынъ мой сѣи мѣртвъ бѣ, и оживѣ: и изгѣвалъ бѣ, и вобрѣтѣся*

ЛАТИНСКИЙ

б. *quia hic filius meus*
 ибо DEM.M.SG.NOM сын.SG.NOM мой.M.SG.NOM
mortuus erat et revixit,
 мертвый.M.SG.NOM быть.IPF.3SG и ожить.AOR.3SG
perierat et inventus est.
 пропасть.PPF.3SG и найти.PTCP.PST.PASS.M.SG.NOM быть.PRS.3SG

АНГЛИЙСКИЙ

в. *For this my son was dead, and is alive again; he was lost, and is found.*

ИСПАНСКИЙ

г. *porque este mi hijo muerto*
 ибо DEM.M.SG.NOM мой.SG сын.SG мертвый.M.SG
era, y ha revivido; se
 быть.IPF.3SG и AUX.PRS.3SG ожить.PTCP.PST REFL
había perdido, y es
 AUX.IPF.3SG пропасть.PTCP.PST и быть.PRS.3SG
hallado.
 найти.PTCP.PASS.M.SG

⟨...⟩ ‘Ибо этот сын мой **был мертв** и ожил, **пропадал** и нашелся’. [Лк. 15:24]

Важный класс употреблений плюсквамперфекта составляет экспериенциальность-в-прошедшем — перенос в план прошлого одного из характерных значений перфекта. Типологически нередко такое сочетание сопровождается эффектом «неактуального экспериенциала» (‘я не пил никогда вина, а теперь пью’, [Вострикова 2010; Сичинава 2019: 43] о славянских). В (20) перед нами именно такой контекст, где и в церковнославянском, и в английском, и в испанском плюсквамперфект появляется независимо от решений оригинала и, соответственно, Вульгаты, где этой формы нет. В примере (21) есть две клаузы, в которых возможен плюсквамперфект: предшествования / перфекта в прошедшем (Бог повелел Моисею создать скинию до того, как это было осуществлено) и экспериенциала в прошедшем (Моисей до создания скинии видел ее образец и имел соответствующее представление о ней). В латыни и древнегреческом плюсквамперфект выбран во второй клаузе (21), но не в первой, а в английском и испанском (для которых, как мы видели, характерна передача последовательности времен) — в обеих.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ

(20) а. Сосѣди же и ѿже **бяху видѣли** его прѣжде, якоу слѣпъ бѣ, глаголаху

АНГЛИЙСКИЙ

б. *The neighbours therefore, and they which before **had seen** him that he was blind, said*

ИСПАНСКИЙ

в. *Entonces los vecinos, y los que antes*
 тогда DET.M.PL сосед.М.РЛ и DET.M.PL REL раньше
*le **habían visto** que era*
 он.АСС AUX.ИРФ.3РЛ видеть.РТСР.РСТ СМТЗ быть.ИРФ.3СГ
ciego, decían
 слепой.М говорить.ИРФ.3РЛ

‘Тут соседи и **видевшие** прежде, что он был слеп, говорили:’
 ⟨не тот ли это, который сидел и просил милостыни?⟩ [Ин. 9:8]

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

- (21) а. *kathōs dietaxato ho*
 как повелеть.АОР.3SG DET.M.SG.NOM
lalōn tō Mōusē
 говорить.PTCP.PRS.ACT.M.SG.NOM DET.DAT.M.SG Моисей.DAT
poiēsai autēn kata ton typon
 сделать.АОР.ИНФ DEM.F.SG.ACC по DET.ACC.M.SG образец.ACC
hon heōrakei:
 REL.ACC.M.SG видеть.PPF.3SG

ЛАТИНСКИЙ

- б. *sicut disposuit, qui loquebatur ad*
 как повелеть.PF.3SG REL.M.SG.NOM говорить.ИПФ.3PL к
Moysen, ut faceret illud secundum
 Моисей.ACC чтобы сделать.ИПФ.CONJ.3SG DEM.N.ACC по
format, quam viderat.
 образец.ACC.SG REL.F.ACC видеть.PPF.3SG

АНГЛИЙСКИЙ

- в. *as he had appointed, speaking unto Moses, that he should make it according to the fashion that he had seen.*

ИСПАНСКИЙ

- г. *como había ordenado Dios cuando*
 как AUX.ИПФ.3SG повелеть.PTCP.PST Бог когда
dijo a Moisés que lo
 сказать.АОР.3SG к Моисей CMTZ DEM.ACC
hiciese conforme al
 сделать.ИНФ.CONJ.3SG согласно PREP.DEM.M.SG
modelo que había visto.
 образец.SG REL AUX.ИПФ.3SG видеть.PTCP.PST

〈Ския свидетельства была у отцов наших в пустыне,〉 ‘как повелел Говоривший Моисею сделать ее по образцу, им **виденному**’. [Деян. 7:44]

Отдельная категория примеров (их всего шесть) связана с неактуальными продолжительными ситуациями в плане прошлого,

известными в традиции описания плюсквамперфектных значений как *frame past / past temporal frame* [Dahl 1985: 146–147]. Сравнительная редкость этих примеров объясняется тем, что во многих языках глаголы состояния и глагол-связка лишь маргинально употребимы в плюсквамперфекте (в том числе такие языки, как древнегреческий, старо/церковнославянский, древнерусский, болгарский, немецкий). В примере (22) (не считая древнегреческого и церковнославянского, где конструкция иная) плюсквамперфект использован только в английском языке, в то время как в латыни и испанском выбран простой **перфективный** претерит бытийного глагола (соответственно *fuit, fue*). Предпочтя его имперфекту, переводчики избегают ложной интерпретации, при которой Соломон родился во время брака Вирсавии с Урией (а не уже когда Давид устранил соперника и женился на ней). Таким образом, в контекстах типа (22) в языках, располагающих видовым различием во временном плане прошедшего, плюсквамперфект избыточен.

АНГЛИЙСКИЙ

(22) *And Jesse begat David the king; and David the king begat Solomon of her that **had been** the wife of Urias;*

‘Иессей родил Давида царя; Давид царь родил Соломона от **бывшей** за Уриею <...>’ [Мф. 1:6]

В примерах (23) и (24) видно, что в число возможных стратегий передачи этого значения входит и пассив в прошедшем, с описанием ситуации при помощи иного глагола. В (23а) и (24а) в латыни, а в (24) и в испанском задействован плюсквамперфект пассива (букв. ‘сделалось’, ‘было положено’ в значении ‘произошло’, ‘лежало’). При этом в (23а) выступает обычный латинский плюсквамперфект пассива (со вспомогательным глаголом в имперфекте), а в (24а) в плюсквамперфект ставится и вспомогательный глагол. Таким образом, в (24а) это «плюсквамперфект второй степени удаленности», аналоги которого есть в некоторых языках, например, немецком [Сичинава 2013: 145–150]. Очевидно, это связано с тем, что прагматическое последствие ситуации ‘произошло’

в (23а) в точке отсчета сохраняется, а в (24а) ситуация ‘лежало’ прекращена.

ЛАТИНСКИЙ

- (23) а. *Et qui viderant, narraverunt illis*
 и REL.M.PL.NOM видеть.PPF.3PL рассказать.PF.3PL DEM.DAT.PL
qualiter factum esset
 как сделать.PTCP.PASS.N.SG быть.IPF.CONJ.3SG
ei, qui daemonium habuerat
 DEM.M.DAT.SG REL.M.SG.NOM бес.ACC.SG иметь.PPF.3PL

АНГЛИЙСКИЙ

- б. *And they that **saw (PST)** it told them how it **befell (PST)** to him that **was possessed (PST.PASS)** with the devil*

ИСПАНСКИЙ

- в. *Y les contaron los que lo*
 и они.DAT рассказать.AOR.3PL они.NOM REL это
habían visto, cómo le había
 aux.IPF.3PL видеть.PTCP.PST как он.DAT AUX.IPF.3SG
acontecido al que había
 произойти.PTCP.PST PREP.DET.M.SG REL AUX.IPF.3SG
tenido el demonio
 иметь.PTCP.PST DET.M.SG бес.SG

‘Видевшие рассказали им о том, как это произошло с **бесноватым**’ (в латинском и испанском переводе букв.: с тем, кто **имел** беса). [Мк. 5:16]

ЛАТИНСКИЙ

- (24) а. *ubi positum fuerat corpus Iesu.*
 где положить.PTCP.PST.PASS.N.SG быть.PPF.3SG тело.N.SG Иисус

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ

- б. *ИДЪЖЕ БЪ ЛЕЖАЛО ТЪБЛО ИЪСОВО.*

АНГЛИЙСКИЙ

- в. *where the body of Jesus had lain.*

ИСПАНСКИЙ

г. *donde el cuerpo de Jesús **había***
 где DET.M.SG тело.SG PREP Иисус AUX.IPF.3SG

sido** **puesto.
 быть.PTCP.PST положить.PTCP.PASS.M.SG

⟨...И видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног;⟩ ‘где лежало тело Иисуса’. [Ин. 20:12]

Пример (24) в старославянском и других славянских языках разобран также в [Барентсен 2015б: 16–17]; употребление плюсквамперфекта связано с предотвращением ложной интерпретации, при которой ангелы и тело Христа находились в гробнице одновременно (это, однако, не препятствует имперфекту в древнегреческом и отсутствию уточнения типа *раньше* в русском).

Плюсквамперфект пассива засвидетельствован также в четырех древнегреческих примерах. В рассмотренных переводах используется пассив в прошедшем (ср. вторую клаузу из (25) и пример (26)). В первой клаузе из (25) выступает также контекст аннулированного результата (Лазарь умер, но был воскрешен), на который реагируют испанский и латинский переводы. В других, более поздних английских переводах, например, в New American Standard, «умершему» соответствует *the man who **had died***.

Заметим, что лат. *mortuus erat* ‘мертвый быть.IPF’ — это, как мы видели (19б), уже плюсквамперфект глагола *mori*, так что конструкция *fuerat mortuus* ‘быть.PPF мертвый’ (25б) может быть проинтерпретирована не только как сочетание плюсквамперфекта связи с прилагательным, но еще и как форма парадигмы того же глагола с плюсквамперфектом «второй степени удаленности», сигнализирующим, как и в (24а), антирезультативный контекст. В любом случае контекст (25) демонстрирует различие между древнегреческим, для которого важна именно результативная интерпретация, и другими языками, выбирающими плюсквамперфект в антирезультативной.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

(25) а. *exēlthen ho tethnēkōs*
 выйти.AOR.3SG DET.M.SG.NOM умереть.PTCP.PASS.PF.ACT.NOM.SG

<i>dedemenos</i>	<i>tous</i>	<i>podas</i>	<i>kai</i>
связать.PTCP.PASS.PF.M.NOM.SG	DET.M.ACC.PL	нога.ACC.PL	и
<i>tas</i>	<i>cheiras</i>	<i>keiriais,</i>	<i>kai hē</i>
DET.F.ACC.PL	рука.ACC.PL	пелена.DAT.PL	и DET.F.NOM.SG
<i>opsis</i>	<i>autou</i>	<i>soudariō</i>	<i>periededeto</i>
лицо.NOM.SG	DEM.M.SG.GEN	платок.DAT.SG	обвязать.PPF.PASS.3SG

ЛАТИНСКИЙ

б. <i>Prodiit,</i>	<i>qui</i>	<i>fuera</i>	<i>mortuus,</i>
выйти.PF.3SG	REL.M.SG.NOM	быть.PPF.3PS	мертвый.M.SG.NOM
<i>ligatus</i>		<i>pedes</i>	<i>et manus</i>
связать.PTCP.PASS.PST.M.NOM.SG		нога.ACC.PL	и рука.ACC.PL
<i>institis;</i>	<i>et facies</i>	<i>illius</i>	<i>sudario</i>
пелена.ABL.PL	и лицо.NOM.SG	DEM.M.SG.GEN	платок.ABL.SG
<i>erat</i>	<i>ligata.</i>		
быть.IPF.3SG	связать.PTCP.PASS.PST.F.NOM.SG		

АНГЛИЙСКИЙ

- в. *And he that **was dead** came forth, bound hand and foot with graveclothes: and his face **was bound** about with a napkin.*

ИСПАНСКИЙ

г. <i>Y el</i>	<i>que había</i>	<i>muerto</i>	
и DEM.M.SG	REL AUX.IPF.3SG	умереть.PTCP.PST	
<i>salió,</i>	<i>atadas</i>	<i>las</i>	<i>manos y</i>
выйти.AOR.3SG	связать.PTCP.PASS.F.PL	DET.F.PL	рука.PL и
<i>los</i>	<i>pies con vendas,</i>	<i>y el</i>	<i>rostro</i>
DET.M.PL	нога.PL PREP пелена.PL	и DET.M.SG	лицо.SG
<i>envuelto</i>	<i>en un</i>	<i>sudario.</i>	
обернуть.PTCP.PASS.M.SG	в INDET.M.SG	платок.SG	

‘И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лицо его **обвязано было** платком’.
[Ин. 11:44]

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

(26) <i>eph'</i>	<i>hou</i>	<i>hē</i>	<i>polis</i>
на	REL.N.GEN.SG	DET.F.SG.NOM	город.SG,NOM

ōkodomēto *autōn,*
 построить.PPF.PASS.3SG DEM.M.GEN.PL

⟨...И, встав, выгнали Его вон из города и повели на вершину горы,⟩ ‘на которой город их **был построен**’, ⟨чтобы свергнуть Его⟩. [Лк. 4:29]

Сюда же примыкает и такой класс примеров, как стативные глаголы, выступающие в перфектной серии (‘знать’, ‘сидеть’, ‘привыкнуть’). Плюсquamперфект от них означает стативную ситуацию в точке наблюдения во временном плане прошлого. Такое употребление характерно для древнегреческого и в меньшей степени для латыни; аналогичную этимологию имеет архаичная английская конструкция *be wont to*, использованная в (27в). В (28) древнегреческий глагол такой семантики (в индикативе) встретился в контрфактическом контексте. Отметим, что в латинском переводе плюсquamперфект конъюнктива употреблен и в относительном предложении в (27б).

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ
 (27) а. *Kata de heortēn eīothei*
 PREP PTCL праздник.ACC.SG иметь_обычай.PPF.3SG
ho hēgemōn apolyein
 DET.M.NOM.SG начальник.NOM.SG отпускать.INF.PRS
hena tō ochlō desmion
 один.M.ACC.SG DET.M.DAT.SG толпа.DAT.SG узник.SG.ACC
hon ēthelon.
 REL.M.ACC.SG хотеть.IPF.3PL

ЛАТИНСКИЙ
 б. *Per diem autem sollemnem*
 на день.ACC.SG PTCL праздничный.ACC.SG
consueverat praeses
 иметь_обыкновение.PPF.3SG начальник.NOM.SG
dimittere turbae unum vincum,
 отпускать.INF толпа.DAT.SG один.M.SG.ACC узник.SG.ACC
quem voluissent.
 REL.M.SG.ACC хотеть.PPF.CONJ.3PL

АНГЛИЙСКИЙ

в. *Now at that feast the governor was (PST) wont (ADJ < PTCP) to release unto the people a prisoner, whom they would.*

‘На праздник же (Пасхи) правитель **имел обычай** отпускать народу одного узника, которого **хотели**’. [Мф. 27:15]

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

(28) *Ei ēdeis tēn dōrean tou*
если знать.PPF.IND.2SG DET.F.ACC.SG дар.ACC.SG DET.M.GEN.SG

Theou

Бог.GEN

‘Если **бы** ты **знала** дар Божий’ (и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую). [Ин. 4:10]

Перейдем теперь к чистым примерам контрфактического употребления плюсквамперфекта (их в нашем материале 10). В древнегреческом и английском выступает плюсквамперфект индикатива, в латыни и в испанском — плюсквамперфект конъюнктива. Особого внимания заслуживает славянская конструкция, восходящая, по-видимому, также к праславянской плюсквамперфектной форме, рано получившей ирреальное значение (ср. об этом, в частности, [Сичинава 2013: 169 и след.]).

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

(29) а. *ei mē epekeklēto Kaisara.*
если не апеллировать.PPF.3SG кесарь.ACC.SG

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ

б. **Ѧще не бы кѣсаря нарицѧлъ (COND).**

ЛАТИНСКИЙ

в. *si non appellasset Caesarem*
если не апеллировать.PPF.CONJ.3SG кесарь.ACC.SG

АНГЛИЙСКИЙ

г. *if he had not appealed unto Caesar.*

⟨И сказал Агриппа Фесту: можно было бы освободить этого человека,⟩ ‘если бы он не потребовал суда у кесаря’. [Деян. 26:32]

В заключение нашего разбора рассмотрим пример, где оба рассмотренных нами абсолютно-относительных времени с семантической точки зрения пересекаются. Речь идет о контексте в условно-временном придаточном, где точка отсчета находится во временном плане будущего. Однако в английском раннего Нового времени выбирается не предбудущее, а плюсквамперфект (по сравнению с имперфектом конъюнктива в латыни или испанском).

АНГЛИЙСКИЙ

- (30) а. *And it **was revealed** unto him by the Holy Ghost, that he should not see death, before he **had seen** the Lord's Christ.*

ИСПАНСКИЙ

- б. *Y le **había sido revelado***
 и он.DAT AUX.IPF.3SG быть.PTCP.PST открыть.PTCP.PAST
por el Espíritu Santo, que no
 PREP DET.M.SG дух.SG святой.SG CMTZ не
vería la muerte antes que
 видеть.COND.3SG DET.F.SG смерть.SG до CMTZ
viese al Ungido del
 видеть.IPF.CONJ.3SG PREP.DET.M.SG Помазанник PREP.DET.M.SG
Señor.
 Господь
 ‘Ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не **увидит** Христа Господня’. [Лк. 2:26]

Этот пример демонстрирует, что в языке Библии короля Якова употребление плюсквамперфекта в ирреальном значении было шире, чем в современном английском, где оно ограничено клаузой, выражающей следствие в контрфактической условной конструкции. Нестандартное для современного языка ирреальное употребление плюсквамперфекта отмечено и в (31), где плюсквамперфектная конструкция выступает в одном ряду с контрфактическим *should have redeemed*. Таксисная интерпертация тут невозможна: вряд ли земная жизнь Иисуса хронологически предшествовала появлению надежды, в древнегреческом и в латыни семантики предшествования

нет (используется презенс). Отметим кстати, что в русском Синодальном переводе разочарование в надежде выражено при помощи восходящей к древнерусскому плюсквамперфекту конструкции с частицей *было* (при матричном глаголе *надеяться*). О ее модальной семантике «нарушения ожидаемого развития (макро)ситуации» см., в частности, [Barentsen 1986; Князев 2004; Kagan 2011] и др.

АНГЛИЙСКИЙ

(31) *But we trusted that it **had been** he which should have redeemed Israel: and beside all this, to day is the third day since these things were done.*

‘А мы надеялись было, что Он **есть** Тот, Который должен избавить Израиля; но со всем тем, уже третий день ныне, как это произошло’. [Лк. 24:21]

4. Заключение

Исследование показало, что в небольшой и типологически разнообразной выборке идиолектов переводчиков представлен широкий диапазон употреблений плюсквамперфекта и предбудущего, в том числе некомпозициональные. Полученные результаты включают, в частности:

- 1) пересечение между употреблениями обеих форм в ирреальном контексте (в английском);
- 2) неоднозначность между предбудущим и перфектом конъюнктива, частично омонимичными / омографичными, в контексте неопределенной временной референции (в латыни);
- 3) зависимость выбора плюсквамперфекта в таксисном значении vs простого прошедшего от синтаксического контекста (независимые предложения, большая частотность во *when-clauses*);
- 4) различные детали, связанные с употребительностью плюсквамперфекта в отдельных языках.

Дальнейшим направлением исследования будет привлечение нескольких библейских переводов на один язык — как для изучения диахронических изменений в употреблении плюсквамперфекта, так и для нейтрализации эффектов, связанных с нефинитными стратегиями и иными переводческими решениями, непоказательными с точки зрения выбора плюсквамперфекта и предбудущего.

Список условных сокращений

2, 3 — 2, 3 лицо; AVL — аблатив; ACC — аккузатив; ACT — действительный залог; ADJ — прилагательное; AOR — аорист (перфективное прошедшее); AUX — вспомогательный глагол; CMTZ — комплементаризер (показатель изъяснительного предложения); COND — кондиционал, условное наклонение (в английском и церковнославянском); CONJ — конъюнктив; DAT — датив, DEM — указательное / анафорическое местоимение; DET — определенность; F — женский род; FUT — будущее; FUT2 — предбудущее; GEN — генитив; GER — герундий / деепричастие; IMP — императив; IND — индикатив; INDET — неопределенность; INF — инфинитив; IPF — имперфект; M — мужской род; N — средний род; NOM — номинатив; PASS — пассив; PF — перфект, в том числе Perfectum в латинском; PL — множественное число; PPF — плюсквамперфект; PREP — предлог; PRO — местоимение; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PTCP — причастие; REFL — рефлексив; REL — показатель относительного предложения, SG — единственное число.

Литература

- Барентсен 2015a — А. Барентсен. Наблюдения о встречаемости плюсквамперфекта в переводах евангелий на славянские языки // Л. Попович, Д. Войводич, М. Номати (ред.). В пространстве лингвистической славистики. Сборник научных статей. В честь 65-летия академика Предрага Пипера. Белград: Белградский университет, 2015. С. 135–160.
- Барентсен 2015b — А. Барентсен. Вид и плюсквамперфект в славянских языках // М. Китадзё (ред.). Аспектуальная семантическая зона: Типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 13–15 ноября 2015 г. Киото: Университет Киото Сангё, 2015. С. 14–20.

- Вострикова 2010 — Н. В. Вострикова. Типология средств выражения экспериментального значения. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2010.
- Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Ибрагимов 2009 — И. И. Ибрагимов. Таксис в древнегреческом языке // В. С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. С. 470–503.
- Кашкин 1991 — В. Б. Кашкин. Функциональная типология перфекта. Воронеж: ВГУ, 1991.
- Князев 2004 — Ю. П. Князев. Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // Ю. Д. Апресян (ред.). Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 296–304.
- Козлов 2015 — А. А. Козлов. Futurum pro habituali в русском, мокшанском и удмуртском // Тезисы к конференции «Типология морфосинтаксических параметров», Москва, октябрь 2015.
- Макарова 2020 — А. Макарова. Футурально-хабитуальная полисемия в балканских языках // *Die Welt der Slaven*. 2020. Vol. 65. № 1. С. 200–213.
- Пенькова 2019 — Я. А. Пенькова. Модально-эвиденциальные стратегии предбудущего: анкетирование и корпусные данные // *Вопросы языкознания*. 2019. № 6. С. 7–31. DOI: 10.31857/S0373658X0007544-7.
- Петрухин 2008 — П. В. Петрухин. Дискурсивные функции древнерусского книжного плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей) // В. А. Плунгян, В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные категории. М.: Индрик, 2008. С. 213–240.
- Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ, 2013.
- Сичинава 2016 — Д. В. Сичинава. Европейский перфект сквозь призму параллельного корпуса // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2016. Т. XII. Ч. 2. С. 85–114.
- Сичинава 2019 — Д. В. Сичинава. Славянский плюсквамперфект: пространства возможностей // *Вопросы языкознания*. 2019. № 1. С. 30–57. DOI: 10.31857/S0373658X0003593-1.
- Сичинава 2022 — Д. В. Сичинава. Многозначность предбудущего в романских языках в типологическом контексте // *Вопросы языкознания*. 2022. № 4. С. 48–65. DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.48-65.
- Стойнова 2016 — Н. М. Стойнова. Нефутуральные употребления форм будущего времени // *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики* (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016.
- Хабургаев 1986 — Г. А. Хабургаев. Старославянский язык. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1986.

- Anderson 1982 — L. Anderson. The ‘perfect’ as a universal and as a language-specific category // P. Hopper (ed.). *Tense-aspect: Between semantics and pragmatics*. Amsterdam: John Benjamins, 1982. P. 227–264. DOI: 10.1075/tsl.1.16and.
- Barentsen 1986 — A. A. Barentsen. The use of the particle БЫЛЛО in modern Russian // *Dutch Studies in Russian Linguistics*. 1986. Vol. 8. P. 1–68.
- Bertinetto 1987 — P. M. Bertinetto. Why the passé antérieur should be called passé immédiatement antérieur // *Linguistics*. 1987. № 25. P. 341–360. DOI: 10.1515/ling.1987.25.2.341.
- Bybee et al. 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1994.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Dahl 2014 — Ö. Dahl. The perfect map: Investigating the cross-linguistic distribution of TAME categories in a parallel corpus // B. Szmrecsanyi, B. Wälchli (eds.). *Aggregating dialectology, typology, and register analysis. Linguistic variation in text and speech*. Berlin: Walter de Gruyter, 2014. P. 268–289. DOI: 10.1515/9783110317558.268.
- Dahl, Wälchli 2016 — Ö. Dahl, B. Wälchli. Perfects and iamitives: two gram types in one grammatical space // *Letras de Hoje*. 2016. Vol. 51. № 3. P. 325–348.
- Goeringer 1995 — K. Goeringer. The Motivation of Pluperfect Auxiliary Tense in the Primary Chronicle // *Russian Linguistics*. 1995. Vol. 19. № 3. P. 319–332. DOI: 10.1007/BF01080602.
- Hope 2003 — J. Hope. *Shakespeare’s Grammar*. London: Bloomsbury, 2003.
- Kagan 2011 — O. Kagan. The actual world is abnormal: on the semantics of the bylo construction in Russian // *Linguistics and Philosophy*. 2011. Vol. 34. P. 57–84. DOI: 10.1007/s10988-011-9093-6.
- Plungian, van der Auwera 2006 — V. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking // *STUF — Language typology and universals*. 2006. Vol. 59. № 4. P. 317–349. DOI: 10.1524/stuf.2006.59.4.317.
- Squartini 1999 — M. Squartini. On the semantics of pluperfect: evidences from Germanic and Romance // *Linguistic Typology*. 1999. № 3. P. 51–89. DOI: 10.1515/lity.1999.3.1.51.

References

- Anderson 1982 — L. Anderson. The ‘perfect’ as a universal and as a language-specific category. P. Hopper (ed.). *Tense-aspect: Between semantics and pragmatics*. Amsterdam: John Benjamins, 1982. P. 227–264. DOI: 10.1075/tsl.1.16and.

- Barentsen 1986 — A. A. Barentsen. The use of the particle БЫЛО in modern Russian. *Dutch Studies in Russian Linguistics*. 1986. Vol. 8. P. 1–68.
- Barentsen 2015a — A. Barentsen. Nablyudeniya o vstrechayemosti plyuskvamperfekta v perevodakh yevangelii na slavyanskiye yazyki [Observations of the frequency of pluperfect in the Slavic translations of Gospels]. L. Popovich, D. Voyvodich, M. Nomati (eds.). *V prostranstve lingvisticheskoy slavistiki. Sbornik nauchnykh statey. V chest 65-letiya akademika Predraga Pipera* [The cosmos of linguistic Slavistic studies. Festschrift for Academician Predrag Piper]. Belgrade: University of Belgrade Press, 2015. P. 135–160.
- Barentsen 2015b — A. Barentsen. Vid i plyuskvamperfekt v slavyanskikh yazykakh [Aspect and pluperfect in Slavic]. M. Kitajo (ed.). *Aspektualnaya semanticheskaya zona: Tipologiya sistem i stsenarii diakhronicheskogo razvitiya. Sbornik statey V Mezhdunarodnoy konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov* [Aspectual semantic zone: a typology of systems and paths of diachronic change. Proceedings of the 5th International conference of the Aspectological commission of the International committee of Slavists]. Kyoto: Kyoto Sangyo University, 2015. P. 14–20.
- Bertinetto 1987 — P. M. Bertinetto. Why the passé antérieur should be called passé immédiatement antérieur. *Linguistics*. 1987. No. 25. P. 341–360. DOI: 10.1515/ling.1987.25.2.341.
- Bybee et al. 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1994.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Dahl 2014 — Ö. Dahl. The perfect map: Investigating the cross-linguistic distribution of TAME categories in a parallel corpus. B. Szmrecsanyi, B. Wälchli (eds.) *Aggregating dialectology, typology, and register analysis. Linguistic variation in text and speech*. Berlin: Walter de Gruyter, 2014. P. 268–289. DOI: 10.1515/9783110317558.268.
- Dahl, Wälchli 2016 — Ö. Dahl, B. Wälchli. Perfects and iamitives: two gram types in one grammatical space. *Letras de Hoje*. 2016. Vol. 51. No. 3. P. 325–348.
- Goeringer 1995 — K. Goeringer. The Motivation of Pluperfect Auxiliary Tense in the Primary Chronicle. *Russian Linguistics*. 1995. Vol. 19. No. 3. P. 319–332. DOI: 10.1007/BF01080602.
- Hope 2003 — J. Hope. *Shakespeare's Grammar*. London: Bloomsbury, 2003.
- Ibragimov 2009 — I. I. Ibragimov. Taksis v drevnegrecheskom yazyke [Taxis in Ancient Greek]. V. S. Khrakovskiy (ed.). *Tipologiya taksisnykh konstruksiy* [Typology of taxis constructions]. Moscow: Znack, 2009, P. 470–503.

- Kagan 2011 — O. Kagan. The actual world is abnormal: on the semantics of the *by-lo* construction in Russian. *Linguistics and Philosophy*. 2011. Vol. 34. P. 57–84. DOI: 10.1007/s10988-011-9093-6.
- Kashkin 1991 — V. B. Kashkin. *Funktsionalnaya tipologiya perfekta* [A functional typology of the perfect]. Voronezh: Voronezh State University Press, 1991.
- Khaburgayev 1986 — G. A. Khaburgayev. *Staroslavjanskij yazyk* [Old Church Slavonic]. 2nd ed. Moscow: Prosveshcheniye, 1986.
- Knyazev 2004 — Yu. P. Knyazev. Forma i znachenije konstruksiy s chastitsey *by-lo* v russkom yazyke [Form and meaning of the Russian constructions with *by-lo* particles in Russia]. Yu. D. Apresyan (ed.). *Sokrovennyye smysly. Slovo, tekst, kultura. Sbornik statey v chest N. D. Arutyunovoy* [Hidden meanings. Word, text, and culture. Festschrift for Nina Arutyunova]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. P. 296–304.
- Kozlov 2015 — A. A. Kozlov. Futurum pro habituali v russkom, mokshanskom i udmurtskom [Futurum pro habituali in Russian, Moksha and Udmurt]. *Tezisy k konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov»* [Abstracts for the Typology of Morphosyntax parameters conference]. Moscow, October 2015.
- Makarova 2020 — A. Makarova. Futuralno-khabitualnaya polisemiya v balkanskikh yazykakh [Polysemy between futures and habituals in Balkanic languages]. *Die Welt der Slaven*. 2020. Vol. 65. No. 1. P. 200–213.
- Penkova 2019 — Ya. A. Penkova. Modalno-evidentsialnyye strategii predbudushchego: anketirovaniye i korpusnyye dannyye [Modal and evidential strategies of the future anterior: questionnaires and corpus data]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2019. No. 6. P. 7–31. DOI: 10.31857/S0373658X0007544-7.
- Petrukhin 2008 — P. V. Petrukhin. Diskursivnyye funktsii drevnerusskogo knizhnogo plyuskvamperfekta (na materiale Kiyevskoy i Galitsko-Volynskoy letopisey) [Discourse functions of the Old East Slavic literary form of the pluperfect, exemplified by Kyiv and Halych-Volyn Chronicles]. V. A. Plungian, V. Yu. Gusev, A. Yu. Urmanchiyeva (eds.). *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 4: Diskursivnyye kategorii* [Issues in grammar theory. Pt. 4: Discourse categories]. Moscow: Indrik, 2008. P. 213–240.
- Plungian, van der Auwera 2006 — V. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking. *STUF — Language typology and universals*. Vol. 59. No. 4. 2006. P. 317–349. DOI: 10.1524/stuf.2006.59.4.317.
- Sitchinava 2013 — D. V. Sitchinava. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskij plyuskvamperfekt* [A typology of the pluperfect. The Slavic pluperfect]. Moscow: AST, 2013.
- Sitchinava 2016. — D. V. Sitchinava. Yevropeyskiy perfekt skvoz prizmu parallel'nogo korpusa [The European perfect through the lens of a parallel corpus]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2016. Vol. XII. Pt. 2. P. 85–114.

- Sitchinava 2019 — D. V. Sitchinava. Slavyanskiy plyuskvamperfekt: prostranstva vozmozhnostey [Slavic pluperfect: loci of variation]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2019. No. 1. P. 30–57. DOI: 10.31857/S0373658X0003593-1.
- Sitchinava 2022 — D. V. Sitchinava. Mnogoznachnost predbudushchego v romanskikh yazykakh v tipologicheskom kontekste [Future anterior polysemy in Romance within a typological context]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2022. No. 4. P. 48–65. DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.48-65.
- Squartini 1999 — M. Squartini. On the semantics of pluperfect: evidences from Germanic and Romance. *Linguistic Typology*. 1999. No. 3. P. 51–89. DOI: 10.1515/lity.1999.3.1.51.
- Stoynova 2016 — N. M. Stoynova. Nefuturalnyye upotrebleniya form budushchego vremeni [Non-futural uses of the Future]. *Materialy dlya proyekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki* [Materials for the project of a corpus-based Russian grammar] (<http://rusgram.ru>). Ms. Moscow, 2016.
- Vostrikova 2010 — N. V. Vostrikova. *Tipologiya sredstv vyrazheniya eksperiyentivnogo znacheniya* [Typology of the means of expression of experiential meaning]. PhD thesis. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2010.
- Zalizniak 2004 — A. A. Zalizniak. *Drevnenovgorodskiy dialekt* [The Old Novgorod Dialect]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004.

Получено / received 04.04.2022

Принято / accepted 08.09.2022

Континуативные контексты в Евангелии от Луки

А. Б. Панова

Стокгольмский университет (Стокгольм, Швеция);
anastasia.b.panova@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0793-671X

Аннотация. В статье рассматриваются употребления показателей континуатива ('все еще') в переводах Евангелия от Луки на тридцать три языка. В результате сплошного анализа текста Евангелия было выделено семнадцать контекстов, удовлетворяющих условиям, необходимым для употребления континуативного показателя. В работе обсуждается, в какой степени число вхождений континуативного показателя в континуативных контекстах отражает степень его грамматикализации.

Ключевые слова: континуатив, фазовая полярность, фазовые значения, грамматикализация, параллельные корпуса, Новый Завет.

Благодарности: Я признательна Т. А. Майсаку и М. Л. Федотову за помощь с поиском данных, а также П. М. Аркадьеву, Е. А. Баклановой, П. Л. Наследковой и А. А. Смирнитской за помощь с глоссированием примеров. Все ошибки на совести автора.

Continuative contexts in the Gospel of Luke

Anastasia B. Panova

Stockholm University (Stockholm, Sweden); anastasia.b.panova@gmail.com;
ORCID 0000-0003-0793-671X

Abstract. This paper discusses continuative expressions in parallel translations of the Gospel of Luke. According to the definition proposed in the paper, continuative expressions (markers) refer to a situation which has started before the reference time and exists at the reference time (expressions describing situations resumed after

a break are excluded from the analysis). In addition, the given state of affairs may (but does not have to) be compared to the speaker's expectations. The sample database compiled for the study consists of 38 continuative expressions in 33 genealogically diverse languages (the data for 29 languages were automatically extracted from the "Stockholm" Parallel Bible Corpus, the data for 4 more languages — Abaza (Northwest Caucasian), Lezgian (East Caucasian), Gban (Mande), Warlpiri (Pama-Nyungan) — were added manually). Since most continuative expressions are polysemous, the examined translations of the Gospel of Luke include, along with their occurrences in the continuative meaning, also their uses in additive, repetitive and other functions. Based on the analysis of the translations of the Gospel of Luke to Russian and English, all possible non-continuative uses were filtered out, and 17 potentially continuative contexts in the Gospel of Luke were selected. It was hypothesized that a high number of occurrences of a continuative marker in these continuative contexts implies a high degree of its obligatoriness and hence an advanced stage of its grammaticalization. However, my findings show rather mixed results. Many of the selected potentially continuative contexts turned out to represent a typologically rare type of 'while/when'-constructions, whereas the number of more standard continuative contexts is too insignificant to allow for a thorough analysis. It appears, therefore, that the Gospel of Luke is hardly an ideal source for a study of continuative expressions, and the end results of the present research should be taken with certain caution.

Keywords: continuative, phasal polarity, phasal meanings, grammaticalization, parallel corpora, New Testament.

Acknowledgements: I am grateful to Timur Maisak and Maksim Fedotov for their help with collecting the data, and to Peter Arkadiev, Ekaterina Baklanova, Polina Nasledskova and Anna Smirnitskaya for their help with glossing the examples. All errors are mine.

1. Введение

Континуатив — одно из значений лексико-грамматической категории фазовой полярности, указывающее на то, что ситуация имела место в момент времени t_0 и в некоторый предшествующий момент времени t_1 (см. более подробное обсуждение семантики континуатива в *Разделе 2*). В русском языке значение континуатива обычно

выражается с помощью наречия (*все*) *еще* (1) или с помощью глагола *продолжать* (2).

- (1) *Неужели это старуха **все еще** сидит в моем кресле?* [НКРЯ; Д. И. Хармс. Старуха (1939)]
- (2) *Водитель и его жена выходят, а теща **продолжает** сидеть на заднем сиденье.* [НКРЯ; Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989)]

В статье обсуждаются употребления показателей континуатива в переводах Евангелия от Луки на языки мира. В выборку, используемую в работе, вошло 38 показателей континуатива в 33 языках; полный список показателей приводится в *Разделе 4*. При включении языка в выборку проверялось, во-первых, есть ли для данного языка перевод Евангелия от Луки, и, во-вторых, нет ли в уже составленной части выборки языков, ему близкородственных, — таким образом выборка получилась генеалогически разнообразной, хоть и не покрывающей в равной степени все ареалы.

Методологически настоящее исследование близко целому ряду работ, анализирующих различные лексико-грамматические категории на материале параллельных текстов, ср. [Wälchli, Cysouw 2012] о глаголах движения, [Dahl, Wälchli 2016] о показателях перфекта и ямитива ('уже'), [Wälchli 2006; Löfgren 2020] о показателях рефактива и др. В перечисленных работах авторы анализируют, как в параллельных текстах распределены вхождения показателей определенной семантической зоны, и на основе этих данных говорят о внутренней структуре этой зоны. Так, Э. Даль и Б. Вельхли, проанализировав вхождения в параллельных текстах показателей перфекта и ямитива, приходят к выводу, что семантические области этих двух категорий пересекаются, и выделяют несколько типов показателей, характерных для конкретных генеалогических групп [Dahl, Wälchli 2016].

Похожим образом в настоящей работе рассматриваются употребления показателей континуатива, однако, в отличие от предыдущих исследований, употребления не во всем тексте Евангелия, а лишь

в контекстах, релевантных для континуатива, то есть удовлетворяющих условиям, необходимым для употребления континуативного показателя (см. *Раздел 2*). Контексты, релевантные для континуатива, отбирались вручную путем чтения Евангелия от Луки на русском и английском языках. Существенно, что данный подход позволяет легко исключить неkontинуативные употребления континуативных показателей (ср. аддитивное значение у русского континуатива *еще*) и сосредоточиться на свойствах показателей, не связанных напрямую с полисемией. В частности, в статье делается предположение, что число вхождений показателей континуатива в континуативных контекстах (по отношению к общему числу континуативных контекстов в тексте) можно интерпретировать как оценку степени грамматикализации этих показателей.

Статья устроена следующим образом. В *Разделе 2* вводится определение континуативного значения — оно необходимо для выделения континуативных контекстов в тексте. *Раздел 3* посвящен обсуждению контекстов, релевантных для континуатива. В *Разделе 4* представлены результаты сравнения показателей континуатива по числу вхождений в континуативных контекстах. В *Разделе 5* обсуждается, в какой степени число вхождений показателей континуатива отражает степень его грамматикализации. В заключительном *Разделе 6* делаются выводы о методологии, использованной в исследовании.

2. Семантика континуатива

Значения категории фазовой полярности представляют собой «утверждения о существовании или несуществовании ситуации по сравнению с некоторым более ранним моментом времени» [Плунгян 2011: 313], см. *Таблицу 1*. В частности, значение континуатива подразумевает, что ситуация существовала как в момент времени, о котором идет речь в предикации, так и в некоторый более ранний момент времени.

Таблица 1. Фазовые значения и термины, которыми они обозначались в литературе

Table 1. Phasal meanings and how they have been called in the literature

t_i	t_0	van Baar 1997	van der Auwera 1998	Плунгян 2011	другое
-	+	ALREADY	inchoative	инхоатив	ямитив [Olsson 2013]
+	+	STILL	continuative	континуатив	
-	-	NOT YET	continuative negative	кунктатив	нондум (nondum) [Veselinova 2015]
+	-	NO LONGER	discontinuative	терминатив	

С традицией описания фазовой полярности связаны, по крайней мере, две проблемы, нуждающиеся в кратком обсуждении.

Во-первых, из-за широкого использования терминов, приведенных в *Таблице 1* (в частности, термина «инхоатив», см., например, его классическое употребление в [Недялков 1987: 180]), может сложиться впечатление, что так называемые фазовые глаголы типа *начинать* и семантически близкие к ним аффиксальные показатели типа префикса *за-* должны выражать те же значения, что показатели фазовой полярности типа *уже*. На примерах (3а)–(3б) И. М. Горбунова показывает, что это не так: глагол *начинать* и префикс *за-* обозначают, по сути, новый предикат, обозначающий новую ситуацию¹, в то время как показатель фазовой полярности *уже* «лишь оценивает эту ситуацию с точки зрения ее существования в некоторый момент времени в прошлом» [Горбунова 2014: 36].

- (3) а. *в восемь утра я сомневался* vs *в восемь утра я уже сомневался*
 б. *в восемь утра я сомневался* vs *в восемь утра я засомневался / начал сомневаться*

¹ Ср. также описание семантики инхоативного показателя в ненецком языке в работе [Татевосов 2015: 108]: «Операция, которую производят такие показатели, — это именно изменение означаемого исходного событийного предиката, создаваемого на уровне *vP*».

Для континуатива ситуация представляется чуть более сложной: фазовый глагол *продолжать* (в несовершенном виде) взаимодействует с семантикой лексического предиката так же, как показатель (*все*) *еще*, ср. (4а), и, соответственно, должен считаться показателем фазовой полярности. В то же время глагол *продолжить* (в совершенном виде, ср. (4б)) имеет значение ‘продолжить после перерыва’², которое не имеет прямого отношения к категории фазовой полярности и в настоящей работе континуативным считаться не будет.

(4) а. *в восемь утра я сомневался vs в восемь утра я (все) еще сомневался / продолжал сомневаться*

б. *в восемь утра я сомневался vs в восемь утра я продолжил сомневаться*

Во-вторых, в литературе можно встретить утверждение, что обязательным компонентом значений фазовой полярности является нарушение ожиданий, см. [Plungian 1999; Плунгян 2011]. Это утверждение, впрочем, оспаривается в работах [van der Auwera 1993, 1998, 2021]. Й. ван дер Аувера утверждает, что наличие семантического компонента нарушенных ожиданий является параметром вариативности, и на примерах конкретных показателей фазовой полярности показывает, что они могут использоваться и в так называемых «нейтральных» сценариях, не подразумевающих нарушение ожиданий. Пример (5), сконструированный на основе примера для *still* ‘еще’ в [van Baar 1997: 32], демонстрирует, что континуатив *еще* грамматичен в нейтральном сценарии, то есть нарушенные ожидания не являются обязательной частью его значения.

(5) *⟨Петя собирается лететь из Лондона в Амстердам в 16.00. Ваня договорился встретиться с Петей в аэропорту в 15.00. В 15.00 Ваня может сказать:⟩ (Да, я знаю.) Петя еще в Лондоне.*

Итак, в рамках настоящей работы значение континуатива будет пониматься следующим образом: (а) ситуация X имеет место

² В [Стойнова 2013: 38] это значение называется «рефактивный континуатив».

в момент времени t_0 , (б) ситуация X имела место в предшествующий ему момент t_1 , при этом (в) между t_0 и t_1 ситуация не прерывалась и (г) положение дел в (а)–(в) может, но не обязано сопоставляться с чьими-либо ожиданиями.

3. Континуативные контексты

Контексты, имеющие необходимые семантические условия для употребления показателя фазовой полярности, далеко не всегда действительно содержат эти показатели. В [Dahl, Wälchli 2016] этот факт продемонстрирован для значения ‘уже’: индонезийский пример (6) включает показатель *sudah* ‘уже’, но в переводе на английский показатель *already* опущен.

- ИНДОНЕЗИЙСКИЙ
- (6) *kamu tidak bisa memakan-nya. Itu sudah busuk*
 ты не мочь есть-оно это **ИАМ** гнилой
 ‘You cannot eat it. It is rotten’. [Dahl, Wälchli 2016: 328]
 ‘Ты не можешь это есть. Оно сгнило (букв. «уже сгнило»)’.

Различия в употреблении *sudah* и *already* связаны с разной степенью обязательности этих показателей. Если показатель обязателен, он регулярно появляется в контекстах, которые в [Dahl, Wälchli 2016] называются «контексты естественного развития» (natural developments contexts). Такие контексты описывают события, которые рано или поздно наступают при нормальных обстоятельствах: кроме ‘быть (уже) гнилым’, например, ‘быть (уже) старым’ или, в традиционных культурах, ‘быть (уже) замужем’. Из значения таких предикатов очевидно следует, что в какой-то более ранний момент эта ситуация не имела места, поэтому употребление *already* здесь можно считать избыточным.

Различия в степени обязательности можно найти и у показателей континуатива. «Обязательные» континуативы, в отличие от «необязательных», обычно сопровождают такие контексты естественного

развития как ‘быть (еще) молодым’, ‘быть (еще) зеленым’ и ‘быть (еще) живым’, ср. (7)–(8) и их переводы.

АБАЗИНСКИЙ

- (7) *ara a-h^wasa j-wə-m-fa-n.*
 PROX DEF-алыча 3SG.N.ABS-2SG.M.ERG-NEG-есть-IMP.NEG
awəj j-wəzəša-rk^wa-b
 MED 3SG.N.ABS-зеленый-CONT-NPST

‘Не ешь эту алычу. Она зеленая (букв. «еще зеленая»)’. [Полевые данные автора]³

ЛАКОТА

- (8) *ní-akhe thiyáta ya-khí-pi ktA*
 жив-DER.CONT дом 2A-прибывать.обратно.туда-PL FUT.IRR

‘Ты вернешься домой живым (букв. «еще живым»)’. [Ullrich 2018: 279]

Для значения континуатива существует еще один важный тип контекстов, где можно заметить контраст между более обязательными и менее обязательными континуативными показателями, — это подчиненные клаузы со значением одновременного действия типа ‘пока / когда X (еще) совершал действие P, Y совершил действие Q’, ср. (9). Как и в предыдущих случаях, континуативная семантика здесь имплицитруется самой конструкцией: ‘ситуация совершения действия P происходила как в момент совершения действия Q, так и в некоторый момент времени до этого’.

ЯПОНСКИЙ

- (9) *mada nukumori ga nokot-te i-ru uchini*
 еще тепло NOM оставаться-CONV быть-PRS пока

‘Пока остается тепло’. [X. Мураками. 1Q84. Книга 2]

Как видно из приведенных примеров, при поиске континуативных контекстов опираться на вхождения показателей континуатива

³ Данные были собраны в с. Красный Восток Абазинского района Карачаево-Черкесской Республики в 2021 году.

(тем более таких показателей континуатива, как в русском или английском) нецелесообразно: многие контексты окажутся пропущены. Таким образом, было решено провести сплошной анализ каждой предикации в Евангелии от Луки и вручную найти контексты, описывающие ситуации, соответствующие определению значения континуатива. Так как континуатив не сочетается с перфективом, все ситуации в перфективном ракурсе сразу исключались, а оставшиеся ситуации были проанализированы на предмет присутствия в контексте информации о том, что данная ситуация имела место и в какой-то предшествующий момент времени. В результате было выделено 17 континуативных контекстов (они полностью приведены в *Таблице 3* в следующем разделе), 15 из которых оказались зависимыми клаузами со значением одновременного действия.

4. Континуативные показатели в континуативных контекстах

Чтобы понять, насколько часто включенные в выборку показатели континуатива встречаются в континуативных контекстах, нужно было, прежде всего, идентифицировать эти показатели в текстах переводов Евангелия от Луки. Двадцать девять переводов были взяты из «стокгольмского» параллельного корпуса библейских текстов⁴ (для каждого языка был взят один перевод, так что количество переводов равно количеству языков в выборке). С помощью специального скрипта⁵ для каждого из переводов были идентифицированы номера стихов, где встречается континуативный показатель. К сожалению, с достаточной степенью точности таким образом можно было получить данные только для морфологически свободных континуативов, поэтому еще на этапе составления выборки при прочих равных условиях отдавалось предпочтение языкам с не-аффиксальными

⁴ Я благодарна Р. Остлингу за предоставление доступа к корпусу.

⁵ См. <https://github.com/robertostling/parallel-tools>.

континуативами. В дополнение к двадцати девяти переводам, взятым из «стокгольмского» корпуса, были включены переводы Евангелия от Луки еще на четыре языка (лезгинский, абазинский, гбан и вальбири). Информация о том, как должны выглядеть показатели континуатива в имеющихся переводах, бралась из словарей и грамматик соответствующих языков. Полный список континуативных показателей, вошедших в выборку, и ссылки на литературу приведены в *Таблице 2*. В столбце «n» указано число вхождений континуативных показателей в континуативных контекстах, в столбце «n_t» — общее число вхождений в Евангелии от Луки (см. обсуждение и сравнение этих показателей в *Разделе 5*).

Таблица 2. Показатели континуатива, вошедшие в выборку

Table 2. The continuative markers included in the sample

№	язык (семья)	показатель	описание показателя в литературе	n	n_t
1	испанский (индоевропейские)	<i>todavía</i>	Butt et al. 2019: 446	5	7
2		<i>aún</i>	Butt et al. 2019: 446	0	1
3	хинди (индоевропейские)	<i>abhi</i>	Kachru 2006: 162	1	4
4	тайский (тай-кадайские)	<i>yang</i>	Higbie, Thinsan 2002: 105–107	11	67
5	тамилский (дравидийские)	<i>innum</i>	Lehmann 1993: 304	0	14
6	финский (финно-угорские)	<i>vielä</i>	Karlsson 1999: 132	8	22
7	турецкий (тюркские)	<i>daha</i>	Göksel, Kerslake 2005: 206	4	48
8	хмонг (мяо-яо)	<i>tseem</i>	Dej-Amorn 2006: 77	0	10
9	лезгинский (нахско-дагестанские)	<i>-zmal-nma</i>	Haspelmath 1993: 145	8	
10		<i>hele</i>	Haspelmath 1993: 210–211	3	

№	язык (семья)	показатель	описание показателя в литературе	n	n_t
11	грузинский (картвельские)	<i>jer k'idev</i>	Rayfield 2006: 1671	4	5
12	абазинский (абхазо-адыгские)	<i>-rkʷ(a)</i>	Табулова 1976: 206	9	
13		<i>wʒəg'əj</i>	Табулова 1976: 256, Panova 2021: 48–49	2	
14	корейский (изолят)	<i>acik</i>	Sohn 1994: 103	5	6
15	санго (креольский)	<i>ngba</i>	Samarin 1970: 89	9	83
16	северный дагари (атлантические)	<i>cāa</i>	Mwinlaaru 2017: 81	10	55
17	ньякюса (атлантические)	<i>kaali</i>	Persohn 2017: 186–190	5	11
18	гбан (манде)	<i>léʷ</i>	Федотов 2015	9	81
19		<i>gɔ̀</i>	Федотов 2015	0	10
20	коптский (афразийские)	<i>eti</i>	Еланская 2010: 248	3	4
21	мади (центральносуданские)	<i>ɔlo</i>	Blackings, Fabb 2003: 246–250	3	16
22	истмусский сапотекский (ото-мангские)	<i>ru</i>	Pickett et al. 2001: 80; Pickett 2007: 115	7	37
23		<i>de yanna</i>	Pickett 2007: 44, 97	0	26
24	юкатекский (майяские)	<i>láaili' ...-e'</i>	Bohnmeyer 2001: 394–396	2	9
25	сьерра-пополукский (михе-соке)	<i>nam</i>	Jong Boudreault 2009: 148, 232–324	8	43
26	центрально-аляскинский юпик (эскимосско-алеутские)	<i>cali</i>	Miyaoka 2012: 922	3	57
27	чероки (ирокезские)	<i>si</i>	Montgomery-Anderson 2008: 540	3	12

№	язык (семья)	показатель	описание показателя в литературе	n	n_t
28	парагвайский гуарани (тупи)	<i>gueteri</i>	Estigarribia 2020: 234	6	12
29	карибский (карибские)	<i>noro</i>	Courtz 2008: 104	11	51
30	шаванте (макро-же)	<i>hadu</i>	Machado Estevam 2011: 107	3	12
31	муруйский уитотский (бора-уитотские)	<i>nia</i>	Wojtylak 2017: 601	6	74
32	нивакле (матакские)	<i>jôjje-clai</i>	Fabre 2016: 364–365	3	14
33	мапуче (изолят)	<i>pet'u</i>	Smeets 2008: 170, 256	12	50
34	чаморро (австронезийские)	<i>trabiha</i>	Chung 2020: 396, 405–406	4	4
35	индонезийский (австронезийские)	<i>masih</i>	Sneddon et al. 2010: 206	9	12
36	тагальский (австронезийские)	<i>pa</i>	Schachter, Otanes 1972: 415–419	9	87
37	москона (восточнопапуасские)	<i>ros</i>	Gravelle 2010: 151	9	40
38	вальбири (пама-ньонга)	<i>-juku</i>	Nash 1980: 56	7	

В Таблице 3, составленной на основе анализа переводов из «стокгольмского» корпуса, приведен список стихов, в которых показатели континуатива встречаются чаще всего (число переводов, в которых в данном стихе использован показатель континуатива, указано в столбце «n»; некоторые однотипные контексты пропущены ради экономии места).

Таблица 3. Фрагмент списка стихов Евангелия от Луки, в которых наиболее часто встречаются показатели континуатива

Table 3. A fragment of the list of verses in the Gospel of Luke where the continuative markers are most often found

№	Стих	New International Version	Синодальный перевод	n
1	15:20	So he got up and went to his father. 'But while he was still a long way off , his father saw him and was filled with compassion for him; he ran to his son, threw his arms round him and kissed him.	Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко , увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его.	21
2	14:22	"Sir," the servant said, "what you ordered has been done, but there is still room. "	И сказал раб: господин! исполнено, как приказал ты, и еще есть место.	19
3	14:32	If he is not able, he will send a delegation while the other is still a long way off and will ask for terms of peace.	Иначе, пока тот еще далеко , он пошлет к нему посольство просить о мире.	18
4	08:49	While Jesus was still speaking , someone came from the house of Jairus, the synagogue leader. 'Your daughter is dead,' he said. 'Don't bother the teacher anymore.'	Когда Он еще говорил это , приходит некто из дома начальника синагоги и говорит ему: дочь твоя умерла; не утруждай Учителя.	16
5–9	<...>			
10	19:30	Go to the village ahead of you, and as you enter it, you will find a colt tied there, which no one has ever ridden . Untie it and bring it here.	<...> Сказав: пойдите в противолежащее селение; войдя в него, найдете молодого осла привязанного, на которого никто из людей никогда не садился ; отвязав его, приведите <...>	9

№	Стих	New International Version	Синодальный перевод	n
11–12	<...>			
13	13:08	“Sir,” the man replied, “leave it alone for one more year , and I’ll dig round it and fertilise it.	Но он сказал ему в ответ: господин! оставь ее и на этот год , пока я окопаю ее и обложу навозом <...>	7
14–...	<...>			

Из *Таблицы 3* видно, что стихи, расположенные на первых строках списка, действительно являются континуативными контекстами, но уже на строках 10 и 13 размещаются контексты, к континуативу не имеющие отношения. Это происходит из-за полисемии и, в целом, многофункциональности показателей континуатива. Например, стих 19:30 на строке 10 содержит контекст, релевантный не для континуатива, а для кунктатива (‘еще не’). Из-за того, что значение ‘еще не’ часто выражается сочетанием показателя континуатива с отрицанием (ср. показатель *pa* в (10)), данный контекст тоже попал в список.

ТАГАЛЬСКИЙ

- (10) *na hindi=pa kailanman nauipuan*
 LNK NEG=**еще** когда-либо PV.MOD.IPF:сидеть.LOC
ng=sinuman sa sangkatauhan.
 GEN=кто-либо OBL человечество

<...Войдя в него, найдете молодого осла привязанного.> ‘на которого никто из людей никогда не садился’. [Лк. 19:30]

Стих 13:08 на строке 13 содержит контекст, релевантный для аддитива — еще одного значения, которое часто выражается показателями континуатива. Так, в этом контексте появляется испанский континуативно-аддитивный показатель *todavía* (11).

ИСПАНСКИЙ

- (11) “*Señor — le contest-ó, el viñado —*
 господин 3SG.DAT отвечать-AOR.3SG ART.M.SG виноградарь

déj-e-la *todavía* *por un año más,*
 оставить-SUBJ.3SG-3SG.F.ACC **еще** на один год больше
 ‘(...) Господин! — ответил виноградарь, — оставь ее еще
 на один год’. [Лк. 13:08]

Таким образом, данные *Таблицы 3* показывают, что при поиске континуативных контекстов ориентация на вхождения показателей континуатива не всегда приводит к корректным результатам. Дальнейшее обсуждение будет касаться тех семнадцати континуативных контекстов, которые были выделены вручную, — они представлены в *Таблице 4*. В столбце «п» приводится число переводов, в которых в данном стихе использован показатель континуатива.

Таблица 4. Континуативные контексты в Евангелии от Луки⁶

Table 4. Continuative contexts in the Gospel of Luke

Стих	New International Version	Синодальный перевод	п
3:21	Now when all the people were baptized, Jesus too was baptized. As he was praying , the heaven was opened up (...)	Когда же крестился весь народ, и Иисус, крестившись, молился : отверзлось небо (...)	3
8:49	While he was yet speaking , a representative of the presiding officer of the synagogue came, saying: “Your daughter has died; do not bother the Teacher any longer.”	Когда Он еще говорил это , приходит некто из дома начальника синагоги и говорит ему: дочь твоя умерла; не утруждай Учителя.	19

⁶ Некоторые из стихов, приведенных в *Таблице 3*, имеют больше одного контекста, где можно ожидать континуативный показатель. Например, в стихе 3:21, кроме континуативного, также есть аддитивный контекст, в стихе 8:31 — контекст для терминатива (значение терминатива ‘больше не’ тоже часто выражается показателем континуатива в сочетании с отрицанием) и т. д. Чтобы избежать ошибок в столбце «п», все вхождения были уточнены вплоть до клаузы, и употребления континуативных показателей в клаузах, не содержащих континуативный контекст, были исключены.

Стих	New International Version	Синодальный перевод	n
9:34	But as he was saying these things, a cloud formed and began to overshadow them. As they entered into the cloud, they became afraid.	Когда же он говорил это, явилось облако и осенило их; и устрашились, когда вошли в облако.	11
9:42	But even as he was approaching, the demon hurled him to the ground and violently threw him into a convulsion. However, Jesus rebuked the unclean spirit and healed the boy and gave him back to his father.	Когда же тот еще шел, бес поверг его и стал бить; но Иисус запретил нечистому духу, и исцелил отрока, и отдал его отцу его.	6
9:43	And they were all astounded at the majestic power of God. While they were all astonished at all the things he was doing, he said to his disciples:	И все удивлялись величию Божию. Когда же все дивились всему, что творил Иисус, Он сказал ученикам Своим (...)	5
12:58	For example, when you are going with your legal opponent to a ruler, while on the way, get to work to settle the dispute with him so that he may not summon you before the judge, and the judge deliver you to the court officer, and the court officer throw you into prison.	Когда ты идешь с соперником своим к начальству, то на дороге постарайся освободиться от него, чтобы он не привел тебя к судье, а судья не отдал тебя истязателю, а истязатель не верг тебя в темницу (...)	7
14:22	In time the slave said, 'Master, what you ordered has been done, and still there is room.'	И сказал раб: господин! исполнено, как приказал ты, и еще есть место.	22
14:32	If, in fact, he cannot do so, then while that one is yet far away, he sends out a body of ambassadors and sues for peace.	Иначе, пока тот еще далеко, он пошлет к нему посольство просить о мире.	20

Стих	New International Version	Синодальный перевод	n
15:20	So he got up and went to his father. While he was still a long way off , his father caught sight of him and was moved with pity, and he ran and embraced him and tenderly kissed him.	Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко , увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его.	25
18:22	After hearing that, Jesus said to him, “ There is still one thing lacking about you : Sell all the things you have and distribute the proceeds to the poor, and you will have treasure in the heavens; and come be my follower.”	Услышав это, Иисус сказал ему: еще одного недостает тебе : все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мною.	11
19:33	But as they were untying the colt , its owners said to them: “Why are you untying the colt?”	Когда же они отвязывали молодого осла , хозяева его сказали им: зачем отвязываете осленка?	3
22:47	While he was still speaking , look! a crowd, and the man called Judas, one of the Twelve, was leading them, and he approached Jesus to kiss him.	Когда Он еще говорил это , появился народ, а впереди его шел один из двенадцати, называемый Иуда, и он подошел к Иисусу, чтобы поцеловать Его. Ибо он такой им дал знак: Кого я поцелую, Тот и есть.	17
22:60	But Peter said: “Man, I do not know what you are saying.” And instantly, while he was still speaking , a rooster crowed.	Но Петр сказал тому человеку: не знаю, что ты говоришь. И тотчас, когда еще говорил он , запел петух.	15
24:06	He is not here, but has been raised up. Recall how he spoke to you while he was yet in Gal'i-lee ⟨...⟩	Его нет здесь: Он воскрес; вспомните, как Он говорил вам, когда был еще в Галилее ⟨...⟩	14

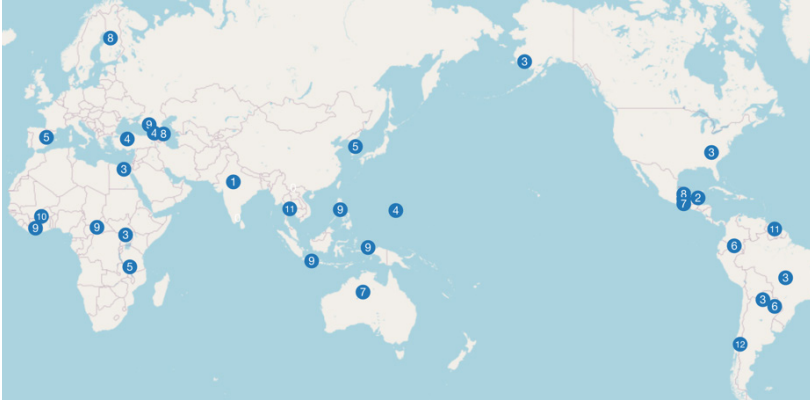
Стих	New International Version	Синодальный перевод	n
24:41 ⁷	But while they were still not believing for sheer joy and amazement, he said to them: “Do you have something there to eat?”	Когда же они от радости еще не верили и дивились, Он сказал им: есть ли у вас здесь какая пища?	10
24:44	He then said to them: “These are my words that I spoke to you while I was yet with you, that all the things written about me in the Law of Moses and in the Prophets and Psalms must be fulfilled.”	И сказал им: вот то, о чем Я вам говорил, еще был с вами, что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах.	13
24:51	As he was blessing them, he was parted from them and taken up to heaven.	И, когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо.	4

На карте ниже показано количество вхождений в континуативных контекстах для каждого из языков (если в языке несколько континуативных показателей, на карте дается значение для более частотного; точные данные по всем показателям приведены в *Разделе 4* выше). В частности, видно, что самое большое количество вхождений — 12

⁷ Контекст в 24:41 сложен для анализа из-за сочинения. Если при переводе используются два сочиненных предиката, то первый из них обычно имеет показатель отрицания и таким образом образует не континуативный, а кунктативный контекст (‘еще не верили’). Однако второй предикат отрицания не имеет, и, например, в русском переводе можно предположить, что он тоже модифицируется наречием *еще* и составляет континуативный контекст ‘еще дивились’. Более уверенно о такой интерпретации можно говорить в языках, использующих для кунктатива и континуатива разные лексемы, ср. пример из индонезийского:

- индонезийский
- (i) *tetapi ketika mereka belum juga percaya karena*
но когда они **еще.не** также верить потому.что
penuh suka-cita dan masih heran
полный радость-мечта и **еще** удивляться
‘⟨...⟩ Когда же они от радости еще не верили и дивились’. [Лк. 24:41]

из 17 — имеет показатель континуатива в одном из языков Южной Америки, однако о каком-то явном ареальном распределении более частотных и менее частотных показателей говорить, по-видимому, нельзя.

Карта 1. Число вхождений показателей континуатива в континуативных контекстах (из 17)⁸

Map 1. The number of occurrences of the continuative markers in the continuative contexts (out of 17)

Наконец, на *Схеме 1* данные по вхождениям континуативных показателей в континуативных контекстах представлены в виде тепловой карты (heatmap). Темный прямоугольник на пересечении показателя и контекста обозначает, что этот показатель использован в данном контексте, а светлый — что он в данном контексте не встречается. На основе данных о вхождениях континуативные показатели и континуативные контексты классифицированы на группы, ср. дендрограммы, размещенные слева и сверху.

⁸ Карта сделана с помощью R пакета *lingtypology* [Moroz 2017]. В переводах на тамильский и хмонг континуативные показатели ни разу не встретились в континуативных контекстах, поэтому на карте эти языки не обозначены.

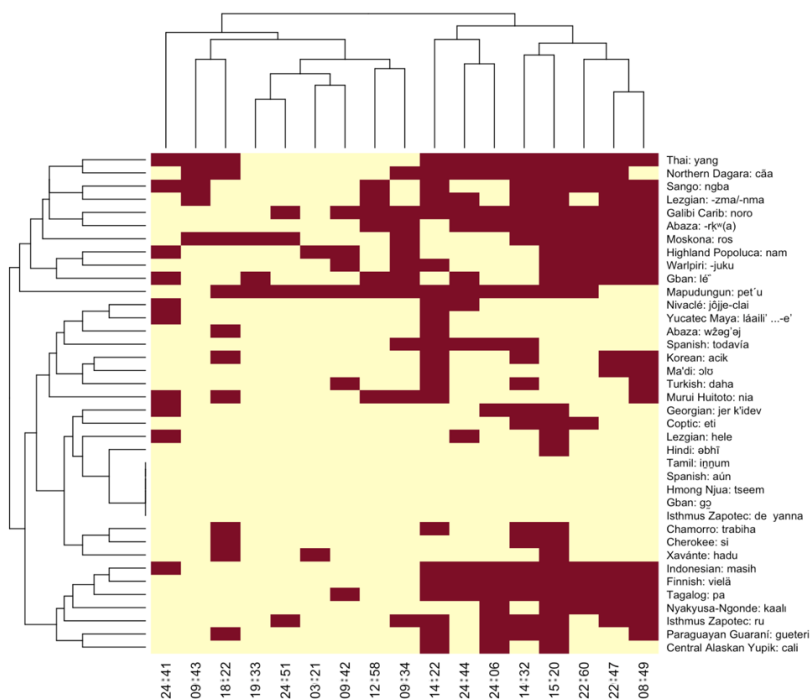

Схема 1. Вхождения континуативных показателей
 в континуативных контекстах

Scheme 1. Occurrences of the continuative markers in the continuative contexts

В частности, согласно верхней дендрограмме, континуативные контексты составляют две группы, в одной из которых (стихи 8:49, 14:22, 14:32, 15:20, 22:47, 22:60, 24:06 и 24:44) показатели континуатива встречаются чаще, чем в другой. Можно было бы предположить, что в контекстах, в которых показатели континуатива встречаются чаще, семантика континуатива более очевидна. Однако эта гипотеза плохо объясняет, почему, например, в контексте ‘когда он (еще) говорил, запел петух’ (22:60) показатели континуатива встретились пятнадцать раз, а в очень похожем на него контексте ‘когда Иисус (еще) молился, отверзлось небо’ (3:21) — лишь три раза.

По-видимому, в тех случаях, когда мы имеем дело со значениями на грани обязательного и необязательного, важным фактором оказывается наличие или отсутствие показателя континуатива в тексте, с которого делался перевод. Так, в древнегреческом тексте (см. <https://biblehub.com/interlinear/>) континуатив *ἔτι* встречается в строфах 8:49, 9:42, 14:22, 14:32, 15:20, 18:22, 22:47, 22:60, 24:06, 24:41 и 24:44. В английском тексте (NIV), с которого, вероятно, тоже делался перевод, континуативы *still/yet* встречаются в строфах 8:49, 14:22, 14:32, 15:20, 18:22, 22:47, 22:60, 24:06 и 24:44. Оба этих списка практически полностью совпадают со списком контекстов, где показатели континуатива встречаются чаще всего.

В дендрограмме на *Схеме 1* выделяются пять показателей, описанных в литературе как показатели континуатива, но не встретившихся в континуативных контекстах ни разу. Интересно, что все эти показатели в текстах Евангелия встречаются, но не в континуативных значениях. Например, тамильское наречие *iṅṅum*, имеющее среди прочих континуативное значение (12), в Евангелии обычно появляется в аддитивном значении ‘и еще (кто-либо)’ (13).

ТАМИЛЬСКИЙ

- (12) *aṭimai-kaḷ-iṅ tēcam iṅṅum tūṅk-ik koṅṭirukkīratu...*
 раб-PL-GEN страна **еще** спать-VBP взять.VBP.БЫТЬ.PRS.3SG.N
 ‘Страна рабов еще спит’. [P. Mathiyalagan, «Mai Iruttu»]

ТАМИЛЬСКИЙ

- (13) *ivarr-ukkup piṅṅu, iyēsi iṅṅum eḷupatu pēr-ai*
 это-DAT после, Иисус **еще** семьдесят человек-ACC
niyamittu,
 назначить.VBP
 ‘После сего избрал Господь и других семьдесят <учеников ...>’
 [Лк. 10:1]

Кроме того, в случае континуативов *aín* в испанском, *gə̀* в гбане (манде) и *de yanna* в истмусском сапотекском, скорее всего, сыграл свою роль тот факт, что они не единственные показатели континуатива в своих языках: возможно, в некоторых контекстах они были

вытеснены показателями, с ними конкурирующими (*todavía* в испанском⁹, *lé* в гбане и *ru* в истмусском сапотекском).

5. Обсуждение

Сведения о частотности показателей континуатива в континуативных контекстах дают возможность определить степень их обязательности, а степень обязательности, в свою очередь, говорит о степени их грамматикализации. Таким образом, простая проверка семнадцати контекстов в переводе Евангелия от Луки может считаться объективным тестом на степень грамматикализации показателей континуатива.

В то же время следует отметить два обстоятельства.

Во-первых, за высоким количеством вхождений в континуативных контекстах скрываются показатели двух довольно разных типов. С одной стороны, существуют континуативы типа абазинского суффикса *-rɕʷ(a)* (14): он встречается девять раз в континуативных контекстах и еще один раз в сочетании с отрицанием в значении ‘еще не’ (стих 24:41), других вхождений в тексте Евангелия от Луки у него найдено не было.

АБАЗИНСКИЙ

(14) *mawmə-ztən, awax'awəj d-š-qara-rɕʷ-əw,*
 NEG-COND DIST.EMPH 3SG.H.ABS-REL.TMP-далекий-CONT-IPF

awəj hʷaĉ.ɣʷə j-š'təj-əj-t a-mamər
 DIST посланник 3SG.M.ERG-посылать-PRS-DCL DEF-мир

j-a-hʷa-rnəs.

3SG.M.IO-DAT-говорить-PURP

‘Иначе, пока тот еще далеко, он пошлет к нему посольство про-
 сить о мире’. [Лк. 14:32]

⁹ Сходства и различия *aún* и *todavía* в испанском широко обсуждаются в литературе, см., например, [Fontes 2020]. Кроме того, известно, что *aún* — более архаичный показатель, чем *todavía* [Zuloaga, Ruiz de Loizaga 2019].

С другой стороны, есть континуативы типа энклитики =*juku* в вальбири (пама-ньюнга). Энклитика =*juku* семь раз встречается в континуативных контекстах (ср., например, (15)) и еще несколько сотен раз в остальной части текста. Как показано в [Zwarts, Dras 2007: 138]¹⁰, в списке токенов, упорядоченном по частотности, сочетание *junga-juku* ‘прямо-СНТ’ занимает десятое место; если же клитики рассматривать как отдельные токены, то =*juku* будет находиться на седьмом месте.

ВАЛЬБИРИ

- (15) *kuja yungka wangka-ja, ngula-puru-juku*
 REL.PRON сразу говорить-PST PRON.3-В_ТО_время-СНТ
jukujuku-ju purla-ja
 петух-ТОР кричать-PST

‘И тотчас, когда еще говорил он, запел петух’. [Лк. 22:60]

Такое большое количество вхождений =*juku* объясняется его семантикой: в словарях (<http://ausil.org/Dictionary/Warlpiri/>) и грамматических описаниях [Nash 1980; Simpson 1983] говорится только о континуативном значении энклитики =*juku*, однако, судя по примерам в Евангелии, на самом деле она используется как дискурсивный показатель с широким набором функций. В настоящей работе частое использование показателя в неконтинуативных значениях не будет считаться фактором, влияющим на решение о степени его грамматикализации в качестве показателя континуатива. Тем не менее иногда необходимо выделить только специальные континуативные показатели типа абазинского *-rɬ^w(a)*, и для этого нужно учитывать общее количество вхождений показателя в тексте (для большинства показателей, вошедших в выборку, общее количество вхождений приводится в Таблице 2).

Во-вторых, набор из семнадцати континуативных контекстов, найденных в тексте Евангелия от Луки, очень неоднороден. В Таблице 5 континуативные контексты поделены на три типа.

¹⁰ В [Zwarts, Dras 2007] рассматриваются переводы нескольких книг Библии на вальбири, однако в тексте работы не уточняется, какие конкретно книги были взяты.

Таблица 5. Типы континуативных контекстов в Евангелии от Луки

Table 5. Types of continuative contexts in the Gospel of Luke

Тип		Пример	Контексты
континуатив при предикате в главной клаузе / аддитив при имени		<i>И сказал раб: господин! исполнено, как приказал ты, и еще есть место.</i> [14:22]	14:22, 18:22
континуатив при предикате в зависимой адвербиальной клаузе, описывающей	одновременное действие	<i>Его нет здесь: Он воскрес; вспомните, как Он говорил вам, когда был еще в Галилее.</i> [24:06]	12:58, 14:32, 15:20, 24:06, 24:41, 24:44, 24:51
	прерванное действие	<i>Когда Он еще говорил это, приходит некто из дома начальника синагоги и говорит ему: дочь твоя умерла; не утруждай Учителя.</i> [8:49]	3:21, 8:49, 9:34, 9:42, 9:43, 19:33, 22:47, 22:60

К первому типу относятся контексты, в которых континуатив модифицирует предикат главной клаузы. Таких контекстов всего два, причем оба они допускают и неконтинуативную интерпретацию: показатель континуатива можно интерпретировать и как приименной показатель аддитива (ср. ‘еще место’ в ‘еще есть место’ в 14:22). Все остальные контексты — это зависимые адвербиальные клаузы, в которых описывается ситуация, происходившая в то же время, что ситуация, описанная в главной клаузе, и происходившая какое-то время до этого. Как обсуждалось в *Разделе 3*, именно такое соотношение двух ситуаций по времени дает семантику континуатива в зависимой клаузе. Ко второму типу относятся случаи, в которых ситуация, описанная в зависимой клаузе, продолжалась в том числе после того, как имела место ситуация, описанная в главной клаузе (ср. ситуацию ‘когда был еще в Галилее’ в 24:06). К третьему типу относятся случаи, в которых ситуация, описанная в зависимой клаузе, была прервана ситуацией, описанной в главной клаузе (ср. ситуацию ‘когда Он еще говорил это’ в 8:49).

Таким образом, среди найденных контекстов отсутствуют наиболее стандартные для континуатива ситуации типа ‘Ваня все еще спит’. Именно такие контексты, как можно предположить, скорее всего использовались бы в исследовании континуативов при помощи элицитации.

Чем же объясняется такое большое количество континуативных контекстов с адвербиальными клаузами в Евангелии от Луки? Можно предположить, что в естественной речи для семантики континуатива адвербиальные клаузы действительно являются наиболее характерным контекстом. Эта гипотеза (нуждающаяся в дополнительной проверке) могла бы объяснить большое количество контекстов второго типа. Однако большое количество контекстов третьего типа не поддается чисто лингвистическому объяснению. Во-первых, в типологии адвербиальных клауз со значением одновременности [Abbi 1992: 33–39] тип с прерванным действием отсутствует; во-вторых, например, в русском языке клаузы, содержащие *пока / когда* и *еще*, обычно не используются при описании прерванного действия, из-за чего в некоторых контекстах переводчики предпочитают небуквальный перевод, ср. перевод, выпущенный Российским библейским обществом (РБО), в (16).

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

- (16) *eti aut-ou lal-ount-os*
 еще 3-GEN.SG.M говорить-PTCP.PRS.ACT-GEN.SG.M
erkh-etai tis
 приходить-PRS.IND.MED/PAS.3SG INDEF.PRON.NOM.M.SG
para t-ou arkhisynagōg-ou
 из DEF-GEN.SG.M начальник_синагоги-GEN.SG
leg-ōn hoti
 говорить-PTCP.PRS.ACT.NOM.SG.M CONJ

‘Когда Он еще говорил это, приходит некто из дома начальника синагоги и говорит ему’ ⟨дочь твоя умерла; не утруждай Учителя⟩. (Синодальный перевод)

‘Иисус не успел договорить, как пришел человек из дома старейшины и сказал:’ ⟨Умерла твоя дочь. Не утруждай больше Учителя⟩. (Перевод РБО) [Лк. 8:49]

То, что в Евангелии от Луки часто возникают ситуации, в которых одно действие (чаще всего чья-то речь) прерывается другим, привлекало внимание исследователей. Так, Д. Л. Смит, анализируя ситуации прерывания речи в довольно большой выборке памятников древнегреческой литературы, замечает, что в Евангелии от Луки и Деяниях апостолов (которые предположительно тоже написал «Лука») контексты прерывания речи встречаются чаще всего [Smith 2012: 246]. То, что авторы специально заостряют внимание на факте прерывания речи, Д. Л. Смит связывает с важностью культуры и правил публичных диспутов в Древней Греции и Древнем Риме. Тем не менее, согласно анализу Д. Л. Смита, в Деяниях и Евангелии от Луки конструкции, описывающие прерывание действия, — обычно существительное с причастием настоящего времени в генитиве (*genitive absolute*) и нередко наречием *ἔτι* ‘еще’ (ср. (16)) — функционируют, скорее, как связки между отдельными сюжетами — перикопами (см., например, [Smith 2012: 201]). С художественной точки зрения, как предполагает Д. Л. Смит, описание двух последовательных событий с помощью конструкции, буквально обозначающей прерывание, делает повествование более драматичным [Smith 2012: 209]. Таким образом, оказывается, что большое количество контекстов третьего типа — не более чем артефакт конкретного литературного памятника, где подобные конструкции используются как художественный прием.

6. Заключение

Изучение лексико-грамматических категорий на материале параллельных переводов Библии неизбежно связано с рядом условностей и допущений: параллельные тексты дают возможность быстро получить данные по большому числу языков, однако мы оказываемся вынуждены пренебречь такими факторами, как, например, качество перевода и специфика выбранного текста. В настоящей статье рассматривался пример использования переводов Евангелия от Луки при изучении показателей континуатива. Было показано, что проверка

семнадцати контекстов на наличие континуативного показателя дает некоторую количественную характеристику, которая может быть проинтерпретирована как степень грамматикализации этого показателя, — и в то же время обсуждалось, что предложенный метод упрощает реальную картину и, более того, может ее исказить. На данный момент вопрос о том, являются ли недостатки описанного метода настолько существенными, чтобы результат теста оказывался совсем случайным, остается открытым.

Вместе с тем, при должном усовершенствовании методологии (например, замены Евангелия от Луки на какой-то другой текст) идея объективной оценки степени грамматикализации на основе присутствия или отсутствия показателя в определенных контекстах кажется довольно перспективной. Предположительно, подобные методы применимы не только к показателям континуатива, но и ко всей области адвербиальной модификации предикатов: в литературе различия между более обязательными («легкими») и менее обязательными («тяжелыми», эмфатическими) показателями отмечались для показателей рефактива ('опять') [Wälchli 2006], аналогичным образом описывалась разница между показателями ямитива и лексемами со значением 'уже' [Dahl, Wälchli 2016]. Интересно, что термины «легкий» и «тяжелый», используемые Б. Вельхли для описания рефактивов в [Wälchli 2006], заимствованы из работы [Kemmer 1993], где «легкими» показателями называются показатели медиа по отношению к более «тяжелым» показателям рефлексива. Таким образом, предложенная методология релевантна и для большего числа категорий — например, для залога.

Список условных сокращений

A — агенс; ABS — абсолютив; ACC — аккузатив; ACT — активное причастие; AOR — аорист; ART — артикль; COND — условие; CONJ — союз; CONT — континуатив; CONV — конверб; DAT — датив; DCL — декларатив; DEF — определенность; DER — словообразовательный аффикс; DIST — дистантный демонстратив; EMPH — эмфаза; F — женский род; FUT — будущее время; GEN — генитив; N — личный род; IAM — ямитив; IMP — императив; INDEF — неопределенность;

IO — не прямой объект; IPF — имперфектив; IRR — ирреалис; LNK — атрибутивная связка; LOC — локатив; M — мужской род; MED — средний демонстратив; MED/PAS — медий/пассив; MOD — модальная форма; NPST — не прошедшее время; N — средний род; NEG — отрицание; NOM — номинатив; OBL — местный падеж; PL — множественное число; PRON — местоимение; PROX — ближний демонстратив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; PURP — цель; PV — пассивный залог; REL — относительное (предложение, местоимение); SG — единственное число; SUBJ — сослагательное наклонение; TMP — темпоральное зависимое; TOP — топик; VBP — деепричастие.

Литература

- Горбунова 2014 — И. М. Горбунова. Категория фазовой полярности в атаяльском языке // Вопросы языкознания. 2014. № 3. С. 34–54.
- Еланская 2010 — А. И. Еланская. Грамматика коптского языка. Саидский диалект. СПб.: Нестор-История, 2010.
- Недялков 1987 — В. П. Недялков. Начинательность и средства ее выражения в языках различных типов // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука. 1987. С. 180–195.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
- Стойнова 2013 — Н. М. Стойнова. Показатели рефактива. М.: АСТ-Пресс, 2013.
- Табулова 1976 — Н. Т. Табулова. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1976.
- Татевосов 2015 — С. Г. Татевосов. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Федотов 2015 — М. Л. Федотов. To be continued...: приключения континуативного показателя в языке гбан. Доклад, прочитанный на Двенадцатой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей, Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2015 г.
- Abbi 1992 — A. Abbi. Reduplication in south Asian languages: an areal, typological and historical study. New Delhi: Allied Publishers, 1991.
- Blackings, Fabb 2003 — M. Blackings, N. Fabb. A Grammar of Ma'di. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
- Bohnmeyer 2001 — J. Bohnmeyer. The Grammar of Time Reference in Yukatek Maya. München: Lincom Europa, 2001.

- Butt et al. 2019 — J. Butt, C. Benjamin, A. M. Rodríguez. *A New Reference Grammar of Modern Spanish*. London; New York: Routledge, 2019.
- Chung 2020 — S. Chung. *Chamorro Grammar*. Santa Cruz: University of California, 2020.
- Courtz 2008 — H. Courtz. *A Carib Grammar and Dictionary*. Toronto: Magoria Books, 2008.
- Dahl, Wälchli 2016 — Ö. Dahl, B. Wälchli. Perfects and iamitives: two gram types in one grammatical space // *Letras de Hoje*. 2016. Vol. 51. Iss. 3. P. 325–348. DOI: 10.15448/1984-7726.2016.3.25454.
- de Jong Boudreault 2009 — L. J. de Jong Boudreault. *A grammar of Sierra Popolucá (Soteapanec, a Mixe-Zoquean language)*. PhD thesis. Austin: The University of Texas at Austin, 2009.
- Dej-Amorn 2006 — S. Dej-Amorn. *The Grammar of Green Hmong Particles*. PhD thesis. Thailand: Mahidol University, 2006.
- Estigarríbia 2020 — B. Estigarríbia. *A Grammar of Paraguayan Guarani*. London: UCL Press, 2020.
- Fabre 2016 — A. Fabre. *Gramática de La Lengua Nivacle (Familia Mataguayo, Chaco Paraguayo)*. Manuscript. Kangasala, 2016.
- Fontes 2020 — M. G. Fontes. *Multifuncionalidade de *aun/aún e todavía* no espanhol peninsular*. *Domínios De Lingu@gem*. 2020. Vol. 14. Iss. 2. P. 599–629. DOI: 10.14393/DL42-v14n2a2020-10.
- Göksel, Kerslake 2005 — A. Göksel, C. Kerslake. *Turkish: A Comprehensive Grammar*. London: Routledge, 2005.
- Gravelle 2010 — G. J. Gravelle. *A Grammar of Moskona: An East Bird's Head Language of West Papua, Indonesia*. PhD thesis. Amsterdam: Vrije Universiteit Amsterdam, 2010.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. *A Grammar of Lezgian*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1993. DOI: 10.1515/9783110884210.
- Higbie, Thinsan 2002 — J. Higbie, S. Thinsan. *Thai reference grammar: The structure of spoken Thair*. Bangkok: Orchid Press, 2002.
- Kachru 2006 — Y. Kachru. *Hindi*. Philadelphia: John Benjamins, 2006. DOI: 10.1075/loall.12.
- Karlsson 1999 — F. Karlsson. *Finnish: An Essential Grammar*. London: Routledge, 1999.
- Kemmer 1993 — S. Kemmer. *The middle voice*. Amsterdam: John Benjamins, 1993. DOI: 10.1075/tsl.23.
- Lehmann 1993 — T. Lehmann. *A Grammar of Modern Tamil*. Pondicherry: Pondicherry Institute of Linguistics and Culture, 1993.
- Löfgren 2020 — A. Löfgren. *Turning Back to Again Using Parallel Texts: Structuring the Semantic Domain of Repetition and Restitution*. MA thesis. Stockholm: Stockholm University, 2020.

- Machado Estevam 2011 — A. Machado Estevam. Morphosyntaxe du xavante. Langue jê du Mato Grosso (Brésil). PhD thesis. Paris: Université de Paris VII, 2011.
- Miyaoka 2012 — O. Miyaoka. A grammar of Central Alaskan Yupik (CAY). Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2012. DOI: 10.1515/9783110278576.
- Montgomery-Anderson 2008 — B. Montgomery-Anderson. A reference grammar of Oklahoma Cherokee. PhD thesis. Lawrence, Kansas: University of Kansas, 2008.
- Moroz 2017 — G. Moroz. Lingtypology: Easy mapping for linguistic typology. URL: <https://CRAN.R-project.org/package=lingtypology> (дата обращения: 19.01.2023).
- Mwinlaaru 2017 — I. N. I. Mwinlaaru. A systemic functional description of the grammar of Dagaare. PhD thesis. Hong Kong: The Hong Kong Polytechnic University, 2017.
- Nash 1980 — D. G. Nash. Topics in Warlpiri grammar. PhD thesis. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology, 1980.
- Olsson 2013 — B. Olsson. Iamitives: Perfects in Southeast Asia and beyond. MA thesis. Stockholm: Stockholm University, 2013.
- Panova 2021 — A. Panova. Towards a typology of continuative expressions. MA thesis. Moscow: HSE University, 2021.
- Persohn 2017 — B. Persohn. The verb in Nyakyusa: A focus on tense, aspect, and modality. Berlin: Language Science Press, 2017. DOI: 10.5281/zenodo.926408.
- Pickett 2007 — V. Pickett. Vocabulario zapoteco del Istmo. México: Instituto Lingüístico de Verano, 2007.
- Pickett et al. 2001 — V. Pickett, C. Black, V. M. Cerqueda. Gramática popular del zapoteco del Istmo. Juchitán, México: Centro de Investigación y Desarrollo Binizá, 2001.
- Plungian 1999 — V. Plungian. A typology of phasal meanings // W. Abraham, L. Kulikov (eds.). Tense-Aspect, Transitivity and Causativity: Essays in Honour of Vladimir Nedjalkov. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 311–322. DOI: 10.1075/slcs.50.21plu.
- Rayfield 2006 — D. Rayfield. A comprehensive Georgian-English dictionary. London: Garnett Press, 2006.
- Samarin 1970 — W. J. Samarin. Sango: Langue de L'Afrique Centrale. Leiden: Brill, 1970.
- Simpson 1983 — J. H. Simpson. Aspects of Warlpiri morphology and syntax. PhD thesis. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology, 1983.
- Schachter, Otones 1972 — P. Schachter, F. T. Otones. Tagalog Reference Grammar. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1972.
- Smeets 2008 — I. Smeets. A Grammar of Mapuche. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. DOI: 10.1515/9783110211795.

- Smith 2012 — D. L. Smith. The rhetoric of interruption: Speech-making, turn-taking, and rule-breaking in Luke-Acts and Ancient Greek narrative. Berlin; Boston: De Gruyter, 2012. DOI: 10.1515/9783110296518.
- Sneddon et al. 2010 — J. N. Sneddon, A. Adelaar, D. N. Djenar, M. C. Ewing. Indonesian Reference Grammar. London; New York: Routledge, 2010.
- Sohn 1994 — H.-M. Sohn. Korean. London: Routledge, 1994.
- Ullrich 2018 — J. F. Ullrich. Modification, secondary predication and multi-verb constructions in Lakota. PhD thesis. Düsseldorf: Heinrich Heine University, 2018.
- van Baar 1997 — T. M. van Baar. Phasal Polarity. PhD thesis. Amsterdam: University of Amsterdam, 1997.
- van der Auwera 1993 — J. van der Auwera. ‘Already’ and ‘still’: Beyond duality // Linguistics and philosophy. 1993. Vol. 16. Iss. 6. P. 613–653. DOI: 10.1007/BF00985436.
- van der Auwera 1998 — J. van der Auwera. Phasal adverbials in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.). Adverbial Constructions in the Languages of Europe. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1998. P. 25–145. DOI: 10.1515/9783110802610.25.
- van der Auwera 2021 — J. van der Auwera. Phasal polarity — warnings from earlier research // R. L. Kramer (ed.). The expression of phasal polarity in African languages. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2021. P. 25–38. DOI: 10.1515/9783110646290-003.
- Veselinova 2015 — L. Veselinova. Not-yet expressions in the languages of the world: A special negator or a separate cross-linguistic category? A talk presented at Diversity Linguistics: Retrospect and Prospect. Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. Leipzig, May 1–3, 2015.
- Wälchli 2006 — B. Wälchli. Typology of light and heavy ‘again’, or The eternal return of the same // Studies in Language. 2006. Vol. 30. Iss. 1. P. 69–113. DOI: 10.1075/sl.30.1.04wal.
- Wälchli, Cysouw 2012 — B. Wälchli, M. Cysouw. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs // Linguistics. 2012. Vol. 50. Iss. 3. P. 671–710. DOI: 10.1515/ling-2012-0021.
- Wojtylak 2017 — K. I. Wojtylak. A Reference Grammar of Murui (Bue), a Witotoan Language of Northwest Amazonia. PhD thesis. Cairns: James Cook University, 2017.
- Zuloaga, Ruiz de Loizaga 2019 — M. Zuloaga, F. Ruiz de Loizaga. La gramaticalización del lat. *tota via* en español y en italiano: valores temporales y adversativos // Zeitschrift für romanische Philologie. 2019. Vol. 135. Iss. 4. P. 1007-1041. DOI: 10.1515/zrp-2019-0059.
- Zwarts, Dras 2007 — S. Zwarts, M. Dras. Statistical machine translation of Australian aboriginal languages: morphological analysis with languages of differing

morphological richness // N. Colineau, M. Dras (ed.). Proceedings of the Australasian Language Technology Workshop. Melbourne: Б. и., 2007. P. 134–142.

References

- Abbi 1992 — A. Abbi. *Reduplication in south Asian languages: an areal, typological and historical study*. New Delhi: Allied Publishers, 1991.
- Blackings, Fabb 2003 — M. Blackings, N. Fabb. *A Grammar of Ma'di*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
- Bohnmeyer 2001 — J. Bohnmeyer. *The Grammar of Time Reference in Yukatek Maya*. München: Lincom Europa, 2001.
- Butt et al. 2019 — J. Butt, C. Benjamin, A. M. Rodríguez. *A New Reference Grammar of Modern Spanish*. London; New York: Routledge, 2019.
- Chung 2020 — S. Chung. *Chamorro Grammar*. Santa Cruz: University of California, 2020.
- Courtz 2008 — H. Courtz. *A Carib Grammar and Dictionary*. Toronto: Magoria Books, 2008.
- Dahl, Wälchli 2016 — Ö. Dahl, B. Wälchli. Perfects and iamitives: two gram types in one grammatical space. *Letras de Hoje*. 2016. Vol. 51. No. 3. P. 325–348. DOI: 10.15448/1984-7726.2016.3.25454.
- de Jong Boudreault 2009 — L. J. de Jong Boudreault. *A grammar of Sierra Popoluca (Sotepanec, a Mixe-Zoquean language)*. PhD thesis. Austin: The University of Texas at Austin, 2009.
- Dej-Amorn 2006 — S. Dej-Amorn. *The Grammar of Green Hmong Particles*. PhD thesis. Thailand: Mahidol University, 2006.
- Elanskaya 2010 — A. I. Elanskaya. *Grammatika koptskogo yazyka. Saidskiy dialekt* [A Coptic grammar. Sahidic dialect]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2010.
- Estigarribia 2020 — B. Estigarribia. *A Grammar of Paraguayan Guarani*. London: UCL Press, 2020.
- Fabre 2016 — A. Fabre. Gramática de La Lengua Nivacle (Familia Mataguayo, Chaco Paraguayo). Manuscript. Kangasala, 2016.
- Fedotov 2015 — M. L. Fedotov. *To be continued...: prikl'yucheniya kontinuativnogo pokazatelya v yazyke gban* [To be continued...: adventures of the continuative marker in Gban]. Paper presented at the Conference on typology and grammar for young scholars, Institute for Linguistic Studies RAS. St. Petersburg, November 19–21, 2015.
- Fontes 2020 — M. G. Fontes. Multifuncionalidade de *aun/aún e todavía* no espanhol peninsular. *Domínios De Lingu@gem*. 2020. Vol. 14. Iss. 2. P. 599–629. DOI: 10.14393/DL42-v14n2a2020-10.

- Gorbunova 2014 — I. M. Gorbunova. Kategoriya fazovoy polyarnosti v atayalskom yazyke [Phasal polarity in Atayal]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2014. No. 3. P. 34–54.
- Göksel, Kerslake 2005 — A. Göksel, C. Kerslake. *Turkish: A Comprehensive Grammar*. London: Routledge, 2005.
- Gravelle 2010 — G. J. Gravelle. *A Grammar of Moskona: An East Bird's Head Language of West Papua, Indonesia*. PhD thesis. Amsterdam: Vrije Universiteit Amsterdam, 2010.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. *A Grammar of Lezgian*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1993. DOI: 10.1515/9783110884210.
- Higbie, Thinsan 2002 — J. Higbie, S. Thinsan. *Thai reference grammar: The structure of spoken Thai*. Bangkok: Orchid Press, 2002.
- Kachru 2006 — Y. Kachru. *Hindi*. Philadelphia: John Benjamins, 2006. DOI: 10.1075/loall.12.
- Karlsson 1999 — F. Karlsson. *Finnish: An Essential Grammar*. London: Routledge, 1999.
- Kemmer 1993 — S. Kemmer. *The middle voice*. Amsterdam: John Benjamins, 1993. DOI: 10.1075/tsl.23.
- Lehmann 1993 — T. Lehmann. *A Grammar of Modern Tamil*. Pondicherry: Pondicherry Institute of Linguistics and Culture, 1993.
- Löfgren 2020 — A. Löfgren. *Turning Back to Again Using Parallel Texts: Structuring the Semantic Domain of Repetition and Restitution*. MA thesis. Stockholm: Stockholm University, 2020.
- Machado Estevam 2011 — A. Machado Estevam. *Morphosyntaxe du xavante. Langue jê du Mato Grosso (Brésil)*. PhD thesis. Paris: Université de Paris VII, 2011.
- Miyaoka 2012 — O. Miyaoka. *A grammar of Central Alaskan Yupik (CAY)*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2012. DOI: 10.1515/9783110278576.
- Montgomery-Anderson 2008 — B. Montgomery-Anderson. *A reference grammar of Oklahoma Cherokee*. PhD thesis. Lawrence, Kansas: University of Kansas, 2008.
- Moroz 2017 — G. Moroz. *Lingtypology: Easy mapping for linguistic typology*. Available at: <https://CRAN.R-project.org/package=lingtypology> (accessed on 19.01.2023).
- Mwinlaaru 2017 — I. N. I. Mwinlaaru. *A systemic functional description of the grammar of Dagaare*. PhD thesis. Hong Kong: The Hong Kong Polytechnic University, 2017.
- Nash 1980 — D. G. Nash. *Topics in Warlpiri grammar*. PhD thesis. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology, 1980.
- Nedyalkov 1987 — V. P. Nedyalkov. Nachinatelnost i sredstva yeyo vyrazheniya v yazykakh razlichnykh tipov [Inceptiveness and means of its expression in languages

- of various types]. A. V. Bondarko (ed.). *Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Vvedeniye. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis* [A theory of functional grammar. Introduction. Aspect. Temporal localization. Taxis]. Leningrad: Nauka, 1987. P. 180–195.
- Olsson 2013 — B. Olsson. *Iamitives: Perfects in Southeast Asia and beyond*. MA thesis. Stockholm: Stockholm University, 2013.
- Panova 2021 — A. Panova. *Towards a typology of continuative expressions*. MA thesis. Moscow: HSE University, 2021.
- Persohn 2017 — B. Persohn. *The verb in Nyakyusa: A focus on tense, aspect, and modality*. Berlin: Language Science Press, 2017. DOI: 10.5281/zenodo.926408.
- Pickett et al. 2001 — V. Pickett, C. Black, V. M. Cerqueda. *Gramática popular del zapoteco del Istmo*. Juchitán, México: Centro de Investigación y Desarrollo Binizá, 2001.
- Pickett 2007 — V. Pickett. *Vocabulario zapoteco del Istmo*. México: Instituto Lingüístico de Verano, 2007.
- Plungian 1999 — V. Plungian. A typology of phasal meanings. W. Abraham, L. Kulikov (eds.). *Tense-Aspect, Transitivity and Causativity: Essays in Honour of Vladimir Nedjalkov*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 311–322. DOI: 10.1075/slcs.50.21plu.
- Plungian 2011 — V. A. Plungian. *Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems in languages of the world]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing House, 2011.
- Rayfield 2006 — D. Rayfield. *A comprehensive Georgian-English dictionary*. London: Garnett Press, 2006.
- Samarin 1970 — W. J. Samarin. *Sango: Langue de L'Afrique Centrale*. Leiden: Brill, 1970.
- Simpson 1983 — J. H. Simpson. *Aspects of Warlpiri morphology and syntax*. PhD thesis. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology, 1983.
- Schachter, Otnes 1972 — P. Schachter, F. T. Otnes. *Tagalog Reference Grammar*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1972.
- Smeets 2008 — I. Smeets. *A Grammar of Mapuche*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. DOI: 10.1515/9783110211795.
- Smith 2012 — D. L. Smith. *The rhetoric of interruption: Speech-making, turn-taking, and rule-breaking in Luke-Acts and Ancient Greek narrative*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2012. DOI: 10.1515/9783110296518.
- Sneddon et al. 2010 — J. N. Sneddon, A. Adelaar, D. N. Djenar, M. C. Ewing. *Indonesian Reference Grammar*. London; New York: Routledge, 2010.

- Sohn 1994 — H.-M. Sohn. *Korean*. London: Routledge, 1994.
- Stoynova 2013 — N. M. Stoynova. *Pokazateli refaktivna* ['Again'-markers]. Moscow: AST-Press, 2013.
- Tabulova 1976 — N. T. Tabulova. *Grammatika abazinskogoazyky. Fonetika i morfologiya* [Grammar of Abaza: Phonetics and morphology]. Cherkessk: Stavropol Publishing House, Karachay-Cherkessk branch, 1976.
- Tatevosov 2015 — S. G. Tatevosov. *Aktsionalnost v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya* [Actionality in lexicon and grammar. Verb and event structure]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2015.
- Ullrich 2018 — J. F. Ullrich. *Modification, secondary predication and multi-verb constructions in Lakota*. PhD thesis. Düsseldorf: Heinrich Heine University, 2018.
- van Baar 1997 — T. M. van Baar. *Phasal Polarity*. PhD thesis. Amsterdam: University of Amsterdam, 1997.
- van der Auwera 1993 — J. van der Auwera. 'Already' and 'still': Beyond duality. *Linguistics and philosophy*. 1993. Vol. 16. No. 6. P. 613–653. DOI: 10.1007/BF00985436.
- van der Auwera 1998 — J. van der Auwera. Phasal adverbials in the languages of Europe. J. van der Auwera (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1998. P. 25–145. DOI: 10.1515/9783110802610.25.
- van der Auwera 2021 — J. van der Auwera. Phasal polarity — warnings from earlier research. R. L. Kramer (ed.). *The expression of phasal polarity in African languages*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2021. P. 25–38. DOI: 10.1515/9783110646290-003.
- Veselinova 2015 — L. Veselinova. *Not-yet expressions in the languages of the world: A special negator or a separate cross-linguistic category?* A talk presented at Diversity Linguistics: Retrospect and Prospect. Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. Leipzig, May 1–3, 2015.
- Wälchli 2006 — B. Wälchli. Typology of light and heavy 'again', or The eternal return of the same. *Studies in Language*. 2006. Vol. 30. No. 1. P. 69–113. DOI: 10.1075/sl.30.1.04wal.
- Wälchli, Cysouw 2012 — B. Wälchli, M. Cysouw. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs. *Linguistics*. 2012. Vol. 50. Iss. 3. P. 671–710. DOI: 10.1515/ling-2012-0021.
- Wojtylak 2017 — K. I. Wojtylak. *A Reference Grammar of Murui (Bue), a Witotoan Language of Northwest Amazonia*. PhD thesis. Cairns: James Cook University, 2017.
- Zuloaga, Ruiz de Loizaga 2019 — M. Zuloaga, F. Ruiz de Loizaga. La gramaticalización del lat. *tota via* en español y en italiano: valores temporales y adversativos.

Zeitschrift für romanische Philologie. 2019. Vol. 135. Iss. 4. P. 1007–1041. DOI: 10.1515/zrp-2019-0059.

Zwarts, Dras 2007 — S. Zwarts, M. Dras. Statistical machine translation of Australian aboriginal languages: morphological analysis with languages of differing morphological richness. N. Colineau, M. Dras (ed.). *Proceedings of the Australasian Language Technology Workshop*. Melbourne: S. n., 2007. P. 134–142.

Получено / received 04.04.2022

Принято / accepted 14.02.2023

Исследование категории сопутствующего движения на материале параллельных текстов Нового Завета: показатели предшествующего движения vs движения с целью в тунгусо-маньчжурских языках

Н. М. Стойнова

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
stoynova@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8979-3788

Аннотация. В статье на материале параллельных переводов Библии исследуется категория сопутствующего движения (associated motion), а именно суффикс *-nda* в тунгусо-маньчжурских языках. Для него постулируются две типологически нетривиальные черты — пространственная нейтральность (как андативная ‘туда’, так и вентивная ‘сюда’ интерпретация) и узкое значение движения с целью (‘пойти, чтобы сделать’). На материале Евангелия от Луки (нанайский, эвенский и эвенкийский языки) и от Матфея (нанайский) я проверяю оба утверждения и определяю круг контекстов, характеризующих значение движения с целью внутри зоны сопутствующего движения. Обсуждается также надежность данных переводов Библии и возможности их применения для исследования значений «грамматической периферии».

Ключевые слова: сопутствующее движение, движение с целью, тунгусо-маньчжурские языки, нанайский язык, параллельные переводы Библии.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 22-28-01336.

Associated motion in parallel translations of the New Testament: Prior motion vs. motion-cum-purpose markers in Tungusic

Natalia M. Stoynova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia); stoynova@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8979-3788

Abstract. In this paper, I use parallel Bible translations to investigate the category of “associated motion” (AM) and describe in detail the use of the AM-suffix *-nda* in Tungusic based on this data.

This suffix has been ascribed two cross-linguistically non-trivial features: first, it is spatially neutral, i.e. it can be used in both andative (‘thither’) and ventive (‘hither’) contexts; and second, it can have a narrow meaning of motion-cum-purpose (‘go to V’). To verify these two claims, I used the Gospel of Luke in Nanai, Even, and Evenki translations and the Gospel of Matthew in Nanai where I annotated all prior motion contexts (‘go/come and then V’, ‘go/come to V’).

To test the spatial neutrality of *-nda*, I calculated the number of andative contexts (‘go’) marked with *-nda* vs. other means. The same procedure was applied to ventive contexts (‘come’). The results show that though *-nda* can indeed occur in either type of contexts, it is more often found in andative ones.

To clarify the exact meaning of *-nda* within the prior motion domain and contribute to a more general discussion on the cross-linguistic relevance of distinguishing a separate category of motion-cum-purpose, I classified all the contexts of prior motion into seven types arranged from clearly non-purposive to clearly purposive contexts. The suffix *-nda* does not cover clearly non-purposive contexts and, in this sense, it is indeed a dedicated motion-cum-purpose marker. On the other hand, clearly purposive contexts are not central for *-nda* either as it tends to occur in contexts intermediate between purposive and non-purposive ones.

I also discuss Bible translations as a reliable source of linguistic data. In particular, I compared the uses of AM-markers in Luke to those found in spontaneous narratives, as well as in two translations of Matthew (1884) vs. Luke (2002). The Bible data appear to be safe enough, although some syntactic calques from Russian do take place.

This study shows the top-down (meaning-form) approach to parallel Bible translations proposed in this volume to be fruitful for investigation of some specific features of AM-markers. However, its use seems problematic for a wide cross-linguistic study of associated motion and of other peripheral grammatical categories. The problem is

that they may occur in less predictable contexts; e.g., affixes with the meaning ‘go and V’ may be found far beyond the contexts explicitly marked with the verb ‘go’ in languages lacking such morphemes. The bottom-up (form-meaning) approach used, e.g., by B. Wälchli seems to be more promising for this purpose.

Keywords: associated motion, motion cum purpose, Tungusic languages, Nanaï, parallel Bible translations.

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation, project 22-28-01336.

1. Категория сопутствующего движения. Суффикс сопутствующего движения в тунгусо-маньчжурских языках

О категории сопутствующего движения (associated motion, далее АМ) принято говорить применительно к системам глагольных показателей, указывающих на то, что ситуация сопровождается перемещением в пространстве. Такие системы распространены и впервые описаны в языках Австралии (см. работы [Koch 1984], где впервые вводится термин «сопутствующее движение», [Wilkins 1991; Levinson, Wilkins 2006; Koch 2021] и др.), а также в языках Амазонии и, шире, Южной Америки (см. [Guillaume 2006, 2009, 2016; Vuillermet 2012; Rose 2015] и др.). С 2010-х гг. в терминах сопутствующего движения начинают описываться глагольные показатели других ареалов: Африки (см. об атлантических [Voisin 2013, 2021] и австроазиатских [Belkadi 2015, 2021] языках), Азии (см. о сино-тибетских [Jacques 2013; Jacques et al. 2021], чукотско-камчатских, самодийских и тунгусо-маньчжурских [Волков, Стенин 2019] языках). Не все из них похожи на австралийский «прототип».

Подходы к типологии сопутствующего движения предлагаются в [Guillaume 2016; Belkadi 2015; Ross 2017]. Суммирует накопленные данные недавний сборник [Guillaume, Koch (eds.) 2021], см. в особенности обобщающую статью [Guillaume, Koch 2021].

Для систем сопутствующего движения выделяют следующие основные параметры типологического варьирования (см. [Guillaume 2016; Guillaume, Koch 2021]). (В качестве примеров я привожу релевантные контексты из текстов Нового Завета.)

- а) Сложность системы: от одного до нескольких десятков показателей.
 - б) Ориентация в пространстве: значение сопутствующего движения часто выражается совместно с пространственными значениями — в первую очередь дейктическими, а также уточняющими направление и локализацию (ср. (1)–(4)). Наличие больших систем сопутствующего движения связано прежде всего с их пространственной детализацией.
- (1) *⟨...⟩ Пошел и продал всё, что имел ⟨...⟩* [Мф. 13:46]¹
 - (2) *⟨...⟩ Пришел Иисус из Назарета Галилейского и крестился от Иоанна в Иордане.* [Мк. 1:9]
 - (3) *⟨...⟩ Вышел и удалился в пустынное место ⟨...⟩* [Мк. 1:35]
 - (4) *Тогда вошел и другой ученик, прежде пришедший ко гробу, и увидел, и уверовал.* [Ин. 20:8]

¹ Контексты Нового Завета цитируются по русскому Синодальному переводу. Указание на источник дается в стандартном формате [книга глава:стих]. При цитировании примеров из библейских текстов на эвенском, эвенкийском, нанайском, кавиненья сохраняется орфография источника, глоссы наши. Элицитированные и сконструированные примеры даются без указания на источник. При цитировании примеров из спонтанных нарративов соблюдаются следующие конвенции:

- а) Нанайский и ульчский языки: для примеров из наших собственных лекций дается указание на текст; для примеров из опубликованных текстов приводится указание на источник, орфография унифицированная на основе латиницы (в т. ч. для текстов, опубликованных в кириллической записи), глоссы наши.
- б) Эвенкийский, эвенский, удэгейский и негидальский языки: орфография как в источнике, глоссы как в источнике, с незначительной унификацией.

- в) Характеристики ситуации: значение сопутствующего движения может также выражаться совместно с аспектуальными и акциональными характеристиками самой ситуации.
- г) Субъектно-ориентированные (5) vs объектно-ориентированные (6) показатели:
- (5) <...> *Вот, Я сделаю то, что они придут и поклонятся пред ногами твоими, и познают, что Я возлюбил тебя.* [Откр. 3:9] — ‘поклонятся те, кто пришли’
- (6) <...> *Но говорю вам, что Илия, уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели.* [Мф. 17:12] — ‘не узнали того, кто пришел’
- д) Временные отношения между ситуацией движения и ситуацией, описываемой лексическим глаголом: предшествующее движение (7), одновременное движение (8), последующее движение (9)².
- (7) <...> *Он пошел и снял тело Иисуса.* [Ин. 19:38]
- (8) <...> *И когда они шли, очистились.* [Лк. 17:14]
- (9) <...> *И он тотчас прозрел и пошел за Иисусом по дороге.* [Мк. 10:52]

Наиболее распространены показатели предшествующего движения: они имеются во всех системах АМ; в богатых системах таких показателей, как правило, больше, чем прочих; наименее распространены показатели последующего движения (см. [Levinson, Wilkins 2006]).

² Далее я последовательно, в т. ч. говоря о самих семантических контекстах, а не только об употреблении показателей АМ, условно использую термины «ситуация движения» (та ситуация, которая в языках с категорией АМ выражается грамматически) и «ситуация лексического глагола» (та ситуация, которая в языках с категорией АМ выражается исходным лексическим глаголом).

Особая разновидность предшествующего движения — значение движения с целью, как в (10). Здесь семантически центральной оказывается ситуация движения, а не ситуация лексического глагола.

- (10) *После многих лет я пришел, чтобы доставить милостыню народу моему и приношения.* [Деян. 24:17]

Вопрос о существовании типологически релевантного класса узких грамматических показателей движения с целью и о включении их в категорию сопутствующего движения остается дискуссионным. Так, изначальное определение Г. Коха как будто бы исключает такие показатели: «В получающихся таким образом сложных глагольных формах значение движения подчинено значению (основного) действия» [Koch 1984: 26]³. В работах А. Гийома принимается более широкое определение: показатели сопутствующего движения используются для того, чтобы «соотнести тем или иным образом разные типы движения с ситуацией, обозначаемой глаголом» [Guillaume 2016: 81]⁴, включение движения с целью в зону сопутствующего движения специально оговаривается. В [Rose 2015: 121–122], наоборот, эксплицитно утверждается, что движение с целью не должно включаться в семантическую зону сопутствующего движения. См. также обсуждение различий между соответствующими значениями в [Lovestrand, Ross 2021: 98–100].

Значение предшествующего движения (‘пошел и сделал’) и движения с целью (‘пошел делать’) может выражаться одним и тем же показателем. Определение точного значения показателя иногда требует дополнительного исследования (поэтому, например, в типологических работах [Guillaume 2016; Ross 2021; Lovestrand, Ross 2021],

³ “⟨Verbs that indicate any kind of activity may also be specified for various kinds of motion associated with the activity.⟩ In the complex verb forms which result, the indication of motion is subordinate to that of the main activity”. [Koch 1984: 26].

⁴ “⟨...⟩ To associate, in different ways, different kinds of motion to a verb event”. [Guillaume 2016: 81].

выполненных на материале грамматик, принимается техническое решение не разделять их). Однако есть и свидетельства отдельного выражения значений не-целевого предшествующего движения и движения с целью в одном языке. Так, в [Jacques 2013] обсуждаются различия между показателями сопутствующего движения и глагольными конструкциями (но не морфологическими показателями) со значением движения с целью в языке Japhug (IPA: [tɛɣʰu]); тибето-бирманские). Г. Кох приводит свидетельства диахронического развития аффиксов не-целевого предшествующего движения из конструкций со значением движения с целью в некоторых языках пана-ньюнга [Koch 2021].

В тунгусо-маньчжурских языках, материал которых подробно рассматривается в этой статье, категория сопутствующего движения (в широком смысле, принятом в [Guillaume 2016]) представлена суффиксом *-ndA*⁵, см. о нем [Стойнова 2016] (о нанайском), [Стойнова 2017] (о нанайском и удэгейском), [Волков, Стенин 2019] (об удэгейском, в сопоставлении с самодийскими и чукотско-камчатскими), [Alonso de la Fuente, Jacques 2018] (о классическом маньчжурском), [Pakendorf, Stoynova 2021] (о нанайском, ульчском, удэгейском, негидальском и двух диалектах эвенского). Он выступает в двух типах употреблений — в независимом употреблении (финитный лексический глагол + суффикс *-ndA*) и в плеонастической деепричастной конструкции с выраженным глаголом движения (лексический глагол с суффиксом *-ndA* в нефинитной форме деепричастия + финитный глагол движения), ср. примеры (11) и (12):

- ульчский
- (11) *ilan-ʒi bəgdi-ču givu gələ-ɲdə-xə-n*
 три-INS нога-PROP косуля искать-AM-PST-3SG

‘Он **пошел искать** косулю с тремя ногами’. [Суник 1985: 74, текст 3:155]

⁵ Форма суффикса в современных тунгусо-маньчжурских языках различна. Далее он условно называется *-ndA* в соответствии с реконструкцией [Benzing 1955: 120].

УДЭГЕЙСКИЙ

- (12) *xiku zawa:-k me-mi käusala-na:-mi ɣene:-ni*
 веревка брать.PST-EXPR REFL-ACC вешать-AM-CVB.SIM идти.PST-3SG
 ‘Она взяла веревку и **пошла вешаться** (букв. ‘вешаясь-пойдя пошла’). (Она нашла было место, это оказалось неудачное место)’. [Nikolaeva et. al. 2003: 80, текст 12:48]

Отдельно можно упомянуть «эхо-употребления», когда финитному глаголу с суффиксом *-nda* предшествует глагол движения⁶:

НЕГИДАЛЬСКИЙ

- (13) *safkan ətə-kəl ɟep-na-kal*
 Савкан **приходить**-IMP.SG есть-AM-IMP.SG
 ‘Савкан, **приходи поешь!** (букв. приходи, приходи-поешь)’. [Pakendorf, Aralova 2017, DIN_savkan: 77]

Известны две особенности суффикса *-nda*, интересные в более широкой типологической перспективе. Во-первых, по крайней мере для некоторых языков, можно считать его пространственно нейтральным: он обслуживает контексты движения разных типов, в частности как андативные (‘пойти, уйти’), так и вентивные (‘прийти’),⁷ ср. (11)–(12) и (13). Такая — максимально редуцированная — система резко контрастирует с «прототипическими» богатыми системами сопутствующего движения Австралии и Амазонии. Во-вторых, (также по крайней мере для некоторых языков) *-nda* претендует на статус специализированного показателя движения с целью (‘пойти/прийти, чтобы V’), ср. (12), где это единственно возможная интерпретация. Наличие таких морфологических показателей интересно в контексте дискуссии о статусе движения с целью в рамках категории сопутствующего движения vs в качестве отдельной категории.

⁶ При подсчетах ниже такие употребления условно отнесены к независимым.

⁷ Это не так для классического маньчжурского, где *-na* (*-nda*) выступает как андативный показатель, а вентивные контексты маркируются отдельным суффиксом *-ndzi* [Alonso de la Fuente, Jacques 2018: 505].

Ниже я рассмотрю эти две особенности на материале параллельных текстов Евангелия от Луки, переведенного на нанайский, эвенский и эвенкийский языки. В текстах Евангелия я нашла и разметила по нескольким семантическим параметрам все контексты предшествующего движения, включая целевые. О переводах Библии на тунгусо-маньчжурские языки и об отборе контекстов см. *Раздел 2*. Для каждого контекста я проверила, оформляется ли он показателем сопутствующего движения или другим средством — конструкцией с глаголом движения в деепричастной форме ‘пойдя, сделал’, конструкцией с целевым деепричастием ‘пошел, чтобы сделать’, сочинительной конструкцией ‘пошел и сделал’. На материале составленной таким образом выборки контекстов можно делать выводы о том, оформляет ли тунгусский показатель *-ndA* только целевые контексты или и целевые, и не-целевые контексты предшествующего движения, какие контексты для него более характерны (см. об этом в *Разделе 3*), варьирует ли это по языкам. Ту же размеченную выборку можно в дальнейшем использовать и для других языков, для которых стоит проблема разграничения не-целевого и целевого значений предшествующего движения. Также я проверила, какая часть вентивных (‘сюда’) и какая часть андативных (‘туда’) контекстов оформлена показателем сопутствующего движения (*Раздел 4*). Анализ проводился на материале нанайского перевода, поскольку в эвенском и эвенкийском переводах показатель *-ndA* употребляется крайне редко, см. о сопоставлении этих языков в *Разделе 5*.

Отдельно я рассматриваю вопрос о надежности переводов Библии как источника лингвистических данных (*Раздел 6*). Я сравниваю употребление показателя *-ndA* в Евангелии от Луки vs в спонтанных нарративах и сопоставляю материал двух переводов — недавнего перевода Евангелия от Луки и более раннего перевода Евангелия от Матфея; также рассмотрены примеры, свидетельствующие о калькировании русской модели сочинительной конструкции (‘пошел и сделал’).

Ограничения и возможности использованного в работе подхода к исследованию категории сопутствующего движения и, шире, значений грамматической периферии обсуждаются в *Разделе 7*. В иллюстративных целях я привлекаю данные переводов Нового Завета на язык

кавиненья (таканские) с более типичной системой показателей сопутствующего движения, чем в тунгусо-маньчжурских языках. Результаты исследования суммируются и обсуждаются в заключительном *Разделе 8*.

2. Данные: переводы Библии на тунгусо-маньчжурские языки, выборка контекстов предшествующего движения

Переводы Библии на тунгусо-маньчжурские языки осуществлялись в два этапа (см. подробнее [Петров 2013]). Первый охватывает вторую половину XIX в. и связан прежде всего с деятельностью созданного в 1854 г. Комитета по переводу Священного Писания на языки местных народов под началом Иннокентия Вениаминова (на тот момент — архиепископа Камчатки, Якутии, Приамурья и Северной Америки). К этому времени относятся переводы Евангелия от Матфея на эвенский и нанайский языки. На эвенский язык (ольский говор, лежащий в т. ч. в основе современного литературного эвенского языка) Евангелие переведено в 1854 г. протоиереем Охотским Стефаном Константиновичем Поповым (издано в 1880–1881 гг.). На нанайский язык Евангелие переведено миссионером Прокопием Протодиаконным, епископом Гиляцким и Тырским, в 1884 г. (о его переводческой деятельности и деятельности по документации нанайского фольклора см. [Котвич 1909: 213–214]). Центр его миссии находился на тот момент на территории уссурийских нанайцев. Язык перевода сильно отличается от современного литературного нанайского, в основу которого положен найхинский говор средне-амурского диалекта. Л. И. Сем атрибутирует нанайские фольклорные тексты, записанные П. Протодиаконным, по лингвистическим чертам и некоторым упоминаниям топонимов как принадлежащие к диалекту, переходному между бикинским (уссурийским) и амурскими (верховскими) говорами [Сем 1976: 16]. Видимо, тот же диалект лег и в основу перевода Евангелия.

Второй этап переводов связан с деятельностью Института перевода Библии и относится к двухтысячным годам. На эвенский, эвенкийский

и нанайский язык (в их современных литературных формах) было переведено Евангелие от Луки. Переводы на эвенский и эвенкийский язык сделаны в 2001 г. носителями языков: В. С. Элрикой — на эвенский, Н. Я. Булатовой и А. Н. Мыреевой — на эвенкийский. На нанайский язык Евангелие от Луки перевел в 2002 г. А. В. Столяров при участии носителей языка из с. Найхин, перевод был отредактирован носителем языка А. С. Киле (ср. также переиздание 2021 г.).

В этой статье использованы преимущественно данные переводов Евангелия от Луки. Менее подробно рассмотрены данные одного из переводов Евангелия от Матфея — на нанайский язык. Перевод Евангелия от Матфея на эвенский язык не привлекался.

Для анализа были вручную выбраны все контексты предшествующего движения. В качестве опорного был использован русский (Синодальный) перевод Библии, поскольку он же преимущественно использовался при переводе на тунгусо-маньчжурские языки, при необходимости привлекались древнегреческий, латинский и английский тексты. Далее, не уточняя, я буду говорить о «стимульных контекстах». В выборку попали контексты с глаголами перемещения: в русском переводе это *идти* и его дериваты, а также некоторые другие (например, *приступать*). Взяты только такие контексты, в которых ситуация перемещения предшествует ситуации лексического глагола, в русском переводе это контексты типа: *придя, сделал* (деепричастие + финитный глагол); *пришел и сделал* (финитный глагол + финитный глагол); *пришел делать* (финитный глагол + инфинитив); *пришел, чтобы сделать* (финитный глагол + *чтобы* + инфинитив); *пришел для делания* (финитный глагол + предложная группа с номинализацией). Всего в Евангелии от Луки 193 таких контекста, в Евангелии от Матфея — 186 контекстов (см. их список в *Приложении*). Каждый контекст был размечен с точки зрения того, является ли он целевым или не-целевым (см. *Раздел 3*), андативным или вентивным (см. *Раздел 4*). Указывалось, используется ли в нем показатель сопутствующего движения, если да, то в независимом употреблении или в деепричастной конструкции, если нет, то какая альтернативная конструкция используется. Отдельно, если в тунгусском переводе был использован глагол движения, указывалось, какой именно.

3. Предшествующее движение vs движение с целью

3.1. Классификация контекстов предшествующего движения

Материал переводов Библии дает возможность уточнить значение показателя *-ndA*: является ли он показателем предшествующего движения или более узким показателем движения с целью. Это интересно, в частности, в контексте более общего вопроса о том, считать ли движение с целью отдельной типологически релевантной категорией (см. *Раздел 1*).

Имеющиеся наблюдения дают не вполне однозначную картину, ср. примеры (14)–(16) из нанайского языка: в (14) можно говорить о предшествующем движении, в (15) — о движении с целью, (16) неоднозначен.

- НАНАЙСКИЙ
 (14) *palan-dola sisox sisox sisox golžon žulid-či-a-ni*
 пол-ЛОС ИДЕОРН ИДЕОРН ИДЕОРН очаг перед-LAT-OBL-3SG
tā-ndā-gu-xā-ni
 сидеть-AM-REP-PST-3SG

‘По полу **идет**, сисох, сисох, сисох шаркая, **и села** перед печкой’. [Бельды, Булгакова 2012: 178, текст 16:60]

- НАНАЙСКИЙ
 (15) *simbi-a xaj bələci-ndā-xəm-bi-a un-ži*
 2SG-ACC что помогать-AM-PST-1SG-EMPH говорить-PRS
 ‘Тетя, ты зачем приехала?’ Я **приехала** тебе **помочь**, говорит’. [Оскольская и др. 2013, nmch_110815_ns_MatJagody.069]

- НАНАЙСКИЙ
 (16) *Keaŋa tata ən'uə-wə-ni gələ-ndā-m' aja*
 Киана старуха котел-ACC-3SG просить-AM-CVB.SIM.SG хорошо
 ‘(...) **Пойдемте просить / пойдемте попросим** котел у старухи Киана (...)’ [Авrorин 1986: текст 16]

В этом разделе на материале перевода Евангелия от Луки на на-найский язык я проверяю, какая доля целевых vs не-целевых контекстов покрывается показателем *-nda*. Не все контексты предшествующего движения можно с надежностью охарактеризовать как целевые vs не-целевые, скорее имеет место континуум, и внутри него именно про «серую зону» промежуточных контекстов (таких как (16)) наименее очевидно и особенно интересно, будут ли они оформлены соответствующим показателем. Ниже я обсуждаю более подробную классификацию контекстов, которую в перспективе можно использовать для исследования показателей предшествующего движения и/или движения с целью на более широком материале.

Я расклассифицировала контексты предшествующего движения, опираясь на два признака. Первый — симметрия vs асимметрия между ситуацией движения и ситуацией лексического глагола: ситуации могут быть симметричны или одна из них осмысливается как центральная, а вторая — как периферийная. В бесспорно целевых ситуациях центральная ситуация — ситуация движения (*пришел делать*), в бесспорно не-целевых — ситуация лексического глагола (*придя, сделал*). Само по себе это противопоставление семантико-прагматическое, но в реальности при классификации я прежде всего полагалась на стимульный (русский) контекст:

- центральная ситуация — лексический глагол: в стимульном контексте глагол движения оформлен зависимой клаузой или деепричастием, лексический глагол — финитный (*когда пришел, возвестил; придя, возвестил*);
- ситуации симметричны: в стимульном контексте сочиненная структура с двумя финитными глаголами (*пришел и возвестил*);
- центральная ситуация — движение: в стимульном контексте глагол движения — финитный, лексический глагол — целевая клауза (в русском: инфинитив, зависимая клауза со *чтобы*) или предложная группа (*пришел возвестить; пришел, чтобы возвестить; пришел для возвещения*).

Вторым основанием для классификации была охарактеризованность ситуаций движения и лексического глагола по истинности. Определяющая особенность целевого контекста состоит в том, что он относится к контекстам т. н. снятой утвердительности, или неверидикальности (см. различные подходы к (не)веридикальности в [Zwarts 1995; Giannakidou 2009; Падучева 2015]; ср. также обобщающую работу [Giannakidou, Mari 2021]). Ситуация движения охарактеризована по истинности, тогда как ситуации лексического глагола (ситуации-цели) истинностная характеристика не дается: *пришел и победил* = ‘верно, что пришел, верно, что победил’ vs *пришел, чтобы победить* = ‘верно, что пришел, неизвестно, победил ли’. Можно рассматривать то же противопоставление в терминах реальности / ирреальности (ситуация-цель ирреальна), однако более общая, истинностная характеристика оказывается удобнее.

Эту часть классификации я старалась сделать максимально независимой от стимульного (русского) текста. При разметке для характеристики каждой из двух ситуаций использовались пометы “ver” и “nonver” (ситуация охарактеризована / не охарактеризована по истинности), а также “ver+” и “nonver+” (ситуация охарактеризована / не охарактеризована по истинности, и более широкий контекст дает этому бесспорные свидетельства).

Комбинация указанных двух признаков позволяет разбить контексты предшествующего движения на семь типов, располагающихся в континууме от бесспорно не-целевых до бесспорно целевых так, как представлено в (17). Сами типы и стоящие за ними комбинации признаков показаны в *Таблице 1* (с. 482). Ниже все типы обсуждаются и иллюстрируются примерами.

- (17) НЕЦЕЛЕВЫЕ \longleftrightarrow ЦЕЛЕВЫЕ
 1) NONPURP++ — 2) NONPURP+ — 3) NONPURP? — 4) NONPURP / PURP — 5) PURP / NONPURP — 6) PURP? — 7) PURP+

Типы 3 и 6 (“nonpurp?” и “purp?”) наиболее характерны для нарративного типа текста, преимущественно представленного в Евангелии. Это контексты, оформленные в стимульных предложениях как сочиненная (тип 3) vs как целевая конструкция (тип 6), обе ситуации

Таблица 1. Семантические типы предшествующего движения

Table 1. Semantic types of prior motion

Тип	(а)симметрия между ситуациями движения и лексического глагола	охарактеризованность по истинности
1) NONPURP++	центральная ситуация — лексический глагол	любая комбинация
2) NONPURP+	ситуации симметричны	движение: ver, лекс. глаг.: ver+
3) NONPURP?		движение: ver, лекс. глаг.: ver
4) NONPURP / PURP		движение: nonver, лекс. глаг.: nonver
5) PURP / NONPURP		движение: ver, лекс. глаг.: nonver
6) PURP?	центральная ситуация — движение	движение: ver, лекс. глаг.: nonver
7) PURP+		движение: ver, лекс. глаг.: nonver+

с референцией к прошлому. Ситуация лексического глагола, предположительно охарактеризованная (тип 3) vs предположительно неохарактеризованная по истинности (тип 6), однако отчетливых свидетельств этому в тексте нет. Тип 3 иллюстрируется примером (18а), тип 6 — примером (19а):

(18) а. <...> *И вошла* в дом Захарии, и *приветствовала* Елисавету. [Лк. 1:40]

≈ б. *вошла поприветствовать*

(19) а. *И вышли видеть* происшедшее; и, придя к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисуса, одетого и в здравом уме; и ужаснулись. [Лк. 8:35]

≈ б. *вышли и видели*

Как видно из примеров, разница между типами 3 и 6 трудноуловима: в том же контексте вполне естественны были бы соотносительные пары (18б) и (19б), иллюстрирующие, соответственно, противоположный тип. Единственный (ненадежный) ориентир при определении типа — синтаксическое оформление в стимульном контексте.

Тип 1 (“nonpurp++”), иллюстрируемый примером (20), составляют употребления, оформленные в стимульном предложении конструкцией с финитным лексическим глаголом и зависимым глаголом движения (в русском переводе: деепричастие или союзное временное придаточное). Такое оформление указывает на то, что ситуация движения в данном случае семантически периферийная, а ситуация лексического глагола — центральная, а не наоборот, как в целевых контекстах. Таким образом, эти контексты с большей уверенностью могут быть атрибутированы как не-целевые (даже если между ситуациями можно усмотреть причинно-следственную связь, как в (20)).

- (20) <...> *Подойдя сзади, коснулась края одежды Его; и тотчас течение крови у ней остановилось.* [Лк. 8:44] ≠ *подошла, чтобы коснуться*

Контексты типа 2 (“nonpurp+”) имеют в стимульном предложении то же финитное оформление, что и контексты типа 3. Отличаются они тем, что для них можно надежно установить, что говорящим утверждается истинность ситуации лексического глагола. Возможность эта появляется для неконтролируемых ситуаций: для них целевая интерпретация недоступна, см. примеры (21) и (22):

- (21) *На это сказал Иисус: некоторый человек **шел** из Иерусалима в Иерихон **и попался** разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым...* [Лк. 10:30] ≠ *#шел для того, чтобы попасться разбойникам*
- (22) *Встав от молитвы, Он **пришел** к ученикам, и **нашел** их спящими от печали.* [Лк. 22:45] ≠ *#пришел, чтобы найти спящими*

Тип 7 (“purp+”), наоборот, представлен контекстами, для которых можно с уверенностью постулировать целевое значение. Это такие

контексты с целевой клаузой в стимульном предложении, для которых, в отличие от контекстов типа б с тем же оформлением, очевидна снятая утвердительность ситуации лексического глагола. Надежным свидетельством снятой утвердительности может служить, например, отрицание лексического глагола в правом контексте, как в сконструированном примере (23а), ср. с (19а) выше. В отличие от (19а), в (23а) очевидно, что ситуация ‘увидеть’ не была реализована, т. е. мы имеем дело с собственно целевым значением (ср. невозможность подставить в тот же контекст сочинительную конструкцию в (23б)).

(23) а. *И вышли, чтобы увидеть происшедшее. Но ничего не увидели.*

б. **И вышли и увидели происшедшее. Но ничего не увидели.*

В выборке из Евангелия таких примеров не встретилось⁸, но есть примеры типа (24), в которых правый контекст также указывает на собственно целевое значение с достаточной очевидностью. В (24) из Евангелия от Матфея за *побежали возвестить* следует описание встречи, которая происходит между ситуациями ‘побежали’ и ‘возвестить’, из чего понятно, что ситуация ‘возвестить’ в *побежали возвестить* концептуализируется как нереализованная.

(24) *И, выйдя поспешно из гроба, они со страхом и радостью великою **побежали возвестить** ученикам Его. Когда же шли они возвестить ученикам Его, и се Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему. [Мф. 28:8–9]*

Другое указание на бесспорно целевое значение и неохарактеризованность ситуации лексического глагола по истинности — несовпадение временных пластов ситуации движения и ситуации лексического глагола. Убедительны в этом смысле примеры типа (25)–(27)

⁸ Похож на обсуждаемые пример с отрицанием: ⟨...⟩ и пришел искать плод на ней, и не нашел [Лк. 13:6]. Но в нем отрицается не ситуация ‘искать’, а результирующая ситуация ‘найти’.

не из нарратива, в которых границей временных пластов служит момент речи. Такие употребления описывают ситуацию движения с референцией к моменту речи (25) или к точке до момента речи (26), (27) и ситуацию лексического глагола с референцией к будущему.

- (25) *Другой сказал: я купил пять пар волов и **иду испытать** их; прошу тебя, извини меня.* [Лк. 14:19] — ‘уже иду, еще не испытал’
- (26) *Ты **пришел погубить** нас.* [Лк. 4:34] — ‘уже пришел, еще не погубил’
- (27) *Я **пришел призвать** не праведников, а грешников к покаянию.* [Лк. 5:32] — ‘уже пришел, еще не призвал’

Наконец, типы 4 и 5 (“nonpurp / purp”, “purp / nonpurp”) располагаются в середине континуума от отчетливо не-целевых к целевым. Речь идет о «контекстах нейтрализации», в которых снятая утвердительность распространяется и на ситуацию движения, и на ситуацию лексического глагола, ср. примеры (28) (тип 4) и (29) (тип 5).

- (28) *И сказал им Иисус в ответ: **пойдите, скажите** Иоанну, что вы видели и слышали: слепые прозревают, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают, нищие благовествуют... [Лк. 7:22] ≈ пойдите сказать*
- (29) *Услышав об Иисусе, он послал к Нему Иудейских старейшин просить Его, чтобы **пришел исцелить** слугу его. [Лк. 7:3] ≈ чтобы пришел и исцелил*

В таких употреблениях снятая утвердительность ситуации движения задана внешним грамматическим контекстом — будущим временем, императивом или гортативом, контрфактическим условием, модальным предикатом и другими известными триггерами снятой утвердительности (см. их краткий обобщающий список, например, в [Taboada, Tpanavac 2014: 3–4]). Для ситуации лексического глагола источник снятой утвердительности в точности не известен: либо это тот же внешний контекст (и тогда значение не-целевое: *пошли*

сказали → чтобы [пойти сказать]), либо утвердительность снижается целевой семантикой (и тогда значение целевое: пошли [сказать] → чтобы [пойти [сказать]]). Некоторые указания может дать форма глагола в стимульном переводе (пойдите скажите — тип 4: “nonpurp / purp”, пришел исцелить — тип 5: “purp / nonpurp”), однако семантически типы 4 и 5 действительно очень близки, а соответствующие формы, как правило, взаимозаменяемы.

3.2. Предшествующее движение vs движение с целью: данные нанайского языка

В *Таблице 2* приведены данные по нанайскому переводу Евангелия от Луки: для каждого из перечисленных семи типов подсчитана доля примеров, оформленных показателем сопутствующего движения, от всех примеров соответствующего типа. В *Таблице 3* те же данные представлены в обобщенном виде: для всех целевых контекстов (оформленных в стимульных предложениях целевой конструкцией; типы 5–7) vs для всех не-целевых, за исключением тех, в которых показатель сопутствующего движения не встретился ни разу (типы 3–4).

Данные *Таблиц 2* и *3* позволяют сделать следующие обобщения. Целевые контексты (оформленные в стимульных предложениях целевой конструкцией: типы 5–7) значительно чаще оформляются показателем *-ndA*, чем не-целевые (оформленные в стимульных предложениях сочинительной конструкцией: типы 3–4), *Таблица 3*⁹.

Употребления *-ndA* засвидетельствованы для всех типов целевых контекстов. Их процент максимален в контекстах снятой утвердительности: тип 5 (“purp / nonpurp”: *иди сказать*), ср. (30). Впрочем, возможно в силу малого количества примеров, разница с другими целевыми типами (6 и 7) статистически незначима, см. *Таблицу 2*.

⁹ В *Таблице 3* учтены только те типы, в которых показатель встретился хотя бы единожды, если же учитывать и те типы, в которых он не встретился, т. е. типы 1 и 2, то асимметрия будет еще отчетливее.

Таблица 2. Целевые vs не-целевые контексты в нанайском переводе Евангелия от Луки: процент употреблений с показателем сопутствующего движения

Table 2. Purposive vs. non-purposive contexts in the Nanai translation of the Gospel of Luke: % of uses with the AM-suffix

Тип	с показателем АМ	без показателя АМ	% с показателем АМ
1) NONPURP++	0	54	0 %
2) NONPURP+	0	9	0 %
3) NONPURP?	2	52	4 %
4) NONPURP / PURP	5	18	22 %
5) PURP / NONPURP	7	9	44 %
6) PURP?	7	18	28 %
7) PURP+	3	9	25 %
всего	24	169	12,44 %

Примечание: по точному двустороннему критерию Фишера разница между типами 3 и 4 значима ($p=0,0224$), разница между типами 5 и 6, 7 незначима ($p=0,337$).

Таблица 3. Целевые vs не-целевые контексты в нанайском переводе Евангелия от Луки — обобщение: процент употреблений с показателем сопутствующего движения (только в типах, допускающих показатель АМ)

Table 3. Purposive vs. non-purposive contexts in the Nanai translation of the Gospel of Luke — a general picture: % of uses with the AM-suffix (only in types where the AM marker is attested)

Тип	с показателем АМ	без показателя АМ	% с показателем АМ
не-целевые: типы 3–4	7	70	9,09 %
целевые: типы 5–7	17	53	24,29 %

Примечание: по точному двустороннему критерию Фишера разница между не-целевыми и целевыми типами значима ($p=0,0147$).

НАНАЙСКИЙ

- (30) *дэуси-мди-вэ окчи-нда-го-а-ни гэлэ-гу-э-чи*
 работать-AG-ACC лечить-AM-PURP-OBL-3SG просить-PURP-OBL-3PL
 ‘⟨...Послал старейшин⟩ просить Его, чтобы **пришел исцелить**
 слугу его ⟨...⟩’ [Lk_gld, Лк. 7:3]

Не-целевые контексты оформляются показателем *-нда* значительно более избирательно. В контекстах, для которых семантически центральной оказывается ситуация лексического глагола (тип 1: *пойдя сделал*), показатель *-нда* не употребляется. В не-целевых контекстах с симметрией ситуаций движения и лексического глагола он встречается, но это почти исключительно употребления в контексте снятой утвердительности, тип 4 (“nonpurp / purp”: *пойди и сделай*), ср. (31). Для этого типа контекстов частота употребления *-нда* сопоставима с частотой в целевых контекстах, см. *Таблицу 2*.

НАНАЙСКИЙ

- (31) *тургэн-ди дэрэ-чи тэ-ндэ-су*
 быстрый-ADV стол-LAT садиться-AM-IMP.PL
 ‘⟨...⟩ **Пойди** скорее, **садись** за стол ⟨...⟩’ [Lk_gld, Лк. 17:7]

Примеров типа 2 (“nonpurp+”, с симметрией ситуаций, но бесспорно не-целевых) не встретилось (но таких контекстов в выборке в целом довольно мало). Примеров типа 3 (“nonpurp?”) всего два. Первый, (32), более убедительный, во втором, (33), нанайский перевод не полностью соответствует стимульному предложению, учитывая это, пример можно отнести и к целевым.

НАНАЙСКИЙ

- (32) *Тэй хотон-ду би най-сал-ба алоси-нда-ми*
 тот город-DAT быть.PRS человек-PL-ACC учить-AM-CVB.SIM.SG
ЭНЭ-хэ-ни
 идти-PST-3SG
 ‘Он **пошел и проповедовал** по всему городу ⟨...⟩ (букв. людям, которые были в том городе)’ [Lk_gld, Лк. 8:39]

- НАНАЙСКИЙ
- (33) *Туй_тара тэй боа-ду би най-чи*
 потом тот место-DAT быть.PRS человек-LAT
дэбоу-го-и гэлэ-ндэ-хэ-ни
 работа-DEST-REFL.SG просить-AM-PST-3SG
- ‘⟨...⟩ И **пошел, пристал** к одному из жителей страны той ⟨...⟩
 (букв. потом **пошел и попросил / пошел просить** себе работы
 у человека, который жил в том месте)’ [Lk_gld, Лк. 15:15]

Результаты суммируются в виде схемы (34) (ср. с (17) выше):

- (34) НЕЦЕЛЕВЫЕ ← ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ → ЦЕЛЕВЫЕ
 асимметричные (‘пойдя, сделал’) ← симметричные (‘пошел
 и сделал’) → асимметричные (‘пошел делать’)
 1) NONPURP++ — 2) NONPURP+ — 3) NONPURP? — 4) NONPURP /
 PURP — 5) PURP / NONPURP — 6) PURP? — 7) PURP+

Еще раз подчеркнем особый статус середины шкалы (типы 4 и 5), а именно употреблений с внешним контекстом снятой утвердительности, который, как было отмечено выше (*Раздел 3.1*), стирает границу между целевым и не-целевым значением. Тип 4 — основной среди не-целевых, тип 5 несколько опережает по частоте употреблений *-ndA* остальные целевые.

4. Пространственная нейтральность

Как было отмечено выше (*Раздел 1*), тунгусский показатель *-ndA* свободно употребляется и в андативных контекстах (‘туда’), см. (35), и в вентивных (‘сюда’), см. (36).

- НАНАЙСКИЙ
- (35) *Най тао-ни мэнэ хотон-чи-и мэни*
 человек каждый-3SG REFL город-LAT-REFL.SG REFL.ACC

конструкций с выраженным глаголом движения я также обращала внимание на глагол движения, употребленный в нанайском переводе (существенных расхождений с русским не обнаружено), для независимого употребления *-nda* эта возможность недоступна. Ниже приведены типы контекстов с примерами:

— вентивные (“ventive+”): в русском тексте вентивный глагол (на *при-*: *прийти* и под.):

(37) *Пришел первый и сказал: господин! мина твоя принесла десять мин.* [Лк. 19:16]

— вентивные спорные (“ventive?”): в стимульном контексте действительности нейтральный глагол, более широкий контекст скорее вентивный:

(38) *Видя то, ученики Его, Иаков и Иоанн, сказали: Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал?* [Лк. 9:54] — ‘сошел сюда’

— андативные (“andative+”): в стимульном контексте андативный глагол (на *у-*, *по-*, без префикса: *уйти*, *пойти*, *идти* и под.):

— андативные (“andative+”): в стимульном контексте андативный глагол (на *у-*, *по-*, без префикса: *уйти*, *пойти*, *идти* и под.):

(39) *Увидев <их>, Он сказал им: пойдите, покажитесь священникам. И когда они шли, очистились.* [Лк. 9:54]

Среди этих контекстов больше неочевидных, чем среди вентивных, ср. (40):

(40) *И пошли некоторые из наших ко гробу и нашли так, как и женщины говорили, но Его не видели.* [Лк. 24:24] ≈ *пошли, пришли и нашли*

и образуемые ими вентивная и андативная семантические зоны не разграничены жестко. Не всегда помогает и более широкий контекст. В качестве компромиссного решения как вентивные и андативные я размечала самые очевидные контексты, значительную часть отнеся к «спорным».

— андативные спорные (“andative?”): в стимульном контексте дейктически нейтральный глагол, более широкий контекст скорее вентивный:

(41) *И Сам отошел от них на вержение камня, и, преклонив колени, молился <...>* [Лк. 22:41]

— спорные (“???”): в стимульном контексте дейктически нейтральный глагол, по более широкому контексту не очевидно:

(42) *Когда же он говорил это, явилось облако и осенило их; и устрашились, когда вошли в облако.* [Лк. 9:34]

Результаты для нанайских текстов показаны в *Таблицах 4 и 5*. В *Таблице 4* учтены все контексты предшествующего движения (всего 193), а в *Таблице 5* из подсчетов исключены те контексты, в которых показатель *-ndA* не появляется ни разу (типа *пойдя, сделал*, см. о них выше в *Разделе 3*), итого рассмотрено 130 контекстов.

Таблица 4. Андативные и вентивные контексты в нанайском переводе Евангелия от Луки: процент употреблений с показателем сопутствующего движения

Table 4. Andative and ventive contexts in the Nanai translation of the Gospel of Luke: % of uses with the AM-suffix

	с показателем AM	без показателя AM	% с показателем AM
andative+	15	30	33,33 %
ventive+	7	60	10,45 %
???	1	47	2,08 %
andative?	0	1	0,00 %
ventive?	1	31	3,13 %
всего	24	169	12,44 %

Примечание: по точному двустороннему критерию Фишера разница между типами “andative+” и “ventive+” значима ($p=0,0037$).

Таблица 5. Андативные и вентивные контексты в нанайском переводе Евангелия от Луки: процент употреблений с показателем сопутствующего движения (подвыборка характерных для показателя контекстов)

Table 5. Andative and ventive contexts in the Nanai translation of the Gospel of Luke: % of uses with the AM-suffix (only the contexts typical of the marker)

	с показателем АМ	без показателя АМ	% с показателем АМ
andative+	15	24	38,46 %
ventive+	7	41	14,58 %
???	1	25	3,85 %
andative?	0	1	0,00 %
ventive?	1	15	6,25 %
всего	24	106	18,46 %

Примечание: по точному двустороннему критерию Фишера разница между типами “andative+” и “ventive+” значима ($p=0,0138$).

Данные обеих таблиц свидетельствуют о том, что показатель *-ndA*, хотя и семантически нейтрален в том смысле, что может употребляться и в вентивном, и в андативном значении, действительно тяготеет к андативному. Доля употреблений с показателем сопутствующего движения в андативных контекстах выше, чем в вентивных. Эффект менее заметен в отфильтрованной выборке примеров из *Таблицы 5*, однако статистически значим в обеих выборках.

5. Показатель АМ в переводах Евангелия от Луки на нанайский, эвенский и эвенкийский: сопоставление

В эвенском и эвенкийском переводах Евангелия от Луки показатель *-ndA* встречается в проверенных нами контекстах предшествующего движения гораздо реже, чем в нанайском переводе, см. *Таблицу 6*.

Таблица 6. Показатель АМ в Евангелии от Луки: эвенкийский, эвенкийский и нанайский переводы

Table 6. The AM-suffix in the Gospel of Luke: the Even, Evenki, and Nanai translations

	эвенкийский	эвенкийский	нанайский
Количество употреблений	5	6	24
Тип употреблений	независимое	деепричастное	независимое (11 употреблений) и деепричастное (13 употреблений)

В эвенском и в эвенкийском текстах все немногочисленные употребления — независимые (т. е. с финитным лексическим глаголом и суффиксом АМ, а не в деепричастной конструкции с глаголом движения¹¹). При этом в эвенкийском все они встретились при одном и том же глаголе *ичэ-* ‘видеть’, в эвенском — три из пяти при глаголе *ит-* ‘видеть’. В нанайском тексте независимых употреблений и употреблений в деепричастной конструкции примерно равное количество; употребления с глаголом *ичэ-* ‘видеть’ частотны (5 употреблений), но большинства не составляют. Таким образом, на этом материале можно сделать вывод о большей конвенционализации показателя *-ndA* в эвенкийском и эвенском переводах, чем в нанайском.

Контексты употребления, обнаруженные в эвенкийском и эвенском, а также их соответствия в нанайском перечислены в *Таблице 7* (полный список контекстов с указанием о наличии / отсутствии показателя *-ndA* в каждом из языков, включая нанайский, см. в *Приложении*). В (43) и (44) даны два иллюстративных примера.

- ЭВЕНКИЙСКИЙ
- (43) *Вуплеём-дулā суру-гэ̄т, ичэ-нэ̄-гэ̄т,*
 Вифлеем-ЛОС уйти-НОРТ видеть-АМ-НОРТ

¹¹ В примере (43) независимое употребление показателя АМ дополняется финитным глаголом движения в предтексте (‘пойдем, пойдем-посмотрим’), т. н. эхо-конструкция в терминологии [Pakendorf, Stoynova 2021].

Экун та-дᵛ̄ ḡ-чḗ
 что тот-ДАГ статья-PST.3SG

‘⟨...⟩ **Пойдем** в Вифлеем и **посмотрим**, что там случилось
 ⟨...⟩ (букв. пойдём в Вифлеем, пойдём посмотрим)’. [Lk_evп,
 Лк. 2:15]

ЭВЕНСКИЙ

(44) *Бэи-л ит-нэ-ри-тэн ха-да-вур, як-та*
 человек-PL видеть-AM-PST-3PL знать-PURP-REFL.PL что-PTCL

би-чэ-вэ-н.
 быть-PTCP.PST-ACC-3SG

‘И **вышли** **видеть** происшедшее’. [Lk_eve, Лк. 8:35]

Таблица 7. Контексты употребления показателя АМ в Евангелии от Луки:
 эвенский, эвенкийский и нанайский переводы

Table 7. The contexts typical of AM-suffix in the Gospel of Luke: the Even, Evenki,
 and Nanai translations

Контекст	эвенский	эвенкийский	нанайский
<i>пойдем в Вифлеем и посмотрим</i> [2:15]	нет	да	да
<i>приходившему креститься</i> [3:7]	да	нет	да
<i>вышли видеть происшедшее</i> [8:35]	да	да	нет
<i>пришел искать плод на ней</i> [13:6]	нет	да	нет
<i>мне нужно пойти посмотреть ее (землю)</i> [14:18]	да	да	да
<i>иду испытать их (волов)</i> [14:19]	да	да	да
<i>вошли в храм помолиться</i> [18:10]	да	нет	нет
<i>сшедшийся на сие зрелище</i> [23:48]	нет	да	нет

Таблица 7 показывает, что контексты употребления *-ndA* в трех тунгусо-маньчжурских языках не вполне единообразны: всего два контекста оформлены показателем *-ndA* во всех трех языках (выделены темно-серым), три контекста оформлены им в двух языках (выделены светло-серым).

Возникает вопрос о том, отражают ли эти данные различия между самими языками или скорее между конкретными текстами. Аналогичного сопоставления ровно этих трех языковых разновидностей на материале других текстов не проводилось.

Данные по спонтанным нарративам в шести тунгусо-маньчжурских идиомах показывают, что вариативность между ними как в частотности показателя *-ndA*, так и в частотном распределении между независимым и деепричастным типами употреблений достаточно велика [Pakendorf, Stoynova 2021: 865, 867]. Это касается, в частности, и диалектов одного языка. В этом отношении данные библейских переводов не выглядят неожиданными.

Сопоставимых подсчетов по эвенкийскому языку нет. Судя по текстам из корпуса О. А. Казакевич и др., показатель сопутствующего движения в нем используется достаточно широко и не производит впечатления лексикализованного маркера, в т. ч. и в говорах, близких к литературному языку, см. пример (45).

- ЭВЕНКИЙСКИЙ (говоры Подкаменной Тунгуски)
- (45) *Čaŋit tar čaŋit-pa tarə aŋi-wāt*
 разбойник тот разбойник-ACC тот.ACC это-IMP.1PL(INCL)
čok-nā-γāt
 убивать-AM-IMP.1PL(INCL)
 ‘Давай это самое, **пойдем убьем** того медведя (≠разбойника)’.
 [Казакевич и др. 2007]

Для эвенского в [Pakendorf, Stoynova 2021] есть данные по двум говорам, далеким от литературного языка, использованного в переводе Библии, — ламунхинскому и быстринскому. Данные по двум этим говорам сильно разнятся. В быстринском частотность показателя примерно такая же, как в нанайском (23 употребления на 1 тыс. предложений), в ламунхинском — значительно ниже (12 употреблений). В тексте Евангелия его частотность еще ниже — около 4 употреблений на 1 000 предложений (5/1151). Что касается распределения между независимым и деепричастным типами употреблений, то в спонтанных текстах на быстринском говоре, как и в переводе Евангелия, деепричастная конструкция с *-ndA* практически

не используется (1 % всех употреблений), а в ламунхинском, наоборот, частотна (47 %).

Для нанайского языка я провожу последовательное сопоставление с данными спонтанных нарративов в *Разделе 6* (где в целом обсуждается специфика переводов Евангелия и надежность этих лингвистических данных). Заметных различий между ними и текстом Евангелия от Луки нет.

6. Вопрос о надежности данных переводов Нового Завета

6.1. Евангелие от Луки и спонтанные нарративы

Применительно к переводным текстам вообще и особенно к специфическому жанру переводов Библии возникает вопрос о том, дает ли такой материал адекватное представление об исследуемом языке. Этот вопрос подробно обсуждается, например, в статье [Konoshenko, this volume] о цитативных показателях в переводах Нового Завета на гвинейский и либерийский кпелле (манде). Ниже я проверяю надежность использованного в работе нанайского перевода Евангелия от Луки несколькими способами. В этом разделе я сравниваю употребление показателя АМ в Евангелии от Луки и в спонтанных нарративах. Ниже, в *Разделе 6.2* сопоставлены данные двух разных переводов — более позднего перевода Евангелия от Луки и более раннего перевода Евангелия от Матфея. Наконец, в *Разделе 6.3* я привожу количественные данные по употреблению в текстах Евангелия нехарактерной для тунгусо-маньчжурских языков конструкции с финитным сочинением (*пошел и сделал*).

Для сопоставления с данными Евангелия от Луки я взяла небольшую выборку спонтанных нарративов от носителей средне-амурского диалекта нанайского языка (того же, на который переведено Евангелие от Луки). В выборку вошли тексты из сборников фольклора [Аврорин 1986: тексты 13–24] (сказки), [Бельды, Булгакова 2012] (сказки, легенды), а также тексты, записанные в 2009–2013 гг. С. А. Оскольской,

Н. М. Стойновой, К. А. Шагал (сказки, бытовой нарратив); всего 6 673 предложений, на них приходится 168 употреблений показателя сопутствующего движения, за вычетом очевидно лексикализованных — 136. Подробнее данные этой выборки текстов (в сопоставлении с данными удэгейских текстов) обсуждаются в [Стойнова 2017].

Ниже употребления показателя сопутствующего движения в Евангелии от Луки и в выборке спонтанных нарративов сравниваются по трем параметрам: общая частотность (*Таблица 8*), количество употреблений с андативной ('туда') vs с вентивной ('сюда') интерпретацией (*Таблица 9*) и количество независимых употреблений vs употреблений в деепричастной конструкции с выраженным глаголом движения (*Таблица 10*).

Таблица 8. Показатель сопутствующего движения в Евангелии от Луки и в спонтанных нарративах: частотность

Table 8. The AM-suffix in the Gospel of Luke vs. in spontaneous narratives: frequency

	употреблений показателя АМ	предложений в выборке	употреблений на 1000 предложений
Евангелие от Луки	24	1151	20,85
спонтанные нарративы	136	6673	20,38

Обсуждая данные *Таблицы 8*, следует сделать две технические оговорки. Во-первых, для евангельского текста учтены не все встретившиеся в нем употребления показателя сопутствующего движения, а только обнаруженные в ожидаемых нами контекстах. Во-вторых, разбиение на «предложения» в Евангелии и в спонтанных нарративах, возможно, несколько различается (вряд ли значительно, но более точной была бы оценка количества употреблений на количество предикатов, технически труднодоступная для рассматриваемых текстов). В качестве «предложения» для текста Евангелия учитывался один стих, в спонтанных устных нарративах деление на предложения соответствовало примерному условному делению, предложенному

нами при расшифровке текстов / предложенному авторами опубликованных текстов.

Несмотря на приблизительность подсчетов, они показывают неожиданно точное совпадение в частотности показателя сопутствующего движения между двумя выборками. Это позволяет надеяться, что, во-первых, данные Евангелия не отличаются от данных спонтанных нарративов, несмотря на жанровое своеобразие и переводной характер, а во-вторых, что показатель сопутствующего движения употребляется в них действительно преимущественно в ожидаемых нами контекстах. Если последнее неверно, то реальная частотность показателя в переводе Евангелия выше указанной в *Таблице 8* (и выше, чем в спонтанных нарративах).

Из *Таблицы 9* видно, что соотношение андативных vs вентивных употреблений показателя сопутствующего движения в Евангелии от Луки также примерно совпадает с соотношением в спонтанных нарративах (разница статистически не значима).

Таблица 9. Показатель сопутствующего движения в Евангелии от Луки и в спонтанных нарративах: андативные (*пойти, чтобы V*) vs вентивные (*прийти, чтобы V*) употребления

Table 9. The AM-suffix in the Gospel of Luke vs. in spontaneous narratives: andative (*go to V*) vs. ventive (*come to V*) uses

	андативные	вентивные	спорные	% вентивных (от вентивных и андативных)
Евангелие от Луки	15	7	2	31,82 %
спонтанные нарративы	87	32	17	26,89 %

Примечание: по точному двустороннему критерию Фишера разница между Евангелием от Луки и спонтанными нарративами незначима ($p=0,6134$).

Единственное заметное различие между выборками отражено в *Таблице 10*: в переводе Евангелия значимо выше процент употреблений в деепричастной конструкции ('пошел делая-ам').

Таблица 10. Показатель сопутствующего движения в Евангелии от Луки и в спонтанных нарративах: независимое vs деепричастное употребление

Table 10. The AM-suffix in the Gospel of Luke vs. in spontaneous narratives: independent vs. converbial uses

	независимое	деепричастное	% деепричастных употреблений
Евангелие от Луки	11	13	54,17 %
спонтанные нарративы	99	37	27,00 %

Примечание: по точному двустороннему критерию Фишера разница между Евангелием от Луки и спонтанными нарративами значима ($p=0,0153$).

Это можно связать с переводным характером текста: ни в русском, ни в других языках, на которые мог ориентироваться переводчик, ситуация движения не может выражаться аффиксом ('сделал-ам'). Плеонастическая деепричастная конструкция, в которой она выражена и аффиксом, и лексическим глаголом, структурно ближе к соответствующей русской конструкции (*пошел и сделал, пошел делать*). См. о еще одном типе синтаксического копирования в переводе Библии в *Разделе 6.3*.

6.2. Евангелие от Луки и Евангелие от Матфея

Для нанайского языка я сравнила данные современного перевода Евангелия от Луки с данными перевода Евангелия от Матфея кон. XIX в. (см. о переводах Библии на тунгусо-маньчжурские языки *Раздел 2*). Доля контекстов, оформленных показателем сопутствующего движения, от всех контекстов предшествующего движения показана в *Таблице 11*.

По доле употреблений показателя АМ Евангелие от Матфея уступает Евангелию от Луки не очень заметно, однако на самом деле на материале этого перевода показатель не кажется продуктивным. Все употребления в той или иной степени конвенционализированы, см. полный список в (46):

Таблица 11. Показатель сопутствующего движения
в Евангелии от Луки (2002) и в Евангелии от Матфея (1884)

Table 11. The AM-suffix in the Gospel of Luke (2002)
vs. in the Gospel of Matthew (1884)

	с показателем АМ	без показателя АМ	всего
Евангелие от Луки	24 (12,44 %)	169 (87,56 %)	193
Евангелие от Матфея	16 (8,60 %)	170 (91,40 %)	186

(46) *бачи-нда-* ‘приветствовать-ам-’, *гали-нда-* (3 употребления) ‘звать / просить-ам-’, *иче-нда-* (5 употреблений) ‘смотреть-ам-’, *исе-нды-* (5 употреблений) ‘достичь-ам-’, *тэ-нна-*¹² (2 употребления) ‘сесть-ам-’ = ‘поселиться’

Значительную часть составляют явно лексикализованные употребления с глаголом *исе-* ‘достигать, добираться’ (без существенного изменения в значении), они встречаются в тексте и за пределами выборки, они же многочисленны и в современных нанайских записях спонтанных нарративов.

Таким образом, разница между Евангелием от Матфея и Евангелием от Луки есть, но не до конца понятно, как ее объяснить. Маловероятно, что дело исключительно в особенностях переводов. Как было сказано в *Разделе 2*, они написаны на двух очень разных диалектах, а в частотности и продуктивности суффикса сопутствующего движения вполне можно ожидать диалектного варьирования (ср. обсуждение эвенских диалектов в *Разделе 5*).

6.3. Финитная стратегия сочинения в Новом Завете

Есть еще одна точка, не связанная непосредственно с употреблениями показателя сопутствующего движения, в которой можно оценить степень надежности данных переводов Евангелия. Как

¹² Возможно, в данном случае это не показатель сопутствующего движения, а другой (непродуктивный) показатель.

было сказано выше, в нанайских переводах Евангелия часть контекстов предшествующего движения, не охваченных показателем сопутствующего движения, оформляется глаголом движения в нефинитной (деепричастной или причастной) форме и финитным лексическим глаголом (*придя сделал*), часть — сочетанием двух финитных глаголов (*пришел, потом сделал*). Последнее в целом для нанайского языка, тяготеющего к алтайской стратегии сочинения (нефинитная форма + финитная), нехарактерно. Если таких бифинитных конструкций в тексте много и они появляются в тех же позициях, в которых аналогичная конструкция употреблена в русском тексте, то можно подозревать копирование русской синтаксической модели (для русского языка финитная стратегия сочинения, наоборот, основная).

В *Таблице 12* приведены данные по нанайским переводам Евангелия от Луки и Евангелия от Матфея: для всех нанайских употреблений с нефинитной vs финитной конструкцией указано, какой конструкции они соответствуют в русском переводе.

Таблица 12. Финитное сочинение в конструкциях с предшествующим движением: нанайский перевод Евангелия от Луки и Евангелия от Матфея
Table 12. The finite coordination strategy in constructions denoting prior motion: the Gospels of Luke and Matthew in Nanai

Евангелие от Луки (2002)			
	нан.: fin fin	нан.: dep fin	% fin fin
русск.: fin fin	33	41	44,59 %
русск.: dep fin	0	52	0,00 %
% fin fin от суммы	нан.: 26,19 % fin fin, русск.: 58,73 % fin fin		
Евангелие от Матфея (1884)			
	нан.: fin fin	нан.: dep fin	% fin fin
русск.: fin fin	60	29	67,42 %
русск.: dep fin	0	58	0,00 %
% fin fin от суммы	нан.: 40,82 % fin fin, русск.: 60,54 % fin fin		

Общая доля контекстов, оформляемых финитными формами, от всех этих контекстов (контекстов потенциальной конкуренции финитной и нефинитной стратегий) для русского языка (с финитной стратегией сочинения) составляет для обоих Евангелий ок. 60 %. В обоих нанайских переводах она ожидаемо ниже, однако достаточно велика, причем в Евангелии от Матфея (ранний перевод) выше, чем в Евангелии от Луки (поздний перевод). В обоих Евангелиях все контексты, оформленные в русском переводе сочетанием нефинитной формы (или зависимой клаузы с подчинительным союзом) с финитной, так же оформлены в нанайском переводе. Из контекстов, которые в русском переводе оформлены сочинением финитных клауз, в нанайском переводе Евангелия от Луки так же оформлено чуть меньше половины контекстов, а в переводе Евангелия от Матфея — почти 70 % контекстов.

Таким образом, в переводах Нового Завета на нанайский язык действительно можно подозревать синтаксические кальки с русского. При этом они более характерны для перевода XIX в. (Евангелие от Матфея), чем для использованного в работе в качестве основного источника данных современного перевода (Евангелие от Луки).

7. О возможностях типологического исследования категории сопутствующего движения и других значений грамматической периферии на материале параллельных текстов Библии

Выше для исследования двух частных проблем, связанных с категорией сопутствующего движения в конкретной группе языков, был использован метод, принятый в целом в настоящем сборнике, а именно от значения к форме (top-down, или ономаσιологический, см. [Плунгян, наст. сб.; Филатов, наст. сб.]). Из текстов Нового Завета были заранее выбраны контексты, которые предположительно могут обслуживаться интересующими нас показателями, и на материале конкретных языков анализировались именно эти контексты. Для

такого исследования этот метод оказался вполне удобен. Выборку контекстов, подготовленную для анализа тунгусо-маньчжурского показателя *-ndA*, можно (видимо, в редуцированном виде) использовать и шире — для других языков, в которых возникают вопросы о разграничении целевых и не-целевых показателей предшествующего движения и/или вентивных / андативных показателей сопутствующего движения. Первый вопрос интересен для многих языков с категорией сопутствующего движения: показатели предшествующего движения есть во всех таких системах (см. типологическую иерархию [Levinson, Wilkins 2006]), и, как правило, неизвестно, какую конкретно зону они покрывают, насколько для них релевантна симметрия / асимметрия между ситуацией движения и ситуацией лексического глагола. Второй вопрос (о пространственной нейтральности) — очень специфический и касается лишь отдельных экзотических языков.

Если говорить о более широком типологическом исследовании на материале текстов Библии, предметом которого был бы весь набор параметров межъязыкового варьирования в зоне сопутствующего движения, то подход от значения к форме представляется не очень удачным. То же можно сказать обо всех значениях «грамматической периферии» — таких, которые в части языков получают грамматическое (прежде всего морфологическое) выражение, но достаточно часто передаются лексическими средствами. Если включать в выборку на равных основаниях и лексические, и грамматические средства, предмет такого исследования становится слишком размыт. Не очевидно (и скорее сомнительно), что лексические и грамматические средства обладают достаточным для этого набором общих свойств. Если ограничить исследование системами, где интересующая нас категория относится к области грамматики, то мы сталкиваемся с проблемой отбора контекстов, который происходит на материале языков с лексическими средствами (в данном случае — глаголами движения): русского / английского / испанского / французского / древнегреческого / латинского. Однако для языка с продуктивными морфологическими показателями сопутствующего движения или другой подобной категории эти показатели могут встретиться и за пределами таких контекстов — в менее предсказуемых местах. И наоборот,

в отобранных нами контекстах могут встретиться не ожидаемые морфологические, а лексические средства (которые обычно имеются и в языках со специализированными морфологическими показателями). Заранее подобрать контексты так, чтобы именно в них встретились ожидаемые морфологические показатели, причем в разных языках, задача совсем не тривиальная.

В работе [Wälchli 2006] на материале параллельных текстов Библии делается важное утверждение об одном из значений грамматической периферии — рефактивном ('опять', 'обратно'). Лексические показатели типа русского *опять* склонны употребляться в разных языках в одних и тех же контекстах, и они оформляют не все ситуации повтора, а только «эмфатические», те, которые говорящие считают нужным подчеркнуть (так, в предложении *Я проснулся* наречия *опять* не будет, хотя говорящий проснулся не впервые в жизни). Продуктивные морфологические показатели распределены по контекстам значительно более хаотично¹³. В частности, они склонны употребляться в тех случаях, когда повторение имеет место, но не нуждается в дополнительной экспликации и лексическими маркерами не оформляется.

Скорее всего, похожим образом дело обстоит и с морфологическими показателями сопутствующего движения, особенно в тех языках, где они достаточно продуктивны и частотны. Для рассмотренных тунгусо-маньчжурских языков я не проверяла, какая часть употреблений суффикса *-ndA* осталась в текстах Евангелия за пределами рассмотрения. Судя по наблюдениям, сделанным на материале спонтанных нарративов, и учитывая, что этот суффикс склонен оформлять целевые контексты, где компонент движения семантически центральный, вряд ли она велика (в контекстах типа *пошел, чтобы сделать* глагол движения в стимульных контекстах на языке без категории сопутствующего движения не может не появиться, т. е. такой контекст при составлении выборки пропущен не будет). Не вошли в рассмотрение, видимо, прежде всего лексикализованные и переносные

¹³ Б. Вэльхли говорит не о лексических и морфологических показателях, а о «тяжелых» и «легких», но в первом приближении эти классы совпадают.

употребления, ср. пример на проспективное употребление из нанайского языка (47), см. также упоминание лексикализованных употреблений с глаголом *ese-* ‘достигать’ в *Разделе 6.2*.

- НАНАЙСКИЙ
 (47) *tugdə tugdə-ndə-j-ni*
 дождь идти_о_дожде-AM-PRS-3SG
 ‘Дождь собирается’.

Однако для языков с более типичными системами показателей сопутствующего движения можно ожидать иной картины. Чтобы составить общее представление об их употреблении в переводах Библии, я взяла материал языка кавиненья (таканские), «образцового» языка Амазонии с богатой системой сопутствующего движения, наиболее подробно описанного в работах А. Гийома (см. [Guillaume 2006, 2008: 212–236, 2009] и др.). Для языка кавиненья существует перевод всего Нового Завета. Я посмотрела в этом переводе на употребление одной частотной формы с показателем сопутствующего движения — *aticuare* ‘пошел и сказал’. Она содержит один из суффиксов сопутствующего движения *-ti* — ‘предшествующее движение, не-дистрибутивная ситуация, движение от дейктического центра, движение субъекта лексического глагола’. Как и ожидалось, эта форма встретилась не только в тех контекстах, где в стимульном предложении есть глагол движения (48), но и в таких, где эксплицитного указания на движение в стимульном предложении нет (хотя из общих соображений можно предполагать, что движение действительно совершалось) (49).

- КАВИНЕНЬЯ
 (48) *jadya tu-na-ja-tu a-ti-cuare*
 so 3-PL-DAT-3 говорить-AM-REM.PST

‘И пришли к Иоанну и сказали ему: ⟨равви! Тот, Который был с тобою при Иордане и о Котором ты свидетельствовал, вот Он крестит, и все идут к Нему⟩’. [NewTest_cav, Ин. 3:26]

- КАВИНЕНЬЯ
 (49) *sueja-ti-cuare* “⟨...⟩” *jadya tu-ja-tu a-ti-cuare*
 рассказывать-AM-REM.PST так 3-DAT-3 говорить-AM-REM.PST

‘(Когда же корабельщики хотели бежать с корабля и спускали на море лодку, делая вид, будто хотят бросить якоря с носа, Павел) **сказал** (букв.: ‘пошел и рассказал) (сотнику и воинам: если они не останутся на корабле, то вы не можете спастись)’. [NewTest_cav, Деян.: 27:31]

В контексте (49), вероятно, действительно имеется в виду, что, прежде чем что-то сказать сотнику и воинам, Павел должен был к ним приблизиться, однако это не «эмфатический» в терминах Б. Вельхли контекст: специальными лексическими средствами эта идея, как видно из приведенного русского (и опорного для кавиненья испанского) перевода, не выражается.

Всего в тексте Нового Завета 67 употреблений формы *aticuare* ‘пошел и сказал’ (см. список в *Приложении*). Из них для 32 употреблений (47,76 %) в стимульном контексте присутствует глагол движения; для 8 употреблений в стимульном контексте есть глаголы типа *pozvatъ* или *poslatъ*, для 26 употреблений эксплицитного указания на предшествующее ситуации движение нет¹⁴. Таким образом, при

¹⁴ Стоит, впрочем, отметить, что перевод на кавиненья достаточно вольный. Ср., например, стих [Ин. 12:22]: в нем несколько раз повторяется и глагол движения, и глаголы ‘говорить’, оформленные и не оформленные показателем АМ. В частности, ситуация ‘Они с Андреем идут к Иисусу’, не выраженная в стимульном предложении вовсе, в переводе на кавиненья выражается не только аффиксом сопутствующего движения, но еще и целым дополнительным предложением:

- (i) *Jadya a-hua-ju-tu Felipe cua-cuare Andrés queja.*
 так говорить-PERF-DS-3 Филипп идти-REM.PST Андрей рядом
Griego cuana patu Jesús tsehue quisarati-cara
 греческий UNCERT ? Иисус с разговаривать-DESID
ju-ya, jadya tu-ja-tu Andrés a-ti-cuare.
 говорить-IPFV так 3-DAT-3 Андрей говорить-AM-REM.PST
Tuequedyá ta-tse cua-cuare Andrés tsehue Jesús
 тогда 3.DU-ABS идти-REM.PST Андрей с Иисус
queja. Griego cuana patu mia-tsehue quisarati-cara
 рядом греческий UNCERT ? 2SG-ASS разговаривать-DESID

подходе «от значения к форме» мы бы в данном случае пропустили более половины употреблений суффикса сопутствующего движения.

Похожие наблюдения приводятся в [Панова, наст. сб.] для еще одного значения грамматической периферии — континуативного (‘все еще’). В работе показатели континуатива в представительной выборке языков специально сравниваются по тому, насколько для них характерно употребление в отобранных на семантических основаниях континуативных контекстах *vs* за их пределами. Результат оказывается разным для разных языков, для нескольких языков выборки «континуативный» показатель не встретился в выборке континуативных контекстов ни разу.

Исходя из этого, более перспективным для широкого типологического исследования значений грамматической периферии на материале параллельных текстов, в том числе и для исследования категории сопутствующего движения, кажется подход от формы к значению (*bottom-up*, или семасиологический), принятый в упомянутой работе Б. Вэльхли [Wälchli 2006], а также в некоторых других его работах на материале параллельных текстов Библии, начиная с [Wälchli 2005] (ср. [Wälchli 2016; Dahl, Wälchli 2016], в особенности методологически ориентированную работу [Wälchli, Sölling 2013] и др.). При таком подходе берутся все употребления интересующих исследователя показателей (лексем, конструкций и т. п.) и для каждого языка выборки в параллельных текстах находятся все его употребления. Далее на основании этих данных выявляются различные типы контекстов: универсальные для всех исследуемых показателей, более маргинальные, характерные для определенного типа показателей и т. п.

Отдельную, техническую и более очевидную, проблему для типологического исследования показателей сопутствующего движения на материале библейских текстов составляет тот факт, что системы морфологических показателей такого рода — не самое частое

ju-ya, jadya ta-tse-ja-tu Jesús a-ti-cuare.
 говорить-IPFV так 3-DU-DAT-3 Иисус говорить-AM-REM.PST

‘Филипп идет и говорит о том Андрею; и потом Андрей и Филипп называют о том Иисусу’. [NewTest_cav, Ин. 12:22]

явление в языках мира и те языки, для которых они особенно характерны, не очень активно вовлечены в процесс перевода Библии. Наиболее очевидная лакуна — языки Австралии с их наиболее богатыми и разнообразными системами сопутствующего движения.

8. Выводы и обсуждение результатов

Проведенное на материале текстов Нового Завета исследование категории сопутствующего движения позволяет сделать обобщения трех типов:

- 1) методологические: о надежности параллельных переводов Нового Завета как источника лингвистических данных, о возможности их применения для исследования категории АМ и других категорий грамматической периферии;
- 2) дескриптивные: о показателях сопутствующего движения в тунгусо-маньчжурских языках;
- 3) теоретические: о категории сопутствующего движения в целом.

1) Параллельные тексты Нового Завета как источник данных для типологического исследования значений грамматической периферии. Данные по употреблению показателей АМ в переводах Евангелия от Луки на тунгусо-маньчжурские языки позволяют говорить о достаточной надежности этого лингвистического материала. Так, вариативность между переводами на эвенкийский, эвенский и нанайский в целом укладывается в ожидания. Данные нанайского перевода по частотным характеристикам схожи с аналогичными данными спонтанных нарративов. Разницу между двумя нанайскими Евангелиями (Евангелие от Матфея кон. XIX в. и Евангелие от Луки нач. XXI в.) естественнее объяснить диалектными различиями, чем индивидуальными особенностями переводов. При этом есть и свидетельства характерного для переводных текстов копирования морфосинтаксических моделей (в данном случае русских),

ср. повышенную частотность деепричастной конструкции АМ с выраженным глаголом движения и финитной сочинительной конструкции.

Размеченная для описания тунгусского показателя АМ выборка контекстов предшествующего движения может быть использована шире на материале других языков с грамматическими показателями сопутствующего движения для исследования вопроса о статусе показателей движения с целью и о параметре «симметрии vs асимметрии ситуаций» (см. ниже). На материале этой выборки для каждого из таких языков можно ответить на тот же вопрос, что и для тунгусо-маньчжурских: какая именно часть контекстов (целевые, не-целевые, промежуточные, оба типа контекстов) покрывается соответствующим показателем АМ.

При этом подход «от значения к форме» (top-down), который был применен в статье для исследования нескольких частных вопросов в конкретной группе языков, не кажется удобным для более широкого типологического исследования категории сопутствующего движения на материале параллельных текстов Библии. Главная проблема заключается в том, что сложно заранее определить круг контекстов, в котором с достаточной надежностью встретится грамматический показатель сопутствующего движения. Как минимум, круг таких контекстов не тождествен кругу контекстов, в котором употребляется глагол движения в языках без грамматических маркеров АМ. Эта же проблема, видимо, в той или иной мере касается всех показателей «грамматической периферии» — таких, которые в отдельных языках обслуживаются грамматическими средствами, но в большинстве языков — лексическими. Более подходящим кажется подход «от формы к значению» (bottom-up), при котором в каждом из параллельных переводов сначала находятся все употребления, а потом на этом основании делаются обобщения о характерном для того или иного типа показателей набора контекстов (такая методика на материале текстов Библии применялась Б. Вельхли).

2) *Показатели сопутствующего движения в тунгусо-маньчжурских языках: пространственная нейтральность, узкое целевое*

значение. На материале параллельных текстов Нового Завета были проверены два ранее сделанных наблюдения о показателе *-ndA* в тунгусо-маньчжурских языках. Первое — о пространственной нейтральности показателя. Данные параллельных текстов показывают, что действительно один и тот же показатель используется в разных типах пространственных контекстов, т. е. как в андативных ('пойти'), так и в вентивных ('прийти'). При этом частотность андативных употреблений (доля всех андативных контекстов, покрываемая показателем АМ) оказывается выше, чем частотность вентивных. Второе наблюдение — об узком целевом значении показателя *-ndA*. Данные переводов показывают, что показатель *-ndA* употребляется как в контекстах движения с целью ('пошел делать'), так и в не-целевых контекстах предшествующего движения ('пошел и сделал'). При этом контексты с очевидной семантической асимметрией типа 'пойдя, сделал' им не выражаются. Выделенной оказывается область значений, промежуточных между целевыми и не-целевыми типа 'пойди сделай \approx пойди делать': из контекстов, условно отнесенных к не-целевым, *-ndA* встречается почти исключительно в промежуточных.

Приведенный в статье анализ тунгусского показателя *-ndA* носит предварительный характер и может быть продолжен в следующих направлениях. Во-первых, он касался только двух указанных параметров: пространственной ориентации и целевого vs не-целевого значения показателя. Подсчитывая количество контекстов, оформленных vs не оформленных показателем *-ndA*, я не учитывала другие факторы. Среди них можно назвать, например, синтаксическую сложность конструкции, в частности наличие / отсутствие собственных зависимых у ситуации движения и ситуации лексического глагола (о возможностях выражения аргументов обоих типов при глаголе с показателем *-ndA* см. [Pakendorf, Stoynova 2021]). Более того, два проанализированных фактора рассматривались отдельно, не ставился вопрос об их взаимодействии. Еще одно очевидное ограничение проведенного исследования состоит в том, что употребления суффикса *-ndA* были проанализированы только на множестве заранее отобранных контекстов предшествующего движения. Интересно

было бы включить также и те его употребления, которые остались за рамками нашей выборки.

3) *Категория сопутствующего движения: пространственно-нейтральные системы; движение с целью; симметрия ситуаций как параметр типологического варьирования.* Результаты анализа тунгусского показателя *-nda* на материале текстов Нового Завета позволяют сформулировать более общие вопросы о категории сопутствующего движения. Первый релевантный вопрос — об экстремально малых системах АМ. Исследование этой категории началось с описания богатых систем, таких как австралийские и амазонские. Расширяя понятие «сопутствующего движения» на другие ареалы, мы сталкиваемся в том числе и с системами из одного-двух показателей, как в тунгусо-маньчжурских языках. Интересно, что более характерно для бедных систем АМ — нейтрализация семантических противопоставлений (универсальный многозначный показатель) или специализация (одно из значений выражается специализированным грамматическим показателем, остальные лексически). В области пространственных значений тунгусский показатель как будто бы относится к первому типу: оформляет и андативные контексты ‘пойти’, и вентивные контексты ‘прийти’. Такая ситуация кажется типологически редкой. При этом важно, что даже в этом случае между андативными и вентивными употреблениями полной симметрии все же не наблюдается: они различаются на уровне частотности.

Еще один более общий вопрос — о движении с целью как отдельной категории vs подтипе внутри категории АМ. Рассмотренные тунгусские данные свидетельствуют о достаточной близости этих значений: суффикс *-nda* покрывает обе семантические области, и особенно показателен тот факт, что для него наиболее характерны контексты, промежуточные между целевыми и не-целевыми. Тем не менее, если движение с целью и примыкает к более общей зоне сопутствующего движения, в качестве отдельного типологически релевантного значения внутри этой зоны его рассматривать явно имеет смысл.

Ключевым для противопоставления целевого vs не-целевого значений предшествующего движения кажется обсуждавшийся в работе

параметр симметрии vs асимметрии ситуаций движения и лексического глагола. В дальнейшем было бы интересно рассмотреть его подробнее на более широком материале. В связи с ним возникают следующие вопросы. Является ли типологически релевантным противопоставление между симметричным значением ‘пошел и сделал’ и асимметричным с выделенной ситуацией лексического глагола ‘пойдя, сделал’ (заметим, что именно этот тип контекстов не обслуживается тунгусским показателем)? Возможны ли системы с тройным противопоставлением: ‘пойдя сделал’ (асимметрия, центральная ситуация лексического глагола) vs ‘пошел и сделал’ (симметрия) vs ‘пошел, чтобы сделать’ (асимметрия, центральная ситуация движения)? Вспомним также, что целевое значение ‘пошел, чтобы сделать’ отличается от ‘пошел и сделал’ не только по параметру симметрии. Более точной парой к ‘пошел и сделал’ было бы логически возможное, хотя и прагматически более маргинальное, значение типа ‘пошел, сделав после’ (центральная ситуация движения, обе ситуации охарактеризованы по истинности/реальны). Интересно, встречаются ли показатели, способные выражать именно это значение, а не целевое, или системы, где отдельными показателями выражаются оба значения. Наконец, отдельный вопрос — как параметр симметрии vs асимметрии ситуаций движения и лексического глагола реализуется за пределами зоны предшествующего движения, т. е. в системе показателей одновременного и последующего движения. Из общих соображений можно предположить, что в более редуцированном виде, но это тоже требует проверки. Все эти вопросы можно было бы, в частности, исследовать, используя предложенную в статье выборку контекстов сопутствующего движения из текстов Нового Завета.

Приложение

Составленные для исследования выборки контекстов из Нового Завета (глава:стих).

1. Выборка контекстов предшествующего движения в Евангелии от Луки (193 контекста)

1:17; 1:17; 1:28; 1:40; 1:59; 1:68; 1:76; 1:77; 1:79; **2:3**; 2:5; **!2:15**;
2:16; 2:38; 2:41; 2:42; 2:44; 2:51; **3:7!**; 3:12; 3:12; 4:16; 4:16; 4:30; 4:31;
4:34; 4:38; 4:39; 4:41; 4:42; 4:42; 5:1; 5:2; 5:3; **5:7**; 5:7; 5:12; 5:14;
5:15; 5:16; 5:19; 5:27; 5:32; 6:4; 6:6; 6:12; 6:12; 6:17; 6:18; 6:47; **7:3**;
7:4; 7:10; 7:14; 7:20; 7:22; **7:24**; **7:25**; **7:26**; 7:34; 7:36; 8:5; 8:12; 8:22;
8:24; 8:33; 8:33; 8:34; 18:35!; 8:37; **8:39**; 8:39; 8:41; 8:44; 8:47; 8:49;
8:51; 9:4; 9:6; 9:10; **9:12**; **9:12**; **9:13**; 9:28; 9:34; 9:34; 9:52; 9:52; 9:54;
9:59; 9:60; 10:5; 10:10; 10:17; 10:30; 10:31; 10:32; 10:34; 10:35; 10:37;
10:40; 11:5; 11:24; 11:25; 11:26; 11:31; 11:37; 12:36; 12:37; 12:38; 12:46;
12:49; 12:51; 12:58; 13:1; 13:6; !13:6; 13:7; 13:7; **13:14**; 13:29; 13:31;
13:31; 13:32; 14:1; 14:10; 14:10; **!14:18!**; **!14:19!**; 14:21; 14:21; 14:23;
15:1; 15:6; 15:13; **15:15**; 15:18; 15:20; 15:25; 15:28; 16:21; **17:7**; 17:14;
17:18; **17:31**; 18:3; 18:5; 18:8; 18:10!; 18:22; 19:1; 19:4; 19:4; 19:6;
19:10; 19:12; 19:16; 19:18; 19:20; 19:23; 19:30; 19:32; 19:41; 19:45;
20:14; 20:16; 20:27; **21:38**; 22:4; **22:8**; 22:13; 22:33; 22:39; 22:40; 22:41;
22:43; 22:45; **22:47**; 22:52; 22:62; 23:33; 23:36; 23:42; !23:48; 23:52;
23:55; 23:56; 24:9; 24:12; 24:23; 24:24; 24:29; 24:33.

* полужирный — оформлено суффиксом АМ в нанайском, !
слева — в эвенкийском, ! справа — в эвенском

2. Выборка контекстов предшествующего движения в Евангелии от Матфея (186 контекстов)

1:12; 2:2; 2:8; 2:8; 2:9; 2:11; 2:13; 2:15; **2:23**; 3:1; 3:6; 3:7; 3:13; 3:16;
4:3; 4:11; 4:13; 5:17; 5:17; 5:24; 6:6; 8:2; 8:4; 8:5; 8:7; 8:11; 8:14; 8:21;
8:22; 8:25; 8:29; 8:32; 8:33; 8:34; **9:1**; 9:10; 9:13; 9:14; 9:18; 9:18; 9:20;
9:23; 9:25; 9:31; 10:12; 10:14; 10:34; 10:34; 10:35; 11:1; 11:4; **11:7**; **11:8**;
11:9; 11:18; 11:19; 12:4; 12:9; 12:42; 12:43; 12:44; 12:45; 12:45; 13:1;
13:2; 13:3; 13:4; 13:28; 13:44; 13:46; 13:54; 14:14; 14:15; 14:22; 14:23;
14:29; 14:29; 14:33; 15:1; 15:8; 15:17; 15:17; 15:21; 15:22; 15:23; 15:25;

15:29; 15:29; 15:39; 16:1; 16:5; 16:13; 16:21; 16:27; 17:11; 17:14; 17:19; 18:1; 18:11; 18:15; 18:21; 18:28; 18:30; 18:31; 19:1; 19:3; 19:16; 19:21; **20:1**; 20:5; 20:9; 20:10; 20:17; 20:28; 21:2; 21:6; 21:12; 21:17; 21:19; 21:23; 21:23; 21:38; 21:40; 22:9; 22:10; **22:11**; 22:15; 22:23; 24:1; 24:1; 24:3; 24:5; 24:17; 24:39; 24:46; 24:51; 25:9; 25:10; 25:16; 25:19; 25:20; 25:22; 25:24; 25:25; 25:31; 26:17; 26:18; 26:36; 26:36; 26:39; 26:40; 26:42; 26:43; 26:44; 26:45; 26:49; 26:50; 26:50; 26:55; 26:58; 26:61; 26:69; 26:73; 26:75; 27:5; 27:33; 27:48; 27:53; 27:58; 27:65; 27:66; **28:1**; 28:2; 28:6; 28:7; 28:8; 28:8; 28:9; 28:9; 28:10; 28:10; 28:11; 28:13; 28:17; 28:18; 28:19.

* полужирный — оформлено суффиксом АМ в нанайском

3. Выборка контекстов из Нового Завета с формой *aticuare* ‘пошел и сказал’ в кавиненья

1:28; 2:3; 2:10; 2:12; **3:26**; 3:32; **4:40**; 4:42; **4:47**; **5:15**; 6:36; **7:20**; 7:26; 7:40; 8:20; **8:32**; 8:33; **8:34**; 9:2; **9:12**; **9:38**; **10:2**; **10:35**; **10:40**; **10:49**; **11:28**; **11:32**; **12:14**; **12:14**; 12:22; 12:47; **13:27**; 14:12; **14:15**; **15:15**; 15:18; **15:22**; **15:28**; **15:43**; **16:22**; 16:36; **16:39**; 17:16; **18:13**; **18:16**; 18:18; **18:29**; **19:3**; **19:16**; **19:16**; **19:18**; 19:21; **19:31**; 19:38; **20:2**; 20:22; **22:13**; **22:16**; 22:17; **22:26**; 23:15; **23:52**; **26:17**; 27:4; 27:31; **27:58**; 27:64.

* полужирный — в левом контексте эксплицитное указание на движение.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADV — адвербиализатор; AG — имя деятеля; AM — сопутствующее движение; ASS — ассоциатив; DESID — дезидератив; DU — двойственное число; CVB — деепричастие; DAT — датив; DEST — дестинатив; EMPH — эмфаза; EXPR — экспрессивное прошедшее; GORT — гортатив; IDEOPH — идеофон; IMP — императив; INCL — инклюзив; INS — инструменталис; IPFV — имперфектив; LAT — латив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NSIM — одновременность; OPT — оптатив; OBL — косвенный падеж; PL — множественное

число; PROP — проприетив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PTCP — причастие; PURP — целевая форма; REFL — рефлексив; REM — давно-прошедшее; REP — рефактив; SG — единственное число; SIM — одновременность.

Литература

- Волков, Стенин 2019 — О. С. Волков, И. А. Стенин. Андатив и вентив в языках Сибири: к типологии глагольной ориентации // Acta Linguistica Petropolitana. 2019. Т. 15. Ч. 1. С. 289–319. DOI: 10.30842/alp2306573715114.
- Котвич 1909 — Вл. Котвич. Материалы для изучения тунгусских наречий // Живая Старина. 1909. Вып. II–III. С. 206–218.
- Падучева 2015 — Е. В. Падучева. Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) // Russian Linguistics. 2015. Вып. 39. С. 129–162. DOI: 10.1007/s11185-015-9145-6.
- Панова, настоящий сборник — А. Б. Панова. Континуативные контексты в Евангелии от Луки // Настоящий сборник.
- Петров 2013 — А. А. Петров. Православие и коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: история и современность в этнолингвистическом аспекте // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2013. Вып. 24. № 4. URL: <http://www.hcpncr.com/journ2413/journ2413petrov.html> (дата обращения: 12.12.2023).
- Плунгян, настоящий сборник — В. А. Плунгян. Параллельный корпус как грамматическая база данных и Новый Завет как параллельный корпус (предисловие) // Настоящий сборник.
- Сем 1976 — Л. И. Сем. Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурйский) диалект. Л.: Наука, 1976.
- Стойнова 2016 — Н. М. Стойнова. Показатели «движения с целью» и событийная структура: суффикс *-nda* в нанайском языке // Вопросы языкознания. 2016. № 4. С. 86–111. DOI: 10.31857/S0373658X0001051-5.
- Стойнова 2017 — Н. М. Стойнова. Показатели движения с целью в южнотунгусских языках и категория associated motion // Е. М. Девяткина (ред.). Проблемы языка. Сборник научных статей по материалам Пятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (16–17 февраля 2017 г.). М.: Институт языкознания РАН; Канцлер, 2017. С. 321–339.
- Филатов, настоящий сборник — К. В. Филатов. Цель перемещения в Евангелии от Луки: к усовершенствованию процедуры выделения прототипических контекстов // Настоящий сборник.

- Alonso de la Fuente, Jacques 2018 — J. A. Alonso de la Fuente, G. Jacques. Associated motion in Manchu in typological perspective // *Language and Linguistics*. 2018. Vol. 19. № 4. P. 501–524. DOI: 10.1075/lali.00018.alo.
- Belkadi 2015 — A. Belkadi. Associated motion with deictic directionals: A comparative overview // *SOAS Working Papers in Linguistics*. 2015. Vol. 17. P. 49–76.
- Belkadi 2021 — A. Belkadi. Deictic directionality as associated motion: Motion, complex events and event integration in African languages // A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 163–200. DOI: 10.1515/9783110692099-005.
- Benzing 1955 — J. Benzing. *Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik* (Akademie der Wissenschaften und Der Literatur. Abhandlungen der Geistes- Und Sozialwissenschaftlichen Klasse). Vol. 11. Wiesbaden: Verlag der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz in Kommission bei Franz Steiner Verlag, 1955.
- Dahl, Wälchli 2016 — Ö. Dahl, B. Wälchli. Perfects and iamitives // *Letras de Hoje*. 2016. Vol. 51. № 3. P. 325–348. DOI: 10.15448/1984-7726.2016.3.25454.
- Giannakidou 2009 — A. Giannakidou. The dependency of the subjunctive revisited: temporal semantics and polarity // *Lingua*. 2009. Vol. 120. P. 1883–1908. DOI: 10.1016/j.lingua.2008.11.007.
- Giannakidou, Mari 2021 — A. Giannakidou, A. Mari. *Truth and Veridicality in Grammar and Thought. Mood, Modality, and Propositional Attitudes*. Chicago: University of Chicago Press, 2021. DOI: 10.7208/9780226763484.
- Guillaume 2006 — A. Guillaume. La catégorie du ‘mouvement associé’ en cavineña : apport à une typologie du codage du mouvement et de la trajectoire // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. 2006. Vol. 101. № 2. P. 415–436. DOI: 10.2143/BSL.101.1.2019831.
- Guillaume 2008 — A. Guillaume. *A grammar of Cavineña*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. DOI: 10.1515/9783110211771.
- Guillaume 2009 — A. Guillaume. Les suffixes verbaux de mouvement associé en Cavineña // *Faits de langues*. 2009. Les cahiers 1. P. 181–204.
- Guillaume 2016 — A. Guillaume. Associated motion in South America: Typological and areal perspectives // *Linguistic Typology*. 2016. Vol. 20. № 1. P. 81–177. DOI: 10.1515/lingty-2016-0003.
- Guillaume, Koch 2021 — A. Guillaume, H. Koch. Introduction: associated motion as a grammatical category in linguistic typology // A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 3–30. DOI: 10.1515/9783110692099-001.
- Guillaume, Koch (eds.) 2021 — A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. DOI: 10.1515/9783110692099.

- Jacques 2013 — G. Jacques. Harmonization and disharmonization of affix ordering and basic word order // *Linguistic Typology*. 2013. Vol. 17. № 2. P. 187–215. DOI: 10.1515/lity-2013-0009.
- Jacques et al. 2021 — G. Jacques, A. Lahaussais, Sh. Zhang. Associated motion in Sino-Tibetan, with a focus on Gyalrongic and Kiranti // A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 819–854. DOI: 10.1515/9783110692099-021.
- Koch 1984 — H. Koch. The category of “associated motion” in Kaytej // *Languages in Central Australia*. 1984. № 1. P. 23–34.
- Koch 2017 — H. Koch. Associated motion in Arandic and other Australian languages revisited // *Talk delivered at ALT-2017, Canberra, 2017*.
- Koch 2021 — H. Koch. Associated motion in the Pama-Nyungan languages of Australia // A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 231–324. DOI: 10.1515/9783110692099-007.
- Konoshenko, this volume — M. Konoshenko. Quotatives in Guinean and Liberian Kpelle: a study of parallel Bible corpora and non-biblical texts // *This volume*.
- Levinson, Wilkins 2006 — S. Levinson, D. Wilkins. Patterns in the data: Toward a semantic typology of spatial description // S. Levinson, D. Wilkins (eds.). *Grammars of space: Explorations in cognitive diversity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 512–552. DOI: 10.1017/CBO9780511486753.015.
- Lovestrand, Ross 2021 — J. Lovestrand, D. Ross. Serial verb constructions and motion semantics // A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 87–128. DOI: 10.1515/9783110692099-003.
- Pakendorf, Stoyanova 2021 — B. Pakendorf, N. Stoyanova. Associated motion in Tungusic languages: a case of mixed argument structure // A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 855–897. DOI: 10.1515/9783110692099-022.
- Rose 2015 — F. Rose. Associated motion in Mojeño Trinitario: Some typological considerations // *Folia Linguistica*. 2015. Vol. 49. № 1. P. 117–158. DOI: 10.1515/flin-2015-0004.
- Ross 2021 — D. Ross. A cross-linguistic survey of Associated Motion and Directionals // A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 31–86. DOI: 10.1515/9783110692099-002.
- Taboada, Trnavac 2014 — M. Taboada, R. Trnavac. Introduction. Nonveridicality and evaluation across disciplinary boundaries // M. Taboada, R. Trnavac (eds.). *Nonveridicality and evaluation. Theoretical, computational and corpus approaches*. Leiden: Brill, 2014. P. 1–14. DOI: 10.1163/9789004258174_002.
- Voisin 2013 — S. Voisin. Expressions de trajectoire dans quelques langues atlantiques (groupe Nord) // *Faits de Langues*. 2013. Vol. 42. № 1. P. 131–152. DOI: 10.1163/19589514-042-01-900000008.

- Voisin 2021 — S. Voisin. Associated motion and deictic directional in Atlantic languages // A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 611–664. DOI: 10.1515/9783110692099-016.
- Vuillermet 2012 — M. Vuillermet. Une typologie en cheminement: Contribution de l'ese eja à l'étude du mouvement associé // *Revue de linguistique et didactique des langues* (Numéro thématique “Typologie et description linguistiques”). 2012. Vol. 46. P. 79–100. DOI: 10.4000/lidil.3244.
- Wälchli 2005 — B. Wälchli. *Co-Compounds and Natural Coordination*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Wälchli 2006 — B. Wälchli. Typology of light and heavy ‘again’, or the eternal return of the same // *Studies in Language*. 2006. Vol. 30. № 1. P. 69–113. DOI: 10.1075/sl.30.1.04wal.
- Wälchli 2016 — B. Wälchli. Non-specific, specific and obscured perception verbs in Baltic languages // *Baltic Linguistics*. 2016. № 7. 2016. P. 53–135. DOI: 10.32798/bl.384.
- Wälchli, Cysouw 2012 — B. Wälchli, M. Cysouw. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs // *Linguistics*. 2012. Vol. 50. № 3. P. 671–710. DOI: 10.1515/ling-2012-0021.
- Wälchli, Sölling 2013 — B. Wälchli, A. Sölling. The encoding of motion events: Building typology bottom-up from text data in many languages // J. Goschler, A. Stefanowitsch (eds.). *Variation and Change in the Encoding of Motion Events*. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 77–113. DOI: 10.1075/hcp.41.04w2281.
- Wilkins 1991 — D. Wilkins. The semantics, pragmatics and diachronic development of “associated motion” in Mparntwe Arrernte // *Buffalo Papers in Linguistics*. 1991. № 1. P. 207–257.
- Zwarts 1995 — F. Zwarts. Nonveridical contexts // *Linguistic Analysis*. 1995. Vol. 25. № 3–4. P. 286–312.

Источники

- Аврорин 1986 — В. А. Аврорин. *Материалы по нанайскому языку и фольклору*. Л.: Наука, 1986.
- Бельды, Булгакова 2012 — Р. А. Бельды, Т. Д. Булгакова. *Нанайские сказки*. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien; SEC Publications, 2012.
- Казакевич и др. 2007 — О. А. Казакевич, Е. А. Ренковская, Д. Вахонева, Н. Мамонтова. *Экспедиция к эвенкам Подкаменной Тунгуски. На Северной Таймуре, рассказчик С. М. Андреева, 2007*. <http://siberian-lang.srcc.msu.ru/ru/text/na-severnoy-taymure-s-m-andreeva> (дата обращения: 01.04.2021).

- Оскольская и др. 2013 — С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова, К. А. Шагал. Неопубликованная полевая коллекция устных текстов на нанайском языке. Собрана в Хабаровском крае в 2009–2013 гг.
- Суник 1985 — О. П. Суник. Ульчский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1985.
- Lk_eve — Евангелие от Луки на эвенском языке (пер. В. С. Элрики). М.: ИПБ, 2001.
- Lk_evn — Евангелие от Луки на эвенкийском языке (пер. Н. Я. Булатовой, А. Н. Мыреевой). М.: ИПБ, 2001.
- Lk_gld — Евангелие от Луки на нанайском языке (пер. А. В. Столярова под ред. А. С. Киле). М.: ИПБ, 2002.
- Matt_gld — Евангелие от Матфея на гольдском (нанайском) языке (перевод священника Прокопия Протодиаконова). Казань: Изд. Православного миссионерского общества, 1884.
- NewTest_cav — Новый Завет на языке кавиненья: <https://www.bible.com/versions/538-cav-cavinena> (дата обращения: 01.04.2021).
- Nikolaeva et al. 2003 — I. Nikolaeva, E. Perekhvalskaya, M. Tolskaya. Udeghe texts. Osaka: ELPR, 2003.
- Pakendorf, Aralova 2017 — B. Pakendorf, N. Aralova. Documentation of Negidal, a nearly extinct Northern Tungusic language of the Lower Amur. London: SOAS, Endangered Languages Archive, 2017. <https://elar.soas.ac.uk/Collection/MPI1041287> (дата обращения: 12.12.2023).

References

- Alonso de la Fuente, Jacques 2018 — J. A. Alonso de la Fuente, G. Jacques. Associated motion in Manchu in typological perspective. *Language and Linguistics*. 2018. Vol. 19. No. 4. P. 501–524. DOI: 10.1075/lali.00018.alo.
- Belkadi 2015 — A. Belkadi. Associated motion with deictic directionals: A comparative overview. *SOAS Working Papers in Linguistics*. 2015. No. 17. P. 49–76.
- Belkadi 2021 — A. Belkadi. Deictic directionality as associated motion: Motion, complex events and event integration in African languages. A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 163–200. DOI: 10.1515/9783110692099-005.
- Benzing 1955 — J. Benzing. *Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik* (Akademie der Wissenschaften und Der Literatur. Abhandlungen der Geistes- Und Sozialwissenschaftlichen Klasse). Vol. 11. Wiesbaden: Verlag der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz in Kommission bei Franz Steiner Verlag, 1955.

- Dahl, Wälchli 2016 — Ö. Dahl, B. Wälchli. Perfects and iamitives. *Letras de Hoje*. 2016. Vol. 51. No. 3. P. 325–348. DOI: 10.15448/1984-7726.2016.3.25454.
- Filatov, this volume — K. Filatov. *Tsel peremeshcheniya v Yevangelii ot Luki: k usovershenstvovaniyu protsedury vydeleniya prototipicheskikh kontekstov* [Goal of motion in the Gospel of Luke: towards the amelioration of the prototypical contexts identification procedure]. This volume.
- Giannakidou 2009 — A. Giannakidou. The dependency of the subjunctive revisited: temporal semantics and polarity. *Lingua*. 2009. Vol. 120. P. 1883–1908. DOI: 10.1016/j.lingua.2008.11.007.
- Giannakidou, Mari 2021 — A. Giannakidou, A. Mari. *Truth and Veridicality in Grammar and Thought. Mood, Modality, and Propositional Attitudes*. Chicago: University of Chicago Press, 2021. DOI: 10.7208/9780226763484.
- Guillaume 2006 — A. Guillaume. La catégorie du ‘mouvement associé’ en cavineña : apport à une typologie du codage du mouvement et de la trajectoire. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. Vol. 101. No. 2. 2006. P. 415–436. DOI: 10.2143/BSL.101.1.2019831.
- Guillaume 2008 — A. Guillaume. *A grammar of Cavineña*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. DOI: 10.1515/9783110211771.
- Guillaume 2009 — A. Guillaume. Les suffixes verbaux de mouvement associé en Cavineña. *Faits de langues*. 2009. Les cahiers 1. P. 181–204.
- Guillaume 2016 — A. Guillaume. Associated motion in South America: Typological and areal perspectives. *Linguistic Typology*. 2016. Vol. 20. No. 1. P. 81–177. DOI: 10.1515/lingty-2016-0003.
- Guillaume, Koch (eds.) 2021 — A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. DOI: 10.1515/9783110692099.
- Guillaume, Koch 2021 — A. Guillaume, H. Koch. Introduction: associated motion as a grammatical category in linguistic typology. A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 3–30. DOI: 10.1515/9783110692099-001.
- Jacques 2013 — G. Jacques. Harmonization and disharmonization of affix ordering and basic word order. *Linguistic Typology*. 2013. Vol. 17. No. 2. P. 187–215. DOI: 10.1515/lity-2013-0009.
- Jacques et al. 2021 — G. Jacques, A. Lahaussais, Sh. Zhang. Associated motion in Sino-Tibetan, with a focus on Gyalrongic and Kiranti. A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 819–854. DOI: 10.1515/9783110692099-021.
- Koch 1984 — H. Koch. The category of “associated motion” in Kaytej. *Languages in Central Australia*. 1984. Vol. 1. P. 23–34.

- Koch 2017 — H. Koch. *Associated motion in Arandic and other Australian languages revisited*. Talk delivered at ALT-2017, Canberra, 2017.
- Koch 2021 — H. Koch. Associated motion in the Pama-Nyungan languages of Australia. A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 231–324. DOI: 10.1515/9783110692099-007.
- Konoshenko, this volume — M. Konoshenko. *Quotatives in Guinean and Liberian Kpelle: a study of parallel Bible corpora and non-biblical texts*. This volume.
- Kotvich 1909 — V. I. Kotvich. Materialy dlya izucheniya tungusskikh narechiy [Materials for studies on Tungusic dialects]. *Živaja Starina*. 1909. Vol. II–III. P. 206–218.
- Levinson, Wilkins 2006 — S. Levinson, D. Wilkins. Patterns in the data: Toward a semantic typology of spatial description. S. Levinson, D. Wilkins (eds.). *Grammars of space: Explorations in cognitive diversity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 512–552. DOI: 10.1017/CBO9780511486753.015.
- Lovestrand, Ross 2021 — J. Lovestrand, D. Ross. Serial verb constructions and motion semantics. A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 87–128. DOI: 10.1515/9783110692099-003.
- Paducheva 2015 — E. V. Paducheva. Snyataya utverditel'nost' i neveridikal'nost' (na primere russkikh mestoimennykh otritsatel'nykh polyarnosti) [Suspended assertion and nonveridicality: the case of Russian Negative Polarity Items]. *Russian Linguistics*. 2015. Vol. 39. P. 129–162. DOI: 10.1007/s11185-015-9145-6.
- Pakendorf, Stoyanova 2021 — B. Pakendorf, N. Stoyanova. Associated motion in Tungusic languages: a case of mixed argument structure. A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 855–897. DOI: 10.1515/9783110692099-022.
- Panova, this volume — A. B. Panova. *Kontinuativnyye konteksty v Yevangelii ot Luki* [Continuative contexts in the Gospel of Luke]. This volume.
- Petrov 2013 — A. A. Petrov. Pravoslaviye i korennyye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: istoriya i sovremennost' v yetnolingvističeskom aspekte [Orthodox Christianity and indigenous peoples of the Russian North, Siberia, and Far East]. *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territoriy*. 2013. Vol. 24. No. 4. Available at: <http://www.hcpncr.com/journ2413/journ2413petrov.html> (accessed on 12.12.2023).
- Plungian, this volume — V. Plungian. *Parallelnyy korpus kak grammatičeskaya baza dannyykh i Novyy Zavet kak parallelnyy korpus (predisloviye)* [The parallel corpus as a grammar database and the New Testament as a parallel corpus (Preface)]. This volume.
- Rose 2015 — F. Rose. Associated motion in Mojeño Trinitario: Some typological considerations. *Folia Linguistica*. 2015. Vol. 49. No. 1. P. 117–158. DOI: 10.1515/flin-2015-0004.

- Ross 2021 — D. Ross. A cross-linguistic survey of Associated Motion and Directionals. A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 31–86. DOI: 10.1515/9783110692099-002.
- Sem 1976 — L. I. Sem. *Očerki dialektov nanayskogo yazyka. Bikinskiy (ussuriyskiy) dialekt* [Surveys on Nanai dialects. Bikin (Ussuri) Nanai]. Leningrad: Nauka, 1976.
- Stoynova 2016 — N. M. Stoynova. Pokazateli «dvizheniya s tselyu» i sobytiynaya struktura: suffiks *-nda* v nanayskom yazyke [Markers of “motion cum purpose” and event structure: *-nda* suffix in Nanai]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2016. No. 4. P. 86–111. DOI: 10.31857/S0373658X0001051-5.
- Stoynova 2017 — N. Stoynova. Pokazateli dvizheniya s tselyu v yuzhnotungusskikh yazykakh i kategoriya “associated motion” [Markers of “Motion cum Purpose” in Southern Tungusic and Associated Motion]. E. M. Devyatkina (ed.). *Problemy yazyka. Sbornik nauchnykh statey po materialam Pyatoy konferentsii-shkoly “Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh” (16–17.02.2017)*. Moscow: Institute of Linguistics RAS, Kancler, 2017. P. 321–339.
- Taboada, Trnavac 2014 — M. Taboada, R. Trnavac. Introduction. Nonveridicality and evaluation across disciplinary boundaries. M. Taboada, R. Trnavac (eds.). *Non-veridicality and evaluation. Theoretical, computational and corpus approaches*. Leiden: Brill, 2014. P. 1–14. DOI: 10.1163/9789004258174_002.
- Voisin 2013 — S. Voisin. Expressions de trajectoire dans quelques langues atlantiques (groupe Nord). *Faits de Langues*. 2013. Vol. 42. No. 1. P. 131–152. DOI: 10.1163/19589514-042-01-900000008.
- Voisin 2021 — S. Voisin. Associated motion and deictic directional in Atlantic languages. A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 611–664. DOI: 10.1515/9783110692099-016.
- Volkov, Stenin 2019 — O. S. Volkov, I. A. Stenin. Andativ i ventiv v yazykakh Sibiri: k tipologii glagolnoy orientatsii [Andative and ventive in languages of Siberia. Towards a typology of verbal orientation]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019. Vol. 15. Pt. 1. P. 289–319. DOI: 10.30842/alp2306573715114.
- Vuillermet 2012 — M. Vuillermet. Une typologie en cheminement: Contribution de l’ese ejja à l’étude du mouvement associé. *Revue de linguistique et didactique des langues* (Numéro thématique “Typologie et description linguistiques”). 2012. Vol. 46. P. 79–100. DOI: 10.4000/lidil.3244.
- Wilkins 1991 — D. Wilkins. The semantics, pragmatics and diachronic development of “associated motion” in Mparntwe Arrernte. *Buffalo Papers in Linguistics*. 1991. No. 1. P. 207–257.
- Wälchli 2005 — B. Wälchli. *Co-Compounds and Natural Coordination*. Oxford: Oxford University Press, 2005.

- Wälchli 2006 — B. Wälchli. Typology of light and heavy ‘again’, or the eternal return of the same. *Studies in Language*. 2006. Vol. 30. No. 1. P. 69–113. DOI: 10.1075/sl.30.1.04wal.
- Wälchli 2016 — B. Wälchli. Non-specific, specific and obscured perception verbs in Baltic languages. *Baltic Linguistics*. 2016. No. 7. 2016. P. 53–135. DOI: 10.32798/bl.384.
- Wälchli, Cysouw 2012 — B. Wälchli, M. Cysouw. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs. *Linguistics*. 2012. Vol. 50. No. 3. P. 671–710. DOI: 10.1515/ling-2012-0021.
- Wälchli, Sölling 2013 — B. Wälchli, A. Sölling. The encoding of motion events: Building typology bottom-up from text data in many languages. J. Goschler, A. Stefanowitsch (eds.). *Variation and Change in the Encoding of Motion Events*. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 77–113. DOI: 10.1075/hcp.41.04w228l.
- Zwarts 1995 — F. Zwarts. Nonveridical contexts. *Linguistic Analysis*. 1995. Vol. 25. No. 3–4. P. 286–312.

Получено / received 04.04.2022

Принято / accepted 28.11.2022

База данных по контекстам с полипредикативными причинными конструкциями в Новом Завете

О. В. Кузнецова

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
siilille@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3253-9735

М. Л. Федотов

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
tequila.lime@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7100-1719

Аннотация. В статье представлена база данных, содержащая контексты из Нового Завета, в которых в переводе на любой язык можно с высокой вероятностью ожидать появления полипредикативных причинных конструкций. База позволяет извлекать материал по таким конструкциям для конкретно-языковых и типологических исследований. Основу базы составляют 1630 контекстов из 1504 стихов, полученных суммированием распределений причинных союзов в переводах Нового Завета на русский, английский и французский. Отдельно для небольшой подвыборки произведена разметка по различным семантико-прагматическим типам причинных контекстов. Выделены и описаны некоторые новые типы. Получены пилотные статистические результаты для русских, английских и французских показателей.

Ключевые слова: причина, причинная конструкция, полипредикация, союз, база данных, разметка, Библия, Новый Завет, семантика, прагматика, иллюкутивная сила, информационная структура.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 18-18-00472 «Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология». Авторы благодарны Н. М. Зайке, И. А. Хомченковой, Т. И. Давидок и анонимному рецензенту за ценные замечания.

A database of contexts with polypredicative reason constructions in the New Testament

Olga V. Kuznetsova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia); siilille@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3253-9735

Maksim L. Fedotov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia); tequila.lime@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7100-1719

Abstract. The paper presents and discusses a database of contexts with polypredicative reason constructions in the New Testament. Reason constructions belong to grammatical phenomena that typically draw little attention in even large grammars, with rather scarce information and few examples of them.

The described database is intended as a tool for extracting relevant material for language-particular and typological studies of reason constructions.

The initial sample was based on the distribution of reason conjunctions (used as keywords) in translations of the New Testament into three languages: Russian, English, and French. The raw sample obtained by automated extraction was then manually edited to remove the contexts containing irrelevant (non-causal) uses of the keywords and to split the verses containing more than one reason context. The resulting database contains 1630 reason contexts from 1504 verses which are likely to be translated with polypredicative reason constructions into any language.

In addition to the main database, a smaller subsample of 86 contexts was annotated for semantic/pragmatic types of reason meanings and for the information structure of reason constructions.

In the process, the conventional semantic/pragmatic/informational types of uses of reason constructions were revised. Several new (sub)types are proposed and described. These include, on the one hand, semantic/pragmatic subtypes such as “mixed” imperative and quasi-imperative uses, illocutionary non-standard interrogative uses, evaluative uses, and discourse uses; and on the other hand, information-structure types such as those with both consequence and reason included in the pragmatic assertion, those with accommodated pragmatic presuppositions, and those in which only the causal relation is included in the pragmatic assertion.

The resulting annotation system, which may as well serve as a typological questionnaire (or a part thereof), is presented and supplied with definitions, comments and examples, including those from the New Testament.

Some preliminary quantitative results are presented which were obtained for the Russian, English, and French reason markers using the database.

The database is available online at the *Zenodo* repository.

Keywords: reason, cause, reason construction, causal construction, polypredication, subordinate clause, conjunction, database, annotation, Bible, New Testament, semantics, pragmatics, illocution, information structure.

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation grant # 18-18-00472 “Causal Constructions in World Languages (Semantics and Typology)”. The authors are grateful to Natalia M. Zaika, Irina A. Khomchenkova, Tatiana I. Davidiuk, and an anonymous reviewer for their useful comments and criticism.

1. Введение

Настоящая работа представляет собой апробацию возможностей использования переводов Нового Завета как источника материала для изучения полипредикативных причинных конструкций.

Под причинными конструкциями понимаются конструкции, выражающие отношение каузации между двумя ситуациями [Cristofaro 2013; Заика 2019]. Нас будут интересовать полипредикативные причинные конструкции, т. е. поликлаузальные конструкции, содержащие отдельную клаузу (финитную или нефинитную), включающую причинный показатель (1). Монопредикативные конструкции, в которых причинные отношения маркируются в рамках одной клаузы (2), рассматриваться далее не будут.

- (1) *Вскоре они к ней искренно привязались, **потому что** нельзя было ее узнать и не полюбить.* [А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)]
- (2) — *Он мне ненавистен, этот роман, — ответил мастер, — я слишком много испытал **из-за** него.* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940)]¹

¹ Примеры из Национального корпуса русского языка (ruscorp.org.ru).

Причинные конструкции относятся к числу явлений, о которых даже в достаточно подробных грамматических описаниях конкретных языков часто содержатся лишь самые базовые сведения и приводится очень ограниченное количество примеров. В этой ситуации задача сбора сопоставимых данных для типологического исследования оказывается весьма затрудненной. Одним из возможных путей ее решения оказывается использование для сбора данных текста переводов Библии.

В последнее десятилетие в лингвистике сформировалось целое направление исследований на материале параллельных текстов (ср., к примеру, [Wälchli, Cysouw 2012] и [Dahl 2014], а также другие статьи этого тома). Работа, описываемая в настоящей статье, велась в русле этого направления. Авторами была создана (доступная по ссылке в *Заключении*) база данных по контекстам с полипредикативными причинными конструкциями в тексте Нового Завета, позволяющая собирать материал по конкретным языкам.

В статье будет описана сама база данных, процесс ее создания и принципы ее организации (*Раздел 2*). Дополнительно создана пилотная подвыборка, размеченная по различным типам употреблений причинных конструкций (также доступна по ссылке в *Заключении*). Используемая при этом разметка, основанная на типологической анкете [Заика 2019], была уточнена и дополнена в процессе работы с материалом Нового Завета (*Раздел 3*). При помощи базы данных были получены пилотные статистические результаты для некоторых русских, английских и французских причинных показателей (*Раздел 4*). В *Разделе 5* подводятся итоги исследования.

2. Создание базы данных

Для поиска в тексте Библии контекстов, содержащих причинные конструкции, мы сопоставили переводы на три языка по ключевым словам — специализированным средствам выражения причины в полипредикативных конструкциях. Мы исходили из того, что контексты, в переводах которых хотя бы на несколько языков содержатся

такие средства, с высокой долей вероятности окажутся приближенными к прототипическим для полипредикативной причины.

При составлении базы данных было решено ограничиться текстом Нового Завета. Во-первых, эта часть Библии переведена на большее количество языков. Во-вторых, примеры из нее в среднем, как представляется, интерпретируются легче, чем примеры из Ветхого Завета.

Для поиска по ключевым словам использовались переводы Библии на русский, английский и французский языки. Непосредственным источником текстов послужил ресурс [Beblia.com], на котором представлена коллекция Библий в формате XML. При выборе конкретного перевода для каждого из трех языков мы руководствовались двумя критериями. Во-первых, выбранные переводы должны были содержать одинаковое количество параллельных друг другу стихов (в нашем случае 31102), что позволяло бы автоматически сопоставлять тексты между собой. Также было отдано предпочтение переводам, по возможности приближенным к современному языку. В результате были выбраны следующие переводы: «Слово жизни» (Международное Библейское Общество, 1991; позднее вошел в «Новый русский перевод») для русского языка, «New International Version» (Biblica, 1978) для английского языка, «Louis Segond» (1910) для французского языка.

В качестве ключевых слов были взяты основные союзы, способные выражать причинные значения, в каждом из трех языков: рус. *поскольку, так как, потому что, потому, что, оттого, что, из-за того, что*; фр. *puisqu(e), parce qu(e), comme, car*; англ. *because, since, for*. Некоторые другие союзы и конструкции также рассматривались в качестве кандидатов в ключевые слова, но в итоге не были использованы в силу различных причин: рус. *ибо и благодаря тому, что* (не используются в версии «Слово жизни»), рус. *ведь, раз* и англ. *as, now that* (имеют много непрячинных употреблений), англ. *the reason ... is that* и фр. *si ... c'est qu(e)* (подобные разрывные единицы трудно вычленить автоматически)².

² Следует также отметить, что (даже если бы удалось охватить в базе все перечисленные выше единицы), в силу специфики самой семантической зоны

Процесс автоматического отбора происходил следующим образом. Каждому из стихов Нового Завета на конкретном языке присваивалось значение «1» (если в нем есть хотя бы одно из ключевых слов на соответствующем языке) или «0» (если в нем нет ключевых слов). Баллы стихов на разных языках суммировались, таким образом, каждый стих получал от 0 до 3 баллов.

Например, стих [Мф. 9:16] получил 2 суммарных балла (так как ему присвоено значение «1» для английского и французского и значение «0» для русского):

АНГЛИЙСКИЙ

- (3) a. *No one sews a patch of unshrunk cloth on an old garment, for the patch will pull away from the garment, making the tear worse.*

ФРАНЦУЗСКИЙ

- б. *Personne ne met une pièce de drap neuf à un vieil habit; car elle emporterait une partie de l'habit, et la déchirure serait pire.*

РУССКИЙ

- в. *Никто не пришивает к старой одежде заплату из новой ткани: она сядет, и дыра станет еще больше.* [Мф. 9:16]

В первичной выборке были оставлены только стихи, имеющие от 1 до 3 баллов, т. е. такие, для которых хотя бы в одном из языков встретилось хотя бы одно ключевое слово. Объем этой первичной выборки составил 2838 стихов.

Сформированная автоматическим образом выборка была затем вручную очищена от лишних вхождений. Речь идет о таких контекстах, в которых: а) англ. *because* входит в состав предлога *because of*;

и ограниченности объема текста Нового Завета, в базе неизбежно оказываются не представленными или слабо представленными некоторые редкие специфические типы причинных контекстов. Таким образом, при сборе материала при помощи базы можно рассчитывать охватить в исследуемом языке скорее ядро и ближайшую периферию, но не всё потенциальное функциональное поле (полипредикативной) причины.

б) англ. *since* выступает во временном значении; в) англ. *for* используется не как союз, а как целевой предлог; г) фр. *comme* выступает в сравнительном или временном значении; д) рус. *так как* представляет собой сочетание частицы и вопросительного слова (*Так как же я могу взять...*). В результате часть стихов с исправленными баллами (те, у которых баллы уменьшились не до нуля) осталась в выборке, но также было выявлено существенное количество стихов, в действительности не содержащих причинных контекстов и попавших в первичную базу из-за многозначности указанных выше ключевых слов. После их исключения в базе осталось 1504 стиха.

После этого в базе было вручную произведено расщепление на атомарные причинные контексты, т. е. все стихи, содержащие более одного контекста, были продублированы таким образом, чтобы каждому контексту в базе данных соответствовала отдельная строка. В первую очередь расщепления потребовали все стихи, содержавшие сразу несколько причинных показателей в одном и том же языке, как в [Ин. 14:17]:

АНГЛИЙСКИЙ

- (4) а. <...> *the Spirit of truth. The world cannot accept him, **because** it neither sees him nor knows him. But you know him, **for** he lives with you and will be in you.*

ФРАНЦУЗСКИЙ

- б. <...> *l'Esprit de vérité, que le monde ne peut recevoir; **parce qu'**il ne le voit point et ne le connaît point; mais vous, vous le connaissez, **car** il demeure avec vous, et il sera en vous.*

РУССКИЙ

- в. <...> *Духа истины. Мир не может принять Его, **потому что** не видит Его и не знает Его. Но вы знаете Его, **потому что** Он живет с вами и останется в вас. [Ин. 14:17]*

Также проверки и — в части случаев — расщепления потребовали стихи, в которых было представлено по одному показателю на язык, но в двух или трех языках — поскольку в этом случае эти показатели также могут на самом деле относиться к разным причинным

контекстам внутри одного стиха. К примеру, на два атомарных контекста разделен стих [Евр. 9:17] (5), где в английском переводе содержится показатель *because*, а во французском — показатель *puisque*, однако они относятся к разным смысловым частям стиха:

АНГЛИЙСКИЙ

- (5) а. *⟨In the case of a will, it is necessary to prove the death of the one who made it,⟩ because a will is in force only when somebody has died; it never takes effect while the one who made it is living.*

ФРАНЦУЗСКИЙ

- б. *⟨Car là où il y a un testament, il est nécessaire que la mort du testateur soit constatée.⟩ Un testament, en effet, n'est valable qu'en cas de mort, **puisque** il n'a aucune force tant que le testateur vit.*

РУССКИЙ

- в. *⟨Завещание вступает в силу только тогда, когда подтверждается смерть завещателя.⟩ Но если завещатель еще жив, то завещание не имеет никакой силы. Завещание вступает в силу только по смерти завещателя. [Евр. 9:17]*

В процессе ручной доработки базы исправлялись, где это было необходимо, баллы контекстов. Таким образом, в итоговой версии базы каждая строка соответствует одному атомарному причинному контексту, и баллы проставлены для контекста, а не для стиха в целом³.

Итоговая версия базы данных содержит 1630 причинных контекстов, представленных в виде отдельных строк в файле Excel (ссылка приведена в *Заключении*). Для каждого контекста в отдельных столбцах указано, в какой книге («Book»), какой главе («Ch(apter)») и каком стихе («Ver(se)») Нового Завета он содержится. Далее указан

³ Вместе с тем, в отдельных контекстах просто невозможно устранить смысловое несоответствие между использованием показателей в разных языках. Например, в [Лк. 13:2] (i) в английском (и французском), по сравнению с русским,

порядковый номер контекста («No») — нумерация произведена в соответствии с порядком следования стихов в Новом Завете; для расщепленных стихов дается дробный номер (так, два контекста, выявленных в представленном выше стихе [Евр. 9:17] (5), получили дробные номера «1296,1» и «1296,2», а единичный контекст из предшествующего стиха [Евр. 9:16] — целочисленный номер «1295»). Затем идет присвоенный контексту (псевдо)случайный номер⁴ («Rand(om)No») — этот столбец можно использовать для получения рандомизованных подвыборок. В столбцах «En», «Fr», «Ru» и «Sum» указаны, соответственно, «баллы» контекста для английского, французского и русского переводов и их сумма⁵. Далее

поменяны местами ситуации, выступающие причиной и следствием. Подобные несоответствия сохраняются и в итоговой базе.

АНГЛИЙСКИЙ

- (i) a. *Jesus answered, “Do you think that these Galileans were worse sinners than all the other Galileans **because** they suffered this way?*

РУССКИЙ

- b. *Иисус ответил: — Вы думаете, что эти галилеяне так пострадали, **потому что** они были грешнее всех других галилеян? [Лк. 13:2]*

⁴ Для получения псевдослучайных номеров в ячейки этого столбца вставлялась функция Excel «=СЛЧИС()*1000», которая затем заменялась на собственное значение.

⁵ Отсортировав базу по столбцу «Sum», можно сгруппировать контексты, в которых был использован причинный показатель в одном, двух или же всех трех языках. Это может быть полезно, во-первых, если нужно отобрать более «надежные» причинные контексты — таких, по всей видимости, больше среди контекстов с максимальными суммарными баллами. Во-вторых, контексты с разным количеством баллов, по всей видимости, различаются также по спектру представленных в них типов причинных употреблений. Распределение семантико-прагматических типов по трехбалльным и одно-/двухбалльным контекстам в пилотной размеченной подвыборке (см. далее) показывает, что у трехбалльных оно менее разнообразно, чем у одно-/двухбалльных. В трехбалльных контекстах, таким образом, скорее всего преобладают самые центральные, простые типы, а появления более специфических периферийных типов с большей вероятностью можно ожидать в контекстах с меньшим количеством баллов.

в столбцах «EnText», «FrText» и «RuText» приводятся сами тексты соответствующих стихов в трех переводах, где в каждом из языков полужирным шрифтом выделены причинные показатели (если они имеются), соответствующие данному контексту. Наконец, в столбцах «EnMarker», «FrMarker» и «RuMarker» эти показатели указаны отдельно в стандартизированной форме⁶.

Отдельно была создана **пилотная подвыборка**, содержащая 84 контекста из 76 стихов, которые были размечены по типам информационной структуры и семантико-прагматическим типам причинных контекстов. Выборка представлена в отдельном файле Excel (ссылка приведена в *Заключении*). Здесь мы опишем ее техническую сторону, а о содержательной стороне пойдет речь в *Разделе 3*.

Отбор стихов и их разметка происходила в два этапа — сам этот факт, равно как и некоторые другие особенности подготовки выборки (описываемые для полноты картины далее) были обусловлены внешними по отношению к исследованию причинами, и являются до некоторой степени произвольными. В качестве первого этапа из всей общей выборки были случайным образом извлечены и размечены 26 стихов⁷. Для второго этапа из итоговой выборки было решено взять только трехбалльные стихи только из Четвероевангелия (поскольку контексты оттуда в среднем, как кажется, легче интерпретируются) — из них было случайным образом извлечено и размечено еще 50 стихов. Всего было обработано 76 стихов; некоторые из них содержали более одного атомарного контекста и были расщеплены на несколько строк. Объем результирующей подвыборки составил 84 причинных контекста.

Полученная размеченная подвыборка не претендует на сбалансированность по типам причинных контекстов: в ней широко

⁶ К примеру, вариантам «Parce que», «Parce qu'», «parce que» и «parce qu'» соответствует в этом столбце единое «parce que».

⁷ Точнее, 25 стихов, к которым был добавлен по смежности еще один стих — Мф. 5:34, — поскольку в нем содержался контекст, однотипный с уже попавшим в выборку Мф. 5:35.

представлены более простые, прототипические типы и относительно редки примеры периферийных типов. Создание полноценной сбалансированной выборки контекстов, где в сопоставимых количествах содержались бы примеры на все семантико-прагматические типы причинных отношений и различные конфигурации информационной структуры, может стать одним из логичных продолжений настоящего исследования.

3. Разметка

В основу разметки, апробированной на 84 контекстах пилотной подвыборки, легла типологическая анкета по полипредикативным причинным конструкциям Н. М. Заики, созданная в рамках проекта по изучению причинных конструкций Лаборатории типологического изучения языков (ЛТИЯ) ИЛИ РАН [Заика 2019] (которая, в свою очередь, опирается на типологические работы, посвященные причинным конструкциям [Martowicz 2011; Diessel, Hetterle 2011; Cristofaro 2013], а также на ряд более частных работ и обобщений, сделанных на основании материалов отдельных языков). Для разметки из нее были взяты два главных параметра, не зависящих от конкретного языка и показателя: «семантические варианты причинных значений» и «соотношение с информационной структурой».

В анкете Н. М. Заики приводится следующая классификация семантических вариантов причинных значений [Заика 2019: 17–21] (воспроизводится в сокращенном виде):

I. Элементарные причинные значения (без дополнительного модального компонента).

I.1. Собственно причинное: непосредственно выражает отношение каузации между двумя ситуациями, выраженными в соответствующих клаузах.

I.2. Повод: фактор, обуславливающий поведение (волитивного) агенса в главной клаузе.

II. Неэлементарные причинные значения (между двумя пропозициями имеется невербализованный модальный компонент типа ‘я спрашиваю’, ‘я делаю вывод’).

II.1. Иллокутивное: выражает связь между пропозициональным содержанием одной клаузы в составе сложного предложения и иллокутивной модальностью другой.

II.1.1. С невербализованной императивной модальностью.

II.1.2. С невербализованной вопросительной модальностью.

II.1.3. С невербализованной утвердительной модальностью.

II.2. Следствие — вывод: умозаключение, сформулированное в клаузе со значением следствия, делается на основании информации, представленной в причинной клаузе.

II.2.1. Инферентивное (= «эпистемическое»): вывод делается на основании факта; говорящий может сделать утверждение P, потому что Q.

II.2.2. Логико-семантическое: вывод (умозаключение) делается на основании суждения.

Для параметра соотношения с информационной структурой в анкете Н. М. Заики выделяются два основных значения: «ассерция причинной клаузы» vs «пресуппозиция причинной клаузы» [Заика 2019: 23–24]; более специфические типы информационной структуры не обсуждаются.

В процессе разметки встретившихся в Новом Завете причинных контекстов мы уточнили и дополнили формулировки анкеты. Также анализ некоторых контекстов из Нового Завета привел нас к выделению потенциально новых подтипов причинных контекстов, дополнивших наборы значений параметров «информационная структура» и в особенности «семантико-прагматический тип».

Для удобства сопоставления классификации из анкеты Н. М. Заики и классификации, предлагаемой в настоящей работе, в *Приложении I* приведена таблица их соответствия.

Ниже мы представим все выделенные подтипы причинных контекстов — как основанные на анкете Н. М. Заики, так и новые — вместе, в составе итоговой версии нашей разметки (которую, по сути, можно считать одновременно и готовым усовершенствованным фрагментом типологической анкеты), сопровождая их определениями, комментариями и примерами⁸.

I. Информационная структура

В этом параметре оценивается отнесенность пропозиций, выраженных в причинной клаузе и в клаузе следствия, к прагматической ассерции или к прагматической пресуппозиции⁹ — последние трактуются нами в соответствии с теорией информационной структуры К. Ламбрехта [Lambrecht 1994]. Конкретно указывается то, какая (какие) из этих двух пропозиций — причины и следствия — входит (входят) в прагматическую ассерцию (то есть, несколько упрощая, в основную смысловую часть данного высказывания — сообщения, побуждения либо запроса говорящего). Следует оговорить, что само по себе указание на причинно-следственную связь между двумя пропозициями, по всей видимости, всегда входит в прагматическую ассерцию, поэтому нас интересует не оно, а только сами пропозиции причины и следствия.

Различаются следующие типы:

I.1. «Caus» (от англ. *cause*) — в прагматической ассерции только причина (следствие же относится к прагматической пресуппозиции и к данному):

⁸ Далее мы приводим на каждый тип сначала более прозрачные сконструированные примеры, а затем — в тех случаях, где это удастся сделать, — однозначные и нормально интерпретируемые примеры из Нового Завета.

⁹ В [Заика 2019] речь идет просто об «ассерции» и «пресуппозиции», однако также подразумеваются, по всей видимости, прагматические, а не семантические, ассерция и пресуппозиция.

- (6) ⟨— Почему ты опоздал?⟩— Я опоздал, **потому что** не прозвонил будильник.
- (7) Когда Симон Пётр это увидел, он пал к ногам Иисуса и сказал: ⟨...⟩. Он сказал так **потому, что** его и всех, кто вместе с ним ловил рыбу, объял ужас при виде столь обильного улова. [Лк. 5:8–9]

I.2. «**Cons**» (от англ. *consequence*)— в прагматической ассерции только следствие:

- (8) **Раз / Поскольку** ты отказываешься работать, я тебя уволю.
- (9) **Итак, поскольку** Христос пострадал телом, то и вы вооружитесь той же мыслью ⟨...⟩ [1 Пет. 4:1]
(В предыдущих стихах речь шла о страданиях Христа).

I.3. «**CausCons**»— в прагматической ассерции и причина, и следствие (10)–(12).

По всей видимости, это случаи т. н. «зависимой главной клаузы» (dependent main clause) типа *Once there was a wizard who was very wise and rich* ‘Жил-был один волшебник, который был мудр и богат’ [Lambrecht 1994: 180]. В них формально зависимая клауза (придаточное) приобретает некоторые свойства главной, в том числе включенность в прагматическую ассерцию.

- (10) ⟨После телефонного разговора:⟩— **Брат сегодня не придет, потому что** у него сломалась машина.
- (11) **За Ним** последовало множество людей, **потому что** они видели знамения, которые Иисус творил, исцеляя больных. [Ин. 6:1–2]
- (12) **Старейшины** пришли к Иисусу и стали горячо просить Его: — **Этот человек заслуживает Твоей помощи, потому что** он любит наш народ, и это он построил нам синагогу. [Лк. 7:4–5]

I.4a. «(Caus)Cons» и *I.4б.* «(CausCons)» — случаи, где обе пропозиции относятся к новой информации, однако одна или обе из них (то, что отмечено скобками) являются аккомодированной прагматической пресуппозицией.

Под аккомодацией понимается то, что пропозиция, на самом деле относящаяся к новой информации, подана как прагматическая пресуппозиция. Это может происходить за счет специального (ориентированного именно на введение прагматической пресуппозиции) языкового средства типа англ. *since* ‘поскольку’ или *before* ‘прежде чем’. Ср. [Начало рассказа:] *Before I moved to Switzerland I had never seen a Rolls Royce* ‘До того, как я переехал в Швейцарию, я ни разу не видел «Роллс-Ройс»’ [Lambrecht 1994: 68].

Примеры (13)–(14) могут быть отнесены к подтипу «(Caus)Cons», т. е. обе пропозиции в нем относятся к новой для собеседника информации, но причина подана как прагматическая пресуппозиция за счет *раз* или *since*¹⁰.

(13) ⟨Начало разговора:⟩ *Привет! Раз у меня сегодня зарплата, я решил тебе вернуть те три тысячи, которые был должен...*

АНГЛИЙСКИЙ

(14) *Now there were seven brothers among us. The first one married and died, and since he had no children, he left his wife to his brother.*
‘Так вот, у нас тут было семь братьев. Первый женился и ⟨«поскольку / раз»⟩ умер бездетным, и вдова стала женой его брата’.
[Мф. 22:25]

Второй выделенный подтип «(CausCons)» может быть проиллюстрирован двумя сконструированными примерами (15) и (14') и единственным подобным примером из Нового Завета, представленным в нашей пилотной подвыборке (16):

¹⁰ В конкретном языке, разумеется, не обязательно должна иметься подобная специальная причинная конструкция; в таких переводах эти контексты с необходимостью приобретут обычный тип «CausCons».

- (15) ⟨Начало разговора:⟩ *Привет! Раз у меня сегодня зарплата, **потому что** нам ее как раз платят двадцатого числа, я решил тебе вернуть те три тысячи, которые был должен...*

АНГЛИЙСКИЙ

- (14') *The first brother married and died, and since he had no children, **because** he was sterile, he left his wife to his brother.*

‘Первый брат женился и умер, и раз он умер бездетным, **так как** был бесплоден, то вдова стала женой его брата’ (видоизмененный контекст из (14)).

АНГЛИЙСКИЙ

- (16) ⟨The wrath of God is being revealed from heaven against all the godlessness and wickedness of people, who suppress the truth by their wickedness,⟩ *since what may be known about God is plain to them, **because** God has made it plain to them.* ⟨For since the creation of the world God’s invisible qualities — his eternal power and divine nature — have been clearly seen, being understood from what has been made, so that people are without excuse.⟩

‘⟨С небес открывается гнев Божий на всякое нечестие и неправедность людей, которые истину попирают злом.⟩ ⟨«Поскольку»⟩ Им известно то, что можно знать о Боге, **потому что** Бог явил им это. ⟨От создания мира невидимые свойства Бога — Его вечная сила и божественная природа — вполне могут быть поняты через рассматривание того, что Он сотворил. И значит, людям нет извинения...⟩’. [Рим. 1:19]

Все эти примеры изначально содержат по одному причинному контексту с аккомодацией типа «(Caus)Cons», к которым добавлены дополнительные причинные контексты, полностью погруженные в причинную часть первых контекстов, введенную союзом *since* или *раз*. Из-за этого во втором контексте обе пропозиции будут также относиться к аккомодированной прагматической presupпозиции — «(CausCons)». Например, в (14') весь второй причинный контекст ‘он умер бездетным, так как был бесплоден’ целиком погружен в причинную часть первого причинного контекста,

введенную в рамках него специальным пресуппозитивным средством *since / раз*, но при этом относящуюся к новой информации. Следовательно, во втором контексте и пропозиция причины, и пропозиция следствия входят в аккомодированную прагматическую пресуппозицию.

I.5. «None» — в прагматической ассерции только причинно-следственная связь (а обе пропозиции — причины и следствия — относятся к прагматической пресуппозиции) (17)–(18).

В [Lambrecht 1994: 68] приводится следующий пример для подобного типа информационной структуры: — *When did you wash your hands? — I washed my hands before I sat down to eat.* Для второй реплики здесь предлагается считать, что в прагматической ассерции в ней только временное отношение ‘прежде чем’, а обе соотносимые ситуации — в прагматической пресуппозиции (первая уже была введена в вопросе, а вторая вводится при помощи союза *before*, ориентированного, по К. Ламбрехту, именно на прагматические пресуппозиции).

(17) <Известно о том, что общий знакомый расстроился, и о том, что собеседница не приехала, но не о связи между этими ситуациями:> *Он расстроился, потому что ты не приехала.*

(18) *...Ты говоришь это потому, что Я сказал, что видел тебя под инжиром.* [Ин. 1:50]

II. Семантико-прагматический тип

В этом параметре определяется тип причинного контекста с точки зрения его семантики и прагматики (иллокутивной силы). Различаются четыре типа с несколькими подтипами в каждом.

II.1. *Элементарные, или обычные.* К этой группе употреблений относятся наиболее прагматически и семантически простые, т. е. неиллокутивные и без реконструируемой дополнительной предикации (см. Подразделы II.2 и II.3 далее).

Элементарные употребления имеют две разновидности: «**Prop**» (от англ. *proper*) — элементарное собственно причинное (19)–(20), и «**Pretext**»¹¹ — элементарное-повод (21)–(22).

- (19) *Я упал, **потому что** пол был скользкий.*
- (20) *⟨...⟩ Они ⟨семена⟩ быстро проросли, **потому что** почва была неглубокой. [Мф. 13:5]*
- (21) *Я купил другу подарок, **потому что** у него сегодня день рождения.*
- (22) *Мои спутники за руку привели меня в Дамаск, **так как** я был ослеплен сиянием этого света. [Деян. 22:11]*

Основное различие между ними — в контролируемости действия в пропозиции следствия. В случае второго подтипа причинная ситуация является лишь поводом для действия агенса (скорее всего, лица). Важно, имеется ли у агенса — при его наличии — выбор: выполнять или не выполнять действие в пропозиции следствия (повод), или же такой выбор отсутствует либо ситуация и вовсе неагентивная (собственно причинное).

Необходимо заранее пояснить, что противопоставление «повод vs собственно причина» является ортогональным к представленному здесь делению на основные семантико-прагматические типы: оно релевантно не только для элементарной причины, но и как минимум для двух других типов (иллокутивных и «следствия-вывода») — просто для них, по всей видимости, этот признак принимает фиксированное значение (см. *Подразделы II.2 и II.3* далее).

II.2. Иллокутивные. К этой группе употреблений относятся такие, в которых причинная связь устанавливается между некоторой

¹¹ Выбор однословных сокращений, а не, скажем, «SimpleProp» и «SimplePretext», был продиктован лишь соображениями краткости — а возможным использование этих сокращений делает то, что для других основных семантико-прагматических типов этот признак является фиксированным (см. ниже).

выраженной причинной ситуацией и самим иллокутивным актом в качестве следствия. Сюда относятся употребления, связанные с побудительностью, повествовательностью и вопросительностью.

По всей видимости, все случаи этого типа в рамках противопоставления «повод vs собственно причина» (см. пояснение выше) должны быть охарактеризованы как «повод».

II.2.1. В первом подтипе — связанном с **побуждением** — выделяется четыре разновидности:

а) «**Imper**» (от англ. *imperative*) — иллокутивные побудительные. Речь здесь идет о тех (скорее редких, см. обсуждение ниже) случаях, когда в высказывании объясняется именно мотивация говорящего произвести побуждение или запрет:

(23) *Раз уж ты зашел, расскажи-ка, как дела в институте.*

(В Новом Завете примеров на этот подтип найти не удалось).

б) «**ImperQuasi**» — иллокутивные «околопобудительные». Сюда относятся аналогичные случаи, в которых фигурирует иная иллокутивная сила, близкая к побуждению (но не кодируемая собственно императивными формами): пожелание (оптатив), совет, разрешение, наложение долженствования:

(24) *Раз уж ты так просишь, (хорошо,) разрешаю тебе взять мою машину.*

Предполагаемый пример из Нового Завета (он допускает интерпретацию, при которой кощунственные мысли собеседника являются поводом для говорящего произнести в его адрес проклятие):

(25) *«Когда Симон увидел, что Дух был дан через возложение рук апостолов, он предложил им деньги, говоря: — Дайте и мне такую силу, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Святого Духа). Но Пётр ответил: — Пусть твои деньги погибнут вместе с тобой, **раз** ты думаешь, что можешь купить дар Божий за деньги!» [Деян. 8:20]*

в) «**ImperSuggest**» (от англ. *suggestion*) — «смешанные» (см. пояснения ниже) побудительные:

(26) *Снизьте цену, потому что тогда я точно куплю эту вещь.*

(27) *Не бойся взять Марию в жёны, потому что Младенец, что в ней, — от Святого Духа.* [Мф. 1:20]

(По всей видимости, можно перефразировать так: ‘Я побуждаю тебя не бояться взять Марию в жены, предлагая следующую мотивацию: Младенец в ней — от Святого Духа (= она чиста)’).

г) «**ImperQuasiSuggest**» — «смешанные» околоробудительные:

(28) *Вам лучше снизить цену, потому что тогда я точно куплю эту вещь.*

(29) ⟨Есть много людей, особенно среди обрезанных, которые не признают над собой власти, занимаются пустыми разговорами и обманывают других.⟩ *Их надо заставлять молчать, потому что они ради низкой корысти губят целые семьи, уча тому, чему не следует.* [Тит. 1:11]

(По всей видимости, можно перефразировать примерно так: ‘Я накладываю на вас долженствование / советую заставлять их молчать, предлагая вам следующую мотивацию: они делают такие-то и такие-то плохие вещи’).

По поводу четырех перечисленных подтипов необходимо сделать важное пояснение.

По всей видимости, чисто-иллокутивные (около)побудительные употребления причинных конструкций («Imper» и «ImperQuasi») являются скорее редкими и специфическими.

Большинство же случаев, в которых причинная конструкция сочетается с некоторыми побудительными или близкими по иллокутивной силе формами / конструкциями, не являются на самом деле в чистом виде иллокутивными («ImperSuggest» и «ImperQuasiSuggest»). В последних скорее не называется причина для самого иллокутивного акта, а предлагается (отсюда *suggest(ion)* ‘предложение’ в их

названии) мотивация слушающему для каузируемого действия либо называется причина для долженствования, входящего в компонент побуждения: ‘Это стоит / нужно / имеет смысл сделать, потому что ...’. То есть эти случаи больше похожи на обычную, элементарную, причину в сфере действия императивного оператора. Их можно считать промежуточными («смешанными») между элементарными и собственно иллюкутивными.

II.2.2. Ко второму подтипу относятся иллюкутивные повествовательные, «**Decl**» (от англ. *declarative*):

- (30) *Раз уж ты спросил, ‘я сообщаю тебе, что’ брат приедет завтра.*

(В Новом Завете убедительных примеров на этот подтип найти не удалось).

II.2.3. Третий подтип — иллюкутивные стандартно-вопросительные, «**Inter**» (от англ. *interrogative*):

- (31) а. *Нет ли у тебя соли, а то у меня кончилась?*

б. *Раз уж ты зашел, ‘я спрошу тебя:’ нет ли у тебя соли?*

Использование ядерных причинных конструкций в таких употреблениях характерно для французского [Зайка 2019: 19]:

- (32) *Qu’est-ce qu’il vaut ce bouquin, parce que je voudrais l’acheter ?*
 ‘Сколько стоит эта книжка, а то я ее хочу купить’. [Colson 1993: 57], цит. по [Зайка 2019: 19]

ФРАНЦУЗСКИЙ

- (33) *Où est le roi des Juifs qui vient de naître? car nous avons vu son étoile en Orient, et nous sommes venus pour l’adorer.*
 ‘— Где новорожденный Царь иудеев? «Поскольку» Мы видели Его звезду на востоке и пришли поклониться Ему’. [Мф. 2:2]

Важно также отметить, что встречаются и формально похожие, но содержательно принципиально отличные случаи, где, наоборот,

причинная конструкция находится в сфере действия вопросительного оператора. Ср. примеры:

- (34) *И что с ним произошло из-за того, что он это сделал?*
- (35) — *Ты вообразил, что я сделал тебя воеводой, потому что ты спас мою жизнь?* [Борис Васильев. Вещий Олег (1996)]¹²

Такие случаи уже не являются иллюкутивными, а относятся к обычной, элементарной, причине, т. е. к типам «Prop» или «Pretext».

II.2.1'/II.2.2'/II.2.3'. Отдельно выделяется целая серия параллельных подтипов «...+InterPseudo» — иллюкутивные нестандартно-вопросительные. Здесь подразумеваются иллюкутивные употребления, содержащие косвенные речевые акты, оформленные как вопрос, но имеющие другую иллюкутивную силу («вопросительные предложения с нестандартной семантикой» по [Падучева 1985/2010: 233]). В эту группу попадают в том числе риторические вопросы, вопросы-побуждения и др. Все эти случаи кодируются в соответствии с предполагаемой реальной иллюкутивной силой («Decl...», «Imper...» и т. д.), после обозначения которой добавляется метасуффикс «...+InterPseudo»¹³:

- (36) *Раз уж ты зашел, не расскажешь ли, как дела в институте?*
(«Imper+InterPseudo»).

ФРАНЦУЗСКИЙ

- (37) *Si donc Satan est divisé contre lui-même, comment son royaume subsistera-t-il, **puisque** vous dites que je chasse les démons par Bêelzébul?*

¹² Пример из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

¹³ Таким образом, они образуют в классификации отдельный «слой» — по сути, вводится независимый бинарный параметр для иллюкутивных употреблений: «прямо-иллюкутивные» (без метасуффикса) vs «нестандартно-вопросительные» (с метасуффиксом «...+InterPseudo»).

‘И если сатана враждует против самого себя, то как устоит его царство? Я говорю это потому, что вы заявляете, будто Я изгоняю демонов силой Веельзевула’

(досл. «И если сатана враждует против самого себя, то как устоит его царство (\approx ‘его царство не устоит’), **раз** вы заявляете, будто Я изгоняю демонов силой Веельзевула?»). [Лк. 11:18] («Decl+InterPseudo»)

II.3. Следствие-вывод. К этой группе употреблений относятся такие, в которых утверждение в клаузе следствия является выводом на основании информации из клаузы причины. Выделяется три подтипа: инферентивные, логико-семантические и оценочные.

По всей видимости, во всех этих случаях (в отличие от случаев элементарной причины) в высказывании присутствует некоторый невыраженный, но реконструируемый дополнительный матричный предикат ‘~ делать вывод’. А следовательно, во всех них достраивается трехчастный силлогизм, как правило с восстановлением одной из посылок.

К примеру, в *Наверное, он дома, раз уже восемь часов* (подтип «Logic», см. далее) уже присутствует меньшая посылка ‘Уже восемь часов’ и заключение ‘Он дома’; восстанавливается большая посылка ‘В восемь часов он (обычно) бывает дома’. А в *Наверное, он дома, поскольку в восемь он обычно бывает дома* (также подтип «Logic»), напротив, присутствует большая и восстанавливается меньшая посылка.

По всей видимости, все случаи этого типа в рамках противопоставления «повод vs собственно причина» (см. пояснение в *II.1* выше) должны быть охарактеризованы как собственно причинные.

II.3.1. «Infer» (от англ. *inferential*) — инферентивные (= «эпистемические» = с обратной причинно-следственной связью¹⁴). Такие употребления подразумевают вывод на основании фактов, т. е. наблюдаемых

¹⁴ По всей видимости, в таких употреблениях всегда (в отличие от следующего типа «Logic») должна выполняться обратная элементарно-причинная / условная связь. Ср. ‘(В норме) если / поскольку преподаватель заболевает, занятия отменяют’ и ‘Если / поскольку идет дождь, на улице появляются лужи’ для примеров в (38).

косвенных проявлений. Следствие-вывод в этом случае является объективным и лишь потенциально верным. Имплицитная матричная предикация — ‘Я делаю вывод/ предположение, что Р, на основании того факта, что Q’:

(38) а. *(Видимо,) преподаватель заболел, **потому что** / **раз** занятия отменили.*

б. *Наверное, был дождь, **раз** на улице лужи.*

II.3.2. «**Logic**» (от англ. *logical*) — логико-семантические (= презумптивные¹⁵). Такие употребления подразумевают вывод-умозаключение на основании суждения, с привлечением знания некоторых общих закономерностей устройства мира. Следствие-вывод здесь также является объективным и может быть потенциально или с необходимостью верным. Имплицитная матричная предикация — ‘Я делаю вывод о том, что Р, поскольку он логически следует из того, что Q’:

(39) а. *Он его дядя, **потому что** он брат его матери.*

б. *Это число положительное, **поскольку** оно натуральное.*

в. *Наверное, он дома, **раз** уже восемь часов (а в восемь он обычно бывает дома).*

(40) *Ведь мы — храм живого Бога, **так как** Бог сказал о нас: «Я вселюсь в них и буду ходить среди них <...>». [2 Кор. 6:16]*

ФРАНЦУЗСКИЙ

(41) *<...> Voici, dit-il, ma mère et mes frères. **Car**, quiconque fait la volonté de Dieu, celui-là est mon frère, ma soeur, et ma mère.*

‘— Вот Моя мать и Мои братья. **<Так как>** кто исполняет Божью волю, тот Мне и брат, и сестра, и мать’. [Мк. 3:34–35]

¹⁵ По сути, противопоставление типов «Infer» и «Logic» можно отождествить с противопоставлением инферентивной и презумптивной эвиденциальности, ср. [Плунгян 2011: 465].

II.3.3. «Eval» (от англ. *evaluative*) — оценочные. В таких употреблениях говорящий аргументирует свою оценку. Следствие-вывод здесь является субъективным, опирающимся на систему ценностей говорящего. Имплицитная матричная предикация — ‘Я (субъективно) оцениваю / считаю / полагаю / чувствую, что Р, на основании являющегося для меня достаточным аргументом Q’:

(42) а. *Петя мерзавец, потому что не отдает мне книжку.*

б. *Это мороженое хорошее, потому что оно из натурального молока*

(ср. при этом: *Это мороженое мне нравится / Я считаю, что это мороженое хорошее, потому что оно из натурального молока* — относится уже к типу «Prop»).

Предполагаемый пример из Нового Завета:

(43) *Старейшины пришли к Иисусу и стали горячо просить Его: — Этот человек заслуживает Твоей помощи, потому что он любит наш народ, и это он построил нам синагогу. [Лк. 7:4–5]*

II.4. *Дискурсивные.* Наконец, отдельно представляется необходимым выделить так называемые «дискурсивные» употребления — «Disc» (от англ. *discourse*). Они вообще не относятся к причинным в строгом смысле слова, однако их можно считать семантически смежными. Под ними здесь понимаются случаи, где причинные показатели (союзы) вводят лишь некоторое пояснение, комментарий или пример, — содержание которых не находится в очевидных причинно-следственных отношениях с содержанием других клауз в контексте.

Такие употребления часто встречаются в переводах Нового Завета у англ. *for*, фр. *car*, рус. *ибо*¹⁶ (или *ведь*) в начале предложений:

¹⁶ В тех русских переводах, в которых используется *ибо*. Ср. контекст из примера (44) в Синодальном переводе: ⟨...⟩ *Но я не иначе узнал грех, как посредством закона. Ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: «не пожелай».* [Рим. 7:7].

АНГЛИЙСКИЙ

- (44) a. *What shall we say, then? Is the law sin? Certainly not! Indeed I would not have known what sin was except through the law. **For** I would not have known what coveting really was if the law had not said, “Do not covet.”*

ФРАНЦУЗСКИЙ

- б. *Que dirons-nous donc? La loi est-elle péché? Loin de là! Mais je n’ai connu le péché que par la loi. **Car** je n’aurais pas connu la convoitise, si la loi n’eût dit: Tu ne convoiteras point.*

РУССКИЙ

- в. *Что же это значит? Что Закон — это грех? Конечно нет. Однако я бы и не знал, что такое грех, если бы не существовал Закон. Я бы не знал, например, что значит желать, если бы Закон не говорил: «Не желай». [Рим. 7:7]*

АНГЛИЙСКИЙ

- (45) a. *⟨He took her by the hand and said to her, “Talitha koum!” (which means, “Little girl, I say to you, get up!”) Immediately the girl stood up and walked around (she was twelve years old). At this they were completely astonished.*

ФРАНЦУЗСКИЙ

- б. *⟨Il la saisit par la main, et lui dit: Talitha koumi, ce qui signifie: Jeune fille, lève-toi, je te le dis.⟩ Aussitôt la jeune fille se leva, et se mit à marcher; **car** elle avait douze ans. Et ils furent dans un grand étonnement.*

РУССКИЙ

- в. *⟨Взяв ее за руку, Иисус сказал: — Талита, кум! (Что значит: «Девочка, говорю тебе: встань!»)⟩ Девочка сразу встала и начала ходить (ей было лет двенадцать). Все были сильно удивлены. [Мк. 5:42]*

4. Некоторые количественные результаты

На материале итоговой версии основной базы данных был протестирован ряд гипотез о высокой функциональной близости некоторых причинных показателей в русском, английском и французском.

Так, употребление во французском союза *car*, который относится к высокому стилю и имеет тенденцию выражать причину, относящуюся к известной информации, коррелирует с употреблением в английском союза *for*, которому также приписывают сходные характеристики [Colson 1993]. Абсолютные значения: **521** [+*car*, +*for*]; 392 [+*car*, -*for*]; 166 [-*car*, +*for*]; **551** [-*car*, -*for*]. Различие статистически значимо: $\chi^2, p < 0,00001$.

Наиболее близким соответствием фр. *car* и англ. *for* в русском языке, по всей видимости, является *ибо*, однако в использованном нами переводе «Слово жизни» этот союз в принципе не употребляется, а контексты, содержащие *ибо* в Синодальном переводе, часто демонстрируют простое соположение клауз (или содержат не входящую в список ключевых слов единицу *ведь*). При этом в базе данных наблюдается зависимость между одновременным употреблением *car* во французском и *for* в английском и отсутствием ключевого слова в русском. Абсолютные значения: **344** [+*car/for*, + \emptyset]; 177 [+*car/for*, - \emptyset]; 655 [-*car/for*, + \emptyset]; **454** [-*car/for*, - \emptyset]. Различие статистически значимо: $\chi^2, p < 0,01$.

Также сильно коррелирует употребление нескольких других союзов, выражающих причину, относящуюся к известной информации [Colson 1993], — англ. *since* и фр. *puisque / comme*. Для пары *since* ~ *puisque*: **22** [+*since*, +*puisque*]; 68 [+*since*, -*puisque*]; 41 [-*since*, +*puisque*]; **1499** [-*since*, -*puisque*]; различие статистически значимо: $\chi^2, p < 0,00001$. Для пары *since* ~ *comme*: **10** [+*since*, +*comme*]; 80 [+*since*, -*comme*]; 21 [-*since*, +*comme*]; **1519** [-*since*, -*comme*]; различие статистически значимо: $\chi^2, p < 0,00001$.

Таким образом, на материале представленной базы данных с высоким уровнем значимости подтверждаются некоторые ожидаемые

соответствия в употреблении в различных языках союзов, сходные свойства которых были отмечены в предшествующих работах.

5. Заключение

В статье представлена база данных, содержащая контексты из Нового Завета, в которых в переводе на любой язык можно с наибольшей вероятностью ожидать появления полипредикативных причинных конструкций.

Основу базы составляют 1630 причинных контекстов из 1504 стихов, полученных суммированием автоматически извлеченных распределений причинных союзов в трех переводах Нового Завета — на русский, английский и французский — с последующей ручной доработкой. База данных доступна в виде документа Excel в репозитории Zenodo по ссылке: <https://doi.org/10.5281/zenodo.7418645>.

Помимо этого, для небольшой подвыборки из 84 контекстов (полученных из 76 стихов) произведена пилотная дополнительная разметка по различным семантико-прагматическим и информационным типам причинных контекстов. Размеченная подвыборка также доступна — в виде отдельного документа Excel — в репозитории Zenodo по той же ссылке: <https://doi.org/10.5281/zenodo.7418645>.

Несмотря на достаточно скромный объем размеченной на данный момент подвыборки, анализ контекстов из нее привел к пересмотру некоторых исходных представлений об отдельных подтипах употреблений причинных конструкций, а также позволил выявить некоторые подтипы, не представленные в обобщающей работе [Заика 2019], и таким образом уточнить их классификацию.

В Разделе 3 была представлена итоговая версия разметки (анкеты), включающая выявленные дополнительные разновидности употреблений. К последним относятся: а) семантико-прагматические разновидности: «смешанные» побудительные и околопобудительные, иллокутивные нестандартно-вопросительные (целая параллельная серия подтипов), оценочные и дискурсивные; б) разновидности

информационной структуры: при которых в прагматической ассерции и причина, и следствие; при которых имеет место аккомодация прагматической пресуппозиции; при которых в прагматической ассерции только причинно-следственная связь. Все подтипы употреблений причинных конструкций сопровождаются определениями, комментариями и примерами, в том числе из текста Нового Завета.

На основании базы данных получены пилотные статистические результаты. С высоким уровнем значимости подтвердилась функциональная близость некоторых английских, французских и русских средств, сходные свойства которых уже были отмечены в предшествующих работах: фр. *car* и англ. *for* (и часто соответствующее им неиспользование ядерных причинных союзов в русском); англ. *since* и фр. *puisque / comme*.

К возможным перспективам для продолжения настоящего исследования относится в первую очередь расширение размеченной подвыборки до полноценного сбалансированного состояния, при котором в ней содержались бы в сопоставимых количествах примеры на различные подтипы употреблений причинных конструкций, включая периферийные.

Приложение 1. Сравнение классификаций в [Заика 2019] и в настоящей работе

[Заика 2019]	Настоящая работа
<i>Соотношение с информационной структурой</i>	<i>Информационная структура</i>
[1.] Ассерция причинной клаузы	I.1 «Caus» — в прагматической ассерции только причина
[2.] Пресуппозиция причинной клаузы	I.2 «Cons» — ...только следствие
—	I.3 «CausCons» — ...и причина, и следствие

[Занка 2019]	Настоящая работа
—	I.4a. «(Caus)Cons», I.4б. «(CausCons)» — с аккомодированными прагматическими пресуппозициями
—	I.5. «None» — ...только причинно- следственная связь
Семантические варианты причинных значений	Семантико-прагматический тип
I. Элементарные	II.1. Элементарные, или обычные
I.1. Собственно причинное	«Prop» — элементарное собственно причинное
I.2. Повод	«Pretext» — элементарное-повод
II. Неэлементарные	
II.1. Иллокутивные	II.2. Иллокутивные
II.1.1. С невербализованной императивной модальностью — —	II.2.1...связанные с побуждением: «Imper» — ...побудительные, «ImperQuasi» — ...околопобудительные, «ImperSuggest» — ...смешанные побудительные, «ImperQuasiSuggest» — ...смешанные околопобудительные,
II.1.2. С невербализованной вопросительной модальностью	II.2.3. «Inter» — ...стандартно- вопросительные
II.1.3. С невербализованной утвердительной модальностью	II.2.2. «Decl» — ...повествовательные
—	II.2.1'/II.2.2'/ II.2.3' «...+InterPseudo» — ...нестандартно-вопросительные (отдельная серия)
II.2. Следствие-вывод	II.3. Следствие-вывод
II.2.1. Инферентивные (эпистемические)	II.3.1. «Infer» — инферентивные (= «эпистемические»)

[Заика 2019]	Настоящая работа
II.2.2. Логико-семантические	II.3.2. «Logic» — логико-семантические (= презумптивные)
—	II.3.3. «Eval» — оценочные
—	II.4. «Disc» — дискурсивные

Список условных сокращений

1 Пет. — 1-е послание Петра; 2 Кор. — 2-е послание к Коринфянам; Деян. — Деяния святых апостолов; Евр. — Послание к Евреям; Ин. — Евангелие от Иоанна; Лк. — Евангелие от Луки; Мк. — Евангелие от Марка; Мф. — Евангелие от Матфея; Рим. — Послание к Римлянам; Тит. — Послание к Титу.

Литература

- Заика 2019 — Н. М. Заика. Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: пространство типологических возможностей // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 7–32. DOI: 10.31857/S0373658X0005702-1.
- Падучева 1985/2010 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 6-е изд., испр. М.: ЛКИ, 2010.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: Учебное пособие. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
- Beblia.com — [Without author indication]. Holy Bible (XML Files + Audio)/Beblia.com. URL: <https://www.beblia.com/pages/bibleXML.aspx?Language=English-ESV> (дата обращения: 07.05.2022).
- Colson 1993 — J. Colson. Bonnes raisons et causes douteuses : les propositions de cause en anglais et en français // Palimpsestes. 1993. No. 7. P. 55–71. DOI: 10.4000/palimpsestes.636.
- Cristofaro 2013 — S. Cristofaro. Reason clauses // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. URL: <http://wals.info/chapter/127> (дата обращения: 07.05.2022). DOI: 10.5281/zenodo.7385533.

- Dahl 2014 — Ö. Dahl. The perfect map: Investigating the cross-linguistic distribution of TAME categories in a parallel corpus // B. Szmrecsanyi, B. Wälchli (eds.). *Aggregating Dialectology, Typology, and Register Analysis: Linguistic Variation in Text and Speech*. Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2014. P. 268–289. DOI: 10.1515/9783110317558.268.
- Diessel, Hetterle 2011 — H. Diessel, K. Hetterle. Causal clauses: a cross-linguistic investigation of their structure, meaning, and use // P. Siemund (ed.). *Linguistic Universals and Language Variation*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. P. 23–54. DOI: 10.1515/9783110238068.23.
- Lambrecht 1994 — K. Lambrecht. *Information structure and sentence form: topic, focus, and the mental representations of discourse referents*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. DOI: 10.1017/CBO9780511620607.
- Martowicz 2011 — A. Martowicz. *Origin and functioning of circumstantial clause linkers: A cross-linguistic study*. Ph.D. diss. Edinburgh: University of Edinburgh, 2011.
- Wälchli, Cysouw 2012 — B. Wälchli, M. Cysouw. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs // *Linguistics*. 2012. Vol. 50. № 3. P. 671–710. DOI: 10.1515/ling-2012-0021.

References

- Beblia.com — [Without author indication]. *Holy Bible* (XML Files + Audio)/Beblia.com. URL: <https://www.beblia.com/pages/bibleXML.aspx?Language=English-ESV> (accessed on 07.05.2022).
- Colson 1993 — J. Colson. Bonnes raisons et causes douteuses : les propositions de cause en anglais et en français. *Palimpsestes*. 1993. No. 7. P. 55–71. DOI: 10.4000/palimpsestes.636.
- Cristofaro 2013 — S. Cristofaro. Reason clauses. M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. URL: <http://wals.info/chapter/127> (accessed on 07.05.2022). DOI: 10.5281/zenodo.7385533.
- Dahl 2014 — Ö. Dahl. The perfect map: Investigating the cross-linguistic distribution of TAME categories in a parallel corpus. B. Szmrecsanyi, B. Wälchli (eds.). *Aggregating Dialectology, Typology, and Register Analysis: Linguistic Variation in Text and Speech*. Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2014. P. 268–289. DOI: 10.1515/9783110317558.268.
- Diessel, Hetterle 2011 — H. Diessel, K. Hetterle. Causal clauses: a cross-linguistic investigation of their structure, meaning, and use. P. Siemund (ed.). *Linguistic*

- Universals and Language Variation*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. P. 23–54. DOI: 10.1515/9783110238068.23.
- Lambrecht 1994 — K. Lambrecht. *Information structure and sentence form: topic, focus, and the mental representations of discourse referents*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. DOI: 10.1017/CBO9780511620607.
- Martowicz 2011 — A. Martowicz. *Origin and functioning of circumstantial clause linkers: A cross-linguistic study*. Ph.D. diss. Edinburgh: University of Edinburgh, 2011.
- Paducheva 1985/2010 — E. V. Paducheva. *Vyskazyvaniye i yego sootnesennost s deystvitelnostyu* (referentsialnyye aspekty semantiki mestoimeniy) [Utterance and its correlation with reality (referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow: Nauka, 1985. 6th ed., revised. Moscow: LKI, 2010.
- Plungian 2011 — V. A. Plungyan. *Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira: Uchebnoye posobiye* [Introduction into grammatical semantics: Grammatical meaning and grammatical systems of the world's languages: A Textbook]. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2011.
- Wälchli, Cysouw 2012 — B. Wälchli, M. Cysouw. Lexical typology through similarity semantics: Toward asemantic map of motion verbs. *Linguistics*. 2012. Vol. 50. No. 3. P. 671–710. DOI: 10.1515/ling-2012-0021.
- Zaika 2019 — N. M. Zaika. Polipredikativnyye prichinnyye konstruksii v yazykakh mira: prostranstvo tipologicheskikh vozmozhnostey [Polypredicative reason constructions in the world's languages: Typological parameters]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2019. No. 4. P. 7–32. DOI: 10.31857/S0373658X0005702-1.

Получено / received 04.04.2022

Принято / accepted 30.11.2022

Quotatives in Guinean and Liberian Kpelle: A study of parallel Bible corpora and non-biblical texts

Maria B. Konoshenko

University of Helsinki (Helsinki, Finland); eleiteria@gmail.com;

ORCID: 0000-0002-4460-2148

Abstract. In this paper, I explore the use of reported speech constructions in the Bible translations into Guinean and Liberian Kpelle, the two closely related varieties of Kpelle macrolanguage (Mande, West Africa), as well as in a small corpus of non-Biblical texts in these varieties. In both Guinean and Liberian Kpelle, quotative items introducing reported speech are multifunctional morphological amalgams consisting of pronominals fused with the verb *ké* ‘say’. Despite the morphological similarity of quotatives in Guinean and Liberian Kpelle, their syntactic behavior is different in the two varieties. First, quotatives have more functions in Guinean Kpelle than in Liberian Kpelle: they can appear as complementizers and markers of volition and purpose in the former variety, but not in the latter one. Second, in Guinean Kpelle, quotatives tend to function as quotative predicators, while in Liberian Kpelle, they usually appear as quotative markers co-occurring with speech verbs. Furthermore, in Guinean Kpelle, the pronominal addressees co-occurring with quotative predicators are often semantically empty. Non-predicative quotatives also co-occur with empty addressees in Guinean Kpelle, presumably inheriting this feature from quotative predicators. Finally, a surprising asymmetry was discovered and proved similar across the two varieties. In both Guinean and Liberian Kpelle, the marking of addressees in the matrix expression is different for the speech verb *bo* ‘say’ and quotative predicators. While quotative predicators are more likely to license pronominal than lexical addressees, the speech verb tends to co-occur with zero or lexical addressees. The tendencies observed in the Bible translations proved to be the same in non-Biblical texts suggesting that the Bible translations adequately represent the syntax of reported speech constructions in Guinean and Liberian Kpelle.

Keywords: quotatives, parallel corpora, minor languages, Mande, Bible translations, portmanteau.

Цитативные показатели в гвинейском и либерийском кпелле (на материале параллельных переводов Библии и небиблейских текстов)

М. Б. Коношенко

Университет Хельсинки (Хельсинки, Финляндия); eleiteria@gmail.com;
ORCID: 0000-0002-4460-2148

Аннотация. В статье на материале параллельных переводов Библии, а также небольшого корпуса небиблейских текстов исследуются цитативные показатели в гвинейском и либерийском кпелле (семья манде). Несмотря на морфологическое сходство, цитативы имеют различное синтаксическое распределение в текстах на рассматриваемых языках. Более того, обнаруженные различия характерны как для переводов Библии, так и для небиблейских текстов, из чего можно заключить, что данные переводы Библии адекватно передают синтаксис цитативных конструкций и могут быть использованы как источник языковых данных.

Ключевые слова: цитативы, параллельные корпуса, малые языки, манде, переводы Библии, портманто.

1. Introduction

1.1. The Bible as a source of linguistic data

When writing a grammar, it is desirable to base one's analytic conclusions and illustrative examples on natural texts, on a par with elicited examples. However, field linguists are not always in a position to collect large corpora of spontaneous texts that would be representative of various linguistic phenomena and suitable for a convincing quantitative analysis. A possible source of natural texts is the published literature in a target

language, e.g. fiction. Still, it is often the case that minor languages mainly function orally, and the only published source available for a given language is a translation of the Bible [Heider et al. 2011: 54].

While Bible texts are now often used to create parallel corpora [Wälchli 2007; Wälchli, Cysouw 2012; Christodouloupoulos, Steedman 2015], their place is still somewhat controversial in field linguistics. Some linguists explicitly note that Bible texts do not exhibit any significant grammatical differences from the natural spontaneous texts and can be used for analysis [Heider et al. 2011; Khachaturyan 2015: 7], while others see Bible translations as unreliable and not fully representative since they may use archaic language, they are stylistically marked and they may contain calques or errors, cf. [Wälchli 2007: 131]. Still, it is an empirical question whether and how Bible translations differ from the natural texts in a given language. This issue is related to a more general question whether field linguists can use the Bible translations as a source of data for language documentation and ultimately for reference grammars.

In this paper, I address both questions by analyzing parallel Bible translations in the Guinean and Liberian varieties of the Kpelle macrolanguage (ISO code: kpe; Mande, West Africa). These varieties are in an almost unique situation, since full Bible translations including the Old and New Testament are available for both of them, and both of these translations are available online. This gives an opportunity to carry out a fine-grained quantitative study of the two very closely related lects spoken outside of Europe. In this study, I compare Bible translations with non-Biblical texts collected by myself in the Republic of Guinea in 2008–2014, as well as a short story in Liberian Kpelle taken from a published source [Sankawulo 1963]. I provide a case study of reported speech constructions, and particularly quotative indexes, i.e. linguistic expressions introducing reported discourse [Güldemann 2008].

Reported speech constructions are good candidates for exploring the reliability of Bible texts for the following reasons:

- (a) they show strong language-internal and crosslinguistic variation in African languages;
- (b) they are quite frequent in both colloquial and religious texts;

- (c) one might expect that if Bible translations differ from other texts, the divergence is likely to be found in the domain of syntax.

1.2. Background on quotative indexes in Africa and in Mande

Typically, a reported speech construction consists of two parts: a quotative index and a quote. Quotative indexes are linguistic expressions introducing reported discourse, i.e. a quote [Güldemann 2008; Idiatov 2010]. This terminology is exemplified with (1) from English.

- (1) *He said to me* _[QUOTATIVE INDEX]: “*Please, come!*” _[QUOTE]

A quotative index encodes a discourse or a cognitive event, hence it typically includes information on the source (speaker) and the addressee (if relevant); it also contains a certain linguistic item with predicative semantics, broadly labelled here as a QUOTATIVE.

Various types of quotatives have been identified based on their morphosyntactic properties. Thus, QUOTATIVE VERBS are lexical items with full-fledged verbal morphology, e.g. English *say*. QUOTATIVE PREDICATORS typically behave as defective verbs in that they carry predicative meaning but are not marked for TAM. Finally, QUOTATIVE MARKERS are grammaticalized items that co-occur with quotative verbs within a single quotative index. Quotative markers tend to function either as complementizers, or, when the relation between the quote and the quotative index is not of complementation but of clause linking, as quotative clause linking markers [Idiatov 2010], although the difference between these two subtypes is not always clear and is not crucial for the present study.

In Mande family, as in many other African languages, quotatives are multifunctional elements ranging from verbs to grammaticalized quotative markers. Diachronically, they tend to develop from predicative to non-predicative uses [Heine, Kuteva 2002; Idiatov 2010: 850].

For example, in Kakabe (Mokole, Mande), there is the *kó* marker that can be used either as a quotative predicator, also labelled a “defective verb”, or as a quotative marker co-occurring with another quotative [Nikitina, Vydrina 2020]. Unlike regular speech verbs, *kó* can appear

TURA (SOUTHERN MANDE)

- (6) *wò báàǵ tǒ=ò tǒ kwí=ǎ*
 3PL.QU person all=SUBJ become white_person=PP

‘They say that everybody must become like whites’. [Idiatov 2010: 839]

- (7) *ǵ nú-ú ké ǵ à gělà wó*
 1SG.I_b come\PFV-PFV CLM 1SG.SUBJ 3SG.NON<SBJ> request do
má è ǵ=ǵà wěéé fàibòò
 1SG.QU 3SG.SUBJ 1SG.NON<SBJ>=POSS money change

‘I came to ask him to change my money’. [Bearth 1971: 433]

When operating as quotative markers, fused quotatives have person-number agreement, usually (but not necessarily) with the subject of the matrix clause (7). In (8), the quotative marker *má* agrees with the pronoun *ǵ* functioning as a postposition complement. This property of fused quotative markers is a typologically rare phenomenon found in Mande [Idiatov 2010: 860].

TURA (SOUTHERN MANDE)

- (8) *è ǵ gí má ẽ wòò-ó pé*
 3SG.I_b 1SG.NON<SBJ> PP 1SG.QU 3SG.I_a speech=FOC say
yè-á lǎà, è tò-ó à tǎ...
 NMLZ=PP TM 3SG.I_c stay\COND-COND 3SG.NON<SBJ> PP

‘I think (lit.: ‘It is in me’) that if she keeps her promise (everything will be fine)...’ [Idiatov 2010: 848]

1.3. Guinean and Liberian Kpelle: background and data

Guinean Kpelle (ISO code: gkp) and Liberian Kpelle (ISO code: xpe) are local varieties of the Kpelle macrolanguage (Southwestern Mande) spoken by more than one million people in Southeastern Guinea and Northern Liberia in West Africa. The present description is based on my fieldwork materials collected for Guinean Kpelle between 2008 and 2022, on published sources on Liberian Kpelle, mainly [Westermann,

Melzian 1930] and [Leidenfrost, McKay 2007], as well as on the available Bible translations.

The Guinean Kpelle Bible is accessible online. Most likely translated from Louis Segond French Bible, it was published recently by the Protestant Bible society in Conakry with no publication date indicated.

The Liberian Kpelle Bible, translated from English and published in 2014 by the Bible Society in Liberia, is also accessible online.

The Bible translations were first downloaded and automatically transformed into an Excel database by Alexander Piperski. I then manually annotated and analysed the first 12 chapters of the Genesis (Old Testament) and the first 4 chapters of the Gospel of Jean (New Testament) of both Guinean and Liberian Bible translations. Both Guinean and Liberian Bible translations were later fully annotated via automatic algorithms developed by myself for each dialect and implemented in Python by Alexander Ryaposov. The automatic annotations were then partly checked manually. Although the automatically annotated Bible data do contain some noise, it is unlikely to have significantly affected the final result. The algorithm is described in more detail in *Section 3*.

The oral texts in Guinean Kpelle were collected from four native speakers in Nzérékoré in 2009–2014. The texts include three folk stories, one text explaining the burial traditions of Kpelle, and one story of an unpleasant personal experience.

Finally, the Bible translation in Liberian Kpelle is compared to a short story in Liberian Kpelle published by Kpelle Literacy center in Liberia (1963).

The paper is organized as follows. In *Section 2*, I provide a qualitative description of quotative indexes in Guinean and Liberian Kpelle, based on the available sources and own field data. In *Section 3*, I present the results of a quantitative study of quotative indexes as appearing in the Biblical vs. non-Biblical texts. *Section 4* concludes the paper.

I demonstrate that, although quotatives have similar morphology, they pattern quite differently in Guinean vs. Liberian Kpelle texts. First, they have non-identical functions in the two varieties and, more importantly, the markers are distributed asymmetrically across the same functions. Second, quotatives have different patterns of licensing addressees in Guinean

and Liberian Kpelle. Crucially, these properties are similar for Biblical vs. non-Biblical texts, suggesting that Bible translations are representative sources of linguistic data, at least in this particular case.

2. Quotatives in Guinean and Liberian Kpelle

From the morphological point of view, in both Guinean and Liberian Kpelle, quotatives are morphological amalgams consisting of pronominals fused with the verb *ké* ‘say’ and forming suppletive paradigms, also cf. [Idiatov 2010].

Sources on Liberian Kpelle provide different variants of the fused forms, presumably because they represent different local varieties. D. Westermann and H. Melzian worked with a speaker of the Northern variant of Liberian Kpelle which is rather close to Guinean Kpelle, while the sketch in [Leidenfrost, McKay 2007] and the Bible translation are based on the Southern Liberian Kpelle. *Table 1* presents the paradigms of quotatives in Guinean Kpelle based on my field data and the Liberian forms as given in [Westermann, Melzian 1930: 22] and in the Bible.

Table 1. Quotatives in Guinean and Liberian Kpelle

	1SG	2SG	3SG	1EXCL.PL	1INCL.PL	2PL	3PL
GKpelle	<i>gê</i>	<i>yê</i>	<i>yè</i>	<i>kúó</i>	<i>gùo</i>	<i>káa</i>	<i>diè</i>
LKpelle (WM)	<i>ɲe</i>	<i>yê~bie</i>	<i>yè~nyè</i>	<i>kwie</i>		<i>ke</i>	<i>diè</i>
LKpelle (Bible)	<i>nyèè</i>	<i>íyèè~yèè</i>	<i>nyèè</i>	<i>ʔkúá¹</i>		<i>káa</i>	<i>díyèè</i>

In both Guinean and Liberian Kpelle, quotatives can license lexical addressees, i.e. addressees encoded by full noun phrases, introduced

¹ As the 1PL form is not attested in the Liberian Kpelle Bible translation, it has been reconstructed based on analogical considerations.

by the locative markers *há* (Guinean Kpelle) or *mà* (Liberian Kpelle) ‘on’. Pronominal addressees are encoded by morphological amalgams consisting of pronominals historically fused with the markers *há* (Guinean Kpelle) or *mà* (Liberian Kpelle).

Table 2. Pronominal addressees in Guinean and Liberian Kpelle

	1SG	2SG	3SG	1EXCL.PL	1INCL.PL	2PL	3PL
GKpelle	<i>máa~mū</i>	<i>yé</i>	<i>mà</i>	<i>kúô</i>	<i>gùô</i>	<i>káa</i>	<i>díé</i>
LKpelle	<i>mâ~mî</i>	<i>yé~yâ</i>	<i>mà</i>	<i>kúa</i>		<i>káa</i>	<i>día</i>

Examples below are represented in the orthography of the source. Although the Liberian Kpelle Bible was originally translated from English and the Guinean Kpelle Bible translation was done from French, in this paper, the Bible excerpts from both Kpelle varieties are translated into English following the New Revised Standard Version.

2.1. Quotative predicators

In both Guinean and Liberian Kpelle, quotatives can function as quotative predicators appearing with no auxiliary-like markers, cf. (9)–(10).

GUINEAN KPELLE, quotative predicator

- (9) *Nu yé ma: “Dáá á woo mēn...”*
 man 3SG.QU 3SG.on 1SG.PRF 2SG voice hear
 ‘He said, “I heard the sound of you ...” [Genesis 3:10]

LIBERIAN KPELLE, quotative predicator

- (10) *Nalón ñyē ma-i, “Dá í-woo meni...”*
 man 3SG.QU 3SG.on-BND 1SG.PRF 2SG-voice hear
 ‘He said, “I heard the sound of you ...” [Genesis 3:10]²

² In both Guinean and Liberian Kpelle, quotative indexes can have an optional final *-i* marker glossed here as a boundary marker BND. It is also attested in other

Both in Guinean and Liberian Kpelle, quotative predicators, similarly to speech verbs, license arguments and obligatorily agree with lexical subjects in person and number as further demonstrated for Guinean Kpelle below in (11)–(12). In (11), the subject is in 3SG, while in (12), it is in 3PL as reflected in the form of the quotative predictor.

GUINEAN KPELLE, quotative predictor

- (11) *zènégòlogolói yè mà: “Póló káa pà-i*
 DEF\monster 3SG.QU 3SG.on mud COP come-INF
kó-i mà”
 beat-INF 3SG.on

‘And the monster said: it will be covered by mud’. [2014_BL_47]

- (12) *nèápèlèe diè mà-i: “Kwà zèye*
 DEF\child.PL 3PL.QU 3SG.on-BND 1PL.EXCL.COND 3SG\take\L
kwă màawâa”
 1PL.EXCL.IRR 3SG.wash\L

‘The children said: If we take it, we wash it’. [2014_BL_48]

As noted above, quotatives functioning as quotative predicators are not overtly marked for TAM, and they are mainly used in perfective contexts. In other TAM meanings, the fully marked TAM construction is used with the verb *ké* ‘say’ in Guinean Kpelle (13), but not in Liberian Kpelle where the speech verb *bó* ‘say’ may be used (14).

GUINEAN KPELLE

- (13) *nwulu-i ñxi ñí kɛ yé: “Hvó ma*
 DEF\tree-REL this 1SG say\L 2SG.on 2SG.NEG DEF\fruit
ta mji”, yáá da mji?
 some eat\L 2SG.PRF 3SG\some eat

‘Have you eaten from the tree of which I commanded you not to eat?’ [Genesis 3:11]

polypredicative constructions, and it does not appear to add any specific properties to the quotative indexes analysed in this paper. Hence it is excluded from the discussion.

LIBERIAN KPELLE

- (14) *ɲùri-i ɲá mò yá a gɛɛ*
 DEF\tree-REL 1SG 3SG\say\L 2SG.on with 3SG\say.STAT
ife má da mii, ɓa da mii?
 2SG.NEG DEF\fruit some eat 2SG.PRF some eat

‘Have you eaten from the tree of which I commanded you not to eat?’ [Genesis 3:11]

Interestingly, in both Guinean and Liberian Kpelle, constructions with full *ké* ‘say’ verb are used to introduce a name in a Habitual construction (15)–(16); note a similar function for the Kakabe quotative *kó* (17).

GUINEAN KPELLE

- (15) *Nwun maqɔbo-mun Yálá ə naakwelan-mo, gaa*
 DEF\man save-person God 3SG 3SG\promise-make 3SG\COP
pa-i pa-i; yii da kɛ ma: Kristə.
 come-INF come-INF, that 3PL.HAB say\L 3SG.on Christ

‘(I know that) Messiah is coming (who is called Christ)’. [John 4:25]

LIBERIAN KPELLE

- (16) *másáya a pá-i (nyii da kɛ ma Kórai)*
 DEF\Messie 3SG.PRS come-INF that 3PL.HAB say\L 3SG.on Christ
- ‘(I know that) Messiah is coming (who is called Christ)’. [John 4:25]

KAKABE

- (17) *dɛɲɛ wo tɔɔ le kó Báaben*
 child.ART that name FOC QU Baaben

‘The name of that child was Baaben’. [Vydrina 2021: 11]

2.2. Quotative markers and other functions

Both in Guinean and Liberian Kpelle, quotatives may function as clause linking markers co-occurring with full speech predicates, most often represented by the transitive speech verb *bó* ‘say’ (18)–(19). It typically appears in the form of *mo* encoding a 3SG object that refers to the quote, i.e. literally ‘(s)he said this’. Furthermore, since the speech verb

bó ‘say’ is fully marked for TAM, it carries the low grammatical replacive tone glossed as L, a regular marker of the Aorist form often used in reported speech constructions.

An outstanding property of quotative markers in Guinean Kpelle is that they can license addressees (18), a point that is further discussed in *Section 3.2* below.

GUINEAN KPELLE, quotative marker

- (18) *Nqqlɔwai, Yai-Laa ə mo nɛɛnu ba, yɛ*
 then Yahweh 3SG 3SG\say\L woman on 3SG.QU
ma: “*Nɛɛnu! Lə mɛni ba ə yili kɛ tii?*”
 3SG.on woman what thing\L on 2SG this do like_this
 ‘Then the Lord God said to the woman, “What is this that you have done?”’ [Genesis 3:13]

LIBERIAN KPELLE, quotative marker

- (19) *Nya bɛ Yāwɛɛ è mò Eberaŋ ma*
 3SG.AUT FOC Yahweh 3SG 3SG\say\L Abram on
ɲyɛɛ-i, “Kula i-lɔi-i su”
 3SG.QU-BND go_out 2SG-country-DEF in
 ‘Now the Lord said to Abram, “Go from your country”’. [Genesis 12:1]

In Guinean Kpelle, quotatives also appear as complementizers after predicates of cognition (20). In Liberian Kpelle, the *a gɛɛ* construction is used instead (21).

GUINEAN KPELLE, complementizer

- (20) *Yálá ə gaa, yɛ yili lɛlɛ-ɛ-i.*
 God 3SG 3SG\see\L 3SG.QU that be_beautiful-STAT-PRED
 ‘And God saw that it was good’. [Genesis 1:10]

LIBERIAN KPELLE, *a gɛɛ* construction³

- (21) *Nya bɛ è gàa a gɛɛ*
 3SG.AUT FOC 3SG 3SG\see\L with 3SG\say.STAT

³ In both Kpelle varieties, there is a prepositional verbal construction where a stative 3SG form of the verb introduced by the preposition *a* ‘with’ modifies the main

dí-lɛlɛ-ɛ-i

PL-be_beautiful-STAT-PRED

‘And God saw that it was good’. [Genesis 1:10]

When functioning as complementizers in Guinean Kpelle, quotatives usually, but not necessarily, agree in person and number with the subject of the matrix clause (20). In (22), the 1SG quotative *gɛ́* agrees not with the subject, but with the 1SG possessor — cf. (8) from Tura, a typologically unusual property of agreeing complementizers in Mande as discussed by [Idiatov 2010: 860].

GUINEAN KPELLE, complementizer

- (22) *Gilí kaa ju gɛ́ diɛ ɔ́ lɛlɛ-ɛ-i*
 1SG\mind COP 3SG\in 1SG.QU 3PL.ON 2SG be_beautiful-STAT-PRED
 ‘I know well that you are a woman beautiful in appearance...’
 [Genesis 12:11]

A further striking property of quotative markers in Guinean Kpelle is that they often appear with overt addressees even when used as complementizers, e.g., with the marker *diɛ* in (22), cf. *Section 3.2*.

Finally, quotatives can function as volitional predicates or optative markers in Guinean Kpelle as in (23), where the optative meaning is expressed by the 1SG quotative *gɛ́*, literally meaning ‘I wish that...’. In Liberian Kpelle, the verb *tɔɔ* ‘put’ has been grammaticalized in this function (24).

predicate. In example (i) from Liberian Kpelle Bible translation, the verb *kpóma* ‘be sterile’ modifies *ké* ‘be’.

- (i) *Serai è kè a gbóma-a*
 Sarai 3SG be\L with 3SG\be_sterile-STAT
 ‘Now Sarai was barren’. [Genesis 11:30]

I assume that in quotative contexts (21), at least historically, *a gɛɛ* could be interpreted as the preposition *a* with the 3SG stative form of the verb *ké* ‘say’ grammaticalized as a complementizer in Liberian, but not in Guinean Kpelle. My glossing of (21) follows this interpretation.

- GUINEAN KPELLE, volitional predicate / optative marker
- (23) *Yá lá yɛ nwɔnɔ diɛ: “Gé lɔ ɔ kala*
 God 3SG.QU again 3PL.on 1SG.QU earth 3SG.SUBJ grass
ɓɔn-ɲaa kulɔ”
 sprout-PL go_out
 ‘Then God said, “Let the earth bring forth grass”’. [Genesis 1:11]

- LIBERIAN KPELLE
- (24) *Yá lá è mò ñyɛɛi, “Tɔɔ kala*
 God 3SG 3SG\say\L 3SG.QU put grass
é kúla ñɔi-i ma”
 3SG.SUBJ go_out DEF\earth-DEF on
 ‘Then God said, “Let the earth bring forth grass”’. [Genesis 1:11]

The functions of quotatives in Guinean and Liberian Kpelle as attested in the Bible translations are summarized in *Table 3*.

Table 3. The functions of quotatives in Kpelle varieties

	Guinean Kpelle	Liberian Kpelle
Quotative predicator	+	+
Quotative marker with speech verbs	+	+
Complementizer with mental verbs	+	–
Volition & purpose marker	+	–

Overall, quotatives have more functions in Guinean Kpelle than in Liberian Kpelle, apparently due to the broader distribution of constructions with the original lexical verb *ké* ‘say’ in Guinean Kpelle. As noted in *Section 2.1*, the verb *ké* ‘say’, though still preserved in non-perfective contexts in Guinean Kpelle, corresponds to the *ɓó* ‘say’ in Liberian texts.

Crucially, if we compare the distribution of Guinean and Liberian Kpelle quotatives across the first two functions, i.e. quotative predicators and quotative markers after speech verbs, we see that this distribution is asymmetric in the two varieties. This point is further discussed in *Section 3*.

3. Quotative indexes in Guinean and Liberian Kpelle Bible translations and in non-Biblical sources

In this section, I compare the distribution of quotatives in the parallel Bible translations into Guinean and Liberian Kpelle, as well as in non-Biblical texts.

The search results for the Bible presented in this section are based on the automatically annotated parallel Guinean and Liberian Kpelle Bible translations available online, cf. *Section 1.3*. The automatic annotation only recognized quotatives appearing as quotative predicators and as quotative markers accompanying other speech predicates, i.e. only the first two functions in *Table 3*. To simplify the rather complex search algorithms that involved various graphic variants of quotatives and addressee forms, we only searched for quotative indexes containing third person quotatives (3SG or 3PL), although this limitation was unlikely to significantly affect our results.

First, the algorithm searched for quotative markers in the texts, second, it marked the construction type. Whenever a quotative was preceded by a specific speech predicate (Guinean Kpelle: *bo* ‘say’, *pulu pənə / ŋq̄q̄ pənə* ‘answer’, *maq̄ni ke* ‘ask’; Liberian Kpelle: *bo* ‘say’, *su too* ‘answer’, *marê ké* ‘ask’, including other graphic and morphological variants),⁴ the quotative was interpreted as a quotative marker. If not, it was interpreted as a quotative predicator independently introducing reported speech in a given utterance. This means that in some cases, a quotative could be wrongly interpreted as a quotative predicator while following a lexical speech predicator not recognized by the algorithm. Hence, the real number of quotative predicators may be lower in the data than suggested by our algorithm. Still, it is the relative distribution of quotatives

⁴ Both Guinean and Liberian Kpelle Bible translations are not fully orthographically consistent. For this reason, several orthographic variants were searched by the algorithm, e.g. for *marê* ‘question’ in Liberian Kpelle: *màre / mare / marê / màrê*. The morphological variants included the verb *bo* ‘speak’ with or without the 3SG object pronoun: *bo speak ~ mo 3SG\speak*.

that is crucial for the present study. As I show below, this distribution is different in the Guinean and Liberian Kpelle Bible translations even though they were annotated by similar algorithms.

The marking of addressees after quotatives and speech verbs was also automatically annotated, cf. *Section 3.2* for some results.

Overall, 4872 and 4755 quotative indexes, respectively, were annotated in Guinean and Liberian Kpelle Bible translations as shown in *Table 4*. In this paper, I represent the statistics for the Old and New Testament separately, since a pilot analysis based on a small manually annotated corpus showed a different distribution of quotatives in the Genesis (Old Testament) and the Gospel of John (New Testament) in Guinean Kpelle.

Table 4. Quotative contexts in Guinean and Liberian Bible translations

	Guinean Kpelle	Liberian Kpelle
Old Testament	3214	3249
New Testament	1658	1506
Total	4872	4755

I also analysed 52 quotative indexes from non-Biblical stories in Guinean Kpelle, and 17 quotative indexes in a Liberian Kpelle short story.

3.1. Type of quotative

The most striking difference between Guinean and Liberian Kpelle texts is that in Guinean Kpelle, quotatives tend to be used as quotative predicators, whereas in Liberian Kpelle, they predominantly function as quotative markers accompanying other speech predicates. Crucially, this holds both for non-Biblical texts and for Bible translations. *Table 5* represents the distribution of quotatives in non-Biblical texts.

Although the total numbers are quite low, this asymmetry is statistically very significant according to Fisher's exact probability test (two-tailed $p < 0.001$).

Table 5. Quotative predicators and quotative markers in non-Biblical texts

	Guinean Kpelle	Liberian Kpelle
Quotative predictor	49 (94.2 %)	2 (11.8 %)
Quotative marker	3 (5.8 %)	15 (88.2 %)
Total	52 (100 %)	17 (100 %)

In parallel Bible translations, the same asymmetry holds, so constructions with a quotative predictor in Guinean Kpelle correspond to those with a quotative marker and a full speech verb in Liberian Kpelle, cf. (23)–(24). The distribution of quotatives across the two functions in the Old and the New Testaments is represented in *Table 6*.

Table 6. Quotative predicators and quotative markers in Bible translations

	Guinean Kpelle		Liberian Kpelle	
	Old Test.	New Test.	Old Test.	New Test.
Quotative predictor	2640 (82.1 %)	959 (57.8 %)	960 (29.5 %)	533 (35.4 %)
Quotative marker	574 (17.9 %)	699 (42.2 %)	2289 (70.5 %)	973 (64.6 %)
Total	3214 (100 %)	1658 (100 %)	3249 (100 %)	1506 (100 %)

Table 6 suggests that quotatives tend to independently introduce reported speech in Guinean Kpelle thus functioning as quotative predicators, while they are more often used with other speech predicates, i.e. as quotative markers, in Liberian Kpelle. This asymmetry is further illustrated in (25)–(26) below.

- GUINEAN KPELLE, quotative predictor
- (25) *Laban* *yɛ* *mɔ:* “*Néé kaa mu*”
 Laban 3SG.QU 3SG.on 1SG\hand COP 3SG\under
 ‘Laban said, “Good!”’ [Genesis 30:34]

LIBERIAN KPELLE, quotative marker

- (26) *Nya be Laban è mò ma ñyɛi,*
 3SG.AUT FOC Laban 3SG 3SG\say\L 3SG.on 3SG.QU
 “Ñɛ̀ɛ-ɛ-i”
 3SG\be_good-STAT-PRED
 ‘Laban said, “Good!”’ [Genesis 30:34]

Another asymmetry is also visible in *Table 6*: in the Guinean Kpelle Bible, the proportion of quotative markers is much higher in the New Testament (42.2 %) than in the Old Testament (17.9 %). A possible explanation of this difference may be found in the distribution of speech predicates in the translations.

In both Guinean and Liberian texts, the majority of quotatives annotated as quotative markers, i.e. following another speech predicate, co-occur with the verb *bó* ‘say’. However, other speech predicates also were attested, e.g. *mąqni ke* ‘ask’ (Guinean Kpelle), *marê ké* ‘ask’ (Liberian Kpelle) as shown in (27)–(28).

GUINEAN KPELLE, quotative marker

- (27) *Mika ə mąqni ke, yɛ mą: “É hąfə*
 Micah 3SG question make\L 3SG.QU 3SG.on 2SG leave
mj pələ?”
 where towards
 ‘Micah said to him, “From where do you come?”’ [Judges 17:9]

LIBERIAN KPELLE, quotative marker

- (28) *Maka è marê kè ñyɛ ma-i,*
 Micah 3SG question make\L 3SG.QU 3SG.on-BND
 “Mí bé ya kulâ-i naa-i?”
 where FOC 2SG.HAB go_out-INF DEF\there-DEF
 ‘Micah said to him, “From where do you come?”’ [Judges 17:9]

The proportion of constructions with speech verbs other than *bó* ‘say’, such as the predicates *pulu pənə / ɲq q pənə* ‘answer’, *mąqni ke* ‘ask’ (Guinean Kpelle), and *su too* ‘answer’, *marê ké* ‘ask’ (Liberian Kpelle) is higher in the New Testament in Guinean Kpelle accounting for 36.9 % of all constructions with speech verbs, cf. *Table 7*.

Table 7. Speech verbs in Bible translations

	Guinean Kpelle		Liberian Kpelle	
	Old Test.	New Test.	Old Test.	New Test.
<i>bó</i> ‘say’	431 (75 %)	441 (63.1 %)	1976 (86.3 %)	754 (77.5 %)
other predicates	143 (25 %)	258 (36.9 %)	313 (13.7 %)	219 (22.5 %)
Total	567 (100 %)	699 (100 %)	2168 (100 %)	973 (100 %)

To check whether this asymmetry may be influenced by the source text of the Guinean Kpelle translation, i.e. the French Bible, I calculated the item per million (ipm) frequency of the symbolic sequences “répond” and “demand”, roughly corresponding to the forms of the French verbs *répondre* ‘answer’ and *demander* ‘ask’, in Louis Segond’s version of the Old and the New Testament, which is likely to be the source of the Guinean Kpelle translation. I also checked the frequency of the sequence “dit” corresponding to the verb *dire* ‘say’ for control. It cannot be directly compared to the frequencies of the other two sequences, since it only represents a subset of forms (3sg Présent, 3sg Passé Simple, Participe Passé), but its frequencies in the Old and New Testament are still comparable. The results are represented in *Table 8*.

Table 8. The frequency of speech verbs in Louis Segond

	Word count	“répond”	“demand”	“dit”
Old Testament	441586	617 ipm: 1387.2	149 ipm: 337.42	2450 ipm: 5548.18
New Testament	173217	322 ipm: 1868.94	159 ipm: 917.92	965 ipm: 5571.05

Table 8 shows that the ipm frequencies for the verb *dire* are roughly the same in the Old and the New Testament of Louis Segond, being 5548.18 and 5571.05, respectively. However, the other two verbs are much more frequent in the New Testament than in the Old Testament, cf. 1387.2 (Old Testament) vs. 1868.94 (New Testament) for “répond”, and 337.42 (Old Testament) vs. 917.92 (New Testament) for “demand”.

Hence, I would argue that the higher use of quotatives with specific speech predicates in Guinean Kpelle translation of the New Testament shown in *Table 7* may be influenced by the French source text, since the verbs *demander* ‘ask’ and *répondre* ‘answer’ are more frequent in the New Testament of Louis Segond. This asymmetry, in turn, accounts for a higher proportion of quotative markers as opposed to quotative predicators in the New Testament translation in Guinean Kpelle (*Table 6*).

3.2. The expression of addressees

As demonstrated in *Section 2*, in both Guinean and Liberian Kpelle, there are two main types of quotative indexes: with a quotative predicator or with a speech verb (most often *bó* ‘say’) followed by a quotative marker. Both quotative predicators and the verb *bó* ‘say’ can license addressees introduced by the markers *bà* (Guinean Kpelle) or *mà* (Liberian Kpelle).⁵ Thus, in (29) below from Guinean Kpelle, the quotative predicator is accompanied by an anaphoric addressee, and in (30) the addressee is lexical.

- GUINEAN KPELLE, quotative predicator with anaphoric addressee
 (29) *Moisə yε mə:* “*Yai-Laa woo ka*”
 Moses 3SG.QU 3SG.on God speech COP
 ‘Moses said, “Thus says the Lord”’. [Exodus 11:4]

- GUINEAN KPELLE, quotative predicator with lexical addressee
 (30) *Yai-Laa yε Moisə ba:* “*Pənə á yεε*”
 God 3SG.QU Moses on return 2SG go_down
 ‘The Lord said to him, “Go down”’. [Exodus 19:24]

While quotative predicators and speech verbs have different frequencies in Guinean and Liberian Kpelle (cf. *Section 3.1*), there is a striking asymmetry that concerns the expression of addressees in those constructions and, crucially, it holds *both* for Guinean and Liberian texts.

⁵ Other speech predicates annotated in this study do not license syntactic addressees, hence they are not discussed here.

In both Guinean and Liberian Kpelle, the speech verb *bó* ‘say’ tends to have either a zero, or a lexical addressee, while quotative predicators are more likely to license pronominal addressees than speech verbs.⁶ *Table 9* presents some statistics from the Old Testament. Unfortunately, the contexts containing zero addressees after quotative predicators are hard to process automatically and even manually, since they are often subject to different interpretations. Hence, the figures provided by our algorithm were largely unreliable and I excluded them.

Table 9. Addressees used after speech verbs and quotative predicators

	Addressee	Zero	Pronominal	Lexical
Speech verb <i>bó</i> ‘say’	Guinean Kpelle	148	54	182
	Liberian Kpelle	723	407	724
Quotative predicators	Guinean Kpelle		1454	908
	Liberian Kpelle		455	47

Table 9 suggests that in both Guinean and Liberian Kpelle, the verb *bó* ‘say’ is used with zero or lexical addressees more often than with pronominal addressees. In contrast, pronominal addressees are more common for quotative predicators than lexical addressees, with no reliable figures available for zero addressees. So far, I have no clear explanation for this asymmetry.

Despite this general tendency, there is another phenomenon specific to Guinean Kpelle. In this variety, as opposed to Liberian Kpelle, pronominal addressees are often semantically empty or “wrong”. Some examples from the Genesis are given in *Table 10*, where the quotative predicate in Guinean Kpelle has the 3PL pronominal addressee *diε* even when there was no physical addressee created by God yet. In Liberian Kpelle, quite logically, the pronominal addressee *día* only appears after God has created a man and a woman [Genesis 1:29]. Also, note that all quotative indexes used in Guinean Kpelle feature a quotative predicator, while the

⁶ Only 3rd person pronominal addressees were considered in this study.

Liberian Kpelle translation employs a speech verb with a quotative marker, thus illustrating the asymmetry discussed in *Section 3.1*.

Table 10. Addressees in quotative indexes [Genesis]

New Revised Standard Bible	Guinean Kpelle	Liberian Kpelle
God called the dry land Earth, and the waters that were gathered together he called Seas. And God saw that it was good. [Genesis 1:10]		
Then God said (‘‘Let the earth put forth vegetation...’’) [Genesis 1:11]	<i>Yála</i> (God) <i>ye</i> (3SG. QU) <i>nwɔnɔ</i> (again) <i>diɛ</i> (3PL.on):...	<i>Yála</i> (God) <i>è</i> (3sg) <i>mò</i> (3SG\say\L) <i>nyɛɛ-i</i> (3SG.QU-BND):
And God said, (‘‘Let there be lights in the dome of the sky...’’) [Genesis 1:14]	<i>Yála ye nwɔnɔ diɛ...</i>	<i>Yála è mò nyɛɛ...</i>
And God said, (‘‘Let there be lights in the dome of the sky...’’) [Genesis 1:20]	<i>Yála ye nwɔnɔ diɛ...</i>	<i>Yála è ɲónɔ mò nyɛɛ...</i>
Then God said, (‘‘Let us make humankind in our image...’’) [Genesis 1:26]	<i>Yála ye nwɔnɔ diɛ...</i>	<i>Nya be Yála è nâa mò nyɛɛ...</i>
So God created humankind in his image, in the image of God he created them; male and female he created them. [Genesis 1:27]		
God said, (‘‘See, I have given you every plant yielding seed...’’) [Genesis 1:29]	<i>Yála ye nwɔnɔ diɛ...</i>	<i>Yála è mò dîa nyɛi...</i>

Similar examples of ‘‘empty’’ or ‘‘wrong’’ addressees are found in non-Biblical texts in Guinean Kpelle. In (11) above, the monster is talking to a group of children, but the addressee is formally 3SG. In (31) below, the speaker is talking to himself, but there is an overt 3SG addressee.

GUINEAN KPELLE, empty addressee

- (31) *gɛ* *mà* *ɲà* *hèle* *Biankouma*
 1SG.QU 3SG.on 1SG.COND arrive\L Biankouma
kpinî-i, {...} *míne* *bé* *gáa* *pâi* *yîi* *nàa?*
 darkness-LOC where FOC 1SG\COP come-INF sleep-INF there

‘I was telling myself, if I arrive at Biankouma in darkness, where shall I sleep?’ [2014_JAT_11]

The most striking difference between Liberian and Guinean Kpelle texts has been attested for non-predicative quotatives, i.e. quotative markers. In Liberian Kpelle, quotative markers rarely license an addressee, especially when used with *bó* ‘say’, cf. (19), (24). In Guinean Kpelle, quotative markers strongly tend to co-occur with an overt pronominal addressee, cf. (18). Moreover, they can license an overt addressee even when used with predicates of cognition (32), cf. also (22) above, or volition/purpose markers (33) where no addressee is logically possible. This tendency holds for the Bible as well as for other texts, although there may be some speaker variation.

GUINEAN KPELLE, complementizer with an addressee

- (32) *nèápèlɛɛ diɛŋ, dī gòlón, dī gàa kèá*
 DEF\child.PL 3PL.CNTR 3PL 3SG\know 3PL 3SG\see now
dīɛ mà-í zèŋégòlogolo-í àá ŋwòó màápéne
 3PL.QU 3SG.ON-BND DEF\monster-DEF 3SG.PRF 3SG\voice change
 ‘And the children, they understood that the monster had changed his voice’. [2014_BL_45]

GUINEAN KPELLE, purpose marker with an addressee

- (33) *kú kpàì yáli, kúo mà*
 1PL.EXCL corn break 1PL.EXCL.QU 3SG.ON
kú káa pà-i jilí-i
 1PL.EXCL COP come-INF 3SG\cook-INF

‘We have harvested corn so that we cook it’. [2014_BL_84]

The presence of overt pronominal addressees may well be a typologically uncommon property of quotative markers in Guinean Kpelle. Quotatives tend to extend their functions from quotative predicators to quotative markers [Heine, Kuteva 2002; Idiatov 2010: 850], and as I showed above, “empty” pronominal addressees are typical even for quotative predicators in Guinean Kpelle. Therefore, as a tentative hypothesis, I would argue that the use of “empty” addressees is likely to have been transferred from quotative predicators to quotative markers in the course of their grammaticalization in Guinean Kpelle.

4. Discussion and conclusions

In this paper, I have demonstrated that, despite the morphological similarity of quotatives in Guinean and Liberian Kpelle, their syntactic behavior is different in the two varieties.

First, quotatives have more functions in Guinean Kpelle than in Liberian Kpelle: they can appear as complementizers and markers of volition and purpose in the former variety, but not in the latter one.

Second, even the two functions that are common across the two varieties, i.e. quotative predicators and quotative markers accompanying speech verbs, are asymmetrically distributed in Guinean vs. Liberian texts. In Guinean Kpelle, quotatives tend to function as quotative predicators, while in Liberian Kpelle, they usually accompany speech verbs.

Third, in Guinean Kpelle, the pronominal addressees co-occurring with quotative predicators are often semantically empty. Non-predicative quotatives also co-occur with empty addressees in Guinean Kpelle, presumably inheriting this feature from quotative predicators that are claimed to be diachronically primary in literature. In Liberian Kpelle, quotative markers rarely license an addressee, and this property may correlate with their semantically more motivated use in the matrix clauses.

I also discovered a surprising asymmetry, similar across the two varieties. In both Guinean and Liberian Kpelle, the marking of addressees in the matrix expression is different for the speech verb *bó* ‘say’ and for quotative predicators. While quotative predicators are more likely to license pronominal rather than lexical addressees, the speech verb tends to co-occur with zero or lexical addressees. The formal and semantic patterning of addressees in Guinean and Liberian Kpelle quotative indexes needs future research.

Crucially, the differences observed in the Kpelle translations are unlikely to be influenced by the source languages, i.e. French for Guinean Kpelle and English for Liberian Kpelle, since these Indo-European languages have no similar distinction between quotative verbs, quotative predicators and quotative markers. It may still be the case that the

marking of addressees was to some extent influenced by the source texts, and checking this is still a task for the future.

Overall, the tendencies observed in the Bible translations proved to be the same as in non-Biblical texts suggesting that the Bible translations adequately represent the syntax of quotative indexes and, more broadly, reported speech constructions in Guinean and Liberian Kpelle. This study thus raises an argument against a common claim that Bible translations cannot be used as a source of reliable data on minor languages.

Abbreviations

1, 2, 3 — 1, 2, 3 person; I_{a,b,c} — subject pronominal of series I_a, I_b, I_c; ART — referential article; AUT — autonomous form of pronoun; BEN — benefactive; BND — clause boundary marker; CLM — clause linking marker; CNTR — contrastive pronoun; COND — conditional; COP — copula; DEF — definiteness marker; EXCL — exclusive; FOC — focus marker; HAB — habitual; INCL — inclusive; INF — infinitive; IRR — irrealis; L — grammatical low tone; LG — long form of personal pronoun; LOC — locative; NEG — negation; NMLZ — nominalizer; NON<...> — non-...; OF — operator focus; PFV.OF — perfective with operator (auxiliary) focus; PL — plural; POSS — possessive; PP — postposition; PRED — predicative; PRF — perfect; PRS — present; QU — quotative; REL — relative; SBJ — subject; SG — singular; STAT — stative; SUBJ — subjunctive; TM — terminal marker; WM — Westermann, Melzian.

Sources

Guinean Kpelle Bible — Yálá laawoo hebe (electronic resource). Available at: <https://www.bible.com/versions/1395-bkpg-yala-laawoo-h> (accessed on 16.02.2022).
 Liberian Kpelle Bible — Kpelle Bible (electronic resource). Available at: <https://www.bible.com/versions/500?returnTo=GEN.12> (accessed on 16.02.2022).
 Sankawulo 1963 — W. Sankawulo. Did Kotuma break the law of the Land? (Short story). Totota: Kpelle literacy center, 1963.

References

Bearth 1971 — Th. Bearth. *L'énoncé toura (Côte d'Ivoire)*. Norman: Summer Institute of Linguistics, University of Oklahoma, 1971.

- Christodouloupoulos, Steedman 2015 — Ch. Christodouloupoulos, M. Steedman. A massively parallel corpus: the Bible in 100 languages. *Language resources and evaluation*. 2015. Vol. 49. Iss. 2. P. 375–395. DOI: 10.1007/s10579-014-9287-y.
- Güldemann 2008 — T. Güldemann. *Quotative indexes in African languages. A synchronic and diachronic survey*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. DOI: 10.1515/9783110211450.
- Heider et al. 2011 — P. M. Heider, A. Hatfield, J. Wilson. Repurposing Bible translations for grammar sketches. *Studies in the Linguistic Sciences: Illinois Working Papers*. 2011. Vol. 36. P. 51–65.
- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. DOI: 10.1017/9781316479704.
- Idiatov 2010 — D. Idiatov. Person–number agreement on clause linking markers in Mande. *Studies in language*. 2010. Vol. 34. No. 4. P. 832–868. DOI: 10.1075/sl.34.4.03idi.
- Khachaturyan 2015 — M. Khachaturyan. Grammaire du mano. *Mandenkan*. 2015. Vol. 54. P. 1–252. DOI: 10.4000/mandenkan.680.
- Konoshenko 2013 — M. B. Konoshenko. Lichno-chislovoe soglasovanie v yazyke kpelle: k tipologii soglasovania po litsu i chislu [Person-number agreement in the Kpelle language: towards a typology of person-number agreement]. *Voprosy Yazykoznanija*. 2013. No. 1. P. 95–114.
- Leidenfrost, McKay 2007 — T. E. Leidenfrost, J. S. McKay. *Kpelle-English dictionary with a grammar sketch and English-Kpelle finderlist*. Moscow (USA): Palaverhut Press, 2007.
- Nikitina, Vydrina 2020 — T. Nikitina, A. Vydrina. Reported speech in Kakabe: Loose syntax with flexible indexicality. *Folia linguistica*. 2020. Vol. 54. No. 1. P. 133–166. DOI: 10.1515/flin-2020-2029.
- Vydrina 2021 — A. Vydrina. Reported speech in Kakabe. *From dialogue to Grammar*. Data workshop, Helsinki, 25.03.2021.
- Wälchli 2007 — B. Wälchli. Advantages and disadvantages of using parallel texts in typological investigations. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2007. Vol. 60. No. 2. P. 118–134. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.118.
- Wälchli, Cysouw 2012 — B. Wälchli, M. Cysouw. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs. *Linguistics*. 2012. Vol. 50. No. 3. P. 671–710. DOI: 10.1515/ling-2012-0021.
- Westermann, Melzian 1930 — D. Westermann, H. J. Melzian. *The Kpelle language in Liberia. Grammatical outline, colloquial sentences and vocabulary*. Berlin: Dietrich Reimer, 1930.

VARIA

Тунгусо-маньчжурские слова и суффиксы со значением ‘человек’

А. М. Певнов

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
pevnov@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7421-7777>

Аннотация. В пратунгусо-маньчжурском языке можно реконструировать несколько вариантов слова со значением ‘человек’: **н'иа*, **н'а*, **н'й*. В языках-потомках от вариантов **н'иа* и **н'а* были образованы адъективные формы, которые впоследствии стали употребляться субстантивно (эвенское *н'ари* ‘мужчина’, орокское *нари* ‘человек’ < **н'а-рй* ‘человеческий’, маньчжурское *н'алма* ‘человек’ < **н'а-рй-ма* ‘человеческий’). От также адъективной формы **н'а-кун* было образовано, например, нанайское слово *наон'жокā* ‘мальчик’, оформленное составным диминутивным показателем (< **н'а-кун-жy-кāн*). В некоторых тунгусо-маньчжурских языках представлены рефлексy еще одной производной формы — **н'иа-ра* (значение словообразовательного суффикса остается неизвестным). Непроизводная форма сохранилась в орокском языке (*н'а* (< **н'иа*) ‘человек’), а также, вероятно, в анюйском говоре удэгейского. В тунгусо-маньчжурских языках (за исключением маньчжурского и чжурчжэньского) имеются лексические суффиксы, восходящие к слову **н'й* ‘человек’, а также к **н'иа* ~ **н'а* ‘человек’. Эти суффиксы оформляют числительные первого десятка (‘три человека; втроем’ и т. д.). Кроме того, они присоединялись к некоторым существительным и даже к глагольным основам. К постпратунгусо-маньчжурскому состоянию (после обособления предка чжурчжэньского и маньчжурского языков) восходит слово **бун'й* (‘мертвый человек’ > ‘загробный мир’, ‘смерть’), оформленное суффиксом, который происходит от слова **н'й* ‘человек’. Весьма активно употребляется «человеческий суффикс» в орокском (уильта): в этом языке суффикс -*н'н'ε* может оформлять слова, допускающие именное словоизменение. Орокский суффикс -*н'н'ε* восходит к слову **н'иа* ‘человек’, заимствованному, вероятно, из орокского и подвергшемуся уже в орокском языке аффиксализации, то есть превращению в аффикс, причем в данном случае без последующей грамматикализации. Таким образом, орокская морфема -*н'н'ε* имеет лексическое значение (лексический суффикс).

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, реконструкция, словообразование, адъективирующие суффиксы, аффиксализация, лексический суффикс.

Manchu-Tungusic words and suffixes meaning ‘person’

Aleksandr M. Pevnov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg; Russia); pevnov@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7421-7777>

Abstract. The word for human being in the Manchu-Tungusic (Tungusic) protolanguage may be reconstructed as **n'ia*, **n'a*, **n'i* (in Ewenki, Solon, Ewen, and Neghidal the words for person are *bəjə*, *bəi* ~ *bəjə*, *bəj*, *bəjə*, respectively). In the descendants of the protolanguage, some adjective forms were derived from these words. Later, the derivative adjective forms (**n'a-rī*, **n'a-rī-ma*, **n'a-kun*) developed substantive uses: **n'a-rī* ‘human’ (adj.) > ‘human being’, **n'a-rī-ma* ‘human’ (adj.) > ‘human being’, **n'a-kun* ‘human’ (adj.) > ‘human being’. Ulcha and Ewenki demonstrate reflexes of yet another derivative form with an unidentified suffix: **n'ia*. These protoforms gave rise to contemporary words like Ewen *n'ari* ‘man, male’, Orok (Uilta) *nari* ‘person’, Nanai *nai* ‘person’, Manchu *n'alma* ‘person’, Jurchen **n'arma* ‘person’, Nanai *naonžokā* (< **n'a-kun-žū-kān*) ‘boy’, Ewenki *n'ėrawi* ‘person’. Forms without a historical derivational suffix may have been retained in Oroch *n'æ* (< **n'ia*) ‘person’ and, possibly, in Anyui Udihe *n'ē* ‘person’ (used in folklore to address a stranger). In Manchu-Tungusic languages, except in Manchu and Jurchen, numerals from one to ten include lexical suffixes standing for ‘person’, e.g. Ulcha *ila-n'i*, Orok *ilān'n'ē*, Oroch *ila-n'æ*, Solon *ila-ne* (*ila-n'ė?*) ‘three people’, Ewenki *ilan-i* ‘three people (together)’ (the suffixes of these words are derived from **n'i*, **n'ia*, **n'ari* ‘person’). The “human suffixes” also could be added to some substantives and even to some verb stems: Ewen *hō-n'i* ‘hero, superman’, Oroch *sāgda-n'i* ‘old people’, Ewenki *bu-n'i* ‘dead person’, Solon *bu-ne* (*bu-n'ė?*) ‘1. corpse; 2. the underworld, deadland’, Nanai *bu-n'i* ‘the underworld, deadland’. In Orok, the “human suffix” *-n'n'ē* shows active use, e.g.: *gēda-n'n'ē* ‘one person’, *sagžī-n'n'ē* ‘old person’, *xasū-n'n'ē* ‘how many people?’, *tari-n'n'ē* ‘that person’, *sokto-xo-n'n'ē* ‘drunk person’. The last example is of particular interest because the “human suffix” is added to the participle. The following example demonstrates a relatively recent fusion of two Orok words: *doro-n'n'ē-n'i* ‘a person of Doro (North Sakhalin)’ (*doro*-PERSON-POSS.3SG; < **doro n'ia-n'i*). The Orok suffix *-n'n'ē* goes back to the word **n'ia* ‘person’, apparently borrowed from the

Orok language. In the ancestor of the Orok language, the word **n'ia* 'person' was affixalized, i.e. the word became an affix which in this particular case was not grammaticalized. Thus the Orok morpheme *-n'n'ē* has the lexical meaning.

Keywords: Manchu-Tungusic (Tungusic) languages, reconstruction, derivation, adjectivizing suffixes, affixalization, lexical suffix.

1. Слова со значением 'человек' в тунгусо-маньчжурских языках

В эвенкийском, солонском, эвенском и негидальском языках слова *бэ́жэ*¹ (эвенк., нег.), *бэ́ж* (эвен.), *бэ́и ~ бэ́жэ* (сол.)² означают 'человек' (эвенк., сол., эвен., нег.), 'мужчина' (эвенк., эвен., нег.), 'сам' (сол., эвен., нег.); в остальных тунгусо-маньчжурских языках (в ороцком, удэгейском, ульчском, орокском (уильта), нанайском, маньчжурском и чжурчжэньском) соответствующие слова имеют значения 'тело, туловище', 'сам' [ССТМЯ 1975: 122–123]. В [ССТМЯ 1975: 123] со ссылкой на работы Н. Поппе и Г. Рамстедта приведены соответствия этим словам в монгольских языках. В монгольском письменном языке слово *bejɕ(n)* означает 'тело, телосложение, организм; здоровье', а также 'личность, индивидуум; сам' [MED 1960: 94–95]. В одном из тунгусо-маньчжурских промежуточных праязыков — в собственно

¹ В данной статье в целях унификации все слова тунгусо-маньчжурских языков транслитерированы в соответствии с транскрипцией, принятой в [ССТМЯ 1975, 1977]; сингармонические варианты (*й, ү, к*) при этом не отмечаются. При необходимости внести коррективы в цитируемые примеры я использовал фигурные скобки — в них помещены в частности примеры с обозначением палатализации звука *n* перед гласными *и, й, е, ē*.

² В [ССТМЯ 1975: 122] приведено солонское *бэ́и ~ бэ́жэ* '1. человек; 2. сам', однако в солонско-китайском словаре [Do·Derji 1998: 68] слово *бэ́и* переведено как 'тело' — по-видимому, это данные разных диалектов солонского языка.

тунгусском (непосредственном предке эвенкийского, солонского, эвенского и негидальского языков, а также ороченского и хамниганского идиомов) — значение изменилось, рефлексы заимствованного пратунгусоманьчжурского слова **бэјэ* ‘тело’, ‘сам’ стали означать ‘человек’ (а также ‘мужчина’, ‘сам’).

Пратунгусоманьчжурское слово со значением ‘человек’ имеет варианты **н'иа*, **н'а*, **н'й̄*. В современных тунгусо-маньчжурских языках рефлексы слова **н'й̄* представлены суффиксом со значением ‘человек’ (об этом см. дальше в пункте 2.1), в то время как два первых варианта — **н'иа* и **н'а* — были использованы в качестве производящих основ для слов, имеющих значение ‘человек’.

То, что различающимся по гармонии гласных восходящим дифтонгам *иа* и *из̄* может соответствовать долгий гласный *й̄*, можно проиллюстрировать следующими примерами: **омй̄* ~ **омиа* ‘душа (перевод весьма условный)’ (ср., напр., эвенк. *омй̄* (Тмт, Члм, Учр, Алд, Ие) ‘1) душа; 2) дух, дух-хозяин’ [Мыреева 2004: 465] и нан. *омиа* ‘ребенок в утробе матери’ [Оненко 1980: 310]); **гй̄* ~ **гиа* (а также **гуа*) ‘один из двух, другой’ (ср., напр., эвенк. *гй̄-л* (Тмт, Учр, Ие, 3) ‘1) другие; 2) остальные’ и эвенк. *г̄* (< **гиа*) ‘1) другой, второй; 2) следующий; 3) иной’ [Мыреева 2004: 131, 134]); **н'й̄-кй̄* ~ **н'из̄-киэ* ‘утка’ (ср. эвенк. *н'й̄кй̄* ‘утка’ и маньчж. *н'эхэ* ‘утка’, а также нан. *н'й̄чиэ̄* ~ *н'из̄чэ̄* ‘утка’ с другим словообразовательным суффиксом).

От вариантов **н'а* и **н'иа* были образованы суффиксальные производные с тем же значением ‘человек’ — они представлены во всех тунгусо-маньчжурских языках. Неосложненная словообразовательным суффиксом основа сохранилась в ороченском языке, а также, вероятно, в анюйском говоре удэгейского: ороч. *н'ә* ‘1) человек; 2) (иногда) мужчина; 3) кто-то, некто; 4) другой, чужой, посторонний человек’ [Аврорин, Лебедева 1978: 210]; уд. *н'ё* (Ан) ‘(фольклорное слово) человек (при обращении к незнакомому)’ [ССТМЯ 1975: 599]. Впрочем, ороченское и удэгейское *н'й̄* ‘человек’ можно возводить как к **н'арй̄* (ср. ороч. *тэи*, *тй̄* ‘тот’ < **тарй̄*), так и к **н'й̄*.

Одним из дериватов было слово **н'арй̄* ‘человек’, оформленное суффиксом **-рй̄*; по-видимому, этот же суффикс представлен

в местоимениях *эри́ ‘этот’ и *тари́ ‘тот’³, так что первоначально слово *н’ари́ могло означать ‘человеческий’. Приведу по [ССТМЯ 1975: 598–599] несколько рефлексов этого деривата:

эвен. *н’ари* (Ол, Алл, Б, М, Ох, П, Ск, Т) ‘1) мужчина (Алл, Б, К-О, Ох, Ск, Т); 2) мальчик (Ол, Б, К-О, Ох, П, Ск, Т); 3) юноша, парень (Ох)’ (в сочетании с некоторыми существительными слово *н’ари* указывает на принадлежность к мужскому полу)’; ульч. *н’и* ‘человек’, орок. *нари* ‘1) человек; 2) мужчина; 3) мужской пол’; нан. *наи* ~ *нај* (Нх, Бк) ‘1) человек; 2) особь’.

От слова *н’ари́ ‘человек’ (первоначально ‘человеческий’) в предке чжурчжэньского и маньчжурского языков было образовано прилагательное *н’ари́-ма⁴ ‘человеческий’ > чж. *н’арма (транскрипция В. Грубе: *niēh-gh-mâ*) ‘человек’, маньчж. *н’алма* ‘человек’ (в маньчжурском языке кластер *лм* < **рм*, ср. маньчж. *улмэ* ‘игла’ и нан. *хурмэ* ‘игла’, маньчж. *гулмахун* ‘заяц’ и нан. *гормахō* ‘заяц’).

³ Реконструкция долгого гласного в исходе слова *н’ари́ ‘человек’ основана на том, что в эвенском *н’ари* ‘мужчина, ...’ гласный *и* не отпал в исходе слова (т. е. если бы было *н’ари, то в эвенском следовало бы ожидать *н’ар*, а не *н’ари*). В местоимениях *эри́ ‘этот’ и *тари́ ‘тот’ гласный второго слога был долгим, поскольку в маньчжурских рефлексах *эрэ* ‘этот’ и *тэрэ* ‘тот’ гласный широкий, а не узкий (аналогичное расширение гласного произошло в маньчжурском показателе причастия *-ра/-рэ/-ро* (< **-риа/-риэ/-рио* ~ **-рий*), а также в маньчжурском словообразовательном суффиксе *-ха/-хэ/(-хо?)* (< **-киа/-киэ/(-кио?)* ~ **-кй*), который оформлял названия некоторых живых существ; например, приведенное выше маньчжурское слово *н’эхэ* ‘утка’ восходит к **н’иэ-киэ* ~ **н’й-кй*). Что касается эвенкийских местоимений *эр* ‘этот’ и *тар* ‘тот’, то отпадение гласного в исходе данных слов можно объяснить их очень частым употреблением в речи (кстати, в [ССТМЯ 1977: 165, 460] указаны эвенкийские варианты как без конечного гласного, так и с ним: *эр, эрэ, эри; тар, таре ~ тари*).

⁴ Таким образом, можно предполагать, что словообразовательный суффикс имен прилагательных *-ма/-мэ* был в чжурчжэньско-маньчжурском праязыке; этот суффикс, вероятно, восходит к тунгусо-маньчжурскому праязыку, поскольку его рефлекс есть в трех других ветвях тунгусо-маньчжурской языковой семьи.

Во время одной из поездок на Сахалин с целью изучения орокского языка я записал от Ирины Яковлевны Федяевой (тогда она жила в пос. Вал Ногликского района) словосочетание *нарима нари* ‘человек как человек, настоящий человек’ (букв. ‘человеческий человек’), в котором первый компонент с адъективирующим суффиксом *-ма* соответствует чжурчжэньскому **н'арма* ‘человек’ и маньчжурскому *н'алма* ‘человек’.

Тем же самым адъективирующим суффиксом *-ма* было оформлено орокское слово *н'йма* ‘мужского пола; мужчина’ (*жӯ н'йма хитэ* ‘два сына (оба ребенка мужского пола)’) [Аврорин, Лебедева 1978: 210] (*н'й < *н'арй*), ср. орокское же *хусэмэ хитэ* ‘сын’ [Аврорин, Лебедева 1978: 95; текст № 32] (*хусэ* ‘мужского пола (прилагательное)’: *хусэ н'а* ‘мужчина (букв. мужского пола человек)’, *хусэ хитэ* ‘мальчик (букв. мужского пола ребенок)’, *хусэ мала* ‘медведь-самец’ [Аврорин, Лебедева 1978: 250]).

Иное адъективное оформление слова, означающего ‘человек’, можно предполагать в праформе **н'а-кун* ‘человек’. Суффикс **-кун* использовался в пратунгусоманьчжурском языке, он образовывал качественные прилагательные (напр. **к¹иркэ-кун⁵* ‘новый’, **к¹олгō-кун* ‘сухой’), Оформленные этим суффиксом слова могли субстантивироваться: **нэ-кун* ‘младший, младшая; младший брат, младшая сестра’, **һин(д)а-кун* ‘собака’. Таким образом, слово **н'а-кун* буквально означало ‘человеческий’, но впоследствии оно было субстантивировано и стало означать ‘человек’. Рефлексы слова **н'а-кун*, оформленного диминутивным показателем, представлены в нан. *наон'зокā* ‘мальчик’ [Оненко 1980: 283]; улч. *н'авзак(н)* ‘мальчик’ [Суник 1985: 218]. Слово с соответствующей основой есть в удэгейском языке: *п'аула* (транскрипция оригинала) ‘мальчик, подросток, молодой человек; девочка, девушка, молодая женщина’ [Шнейдер 1936: 55] (*п'ау- <*

⁵ В анлауте пратунгусоманьчжурских слов можно реконструировать **к¹* и **к²*; **к²* за редкими исключениями сохранился во всех современных тунгусо-маньчжурских языках, рефлекс **к¹* представлен только в нанайском, улчском и орокском (при этом рефлексом **к¹* является *х*, а рефлексом **к²* — *к*), в остальных тунгусо-маньчжурских языках **к¹*, как правило, бесследно исчез.

**h'aku(h)*-; значение словообразовательного суффикса *-la* определить не удалось). Г. М. Василевич первой привела удэгейское и ульчское слова как родственные словам, означающим ‘человек’ в других тунгусо-маньчжурских языках [Василевич 1958: 290].

Итак, реконструируемые дериваты **h'a-рй*, **h'арй-ма*, **h'a-кун* оформлены адъективирующими словообразовательными суффиксами, слова эти буквально означали ‘человеческий’, а в результате субстантивации стали означать ‘человек’.

От другого варианта корневой основы со значением ‘человек’ (**h'ia-*) при помощи некоего суффикса **-ра* было образовано слово **h'иара*, рефлекс его сохранился в ульчском языке: *h'эра(h) h'й* ‘близкий сердцу человек’, *нарка h'эрани* ‘группа родственников, участвующих в медвежьем празднике’ (*нарка* ‘часть медвежьего праздника’) [Суник 1985: 218, 220]. В нерчинском диалекте эвенкийского языка М. А. Кастреном в конце первой половины XIX в. было записано слово *h'ерави* ‘мужчина’ [Castrén 1856: 86] (< **h'иаравй*). Соответствующие слова имеются в солонском (*h'арáви бэ́жэ* {*h'арави бэ́жэ*} ‘мужчина’ [Ивановский 1894: 29]) и негидальском (*h'э́жавй* («низовской» и «верховской» говоры) ‘юноша, молодой мужчина’, *h'э́жавкāн* («верховской» говор) ‘добрый молодец (фольклорное слово)’ [Цинциус 1982: 251] (запись 1926–1927 гг.; в наших с М. М. Хасановой негидальских фольклорных текстах *h'э́жавкан* (фольклорный герой, «мужичок»)). Возникает вопрос: что представляет собой суффикс *-вй*? В эвенкийском языке *-вй* является показателем возвратного притяжания единственного числа, при этом в эвенкийском, как и в других тунгусо-маньчжурских языках, суффикс *-вй* (мн. ч. *-вар/-вэр/-вор*) оформляет только объект — прямой или косвенный. Возможно, слово **h'иаравй* было образовано тогда, когда возвратным показателем мог быть оформлен не только объект, но в особых случаях также субъект, ср. употребление русского *свой* (*своя, свое*) не при объекте, а при субъекте: *свой человек (пришел), своя рубашка ближе к телу*. Это предположение согласуется с семантикой рефлексов слова **h'иаравй* в эвенкийских диалектах: ‘1) мужчина (молодой); 2) муж, хозяин, мужчина из своей семьи (преимущественно молодой)’ [ССТМЯ 1975: 598] (подчеркнуто мной. — А. П.). Впрочем,

такое объяснение происхождения суффикса *-вй* в слове **н'иаравй* представляется весьма спорным.

Что касается похожего формально и семантически эвенкийского слова *н'брави* (П-Т, Нрч, Чмк) 'мужчина (молодой)' [Василевич 1958: 290], то оно является, по-моему, результатом народной этимологии, ср. эвенк. *н'бра-* 'идти впереди' (слово *н'бравй* не могло быть преобразовано в *н'брави*).

В солонском языке есть слово *н'ируу* 'мужчина' [Do·Dərjī 1998: 491], ему соответствует эвенкийское *нирӯ* {*н'иру?*} (П-Т, Е, Ткм) '(обращение) друг, дружок, товарищ' [ССТМЯ 1975: 598], однако предложенное в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» включение эвенкийского *нирӯ* и солонского *нирб* 'мужчина' (так солонское слово приведено в [ССТМЯ 1975: 598]) в словарную статью «НИРАВЙ мужчина» кажется мне сомнительным, поскольку необходимые для доказательства звуковые соответствия отсутствуют (хотя определенное звуковое сходство, разумеется, существует).

2. Суффиксы со значением 'человек' в тунгусо-маньчжурских языках

2.1. Тунгусо-маньчжурские слова с «человеческим суффиксом», восходящим к **-н'й*

На уровне тунгусо-маньчжурского «постпраязыка»⁶ восстанавливается суффикс **-н'й* со значением 'человек'. Этот суффикс восходит к праязыковому слову **н'й* 'человек', которое не имеет рефлексов в виде слов в современных тунгусо-маньчжурских языках (в том числе рефлексов, осложненных словообразовательными

⁶ Под тунгусо-маньчжурским постпраязыком имеется в виду промежуточный праязык, который существовал после отделения от пратунгусо-маньчжурского языка предка маньчжурского и чжурчжэньского — это деление примерно две тысячи лет назад положило начало образованию тунгусо-маньчжурской языковой семьи.

суффиксами). Однако, как было отмечено выше, орочское и удэгейское *н'й* ‘человек’ можно возводить как к **н'арй*, так и к **н'й*.

Восходящий к **-н'й* суффикс со значением ‘человек’ оформляет числительные в эвенкийском, негидальском и удэгейском языках: эвенк. *иланй* ‘втроем’, *диуинй*, *диңнй* ‘четверо, вчетвером’, *тунңанй* ‘1. пять человек; 2. впятером’⁷ [Мыреева 2004: 178, 237, 622]; нег. *еланй* ~ *иланй* {*елан'й?* *илан'й?*} ‘трое, втроем’, *диуинй* ~ *диунй* {*диуин'й?* *диун'й?*} ‘четверо, вчетвером’, *тонңанй* {*тонңан'й?*} ‘пятеро, впятером’ [Цинциус 1982: 210, 220, 277]; уд. *иланиңаһа* {*илан'иңаһа*} (Хор) ‘втроем, все трое’, *дйниңэһэ* {*дйн'иңэһэ*} (Хор) ‘вчетвером’, *туңаниңаһа* {*туңан'иңаһа*} (Хор) ‘впятером’ [ССТМЯ 1975: 204, 306; ССТМЯ 1977: 215].

Кстати, в эвенкийском языке есть одно исключение: значение ‘два человека; вдвоем’ передается словом *журй*⁸, а не *жунй*, как можно было бы ожидать (ср. нан. *жун'и* ‘два человека; вдвоем’). Предлагаю такое объяснение: в эвенкийских числительных первого десятка, оканчивающихся на *н* (исключениями являются *тунңа* ‘пять’ и *жур* ‘два’), произошло переразложение: *ила-н'й* > *илан-й* (*илан* ‘три’), *диуи-н'й* > *диуин-й* (*диуин* ‘четыре’) и т. д. Возникший вследствие переразложения суффикс *-й* был присоединен к числительному *жур* ‘два’ — так получилось *журй* ‘два человека; вдвоем’. Иным результатом переразложения стало отвердение звука *н'* — он стал восприниматься как относящийся к основе числительного, именно поэтому по-эвенкийски *иланй* ‘три человека, втроем’, а не *илан'й*⁹.

⁷ М. А. Кастрен приводит иные значения соответствующих эвенкийских числительных (маньковский и урульгинский территориальные варианты): *дигинй*, *дигин'и* ‘четыре штуки’, *тоңани* ‘пять штук’, *јэгинй* ‘девять штук’, *орини* (маньковский), *орин'и* (урульгинский) ‘двадцать штук’ [Castrén 1856: 75, 84, 88, 90] (немецкое слово Stück в сочетании с числительным может обозначать количество голов скота).

⁸ В эвенкийских диалектах значение ‘двое (вдвоем)’ передается также следующими словами: *журкрэ*, *журксо*, *журктэ*, *журкэн*, *журкэр*, *журкри*, *журксэ*, *журкчэ*, *журр* [Мыреева 2004: 208].

⁹ О том, что, например, в эвенкийском слове *иланй* ‘три человека, втроем’ отсутствует палатализация звука *н*, я узнал от Н. Я. Булатовой (хотел бы

В языках тунгусской, сихотэ-алинской и амуро-сахалинской ветвей тунгусо-маньчжурской языковой семьи¹⁰ есть рефлексы слова **бун'и* ‘мертвый человек’ с «человеческим суффиксом» *-*н'и*: эвенк. *бун'и* {*бун'и*} ‘1) смерть; 2) покойник’ [Мыреева 2004: 109]; эвен. *буни* {*бун'и?*} ‘покойник, мертвец’ [Новикова 1980: 163]; нег. *бун'и* {*бун'и?*} (Н, В) ‘1) смерть; 2) загробный мир’ [Цинциус 1982: 199]; ороц. *бун'и* ‘загробный мир (куда направляются души умерших)’, *инаки бун'ин'и* ‘собачий загробный мир’ [Аврорин, Лебедева 1978: 169]; уд. *бун'иэ*, *буниэ* {*бун'иэ*, *бун'инэ*} ‘загробный мир, где, по представлению удэ, живут души (*хан'а*) умерших людей’ [Шнейдер 1936: 21]; орок. *буни* {*бун'и*} ‘могила, земля мертвых’ [Кегами 1997: 27]; нан. *бун'и* ‘загробный, потусторонний мир’ [Оненко 1980: 82]. Исходное значение ‘умерший человек’ сохранилось в эвенкийском, эвенском и негидальском, в других тунгусо-маньчжурских языках значение изменилось (‘мир, земля, куда направляются души умерших’). Следует отметить, что суффикс *-*н'и*, совпадающий с одним из вариантов реконструируемого слова со значением ‘человек’, был присоединен непосредственно к глагольной основе **бу-* ‘умереть’, причем произошло это скорее всего в тунгусо-маньчжурском постпраязыке. Возможно, этим же суффиксом оформлено эвенкийское слово *бин'и* ‘жизнь’ — первоначально оно могло означать ‘живущий человек’ (*би-* ‘быть; жить’), ср. аналогичное семантическое изменение: ‘умерший человек’ > ‘смерть’ (в эвенкийском языке у слова *бун'и* {*бун'и*}, как указывает Г. М. Василевич, представлены оба значения: и ‘покойник’, и ‘смерть’ [Василевич 1958: 68]).

поблагодарить Надежду Яковлевну за весьма ценную для меня консультацию).

¹⁰ Оптимальной мне представляется четырехчленная классификация тунгусо-маньчжурских языков, предложенная Дзиро Икэгами [Кегами 2001: 395–396], при этом я бы предложил называть ветви языковой семьи следующим образом: маньчжурская (чжурчэньский и маньчжурский языки, а также сибирский идиом), амуро-сахалинская (нанайский, ульчский, орокский), сихотэ-алинская (удэгейский, орокский), тунгусская (эвенкийский, эвенский, солонский, негидальский языки, а также арманский, ороченский (не «орочонский») и хамниганский идиомы).

В языках тунгусской, сихотэ-алинской и амуро-сахалинской ветвей тунгусо-маньчжурской языковой семьи есть и другие слова с суффиксом, восходящим к *-н'й̄:

эвен. *hāni* {*hān'и?*} ‘родственник (кровный)’ [Новикова 1980: 221] (< *пуа-н'й̄, в [ССТМЯ 1977: 306] сравнивается с эвенк. *hā* (Брг, С) ‘родственник (кровный), сородич’, орок. *лō* ‘1) родственник; 2) родственники, предки’);

эвен. *hōn'и* ‘(фольклорное слово) человек, обладающий особой храбростью, силой и ловкостью; богатырь’ [Новикова 1980: 226] (< *сō-н'й̄ ‘сильный человек’. — А. П.), эвенк. *сōн'ин*¹¹ (П-Т, А, Алд, З, М, Н, Сх, Тнг, У, Урм, Учр, Члм) ‘(фольклорное слово) 1) герой, богатырь, силач; 2) военный предводитель; 3) (У) хороший стрелок’ [ССТМЯ 1977: 101];

эвенк. (С) *буруни* {*бурун'й̄?*} («Шаманским экшэном был камень *буруни*», «Экшэнами называли найденные камни (также кусок дерева, металла), похожие по форме на изображение человека или животного»¹² [Василевич 1969: 230] (основа слова *буруни* {*буру-н'й̄?*} означает ‘кремень’);

эвенк. (С) *нэни* {*нэ́н'й̄?*} ‘покойник’ [Василевич 1958: 284]; что касается производящей основы {*нэ́-*}, то ср. эвенк. *нэ́ви* {*нэ́вй̄?*} (Е, С) ‘1) покойник; 2) дух умершего предка’ [Василевич 1958: 279], где основа *нэ́-* означала не только ‘пространство у воды, у огня, у подножья горы’, но также, по-видимому, и ‘мир мертвых’);

¹¹ По всей вероятности, сегмент -н- в слове *сōн'ин* первоначально представлял собой показатель отчуждаемой принадлежности, который в результате переразложения перестал быть морфемой и стал частью корня.

¹² Эвенк. *эксэн* (Учр) ‘1) вещь, которую бережно хранят, носят при себе; 2) амулет’ [ССТМЯ 1977: 443].

- ороч. *тōн'и* ‘(мифологическое слово) хозяин лосей (представляется в виде огромного лося¹³, величиной с дом)’, ороч. *токи* (устарелое слово) ‘лось’ [Аврорин, Лебедева 1978: 232] (ср. эвенк. *тōкй* ‘лось’);
- ороч. *сāгдан'и* ‘старики, старые люди’ (*сāгда* ‘1) деды, предки; 2) относящийся к предкам, давний, прежний (о людях)’) [Аврорин, Лебедева 1978: 220];
- ороч. *хāн'и*, *хāн'æ* ‘некоторые, часть из ...’ [Аврорин, Лебедева 1978: 242, 244] (суффикс *-н'æ* восходит к слову **н'иа* ‘человек’ — А. П.), уд. *ханигэту* {*хан'иуэту*} (Хор) ‘некоторые (о людях)’, ульч. *пāни* {*пāн'и*} ‘некоторые’¹⁴, орок. *понилни* {*пōн'илн'и*} ‘остальные, другие, некоторые’¹⁵, нан. *поани* {*поан'и*} (Нх) ‘1) некоторые, остальные; 2) кое-кто, кое-что, кое-какой’¹⁶ [ССТМЯ 1977: 306] (в эвенском *hāни* {*hāн'и?*} (Ол, Алл, М, Ох, П, Ск, Т) ‘часть, кусок’ [ССТМЯ 1977: 305] сегмент *-ни* {*-н'и?*} остается без объяснения из-за разницы в семантике);
- уд. *тэһуниңэхэ* {*тэһун'иңэхэ*} (Хор, Ан) ‘все (о людях)’ (ср. уд. *тэһу* (Хор, Ан) ‘1) все; 2) всё’; *туңаниңаһа* {*туңан'иңаһа*} (Хор) ‘впятером’ [ССТМЯ 1977: 215, 242]);
- ульч. *аңажа*, *аңажан'и* (< **аңажа* + *н'й*), *аңан'и* ‘1) сирота; 2) батрак’ [ССТМЯ 1975: 46];

¹³ В соответствии с предлагаемой здесь этимологией орочского слова *тōн'и*, хозяином лосей был, очевидно, человек, но в облике огромного лося.

¹⁴ Ульч. *пāн* {*пāн'и*} ‘некоторые’: *пāн гурусэли* ‘некоторые люди’ [Суник 1985: 223].

¹⁵ Орок. {*пōн'илн'и*} ‘остальные, другие, некоторые’ в историческом плане делится на морфемы следующим образом: *пō-н'и-л-н'и* часть-ЧЕЛОВЕК-PL-POSS.3SG.

¹⁶ Похоже на то, что в нанайском языке мы имеем дело с омонимами: *поа-н'и* (с «человеческим суффиксом») ‘некоторые, остальные (только о людях)’ и *поа-н'и* (с притяжательным показателем 3-го л. ед. ч.) ‘некоторые (не только о людях)’; в словаре [Оненко 1980: 332] приведен следующий фразовый пример: *поан'и* *огда тэвэку*, *поан'и* — *гэу* ‘некоторые лодки гружены, а некоторые — пустые’.

нан. *хэжэн'и* (то же, что *нāнай*, *нāни* — самоназвание нанайцев [Оненко 1980: 282, 283, 486]); этноним *хэжэн'и* буквально означал ‘человек (люди) нижнего течения реки’ (имелась в виду река Амур); интересно, что в одном самоназвании нанайцев (*хэжэн'и*) сегмент *-н'и* восходит к слову **н'й̄* ‘человек’, а в другом их самоназвании (*нāни*) сегмент *-ни* является относительно более поздним, его следует возводить к слову **н'арй̄* (**н'арй̄* > **н'ари* > **н'ай* > *най* > **нй̄* > *-ни*).

Вероятно, таким же по происхождению «человеческим суффиксом» оформлены имена некоторых героев эвенкийского фольклора: *Нивэньнэжэ* {*Н'ивэньн'эжэ?* *Нивэньн'эжэ?*}, *Отанй̄* {*Отан'й̄?*}, *Умүснй̄* {*Умүсн'й̄?*}, *Гарпанй̄кән* {*Гарпан'й̄кән?*} [Василевич 1966: 62, 66, 89, 98] (суффикс *-н'эжэ/-н'эжэ/-н'эжэ* имеет аугментативное значение, а суффикс *-кән/-кән/-кән* — диминутивное).

2.2. Тунгусо-маньчжурские слова с суффиксом, восходящим к слову **н'арй̄* ‘человек’

Т. И. Петрова обратила внимание на сходство ульчского суффикса *-пи* в собирательных числительных и слова *пи* ‘человек’: «Числительные в значении двое, трое и т. д. имеют суффиксом *-пи*, например: *ilani*, *djini*, *tunzani* и т. д. Суффикс *-пи* имеет большое сходство с существительным *пи* ‘человек’ (в буквальном значении получаем *два человека*, *три человека*, *четыре человека* и т. д.), и только употребление этой формы в значении собирательного числительного позволяет рассматривать *пи* как суффикс» [Петрова 1936: 45–46].

Г. М. Василевич при описании эвенкийских собирательных числительных, в частности формы для счета людей (суффикс *-ни*), отметила, что в ульчском языке слово *ни* {*н'й̄*} означает ‘человек’ [Василевич 1940: 90]; очевидно, Глафира Макарьевна имела в виду, что эвенкийский суффикс *-ни* происходит от слова со значением ‘человек’.

В нанайском языке, как пишет В. А. Аврорин, «формы типа *дюэни*, *илани* и т. п. грамматизовались и закрепились в разряде собирательных

наречий еще не окончательно. Об этом свидетельствует, во-первых, то, что любой нанай, употребляющий в речи эти формы, без труда может расшифровать их состав, а во-вторых, то, что согласный [н] в составе суффикса перед гласным [и] или вовсе не палатализуется, или палатализуется в слабой степени, что характерно для согласных, стоящих перед недавно монофтонгизовавшимся или лишь факультативно монофтонгизирующимся дифтонгом [аи]/[эи]» [Аврорин 1961: 191].

В ульчском языке, как и в орокском, суффикс со значением ‘человек’ может присоединяться к причастию: «Наиболее же продуктивно образование имен деятелей посредством соединения причастий настоящего времени с существительным *н'й* ‘человек’, превращающимся в этих случаях в полусуффикс, утрачивающий свою лексическую самостоятельность и сливающийся с глагольным словом в один лексический комплекс: *дэ́нсин'и* ‘работник’ (< ‘работающий человек’), *бу́тин'й* ‘рыбак’ (< ‘рыбачащий человек’), *бэйчин'и* ‘охотник’ (< ‘охотящийся человек’) и т. п. В отличие от соответствующих личных форм причастия, имеющих в форме 3-го л. ед. ч. окончание *-нй/-ни/-н*, показатель имени деятеля *-н'й/-н'и* всегда палатализован (*н*): *бэйчини* ‘(он) охотящийся ~ охотится’, *бэйчи н'й* > *бэйчин'и* ‘охотящийся человек ~ охотник’. Ср. также *нāн(й)* ‘он’, *нāн'й* ‘ульчи’ (самоназвание ульчей), а также числительные собирательные — *йлан'й* ‘трое’ < *йла(н) н'й* ‘три человека’, *тун'зан'й* ‘пятеро’ < *тун'за н'й* ‘пять человек’ и т. п.» [Суник 1985: 35–36].

Таким образом, в нанайском «человеческом суффиксе» *-ни* согласный перед *и* «или вовсе не палатализуется, или палатализуется в слабой степени» [Аврорин 1961: 191], в ульчском же языке соответствующий суффикс палатализован [Суник 1985: 36]. Причина такого несоответствия в генетически весьма близких языках заключается в том, что ульчский суффикс *-н'и* произошел от слова **н'аи* ‘человек’ (< **н'арй*), в то время как соответствующий нанайский суффикс *-ни* восходит к слову *наи* ‘человек’, в котором согласный подвергся депалатализации¹⁷ (**н'арй* > **н'ари* > **н'аи* > *наи*). Что

¹⁷ В языках амуро-сахалинской ветви депалатализация перед широкими гласными характерна для орокского, в нанайском же она бывает лишь в виде

касается палатализации / непалатализации звука *н* в показателе 3-го л. ед. ч., то в нанайском и орокском, в отличие от ульчского, все переднеязычные согласные перед гласным *и* автоматически палатализируются (напомню — в нанайском языке это правило не распространяется на те случаи, когда гласный *и* является результатом стяжения дифтонга аи/эи).

2.3. Тунгусо-маньчжурские слова с суффиксом, восходящим к слову *н'иа ‘человек’

К слову *н'иа ‘человек’ восходят суффиксы в собирательных числительных солонского, ороцкого и орокского языков: сол. *илане* {*илан'е?*} ‘трое, втроем’ [Do·Dərjǝ 1998: 326]; ороц. *илан'æ* ‘1) трое, три человека; 2) втроем’ [Аврорин, Лебедева 1978: 187]; орок. *илāннē* {*илāн'н'ē*} ‘три человека’ [Ikegami 1997: 78].

Особый интерес представляет орокский суффикс *-н'н'ē* — он вполне поддается внутренней реконструкции: гласный *ē* в орокском языке появился в результате стяжения восходящего дифтонга *иа/*иэ, согласный в инлауте перед дифтонгом или перед долгим гласным закономерно становился в этом языке долгим, т. е. *-н'н'ē* < *-н'иа/*-н'иэ. Суффикс *-н'н'ē* произошел от *н'иа ‘человек’, однако в современном орокском языке нет рефлекса этого слова, ‘человек’ по-орокски — *нари*, что соответствует ульчскому *н'й* и нанайскому наи ‘человек’¹⁸.

исключения (например, нан. *нуктэ* ‘волосы’ < **н'уктэ* < **н'иуктэ* < **н'ируктэ*; ср. ороц. *н'уктэ* ‘волосы’ [Аврорин, Лебедева 1978: 211], а также орок. *нируктэ* {*н'ируктэ*} (информанты *Нарка, Gergөлө, Јэгиңэни*), *нуриктэ* (информант *Кауо*) ‘волосы’ [Ikegami 1997: 138]).

¹⁸ В орокском языке звук *р* не выпал перед реконструируемым *й* в следующих словах: *нари* ‘человек’, *тари* ‘тот’, *эри* ‘этот’ (ср. ульч. *н'й* ‘человек’, *тй* ~ *ти* ‘тот’, *эй* ‘этот’, нан. наи ‘человек’, тэй ‘тот’, эй ‘этот’); эти орокские, ульчские и нанайские слова восходят к **н'арй*, **тарй* и **эрй* (см. примечание 3). Интересно, что показатель причастия **-рй*, присоединяющийся к основам, которые

Восстанавливаемому орокскому **н'иа* ‘человек’, превратившемуся из лексической единицы в морфологическую, соответствует орокское слово *н'æ* ‘1) человек; 2) (иногда) мужчина; 3) кто-то, некто; 4) другой, чужой, посторонний человек’ [Аврорин, Лебедева 1978: 210] (*н'æ* < **н'иа*), а также, вероятно, удэгейское (анюйский говор) фольклорное слово *н'ē* ‘человек (при обращении к незнакомому)’ [ССТМЯ 1975: 599] (*н'ē* < **н'иа*?). В орокском языке совпадает лексическая единица *н'æ* ‘человек’ с морфологической -*н'æ* с тем же значением (например, *илан'æ* ‘1) трое, три человека; 2) втроем’ [Аврорин, Лебедева 1978: 187]. Вполне вероятно, что орокское **н'иа* ‘человек’ было заимствовано из орокского языка¹⁹. Возможно, что под орокским влиянием слово **н'иа* ‘человек’ превратилось в суффикс, при этом орокский язык стал значительно активнее, чем орокский, использовать «человеческий суффикс» — показатель -*н'н'ē* оформляет не только числительные и существительные, но также прилагательные, указательные местоимения и причастия, то есть слова, допускающие именно словоизменительную аффиксацию. Приведу примеры:

гēда-н'н'ē ‘один человек’, *горопчи-н'н'ē* ‘давний, давнишний человек’, *эктэ-н'н'ē* ‘женщина’, *сагژی-н'н'ē* ‘старый человек’, *хасу-н'н'ē?* ‘сколько человек?’, *тари-н'н'ē* ‘тот человек’, *соктохо-н'н'ē* ‘пьяный, опьяневший человек’ [Икегамі 1997: 55, 65, 72–73, 172, 188, 200, 233], *дуң-н'ē-н'и*²⁰ ‘житель (жители?) дома’, *гаса-н'н'ē-н'и* ‘житель (жители?) деревни’, *дōлži-н'н'ē*²¹

оканчиваются на краткий гласный, утратил звук *p* во всех языках амуро-сахалинской ветви: улч. *ани*, нан. *анаи*, орок. *ан'н'ē* (< **ана-рй*, где основа означает ‘толкнуть, толкать’).

¹⁹ Об исторических контактах орокского языка с орокским см. статью [Певнов 2018].

²⁰ Орок. *дунн'ēн'и* < **дунн'н'ēн'и* < **дуг-н'н'ē-н'и*.

²¹ В результате историко-фонетических преобразований орокское причастие *дōлži* ‘слышащий’ (< **дōлži-ри* < **дōлди-рй*) совпало по форме с основой *дōлži* ‘слышать’.

‘слышащий человек’, *сама-н’н’ē* ‘шаман’, *сэгдэ-н’н’ē* ‘(фольклорное слово) красный человек’, *маңга-н’н’ē-па* ‘сильного человека (форма аккузатива)’ [Икэгами 2007: 7, 8, 41, 62, 93, 111] (в этих примерах и далее во всех, заимствованных из работ [Ikegami 1997; Икэгами 2007], палатализация долгого согласного в суффиксе *-н’н’ē*, а также согласного в посессивном показателе 3-го л. ед. ч. *-н’и* обозначена мной. — А. П.).

И еще несколько примеров, записанных мной от И. Я. Федяевой (1940 г. р.) в 2010 г. в селе Вал Ногликского района Сахалинской области: *Амбамба бā-ха-н’н’ē-ңат’и пулаххиси* ‘Кричишь, как сумасшедший человек’ (букв.: ‘Как будто черта нашедший (встретивший) человек кричишь’ (*бā-ха-н’н’ē-ңат’и* найти, встретить-РТСР. PST-ЧЕЛОВЕК-SIMIL), *чипāли-н’н’ē-па-ппо* ‘всех нас’ (все-ЧЕЛОВЕК-ACC-POSS.1PL), *пастухи-н’н’ē* ‘пастух’ (пастух-ЧЕЛОВЕК).

В этих примерах суффикс *-н’н’ē* вряд ли можно считать словообразовательным: *сагži-н’н’ē* — это не ‘старик’, а ‘старый человек’; *дōлži-н’н’ē* — это не ‘слушатель’, а ‘слышащий человек’ (ср. *дōлži-ха-н’н’ē* ‘услышавший человек’ (слышать-РТСР. PST-ЧЕЛОВЕК)). Получается, что в этих орокских словах два лексических центра — один представлен корнем, а другой суффиксом. Это напоминает инкорпорацию, но, конечно же, ею не является, поскольку инкорпорация предполагает включение в словоформу двух корневых основ. Для приведенных орокских примеров подходит термин «лексическая аффиксация». Со временем лексические аффиксы могут либо грамматализоваться, либо десемантизироваться в результате перерасложения. С орокским «человеческим суффиксом» *-н’н’ē* не произошло ни то, ни другое.

Итак, аффиксализация (не аффиксация) представляет собой превращение слова в аффикс, который при этом не всегда грамматализуется — в таком случае аффикс может передавать лексическое значение, свойственное слову, от которого этот аффикс происходит.

Наличие в одной словоформе двух лексических центров позволяет говорить о том, что орокский суффикс *-н’н’ē* выражает логическое определяемое, а основа, к которой он присоединен — логическое

определение, то есть, например, в слове *тарин'н'ē* ‘тот человек’ суффикс *-н'н'ē* выражает логическое определяемое, а основа *тари-* — логическое определение.

Примеры *сокто-хо-н'н'ē* ‘пьяный, опьяневший человек’ (опьянеть-РТСР.PST-ЧЕЛОВЕК), *бā-ха-н'н'ē-җаги* ‘как нашедший (встретивший) человек’ (найти,встретить-РТСР.PST-ЧЕЛОВЕК-SIMIL) или же *эну-си-н'н'ē* ‘больной человек’ [Ikegami 1997: 59] (болеть-РТСР.PRS-ЧЕЛОВЕК) интересны тем, что суффикс *-н'н'ē* следует за словоизменительным показателем, а именно — за показателем причастия. Это свидетельствует о том, что суффикс *-н'н'ē* не является словообразовательным, поскольку словообразовательный суффикс должен находиться перед словоизменительным.

Приведу еще один пример, в котором орокский суффикс *-н'н'ē* расположен также после словоизменительного показателя, а именно — после суффикса *-лу*, который оформляет объект обладания (‘имеющий что-то или кого-то’): *тутдэмэлунн'э*²² {*тутдэмэ-лу-н'н'ē*} ‘в одежде из рысьего меха’ [ССТМЯ 1977: 174] (точнее, ‘человек, имеющий одежду из рысьего меха’. — А. П.).

Свидетельством недавнего стяжения атрибутивного словосочетания в слово может быть, например, орокское *доро-н'н'ē-ни* ‘человек (житель) северного Сахалина’ [Ikegami 1997: 48]; в этом слове сохранился уже не «работающий» оформитель изафетной связи — показатель 3-го л. ед. ч. *-ни*. Слово *доро* означает ‘северный Сахалин’, оно употребляется, например, в словосочетании *доро нāн'и* ‘северная местность (то есть северный Сахалин)’ [Ikegami 1997: 48]. В отличие от этого словосочетания, буквально означающего ‘земля северного Сахалина’, аналогичное словосочетание со значением ‘человек северного Сахалина’ подверглось стяжению, при этом оформитель синтаксической связи как бы по инерции сохранился, в результате

²² В оригинальном тексте, записанном К. А. Новиковой в 1949 г. на Сахалине, *тутдэм'елунне* ‘в рысьей одежде’ (наряду с *вāјам'елунне* ‘в рыбьей одежде’). Благодарю Л. В. Озолиню за возможность ознакомиться с архивными материалами К. А. Новиковой, хранящимися в Институте филологии Сибирского отделения РАН.

из словосочетания *доро *н'ē-н'и* ‘человек северного Сахалина’ получилось слово *доро-н'н'ē-н'и* с десемантизированным посессивным показателем 3-го л. ед. ч. *-н'и*.

Примерами, иллюстрирующими недавнюю аффиксализацию, могут служить орокские словоформы *ча-н'н'ē-па* ‘того человека’ и *ча-н'н'ē-таи* (*аксахамби*) ‘на того человека (обиделся, обиделась)’ [Кегами 1997: 5, 200] (тот.OBL-ЧЕЛОВЕК-АСС; тот.OBL-ЧЕЛОВЕК-ALL), в которых вместо основы *тари-* ‘тот’ представлена основа *ча-* (впрочем, допустима и словоформа *тари-н'н'ē-па* [Кегами 1997: 200]). В орокском языке форма указательных местоимений в атрибутивной функции зависит от падежа того слова, к которому эти местоимения относятся, — местоименная форма *тари* употребляется при определяемом в именительном падеже, а местоименная форма *ча* используется при определяемом во всех косвенных падежах. Таким образом, в словоформе *ча-н'н'ē-па* мы видим странное согласование — не в рамках словосочетания, а внутри словоформы. Объясняется это тем, что морфологизация синтаксиса — стяжение словосочетания *ча *н'ē-па* в словоформу *ча-н'н'ē-па* — произошла относительно недавно.

Дополнительным свидетельством сравнительно недавней аффиксализации слова **н'ē* (< **н'иа*) ‘человек’ является орокское слово *пōн'и-н'н'ē-н'и* ‘остальные люди, другие люди’ [Кегами 1997: 162], в котором новый, причем, по-видимому, заимствованный «человеческий суффикс» *-н'н'ē* был присоединен к старому, исконному *-н'и*. При этом суффикс *-н'н'ē* является лексическим, в то время как сегмент *-н'и* можно интерпретировать либо как словообразовательный суффикс, либо как уже десемантизированную часть корневой основы *пōн'и-*. Однако любопытно то, что оба эти элемента — и *-н'и*, и *-н'н'ē* — восходят к вариантам одного и того же слова, означавшего ‘человек’ в пратунгусоманьчжурском языке.

Из всех тунгусо-маньчжурских языков аффиксализация слова со значением ‘человек’ без последующей грамматикализации ярче всего представлена в орокском языке. Причина заключается, вероятно, в том, что в условиях островной изоляции от близкородственных языков орокский имел ничем не ограниченную возможность создавать как в морфологии, так и в фонетике нечто новое

как на основе исконного материала, так и с использованием заимствованного. К числу таких инноваций относится аффиксализация слова со значением ‘человек’, причем «человеческий суффикс» *-h'n̄* не успел превратиться в словообразовательный и свободно присоединяется в качестве второго лексического центра не только к числительным и существительным, но также к указательным местоимениям, прилагательным и причастиям, то есть к любым словам, предполагающим именное словоизменение.

Список условных сокращений

маньчж. — маньчжурский язык; нан. — нанайский язык; нег. — негидальский язык; орок. — орокский (уильта) язык; ороч. — ороцкий язык; сол. — солонский язык; уд. — удэгейский язык; ульч. — ульчский язык; чж. — чжурчженьский язык; эвен. — эвенский язык; эвенк. — эвенкийский язык

Территориальные варианты тунгусо-маньчжурских языков
(по [ССТМЯ 1975: XXIV–XXV], а также по [Мыреева 2004: 14])

Нанайский язык

Нх — найхинский говор, Бк — бикинский говор

Негидальский язык

В — верхнеамгуньский говор, Н — нижнеамгуньский говор

Удэгейский язык

Ан — анюйский говор, Бик — бикинский говор, Смрг — самаргинский говор, Хор — хорский говор

Эвенкийский язык

А — аянский говор восточного наречия, Алд — алданский говор восточного наречия, Брг — баргузинский говор южного наречия, Е — ербогочёнский говор северного наречия, З — зейский говор восточного наречия, И — илимпийский говор северного наречия, Ие — иенгринский говор восточного наречия, М — майский говор восточного наречия, Н — непский говор южного наречия, Нрч — нерчинский говор восточного наречия, П-Т — подкаменнотунгусские говоры южного наречия, С — сымский говор южного наречия, Сх — сахалинские

говоры восточного наречия, Ткм — токминский говор южного наречия, Тмт — томмотский говор восточного наречия, Тнг — тунгирский говор восточного наречия, У — учамский говор южного наречия, Урм — урмийский говор восточного наречия, Учр — учурский говор восточного наречия, Члм — чульманский говор восточного наречия, Чмк — чумиканский говор восточного наречия

Эвенский язык

Алл — аллайховский говор среднего наречия, Арм — арманский диалект, Б — быстринский говор восточного наречия, К-О — колымско-омолонский говор восточного наречия, М — момский говор среднего наречия, Ол — ольский говор восточного наречия, Ох — охотский говор восточного наречия, П — пенжинский говор восточного наречия, Ск — саккырырский говор западного наречия, Т — томпонский говор среднего наречия

Список глосс

ACC — винительный падеж; ALL — направительный падеж; INSTR — творительный падеж; OBL — основа косвенных падежей; POSS.1PL — притяжание 1-го лица множественного числа; POSS.3SG — притяжание 3-го лица единственного числа; PTCP.PRS — причастие имперфективное; PTCP.PST — причастие перфективное; SIMIL — подобие

Литература

- Аврорин 1959 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 1. Фонетическое введение и морфология именных частей речи. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.
- Аврорин 1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 2. Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
- Аврорин, Лебедева 1978 — В. А. Аврорин, Е. П. Лебедева. Ороческие тексты и словарь. Л.: Наука, 1978.
- Василевич 1940 — Г. М. Василевич. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Пособие для преподавателей эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1940.
- Василевич 1966 — Г. М. Василевич (запись текстов, перевод и комментарии). Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. М.; Л.: Наука, 1966.

- Василевич 1969 — Г. М. Василевич. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969.
- Ивановский 1894 — А. О. Ивановский. Mandjurica. I. Образцы солонского и дахурского языков. СПб.: б. и., 1894.
- Икэгами 2007 — Икегами Дзиро. Сказания и легенды народа уйльта. Саппоро: филологический факультет университета Хоккайдо, 2007.
- Константинова 1964 — О. А. Константинова. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.; Л.: Наука, 1964.
- Кормушин 1998 — И. В. Кормушин. Удыхейский (удэгейский) язык. М.: Наука, 1998.
- Новикова 1980 — К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор: глагол, служебные слова, тексты, глоссарий. Л.: Наука, 1980.
- Певнов 2018 — А. М. Певнов. Лингвистические свидетельства исторических контактов ороков и орочей на Сахалине // Acta Linguistica Petropolitana. 2018. Т. XIV. Ч. 1. С. 441-464.
- Петрова 1936 — Т. И. Петрова. Ульчский диалект нанайского языка. М.; Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1936.
- Суник 1985 — О. П. Суник. Ульчский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1985.
- Цинциус 1982 — В. И. Цинциус. Негидальский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982.
- Castrén 1856 — M. A. Castrén. Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. Herausgegeben von Anton Schiefner. St. Petersburg, 1856.
- Ikegami 2001 — Jirô Ikegami. Versuch einer Klassifikation der tungusischen Sprachen // Researches on the Tungus language by Jirô Ikegami. Tokyo: Kyûko Shoin, 2001. P. 395–396.

Источники

- Василевич 1958 — Г. М. Василевич (сост.). Эвенкийско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.
- Мыреева 2004 — А. Н. Мыреева. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2004.
- Оненко 1980 — С. Н. Оненко. Нанайско-русский словарь. М.: Русский язык, 1980.
- Савельева, Таксами 1970 — В. Н. Савельева, Ч. М. Таксами (сост.). Нивхско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1970.

- ССТМЯ 1975 — В. И. Цинциус (отв. ред.). Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. I. Л.: Наука, 1975.
- ССТМЯ 1977 — В. И. Цинциус (отв. ред.). Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. II. Л.: Наука, 1977.
- Шнейдер 1936 — Е. Р. Шнейдер. Краткий удэйско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.; Л.: Учпедгиз, 1936.
- Do: Dərji 1998 — 杜·道尔基 编著. 鄂汉词典. 海拉尔: 内蒙古文化出版社, 1998 [Du Dao'erji bianzhe. E-Han cidian. Haila'er: Nei Menggu wenhua chubanshe, 1998. До Дорджи (сост.). Эвенкийско-китайский словарь. Хайлар: Культура Внутренней Монголии, 1998].
- Ikegami 1997 — Jirō Ikegami. A dictionary of the Uilta language spoken on Sakhalin. Sapporo: Hokkaido University Press, 1997.
- MED 1960 — F. D. Lessing (ed.). Mongolian-English Dictionary. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press; Cambridge University Press, 1960.

References

- Avrorin 1959 — V. A. Avrorin. *Grammatika nanayskogo yazyka. Tom 1. Foneticheskoye vvedeniye i morfologiya imennykh chastey rechi* [Grammar of the Nanai language. Vol. 1. Phonetic introduction and morphology of the nominal parts of speech]. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959.
- Avrorin 1961 — V. A. Avrorin. *Grammatika nanayskogo yazyka. Tom 2. Morfologiya glagolnykh i narechnykh chastey rechi, mezhdometiy, sluzhebnykh slov i chas-tits* [Grammar of the Nanai language. Vol. 2. Morphology of the verbal and adverbial parts of speech, of interjections, function words and particles]. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961.
- Avrorin, Lebedeva 1978 — V. A. Avrorin, Ye. P. Lebedeva. *Orochskiyе тексты i slovar* [Oroch texts and dictionary]. Leningrad: Nauka, 1978.
- Castrén 1856 — M. A. Castrén. *Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis*. Herausgegeben von Anton Schiefner. St. Petersburg, 1856.
- Ikegami 2001 — Jirō Ikegami. Versuch einer Klassifikation der tungusischen Sprachen. *Researches on the Tungus Language by Jirō Ikegami*. Tokyo: Kyūko Shoin, 2001. P. 395–396.
- Ikegami 2007 — Jiro Ikegami. *Skazaniya i legendy naroda uylta* [Uilta Folk Tales and Legends]. Sapporo: Graduate School of Letters, Hokkaido University, 2007.

- Ivanovskiy 1894 — A. O. Ivanovskiy. *Mandjurica. I. Obraztsy solonskogo i dakhurskogo yazykov* [Mandjurica. I. Samples of the Solon and Dakhur languages]. St. Petersburg: S. n., 1894.
- Konstantinova 1964 — O. A. Konstantinova. *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki language. Phonetics. Morphology]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964.
- Kormushin 1998 — I. V. Kormushin. *Udykheyskiy (udegeyskiy) yazyk* [The Udykhe (Udege) language]. Moscow: Nauka, 1998.
- Novikova 1980 — K. A. Novikova. *Ocherki dialektov evenskogo yazyka. Olskiy govor: glagol, sluzhebnyye slova, teksty, glossariy* [Study of dialects of the Even language. Ola dialect: Verb, function words, texts, glossary]. Leningrad: Nauka, 1980.
- Pevnov 2018 — A. M. Pevnov. *Lingvisticheskiye svidetelstva istoricheskikh kontaktov orokov i orochev na Sakhaline* [Linguistic evidence of historical contacts between Oroks and Orochs on Sakhalin]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2018. Vol. XIV. Pt. 1. P. 441–464.
- Petrova 1936 — T. I. Petrova. *Ulchskiy dialekt nanayskogo yazyka* [The Ulcha dialect of the Nanai language]. Moscow; Leningrad: State Educational-Pedagogical Publishing House, 1936.
- Sunik 1985 — O. P. Sunik. *Ulchskiy yazyk. Issledovaniya i materialy* [Ulcha language. Research and materials]. Leningrad: Nauka, 1985.
- Tsintsius 1982 — V. I. Tsintsius. *Negidalskiy yazyk. Issledovaniya i materialy* [Negidal language. Research and materials]. Leningrad: Nauka, 1982.
- Vasilevich 1940 — G. M. Vasilevich. *Ocherk grammatiki evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka. Posobiye dlya prepodavateley evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [Essays on Evenki (Tungus) grammar. A Manual for teachers of the Evenki (Tungus) language]. Leningrad: State Educational-Pedagogical Publishing House of Nar-kompros of the RSFSR, 1940.
- Vasilevich 1966 — G. M. Vasilevich (texts recording, translation, and commentary). *Istoricheskiy folklor evenkov. Skazaniya i predaniya* [Historical folklore of Evenks. Tales and legends]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966.
- Vasilevich 1969 — G. M. Vasilevich. *Evenki. Istoriko-etnograficheskiye ocherki (XVIII — nachalo XX veka)* [Evenki. History-ethnographical studies (XVIII — the beginning of the XX century)]. Leningrad: Nauka, 1969.

Стратегии маркирования объекта в христианском урмийском идиоме села Урмия

В. П. Шувалова

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
varvarka5369@gmail.com; ORCID: 0009-0006-6145-1026

Аннотация. В христианском урмийском (северовосточные новоарамейские < семитские) объект факультативно маркируется индексом или предлогом. Проверяется влияние выделенности объекта и информационной структуры на маркирование. Выборка включает элицитацию, спонтанные тексты и перевод сказки. Влияние первого параметра соответствует типологическим ожиданиям, запреты есть на маркирование предлогом неодушевленных объектов и отсутствие маркирования на локуторах. Информационная структура задает следующие тенденции: предлогом маркируются объекты: (i) при смене роли, (ii) при наличии других референтов в трех предшествующих клаузах и (iii) при большой вовлеченности объекта.

Ключевые слова: маркирование объекта, именные иерархии, информационная структура, новоарамейские языки.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-012-00312 «Документация северо-восточных новоарамейских идиомов на территории России».

Я очень благодарна Н. В. Сердобольской за консультацию по работе с исследованием информационной структуры в поле.

Object marking in the Christian Urmi of the village Urmiya, Russia

Varvara P. Shuvalova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); varvarka5369@gmail.com; ORCID: 0009-0006-6145-1026

Abstract. This paper is dedicated to the Differential Object Marking system in the Christian Urmi idiom (NENA dialects < Semitic < Afro-Asiatic language

family), spoken in the village of Urmiya, Russia. Both indexing and flagging are employed in this idiom for object marking, with either technique showing rather optional use. The paper investigates the way the prominence of a direct object on the one hand, and the informational structure on the other, influence the object marking. The study is based on material that includes texts obtained by elicitation, recorded spontaneous texts, and a fairy tale translated specifically for the research. The findings show the effects of the direct object's prominence to be typologically expected, with the following restrictions coming into play: inanimate objects cannot be marked by flagging, while interlocutors, on the contrary, tend to be more frequently marked by means of flagging. Christian Urmi has three sets of indexes that are selected depending on the aspect and tense form of the verb. The frequency of using these sets of indexes varies greatly, with flagging preferably chosen for past tense and indexing mostly found with present-stem-derived forms. In progressive and resultative tenses, indexes and flagging show equal frequency of occurrence. The influence of the informational structure seems to be as follows. Flagging is used to encode direct objects which have been a) shifted from their subject role, b) disrupted by other referents in the immediately preceding register, or c) which occur with verbs that imply a high level of the object's involvement.

Keywords: differential object marking, verb indexing, flagging, information structure, Semitic, Neo-Aramaic.

1. Введение

Дифференцированное маркирование объекта (далее — DOM) [Aissen 2003; de Swart 2007; Iemmolo 2011] — это сосуществование в языке нескольких типов маркирования участников, обусловленное грамматическими или семантическими свойствами участников или глаголов. В данной статье исследуется это явление на материале христианского урмийского идиома (ассирийские новоарамейские < северовосточные новоарамейские < арамейские < северозападные семитские [Hammarström et al. 2022]), материал о котором был собран в селе Урмия (Краснодарский край).

В исследуемом идиоме существует два типа маркеров прямого объекта, каждый из которых не является обязательным: вершинное маркирование и зависимостное маркирование (предложной группой). При этом в целом выделяются три стратегии оформления переходной конструкции: маркирование объекта с помощью предлога *ka* (1), маркирование объекта суффиксами на глаголе (2) и отсутствие маркирования (3). Одновременное маркирование предлогом и суффиксом чаще всего запрещается (4).

- (1) *Diva* +*bəkʔal=əl* *ka* *tavərta*
 волк(М) убить.PROG=3М **к** корова(F)
 ‘Волк убивает корову’.
- (2) *Diva* +*bəkʔal-o=l* *tavərt-i*
 волк(М) убить.PROG-P.3F=3М корова(F)-P.1SG
 ‘Волк убивает мою корову’.
- (3) *yala* +*bəkʔal=əl* *katu*
 ребенок(М) убить.PROG=3М кошка(F)
 ‘Ребенок убивает кошку’.
- (4) *diva* +*bəkʔal-o=l* ***ka*** *tavərt-i*
 волк(М) убить.PROG-P.3F=3М **к** корова(F)-P.1SG
 ‘Волк убивает мою корову’.

Дифференцированное маркирование объекта широко представлено в языках мира [Siewierska 1999; Iemmolo 2011; Haig 2018], включая новоарамейские языки, см. обзор в [Mulder 2014]. В данной статье будет исследовано влияние иерархий определенности, одушевленности и лица, которые объединяются понятием выделенности объекта (prominence [de Swart 2007: 138]), а также влияние информационной структуры. Помимо этого, в христианском урмийском существует три типа индексов, выбор из которых определяется видо-временной формой глагола (подробнее см. *Раздел 2.2*). Разница в употреблении этих типов индексов также является частью исследования.

Структура статьи следующая. Во втором разделе дается краткое описание исследуемого идиома и обзор предыдущих исследований

DOM на его материале, обрисовываются методы сбора и анализа материала и вводятся исследуемые параметры. Третий и четвертый разделы содержат результаты исследования и выводы соответственно.

2. Идиом, материал и выборка

2.1. Христианский урмийский идиом

Христианский урмийский принадлежит к группе северо-восточных новоарамейских идиомов — к той группе идиомов, на которых говорят иудеи и христиане, исконно жившие на территории Северного Ирака и соседних стран [Hoberman 1988: 557]. На постсоветском пространстве живет большое число носителей новоарамейских языков, самоназвание которых — ассирийцы. Первые ассирийцы приехали и обосновались на Кавказе после русско-персидской войны 1826–1828 гг. В течение следующих полутора столетий их количество постепенно росло. В 1926 году их число на территории СССР составляло примерно 9000. Оно выросло до 21 800 в 1959 г., 24 294 в 1970 г. и примерно 25 000 в 1979 г. Однако одновременно с этим число носителей, считающих ассирийский родным, быстро снижалось [Pennacchietti, Tosco 1991: 15; цит. по Khan 2016: 5–6].

На данный момент компактное поселение ассирийцев в России существует только в одном месте — в селе Урмия недалеко от Армавира, в Краснодарском крае. Лингвистическая картина села Урмия представляет собой конгломерат нескольких идиомов, носители которых переселились на данную территорию из Ирана, Турции и Закавказья в XX веке: первая волна переселения датируется примерно 1920-ми годами, вторая — началом 90-х годов XX века [Ovsjannikova et al. in process]. В Урмии сложилась нетривиальная лингвистическая ситуация, однако в этой статье исследуется только один из идиомов, представленных в этом селе, — христианский урмийский диалект, сформировавшийся у носителей второй волны переселения, то есть «новый урмийский» идиом. Хотя урмийский диалект лежит в основе

литературного ассирийского языка, «новый урмийский» идиом села Урмия имеет свои отклонения от литературной нормы и требует отдельной документации и анализа.

Христианский урмийский является аккумулятивным языком с нефиксированным порядком слов при базовом порядке SVO. В нем нет падежного маркирования. Спряжение является полиперсональным, при этом на глаголе может выражаться как прямой, так и косвенный объект. Для прямых и косвенных объектов используется один и тот же набор маркеров, и в каждой конкретной форме суффиксально может маркироваться один из объектов.

Материал для исследования был собран в экспедициях в село Урмия в августе 2019 и 2021 годов, он состоит из корпуса устных текстов, коллективно собранного участниками экспедиций, а также элицитированных мной примеров и переводов сказки, созданной для проверки влияния информационной структуры. Выборка на основе текстов содержит 142 примера, на основе элицитации — 314 примеров, на основе сказки — 154 примера. Все данные транскрибировались с использованием системы записи, описанной в [Khan 2016] с дополнением некоторых принципов из [Церетели 1964]. Глоссы, использующиеся в работе, опираются на Лейпцигские правила глоссирования [Comrie et al. 2008].

2.2. Маркирование объекта в христианском урмийском

Как уже было сказано ранее, в христианском урмийском может индексироваться на глаголе как прямой, так и косвенный объекты. Исторически предлог *ka* маркировал только косвенный объект, однако на данный момент его зона использования расширилась и на маркирование прямых объектов. Существует три типа индексов, которые в зависимости от видо-временной формы глагола маркируют объект, их парадигма показана в *Таблице 1*, взятой из [Сай 2020: 659]. Суффиксы стоят в определенной последовательности: L-суффиксы следуют за S-суффиксами, копульные показатели следуют за P-суффиксами. Эта последовательность не реагирует на меню участников,

маркируемых суффиксами. Подробнее о специфичности данной суффиксальной системы см. [Ваerman 2007¹: 28–43; Саркисов 2018].

Таблица 1. Ряды согласовательных показателей в зависимости от вида и времени

Table 1. Subject and object person indices in tense and aspect subsystems

	Подлежащее	Объект
система инфекта (prs)	S-суффиксы (ss)	L-суффиксы (ls)
претерит (pst)	L-суффиксы (ls)	S-суффиксы (ss)
прогрессив (prog)	показатели, восходящие к копуле (1m, 1f etc.)	притяжательные показатели (p)
результатив (res)		

В *Таблице 2* ниже представлены парадигмы суффиксов, объединенные в одну таблицу. В каждом нечетном столбце, кроме последнего, даны глоссы, которые соответствуют суффиксу, представленному

Таблица 2. Парадигма суффиксов

Table 2. The paradigm of suffixes

P-суффиксы		L-суффиксы		S-суффиксы (короткие и длинные)		
P.1SG	-i	LS.1SG	-li	SS.1M	-ən	-ina
				SS.1F	-an	-ana
P.2M	-ux	LS.2M	-lux	SS.2M	-ət	-itən
P.2F	-ax	LS.2F	-lax	SS.2F	-at	-atən
P.3M	-u	LS.3M	-lə	SS.3M	∅	-ni
P.3F	-o	LS.3F	-la	SS.3F	-a	-ani
P.1PL	-an/-eni/-ən	LS.1PL	-lən/-lan	SS.1PL	-ax	-axən
P.2PL	-oxun	LS.2PL	-loxun	SS.2PL	-itun/-itux	-ituna
P.3PL	-e	LS.3PL	-lun/-le	SS.3PL	-i	

¹ В данной статье анализируется материал близкородственного идиома амадия, однако он вполне подходит и для урмийского.

в столбце справа от глоссы. В последнем столбце можно увидеть длинные варианты S-суффиксов.

В статье исследуется использование трех типов суффиксов для маркирования прямого объекта наряду со стратегией предложного маркирования. В связи с тем, что S-суффикс 3-го лица единственного числа мужского рода не имеет экспонента, т. е. является нулевым суффиксом, все вхождения с таким объектом были исключены из выборки и далее не рассматривались. Остальная выборка была размечена по типу суффикса, виду-временной форме и параметрам, описанным в *Подразделе 2.4*.

2.3. Предыдущие исследования дифференцированного маркирования в христианском урмийском

Христианский урмийский идиом лежит в основе литературного ассирийского языка. В грамматиках литературного ассирийского феномену дифференцированного маркирования уделяется мало внимания, ср. среди прочих [Церетели 1964; Агассиев 2007]. Однако в грамматике Мурре-ван ден Берг есть маленькое обсуждение этого вопроса. Она пишет, что основным параметром, влияющим на появление индекса на глаголе, является определенность прямого объекта: «If a direct object is definite (...), a coreferential suffix is attached to the verb (...)»² [Murre-van den Berg 1999: 212]. Прямые одушевленные объекты вместо суффиксального маркирования могут получать предложный маркер. Кроме того, одушевленные объекты иногда могут получать двойное маркирование, но в каких именно случаях — не уточняется [Там же].

В грамматике разговорного языка [Khan 2016] отмечается, что прямой объект должен быть одновременно определенным и одушевленным, чтобы маркироваться с помощью предлога *ka* [Khan 2016 Vol. II: 256]. В целом возможность маркирования прямого объекта

² «Если прямой объект является определенным, (...) на глаголе появляется согласовательный суффикс». (Переведено мной. — В. П.)

предлогом упоминается не при всех временных формах глагола, ср. описание маркирования объекта на презентной и перфектной основах глагола соответственно:

«The pronominal direct object of verbs derived from the present template (+*kətəl*) is expressed by L-suffixes»³ [Khan 2016 Vol. I: 382].

«The pronominal object of verbs derived from the past template (+*k̄t̄il-*) may be expressed ⟨...⟩ by the inflection of the verbal template by S-suffixes or by an independent prepositional phrase»⁴ [Khan 2016 Vol. I: 383–384].

В статье [Саркисов 2017: 382–383], посвященной дифференцированному маркированию объекта в христианском урмийском, утверждается, что тип маркирования объекта зависит одновременно от иерархий определенности и одушевленности. Для удобства я представила взаимодействие этих параметров в виде следующей таблицы.

Таблица 3. Одушевленность и определенность объекта в христианском урмийском по статье [Саркисов 2017]

Table 3. Animacy and definiteness scales in Christian Urmi [Sarkisov 2017]

	Личный	Одушевленный	Неодушевленный
Определенный	индекс / предлог	индекс / предлог	индекс
Неопределенный	индекс / предлог	∅	∅

Итак, сведения трех исследователей совпадают в том, что иерархии определенности и одушевленности влияют на систему DOM, однако расходятся в деталях взаимодействия этих параметров. Так, по Дж. Кхану, предложное маркирование возможно только

³ «Прямой объект при формах глагола, образованных от презентной основы, маркируется L-суффиксами». (Переведено мной. — *В. П.*)

⁴ «Прямой объект при формах глагола, образованных от основы прошедшего времени, может маркироваться ⟨...⟩ флексией на глаголе с помощью S-суффиксов или с помощью предложной конструкции». (Переведено мной. — *В. П.*)

с объектами, находящимися одновременно вверху обеих иерархий, по Х. Мурре-ван ден Берг, любой одушевленный объект может маркироваться предложом, а по И. Саркисову, помимо определенных одушевленных объектов, предлог *ka* может маркировать неопределенные объекты, реферирующие к людям. Также интересно упоминание Дж. Кхана о разном маркировании форм, образованных от презентной основы и основы прошедшего времени.

2.4. Исследуемые параметры и создание выборки

Влияние степени выделенности объекта может быть сформулировано в виде следующей универсалии:

«If any Patient is overtly case-marked, then all Patients that are higher on the animacy scale, the definiteness scale, or the person scale are marked at least to the same extent [Haspelmath 2008: 2]»⁵

Иерархия определенности [Aissen 2003: 437]

- (5) Местоимение > Имя собственное > Определенная ИГ > Референтная неопределенная ИГ > Нереферентная ИГ

Иерархия одушевленности [Там же]

- (6) Личное имя > неличное одушевленное > неодушевленное

Иерархия лиц [Там же]

- (7) Локуторы (1–2 лица) > 3 лицо

Во многих языках система DOM не может быть описана без исследования контекстных условий, влияющих на оформление прямого объекта (см. среди прочих [Dalrymple, Nikolaeva 2011; Iemmolo 2010, 2011; Iemmolo, Klumpp 2014; Nikolaeva 1999, 2001]).

⁵ «Если пациентивный участник маркируется эксплицитно, то все пациентивные участники, находящиеся выше на иерархиях одушевленности, определенности и лица, получают эксплицитное маркирование по крайней мере в той же степени». (Переведено мной. — В. П.)

Для исследования этих факторов — информационной структуры дискурса — мной была создана сказка⁶, размеченная по параметрам, представленным в [Givón 1983]. Система Т. Гивона была выбрана в первую очередь в связи с тем, что представленные параметры базируются на наличии интересующего референта среди актантов предиката и могут быть однозначно посчитаны. Т. Гивон определяет дискурсивный статус референта на основании взаимодействия таких факторов, как референциальное расстояние (*referential distance*), вмешательство других топиков (*potential interference*), непрерывность топика (*topic persistence*), количество упоминаний в последующем дискурсе и др. [Givón 1983: 13].

Референциальное расстояние оценивает дистанцию между объектом в анализируемом предложении и его предыдущим упоминанием в дискурсе. Чем меньше промежуток между упоминаниями, тем более активным является этот референт для слушающего и тем легче тому связать новую информацию о референте с уже известной ранее. Референциальное расстояние считается количеством клауз влево до предыдущего упоминания объекта, где минимальное расстояние — упоминание в предыдущей клаузе — отмечается цифрой 1. В этом исследовании за максимальное взято расстояние в 10 клауз.

Вмешательство других топиков также напрямую связано со степенью сложности в опознании референта слушающим. Чем больше топиков было упомянуто в прямо предшествующем дискурсе, тем сложнее будет верное опознание референта. Если же референт является единственным топиком на протяжении нескольких клауз, появление новых топиков не должно сказываться значительно на верном идентифицировании. Вмешивающиеся топики должны совпадать по выделенности с топиком данной клаузы, т. е. должны быть в равной степени определенными, одушевленными и быть того же лица. За максимальное расстояние в данном исследовании взято расстояние в 3 клаузы влево. При отсутствии других топиков вхождение отмечалось цифрой 1.

⁶ Изначальный текст сказки и презентация доступны по ссылке: <https://drive.google.com/drive/folders/1L5nVZ9gJi5luBiWcKsf-sL4oz6ztlwd7?usp=sharing>

В отличие от предыдущих двух параметров, непрерывность топика опирается на значимость референта для самого говорящего. Если референт является значимым, он так или иначе сохраняется в дискурсе дольше, чем незначимый референт. Непрерывность топика измеряется числом упоминаний участника в десяти клаузах в последующем дискурсе.

Количество упоминаний в последующем дискурсе так же, как и предыдущий параметр, опирается на интенции говорящего. Считалось количество клауз, в которых референт является актантом глагола, в последующих 10 клаузах.

Перейдем к процессу получения переводов сказки. Текст сказки носители воспринимали на слух один или два раза. Аудиальный канал восприятия был выбран с целью снижения влияния информационной структуры русского языка на дальнейший перевод. После прослушивания сказки носитель пересказывал ее, при необходимости пользуясь презентацией с изображением основного сюжета. Ниже приведен фрагмент разметки сказки по дискурсивным параметрам (РР — референциальное расстояние, НТ — непрерывность топика, КУ — количество упоминаний в последующих 10 клаузах, ВТ — вмешательство других топиков). Предложения даны в обратном переводе на русский, чтобы было легче ознакомиться с разметкой.

Таблица 4. Фрагмент разметки одного из переводов сказки

Table 4. A fragment of the annotation of one of the translated tales

	Объект	РР	НТ	КУ	ВТ	Маркер
Червь не успел съесть ромашку .	Ромашка	3	0	0	1	Индекс
Сорока прилетела,	∅					
Клювом ударил червя по голове	Червь	2	1	2	3	∅
И съела червя .	Червь	1	0	1	2	Индекс
Старуха приблизилась к сороке.	∅					
Та старуху ударила клювом (...)	Старуха	1	0	8	3	Предлог

Все объекты, использованные в сказке, имели следующие характеристики: одушевленные (кроме ромашки), 3 лица единственного числа, женского рода в христианском урмийском. Сказка была собрана у четырех носителей.

3. Результаты исследования

3.1. Именные иерархии

В таблицах этого раздела представлены данные элицитации, включающие в себя отдельные анкеты на каждый из исследуемых параметров.

Параметр лица определенно влияет на маркирование: объекты-локуторы всегда эксплицитно маркируются (в большинстве случаев — при помощи индекса), а объекты 3-го лица получают или не получают эксплицитное маркирование примерно в одинаковом количестве случаев.

Таблица 5. Иерархия лица

Table 5. Person scale

	Ø	index	ка	оба маркера	Всего
1–2 лицо	0	12	2	1	15
3 лицо	56	59	1	8	126
Всего	56	71	3	9	139

Перейдем к иерархии одушевленности. В *Таблице 6* представлено распределение данных, включающих объекты 3 лица при глаголе в форме прогрессива.

По приведенным в таблице данным можно видеть, что одушевленные объекты крайне редко встречаются без какого-либо из двух маркеров — всего в 5 % случаев. Предложное маркирование тяготеет к объектам, находящимся в самой верхней части иерархии

Таблица 6. Иерархия одушевленности

Table 6. Animacy scale

	Ø	индекс	ка	оба маркера	итого
Человек	0	9	14	8	31
Животное	3	16	8	1	28
Неодушевленное	11	12	0	0	23
Всего	14	37	22	9	82

одушевленности, — к людям; объекты-животные могут маркироваться предложом, но чаще маркируются индексом.

Неодушевленные объекты не могут быть маркированы с помощью предлога *ka*:

- (8) *baxta* +*xallul=əla* (**ka*) *šallakta*
 женщина(F) мыть.PROG=3F к дыня(F)
 ‘Женщина моет дыню’.

То же можно видеть и в устройстве маркирования вопросительных местоимений: *man* ‘кто’ в позиции прямого объекта обязательно маркируется предложом (9), а *tu* ‘что’ — никогда не получает маркера (10).

- (9) *ka man bəxzay=ət?*
 к кто видеть.PROG=2M
 ‘Кого ты видишь?’

- (10) *at tu +xallul=ət?*
 ты что мыть.PROG=2M
 ‘Что ты моешь?’

Влияние иерархии определенности представлено в *Таблице 7*, в которой распределены примеры с объектами 3 лица при глаголе в форме прогрессива. Можно видеть следующие закономерности: объекты, стоящие выше на иерархии одушевленности (местоимения, имена собственные и определенные ИГ), почти всегда получают эксплицитные маркеры.

Таблица 7. Иерархия определенности

Table 7. Definiteness scale

	Ø	индекс	ка	2 маркера	Всего
Местоимение	0	3	1	1	5
Имя собственное	0	4	2	0	6
Определенная ИГ	1	19	9	8	37
Референтная неопр. ИГ	6	5	6	0	17
Нереферентная ИГ	7	6	4	0	17
Всего	14	37	22	9	82

Сочетание влияний параметров одушевленности и определенности на выбор стратегии маркирования объекта следующее. Определенные и неопределенные объекты ведут себя одинаково, если они находятся высоко на иерархии одушевленности. Единственное отличие заключается в том, что определенные неодушевленные объекты почти всегда маркируются (индексом), тогда как неопределенные и неодушевленные в большинстве случаев не маркируются, только изредка получая маркирование индексом.

В отличие от представленной выше системы Дж. Кхана, в исследуемой выборке предложное маркирование имеет более широкую сферу применения, затрагивая не только одновременно одушевленные и определенные объекты, но также и одушевленные неопределенные. Иерархия определенности, по всей видимости, в остальном не играет значимой роли в предложном маркировании.

В отличие от результатов В. Саркисова (см. *Таблицу 3*), по результатам данного исследования неопределенные объекты, реферирующие к животным, и неопределенные неодушевленные объекты все же могут получать маркирование: с объектами первой категории встречаются оба типа маркирования. Объекты второй категории скорее не маркируются, как и в результатах В. Саркисова, однако иногда все же встречается индексирование.

3.2. Время глагола

В связи с тем, что в христианском урмийском есть три системы объектных суффиксов, каждая из которых отвечает за маркирование объекта в определенных видо-временных формах, было решено проверить влияние на маркирование параметра времени глагола. В *Таблице 8* представлены данные по элицитации, включающие в себя вхождения с объектами 3 лица⁷. Были взяты только личные объекты, оформленные определенной ИГ, именем собственным или местоимением — т. е. занимающие высокую позицию в иерархиях определенности или одушевленности. В *Таблице 9* можно увидеть такие же данные по текстам и сказке вместе.

Таблица 8. Использование разных сетов суффиксов в элицитации

Table 8. Usage of different types of suffixes in the elicitation

	Ø		индекс		ка		2 маркера		итого
S-суффиксы	0	0 %	3	16 %	14	74 %	2	11 %	19
L-суффиксы	0	0 %	6	75 %	2	25 %	0	0 %	8
P-суффиксы	2	5 %	16	38 %	17	40 %	7	17 %	42

Таблица 9. Использование разных сетов суффиксов в текстах и сказке

Table 9. Usage of different types of suffixes in the texts and the tale

	Ø		индекс		ка		2 маркера		итого
S-суффиксы	1	7 %	12	86 %	1	7 %	0	0 %	14
L-суффиксы	3	17 %	13	72 %	2	11 %	0	0 %	18
P-суффиксы	11	25 %	32	73 %	1	2 %	0	0 %	44

Первым делом можно увидеть разницу в элицированном материале и текстах: в элицитации гораздо чаще используется предложный

⁷ Формы претерита с объектом третьего лица единственного числа мужского рода были удалены из выборки, так как в этой форме нулевой объектный маркер.

маркер, даже являясь основным способом маркирования объекта при использовании S-суффиксов и P-суффиксов. Вероятно, мы можем говорить о тенденции к большему использованию предложного маркирования в целом в более отрывочной устной речи, что является интересным движением в сторону большей грамматикализации предложного маркера.

По полученному распределению в обоих типах данных можно видеть, что L-суффиксы, маркирующие объект в форме прошедшего времени (в глоссах — PST), используются повсеместно и являются ведущим способом маркирования прямого объекта. Различие в статистике данных для других суффиксов — кардинально. Но можно сказать, что P-суффиксы тоже используются довольно регулярно — будучи основным способом маркирования прямого объекта для соответствующих форм в элицитации и почти деля первое место с предложным маркированием в текстах. В видо-временных формах, требующих S-суффикса для маркирования объекта, вывести хоть какую-то общую тенденцию совершенно невозможно. Вероятно, это можно связать с историей этих суффиксов, которые, восходя к причастным формам, долго были сильно ограничены по маркированию объекта (см. об этом подробнее в *Разделе 3*). Они оказываются самыми ‘новыми’ из сетов суффиксов и из-за этого могут иметь такие флуктуации в использовании.

3.3. Информационная структура и варианты маркирования

В этом разделе не будет приведено статистических данных для определенных контекстов, так как переводы сказки отличались друг от друга и анализировались по отдельности. По полученным данным, базовым маркером прямого объекта является индексирование на глаголе. А предложное маркирование ограничено в основном косвенным объектом, с прямым объектом оно, будучи более тяжелым видом маркера, используется в определенных дискурсивных целях.

Предложный маркер используется при смене роли топика с субъектной на объектную, если топик был субъектом в подавляющем

большинстве случаев на протяжении всего предшествующего текста. В примере (11) старуха является прямым объектом, тогда как во всем тексте сказки она является одним из протагонистов и обычно занимает более агентивную роль, в связи с чем переход к роли объекта отмечается более тяжелым маркером.

- (11) +*Šučana* +*nəs-la* *ka* *sota*
 сорока(F) укусить.PST-LS.3F **к** старуха(F)
 ‘Сорока укусила старуху’.

В подобных примерах больше чем в половине случаев к предложному маркированию добавляется перенос объекта в начало предложения (left dislocation). Если в прямо предшествующем контексте этот объект был единственным топиком, он выражается личным местоимением. Левый контекст предложения (12): старуха взяла ромашку, пришла во дворец и рассказала, что с ней случилось.

- (12) *Tuni-la* *dax* *kat-o* +*nəs-la* +*šučana*
 сказать.PST-3F как **к-Р.3F** укусить.PST-LS.3F сорока(F)
 ‘Она сказала, что ее укусила сорока’.

Второй контекст использования предложного маркера — наличие трех или более топиков в прямо предшествующем контексте. Левый контекст примера (13): червь не успевает съесть мяту, прилетает сорока, ударяет червя клювом по голове и съедает его, старуха приближается к сороке.

- (13) +*Šučana* *ka* *sota* *dacduč-əla*
 сорока(F) **к** старуха(F) стучать.PROG-3F
bi +*řuz-o*
 в клюв(M)-P.3F
 ‘Сорока ударяет старуху клювом’.

Также предложный маркер используется при глаголах, предполагающих большую вовлеченность объекта — ‘ударить’, ‘укусить’, ‘убить’ — причем именно тогда, когда действие было реализовано, — ср. примеры (14)–(15). Однако в таком ключе предложный маркер используют только двое из четырех носителей, переведших сказку.

- (14) *sota* +*bi-la* *маху-а-ла*
 старуха(F) хотеть.PST-LS.3PL ударить.PRS-SS.3F-LS.3F

bi cipa
 в камень(M)

‘Старуха хотела ударить ее камнем’.

- (15) *ayən mxi-la ka +tuvvulta*
 DEM4.F ударить.PST-LS.F к червь(F)

‘Она ударила червя’.

Двойное маркирование объекта является крайне редким и часто запрещается носителями, но все же иногда оно появляется в дискурсе. И в собранных текстах, и в элицитации такие примеры присутствуют, хотя и в малом объеме. Все случаи двойного маркирования в текстах имеют одну общую черту: объектом является протагонист истории, то есть объект крайней дискурсивной значимости.

- (16) *Édan xəzy-á-lun kat-ó <...> šuddánta*
 когда видеть.PST-SS.3F-LS.3PL к-P.3F сойти_c_ума.RES.F

‘Когда они увидели ее, как безумную’

Пример (16) является предложением из текста о том, как женщина после войны вернула себе свой дом, который отобрали солдаты. Она является протагонистом истории, а в данном предложении оказывается в роли объекта, в связи с чем, вероятно, получает двойное маркирование.

4. Выводы

В христианском урмийском существует два типа объектных маркеров: индексы и предлог *ka*. Одновременное использование обоих средств (двойное маркирование) крайне редко может встречаться с объектами высокой дискурсивной значимости — с протагонистами рассказа. Маркирование объекта предложной конструкцией с *ka* используется реже, чем индексирование на глаголе. В целом

за каждым из этих маркеров закреплена своя сфера использования: для индекса — это прямые объекты, для предлога *ka* — косвенные. При этом предложное маркирование прямого объекта встречается, выполняя определенные дискурсивные функции: 1) смены роли одного из продолжающихся топиков с субъектной на объектную; 2) выделения одного из трех и более топиков в предшествующем дискурсе; 3) употребления при глаголах, предполагающих сильную вовлеченность объекта.

Влияние именных иерархий на выбор стратегии маркирования объекта в христианском урмийском соответствует типологическим ожиданиям: объект, находящийся высоко в иерархиях лица, одушевленности или определенности, скорее получает маркер, а объект, находящийся низко, — нет. Более подробно о каждой из иерархий:

1. Объекты-локуторы всегда получают эксплицитный маркер одного или другого типа.
2. Иерархия определенности не играет существенной роли в предложном маркировании. Индекс же отмечает почти все определенные объекты, игнорируя неопределенные или абстрактные.
3. Маркирование предлогом в целом больше свойственно объектам-людям, нежели животным. Неодушевленные объекты не могут маркироваться с помощью предлога *ka*. Этот же запрет прослеживается и в маркировании вопросительных местоимений, что является типичным для многих семитских языков.

В видо-временной системе заметна разница в объектном маркировании: индексирование редко встречается при формах, требующих S-суффикса в качестве маркера объекта — в формах претерита. В формах, где объекты маркируются L-суффиксами — то есть в формах системы инфекта, — чаще используется индекс на глаголе, чем предложная конструкция. В формах, где объект индексировается R-суффиксами — в формах прогрессива и результата, — одинаково часто встречается как индексирование, так и предложное маркирование.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; F — женский род; LS — L-суффикс; M — мужской род; P — P-суффикс; PL — множественное число; PROG — прогрессив; PRS — настоящее время; PST — претерит; RES — результатив; SS — S-суффикс.

Литература

- Агасиев 2007 — С. А. Агасиев. Грамматика современного ассирийского языка. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.
- Сай 2020 — С. С. Сай. Маркирование актантов двухместных предикатов в новоарамейских идиомах села Урмия // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Т. XVI. Ч. 2. С. 654–689. DOI: 10.30842/alp2306573716224.
- Саркисов 2017 — И. В. Саркисов. Дифференцированное маркирование объекта в христианском урмийском диалекте новоарамейского языка // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Т. XIII. Ч. 3. С. 371–392.
- Саркисов 2018 — И. В. Саркисов. К вопросу об эргативности в новоарамейских языках // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2018. Т. XIV. Ч. 2. С. 380–399.
- Церетели 1964 — К. Г. Церетели. Современный ассирийский язык. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1964.
- Aissen 2003 — J. Aissen. Differential Object Marking. Iconicity vs. Economy. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2003. Vol. 21. № 3. P. 435–483.
- Baerman 2007 — M. Baerman. Morphological reversals. *Journal of linguistics*. 2007. Vol. 43. № 1. P. 33–61.
- Comrie et al. 2008 — B. Comrie, M. Haspelmath, B. Bickel. The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses. About the rules. Department of Linguistics of the Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology & the Department of Linguistics of the University of Leipzig. 2008. Retrieved January, 28. P. 2010.
- Dalrymple, Nikolaeva 2011 — M. Dalrymple, I. Nikolaeva. Objects and information structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- de Swart 2007 — P. de Swart. Cross-linguistic variation in object marking. Dissertation. Nijmegen: Radboud University, 2007.
- Du Bois 1987 — J. W. Du Bois. The discourse basis of ergativity // *Language*. 1987. Vol. 63. No. 4. P. 805–855.
- Givón 1983 — T. Givón. Topic continuity in discourse. Amsterdam: John Benjamins, 1983. P. 1–41.

- Haig 2018 — G. Haig, Geoffrey. 2018. The grammaticalization of object pronouns: Why differential object indexing is an attractor state // *Linguistics*. 2018. Vol. 56. № 4. P. 781–818. DOI:10.1515/ling-2018-0011.
- Hammarström et al. 2022 — H. Hammarström, R. Forkel, M. Haspelmath, S. Bank. 2022. *Glottolog* 4.6. URL: <https://glottolog.org/resource/languoid/id/urmi1250#refs> (дата обращения: 18.04.2023).
- Haspelmath 2008 — M. Haspelmath. Frequency vs. iconicity in explaining grammatical asymmetries // *Cognitive Linguistics*. 2008. Vol. 19. № 1. P. 1–33.
- Hoberman 1988 — R. D. Hoberman. Emphasis harmony in a Modern Aramaic dialect // *Language*. 1988. Vol. 64. No. 1. P. 1–26.
- Iemmolo, Klumpp 2014 — G. Iemmolo, G. Klumpp. Introduction // *Linguistics*. (Special issue on differential object marking). 2014. Vol. 52. № 2. P. 271–279.
- Iemmolo 2010 — G. Iemmolo. Topicality and differential object marking. Evidence from Romance and beyond. *Studies in Language*. 2010. Vol. 34. № 2. P. 239–272.
- Iemmolo 2011 — G. Iemmolo. Differential object marking. Dissertation. Pavia: University of Pavia, 2011.
- Khan 2016 — G. Khan. The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmia. Vols. 1–4. Leiden; Boston: Brill, 2016
- Mulder 2014 — M. Mulder. Differential object marking in Semitic. Master thesis. Amsterdam: University of Amsterdam, 2014. P. 32.
- Murre-van den Berg 1999 — H. L. Murre-van den Berg. From a spoken to a written language. The introduction and development of literary Urmia Aramaic in the nineteenth century. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1999.
- Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. Object agreement, grammatical relations, and information structure // *Studies in Language*. 1999. Vol. 23. P. 331–376.
- Nikolaeva 2001 — I. Nikolaeva. Secondary topic as a relation in information structure // *Linguistics*. 2001. Vol. 39. № 1. P. 1–49.
- Ovsjannikova in process — M. Ovsjannikova, E. Zabelina, K. Kozhanov. Non-Urmia Northeastern Neo-Aramaic varieties in the village of Urmia, Russia. Pt. 1–2. In process.
- Pennacchietti, Tosco 1991 — F. Pennacchietti, M. Tosco. *Testi Neo-Aramaici dell'Unione Sovietica: Raccolti Da Enrico Cerulli*. Napoli: Istituto universitario orientale, Dipartimento di studi asiatici, 1991.
- Siewierska 1999 — A. Siewierska. From anaphoric pronoun to grammatical agreement marker: Why objects don't make it // *Folia Linguistica*. 1999. Vol. 33. P. 225–251.

References

- Agassiyev 2007 — S. A. Agassiyev. *Grammatika sovremennogo assiriyskogo yazyka* [A Grammar of Modern Assyrian]. Russian State Pedagogical University in the name of A. I. Herzen Press, 2007.
- Aissen 2003 — J. Aissen. Differential Object Marking. Iconicity vs. Economy. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2003. Vol. 21. № 3. P. 435–483.
- Baerman 2007 — M. Baerman. Morphological reversals. *Journal of linguistics*. 2007. Vol. 43. № 1. P. 33–61.
- Comrie et al. 2008 — B. Comrie, M. Haspelmath, B. Bickel. *The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses About the rules*. Department of Linguistics of the Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology & the Department of Linguistics of the University of Leipzig. 2008. Retrieved January, 28. P. 2010.
- Dalrymple, Nikolaeva 2011 — M. Dalrymple, I. Nikolaeva. *Objects and information structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- de Swart 2007 — P. de Swart. *Cross-linguistic variation in object marking*. Dissertation. Nijmegen: Radboud University, 2007.
- Du Bois 1987 — J. W. Du Bois. The discourse basis of ergativity. *Language*. 1987. Vol. 63. No. 4. P. 805–855.
- Givón 1983 — T. Givón. *Topic continuity in discourse*. Amsterdam: John Benjamins, 1983. P. 1–41.
- Haig 2018 — G. Haig, Geoffrey. 2018. The grammaticalization of object pronouns: Why differential object indexing is an attractor state. *Linguistics*. 2018. Vol. 56. № 4. P. 781–818. DOI:10.1515/ling-2018-0011.
- Hammarström et al. — H. Hammarström, R. Forkel, M. Haspelmath, S. Bank. 2022. Glottolog 4.6. URL: <https://glottolog.org/resource/languoid/id/urmi1250#refs> (accessed: 18.04.2023)
- Haspelmath 2008 — M. Haspelmath. Frequency vs. iconicity in explaining grammatical asymmetries. *Cognitive Linguistics*. 2008. Vol. 19. № 1. P. 1–33.
- Hoberman 1988 — R. D. Hoberman. Emphasis harmony in a Modern Aramaic dialect. *Language*. 1988. Vol. 64. No. 1. P. 1–26.
- Iemmolo, Klumpp 2014 — G. Iemmolo, G. Klumpp. Introduction. *Linguistics*. Special issue on differential object marking. 2014. Vol. 52. № 2. P. 271–279.
- Iemmolo 2010 — G. Iemmolo. Topicality and differential object marking. Evidence from Romance and beyond. *Studies in Language*. 2010. Vol. 34. № 2. P. 239–272.
- Iemmolo 2011 — G. Iemmolo. *Differential object marking*. Dissertation. Pavia: University of Pavia, 2011.

- Khan 2016 — G. Khan. *The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi*. Vols. 1–4. Leiden; Boston: Brill, 2016.
- Mulder 2014 — M. Mulder. *Differential object marking in Semitic*. Master thesis. University of Amsterdam. 2014. P. 32.
- Murre-van den Berg 1999 — H. L. Murre-van den Berg. *From a spoken to a written language. The introduction and development of literary Urmia Aramaic in the nineteenth century*. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1999.
- Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. Object agreement, grammatical relations, and information structure. *Studies in Language*. 1999. Vol. 23. P. 331–376.
- Nikolaeva 2001 — I. Nikolaeva. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics*. 2001. Vol. 39. № 1. P. 1–49.
- Ovsjannikova et al. in process — M. Ovsjannikova, E. Zabelina, K. Kozhanov. *Non-Urmi Northeastern Neo-Aramaic varieties in the village of Urmiya, Russia*. Pt. 1–2. In process.
- Pennacchietti, Tosco 1991 — F. Pennacchietti, M. Tosco. *Testi Neo-Aramaici dell'Unione Sovietica: Raccolti Da Enrico Cerulli*. Napoli: Istituto universitario orientale, Dipartimento di studi asiatici, 1991.
- Sarkisov 2017 — I. V. Sarkisov. Differentsirovannoye markirovaniye obyektov v khristsianskom urmiskom dialekte novoarameyeskogo yazyka [Differential object marking in the Christian Urmi dialect of the Neo-Aramaic language]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Vol. XIII. Pt. 3. P. 371–392.
- Sarkisov 2018 — I. V. Sarkisov. K voprosu ob ergativnosti v novoarameyeskikh yazykakh [On the problem of ergativity in Neo-Aramaic languages] [Ergativity in Neo-Aramaic languages revisited]. *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. XIV. Pt. 2. P. 380–399.
- Say 2020 — S. S. Say. Markirovaniye aktantov dvukhmestnykh predikatov v novoarameyeskikh idiomakh sela Urmiya [Two-argument predicate marking in the Neo-Aramaic idioms of the village of Urmiya]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. 2. Pt. XVI. P. 654–689.
- Siewierska 1999 — A. Siewierska. From anaphoric pronoun to grammatical agreement marker: Why objects don't make it. *Folia Linguistica*. 1999. Vol. 33. P. 225–251.
- Tsereteli 1964 — K. G. Tsereteli. *Sovremennyy assiriyskiy yazyk* [Modern Assyrian languages]. Moscow: Nauka, Central Dept. of Oriental Literature. 1964.

Этика научных публикаций

Журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» (далее — ALP) — научное периодическое издание, не имеющее политической, идеологической, религиозной или иной направленности; деятельность журнала связана исключительно с академической наукой. Все участники редакционного и издательского процесса (авторы, рецензенты, редакторы и члены редколлегии) обязаны учитывать это и следовать указанным ниже этическим стандартам, основанным на рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (COPE). Каждый участник издательского процесса должен принять все разумные меры для предотвращения недобросовестной практики в публикационной деятельности (плагиата, изложения недостоверных сведений и неправомерного использования научных результатов в интересах тех лиц, которые не участвовали в их получении).

Авторское право и открытый доступ

В соответствии с Будапештской инициативой по открытому доступу к научным публикациям (Budapest Open Access Initiative, BOAI) журнал ALP обеспечивает свободный доступ к опубликованным материалам, руководствуясь принципом поддержки глобального обмена знаниями. Какие-либо сборы за публикацию в журнале ALP с авторов не взимаются.

Обязанности авторов

Автор гарантирует, что рукопись, подаваемая для публикации в журнале ALP, является оригинальным текстом, и подтверждает свои исключительные авторские права на эту публикацию. В случае совместной работы материалы для публикации может подать один из авторов, указав всех соавторов и предоставив необходимую и достоверную информацию о них.

Автору следует указать организации и учреждения, предоставившие финансовую поддержку или оказавшие содействие в создании рукописи, при наличии

таковых. При необходимости первый автор должен быть готов уточнить сведения о вкладе каждого из соавторов в содержание статьи.

Автор обязан в полном объеме указать все источники информации, используемые в работе, включая источники (опубликованные и неопубликованные) и исследовательскую литературу (в том числе собственные ранее опубликованные работы). Автор обязан соответствующим образом оформить ссылки на использованные в работе труды или утверждения других авторов. **Любая форма плагиата неприемлема.** Автоплагиат, т. е. попытка повторной публикации собственной ранее опубликованной работы без существенных изменений, также неприемлем. Подача рукописи работы одновременно более чем в один журнал для публикации недопустима. Научный архив автора, на котором основано исследование и работа, должен быть при необходимости доступен к рассмотрению на период не менее двух лет.

В случае нарушения любого из перечисленных выше правил редколлегия может отказать в публикации рукописи в любое время, в том числе на этапе предварительного рассмотрения, без привлечения рецензентов, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет. Если после публикации статьи обнаружено нарушение автором вышеуказанных правил, редколлегия имеет право произвести ретракцию статьи, поместив указание на это на сайте журнала.

Внесение автором любых изменений в текст, прошедший этап рецензирования и принятый к публикации, допустимо только с согласия редколлегии.

Автор обязуется не размещать в открытом доступе любые принятые к публикации, но еще не опубликованные материалы. В случае нарушения этого правила редколлегия вправе снять рукопись с публикации, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Ответственность за достоверность информации и соблюдение профессиональной этики

Представляя рукописи для публикации в журнале ALP, автор несет ответственность за тщательную проверку информации, содержащейся в работе, во избежание неточных ссылок или отсутствия необходимых ссылок на источники. Если в процессе редактирования материалов, принятых к публикации, автор обнаруживает ошибки или неточности, он должен незамедлительно уведомить редколлегию и доработать статью или, при наличии существенных ошибок, требующих полной переработки текста, отозвать рукопись.

В журнале ALP не допускается клевета. Автор должен избегать личных нападок, пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других ученых.

Если после публикации обнаружено нарушение вышеуказанных правил, редколлегия имеет право опубликовать опровержение в следующем выпуске, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Процесс рецензирования

Представленные рукописи оцениваются по принципу двойного анонимного рецензирования; это означает, что все материалы направляются рецензентам в анонимной форме (файлы и метаданные не содержат информации об авторах).

Члены редколлегии или другие участники процесса публикации не имеют права сообщать рецензентам имен авторов до принятия рукописей к публикации.

Если рецензент узнает автора рассматриваемой статьи и обнаруживает конфликт интересов, он должен сообщить об этом редколлегии и отказаться от рецензирования.

Имя рецензента может быть раскрыто автору редколлегией только по просьбе самого рецензента и только после принятия окончательного решения относительно публикации представленной рукописи.

Рецензия должна быть объективной и беспристрастной, личная критика в адрес автора не допускается. Все комментарии и рекомендации по улучшению работы должны быть высказаны в корректной форме, а замечания аргументированы. Рецензенты могут рекомендовать автору проработать дополнительную литературу, касающуюся темы представленной рукописи и отсутствующую в списке использованной литературы. Рецензент обязан обратить внимание редколлегии на любые признаки плагиата. Рецензирование работы должно быть завершено в установленный журналом срок.

Организация работы редколлегии

Редколлегия журнала ALP является высшим руководящим и контролирующим органом журнала. Окончательное решение о принятии к печати или отклонении рукописи принимается редколлекцией коллективно после процедуры двойного анонимного рецензирования. Рукописи членов редколлегии, представленные для публикации в журнале ALP, рассматриваются на общих основаниях.

Все конфликты, возникающие между участниками редакционного и издательского процесса, должны решаться при непосредственном вмешательстве редколлегии.

Обязанности членов редколлегии

Редколлегия журнала обеспечивает:

- предварительное рассмотрение рукописей авторов;
- выбор рецензентов для экспертизы в соответствии с их научными интересами;
- соблюдение конфиденциальности в процессе двойного анонимного рецензирования.

Главный редактор координирует работу редколлегии и принимает решения по ключевым вопросам, а также дает разрешение на печать выпуска и его публикацию в сети Интернет. Входя в состав редколлегии, главный редактор гарантирует строгое соблюдение всех этических стандартов, изложенных в настоящем документе.

Члены редколлегии должны соблюдать беспристрастность и объективность по отношению ко всем участникам редакционного и издательского процесса вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных убеждений, этнической принадлежности, гражданства или политических предпочтений. Материалы, представленные для публикации в журнале ALP, рассматриваются исключительно с точки зрения их научной ценности с соблюдением принципа двойного анонимного рецензирования.

Конфликт интересов рецензентов и авторов представляемых рукописей недопустим.

Все нарушения изложенных выше принципов должны тщательно расследоваться на заседании редколлегии, которая при необходимости обязана публиковать исправления, разъяснения и извинения, если были допущены нарушения этических или научных норм.

Язык публикаций

Журнал ALP принимает рукописи статей на русском, английском, французском и немецком языках. Если язык статьи не является для автора родным, рекомендуется, во избежание возможных недоразумений, проконсультироваться с компетентным носителем соответствующего языка.

Все метаданные статей представлены на веб-сайте журнала на русском и английском языках.

Publication Ethics

The “Acta Linguistica Petropolitana” Journal (ALP) is an academic periodical with no political, ideological, confessional, or other agendas, dedicated solely to academic activities. All the editorial / publishing process participants (authors, reviewers, editors, or Editorial Board members) are expected to follow the ethical standards below based on recommendations by the Committee on Publication Ethics (COPE). Each participant is expected to make all reasonable efforts to avoid malpractice in his/her publishing activities including plagiarism, misrepresentation, or misuse of research findings to the benefit of those not involved in the research.

Copyright and Open Access

In consistence with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) and the principle of free global knowledge exchange, ALP ensures open access to its publications. ALP contributors are exempt of any dues.

Contributor’s responsibilities

Contributors guarantee that their contributions are original manuscripts under their exclusive copyright. For co-authored contributions, only one of the authors may submit the manuscript listing all the coauthors and providing their relevant accurate personal information.

The contributor is expected to indicate all agencies/entities, if any, which have provided financial or other support for the manuscript. Where necessary, the first contributor should be able to specify each co-author’s contribution into the manuscript.

The contributor should provide a full list of all information sources (both published and unpublished) and the literature (including his/her previously published works) used in the manuscript. The contributor should provide appropriate reference to other works or quotations used in the manuscript. Any form of plagiarism is unacceptable. Equally unacceptable is self-plagiarism, i.e. attempts at republishing own previously published work without substantial modification. Concurrent

submission of the same work to ALP and any other publication is unacceptable. The contributor's research records for the submitted work should remain accessible upon request for at least two years.

A violation of any of the above may lead the Editorial Board to reject the contribution at any time, including before review, as well as to reject all future submissions by the present author in the next three years to follow. If any violation of the rules above comes to light following the article's publication, the Editorial Board may retract the article, placing the relevant notice on the Journal's website.

Any changes by the contributor to his/her already peer-reviewed and accepted for publication text are only possible on the Editorial Board's consent.

The contributor agrees not to make publicly available any accepted but not published materials. A violation of this requirement may serve as a ground for the Editorial Board to reject both the contribution and all other contributions by the same author in the next three years to follow.

Responsibility for unreliable information or non-compliance with professional ethics

Authors submitting their manuscripts to ALP are responsible for detailed verification of all the information contained therein to avoid inaccuracy or omission of references to sources. On detection of mistakes/inaccuracies when editing the manuscript accepted for publication, the author must immediately notify the Editorial Board and either update the text or withdraw the contribution where substantial errors require its complete revision.

Defamation is unacceptable in ALP. The contributor is expected to avoid personal criticism, disrespectful remarks, or accusations against other scholars.

If any of above violations come to light after the publication, the Editorial Board may publish a disclaimer in its subsequent issue and reject any of the author's contributions in the next three years to follow.

Review Procedure

All submitted manuscripts are evaluated based on a double-blind peer review where neither the author, nor the reviewer knows the other's name. The files, including metadata, sent to reviewers contain no information about the author(s).

Neither Editorial Board members nor other publication participants are allowed to disclose the authors' names to reviewers before the submission is accepted.

The reviewer recognizing the author of the paper under review and identifying a conflict of interest is obliged to inform the Editorial Board of the case and forego the reviewing.

The Editorial Board may only disclose the reviewer's name to the contributor at the reviewer's own request and only following the final decision as to (non)acceptance of the submitted manuscript.

The review should be impersonal, impartial, and avoid personal criticism of the contributor. All comments or suggestions for improving the manuscript should be polite, and comments well-reasoned. Reviewers may recommend the author to study additional literature pertaining to the contribution's topic but lacking from the "Literature" list. The reviewer is expected to point out any evidence of plagiarism to the Editorial Board. The review should be completed within the time frame established by the Journal.

Editorial Board

The ALP Editorial Board is the top supervisory and control body of the Journal. The Editorial Board is responsible for the final collective decision to accept or reject manuscripts following their double-blind peer review. Manuscripts by Editorial Board members, submitted for publication in ALP, are reviewed under the common procedure.

All conflicts among the editing and publishing participants are resolved through direct intervention of the Editorial Board.

Duties of Editorial Board Members

The Editorial Board provides for:

- preliminary consideration of contributions;
- selection of reviewers based on their areas of expertise;
- provision of confidentiality for the double-blind review procedure;

The Editor-in-Chief coordinates all Editorial Board activities and makes key decisions, including on the publication of ALP issues in paper and online formats. As an Editorial Board member, the Editor-in-Chief guarantees strict compliance with all ethical standards outlined in this statement.

All editors guarantee impartial and impersonal treatment of all participants in the editorial/publishing process regardless of race, gender, sexual orientation, religious

belief, ethnicity, nationality, or political opinion. All materials submitted for publication in ALP are considered solely based on their scholarly merit via the double-blind peer review procedure.

Any conflict of interest between reviewers and contributors is unacceptable.

The Editorial Board will thoroughly examine any violation of the principles above and, where necessary, publish corrections, clarifications, or apologies for any breach of ethical or academic norms.

Publication Languages

The ALP Journal accepts manuscripts in Russian, English, French, or German. Where a paper is not in the contributors' native language, they are advised to consult a qualified native speaker to avoid any possible misapprehensions.

The Journal presents all published papers' metadata on its website in Russian and English.

Научное издание

Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований.
2023. — Т. 19. Ч. 3. — 642 с.

Подписано к печати 26.12.2023

Формат 60×90 1/16

Усл. печ. л. 40,125 Тираж 500 экз.

Институт лингвистических исследований РАН

199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9

info@iling.spb.ru <https://iling.spb.ru>

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Оригинал-макет подготовил С. С. Белоусов

Корректор — Е. В. Артемьева

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии «Поликона»

190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 13

9450922@gmail.com

Материалы выпуска доступны в электронном виде по ссылке:

<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>